

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International Relations

Москва

№4(49) 2016

Moscow

Главный редактор:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора:

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризона (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, Исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – директор Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Научный совет:

Алексеева Т.А. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России.

Барабанов О.Н. – доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России.

Булатов А.С. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России.

Булатов Ю.А. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО МИД России.

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, директор центра региональных политических исследований ИМИ МГИМО МИД России.

Воскресенский А.Д. – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО МИД России.

Гаман-Голутвина О.В. – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Ильин М.В. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор аналитического Центра ИМИ МГИМО МИД России.

Кириллов В.Б. – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России.

Кудрявцев О.Ф. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Легойда В.Р. – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики.

Наринский М.М. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.

Ноздрёва Р.Б. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО МИД России.

Орлов А.А. – кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО МИД России.

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России.

Платонова И.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО МИД России.

Подберёзкин А.И. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.

Салыгин В.И. – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России.

Столбов М.И. – доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции МГИМО МИД России.

Стрельцов Д.В. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России.

Сумский В.В. – доктор исторических наук, директор Центра АСЕАН ИМИ МГИМО МИД России.

Уколова В.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Хенкин С.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Холопов А.В. – доктор экономических наук, декан факультета международных экономических отношений МГИМО МИД России.

Шаклеина Т.А. – доктор политических наук, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО МИД России.

Юлдашев Р.Т. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО МИД России.

Редколлегия:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Свищев А.В. – кандидат экономических наук, декан факультета прикладной экономики и коммерции.

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Chairman of the 6th State Duma (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Scientific Council:

Alexeeva T.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Political Theory Department, MGIMO-University.

Barabanov O.N. – Doctor of Political Sciences, professor of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Integration Processes, MGIMO-University.

Bulatov A.S. – Doctor of Economic Sciences, Head of the World Economy Department, Russian Foreign Ministry MGIMO.

Bulatov Y.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of International Relations Department, MGIMO-University.

Busygina I.M. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, Director of the Center for Regional Political Studies at Institute of International Studies, MGIMO-University.

Gaman-Golutvina O.V. – Doctor of Political Sciences, head of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Il'in M.V. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of the Analytical Center at the Institute of International Studies, MGIMO-University.

Khenkin S.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kholopov A.V. – Doctor of Economic Sciences, Dean of International Economic Relations Faculty, MGIMO-University.

Kirillov V.B. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Academic Work, MGIMO-University.

Kravchenko S.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sociology Department, MGIMO-University.

Kudryavtsev O.F. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and National History Department, MGIMO-University.

Lebedeva M.M. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of World Politics Department, MGIMO-University.

Legoyda V.R. – PhD in Political Sciences, Associate Professor of International Journalism Department, MGIMO-University.

Narinsky M.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of International Relations and Russian Foreign Policy Department, MGIMO-University.

Nozdreva R.B. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Department, MGIMO-University.

Orlov A.A. – PhD in Historical Sciences, Director of Institute of International Studies, MGIMO-University.

Pechatnov V.O. – Doctor of Historical Sciences, Head of Department of History and Politics in Europe and America, MGIMO-University.

Platonova I.N. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of International Economic Relations and Foreign Economic Ties Department, MGIMO-University.

Podberezkin A.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, Director of Center of Military-Political Studies, MGIMO-University.

Salyghin V.I. – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO-University.

Shakleina T.A. – Doctor of Political Sciences, Head of Department of Applied Analysis of International Issues, MGIMO-University.

Stolbov M.I. – Doctor of Economics, Deputy Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Sumsky V.V. – Doctor of Historical Sciences, Director of the ASEAN Centre at MGIMO-University.

Ukolova V.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Voskresensky A.D. – Doctor of Political Sciences, PhD, Professor, Dean of School of Political Sciences, MGIMO-University.

Yuldashev R.T. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Risk Management and Insurance Department, MGIMO-University.

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of History, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Svishchev A.V. – PhD in Economics, Associate Professor, Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO-University.

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал Вестник МГИМО-Университета		66009 (индекс издания)																								
			<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 100px;">КОЛИЧЕСТВО комплектов</td> <td style="width: 50px; text-align: center;">1</td> </tr> </table>	КОЛИЧЕСТВО комплектов	1																						
	КОЛИЧЕСТВО комплектов	1																									
	На 2016 год по месяцам																										
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px;">1</td><td style="width: 20px;">2</td><td style="width: 20px;">3</td><td style="width: 20px;">4</td><td style="width: 20px;">5</td><td style="width: 20px;">6</td><td style="width: 20px;">7</td><td style="width: 20px;">8</td><td style="width: 20px;">9</td><td style="width: 20px;">10</td><td style="width: 20px;">11</td><td style="width: 20px;">12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда 		(почтовый индекс) (адрес)																									
Кому 																											
(фамилия, инициалы) ДОСТАВочная КАРТОЧКА																											
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 30px; text-align: center;">ПВ</td> <td style="width: 30px; text-align: center;">место</td> <td style="width: 30px; text-align: center;">литер</td> </tr> </table>		ПВ	место	литер	на журнал 																						
ПВ	место	литер																									
		66009 (индекс издания)																									
Вестник МГИМО-Университета																											
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50px; text-align: center;">Сто- мость</td> <td style="width: 150px;">подписки</td> <td rowspan="2" style="width: 100px; text-align: center;">Количество комплектов</td> <td rowspan="2" style="width: 50px; text-align: center;">1</td> </tr> <tr> <td></td> <td>переадресовки руб.</td> </tr> </table>		Сто- мость	подписки	Количество комплектов	1		переадресовки руб.																				
Сто- мость	подписки	Количество комплектов	1																								
	переадресовки руб.																										
На 2016 год по месяцам																											
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px;">1</td><td style="width: 20px;">2</td><td style="width: 20px;">3</td><td style="width: 20px;">4</td><td style="width: 20px;">5</td><td style="width: 20px;">6</td><td style="width: 20px;">7</td><td style="width: 20px;">8</td><td style="width: 20px;">9</td><td style="width: 20px;">10</td><td style="width: 20px;">11</td><td style="width: 20px;">12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда 		(почтовый индекс) (адрес)																									
Кому 																											
(фамилия, инициалы)																											

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74; веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 37,25 усл. п. л. Заказ № 1145.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160.

Published by MGIMO University Press.

Number of printed copies: 2000.

Содержание

КРИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кожокин Е.М. – Российское государство, Ленин и Средняя Азия	7
Нурулла-Ходжаева Н.Т. – Деколониальность исторических знаний и межкультурный «дахлез» в Центральной Азии	16
Ибраев Е.Е. – Эволюция «бремени белого человека» в британском кинематографе XX века	26
Музалевский В.А. – Проблема распространения демократии в контексте постколониального феминизма	37

ИСТОРИЯ

Шевцов Н.В. – По следам Пугачёвского бунта: опыт устной истории	49
Хахалкина Е.В. – «Не слишком ли наш проект велик для Европы?»: интеграционные планы Великобритании в конце 1950-х гг.	58
Степанова Н.А. – «Этичная» внешняя политика новых лейбористов	69
Пархитко Н.П. – Хиросима и Нагасаки: преступление, которого можно было избежать	79

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Воронков Л.С. – Права человека, основные свободы и универсальные ценности в международных отношениях	88
Юрасова Л.А. – Политика венгерского суверенитета	99
Ковалева А.Ю. – Феномен Сильвио Берлускони в контексте особенностей политики и средств массовой информации Италии.	117
Морозов В.М., Ермаков А.А. – Операция «Возвращайтесь, братья» в контексте палестино-израильского противостояния	131
Хдери К.Ю. – Роль памяти о холокосте в отношениях Германии и Израиля	137
Токарев А.А., Дёгтев А.С., Маргоев А.Р. – Непотерянное для России государство	148
Боровский Ю.В. – Энергетическая политика Украины в постсоветскую эпоху	165
Литвинов А.И. – Политика современных «Шёлковых путей»	176
Павлов В.В. – Совет национальной безопасности США в оценках современных американских исследователей	181
Фёдоров М.С. – Органы управления в сфере ОПБО ЕС: структура и специфика функционирования ..	190
Бархвостов П.А. – Кавказское измерение «Восточного партнёрства» (2009-2016 гг.)	199
Подберёзкин А.И. – Долгосрочный прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями: выводы и предложения	209
Каберник В.В. – Подходы к построению системы стратегического сдерживания после 2021 г.	218
Зиновьева Е.С. – Перспективные тенденции формирования международного режима по обеспечению информационной безопасности	235
Окунев И.Ю., Басова Д.В. – Столицы без актуальной государственности: опыт эмпирического исследования в Старой Ладоге, Касимове и Мышкине	248

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Буренин А.Н. – Отрицательные процентные ставки: центральные банки пошли на эксперимент	262
Ребрей С.М. – Япония в международном движении капитала	274

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Медведева С.М. – История и мораль: XXI Шишкинские чтения	286
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Мехдиев Э.Т. – Цивилизационные прогнозы	295
---	-----

Table of Contents

CRITICAL STUDIES

Korhzhokin E.M. – The Russian State, Lenin and the Central Asia.	7
Nurulla-Khodzhaeva N.T. – Decoloniality of Knowledge and Intercultural “Dahlez”	16
Ibrayev E.E. – Evolution of the Concept of "White Man's Burden" in the British Cinema of 20th Century	26
Muzalevskiy V.A. – Problem of Democracy Promotion in the of Postcolonial Feminism.	37

HISTORY

Shevtsov N.V. – In The Wake of Pugachev's Rebellion: Experience in Oral History.	49
Khakhalkina E.V. – “How Grand is Our Design For Europe?”: Integration Plans of The Great Britain in the Late of 1950s	58
Stepanova N.A. – New Labour 'Ethical' Foreign Policy.	69
Parkhitko N.P. – Nuclear Strike Against Hiroshima and Nagasaki. War Crime, That Could Be Avoided.	79

WORLD POLITICS

Voronkov L.S. – Human Rights, Fundamental Freedoms and Universal Values in International Relations	88
Yurasova L.A. – The Politics of Hungarian Sovereignty	99
Kovaleva A.Y. – The Phenomenon of Silvio Berlusconi	117
Morozov V.M., Ermakov A.A. – Operation «Brother's Keeper» in Context of the Palestinian-Israeli Standoff. ...	131
Khderi K.Y. – The Role of Holocaust In German-Israeli Relations	137
Tokarev A., Dyogtev A., Margoev A. – There is Still a Chance For Russia	148
Borovsky Y.V. – Ukraine's Energy Policy in the Post-Soviet Area	165
Litvinov A.I. – Politics of contemporary "Silk Roads"	176
Pavlov V.V. – The U.S. National Security Council in Contemporary American International Studies	181
Fedorov M.S. – The Institutional System of the Common Security And Defense Policy (CSDP) of The European Union: Structure and Mechanics	190
Barakhvostov P.A. – The Caucasian Dimension of the Eastern Partnership in 2009-2016	199
Podberezkin A. I. – Long-Term Forecasting the Development of Relations Between Local Human Civilizations: Conclusions and Proposals	209
Kabernik V.V. – Approaches to Building Global Strategic Deterrence System after 2021	218
Zinovieva E.S. – Emerging Trends in Development of International Information Security Regime	235
Okunev I.Y., Basova D.V. – Capital Without Statehood: Empirical Studies in Staraya Ladoga, Kasimov and Myshkin.	248

GLOBAL ECONOMY

Burenin A.N. – Negative Interest Rates: Central Banks Initiated an Experiment	262
Rebrey S.M. – Japan in International Capital Movement	274

SCIENTIFIC LIFE

Medvedeva S.M. – History and Morality: 21 Shishkin Readings.	286
--	-----

BOOK REVIEWS

Mekhdiev E.T. – Civilization Forecasts	295
---	-----

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ЛЕНИН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Е.М. Кожокин

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Казахи, узбеки, таджики, киргизы, туркмены в XIX в. оказались подданными Российской империи, в начале XX в. они стали гражданами Советского Союза и одновременно гражданами союзных республик, протогосударственных образований, в значительной степени предопределивших то, что в 1991 г. образовались новые независимые государства: республики Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и Туркменистан. Сейчас во всех этих государствах идёт развитие государственных идеологий, основы их уже созданы и представлены, прежде всего, в выступлениях, статьях, книгах президентов этих стран. Государственные идеологии, по мнению правящих элит постсоветских государств, должны включать в себя и такой важный компонент как национальная история.

В старых членах Европейского союза сейчас в историографическую моду вошло разрушение «национального романа». Так обозначили давно сложившееся историческое повествование о пути становления и развития нации и государства в таких странах как Франция, Германия, Италия... Необходимость формирования общеевропейского, точнее общесовского сознания, а с другой стороны – стремительное укрепление нового регионализма стимулировали отказ от привычного движения «от Хлодвиг до наших дней» (если взять в качестве примера и модели французскую историографию).

В странах Центральной Азии (в XIX и XX вв. вплоть до 1990-х гг. этот регион называли Средней Азией, поэтому, говоря о прошлом, наверное, правильнее использовать термин того времени) конституируют именно то, что в западно-европейской историографии стали называть «национальным романом». Центральноазиатские национальные варианты служат концептуальной основой при написании школьных и вузовских учебников. Внедрение идеологических конструктов через систему образования осуществляется повсеместно. Важно, однако, чтобы при этом научная составляющая не уничтожалась идеологической индоктринацией.

Создание нации и сохранение её идентичности – процессы тактично, а нередко и достаточно топорно поддерживаемые, стимулируемые и контролируемые государством.

Не вызывает сомнения неизбежность и практическая необходимость конструирования «национальных романов» в новых государствах. Но хочется обратить внимание на некоторые методологические и одновременно ментальные ловушки, которые существуют на поле изучения историй народов Средней Азии в период их пребывания в составе Российской империи.

Ключевые слова: Центральная Азия, «национальный роман», историография, историческая политика.

Всё старшее поколение историков постсоветских стран изучало самым серьёзным образом труды В.И. Ленина. Публицистический талант В.И. Ленина проявлялся, прежде всего, в исключительном даре убеждения. Даже те люди, которые радикально поменяли свои убеждения, не редко остаются под влиянием его резких, запоминающихся формулировок. В итоге парадигмы ленинских текстов оказываются вписанными в методологический инструментарий вовсе не марксистской направленности. В государствах, возникших на территории бывшего СССР, ленинизм отвергли, но не осмыслили. Идейное наследие В.И. Ленина остаётся по сей день большей частью вне теоретического рассмотрения и в итоге вне создаваемой интеллектуальной истории России и других стран, вышедших из лона СССР. То, что начинал делать Михаил Яковлевич Гефтер ещё в советское время (вспомним сборник статей «Историческая наука и некоторые проблемы современности»), не нашло продолжения. Если не считать переведённой с французского с большим опозданием книги «Несостоявшийся гражданин. Русские истоки ленинизма» Клаудио Ингельфрома, находившегося в молодости, в годы написания книги под большим влиянием М.Я. Гефтера.

Возвращаясь непосредственно к нашему сюжету, отметим, что Ленин утверждал, в частности, в статье «О праве наций на самоопределение»: в Российской империи «угнетение ... инородцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских)». В той же статье им, правда, также выдвигался тезис, «что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в «инородческих» окраинах, чем в центре государства» [10, с. 271]. На противоречие между первым и вторым тезисом Владимир Ильич не обратил внимание. Когда он писал про более высокий уровень культуры, то, скорее всего, имел в виду остзейские губернии и Польшу.

Идею о том, что Российская империя являлась «тюрьмой народов» Ленин проводил последовательно и неуклонно. В отличие от Сталина Ленин никогда не изучал обстоятельно национальный вопрос в России, он располагал некоторой информацией о ситуации в Польше, в балтийских губерниях, в Финляндии. В Польше и Финляндии он даже некоторое время жил. Про Среднюю Азию знал совсем немного. Тем не менее, формулировка о «тюрьме народов» распространилась, конечно, и на Среднюю Азию. Эта запоминающаяся формула являлась гранью в политической концепции российского государства как такового. Ленин развивал и продолжал нигилистическую традицию в подходе к российской государственности. Осмысление бюрократических практик, особенностей управления инородческими окраинами в России конца XIX – начале XX в. происходило, но эти труды не попадали в поле зрения

читающей публики. Взгляды интеллигенции на собственное государство формировались под влиянием оппозиционной публицистики и собственного опыта, в котором преобладали отрицательные моменты, позитив же если и имелся, то быстро вымывался из памяти. Ещё А.И. Герцен в пятидесятые годы XIX в. с болью констатировал: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нём всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно: и совершенно так же поступает правительство» [6, с. 113-114].

Ленин чутко улавливал склонность русского народа к крайностям: либо долготерпение с почтением к начальству и особенно к царю, либо бунт, Ленин теоретически обосновывал и готовил бунт. Он решал конкретную политическую задачу, но так как задача была решена, его методология обрела статус научности, в российском варианте - непогрешимости.

Квинтэссенцией ленинского отвержения российского государства стал его эпохальный, чудовищный лозунг «превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Но у этого лозунга была своя интеллектуальная предыстория.

В начале русско-японской войны в воззвании к русскому пролетариату, написанном Лениным, но размноженным за подписью ЦК Российской Социал-демократической рабочей партии, говорилось, что «все силы народа подвергаются величайшему напряжению, ибо борьба начата нешуточная, борьба с 50-миллионным народом, который превосходно вооружен, превосходно подготовлен к войне, который борется за настоятельно необходимые, в его глазах, условия свободного национального развития» [9, с. 170]. В.И. Ленин отнёсся с пониманием к устремлениям Японии, политкорректно умолчав, какой социальный класс в Японии особенно нуждался в «условиях свободного национального развития» на территориях Кореи и Китая. Императорскую Японию он даже причислил к свободным нациям: «Это будет борьба деспотического и отсталого правительства с политически свободным и культурно быстро прогрессирующим народом». Хлесткие, но очень странные формулировки предлагал лидер большевиков. Началась война между двумя странами, но одну – свою собственную, Ленин определял как «деспотическое и отсталое правительство», а державу, вступившую в военный конфликт с его родиной, обозначал как «политически свободный ... народ». Мышление Ленина нередко отличалось беспощадной логикой, в этом же случае – откровенная подмена, если не сказать подтасовка понятий. Методо-

логическое напёрстничество и это тоже часть нашего интеллектуального багажа.

Российская государственная бюрократическая машина отличалась большой закрытостью, что с одной стороны, обеспечивало условия для коррупционной составляющей, для больших и малых взяток, с другой – в автократическом, самодержавном режиме чиновник был подотчётен только вышестоящему начальству, которое также не должно было знать ничего лишнего. Поводов и причин для гиперкритического отношения было достаточно, в то же время часть российских бюрократов не только в военном и дипломатическом, но и других ведомствах отличалась высочайшим профессионализмом, не уступая своим европейским коллегам. Этих людей и их деятельность российские нигилисты из числа интеллигенции не хотели видеть.

В своём воинствующем антигосударственном Ленин был не одинок. У него были предшественники. А в 1916-1917 гг. это страшное поветрие в значительной степени охватило армию¹. Антигосударственный подход в России в разных обликах существует и по сей день.

Гражданин кантона Тессин Микеле Бакенини (Михаил Бакунин) провозглашал на Конгрессе Лиги мира и свободы в Женеве в 1867 г.: «Не заботясь о том, что подумают и скажут люди, судящие с точки зрения узкого и тщеславного патриотизма, я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений в убеждении, что её успехи, её слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и не русских, её нынешних жертв и рабов» [3, с. 100].

Посеянное Лениным и Бакуниным остаётся в политической и интеллектуальной культуре Москвы, Ташкента, Киева, Бишкека... В настоящее время нередко происходит неосознанный перенос гиперкритицизма по отношению к современному российскому государству на его исторического предшественника в лице Российской империи. Гиперкритицизм, конечно, очень политкорректный термин, мягкое определение интеллектуального феномена, который более точно можно назвать новым нигилизмом или воинствующим антигосударственничеством. Только в новых независимых странах это антигосударственничество направлено против чужого государства. Но нужно поставить прежде вопрос – было ли это государство чужим?

Шестого марта 1885 г. генерал-майор Султан Чингис-хан, награжденный за храбрость и

личную отвагу, проявленные в сражении под Плевной, золотой шашкой, сын хана Букеевской орды, казах, мусульманин, совершивший в ноябре 1880 г. паломничество в Мекку и Медину писал: «Если наши окраины до сих пор верны и спокойны, то единственно потому, что до сих пор наше Правительство не затрагивало свободу туземцев в их религиозной и бытовой жизни. Сохранение за туземцами их религии и обычаев составляет такую силу, которую Правительство всегда может пользоваться в прямых интересах Государства, и наши окраины будут навсегда верными и преданнейшими сынами Отечества» [2, с. 71].

Другой российский генерал Константин Петрович фон Кауфман в отчёте о своей деятельности на посту туркестанского генерал-губернатора писал: «Приняв в основу своих взглядов и действий идею веротерпимости, отличающую издревле политику русского государства и укрепившуюся особенно в царствование Императора Александра II, я в то же время считал своей обязанностью отклонить решительно все попытки со стороны уфимского, татарского духовенства и духовенства здешних больших городов – организовать и поставить на твердую официальную почву мусульманские религиозные учреждения. Я удалил указанных мулл, присланных из Уфы, по распоряжению тамошнего главного муфтия, отменил все начатые до меня официальные сношения наших властей с мусульманскими туземными учреждениями и устранился, даже отступив от буквы временного Положения 1867 г., от признания и утверждения новых вакуфных пожертвований. Но, не предоставляя таким образом туземному и татарскому духовенству никакой официальной иерархической роли при новом порядке управления краем, я в то же время не позволил себе и ввести в необходимый надзор местной администрации над тёмной деятельностью этого вредного класса наших подданных ничего такого, что могло бы быть в народном сознании сочтено за гонение или угнетение нами господствующего в стране вероисповедания, убеждённый, что гонения, как и покровительство туземной духовной корпорации со стороны русского правительства, лишь послужили бы одинаковым образом к несогласному с интересами нашими возвышению действительного влияния и значения мусульманского духовенства» [8, с. 8].

Участвовавший в военных действиях на территории Средней Азии, а затем служивший под началом Кауфмана в управлении Туркестанским генерал-губернаторством генерал

¹ Генерал Брусилов, патриот своего Отечества высочайшей пробы, с болью от неизбывной трагедии писал о настроениях солдат накануне Революции 1917 г.: «Как на Западном, так и на Северном фронтах я нашёл войска безусловно небоеспособными. Они желали лишь одного – мира, чтобы отправиться домой, ограбить помещиков и жить свободно, не платя никаких налогов ни податей, не признавая никакого начальства. Вся солдатская масса потому и ударилась в большевизм, что была убеждена, что только именно в этом состоит программа большевистской партии. Ни о каком коммунизме, ни об интернационале, ни о делении на рабочих и крестьян они не имели ни малейшего понятия...» [5, с. 298].

■ Критические исследования

А. Куропаткин отмечал в своих воспоминаниях: «Полная незлобивость русского офицера и солдата позволяла нам и в Азии, как только кончался бой, относиться к покорённому населению человечески. Все старые счёты с побеждённым противником считались поконченными. Он становился русским подданным и нашим младшим братом. Его вера, жизнь, имущество, обычаи уважались. Ему оказывалось доверие. Начальствующие лица подавали пример оказания доверия побеждённому врагу». Характеризуя организационные принципы генерал-губернаторства, Куропаткин писал далее: «Туземное осёдлое население Средней Азии привыкло к сильной власти беков и других правителей, объединявших, по полномочию от эмиров и ханов, в своих руках власть военную, административную и судебную, - он называл в качестве принципов следующие - нераздельность власти военной и административной и соединение её в крае в одних руках; предоставление внутреннего управления туземным населением по всем делам, не имеющим политического характера, выборным из среды самого народа, применяясь к его нравам и обычаям» [18].

Конечно, в ходе военных действий и в первые дни после их окончания жестокости в отношении местного населения неизбежно совершались. Военное, технологическое превосходство России над среднеазиатскими государствами было очевидным. Но совершенно нехарактерным для россиян было ощущение какого-либо человеческого превосходства. Местные люди отличались по языку, культуре, вере, но россияне имели привычку к таким различиям в своей среде. «Иные» для них не означало «низшие». Боевой офицер, участник штурма Ура-Тюбе в своих записках, описывая бытовые, походные условия жизни, роняет фразу: «Совершенный недостаток столов и стульев составляет причину, почему в здешних обедах приходится не сидеть, а лежать так, как это делали наши праотцы и как теперь делают наши братья - сарты» [7, с.190].

Высказывания современников свидетельствуют в пользу того, что в Российской империи на новых присоединённых территориях «туземцев» (так называли в то время местное население, и данный термин не заключал в себе уничижительного смысла) стремились превратить в полноправных подданных. Правда, у различных категорий подданных имелись различные права и различные привилегии, равенства перед законом в Российской империи не было как такового ни на одной территории. Главное - никто из новых подданных российской империи не оказывался поверженным в правах.

Духовные учреждения мусульман не преследовали и не поощряли, их просто отделяли от государства. На присоединённых территориях создавалась единая, централизованная, но не однотипная система управления. Как справедливо отмечается в книге «Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления (М., 1997), подготовленной Институтом истории РАН, становление и развитие российской гражданской и военной системы управления в Казахстане и Средней Азии имело свои региональные и локально-территориальные особенности [7, с. 323].

Российское государство действовало на международной арене вполне в соответствии с духом времени, в своей политике ничем принципиально не отличаясь (если мы говорим об азиатском направлении) от Великобритании или Франции². Подавляя вооружённое сопротивление Российская империя не действовала, например так, как поступил китайский император в отношении джунгар. В 1751 г. власти над Джунгарией добивался контайша (князь) Амусарана. Не надеясь достигнуть цели своими силами, он обратился за помощью к китайскому императору, который направил в Джунгарию свои войска, обеспечившие победу Амусараны. Но тот, опасаясь своего мощного союзника, разгромил помогавшие ему китайские части, а затем опустошил ближайшие провинции Поднебесной. Гневу императора не было предела. В 1756 г. войско Амусараны было разбито, он сам бежал в Сибирь. А китайцы прошли всю Джунгарию «огнём и мечом», истребив почти всё население (около миллиона человек), не разбирая ни пола, ни возраста. Лишь небольшая часть западных олютских племен смогли бежать на Волгу на территорию современной Калмыкии [13, с. 147].

Отличия России от других европейских держав скорее имелись в политике на территориях, оказавшихся уже под контролем российского государства, эта политика превращалась из международной во внутреннюю, именно внутреннюю, а не колониальную. Колониальную политику Российская империя не выработала. И об этом стоит говорить не как о заслуге, а как об особенности, наверное, связанной в целом с особенностями государственной философии и национальной культуры.

Имелось несколько матриц включения нового населения в состав подданных Российской империи. После присоединения юга теперешнего Казахстана, включая города Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент был создан Особый комитет по Средней Азии, куда вошли представи-

² В одной из официальных нот на имя Ф.И.Бруннова, посла России в Соединённом Королевстве, министр иностранных дел Великобритании лорд Рассел писал: «Я признаю цели русского правительства вполне законными. И в целом я всегда стоял на стороне цивилизованной державы против варварской страны. Мы сами действовали в Индии в силу непреодолимых обстоятельств, которые нередко заводили нас дальше, чем мы могли предположить заранее» [14, с. 35].

тели Военного министерства, Министерства иностранных дел, военного командования в Средней Азии, генерал-губернаторы Оренбурга, Западной и Восточной Сибири. На территории Ново-Кокандской и Сырдарьинской линий, от западной оконечности озера Иссык-Куль до Аральского моря создавалась Туркестанская область. Её военным губернатором с особыми полномочиями был назначен генерал-майор М.Г. Черняев [4, с. 81].

14 июля 1867 г. Александр II издал указ об образовании Туркестанского генерал-губернаторства, которое включило две области: Сырдарьинскую и Семиреченскую. Унификация управления происходила постепенно. Лишь в случае восстаний и бунтов правительство стремительно демонтировало сохранявшиеся элементы традиционной, доимперской государственности.

Казахские жузы, будучи включёнными в состав России, сохранили многие элементы самостоятельности. Довольно долго оставались ханская власть, институт султаната, система родоправителей-старшин, суд биев и кочевая аульная община. Ханы имели свои дружины и в период военной опасности могли собирать народное ополчение. Вплоть до начала XX в. казахи сохраняли освобождение от рекрутской и соляной повинностей.

В 1822 г. была введена система избрания султанами старшего султана. Он имел чин майора российской службы и являлся чиновником, поставленным во главе местного правления. За десять лет службы старший султан получал дворянское звание.

«Устав о сибирских киргизах» (на самом деле речь шла о казахах, этноним казахи гораздо более позднего происхождения) разрешил им селиться внутри империи, поступать на государственную службу [12, с. 323-323]. В то же время, осуществляя постепенное включение казахов в российское подданство, императорская власть вела дело к ликвидации привилегий султанов. У казахских султанов был выбор, который может быть символизирован двумя фигурами: генерал-лейтенанта Султана Чингис-хана, награждённого орденами Св. Анны 1 и 2 ст., Св. Станислава 1 и 2 ст., Св. Владимира 3 и 4 ст. золотым оружием с надписью «За храбрость», Румынским Железным Крестом, Черногорскою золотой медалью за храбрость, сербским орденом Такова. Именно он писал, возражая против непродуманной реформы... «Эти «наши Бисмарки» не понимают того, что из туземцев можно веревку свить – только не трогай его веры, его обычаев, его обычного порядка жизни. Наша до сих пор политика в управлении туземцами очень близко им известна, и потому туземцы понимают хорошо, что желает Правительство. И так как наша миссия в Средней Азии еще не окончена, то мне кажется, еще рано развешивать карты в особенности перед соседними народами не-

зависимых владений. Я думаю, что, если соседние племена будут убеждены, что под русским орлом живет хорошо их бывшим сородичам, что наше Правительство нисколько не стесняет их в делах религии и обычаев, то распространение нашего влияния и на те народы будет быстро расти и они сами добровольно, сознательно и с любовью примут верноподданство нашему Обожаемому Монарху» [2, с. 72].

Другой путь и другая никак не менее сильная личность – султан Кенесары Касымов, он воевал с Кокандским ханством, объединил под своей властью многие роды Среднего Жуза, Младшего и Старшего Жуза. Он был воином, политиком и дипломатом, умел не только идти вперед и рисковать, но и находить компромиссы. Тем не менее открытое восстание против российских властей, закончилось для него в 1846 г. пленением и казнью.

Особенностью Российской империи, и в этом ее кардинальное отличие от Британской и Французской империй, было часто практиковавшееся осуществление на присоединенных или присоединяемых территориях более либеральной политики, чем в историческом центре. Во Франции и Великобритании пространство гражданской свободы на протяжении XIX – начала XX вв. неизменно расширялось, но этот процесс шел, прежде всего, а нередко и исключительно в метрополиях. Русское правительство либеральные реформы осуществляло вначале на национальных окраинах – на территориях Великого княжества Финляндского, Польши, в Лифляндии, Эстляндии: Эти факты совсем не укладываются в схему взаимоотношений метрополии и колоний, Россия присоединяла территории, но не превращала их в колонии. Иначе говоря, хотя и Россия, и Великобритания в XIX – начале XX в. являлись империями, но это были империи совершенно разного типа. И в Средней Азии российское правительство шло на некоторые шаги, которые в центре считались еще несвоевременными.

Согласно договору России с Бухарой, заключенному в 1868 г. К.П.Кауфманом, в Бухарском ханстве запрещалась работорговля. Договором также предусматривалось предоставление права покупки недвижимости, свободы торговли всем бухарским подданным без различия вероисповедания. В то время как в самой России продолжали действовать нормы, дискриминирующие евреев.

Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. «туземные евреи» пользовались одинаковыми правами наравне со всем коренным населением, в частности, получили право покупать недвижимое имущество. Столь благоприятная для евреев правовая ситуация привела к тому, что в Туркестанский край стали приезжать евреи из Афганистана, Персии, Хивинского ханства, Индии, которые также объявляли себя «туземными», в то время как между ними были даже персидские

подданные, принявшие мусульманство. Процедура обретения российского подданства была несложной: достаточно было предъявить свидетельства из полиции о давности жительства и месте рождения, при хаотическом состоянии (а нередко и полном отсутствии) архивов и всегда находившихся необходимых «свидетелей», получить документ не составляло большого труда [16, с. 176-177].

Для понимания особенностей отношения российского государства к новым подданным следует отметить, что в составе Уральского казачьего войска помимо русских, татар, башкир, калмыков были и казахи. В составе Сибирского казачьего войска также имелись казахи. В Семиреченском казачьем войске наряду с казахами имелись и киргизы.

В этом плане подход Российского императорского правительства имел сходство с подходами Британской империи. Как известно колониальная армия в Британской Индии в своём составе имела значительное количество индийцев. Правда казачество было особым привилегированным сословием, своего рода народной аристократией. Таким образом, царское правительство включало представителей «колониальных» народов в состав дворянства и казачества почти сразу же после присоединения их территорий. Нерусских, нехристиан называли туземцами, инородцами, но не рассматривали как чуждый элемент, который можно было лишать собственности, а тем более жизни вследствие экономической, политической или социальной необходимости. Расизм, являвшийся долгое время важным компонентом политической культуры и влиявший существеннейшим образом на государственную политику США (в меньшей степени западноевропейских держав) был нехарактерен для Российской империи.

Для лучшего понимания российской политики в Средней Азии в контексте политических и нравственных установок XIX в. имеет смысл её сравнивать не только с политикой Великобритании и Франции в их азиатских и африканских колониях, но и с политикой США в отношении индейского населения. И русские, и американцы не создавали колонии, а интегрировали присоединённые территории, но совершенно разными методами и с разными целями. Изъятие земель у индейцев – вот цель в достижении которой американская нация оказалась единой. И если вопрос о предоставлении гражданских прав неграм, не имевшим никакой собственности, привёл к гражданской войне и к получению афроамериканцами гражданских прав, то вопрос о гражданских правах индейцев просто не поднимался на протяжении всего XIX в.

Результатом политики американского государства, в лице его президентов, Конгресса и армии явилось почти полное исчезновение многочисленного «туземного», индейского на-

селения вследствие физического уничтожения в ходе военных действий и вымирания в резервациях, непредназначенных для нормального существования людей, а тем более их развития, куда их силой сгоняли, лишая права на сохранение привычного уклада жизни. О предустановленной судьбе индейцев, предустановленной белыми американцами, гражданами на тот момент самой демократической республики, говорилось публично и со всей откровенностью. Во вполне респектабельной местной газете *Daily Leader* (штат Вайоминг) прокламировалось: «Богатые и прекрасные долины Вайоминга предназначены для того, чтобы быть занятыми англо-саксонской расой. Богатство, которое на протяжении несказанного количества веков, лежит спрятанным под снежными вершинами наших гор, было помещено туда Провидением ради того, чтобы вознаградить за смелость духа тех, кто составляет авангард цивилизации. Индейцы должны отойти в сторону или они будут сметены все время наступающей и все время возрастающей волной иммигрантов. Судьба аборигенов прописана словами, смысл которых однозначен. Тот же неумолимый Верховный Судия, который вынес вердикт, предписывавший падение Рима, предназначил к исчезновению краснокожих людей Америки» [17, с. 180].

Численность туземного населения под российским управлением не только не уменьшалась, а неуклонно увеличивалась. Имеется оценка прироста численности кочевого населения Киргизского края (местное кочевое население состояло почти исключительно из казахов – киргиз-казаков, как говорили в конце XIX – начале XX вв., но этот термин был ещё не особенно в ходу.) С 1870 по 1880 гг. численность кочевого населения возросла на 66 тыс., в тяжёлые, голодные 80-е годы - на 9520 душ, с 1890 по 1900 - на 83 859 душ [13, с. 179].

Российский император и его бюрократия, генералы и чиновники, исходили из того, что каждое территориальное приобретение было навсегда. Обустройство новой территории включало в себя и создание образовательной системы, призванной приобщать новых подданных к государственному языку и базовым ценностям империи. Не забывало государство и про образовательные потребности своих «старых» подданных волею государя или по своей воле оказавшихся в Средней Азии. Учебные заведения открывались разного типа. Остановимся для «туземного» населения.

В мае 1875 г. император Александр II утвердил «План устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае», который предусматривал учреждение школ для совместного обучения и воспитания русских и детей коренных национальностей, введение в программу мусульманских учебных заведений - мактабов и медресе преподавания русского языка и истории России. В 1868 г. русско-тузем-

ная школа была создана в Ташкенте, в 1870 – в Самарканде [1, с. 51].

Имеются сведения о том, что в 70-е годы XIX в. в уездных городах Акмолинской и Семипалатинской областей были учреждены специальные школы-интернаты для детей кочевников. Впоследствии они были преобразованы в низшие сельскохозяйственные школы. В Тургайской области первая двухклассная русско-киргизская (в переводе на современный язык это была русско-казахская школа) была открыта в 1879 г. В 1892 г. в этой области специально для кочевого населения стали создавать передвижные аульные школы [13, с. 172]. Для подготовки преподавательских кадров в регионе создавались учительские семинарии.

В начале XX в. в Средней Азии имелось довольно значительное количество мусульманских учебных заведений. В Сырдарьинской области 1809 мактабов и 49 медресе, в Самаркандской области 1680 мактабов и 69 медресе, в Ферганской области 1143 мактаба и 159 медресе, в Бухарском эмирате - 5 тыс. мактабов и 117 медресе, в Хивинском ханстве 1140 мактабов и 61 медресе [1, с. 51]. Помимо мусульманских учебных заведений в Средней Азии существовали еврейские школы – хедеры. Имеются сведения о длительной работе такой школы в Ташкенте.

Российское правительство взяло курс не на разрушение традиционной системы образования, а на встраивание её в новую систему, которая быстрыми темпами создавалась.

Помимо государственных учебных заведений открывались и частные. Так в 1900 г. было открыто русско-туземно-еврейское училище, оно поддерживалось на деньги еврейской общины. В 1903 г. было основано частное училище для мальчиков из семей «туземных» (то есть российских подданных) и бухарских евреев при синагоге на Чимкентской улице Ташкента [16, с. 181].

В конце XIX – начале XX в. среди образованных мусульман Средней Азии получило распространение реформаторское движение джадидизм. Наиболее заметные фигуры этого движения – Махмудходжа Бехбуди, Мунаввар Кары, Убайдулла Ходжаев, Абдулла Авлони, Тошпулатбек Норбутабеков, Абдурауф Фитрат, Шокиржон Рахими. Джадиды создали сеть новометодных школ – усули-джадид, в которых помимо основ ислама преподавались арифметика, геометрия, история, логика, география, русский язык, персидский и арабский. К 1911 г. были открыты 63 новометодные школы, в ко-

торых обучалось более 4100 человек [1, с. 53; 15, с. 20].

Согласно данным переписи 1897 г. и статистике Министерства народного просвещения одно среднее учебное заведение (гимназии, прогимназии, реальные и технические училища) приходилось в Средней Азии (9 областей) на 415 898 душ мужского населения, в Пензенской губернии одно заведение на 361 912 душ, в Сибирской 1 – на 369 900, в Остзейском крае одно на 61 105 душ.

Проверке в ходе специальных историко-статистических, экономических исследований подлежат цифры, приведенные в статье В. Михайлова и Н. Михайловой со ссылкой на «Туркестанские ведомости», говорящие о том, что в конце XIX в. в течение нескольких лет казна израсходовала на Туркестан 290 млн, а получила от него только 150 млн [11, с. 146].

В любом случае последние изыскания по истории жизни народов Средней Азии и Казахстана в Российской империи, сравнения их судьбы с судьбой северо-американских индейцев и многих народов Азии, находившихся под управлением европейских держав, всё более заставляют усомниться в правильности трактовки их существования в Российской империи как колониального.

Сложность данного момента в развитии историографии, посвящённой периоду нахождения Средней Азии в составе Российской империи, связана и с тем, что произошёл стремительный ввод в научный оборот огромного массива информации, ранее в советский период не подвергавшейся анализу.

Но этот вал информации, попав в фокус исследовательского интереса, очень часто в силу политических, институциональных и даже финансовых причин, оказался расчленённым в соответствии с государственной принадлежностью исследователя. На Западе идут похороны так называемого «национального романа», в Евразии же он обретает чрезмерную императивность.

Приходится признать неизбежность среднеазиатских «национальных романов», но, чтобы идеологии не загнали народы в тупик национальной нетерпимости и вражды, необходимо развивать параллельно и в определённой степени в противовес научную, максимально объективную историю огромного евразийского региона, включая исключительно важный период пребывания Казахстана и Средней (Центральной) Азии в составе Российской империи.

Список литературы

1. Абдурахимова Н.А. Основные направления российско-среднеазиатских отношений в сфере образования во второй половине XIX – начала XX вв. // История: проблемы объективности и нравственности. Материалы научной конференции. Ташкент, 2003.

■ Критические исследования

2. Арапов Д.Ю. «Не посягать на религию и не стеснять обычаев. Генерал Чингис-хан и «мусульманский вопрос» // Родина. 2004. №2. С. 70-72
3. Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. 3. Петроград – Москва: книгоиздательство «Голос труда», 1920.
4. Белоглазов А.В. Формирование политики России в Центральной Азии. Казань: Казанский университет, 2011.
5. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Минск: Харвест, 2003.
6. Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909 – 1910. М.: Молодая Гвардия, 1991.
7. Зиновьев М. Осада Ура-Тюбе и Джизага. Воспоминания об осенней экспедиции 1866 года в Туркестанской области // Царская колонизация в Казахстане. По материалам русской периодической печати XIX века. Алматы: Рауан, 1995.
8. Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Царская колонизация в Казахстане. По материалам периодической печати XIX века. Сост. Ф.М. Оразаев. Алматы: Рауан, 1995.
9. Ленин В.И. К русскому пролетариату // Полное Собрание сочинений. Т. 8. М.: Издательство политической литературы, 1972.
10. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полное Собрание сочинений. Т. 25. М.: Издательство политической литературы, 1973.
11. Михайлова Н.В., Михайлов В.А. Была ли царская Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. 2013. №6 (1642). С.143-162
12. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1997.
13. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под общ. рук. П.П. Семёнова. Том XVIII. Киргизский край. СПб., 1903.
14. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: КМК, 2012.
15. Худайкулов А.М. Просветительская деятельность джадидов Туркестана (конец XIX – начало XX вв. Ташкент, 1995.
16. Шевяков А.И. Евреи Ташкентской области в конце XIX – начале XX века // Евреи в Средней Азии: вопросы истории и культуры. Ташкент, Изд-во «Фан» АН РУз, 2004.
17. Brown D. Bury My Heart at Wounded Knee. An Indian History of the American West. N-Y., 2001.
18. Куропаткин А.Н. 70 лет моей жизни. Из воспоминаний генерал А.Н. Куропаткина. 1867-1882 гг. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Kuropatkin_A_N/text1.htm (проверено 18.08.2016 г.)

Об авторе

Кожокин Евгений Михайлович – д.и.н., профессор, проректор МГИМО МИД России по научной работе.

THE RUSSIAN STATE, LENIN AND THE CENTRAL ASIA

E.M. Korhzokin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Central Asian nations faced a challenge of state-building objectives after the collapse of the USSR. However, it was a complicated task, because those nations were parts of the Russian and, lately, the Soviet state. State-building objectives include the creation of new historical narrative.*

Central Asia is now experiencing the process that is called "national novel" in the Western European historiography. Central Asian national variants of historical narratives serve as a conceptual basis for the writing of school and university textbooks. The introduction of ideological constructs through the education system is carried out everywhere. However, it is important to note that inevitable ideological indoctrination should not undermine scientific essence of textbooks.

Politics of nation formation and the preservation of its identity is implemented and fostered by states carefully as well as clumsy. There is no doubt that there is an inevitable and practical need for constructing "national novel" in the new states. But historical politics should not ignore some of the methodological and at the same time mental traps that exist in the field of studying the history of the peoples of Central Asia in the period of the Russian Empire.

Key words: Central Asia, national novel, historiography, historical policy.

References

1. Abdurahimova N.A. Osnovnye napravleniia rossiisko-sredneaziatskikh otnoshenii v sfere obrazovaniia vo vtoroi polovine 19 – nachala 20 vv. [Main directions of Russian-Central Asian in the educational system in 1850-1910]. *Istoriia: problemy ob"ektivnosti i nravstvennosti*. Materialy nauchnoi konferentsii. Tashkent, 2003.
2. Arapov D.Ju. Ne posiat' na religiiu i ne stesniat' obychaev. General Chingis-khan i «musul'manskii vopros [Don't touch our religion and don't oppress traditions. General Chingis-khan and muslim problem]. *Rodina*. 2004. №2. P. 70-72.
3. Bakunin M.A. *Izbrannye sochineniia*. [Selected works]. Vol. 3. Petrograd – Moskva: knigoizdatel'stvo «Golos truda», 1920.
4. Beloglazov A.V. *Formirovanie politiki Rossii v Central'noj Azii* [Evolution of Russian policy towards Central Asia]. Kazan': Kazanskii universitet, 2011.
5. Brusilov A.A. *Moi vospominaniia* [My recollections]. Minsk: Harvest, 2003.
6. *Vehi. Intelligencija v Rossii*. Sborniki statei. 1909 – 1910. Moscow: Molodaia Gvardiia, 1991.
7. Zinov'ev M. *Osada Ura-Tiube i Dzhizaga. Vospominaniia ob osennei ekspeditsii 1866 goda v Turkestanskoi oblasti* [The siege of Ura-Tiube and Dzhizag. Recollections about Turkmenistan expedition of 1866]. Tsarskaia kolonizatsiia v Kazakhstane. Po materialam russkoi periodicheskoi pechati 19 veka. Almaty: Rauan, 1995.
8. Ivanov A. *Russkaia kolonizatsiia v Turkestanskom krae* [Russian colonization of Turkestan]. Tsarskaia kolonizatsiia v Kazakhstane. Po materialam periodicheskoi pechati 19 veka. Sost. F.M. Orazhev. Almaty: Rauan, 1995.
9. Lenin V.I. K russkomu proletariatu [To Russian workers]. *Polnoe Sobranie sochinenii*. Vol.8. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1972.
10. Lenin V.I. *O prave natsii na samoopredelenie* [On nations right to self-determination]. *Polnoe Sobranie sochinenii*. Vol. 25. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973.
11. Mikhailova N.V., Mikhailov V.A. Byla li tsarskaia Rossiia «tiur'moi narodov»? [Was Russia the prison for nations?] *Svobodnaja mysl'*. 2013. №6 (1642). P.143-162.
12. Natsional'nye okrainy Rossiiskoi imperii. Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniia [National borderland in Russian Empire. Evolution of public administration]. Moscow: Slavianskii dialog, 1997.
13. Rossiia. Polnoe opisanie geograficheskoe nashego otechestva [Full geographical account of Motherland]. Ed. by P.P. Semenova. Vol 18. Kirgizskii kraj. Saint-Petersburg, 1903.
14. Sergeev E.Ju. Bol'shaia igra, 1856-1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [Great game: myths and reality of Russian-British relations over Eastern and Central Asia, 1856-1907]. Moscow: KMK, 2012.
15. Khudaikulov A.M. Prosveshchitel'skaia deiatel'nost' dzhadidov Turkestana (konets 19 – nachalo 20 vv [Educational activities of djadids in Turkestan]. Tashkent, 1995 P.20
16. Sheviakov A.I. Evrei Tashkentskoi oblasti v kontse 19 – nachale 20 veka [Jews of Tashkent region in 1890-1910]. *Evrei v Srednei Azii: voprosy istorii i kul'tury*. Tashkent, Izd-vo «Fan» AN RUz, 2004.
17. Brown D. Bury My Heart at Wounded Knee. An Indian History of the American West. – N-Y., 2001.
18. Kuropatkin 70 let moei zhizni. Iz vospominanii generala A.N. Kuropatkina. 1867-1882 gg. [70 years of my life. Recollections of general A.N. Kuropatkin]. 1867-1882 URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Kuropatkin_A_N/text1.htm (accessed 18.08.2016)

About the author

Eugeny M. Korszokin – Doctor of History, Professor, Deputy Rector at MGIMO-University for scientific work.

ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ «ДАХЛЕЗ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Н.Т. Нурулла-Ходжаева

Институт востоковедения РАН. 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

*«Всего лишь в шаге ты от божественной сферы, Бедил.
Ты как слезинка на кончике ресницы, будь осмотрительней.»¹
Бедил (1644–1720)*

Обнаружение истоков и «другого» – это не единичный акт для большинства мыслителей Хорасана, а скорее одна из ступеней понимания мира. Открытия из одной сферы жизни или науки циркулируют (или иначе – развиваются) через вкрапления из другой. На такой «цикл» влияли традиции постоянной мобильности государственных границ, оформляя тем самым гибкость культуры всего региона Центральной Азии, сохраняя одновременно многоцветие интеллектуальной солидарности. Однако такая интерпретация в процессе проектирования «новых историй» независимых национальных государств остаётся невостребованной. Найти выход из лабиринта, создаваемого риторикой о нациях и логикой колониальности (по Кихано), вполне реально. Первым шагом к достижению этой цели могло бы стать признание колониальности наших знаний. Для инициирования процесса деколонизации автор предлагает задействовать дахлез – философскую концепцию, которая выстраивает баланс между ценностями плюрально-циклической культуры центральноазиатского региона и влиянием внешних культур.

Ключевые слова: Центральная Азия, колониализм, колониальность, Россия, Европа, субалтерн.

¹ Як кадам рох аст, Бедил аз ту то домони хақ, / Бар сари мичгон чу ашк истодаи хуш'ер бош / Бедил (Перевод автора).

Тема деколонизации Центральной Азии (далее ЦА) привлекает внимание современных исследователей (особенно на Западе) в связи с их особой интеллектуальной и политической восприимчивостью к такому сложному комплексу, как культура и рынок. Ещё Э. Саид указывал, что «основной нитью, которая связывает культуру и империализм, остаётся способность [этих феноменов - НН.] повествовать, или же, наоборот, блокировать возможные источники повествования» [44, xiii]. Этот универсальный принцип отражается, в числе прочего, на процессе сохранения и производства исторических знаний в странах ЦА.

Несмотря на то, что обсуждение темы национального суверенитета вызывает обычно большое воодушевление, позволю себе заметить, что европейский канон культуры был и остаётся средоточием, точнее ступком отчаяния странников и мигрантов, отчасти обусловленным пролонгацией вертикальной модели феодального вассалитета [47].

Анонсированный в Европе постмодернизм – это всё тот же многослойный мультиэтничный «пирог», выпеченный в «средневековой печи». Разумеется, интерпретации просветителей в рамках Вестфальской системы внесли изменения в рецептуру «пирога». Но «блюдо» осталось тем же. Вероятно, современной Европе, избравшей сценарий мультикультурализма, и не дано осмысливать иначе этническую экзотику. Правда, этот сценарий вызывает ныне всё больше нареканий и провоцирует дискурсы по альтернативным вариантам построения современной экономики (от ностальгии по Марксу или Кейнсу, до обсуждения проектов Поляни).

Мне, не-экономисту, интереснее понять, зачем Европа оберегает концепцию «суверенного, национального» за своими пределами, почему *другой* для неё остаётся актуальным? Вероятно, М. Вебер был отчасти прав, когда говорил о преимуществе европейской культуры. Ведь именно просветители Европы впервые в истории человечества спроектировали эпистемиологическое обоснование доминирования европейца (онтологически такого *другого* ранее не было). Именно это некоторые исследователи впоследствии назовут «неизбежной оппозицией» исламу. Кроме того, было спроектировано глобальное линейное мышление, чьё авторство приписывается грекам (что неверно так же, как не могли греки быть родоначальниками европейской цивилизации – её не было до XVI в.). Позже возникла идея «гражданства» в составе одного *этно-класса*, свернувшая историю с пути абсолютизма. Всё это было инкорпорировано в сознание мира, в его социальную память для того, чтобы создать механизм зависимости и управления. Под таким напором был декларирован западный проект колонизации.

Высвечивается вопрос: можно ли инициировать процесс деколонизации всего спектра исторических знаний в центральноазиатском регионе. Этот вопрос впервые возник передо мной на недавней международной конференции «Музыка Шёлкового пути из миротворческих перспектив ЦА», посвящённой 100-летию З. Шахиди (Душанбе, март 2016 г.).

Конференция продемонстрировала, что народы региона не перестают думать о необходимости восстановления атмосферы взаимного уважения и межкультурного диалога. Причём впервые почти в каждом выступлении указывалось на необходимость подключить к этому процессу Россию. Очевидно, под влиянием таких выступлений член российской делегации Т.Ю. Быстрова (Уральский федеральный университет) предложила включить в резолюцию конференции следующий пункт: «В мире нет ни одной гомогенной страны, поэтому необходимо осознать, что сегодня существует жизненная необходимость в признании и уважении *другого*, того, кто укоренит в нас чувство уважения, дружбы и взаимовыручки»².

Ход обсуждения и особенно данный пункт резолюции подтолкнули меня к размышлениям над проблемой истоков *другого*, без решения которой межкультурный диалог маловероятен. Связаны ли нынешний дефицит социокультурной плюральности и снижение готовности понять *другого* со «слабовольностью» существующей системы исторических знаний? Естественно, сложно настаивать на тождественности позиций России и ЦА в этом вопросе. Здесь уместно сослаться на книгу А. Эткинды [26], посвящённую в том числе анализу причин, по которым революция и террор имели место именно на территории Российской империи. Позволю себе добавить, что большевистская история во многом остаётся загадкой для народов России и ЦА. На историческом отрезке советского времени наблюдался социокультурный парадокс: колониализм царского образца трансформировался в колониальность сталинской модификации, стерев разницу между метрополией и колониями. Этот процесс происходил по всему СССР на основе двух, казалось бы, взаимоисключающих действий: с одной стороны – сталинские чистки, с другой – продвигаемый властями проект пролетарского интернационализма. Удивительно, но обе программы не отрицали сохранявшуюся социокультурную и социо-этническую «пестроту» каждой республики, но одновременно снижали масштаб региональной принадлежности, особенно в ЦА и на Кавказе. Данный синтез, вероятно, создал антиномию: принятие народами СССР идеи «нации», и ослабление региональной идентичности. Но ещё большая «мистика» присутствует в сохранении сталинской модели нации (установленных его командой национальных разделений и гра-

² Материалы по конференции в скором времени будут опубликованы на сайте Международного фонда культуры им. З. Шахиди (<http://shahidifoundation.com/wordpress/>).

ниц) всеми пятью суверенными государствами ЦА. Предполагаю, что в этом кроется причина некоего замешательства при обсуждении тем колониализма и колониальности (независимо от места обсуждения, будь то в Душанбе или в Москве).

Предлагаю рассмотреть вопрос деколониальности с нестандартного ракурса, но одновременно с таким хрестоматийным стартом: это ссылка на инициатора научного дискурса по колониальным темам Эдварда Саида. Немного досадно, что именитый исследователь декорировал свою концепцию европейской интерпретацией Orient, игнорируя взаимозависимость симметрии Orient–Occident [19]. Он будто не заметил не только различий между культурами, но и общего между ними. Однако таким пионерам, как Э. Саид, прощают многое; например, то, что он не упоминал в своих работах Центральную Азию [1]. Палестинец, воспитанный в европейской системе знаний, имел в качестве исследовательского приоритета Ближний Восток, но его смелая рекогносцировка *других* на европейском фоне остаётся актуальной для тех, кого «забыли пригласить».

По справедливому замечанию Мур-Гилберта, теория Саида отличается «эластичностью» [41, р. 11]. Благодаря «методологической парадигме, идущей от современных европейских культурных теорий» [44, р. 16], эта теория может быть использована для интерпретации развития разных регионов, стран, метрополий, колоний. В этом её сила, потому её «подхватили, расширили, укрепили, закалили» «разночинцы»-аналитики, среди которых наиболее именитыми признают Спивака, Баба и Минголо. Часть аналитиков фокусируется на исследовании колониальных вариаций, другие сидят в параллельной зоне исследований субалтерна.

Среди современных последователей Саида доминируют представители Индии и Латинской Америки. Несмотря на их многочисленность и огромный опыт, накопленный в исследовании темы, западные интеллектуалы видят их «компрадорской интеллигенцией ... ориентированной на Запад, ведущей переговоры по торговле культурными товарами на периферии капиталистического мира» [26, 632]. Разумеется, большинство современных исследователей из развивающихся стран учились в западных академических школах и в их работах заметна связь с европейской просветительской традицией. Все они добросовестно жонглируют ссылками на Фуко и Деррида (идеи которых, естественно, имеют европейские интеллектуальные истоки). Но зачастую делают они это поучительно и полезно (особенно для тех, «кого забыли»). Поэтому вместе с благодарностью за их труд приведу ряд дефиниций, циркулирующих в статье, через призму работ указанных исследователей.

Субалтерность. Этот термин связан с Антонио Грамши (1891–1931 гг.), который с коммунистической целеустремлённостью выделил

в структуре современного общества *субалтерн* (от лат. *sub-* под и *alter-* другой) – часть населения, которая исключена из существующей системы политического представительства и находится в зависимости от сильных мира сего. Эксперты по колониальным учениям трансформировали «современный субалтерн», о котором говорил Грамши, в «колониальный» [45].

Колониализм/колониальность. Под *колониализмом* мы традиционно понимаем завоевание/учреждение властных институтов колонизатора на новых землях и инкорпорирование капиталистических устоев. *Колониальность* – это немного этого и много другого [15]. Колониализм заканчивается с провозглашением независимости колонии, но колониальность как модель власти продолжает работать и в экс-метрополиях, и в экс-колониях. В. Минголо метко определил феномен, когда национальная элита занимает место колонизатора, как «внутренний колониализм» [38, 214]. Происходит синтез современности и колониальности; национальное государство словно опоясывается колониальностью.

Термин «колониальность» был предложен Анибалом Кихано, указавшим на его проявления в трёх сферах: в политике, экономике и знаниях [36]. Основное условие циклической устойчивости колониальности состоит не столько в зависимости от сильных мира сего, сколько в сохранении диспропорции между центром и периферией, между «гегемоном»-управленцем и маргинализированным «подчинённым». Данный тезис помогает понять важную характеристику колониальности в глобальном масштабе: власть в национальных государствах верховодит процессом производства знаний, включая исторические знания.

Данный феномен был зафиксирован в ЦА ещё при царской администрации, когда вместе с потоком интеллектуальной российской продукции и сформировалась «колониальность знаний», проявляющаяся в гегемонии европейской модели знаний.

Весь мир, в том числе Россия, уже с XVIII–XIX вв. поддался европейской схеме. А. Эткинд цитирует В.Г. Белинского, считавшего, что самовестренизация России была ответом на страх перед возможной колонизацией Западом [26, 28–29]. Здесь уместно сослаться на Ф. Фанона, говорившего о необходимости диагноза как эпистемиологической колонизации (сознания, существования), так и порочной логики колониальности, которая искажает, уродует, разрушает (стремится маргинализировать) всё, что не соответствует европоцентристской версии истории [34]. Репарка Ф. Фанона звучит особенно злободневно в контексте выхода Великобритании из Евросоюза, объясняя панику «туманного Альбиона», колонизировавшего весь мир, а теперь пугающего себя фантазией, будто его колонизируют мигранты (*другие*) [47].

В противовес европейским просветителям, философы Хорасана считали, что обнаружение

своих истоков и *другого* – это не единичный законченный акт, а потенциал для понимания мира, одна из ступеней его познания. Открытия/доказательства из одной сферы жизни развиваются через вкрапления из другой сферы. На такую «мобильность» влияли традиции постоянного перехода границ, стран, влиявшие на коммерческую/научную гибкость культуры региона, создавая/сохраняя особую интеллектуальную солидарность.

Этот философский потенциал остаётся невостребованным в процессе нового проектирования историй суверенных республик региона. В чём же причина отсутствия диалога по теме деколонизальности как внутри региона, так и между российскими и центральноазиатскими экспертами, да и на межрегиональном уровне, т.е. юг-с-югом (с Ближним Востоком, Латинской Америкой, Индией и т.д.)? Конечно, у каждого из нас достойное «алиби». Но важно понять, что сегодняшнее дистанцирование от данной темы в ЦА – это уже не идеологический камуфляж советского образца, а скорее сохранение вестфальского мифа о приоритете национального суверенитета. Поиск выхода из лабиринта, создаваемого риторикой о нациях и логикой колониальности (по Кихано), может оказаться успешным. Первым шагом в этом направлении должно стать признание, что модернизация не исчерпывается созданием национального государства, ни, тем более, слепой верой в успех общественного развития благодаря независимости. С признанием этих тезисов мы будем готовы к поиску оригинального пути развития и освобождения себя, своих знаний. Иначе говоря: если знания *колониальны*, то их можно вывести из этого состояния, начав процесс их *деколониальности*.

Первыми в ЦА это поняли интеллектуалы-модернисты – туркестанские/бухарские джадиды Абдурауф Фитрат (1885–1938), Файзулла Ходжаев (1896–1938), Садриддин Айни (1887–1954), Туракул Зехни (1891–1983) и др. Многие учёные изображают джадидов как группу, которая «сформировалась в ходе догоняющей Европу модернизации и была одним из итогов этого вынужденного процесса, определяющегося последствиями или опасностью европейской экспансии» [11, 236]. Однако джадиды, при всём своём интересе к западным идеям, «отрицали фундаментальную для Запада мысль о приоритете личности. Их базовой ценностью был народ (*миллет*), интересам которого следовало, безусловно, подчинить все личные интересы» [5, 71]. Их *миллет* (или *миллат*) был не монолитным этно-классом, а «благородной нацией» [22], состоящей из многочисленных мультиэтнических общин. Эта не европейская интерпретация подпитывалась идеями, которые джадиды получали от татарских/русских/европейских мыслителей и от персидского/тюркского/арабского миров.

Джадиды предприняли попытку «открыть два фронта», сочетая критику властей с рефор-

мированием традиционного ислама. Это стремление к деколонизальности вылилось в организацию в ЦА «новометодных» или джадидских школ. На этом опыте джадиды спроектировали Бухарскую народную республику (БНР), которая стала первым на Востоке проектом глокализации – синтеза локального опыта и глобального колониального знания. Этот синтез подвёл джадидов к марксистской философии ближе, чем это принято считать.

Известно, что после Парижской коммуны 1871 г. К. Маркс изменил свои взгляды на феномен государства; фокусируясь больше на размышлениях по вопросу смены одного государственного устройства другим (революционная диктатура пролетариата), он стал представлять государство как «деспотический» институт. Коммуна, по мнению Маркса, сломала власть современного государства и попыталась тем самым «реабсорбировать государственную власть» [35, 185]. На нечто подобное решились бухарские джадиды, хотя шансов у них было ещё меньше, чем у коммунаров. Я далека от мысли убедить читателя, что европейская модель эмансипации пролетариата была «товаром на экспорт». Разумеется, всё намного сложнее, но предполагаю, что именно в Бухаре благодаря джадидам состоялась творческая репликация идей Маркса, которая учла социально-этническую гетерогенность древней городской культуры ЦА с её колониальной спецификой.

Однако эксперимент не был завершён, и это печально подытожил глава БНР Файзулла Ходжаев в своём заключительном слове на суде (Москва, 12 марта 1938 г.): «Мы не войдём в историю хоть какими-нибудь ... благими деяниями» [20]. Программа Ф. Ходжаева и его команды не была реализована, так как И. Сталин не был заинтересован в этом. В советское время историю БНР или замалчивали, или декорировали в соответствии с идеологическими нуждами.

В период независимости отношение к джадидам остаётся двойственным. Это связано отчасти со стремлением местных правителей предать забвению царское/советское колониальное прошлое и представить нынешний суверенитет как символ благополучия народов. Такой подход в очередной раз служит иллюстрацией колониальности знаний, в основе которой лежит перекраивание всей истории государств ЦА. Во всех учебниках и книгах по истории государств ЦА отчётливо отражается ностальгия не по джадидам, а по утерянному историческому имиджу наций (хотя наций как таковых не было ни при прославляемых таджиками Саманидах, ни у узбеков с их Тимуридами).

Современная образовательная система во всех пяти станах очевидно нацелена на сохранение шаблона, названного Саидом «скрытый ориентализм». Приходится признать, что большинство исторических дисциплин современного университетского образования в ЦА – всего лишь окостенелый проект, выстроенный

ещё в середине XIX в. в Европе. «Звёздная болезнь», которой страдают большинство исторических факультетов, вызвана их тесными симбиотическими отношениями с государством.

«Клубы историков» (точнее, факультеты или институты истории) стали интеллектуальным артефактом национального государства. Поэтому для всех стран региона характерны указы, подобные узбекскому «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук РУз» (1998 г.). Но и большинство историков на местах с готовностью признают, что наука «всегда выступала как аргумент в государственном и национальном строительстве» [9, с. 3]. Текущее положение дел – это очередное заимствование из европейского опыта XIX в., ориентированное на обоснование существующих государственных границ. Это отражается на неприятии междисциплинарности в построении системы знаний. Интересно, что историки гордятся таким поведением, бравлируя друг перед другом [2], не замечая собственного страха как перед зарубежными коллегами, так и собственным государственным аппаратом.

Такие тенденции свидетельствуют об упрощённом видении истории и культуры региона без учёта «международной субъективности» последних [21, 181]. Подобный дефицит несёт в себе угрозу «антропологизации» культуры (не в обиду антропологам), вопреки тому, что важнейшим принципом в исследованиях культуры, по словам Нэнси Конди, остаётся междисциплинарность [27, 11]. Если же культуру ограничивают рамками определённых (в нашем случае прозападных) концепций, не позволяя инкорпорировать собственный ресурс, мир перестаёт выдвигать новые транскультурные глокальные проекты.

С другой стороны, недостаток «субъективности» – это свидетельство «пост-колониальной меланхолии» [33]. Данное выражение возникло не без подсказки Фрейда, характеризовавшего меланхолию как чувство глубокой страдательской удручённости, исчезновение интереса к внешнему миру, потерю способности любить [23]. На фрейдовском пассаже эксперты по колониальности выдвигают формулу «пост-колониальной меланхолии» как ощущения «остатков и хлама, из которых создаётся моя история, моя культура; она составляется по частям, моя идентичность фантазматична» [33, 66]. Такого рода эмоции можно зафиксировать среди интеллектуалов всего постсоветского пространства.

«Меланхолия» ведёт к примечательному «молчанию» местных исследователей. На это обстоятельство обратил внимание В. Мигноло, сославшись на метафору Хатиби «молчащие общества». В таких обществах есть интеллектуалы, но на глобальном уровне их не слышат [40, 171]. Они, по словам Бовантура де Соуса Сантос, живут в условиях «субалтерного космополитизма» [29]. Другой приметой «молчания» выступает наличие в трудах местных исследо-

вателей множества ссылок на работы российских/европейских историков, тогда как ссылки на таджикских/узбекских историков, за редким исключением, отсутствуют.

Такая логика ведёт к новым проблемам. Спивак ставит принципиальный вопрос: «Может ли субалтерн говорить?» [45, 608; 39]. Латиноамериканский философ Рейнага обобщает: «Наша борьба идёт против всех европейских остатков ... римского закона, кодекса Наполеона, французской демократии, марксизма-ленинизма, всего того, что сохраняет нашу зависимость, держит нашу психику в тисках колониализма, в темноте, без света» [37, 13]. Кенийский писатель Тионго пишет о глобальном «лингвистическом угнетении», «бомбардировке культуры» [48, 35]. В этом контексте многие западные эксперты ссылаются на *парадигму Канибана* – героя шекспировской «Бури»: «Вы меня научили говорить на вашем языке. Теперь я знаю, как вас проклинать» [25].

Чуждые подходы к трактовке процессов в таком сложном регионе, как ЦА, с прибавлением «ложки» националистических настроений и щепотки культурного релятивизма (евро-американского тезиса о равенстве культур) – и вот оно, начало «страшного гула» (словами Э. Саида). Досадно, что к этому процессу имеют отношение интеллектуалы высокого ранга, систематически подпитывающие атмосферу неприятия диалога [2, 11].

Схожий алгоритм применяют некоторые коллеги при обсуждении темы «100-летней годовщины восстания 1916 г. в ЦА». В таких работах сквозит яркий европоцентристский оттенок, что находит отражение в общественном дискурсе и даже проникает в детские умы [8]. В случае однозначной ориентации ЦА на Европу уместно вспомнить, что Европа (та самая, которая и породила «тройняшку»: колониализм, европоцентризм и национализм) имела и другие перспективы. Для более авторитетного толкования таковых позвольте подключить Гегеля. Великий философ со ссылкой на учение Дж. Руми выдвинул концепцию «целого» в знании. В «Энциклопедии философских учений» Гегель писал: «Если хотят рассматривать сознание Единого не с точки зрения расчленения его в индуизме, с одной стороны, на чуждое всякой определённости единство абстрактного мышления, а с другой, на утомительное, даже становящееся скучным усмотрение его в частностях бытия, но созерцать его в его прекраснейшей чистоте и возвышенности, то тогда нужно обратиться к магометанам. Если, например, у превосходного Джелаледдина Руми на первый план особенно выдвигается единство души с Единым и это единство характеризуется как любовь, то это духовное единство представляет собой возвышение над конечным и обыденным, просветление природного и духовного, в котором именно внешняя, преходящая сторона непосредственно природного существования, равно как и эмпирического, в житейском смысле духовного, выделяется и поглощается» [6,

399]. Данную цитату не следует принимать как «реверанс» в сторону европоцентризма, скорее, это возможность поразмыслить по предложенному Руми и Гегелем сценарию над созданием «общей» истории ЦА, других регионов и мира в целом. Более того, исторические трактаты могут быть расширены, если принять самородное «единство» региона как перемещающуюся бесконечность, в основе которой лежит многовековой (хотя, возможно, не национальный и не интернациональный) межкультурный диалог. Это гениально уловил Дж. Руми. В одной из притч он приводит диалог:

«К дверям возлюбленного подошёл человек и постучал. Его спросили: – Кто там?

Он ответил: – Это я. Ему сказали: – Здесь нет места для Меня и Тебя. Дверь осталась запертой.

После года уединения и лишений этот человек и постучал снова.

Его спросили: – Кто там?

Человек сказал: – это Ты.

Дверь открылась перед ним» [18].

Так человек входил в «дахлез».

Деколонизальность и её «дахлез»

На таджикско-персидском, иногда и на арабском языке дахлез – это парадная часть дома, соединяющая его внутреннюю часть с улицей (с внешним миром).

Образ дахлеза часто использовали как в философии, так и в поэзии региона. Он служил символом соединения внутреннего (конгенитального) и внешнего (публичного) миров. Например, Низами говорил (1141–1209): «В этом тесном сотворённом мире/Бытие мое подобно глыбе³». («дахлез» переведен здесь как «мир»).

Ал-Газали (1058–1111), один из главных представителей философии хорасанского суфизма, описывал дахлез как «место действий двух вторжений: *извне и вовнутрь*» [42]. Однако нужно знать и чувствовать ЦА, чтобы понять, что «вторжение» – это не проявление силы, так как дахлез – это место, где тот, кому позволено войти, почувствует внутренний ритм/аромат/привкус местной жизни, обретая тем самым приобщённость к ней. При этом ожидается, что вошедший внесёт свой «шарм». В местных самаркандских общинах сложно уловить монокультурное видение жизни, здесь естественно сохранять чувство добродетельности и гостеприимства по отношению к тому, кто говорит иначе, ест другую еду, молится другим богам и носит странную одежду.

В дахлезе ал-Газали происходит снижение масштаба «разделения-соединения» между сферами при их продуктивном взаимодействии. Важно понять, что такое саморазвивающееся «целое» доминирует над частями. Т.е. достижение истины без понимания того, что составляет оппозицию, без понимания *другого*, невозможно. Но это не европейский антагонизм с его постоянным стремлением быть лучше *другого*; скорее,

речь идёт о модифицированном понимании сознания человека, о способности сохранять себя, давая пространство *другому*. Но есть условие, о котором элегантно сказал духовный наставник и друг Руми Шамс Табризи (1185–1248): «Интеллект доводит тебя до двери, однако он не заведёт тебя внутрь дома».

Таким образом, в современном понимании дахлез – это эпистемическая/эстетическая возможность коммуникационных вероятностей, или, иначе, теории контекста. Для того, чтобы легко пройти церемониальные ступени получения приглашения в дом (т.е. шагнуть в дахлез), гостю нужно быть, прежде всего, благожелательным и благомысленным по отношению и к тем, кто живёт в доме, и к себе самому. Поэтому в дахлез сложно получить приглашение, имея «благословение» от М. Вебера. Основная идея учредителя европейской социологии – это отречение от биологического расизма при одновременном принятии расизма культурного, когда культура Европы неустанно сохраняет статус неповторимой и уникальной. Веберовское неравенство вводит вертикальную иерархию мира, на вершине которой расположился европеец. Эту геополитическую иерархию также необходимо деколонизировать, поскольку она продолжает вести по пути унижения, хотя уже не на основе марксистского классового подхода. Теперь унижению подвергаются целые государства. И в таком режиме работает современный мир.

Применив дахлез, мы можем прийти к ситуации, которую Минголо однажды назвал эпистемологическим неповиновением [35], когда сама категория «современности» предстанет не как естественный закономерный ход истории, а лишь одна из альтернатив. О такой гармонии дахлеза (не употребляя самого термина «дахлез») писал А.Н. Герцен, предупреждая, что «прото-вообщинная цивилизация гибнет вследствие полной невозможности отделаться, в силу своих начал, от противоречия между личным правом и правом общественным» [7, 255]. Тогда как межкультурный синтез дахлез основан на восприятии многочисленных ценностей плюрально-циклической культуры, и предлагает это делать на месте, где вас научили понимать/принимать эти ценности, и окружающий мир. Уместно привести пример современного реального дахлеза в России, Эквадоре и Боливии (хотя в этих странах межкультурный синтез не называется дахлезом). В конституциях этих государств говорится об особой плюральности. Например, в России народ представлен как «многонациональный» [10], в Эквадоре и Боливии – «плюро-культурный» и «плюро-национальный» [27]. То есть в мире возникает общество, которое не стремится к линейной европоцентристской однородности. Такой подход, хотим мы этого или нет, ставит под вопрос 500-летнее доминирование Европы над миром. Именно он способен открыть сфе-

³ Дар ин дахлезай танг офарида/ Вучуде дорам аз санг офарида. Перевод автора.

■ Критические исследования

ру универсализации без определений *другого* в границах западной эпистемологии.

Возвращаясь к ЦА, приведу случай, о котором рассказывал мой дедушка, композитор Зиедулло Шахиди (1914–1985 гг.). В начале 1970-х гг. в Иран была направлена большая правительственная делегация, в составе которой были советские поэты Мирзо Турсунзаде (1911–1977 гг.) и Расул Гамзатов (1923–2003 гг.). Оба поэта были на пике славы. На очередной встрече Турсунзаде, замечательный знаток и автор таджикско-персидской литературы, закончив своё выступление, передал слово Гамзатову. По стечению обстоятельств рядом не оказалось переводчика, и

М. Турсунзаде взял на себя эту задачу. Прославленный дагестанец, видя оживление слушателей при выступлении своего таджикского собрата по перу, начал так: «Вы уже оценили, какой великий поэт мой друг Мирзо. Значит, и вы теперь понимаете, каким авторитетным и известным я представляюсь вам, если мой переводчик – сам Турсунзаде». Дружбу и симпатию между народами можно сохранить, если вернуть плюрально-циклический мир, где доминирование одной эпистемологии будет заменено балансом между множеством её вариаций. Тогда все вместе мы сможем уверенно говорить о том, что начало деколонIALности знаний положено.

Список литературы

1. Абашин С.Н. Востоковеды против ориентализма? («Антропологический форум»). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4912#sthash.XF88ybHl.dpf> (проверено 18.08.2016 г.).
2. Абдуллаев Р. Русский народ – не от иранцев, а таджики – не арийцы // Фундаментальная экономика URL: <http://fundamental-economic.uz/article/русский-народ-не-от-иранцев-а-таджик/> (проверено 18.08.2016 г.).
3. Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере («Ихйаулумад-Дин»). Избранные главы. Пер. В.В. Наумкина. М.: Наука, 1980. 369 с.
4. Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. Душанбе: Адиб, 1987, 240 с.
5. Валиханова Н.С. Историография национальных движений партий Средней Азии в период 1917–1991 гг.: дис. ... докт. ист. наук : 07.00.09. Московский государственный университет сервиса. М., 2001. 313 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
7. Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. Т. 6. С того берега. Статьи. Долг прежде всего (1847–1851). М.: АН СССР, 1955. 551 с.
8. Дети в Кыргызстане играют в геноцид и восстание против России // Настоящее время. 04.04.2016. URL: <http://www.currenttime.tv/media/video/27646148.html> (проверено 18.08.2016 г.).
9. История и историки Узбекистана в XX столетии / Ответ. ред. Алимова Д.А. Ташкент: Navroz, 2014. 428 с.
10. Конституция РФ. URL: <http://www.constitution.ru/> (проверено 18.08.2016 г.).
11. Косач Г.Г. Становление современных форм политической жизни на Востоке. История Востока: в VI тт. Т. IV. Кн. 2. Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.). М.: Медина, 2005. 433 с.
12. Масов Р. Таджики никогда не были одним народом с узбеками (ответ Г. Хидоятону) // Comunion. 18.08.2011. URL: <http://comunion.ru/2011-08-04-16-28-45/103-tajiki-uzbeki.html> (проверено 18.08.2016 г.).
13. Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом. 2003. 1280 с.
14. Нурулла-Ходжаева Н.Т. Центральная Азия, европоцентризм, колониальность // Вестник МГИМО. 2015. № 6. С. 51–63.
15. Нурулла-Ходжаева Н.Т. Проблемы космополитизма и альтернативности в истории народов Центральной Азии // Вестник МГИМО. 2015. № 4. С. 103–111.
16. Нурулла-Ходжаева Н.Т. Община в Центральной Азии (диалектика традиции и модернизации в начале XXI века). М.: МГУКИ, 2012. 369 с.
17. Произведение И.А. Каримова «Без исторической памяти нет будущего» // Всемирная история. URL: http://vsemirnaya-istoriya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3:bez-proshlogo-net-budushego-iakarimov&catid=1:drevniy-mir&Itemid=29 (проверено 18.08.2016 г.).
18. Руми. Место для тебя и для меня // Суфийские притчи от Руми. URL: http://pritchi.ru/id_7209 (проверено 18.08.2016 г.).
19. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 640 с.
20. Судебный отчёт Бухаринско-троцкистского процесса // Материалы воен. коллегии Верх. Суда СССР. М.: Международная семья, 1997. URL: <http://www.pereplet.ru/history/Russia/USSR/1936-1941/buh-tro/utro12-5-38-1.html#hodj> (проверено 18.08.2016 г.).
21. Торкунов А.В. По дороге в будущее. Сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. 476 с.
22. Фитрат А. Давраи хукмронии амир Олимхон. Душанбе: Палатаи давлатии китобхо, 1991. 64 с.
23. Фрейд З. Печаль и меланхолия. URL: http://www.psychanalyst.ru/banners/duty/freud_01.pdf (проверено 18.08.2016 г.).

24. Ходизода Р. Тарчумаи хол ва мероси адаби – илми А.Дониш. Душанбе, 1976. 130 с.
25. Шекспир В. Буря // ПСС: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М. -Л.: Гослитиздат, 1949. Т. 8. С. 311-417.
26. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
27. Altmann P. Plurinationality and interculturality in Ecuador: the Indigenous movement and the development of politica; concepts // Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. 2013. Vol. XLIII, no. 1–2. Pp. 47–66.
28. Appiah K.A. Cosmopolitan Patriots // Critical Inquiry. Spring 1997. Vol. 23, no. 3. Pp. 617–639.
29. Beyond Neoliberal Governance: The World Social Forum as Subaltern Cosmopolitan Politics and Legality // Boaventura de Sousa Santos and Ce'sar A. Rodriguez-Garavito (eds.) Law and Globalization from Below: Towards a Cosmopolitan Legality. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 29-63.
30. Bhabha H. The Location of culture. L., N.Y.: Routledge, 1994. 285 p.
31. Bhabha H. Postcolonial Authority and Postmodern Guilt // Grossberg L., Nelson C., Treichler P.A. (eds.). Cultural Studies. New York & London: Routledge, 1992. Pp. 56–68.
32. Boaventura de S. S. Between Prospera and Caliban: Colonialism, Postcolonialism, and Inter-identity // Luso-Brazilian Review. 2002. Vol. 39, no. 2. Pp. 9-43.
33. Gilroy P. Postcolonial Melancholia. New York: Columbia University Press, 2005. 192 p.
34. Fanon F. The Wretched of the Earth. NBY: Grove Press 1963. 317 p.
35. Hudis P. Marx's Concept of the Alternative to Capitalism. Chicago: Haymarket, 2013. 272 p.
36. Quidjano A. The paradoxes of modernity // International Journal of Politics, Culture and Society. 1989. Vol. 3, No. 2. Pp. 147-177
37. Lucero J.A. Fanon in the Andes: Fausto Reinaga, Indianismo, and the Black Atlantic // International Journal of Critical Indigenous Studies. 2008. Vol. 1, no. 1. Pp. 13-22.
38. Mignolo W. D. Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. 416 p.
39. Mignolo W. D. Delinking // Cultural Studies. 2007. Vol. 21, no. 2. Pp. 449-514.
40. Mignolo W. D. The prospect of harmony and the decolonial view of the World. URL: <http://waltermignolo.com/the-prospect-of-harmony-and-the-decolonial-view-of-the-world/> (проверено 18.08.2016 г.).
41. Moore-Gilbert B. Postcolonial Theory: Contexts, Practices, Politics. London: Verso, 1997. 243 p.
42. Moosa I. Ghazali and the Poetics of Imagination. The University of North Carolina Press, 2005. 349 p.
43. Roschin E. The Concept of Friendship: From Princes to State // European Journal of International Relations. 2006. Vol.12. Pp. 599-624.
44. Said E. Orientalism. 1978. London: Penduin, 340 p.
45. Spivak G. An Aesthetic Education in the Era of Globalization. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2013. 607 p.
46. Spivak G. Can the Subaltern Speak? Frankfurt: Turia& Kant, 2007. 159 p.
47. Scheinman T. A tweeter post. URL: <https://onsizzle.com/i/ted-scheinman-follow-ted-scheinman-and-in-the-end-britain-1025159> (проверено 18.08.2016 г.).
48. Thiong'o N. Moving the Centre: The Struggle for Cultural Freedoms. James Currey, 2008. 208 p.

Об авторе

Наргис Талатовна Нурулла-Ходжаева – д.ф.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН.
E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com.

DECOLONIALITY OF KNOWLEDGE AND INTERCULTURAL “DAHLEZ”

Nargis T. Nurulla-Khodzhaeva

Senior Research Fellow at the Center for Central Asian, Caucasian and Uralo-Povoljiyn studies of Oriental Studies Institute of Russian Academy of Sciences. 107031 Moscow, Rojdestvenka-str. 12.

Abstract: *Khorasanian thinkers believed that, the discovery of their origins and the "Other", is not a single whole act, but rather a procedural, almost stage-by-stage like capacity to understand the world. Evidence suggests that in order to survive (or just grow), one must move from their initial sphere of life/science to the next. Such mobility was influenced heavily by the tradition of constant crossing of boundaries and countries, formalizing commercial/scientific flexibility of the entire culture of the region.*

■ Критические исследования

However, this potential remains untapped in the construction of the new history of nations. Therefore it is fair to ask: what is the reason for the lack of dialogue on decolonization of, both within the region (between researchers of different republics), between the Russian and Central Asian researchers, as well as between other regions, ie South-to-South (the Middle East, Latin America, India, etc.). Without doubt, every one of us has worthy of alibi. But it is important to understand that today's distancing from the topic in Central Asia; is not an ideological camouflage ala Soviet-style, but rather a preservation of the myth of Westphalia on the priority of national sovereignty. Finding one's way out of this maze created by the rhetoric of the nations and the logic of coloniality (as Kuidjano) is a very real issue. The first step may be to recognize that our very own knowledge base is colonial. Accordingly, the process must begin with ridding ourselves from this state, starting the process of de-coloniality. To initiate such an understanding, the author proposes to use - dalez, philosophical concept, put forward with a view to the perception of many values of plural-cycle culture of the region, as well as the values of the outside.

Key words: Central Asia, authority, colonialism, coloniality, Russia, Europe, subaltern.

References

1. Abashin S.N. *Vostokovedy protiv orientalizma?* [Orientalists against Orientalism] («Antropologicheskoe Forum») URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4912#sthash.XF88ybHl.dpuf> (accessed 18.08.2016 г.). (In Russian).
2. Abdullaev R. *Russkii narod – ne ot irantsev, a tadzhiki – ne arii* [Russian people are not Iranian, and Tajiks are not Arians] URL: <http://fundamental-economic.uz/article/русский-народ-не-от-иранцев-а-таджик/> (accessed 18.08.2016 г.). (In Russian).
3. Abu Hamid Al-Gazali. *Voskreshenie nauk o vere* [Resurrection of Sciences faith]. Selected Chapters. Translation of V.V. Naumkin. Moscow: Science, 1980. 369 p. (In Russian).
4. Aini S. *Ta'rihi inkilobi Bukhoro* [History of revolution in Bukhara]. Dushanbe: Adib, 1987. 240 p. (In Tajik).
5. Valikhanova N.S. *Istoriografiya natsional'nykh dvizhenii partii Srednei Azii v period 1917–1991 gg.* [Historiography of national movements in Central Asia in 1917–1991], Phd thesis in history, defended at Moscow state University of service. Moscow, 2001. 313 p. (In Russian).
6. Hegel G. *Entsiklopediia filosofskikh nauk* [The Encyclopedia of Philosophy] Vol. 3. The philosophy of Spirit. Moscow: Thought, 1977. 471 p. (In Russian).
7. Gercen A.I. *Sobr. soch. v 30 tt. T. 6. S togo berega. Stat'i. Dolg prezhde vsego (1847–1851)* [works in 30 vol. Vol. 6. From the other bank, articles. Debt is first of all (1847–1851)]. Moscow: AS Publishing House, 1955. 551 p. (In Russian).
8. *Deti Kyrgyzstana igrayut v genocid i vosstanie protiv Rossii* [Children of Kyrgyzstan play genocide and the uprising game against Russia] URL: <http://www.currenttime.tv/media/video/27646148.html> (accessed 18.08.2016 г.). (In Russian).
9. *Istoriia i istoriki Uzbekistana v KhKh stoletii.* [History and historians of Uzbekistan in XX cent.] Ed. by Alimova D.A. Tashkent: Nauvrouz, 2014. 428 p. (In Russian).
10. Konstitutsiia RF [The Constitution of Russian Federation] URL: <http://www.constitution.ru/> (accessed 18.08.2016 г.). (In Russian).
11. Kosach G.G. *Stanovlenie sovremennykh form politicheskoi zhizni na Vostoke. Istoriia Vostoka* [The formation of modern political life in the East], History of East, in 6 vol.; vol. IV. Book 2. East in a New Time (XVIII – XX). Moscow: Medina, 2005. 433 p. (In Russian).
12. Masov R. *Tadzhiki nikogda ne byli odnim narodom s uzbekami (otvet G. Khidoiatovu)* [Tajiks have never been united people with Uzbeks]. *Comunicom*. 18.08.2011. URL: <http://comunicom.ru/2011-08-04-16-28-45/103-tajiki-uzbeki.html> (accessed 18.08.2016 г.). (In Russian).
13. *Noveishii filosofskii slovar'* [The newest dictionary on philosophy] 3rd ed. Moscow: Book's House. 2003. 1280 p. (In Russian).
14. Nurulla-Khodzhaeva N.T. *Tsentrāl'naia Aziia, evropotsentrizm, kolonial'nost'* [Central Asia, Eurocentrism, Coloniality]. *MGIMO Review of International Relations*. 2015. No.6. Pp. 51-63. (In Russian).
15. Nurulla-Khodzhaeva N.T. *Problemy kosmopolitizma i alternativnost v istorii narodov Central Asia* [Problems of cosmopolitanism and alternativnost in Central Asian history] *MGIMO Review of International Relations*. 2015. No. 4. Pp. 103-111. (In Russian).
16. Nurulla-Khodzhaeva N.T. *Obshchina v Tsentrāl'noi Azii (dialektika traditsii i modernizatsii v nachale KhKhI veka)* [Central Asian community (dialectic of traditions and modernization at the beg. of 21 century)]. Moscow: MGUKI, 2012. 369 p. (In Russian).
17. *Proizvedenie I.A. Karimova «Bez istoricheskoi pamiati net budushchego»* [The work of Karimov I.E. Without Historical memory there is no future]. *Vsemirnaia istoriia*. URL: <http://vsemirnaya-istoriya.ru/index>.

- php?option=com_content&view=article&id=3:bez-proshlogo-net-budushego-iakarimov&catid=1:drevniy-mir&Itemid=29 (In Russian).
18. Rumi. *Mesto dlia tebia i dlia menia* [This place for you and me]. URL: http://pritchi.ru/id_7209 (accessed 18.08.2016 r.). (In Russian).
19. Said E.B. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Conception on East]. Moscow: Russkii mir, 2006. 640 p.
20. *Sudebnyi otchet Bukharinsko-trotskistskogo protsessa* [Judicial report of Bukharin-Trotsky process]. M.: Mezhdunarodnaia sem'ia, 1997. URL: <http://www.pereplet.ru/history/Russia/USSR/1936-1941/buh-tro/utro12-5-38-1.html#hodj> (accessed 18.08.2016).
21. Torkunov A.V. *Po doroge v budushee* [On its way to future]. Moscow: Aspekt press, 2010. 476 p. (In Russian).
22. Fitrat A. *Davrai Hukmroniimamir Olimhon* [Rule of Amir Alimhon]. Dushanbe: State Publishing House, 1991. 64 p. (In Tajik).
23. Freid Z. *Pechal' i melankholiia*. URL: http://www.psychanalyst.ru/banners/duty/freud_01.pdf (accessed 18.08.2016). (In Russian).
24. Khodzoda R. *Tarchumai khol va merosi adabi* [Biography and his heritage]. Dushanbe, 1976. 130 p. (In Tajik).
25. Shekspir V. *Buria* [The Tempest]. Full Compendium of Works in 8 Vol. Ed. by A. A. Smirnova. M.-L.: Goslitizdat, 1949. Vol. 8. Pp. 311-417. (In Russian)
26. Etkind A. *Vnutrenniaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 448 p.
27. Altmann P. Plurinationality and interculturality in Ecuador: the Indigenous movement and the development of politica; concepts. *Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies*. 2013. Vol. XLIII, no. 1–2. Pp. 47–66.
28. Appiah K.A. Cosmopolitan Patriots. *Critical Inquiry*. Spring 1997. Vol. 23, no. 3. Pp. 617–639.
29. Beyond Neoliberal Governance: The World Social Forum as Subaltern Cosmopolitan Politics and Legality in Boaventura de Sousa Santos and Ce'sar A. Rodriguez-Garavito (eds.) *Law and Globalization from Below: Towards a Cosmopolitan Legality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 29-63.
30. Bhabha H. *The Location of culture*. L., N.Y.: Routledge, 1994. 285 p.
31. Bhabha H. Postcolonial Authority and Postmodern Guilt in Grossberg L., Nelson C., Treichler P.A. (eds.) *Cultural Studies*. New York & London: Routledge, 1992. Pp. 56–68.
32. Boaventura de S. S. Between Prospera and Caliban: Colonialism, Postcolonialism, and Inter-identity. *Luso-Brazilian Review*. 2002. Vol. 39, no. 2. Pp. 9-43.
33. Gilroy P. *Postcolonial Melancholia*. New York: Columbia University Press, 2005. 192 p.
34. Fanon F. *The Wretched of the Earth*. NBY: Grove Press 1963. 317 p.
35. Hudis P. *Marx's Concept of the Alternative to Capitalism*. Chicago: Haymarket, 2013. 272 p.
36. Quidjano A. The paradoxes of modernity. *International Journal of Politics, Culture and Society*. 1989. Vol. 3, No. 2. Pp. 147-177.
37. Lucero J.A. Fanon in the Andes: Fausto Reinaga, Indianismo, and the Black Atlantic. *International Journal of Critical Indigenous Studies*. 2008. Vol. 1, no. 1. Pp. 13-22.
38. Mignolo W. D. *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. 416 p.
39. Mignolo W. D. Delinking. *Cultural Studies*. 2007. Vol. 21, no. 2. Pp. 449-514.
40. Mignolo W. D. *The prospect of harmony and the decolonial view of the World*. URL: <http://waltermignolo.com/the-prospect-of-harmony-and-the-decolonial-view-of-the-world/> (проверено 18.08.2016 r.).
41. Moore-Gilbert B. *Postcolonial Theory: Contexts, Practices, Politics*. London: Verso, 1997. 243 p.
42. Moosa I. *Ghazali and the Poetics of Imagination*. The University of North Carolina Press, 2005. 349 p.
43. Roschin E. The Concept of Friendship: From Princes to State. *European Journal of International Relations*. 2006. Vol.12. Pp. 599-624.
44. Said E. *Orientalism*. 1978. London: Penduin, 340 p.
45. Spivak G. *An Aesthetic Education in the Era of Globalization*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2013. 607 p.
46. Spivak G. *Can the Subaltern Speak?* Frankfurt: Turia& Kant, 2007. 159 p.
47. Scheinman T. *A tweeter post*. URL: <https://onsizzle.com/i/ted-scheinman-follow-ted-scheinman-and-in-the-end-britain-1025159> (проверено 18.08.2016 r.).
48. Thiong'o N. *Moving the Centre: The Struggle for Cultural Freedoms*. James Currey, 2008. 208 p.

About the author

Nargis T. Nurulla-Khodzhaeva – Dr. Philos., Senior Research Fellow at the Center for Central Asian, Caucasian and Uralo-Povoljiyn studies of Oriental Studies Institute of Russian Academy of Sciences.
E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com.

ЭВОЛЮЦИЯ «БРЕМЕНИ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА» В БРИТАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ XX ВЕКА

Е.Е. Ибраев

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова. Казахстан, 110000, Костанай, ул. Байтурсынова 47.

В статье рассматриваются особенности эволюции на киноэкране так называемого «бремени белого человека», или «цивилизаторской миссии» англичан в колониях Британской империи. Предметом исследования явились художественные ленты Великобритании 1930-1980-х гг. С помощью авторской методики анализа идейного содержания лент и контекста их сюжетов выяснилось, что представления о «бремени белых» менялись не только под воздействием текущей общественно-политической обстановки в метрополии и в мире, но и в значительной степени трансформировались под влиянием высокохудожественных произведений английских режиссёров, каждый из которых стремился привнести в сюжет о «цивилизаторской миссии» собственный взгляд и видение подобной особенности существования Британской империи. Первые художественные киноленты, посвящённые колониальной тематике, неслучайно пришлись на период идейного кризиса империи в 1930-е гг., они несли в себе мощный посыл мировой киноаудитории, суть которого заключалась в том, что Британия несёт колониям только «добро и справедливость», что без неё имперские провинции навечно останутся прозябать в «темноте и невежестве». Эти фильмы несколько примирили английскую общественность с мыслью о необходимости сохранения империи. После распада колониальной системы появляются киноленты, критикующие культурную экспансию европейцев в государствах Азии и Африки. Акцент в этих фильмах делался на высокомерии и жестокости британцев по отношению к автохтонным народам. Своего апогея киноэволюция «бремени белых» достигла в 1980-х гг., когда в самой Великобритании стало формироваться мультикультурное общество. Киноленты этого десятилетия были посвящены полному развенчанию «цивилизаторской миссии» и признанию империей ошибок во взаимоотношениях с населением колоний.

Ключевые слова: Британская империя, английский кинематограф, «цивилизаторская миссия», туземцы, англичане, колония, Индия, Африка, миссионер, идеология, пропаганда.

В XX в. многие значимые исторические события получили своё художественное воплощение в кинематографе. В силу своей массовости и доступности, игровое кино занимает особое место в общественных взглядах на историю. Черпая идеи из окружающей реальности, кинематограф не только является отражением, неким барометром отношения к прошлому и настоящему, но и в силу своей идеологической и пропагандистской функций, служит политическим инструментом, задавая в известной мере направленность восприятию исторического процесса.

Такое явление, как Британская империя не могло оказаться вне поля зрения деятелей киноискусства. Колониальная система Англии была благодатной почвой для возникновения оригинальных художественных сюжетов, а ближе к своему историческому финалу, она вообще нуждалась в регулярном заряде в виде пропагандистских кинолент.

Британский художественный кинематограф содержит внушительный ресурс самой разнообразной информации. Особенное значение имеет отражение на киноэкране основных постулатов имперской идеологии, тех превращений, которые они претерпевали под влиянием обстоятельств.

Вопросами отражения имперской политики на киноэкране занимались в разное время различные исследователи. Необходимо отметить коллективную работу с характерным названием «Кино и конец империи», редакторами которой выступили Ли Гривсон и Колин Макейб [15]. В ней анализируются художественно-кинематографические образы политиков, чиновников, военачальников 1930-1940-х гг., то влияние, какое они оказывали на зрительскую аудиторию в колониях Англии, отношение местного населения к имперской политике. Процесс изменения исторических и концептуальных основ английского кино и роль художественного киноискусства в развитии имперской идеологии исследуется в другом труде под редакцией Гривсона и Макейба [16].

Внимание к английскому колониальному кино не ограничивалось британскими исследователями. Традиционный конкурент – Франция – также внимательно наблюдал за ходом развития киноискусства в Англии, обращая особое внимание на его пропагандистское содержание. Фундаментальный шеститомный труд французского киноведа Жоржа Садуля ценен обширной информацией фактологического характера об истории мирового кино, с момента его зарождения до конца 1960-х гг. Рассказывая о кинопропаганде, посвящённой англо-бурской войне, Садуль высмеивает наивные и архаичные режиссёрские приемы по возвышению статуса британского солдата и уничтожению буров. В первом томе своего произведения киновед напрямую говорит о том, что английская документальная хроника в реальности – лишь инсценировка событий,

сфабрикованная из подлинных кадров и художественных постановок [17].

Об излишней политизации британского кино пишет польский киновед Ежи Теплиц в своём исследовании «История киноискусства. 1934-1939». Теплиц критикует режиссёра А. Корду и его кинокомпанию «Лондон филмз» за возрождение имперской идеологии «бремени белого человека». Пессимизм киноведа увеличивается в связи с тем, что Корда «был убеждённым англофилом и вполне искренне верил, что империалистическая политика ... является единственно верной политикой» [13, с.117]. Практически все «колониальные» киноленты Александра и его брата Золтана Корда, удостоились в книге Теплица таких эпитетов, как: «белый патернализм по отношению к цветному населению», «повторение давно отзвучавших мелодий “Великой империи”», «повествование в стиле рассказов о завоевании Судана из шовинистических школьных хрестоматий». К сожалению, критика английского «колониального» кино у Теплица такими эпитетами собственно и ограничивается. Подробного и глубокого анализа слабых сторон британского кинематографа середины XX в. в книге польского киноведа нет.

И.И. Трутко продолжает критицизм по отношению к имперскому кино Великобритании. В книге «История зарубежного кино» одна из глав посвящена кинематографу Англии 1929-1939 гг. В этой главе Трутко упрекает Р. Киплинга в создании шовинистической идеи «бремени белых», которая придала «... колонизаторам ореол жертвенности» [5, с.210]. Туземцы же, согласно этой идее, изображаются на киноэкране как «... отсталые, малоразвитые люди, которым на роду написано быть слугами белых господ». И.И. Трутко создаёт схематичную концепцию отображения персонажей, представленных в колониальных лентах «Лондон филмз». Англичане, с её точки зрения, как правило, предстают благородными, честными, волевыми, прямолинейными людьми. Туземцы делятся на тех, кто служит Короне, обожествляет англичан и готов ради них идти на смерть, а также на тех, кто борется с англичанами, и является, согласно замыслу фильма – жестокими и кровожадными дикарями.

Постимперское кино Великобритании также привлекло внимание немалого количества исследователей. Из наиболее значимых работ следует упомянуть сборник под редакцией Р. Мерфи [20]. Авторы статей выявляют особенность имперского кино, место цензуры в развитии английского фильма, а также уделяют внимание появившемуся после распада колониальной системы совместному британско-азиатскому кино.

Видное место среди киноведческих трудов, специально освещающих тему империи в английском кино, занял сборник работ под редакцией Стюарда Уорда и Джона Маккензи [14]. В нём историками киноискусства изучается ки-

■ Критические исследования

нематографическое влияние на общественную атмосферу и политическую идеологию Британии 1940-1980-х гг. Падение Британской империи авторы связывают с послевоенным шоком англичан и утратой ими веры в имперские ценности.

Вместе с тем в упомянутых книгах отсутствует детальное описание кинообразов колониальных персонажей, которые создавались с учётом актуальной обстановки в стране и мире. Авторы не дают сведений о происходившей эволюции трактовки «бремени белого человека» в кино и в общественном сознании в период распада колониальной системы Великобритании. Данная статья призвана как проследить эволюцию идеологии «цивилизаторской миссии» англосаксонской расы через призму художественного кинематографа Великобритании первой половины XX в., так и выявить признаки рефлексии английской общественности по поводу своего имперского прошлого.

Методологической основой статьи выступает культурная история. Воспринимая реальность как конструируемый человеком социальный феномен, данное направление историографии рассматривает культуру, язык в качестве активной созидательной силы, пронизывающей все сферы жизни человеческого общества. Это в полной мере относится к искусству кино, эффективно формирующему представления о внешнем мире, которые в обратном порядке оказывают мощное преобразующее воздействие на него самого.

Будучи, согласно Ю.М. Лотману, коммуникативной и символической системой, духовная культура погружает человека в мир художественных образов, мифов, лингвистических форм. В данной связи особое значение приобретает феномен формативной роли настоящего в создании и трансформации образов прошлого, меняющихся под влиянием времени, накопления опыта, появления новых общественных потребностей, равно как и «вмешательства» прошлого в настоящее [9, с.385-389].

Принципиальные установки такого рода позволяют практически подойти к решению одной из важнейших задач исторической антропологии – реконструкции субъективной реальности, являющейся содержанием сознания людей данной эпохи [2, с.56].

Методология культурной истории содействовала выработке адекватных представлений о таких необходимых для достижения поставленной в статье цели архетипах как «образ империи», «культурная память», «исторический миф».

Наиболее важным из них является сложившийся в общественном сознании «образ империи». Необходимо было разграничить и провести параллель между научным представлением об империи и киноэкранном воплощении колониальной системы Англии. Кинообраз империи в силу своей доступности доминировал в общественном сознании, начиная с 30-х гг. XX в.

Взгляды продюсеров, режиссёров, сценаристов подменяли собой научно-историческое знание, и, соответственно влияли как на оценку общественностью имперского прошлого, так и в известном смысле на состояние отношений между метрополией и колониями.

«Культурная память» в исследовании понимается как система базовых представлений общества об имперском прошлом, такая память обыкновенно «закрепляется в памятниках культуры и социальной традиции» [12, с.11]. В XX в. особое значение для формирования культурной памяти имеют аудиовизуальные источники разных типов – кино, радио, телевидение. Создавая антураж своих произведений, лучшие кинохудожники Британии стремились как можно более полно и точно воссоздать декорации, костюмы персонажей, артефакты колониальной эпохи. Достижение документальной достоверности художественного изображения исторического пространства диктовалась как профессиональным стремлением самих режиссёров погрузить зрителя в отображаемую эпоху, так и наличием очевидцев империи, могущих уличить авторов в фальсификации. Наблюдение визуальной составляющей фильма о колониях позволяет не только изучить историко-культурные особенности имперского периода, но и понять символизм многих сцен, операторских приёмов, авторскую трактовку исторических событий.

Ещё один исследуемый нами научный архетип – «исторический миф» – прочно связан с онтологическими, социальными и культурными категориями «памяти», «истории», «политики», «массового сознания» [3]. В британском кинематографе данный архетип нашёл свое яркое воплощение, пережив не только взлёты, но и не менее примечательные развенчания, как в случае с «бременем белого человека». Под влиянием киноискусства эта идеологическая основа цивилизаторской миссии, утрачивая прежние ценностные качества, постепенно теряла свою значимость.

Научная новизна исследования заключается в том, что изучение некоторых аспектов истории Британской империи велось через призму художественного кинематографа с применением научно-исторических методов и приёмов.

Выбор такого подхода способствовал включению в научный оборот мало востребованного, однако, важного и насыщенного информацией источника. Таким образом, впервые в российской историографии за основу анализа ряда феноменов имперской истории Великобритании (в этой статье феномен «цивилизаторская миссия») взят художественный кинематограф как информационный источник о явных и скрытых инструментах строительства и сохранения Империи, а также постимперской рефлексии.

В исследовании применена самостоятельная методика анализа кинематографических персонажей, диалогов, операторских и сценарных

приёмов, литературных киноадаптаций, что в итоге и позволило использовать игровой кинематограф как ценный исторический источник.

Суть этой методики заключается в сравнении киносюжета с историографическими интерпретациями событий или биографиями личностей, изображённых в фильме. Особое внимание уделялось вопросу – какие ключевые изменения внёс режиссёр или сценарист в характер и мотивацию героев, в ход сюжетного повествования относительно версии, устоявшейся в научной литературе. Анализ таких изменений позволяет выявить контекст создания фильма, его связь с текущей политической ситуацией, общественными настроениями. Для этого требуется исследование как канвы, так и деталей сюжета, режиссёрских подходов, операторской работы.

В середине XIX столетия в Англии появляется новая идея изъятия сущности и исторического оправдания Британской империи, ставшая впоследствии весьма распространённой и популярной концепцией в британской историографии. Речь идёт о теории «цивилизаторской» миссии англо-саксонской нации.

В конце XIX в. под влиянием настроений и идей «нового» империализма данная концепция переживала настоящий расцвет. С легкой руки крайне популярного тогда Редьярда Киплинга, опубликовавшего в 1899 г. стихотворение «Бремя белого человека», его заглавие совершенно естественно стало ассоциироваться с теорией цивилизаторской миссии.

Сам автор стихотворения «Бремя белого человека» видел смысл своего произведения в том, чтобы сорвать непроницаемую завесу непонимания между народами, на свой европейский манер найти необходимую связь между британцами и туземцами. Более того, представить колониальную политику англичан как высшую миссию по преобразованию народов колоний в культурно-цивилизационном плане. Идеология «бремени» не только стимулировала в историографии аналогичное направление, но и, безусловно, «сыграла важнейшую роль в модификации английской этнической картины мира [11, с.40-41].

В Британии и колониальной Индии появился и стал развиваться некий культ «воинственной энергии, суровой и по отношению к себе, и по отношению к другим, ищущей красоту в храбрости, справедливость – лишь в силе» [4, с.189]. Такой тип человека «стал воспеваться и романтизироваться в имперской литературе» [21, р.57-58]. В таких условиях империя была для её adeptов «средством нравственного самовоспитания» [19, р.123]. Прежде всего, это касалось Индии, которая виделась «раем для мужественных людей» [18, р.103], героически переносящих разлуку с домом, семьёй, ежедневный риск и опасности.

Как не без сарказма писал Джозеф Конрад, «завоевание земель, которое по большей части означает, что их отнимают у тех, кто сложен иначе, или у кого более плоский нос, чем у нас, если

взглянуть на него пристальнее, дело не слишком привлекательное. Единственное, что его искупает, – продолжает знаменитый английский писатель, – одна только идея, которая лежит в основе всего; не сентиментальная уловка, а именно идея; и беззаветная вера в неё. Нечто, что можно воздвигнуть и затем заставить кого-то перед ней склониться и принести жертву» [6, с.3].

В 1930-е гг., эту идею подхватывают кинохудожники предвоенной Британии, снявшие серию картин, посредством которых они старались убедить весь мир, и, прежде всего, самих англичан в том, что уход из колоний будет равнозначен отказу от цивилизаторской миссии и губительно скажется на судьбе «цветных» народов. Именуемые в истории кино «колониальными драмами», эти фильмы увлекали зрительскую аудиторию приключенческим сюжетом в экзотической стране, где европейцы должны были являть «гений колонизации», который делал Британскую империю самой великой в мире.

В 1935 г. старший из братьев Корда Александр снимает по книге широко известного в те годы автора Эдгара Уоллеса киноленту «Сандерс с реки». Сам писатель помимо того, что по стилю написания и выбора места действия подражал Р. Киплингу, решал также в своём творчестве идеологические задачи. А именно – пропагандировал старые идеалы новому поколению, идущему на военную службу.

Как и литературный первоисточник, фильм содержал распространённый в английской литературе стереотипный колониальный сюжет. Действие происходит в Центральной Африке, в бассейне реки Конго, где английский комиссар Сандерс, забыв о личном счастье, днём и ночью сохраняет относительный мир между враждующими местными элитами. В конце концов, он усмиряет бунтующее племя с их жестоким королём и передаёт власть в руки своего слуги Бозамбо, наследнику бывшей правящей династии, который попал в его дом ещё ребёнком.

Отобразивший на киноэкране все эти идейные установки фильм «Сандерс с реки» позволяет проследить, какие стереотипы содержала кинодраматургия колониальных лент того времени и как себе представляли «бремя белых» деятели кино.

Во-первых, это достаточно чёткое деление на «хороших» и «плохих», а точнее – белых и туземцев. Во-вторых, обязательное наличие туземца, который предан своему белому господину и видит в нём лишь защиту и добро. В-третьих, для колониальной ленты первичен государственный долг, нежели частные устремления. Например, в «Сандерсе», молодая английская пара откладывает свадьбу из-за того, что молодому человеку необходимо участвовать в подавлении восстания. Туземка, освобожденная «от гнёта» местного тирана, становясь женой нового правителя Бозамбо, учится европейским манерам и отказывается от прежних традиционных ценностей. Подобные пропагандистские ленты

с приключенческим сюжетом, как правило, заканчивались помпезным маршем военных под бравурную музыку или обращением к толпе с призывом хранить верность закону и порядку.

Аналогичное содержание имеют и другие «колониальные» фильмы конца 1930-х гг. Один из них – «Маленький погонщик слонов», снятый по сценарию Кипплинга в 1937 г. Золтаном Кордой. Фильм рассказывает о жизни десятилетнего индийского мальчика, который помог англичанам отыскать потерявшихся в джунглях слонов. Возраст персонажа не случаен, ведь по убеждению экранных сахибов, преданность туземцев своему господину нужно воспитывать с юных лет. После того как юный индеец находит слонов, английский чиновник в качестве благодарности предлагает ему отправиться на юг страны для учёбы в военном гарнизоне. Мальчик говорит, что не хотел бы расставаться с любимыми людьми и уезжать к чужим. Но сахиб отвечает ему, что всё прекрасно понимает, но так будет лучше для него. Однако впоследствии англичанин меняет свое решение. Когда маленький индеец с помощью своего прирученного слона спасает поселение от атаки диких слонов, чиновник уговаривает местных охотников принять мальчика в свои ряды. Таким образом, сахиб делает счастливым одного ребёнка, исполнив его мечту. Сам он тоже выглядит довольным судьбой, ведь его прислали в Индию, чтобы исполнять подобные миссии.

Юный актер по имени Сабу, исполнивший роль погонщика, появился и в другой ленте Золтана Корды – «Барабан», снятой годом позже, где подросток сыграл барабанщика Билла. Этот фильм является экранизацией исторического романа А. Мейсона, в котором рассказывается об упорной борьбе между двумя индийскими династиями за власть, о том, как в неё вмешиваются англичане и устанавливают в Индии мир и власть закона. Как видно, сюжет и замысел фильма весьма схож с фильмом о Сандерсе, разница лишь в месте действия. Но для колониального кино эта разница была совсем не существенна, поскольку и в Африке, и в Индии задачи и действия британцев мало чем отличались. Вышеописанные стереотипы из «Сандерса» разумеется, тоже были использованы в новой ленте.

Не углубляясь в пропагандистские приёмы фильма, обратим лишь внимание на интерпретацию в «Барабане» «бремени белых». Много экранного времени посвящено показу жизни европейцев в колонии, тому, как они постоянно ведут беседы о политике, не забывая ни на миг о смысле своего пребывания здесь. Мужчины, одетые в парадные мундиры, и женщины в изысканных нарядах, украшенных бриллиантами, танцуют в просторных и богато обставленных холлах. Всё это должно было радовать глаз британского зрителя и наполнять его сердце гордостью за империю. Но в то же время, по авторской мысли, персонажи всегда готовы сменить всё это празднество и роскошь на испытания ради

исполнения долга. Мужчины отважно воюют с теми, кто желает расчленения Индии и готовы к смерти во имя своей миссии. Женщины разделяют с мужьями тяготы колониальной жизни и ждут их с поля боя, предаваясь волнению и страху за их жизнь. Некоторых из них они не дождутся, ведь как сказал один из центральных персонажей фильма офицер Каррагер: «Когда территория охвачена войной, мир и порядок на ней восстанавливается, лишь после гибели одного из англичан». Здесь явно заключён традиционный намек на героическую гибель генерала Гордона при осаде Хартума и тому подобные жертвы, принесённые британцами во имя империи.

По сюжету одна из англичанок спасает молодого наследника династии, союзника империи, принца Асима от рук убийцы, нанятого враждующей стороной. Когда она перевязывает рану Асиму, тот очень растроганно и со слезами говорит: «Вы такая смелая, и такая добрая. Я не знал, что белые такие». В конце фильма традиционный финал – обоюдные поздравления от англичан и туземцев в связи с окончившейся в Индии войной, а затем индийцы, одетые в военную форму шагают ровными шеренгами под бой барабанов. Впереди оркестра юный Билл, на которого равняются остальные индийские барабанщики, ведь он уже – солдат британской армии.

Таким выглядело «бремя белых» в классических колониальных лентах. Фильмы содержали ряд шаблонных героев – солдат, чиновников, гражданских лиц из Великобритании. Этим персонажам не нужны были четко прописанные роли и характеры, зрителям достаточно было ассоциировать себя с кем-то из них, внимая пропагандистским речам и диалогам. Местные жители по сюжету делились на верных и послушных Короне, и «жестоких и мстительных дикарей, не желающих прощаться со своим варварским прошлым».

По воспоминаниям М. Корды, «фильмы о колониальных странах для Золтана всегда были неким компромиссом между режиссёрским стремлением максимально правдиво осветить жизнь колониальных народов, будь то жители Африки или индийцы, и желанием снять кино, которое демонстрировало бы англичанам их империю в положительном патриотическом свете» [7, с.171]. Автор мемуаров вводит понятие «бремя чернокожих людей», о котором Золтан прекрасно знал, наблюдая тяготы жизни колониальных народов, но справедливо полагал, что британские кинозрители лучше поймут «бремя белых», которое, кстати, всё еще давало хорошую прибыль. «Золтан несколько схитрил, сохранив верность теме о Бремении, но переименовав её по своему усмотрению», – разъясняет М. Корда.

Вторая мировая война и послевоенные годы сильно изменили общественное мнение относительно роли и места Великобритании в мире. Однако тема «бремени белых» продолжала появляться на киноэкранах, всё еще представляя

небезынтересный материал для новых режиссёров. Стереотип «цивилизаторской миссии» оказался слишком важен для массового сознания, чтобы от него можно было так легко отказаться. Но в изменившихся условиях он явно нуждался в переосмыслении.

В 1951 г. Золтан Корда вновь возвращает Африку на киноэкран, сняв свою последнюю ленту «Заплачь, любимая страна». Сценарий к фильму написал Алан Паттон, на основе своего одноименного романа 1946 г. Книгу, гневно осуждающую сегрегацию, частным порядком опубликовали спустя два года после официального введения апартеида. Правительство Южной Африки, разумеется, запретило произведение Паттона. Работа над экранизацией стартовала в начале 1951 г. Сигналом послужили появившиеся «законы о пропусках», существенно ограничившие свободу чернокожих на передвижение. В тот же год лидер борьбы с апартеидом Нельсон Мандела открыл для коренных африканцев первую в стране юридическую фирму.

Главными героями фильма являются Стефан Кумало, чёрный сельский священник, и Джеймс Джарвис, белый фермер, проживавшие по соседству, но никогда не встречавшиеся. История начинается с момента посещения Стефаном Йоханнесбурга, где священник надеется узнать, что стало с его сестрой Гертрудой и сыном Авессаломом. Как выясняется, Гертруда, приехав в большой город на учёбу, стала проституткой. Стефан старается выволить её из трущоб, где она ведёт свою несчастную жизнь. Позже мы узнаём, что ситуация с Авессаломом ещё хуже: он стал преступником, и во время ограбления убивает Артура Джарвиса – белого либерала, который добивался сооружения нового хорошего жилья для бедствующих чернокожих рабочих. Артур – сын Джеймса Джарвиса, расистски настроенного, о чём говорит сцена, где фермер недовольно ворчит, увидев в газете фотографию Артура, пожидающего руку негру в связи с успехами в своей программе жилищного строительства для коренного населения Южной Африки. И вот теперь другой чёрный человек лишил жизни его сына.

Но это трагическое событие имеет, по крайней мере, одно положительное следствие. Приехав в город после получения ужасной новости, Джеймс проводит много времени, читая дневники сына. Постепенно он приходит к пониманию, сочувствию и состраданию к чёрному населению страны. Позже, во время похорон Артура, он пожимает руку многим африканцам и говорит им, что работа Артура помогла ему увидеть истину. Фильм заканчивается сценой накануне казни Авессалома за убийство, когда Стефан и Джеймс обещают друг другу, что сделают всё для прекращения межрасовой войны в стране.

Как отмечалось в предыдущей главе, Золтан и Александр Корда во время съёмок фильма сталкивались с постоянными преградами.

Большая часть киноленты была снята в Южной Африке в расцвет эпохи апартеида; актёров, играющих в фильме основные роли, приходилось завозить под статусом «наёмных работников», чтобы не вызвать подозрений. Но, несмотря на трудности, братья Корда твердо решили снять фильм до конца. Эта кинолента явилась для них в некотором роде компенсацией за ту одностороннюю интерпретацию, которая содержалась в фильмах имперского периода. И пусть Александр, так до конца жизни и не отказавшись от своих прежних взглядов на место империи в судьбе колониальных народов, но считал своим долгом помочь тяжелобольному брату, являвшемуся сторонником леволиберальных идей.

Фильм «Заплачь, любимая страна» не содержит тех стереотипов и шаблонов, присущих довоенным колониальным лентам, но позволяет присоединить его к тематике «бремени белых». Прежде всего, тем, что в фильме есть персонаж Артура Джарвиса, мечтающего строить дома для чёрного населения столицы, и павшего от рук грабителя-убийцы. Но преступник выглядит не кровожадным дикарём или закоренелым рецидивистом, а предстает жертвой обстоятельств.

Подобное развитие событий свидетельствует о начавшейся эволюции, как кинематографической трактовки «бремени белых», так и общего восприятия межрасовых отношений. Отныне судьбы англичан и туземцев неразрывно связаны, никто не стоит особняком, выполняя оставшиеся в прошлом миссии. Разбирать завал, оставленный имперской эпохой, необходимо сообща. Эта мысль заложена в финальном диалоге между отцами, оставшимися без сыновей.

В сюжете последнего фильма Золтана Корды, слово «бремя» принимает разносторонний оттенок, теперь это уже и бремя чёрных, испытавших на себе все последствия колониальной политики, обернувшейся обострением социальных противоречий и ростом обоюдной ненависти.

В 1950-1960-х гг. экономические трудности Великобритании, деколонизация и создание большой группы независимых государств, действовали переосмыслению характера отношений бывшей метрополии с освободившимися странами третьего мира. Это привело к кризису имперского сознания британцев: утрате веры во всецелое либеральных ценностей и возможности создания «англоговорящего мира» на планете [17, с.158]. Его преодоление шло в рамках двуединого процесса: стремления понять кто мы, британцы; и формирования идентичности национальных меньшинств в Великобритании. С последними ситуация принимала тревожный и даже пугающий характер. В 1950-60-е гг. в Великобританию переселилось множество эмигрантов из Индии, Пакистана, Западной Африки и Вост-Индии. Как отмечает Кеннет О. Морган, «...Ситуацию подогревали подстрекательские речи крайне правого консерватора Инока Пауэлла, игравшего роль современной Кассандры. Согласно его предсказанию, в недалеком будущем

■ Критические исследования

«реки крови» потекут по улицам британских городов, как это было во время расовых волнений в США» [10, с.373]. В таких условиях было крайне необходимо снизить уровень межрасовой напряжённости в стране. Требовались доводы, которые объяснили бы общественности, что подобные стычки и обоюдная ненависть приведут к самым печальным последствиям.

Одним из таких доводов явился фильм «Долгая дуэль» режиссёра Кена Эннакина, выпущенный в прокат в 1967 г. Это было широкоформатное кинополотно с экзотической природой и съёмками, осуществлёнными в реальной по сюжету местности. Фильм содержал большое количество приключений, схваток, батальных сцен, в общем, всё то, что необходимо было для максимального охвата мировой киноаудитории. Сюжет рассказывает о британском правлении в Индии в 1920-е гг. Английский форт обязан поддерживать порядок и закон на своём участке. В то же время некоторые англичане симпатизируют освободительной борьбе индийцев. Но по долгу службы им приходится иметь дело с повстанцами и их предводителем Султаном. Фильм содержал большое количество штампов, характерных для западноевропейского кино 1960-х гг. Например, такие как наличие героя-европейца, сочувствующего местным жителям, его жестокого антагониста, совершающего акты насилия над туземцами, и гордого предводителя, борющегося с империей. И все трое, так или иначе, не согласны с колониальными порядками в Индии.

Фильм начинается с того, что один из богатых индийцев обращается к армейскому лейтенанту Стаффорду с просьбой найти пропавший скот. Англичанин, раздосадованный такой просьбой, вынужден, однако, оказать ему помощь, поскольку ревниво относится к должностным обязанностям, а именно к сохранению порядка и правосудия. Хотя пресловутое «бремя белого человека» ему порядком надоело.

Подозрение падает на одно из кочевых племен бенту, небольшую группу которых солдаты из английского форта ловят и заключают в тюрьму. На помощь своим соплеменникам приходит вождь по имени Султан, обладающий решительным и непокорным характером. Начинается долгая и бескомпромиссная война между британцами и бенту.

Ещё один протагонист фильма – учёный Тревор Юнг, изучающий местные племена. По причине того, что он знает о бенту больше всех, его назначают главным консультантом в отряде, созданном для охоты на вождя. Учёный в силу своих моральных убеждений, яростно отвергает любые попытки солдат с помощью силы заставить туземцев говорить и выдавать местонахождение Султана.

Режиссёр довольно жёстко обвиняет носителей «бремени белых», показывая пытки молодой индианки, приближенной Султана. Юнг с ужасом смотрит на это, но будучи не в силах

что-либо изменить, снова отправляется на поиски индийского вождя, и снова намеренно даёт ему шанс уйти от преследования.

Исход противостояния, конечно, предreshён, через год война Султана закончена. В последнем бою он, тяжело раненный, отдаёт своего малолетнего сына Юнгу, веря, что тот о нём позаботится. Юнг в ответ даёт умирающему вождю винтовку, чтобы он мог покончить с собой.

Многое в этом фильме напоминает поздние колониальные ленты З. Корды («Четыре пера», «Заплачь, любимая страна»). Так, в картине Эннакина присутствует изображение поступков, порочащих честь британского мундира: это жестокое обращение с местными племенами, особенно теми, кого не затронула цивилизация, кадры с безмятежным идиллическим бытом народа бенту, который будет разрушен бесцеремонным вторжением английских солдат. Мысль, что в этой стране гибнут не только британские военные, но и местное население, во многом загораживает приключенческая составляющая ленты, но всё же не до конца. Юнг вовсе не против военного присутствия англичан в Индии. В споре с братом он защищает Стаффорда, говоря «без него и ему подобных, нас просто выкинут отсюда. Наша инициатива ознакомить туземцев с нашей цивилизацией закончится ничем». Здесь в словах учёного, ключевым является слово именно «познакомить», но не «заменить».

Юнг пытается сохранить для потомков культуру Древней Индии. Он делает копии с предметов искусства, опасаясь, что эта цивилизация рискует превратиться в двойника Англии из-за особо ретивых поборников «окультуривания». Его невеста, глядя на работу Юнга, говорит: «А разве британская цивилизация никуда не годится? – Нет, – отвечает молодой учёный, – она великолепна. Но только у себя, в Британии».

Когда молодой учёный, отлично знающий индийскую культуру и всецело уважающий её, становится настоящим носителем «бремени белых», как того и хотели авторы фильма. Мальчик будет воспитан в лучших традициях европейской культуры. Лейтенант Стаффорд не может арестовать Юнга за его поступок с ружьем, и, стиснув зубы, смотрит им вслед. Авторы тем самым проводят мысль: военный сам виноват, ведь он ошибочно расценил «миссию белого человека» как террор и бескомпромиссность по отношению к индийцам.

В конце фильма демонстрируются красивые пейзажи Индии, слышится народная песня о любви и молодости. Авторы намекают, что борьба будет продолжаться, но всем было бы лучше без неё.

Так, благодаря киноленте К. Эннакина, возникает новая модификация «бремени». В ней ещё сохраняются скрытые рассуждения, оправдывающие политику по отношению к колониальным народам, но в то же время в нём нет места для отчаянного героизма за идеалы империи.

Главная идея фильма в том, что именно такие англичане, как учёный Тревор Юнг, были нужны Индии, что без них её захлестнул бы хаос из-за войн между новыми Стаффордами и Султанами. Долг Британии состоял в том, чтобы цивилизованно и культурно убедить индийцев, что без связи с Англией их будущее весьма туманно.

Своеобразной кульминации эволюция «бремени белых» на киноэкране достигла в 1980-е гг. События с Фолклендскими островами и напряжённость Англии с Аргентиной побуждали режиссёра Роланда Жоффе взглянуть на тему «бремени белых» по-своему и осветить его последствия для коренных жителей южноамериканского континента. Таким фильмом стала «Миссия», снятая по сценарию Роберта Болта, в 1986 г.

Здесь авторы приложили все усилия к тому, чтобы их кинолента стала по-настоящему «антиколониальной драмой». В качестве инструмента такой пропаганды они взяли метод, который применялся и ранее в схожих сюжетах, но использовали его в совершенно противоположном направлении. Речь идёт об изображении миссионерской деятельности европейцев среди туземного населения, в данном случае – Южной Америки. Сюжет повествует о двух людях, миссионере и колонизаторе, которые объединились для того чтобы защитить племя индейцев от жестокого гнета их родной Португалии.

Фильм весьма неоднозначно приняла киноаудитория 1980-х гг. С одной стороны, он может показаться очередной кинолентой, рассказывающей о таком событии в истории южноамериканского континента, как деятельность миссионерских организаций. С другой стороны, фильм Жоффе является новой интерпретацией в кино «бремени белого человека». Среди кинокритиков утвердилось мнение, что режиссёр ставил перед собой задачу углубить сюжетную канву оригинала и впервые в истории кинематографа показать европейцев глазами индейцев Южной Америки. «...Существовал истинный замысел режиссёра Роланда Жоффе, который не до конца был удовлетворён сценарием признанного английского драматурга Роберта Болта и хотел, прежде всего, показать на примере судьбы племени гуарани всю тяжесть от т.н. «бремени белых» и «эмоционально проникнуть», по словам самого Жоффе, в трагедию народа, беззащитного перед другой цивилизацией» [8, с. 123], – пишет российский киновед С. Кудрявцев.

В фильме показана миссия иезуита Габриэля по созданию в лесах Амазонии утопической христианской общины, состоящей из местных индейских племен. Его полная противоположность – Родриго Мендоса, охотник на индейцев и торговец, пришедший к Габриэлю после тяжёлой утраты и пересмотревший свои взгляды на жизнь. Отрицательными персонажами в фильме предстают португальские колонизаторы, желающие уничтожить индейские племена и присвоить их территории.

В этом фильме Роланд Жоффе поясняет, что счастья и благополучия на далёкой земле можно достигнуть, лишь если прибывшие примут местный уклад, культуру, будут жить в согласии с природой и не искать ежеминутно выгоду и прибыль. Об этом фильм говорит устами главного героя, священника Габриэля, осуждающего хищнические стремления европейцев, приводящие к тяжёлым последствиям для местных народов: «Испанские и португальские власти разрушают этот земной рай, чтобы покой и счастливая жизнь простых людей не омрачала их правление. А наши колонизаторы этому только способствуют».

Фильм проводит прямые параллели между такими понятиями, как «бремя белых», расизм и колониализм. Теперь это тяжкое бремя вины, осознание всей тяжести своих преступлений на американском континенте. Крупным планом показаны лица индейских детей, безмолвно смотрящих на то, как жестокие люди в доспехах убивают и захватывают в плен их родителей. Фильм Р. Жоффе завершается сценой с сидящим за столом отцом Габриэлем, который молча пристально смотрит в глаза зрителям, словно предупреждая: помните о том, что было и чего можно было избежать.

Идеологическая направленность киноленты была с пониманием встречена критиками. Фильм Жоффе в 1986 г. был награждён Золотой пальмовой ветвью – главной премией Каннского кинофестиваля.

Образ отца Габриэля олицетворяет современных европейских режиссёров, которые также берут на себя бремя исторической правды и несут его через все препоны к широкой зрительской аудитории. Здесь уже нет деления на англичан, французов, испанцев, португальцев. Жоффе – этнический француз, но английский режиссёр, который снимает об испанско-португальском владычестве над Южной Америкой с участием британских и американских актёров, что указывает теперь на «бремя белых» как одинаковое для всех.

Как видно, кинематографический сюжет о «бремени белого человека» и явился той концепцией, которая позволяла зрителям взглянуть на империю в свете реального времени. От смены эпох, общественных представлений и событий проистекало изменение, эволюция взглядов на указанный сюжет. Это в свою очередь влекло и постоянную смену образа империи в общественном сознании и на киноэкране.

Тонко чувствуя эпоху, художники субъективно формировали и направляли общественное мнение. Экранная трактовка «бремени» 1930-х гг. внушала зрителям, что без присутствия британцев колонии накроют волны насилия и мракобесия, вызванные междоусобными войнами, религиозным столкновением и борьбой местных элит за власть. Только героическое служение империи и верность долгу перед колониальными народами будут способствовать процветанию не

■ Критические исследования

только жизни «туземцев», признавших всё благородство миссии белого человека, но и самой англосаксонской нации.

После Второй мировой войны и распада империи тема «бремени белых» не исчезла с киноэкрана, напротив, она получила весьма определённый импульс к своему развитию вследствие постимперской рефлексии и осознания ошибок прошлого. В фильмах 1950-60-х гг. присутствуют не только те персонажи, что честно несли на себе «бремя», но и образы, которые неосознанно или умышленно нарушали в колониях христианские заповеди, и давали волю своим низменным чувствам.

В 1980-е гг. европейская режиссура окончательно опровергает необходимость «миссии». В кинолентах этого десятилетия жизнь и цивилизация народов колоний показаны необычайно разнообразно и объёмно. Потуги британцев что-то изменить или искоренить в культурном облике «туземцев» либо тонут в экзотической гуще из местных представлений и порядков, либо выглядят как акты насилия и даже вандализма. Такой акцент на негативные стороны «бремени» был вызван, прежде всего, тем, что в самой Великобритании стало формироваться мультикультурное сообщество, и необходимо было осветить те проблемы, которые появились в ходе его развития.

В результате трактовка «бремени» постепенно потеряла тот романтический ореол, которым

она была окружена в собственно имперский период. С каждым новым фильмом, являвшимся очередной ступенью в развитии «бремени» на экране, империя приобретала черты архаичной, жесткой, даже жестокой механической системы, перемалывающей культуру и зарождавшееся национальное самосознание колониальных народов. Такие имперские установки, как «наша святая обязанность править этими людьми» и «Англия несёт свет невежественным народам», к концу XX в. окончательно потеряли свой прежний смысл и порой звучали как шовинистические призывы

Конечно, практически все авторы кинолент о «бремени» были в той или иной степени зависимы от госзаказа или политики кинокомпаний. Но своими искусными режиссёрскими приемами, сценарными адаптациями, операторской работой они выходили за рамки существовавшей идеологии в стране, создавая на экране яркие объёмные образы, неподдельную драматургию, живую атмосферу происходящего. Можно утверждать, что высокохудожественные кинопроизведения в свою очередь ставили в зависимость официальную политику Лондона, который после зрительского успеха кинолент был вынужден считаться с требованиями кинематистов и давать согласие на более тонкое и сложное изображение существовавшей империи.

Список литературы

1. Британская империя: становление, эволюция, распад. Под ред. В.В. Высоковой. Екатеринбург: Волот, 2010. 188 с.
2. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. №1. С. 56-70.
3. Демин В.И. Исторический миф и миф об истории в современном постмодернистском романе. Автореферат кандидата филологических наук. М., 2012. 32 с.
4. Казалиан Л. Современная Англия. СПб., 1912. 189 с.
5. Колодяжная В., Трутко И. История зарубежного кино. Т.2. 1929-1945 гг. М., 1970. 432 с.
6. Конрад Дж. Сердце тьмы. Перевод А. Кравцовой. СПб.: Азбука, 1999. 136 с.
7. Корда М. Ослепительная жизнь. // Искусство кино. 1998. № 2. С. 159-174.
8. Кудрявцев С. 3500. Книга кинорецензий. Т.2. М., 1987. 736 с.
9. Лотман Ю.М. Возможна ли историческая наука и в чем её функция в системе культуры // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. (1968-1992). СПб., 2000. С. 385-389.
10. Морган К. О. История Великобритании. М.: Весь Мир, 2008. 680 с.
11. Раппопорт С. И. Народ-богатырь: Очерки общественной и политической жизни Англии. СПб., 1900. 376 с.
12. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. 43 с.
13. Теплиц Е. История киноискусства. 1934-1939. Т.3. М., 1973. 272 с.
14. British Culture and the End of Empire (Studies in Imperialism). Ed. by Stuart Ward, John M. MacKenzie. L., 2001. 256 p.
15. Empire and film. Ed. by Lee Grieveson, Colin MacCabe. Palgrave Macmillan, 2011. 304 p.
16. Film and the end of Empire. Ed. by Lee Grieveson, Colin MacCabe. Palgrave Macmillan, 2011. 320 p.
17. Georges Sadoul. Histoire générale du cinéma. Tome 1. L'invention du cinéma (1832-1897). Denoël, 1946. 623 p.
18. Hutchins F. The Illusion of Permanency British Imperialism in India. L., 1967. 217 p.
19. Morris Ch. The Pragmatic Movement in American Philosophy. N-Y, 1970. 210 p.

20. The British Cinema Book. Ed. by R. Murphy. L., 2009. 464 p.
21. The Imperial Idea and Its Enemies. L., N-Y. 1959. 372 p.

Об авторе

Ерден Ерназарович Ибраев – магистр истории, соискатель учёной степени кандидата исторических наук при Челябинском государственном университете. Старший преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. E-mail: erden-ibraev@mail.ru.

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «WHITE MAN'S BURDEN» IN THE BRITISH CINEMA OF 20TH CENTURY

E.E. Ibrayev

Kostanai State University. Organization Address: Str. Baitursynov 47, Kostanay, Kostanay, Kazakhstan, 110000.

Abstract: *The article discusses the features of the evolution on the silver screen so-called "white man's burden" or "civilizing mission" in the British colonies of the British Empire. The means of research were British feature films 1930-1980-ies. Using the author's methods of analysis of the ideological content of tapes and the context of their stories, it became clear that the idea of the "burden of the white" changed not only under the influence of the current socio-political situation in the metropolis and in the world, but also to a large extent transformed under the influence of highly artistic works of British directors each of which sought to bring to the story of the "civilizing mission" own view and vision to such a feature of the existence of the British Empire. The first feature films dedicated to the colonial subjects, by chance came the period of the ideological crisis of the empire in 1930, carried a powerful message of world film audience, the essence of which was the fact that Britain bears colonies only "good and justice" that without imperial province will remain forever languish in "darkness and ignorance." These films have reconciled a few British viewers with the idea of the need to preserve the empire. After the collapse of the colonial system there are films that criticize the cultural expansion of Europeans in the countries of Asia and Africa. The emphasis in these films was placed on the British arrogance and cruelty to the autochthonous peoples. The apogee evolution "burden of the white" reached in 1980, when Britain itself was to form multicultural society. The films of the decade have been devoted to the complete discrediting of the "civilizing mission" and recognize their mistakes in the relationship with the population of the colonies.*

Key words: British Empire, English cinema, "civilizing mission", natives, British colony, India, Africa, missionary, ideology, propaganda.

References

1. *Britanskaia imperiia: stanovlenie, evoliutsiia, raspad* [The British Empire: the formation, evolution and decay]. Pod red. V.V. Vysokovoi. [Ed. V.V. Vysokova]. Ekaterinburg: Volot, 2010. 188 p. (In Russian)
2. Gurevich A. Ia. *Istoricheskaia nauka i istoricheskaia antropologiya* [The science of history and historical anthropology]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 1988. №1. Pp. 56-70. (In Russian)
3. Demin V. I. *Istoricheskii mif i mif ob istorii v sovremennom postmodernistskom romane* [Historical myth and the history of the myth in the modern post-modern novel]. Avtoreferat kandidata filologicheskikh nauk. [Dissertation of the candidate of philological sciences]. Moscow, 2012. 32 p. (In Russian)
4. Kazalian L. *Sovremennaiia Angliia* [Modern England]. Saint-Petersburg, 1912. 189 p. (In Russian)
5. Kolodiaznaia V., Trutko I. *Istoriia zarubezhnogo kino. T.2. 1929-1945*. [The history of foreign films. Vol.2. 1929-1945]. Moscow, 1970. 432 p. (In Russian)
6. Konrad Dzh. *Serdtshe t'my*. [Heart of Darkness. Translated by A. Kravtsova]. Saint-Petersburg: Azbuka, 1999. 136 p. (In Russian)
7. Korda M. *Oslepitel'naia zhizn'* [Diamond life]. *Iskusstvo kino* [Art of Cinema]. 1998. № 2. Pp. 159-174. (In Russian)
8. Kudriavtsev S. *3500. Kniga kinoretsenzii. T.2. [3500. Book of movie reviews. Vol.2]*. Moscow, 1987. 736 p. (In Russian)
9. Lotman Iu.M. *Vozmozhna li istoricheskaia nauka i v chem ee funktsiia v sisteme kul'tury* [Can the science of history and what is its function in the system of culture]. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysliashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniia. Zametki. (1968-1992)* [Semiosphere. Culture and explosion. Inside minded worlds. Articles. Research. Notes. (1968-1992)]. Saint-Petersburg, 2000. P. 385-389. (In Russian)

■ Критические исследования

10. Morgan K. O. *Istoriia Velikobritanii* [History of Great Britain]. Moscow: All the World, 2008. 680 p. (In Russian)
11. Rappoport S. I. *Narod-bogatyri: Ocherki obshchestvennoi i politicheskoi zhizni Anglii* [People-heroes: Essays in social and political life of England]. Saint-Petersburg, 1900. 376 p. (In Russian)
12. Repina L. P. *Kul'turnaia pamiat' i problemy istoriopisaniia (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and the problem of historical (historiographical notes)]. Moscow, 2003. 43 p. (In Russian)
13. Teplits E. *Istoriia kinoiskusstva. 1934-1939. T.2.* [History cinema. 1934-1939. Vol.2]. Moscow, 1973. 272 p. (In Russian)
14. *British Culture and the End of Empire (Studies in Imperialism)*. Ed. by Stuart Ward, John M. MacKenzie. London, 2001. 256 p.
15. *Empire and film*. Ed. by Lee Grieveson, Colin MacCabe. Palgrave Macmillan, 2011. 304 p.
16. *Film and the end of Empire*. Ed. by Lee Grieveson, Colin MacCabe. Palgrave Macmillan, 2011. 320 p.
17. Georges Sadoul. *Histoire générale du cinéma. Tome 1. L'invention du cinéma (1832-1897)* [General history of cinema. Vol. 1. The invention of cinema (1832-1897)]. Denoël, 1946. 623 p. (In French)
18. Hutchins F. *The Illusion of Permanency British Imperialism in India*. London, 1967. 217 p.
19. Morris Ch. *The Pragmatic Movement in American Philosophy*. New York, 1970. 210 p.
20. *The British Cinema Book*. Ed. by R. Murphy. London, 2009. 464 p.
21. *The Imperial Idea and Its Enemies*. London, New York, 1959. 372 p.

About the author

Ibraev Ernazarovich Erden – Master of history, the competitor of a scientific degree of candidate of historical sciences at the Chelyabinsk State University. Senior teacher at Kostanay State University.
E-mail: erden-ibraev@mail.ru.

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ФЕМИНИЗМА

В.А. Музалевский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Статья посвящена демократизации как неокOLONиальной практике. Автор доказывает, что распространение демократии во многом схоже с колониализмом и цивилизаторской миссией как универсальными и даже мессианскими явлениями. Он считает, что эти явления, несмотря на схожесть своего происхождения, имеют разную «гендерную окраску»: колониализм имеет черты маскулинности, а цивилизаторская миссия – феминности. Автором рассмотрена история трансформации понятий «колониализм» и «цивилизаторская миссия». Проведены параллели между обоими явлениями, проанализировано, каким образом в разные эпохи интеллектуальный и общественный дискурс влиял на становление обоих феноменов. Проанализированы примеры национальных цивилизаторских проектов, их интеллектуальный потенциал и влияние на современную мировую политику.

Отголоски колониализма и цивилизаторской миссии видны в доктринах США и ЕС по продвижению демократии. Рассмотрев эволюцию практик демократизации, автор находит различия в стратегической культуре Соединённых Штатов и Европейского союза: если у американского истеблишмента обнаруживается склонность к маскулинным практикам распространения демократии («демократическое расширение», проект «Большого Ближнего Востока» и т.д.), то европейское руководство отдаёт предпочтение феминным практикам. С точки зрения постколониального феминизма, эти два подхода не приносят обоим акторам значимых дивидендов, поскольку предлагают неэффективные стратегии управления местным населением, не учитывающие, а зачастую отрицающие особенности культурной среды распространения демократии, уделяющие больше внимания скорее институциональным характеристикам (недостаток гражданских прав и свобод, отсутствие прозрачности работы органов государственной власти и т.д.). Автор отмечает, что современные стратегии распространения демократии создают эффект «двойной дискриминации», когда и местные народы, и местные женщины (навязывание образа «свободной и независимой западной женщины») ощущают себя «колонизованными».

Ключевые слова: демократизация, постколониальный феминизм, США, Европейский союз, колониализм, цивилизаторская миссия.

По своей сути, распространение демократии является наследником многих мессианских и универалистских феноменов, которые встречались во всей истории человечества. К ним можно причислить: распространение мировых религий; колонизацию эпохи Великих географических открытий, создание многочисленных империй в XVI-XIX вв. и т.д. Зачастую эти явления сопровождались насилием и подавлением локальной культуры и истории, что не могло не вызывать сопротивления. Маргинализация народов по всем аспектам их жизнедеятельности лишь способствовала нарастанию антиколониальных и антиимпериалистических практик. Их отражением в научном дискурсе стали различные постколониальные исследования.

Как ни странно, постколониализм и демократизация, будучи смежными понятиями (распространение демократии многие эксперты считают одним из инструментов деколонизации), редко рассматриваются в одной связке. Ещё реже специалисты прибегают к анализу постколониального феминизма, фокусирующегося на дискриминационной природе неоколониальных и неоимпериалистических практик.

Постколониальный феминизм предлагает совершенно новый взгляд на процесс демократизации, поскольку рассматривает проблемы дискриминации и угнетения, как на макро- (государственном), так и на микроуровне (межгендерные отношения). Использование этого подхода выявляет противоречие практики демократизации и её идеологии. Целью провозглашается борьба с подчинением и угнетением, но в практике присутствуют элементы подчинения и угнетения (подчинение меньшинств большинству, среди которых женщины как гендерное меньшинство оказываются наиболее уязвимыми). Такой подход позволяет также классифицировать по гендерному признаку различные современные стратегии демократизации, равно как и их исторические прототипы. Так, колониализм можно квалифицировать как маскулинную стратегию, а цивилизаторскую миссию – как стратегию фемининную. По логике следуют вопросы о гендерном содержании различных практик распространения демократии (фемининных или маскулинных) и о том, каким образом демократизация влияет на гендерные практики в демократизируемых государствах и обществе.

Для ответа на данные вопросы необходимо рассмотреть эволюцию понятия «демократизация» и связанных с ним феноменов колониализма и цивилизаторской миссии. Также нужно проанализировать практики распространения демократии США и Европы с точки зрения постколониального феминизма как наиболее ярких современных примеров. В заключение предстоит ответить на вопрос, что представляет собой современный процесс демократизации, и как он будет развиваться в будущем.

Демократизация: эволюция понятия в интеллектуальном и общественном дискурсе

«Демократизация» как политологическое понятие политической науки появилось в 1980-х гг. в двух значениях. С одной стороны, под демократизацией понимают демократические практики международных институтов и организаций. В другом значении демократизация – это увеличение числа демократических государств в мире. Распространение демократии происходит без учёта локальной специфики, а зачастую – и желания местного населения принимать демократическую модель. Данный контекст роднит демократизацию с колониализмом и цивилизаторской миссией, поскольку оба этих понятия также в определённой степени стремятся к универсализму и мессианству. Тем не менее в исследовательской среде, особенно в понятийном аппарате последователей постколониальной теории, цивилизаторская миссия практически не встречается. К примеру, Рамон Гроссфогель различает понятия «колониализм» и «колониальность» [10]. Оно означает наличие т.н. «колониальных ситуаций» (угнетение или эксплуатация по культурному, политическому, половому, экономическому признаку и уровню знаний доминирующей расовой/этнической группой подчиненной расовой/этнической группы при наличии или отсутствии колониальных администраций) в современных обществах. Колониализм понимается таким же образом, но в историческом контексте. Такой подход, претендуя на универсальность, не гармонирует с интеллектуальным и общественным дискурсом как прошлого, так и современности. Поэтому целесообразно продемонстрировать, как в данный контекст вписываются понятия «колониализм», «колониальность» и «цивилизаторская миссия», сравнив их.

Во-первых, колониализм не предполагает как такового долгосрочного мирного сосуществования с «цивилизуемыми» народами, которых ждёт либо рабство, либо полное истребление. Колонизатор стремится с максимальной выгодой для себя использовать ресурсы колонии. Цивилизаторская миссия наоборот призвана вселить в «цивилизуемых» веру в то, что они вписываются в «лучшее» общество по сравнению с тем, в котором они живут сейчас; что они нужны не как рабы, а как верные слуги метрополии, получающие практически равные возможности с её гражданами. Для идеологов цивилизаторской миссии было важно, чтобы «варвары» стали такими же «цивилизрованными людьми», как и они. Колониальность в принципе игнорирует мотивации «цивилизаторов», считая любые стратегии подчинения априори маскулинными.

Во-вторых, колониализм и цивилизаторская миссия, как стратегии подчинения, в том или ином виде появились достаточно давно. Колониальность, как мы видим, относительно современный феномен в постколониальной теории,

призванный объяснить лишь круг неокOLONиальных практик современности.

В-третьих, самое главное: колониализм был стратегией великих держав в XVI-XVIII вв. Однако цивилизаторская миссия во многом преобразовала все колониальные стратегии угнетения, добавив к присущей им маскулинности феминные элементы нормативной и дискурсивной власти (обучение туземцев языку метрополии и азам свободной легальной торговли) и предопределив самоидентификацию колониальных держав как империй. Колониальность же отказывает современному «цивилизатору» в праве на самоидентификацию. Поэтому использование данного понятия нам представляется ненужным, однако сам принцип непрямого управления, предполагаемый колониальностью, можно считать весьма полезным для дальнейшего развития постколониальной теории.

Возвращаясь к историческому контексту, стоит отметить, что эпоха Крестовых походов скорее относится к колониальным практикам. Несмотря на высокую цель походов и религиозность движения, поддерживаемую духовенством, они разочаровали многих современников и историков. Причины разочарования банальны – поведение крестоносцев в Святой Земле растоптало идеалы Церкви. «Цивилизаторская миссия» провалилась. Местное население ощутило подавление своей культуры, насильственное навязывание христианства, причём римско-католической его ветви. Это вызвало реакцию отторжения, хотя организаторы походов планировали привлечь не-мусульман к борьбе против арабов. Тем не менее идея совмещения любви и насилия во имя благой цели прочно закрепилась в средневековом богословском дискурсе благодаря активной поддержке папства, заложив фундамент, как для колониализма, так и для цивилизаторской миссии, и закрепив в качестве нормы маскулинные стратегии.

Первым же реальным примером «цивилизации» стали законы, выпущенные в Испании после окончания Реконкисты Фердинандом и Изабеллой в 1492 г. Испанское королевство из «королевства трёх религий» превращалось в «католическую монархию». Проживавшие же на территории королевства арабы и евреи должны были либо принять католичество, либо эмигрировать, поскольку за исполнением воли монарших особ следила сама Священная Инквизиция. Этот пример показал одно из главных стремлений цивилизаторской миссии – ассимилировать другие народы.

Великие географические открытия расширили возможности распространения цивилизаторских практик. Европейцы осознали, что кроме арабов, китайцев и индийцев существует большое количество различных народов со своей специфической культурой. Для них подобные народы были «другими», «варварскими». Можно сказать, что на тот момент среди различных европейских народов преобладала гоббсовская

культура «цивилизации», то есть они воспринимали коренные народы тех земель, что они открыли, как своих врагов. Хорошо это видно по деятельности испанских конкистадоров в различных американских государствах, начиная с ацтеков и заканчивая инками. В то же время Португалия и Испания как крупнейшие метрополии той эпохи занимались продвижением христианства как универсального вместилища всех цивилизаторских практик.

Однако уже в XVIII в., когда значительная часть открытых земель была уже колонизована, европейские державы начинают постепенно менять свою тактику и стратегию по отношению к туземцам. Классические откровенно маскулинные стратегии колониализма (вывоз ценных ресурсов из колоний, порабощение и продажа невольников из колоний и т.д.) постепенно эволюционируют в более изощрённые способы управления местным населением. Это стало следствием крупных исторических событий, как, например, Английская революция, продолжавшаяся с 1640 по 1688 гг. и завершившаяся трансформацией абсолютной монархии в конституционную, а также создавшая все необходимые предпосылки для становления Британской империи; наступление эпохи Просвещения, а позднее – Великая французская революция, которая утвердила в противовес классическим средневековым христианским ценностям гражданские свободы и равенство. Казалось бы, что эти события должны переломным образом повлиять на отношения колоний и метрополии, тем самым изменив степень подчинения первых последней. Однако даже среди философов того времени находились явные расисты. Таковыми можно назвать полигенистов (например, Вольтер), которые считали, что разные расы произошли от разных биологических видов. Нельзя сказать, что полигенизм способствовал распространению рабства в мире, учитывая, что не все полигенисты отрицали возможность научить чёрных людей культуре. Однако именно этот подход давал некое оправдание работорговцам и продолжавшемуся угнетению колониальных народов с использованием маскулинных практик.

Вопрос рабовладения и рабства как такового был одним из центральных в цивилизаторских практиках той эпохи, а также стал одним из ключевых факторов в распространении идей республики и демократии в общественных и интеллектуальных кругах Европы того времени. Первым «прогрессивным» теоретиком в этой области стал маркиз де Кондорсе, один из идеологов Великой Французской революции. Ещё в 1781 г. он написал памфлет «Размышления о рабстве негров» [9], в котором жёстко критиковал рабство и расизм. Он считал, что рабовладение не совместимо с социальной справедливостью, за которую выступали сторонники Просвещения. Эту идею де Кондорсе развил в своём главном труде – «Эскиз исторической картины

■ Критические исследования

прогресса человеческого разума» [3], описывая историю человеческого рода как некое движение к прогрессу. На этом пути он видел как времена подъёма (эпоха Возрождения) и периоды упадка (Средневековье). В последней части книги автор приходит к выводу, что рано или поздно прогресс восторжествует повсеместно, и каждый вне зависимости от расовой, гендерной и любой другой принадлежности получит возможность процветания. Прогрессистские идеи де Кондорсе в какой-то степени оказали влияние на деятельность практически всех правительств времён Великой французской революции, а также на политику Наполеона, в особенности в создании меритократических институтов для повышения эффективности чиновничьего аппарата, а, следовательно, и общественного прогресса. Всё это позволило в определённой степени снять один из барьеров (сословный) для развития человека в обществе, тем самым ослабив инструментарий государственного подчинения и введя впервые в практику государств фемининные стратегии.

Постепенно цивилизаторские практики видоизменялись и в XIX в. примечателен пример Великобритании. Здесь по-прежнему балом правили империалисты, которые чувствовали не столько превосходство над «варварскими народами», сколько сострадание к ним. Британцы первыми избавились от рабства и работорговли и начали принуждать к этому другие народы. Старыми миссионерскими методами привить цивилизаторские практики Британская империя не могла. Первым это понял великий британский путешественник и миссионер Дэвид Ливингстон, которого сегодня иногда называют первым «врачом без границ» [6]. Интересен его опыт тем, что он признал, что не существует «умственной или душевной неполноценности африканцев», а есть лишь «суеверия» и те старые уклады, которые мешают распространяться «цивилизации» на территории континента. Искоренять эти уклады он предлагал в первую очередь через свободную легальную торговлю, которая смогла бы перекрыть поставки рабов на невольничьи рынки, тем самым разрушив традиционную экономику африканских политий. По сути, британский путешественник одним из первых в истории Британской империи предложил новые фемининные практики подчинения туземцев.

Идеи Ливингстона перекликались с мыслями многих политических и государственных деятелей Великобритании. К примеру, Томас Маколей, ставший знаменитым своими взглядами задолго до экспедиций Ливингстона, считал, что «торговать с цивилизованными людьми гораздо прибыльнее, нежели управлять дикарями» [18]. В своём «Наброске об индийском образовании» он писал, что индийцы не должны обучаться грамоте на своём родном языке. Маколей надеялся сформировать англицизированный правящий класс, индийский по крови и цвету кожи, но английский по вкусам, мнениям, морали и интеллекту. Это было услышано. Британское

господство в Индии включало привнесение британской культуры в виде свободной торговли и капитализма, а также закона, порядка и хорошего управления. Британское правление стремилось прекратить хроническое состояние войн, жестокостей, беспорядка и деспотического правления. В Индии благодаря цивилизаторской миссии устанавливался мир и порядок на основе Pax Britannica.

Многое для развития цивилизаторской миссии сделал Томас Карлейл (1795-1881 гг.), выступивший с идеями реформирования империи. Так, он считал неправильно выстроенным управление и хозяйство, а также отстаивал тезис о превосходстве «белого человека», хотя и не являлся последовательным сторонником расового подхода. Карлейл придавал большое значение иерархичности общества: «наиболее глупым из нас быть слугами наиболее мудрых» [5]. Так, культурное неравенство рас, что прослеживалось в концепции цивилизаторской миссии, становилось основанием легитимности британского колониализма. В работах Джеймса Энтони Фруда (1881-1894) обоснование «цивилизаторской миссии англичан» звучало более конкретно. В своей «Океании» этот автор утверждал, что англичанам, подобно Римской Империи, выпала участь управлять отсталыми народами. Отсюда выводился тезис о необходимости опеки передовыми народами отсталых (фемининность).

Показательна поэма Редьярда Киплинга (1865-1936 гг.) «Бремя белого человека» - гимн империалистов, утверждавший основанное на национальном, расовом и культурном превосходстве право Британской империи господствовать в мире. В его же «Балладе о Западе и Востоке» прослеживается ярко выраженный гендерный аспект: слабые не смогут договориться между собой, а сильные *мужчины* всегда смогут. Другой видный британский деятель культуры Джон Раскин (1819-1900 гг.) в своей лекции «Имперский долг» называл англичан расой, замешанной на лучшей северной крови и обогащённой «тысячелетней благородной историей» [5]. На основе этих преимуществ Англия имеет не только право, но и мандат на расширение: «она должна найти колонии настолько быстро насколько можно». Джозеф Чемберлен (1836-1914 гг.) в лекции «Настоящая концепция империи» описывала англичан как «правлящую расу», чьё величие выражается в чувстве долга к дикому населению посредством своего благостного правления [5]. Нельзя сказать, что подобное «благожелательное господство» британцев над другими народами было безболезненным для всех. Несмотря на стремление привнести «блага цивилизации» в свои колонии, научить их жителей своему языку, данный процесс был процессом подчинения, но уже на некой «воспитательной основе» (фемининная практика), что можно назвать правительственностью, следуя терминологии Фуко [16].

Цивилизаторский дискурс французов был менее дискриминационным по отношению к колониям. Цивилизаторские практики и их культурный характер, который позже станет политикой франкофонии, были очевидны ещё в первой половине XIX в., когда у Франции было не так много своих колоний. Относительно небольшое количество колоний позволило французам сосредоточиться на строительстве школ и других институтов для наделения местного населения «благами цивилизации». При этом французское руководство разделяло мнение британцев о том, что народ метрополии превосходит народы колоний и только поэтому имеет право на «цивилизацию». Во многом благодаря завоеваниям Просвещения и внедрению фемининных стратегий подчинения своей политикой франкофонии Франция смогла добиться успеха, плоды которого можно наблюдать и по сей день.

У Германии и России не было, по сути, своих внешних цивилизаторских проектов до XX в. Российская империя, впрочем как и Германская, занималась внутренней колонизацией. Однако стоит отметить, что великий немецкий философ Иммануил Кант разработал в своём трактате «К вечному миру» [1] концепцию, во многом давшую жизнь современной демократизации и подытожившую завоевания эпохи Просвещения. Кант одним из первых отметил нарастающую взаимозависимость народов, а также постепенное отмирание трансформационной функции войны. В связи с этим он предлагал идею заключения договора «о вечном мире», который смог бы ликвидировать основания для военных столкновений между государствами. Идея сама по себе утопическая, что признавал сам Кант. Однако наиболее интересной статьёй этого трактата является та, в которой немецкий философ пытался описать формы миролюбивого государства, демонстрируя при этом преимущества республиканского устройства над монархическим и высказывая гипотезу о том, что республики не воюют. Впоследствии он развил идею необходимости творчества монарших подданных для процветания того или иного государства в эссе «Предполагаемое начало истории человечества» [2]. Кант задался вопросом, способно ли государство, сохраняя жёсткий аппарат подчинения, противостоять внешним военным угрозам («дикарям-кочевникам»). Ответ был отрицательным. Только если подданные смогут максимально реализовать свой потенциал, правитель способен обеспечить внешнюю безопасность, а для этого нужно предоставить им свободу. Кант полагает, что свобода рано или поздно кристаллизуется в богатство, которое привлечёт «варваров» к «цивилизации». При этом он делал акцент на гендерном моменте, подчёркивая «искусство нравиться, благодаря которому городские дамы затмевали чумазных женщин пустыни», тем самым маргинализируя последних типичной маскулинной риторикой. Однако Кант считал, что возможность слияния

«цивилизованных» и «варваров» создаст условия для деспотии и лишит цивилизованные народы свободы, доставшейся им с большим трудом. Немецкий философ заключил, что именно поэтому на данный момент «вечный мир» невозможен, а война остаётся двигателем общественного развития.

Возвращаясь к Германии и России, стоит отметить, что цивилизаторские проекты обоих государств оказались взаимосвязаны и даже в какой-то степени похожи. Марксистско-ленинская идеология и теория перманентной революции Троцкого должны были привлечь пролетариев всего мира, тем самым обеспечив повсеместную победу социализма. В Германии же появилась нацистская идеология, которая привела к власти Адольфа Гитлера и его партию НСДАП. В историческом контексте и в понятийном аппарате отсутствуют классические элементы цивилизаторской миссии (социализация «дикарей» посредством обучения). И советский, и германский проекты провалились, поскольку были слишком глобальными и утопичными. Однако если первый предполагал лишь освобождение класса рабочих с уничтожением класса буржуазии, то другой подгонялся под глобальное доминирование арийцев, а также подавление и геноцид неарийцев. Это были маскулинные стратегии подчинения.

Эпоха холодной войны не принесла значительных изменений в цивилизаторский дискурс, поскольку противостояние двух условных лагерей – социалистического и капиталистического – носило не столько идеологический характер, сколько было направлено на расширение СССР и США своей глобальной сферы влияния. Проблема заключалась в том, что любая страна могла объявить ориентацию на тот или иной лагерь, а его лидер априори должен был оказать такой стране всяческую поддержку. Таким образом, вопрос «цивилизации» вычеркивался на этот период из повестки дня.

Дальнейшая эволюция общественного и интеллектуального дискурса увенчалась формированием двух схожих проектов демократизации – американского и европейского.

Следует начать с американской цивилизаторской миссии. Она во многом основана на идее американской избранности, которая восходит корнями ещё к отцам-основателям США. С ростом влияния Соединённых Штатов как в Западном полушарии, так и в мире в целом эта идея нашла выражения во внешней политике США (доктрина Монро, доктрина Т.Рузвельта, доктрина Трумэна и т.д.). Однако решающее влияние на трансформацию американских цивилизаторских практик оказали идеи неоконсерватизма и теория демократического мира, окончательно превратившие процесс «цивилизации» народов в процесс их демократизации.

Неоконсерваторы в своём большинстве вышли из троцкистов [12]; всеобщий характер их теории и центральное место США в ней это

■ Критические исследования

косвенно подтверждают. Они были близки к окружению президента Рональда Рейгана, однако свои идеи смогли чётко сформулировать лишь в середине 1990-х гг. Главные современные идеологи неоконсерватизма – Уильям Кристол и Роберт Каган – ещё в 1996 г. писали о необходимости создания Соединёнными Штатами «гуманной глобальной гегемонии» во всём мире [15]. Одним из главных императивов их концепции была так называемая «моральная ясность» действий, по которой США, не дожидаясь появления угроз, должны активно распространять во всём мире американские политические принципы – демократию, рыночную экономику и уважение к свободе. Предлагалось это делать различными способами, вплоть до военных. Роберт Каган в своей книге «Возвращение истории» [13] пошёл дальше, и, развивая идею демократизации, предложил создать «лигу демократических государств», учитывая неэффективность НАТО и отсутствие единодушия среди союзников США по вопросу распространения демократии. Односторонность действий и нежелание идти на компромисс свидетельствует о доминировании у неоконсерваторов маскулинных стратегий.

Теория демократического мира (либеральные демократии не воюют) дополняла тезисы неоконсерваторов и имела полную поддержку у американского истеблишмента в 1990-е гг. Главные её теоретики – Брюс Рассет и Майкл Дойл – вдохновлялись трактатом Иммануила Канта «К вечному миру». В статье «Кант, либеральное наследие и международные дела» [9] Дойл писал, что либералы слишком акцентировали внимание на тезисе Канта о возможности достижения мира, не уделив должного внимания влиянию демократического устройства (республик у Канта) на внешнюю политику. Дойл поставил во главу угла вывод Канта о том, что внешняя политика республики проецирует те же либеральные ценности, которые сформированы во внутренней политике. Поэтому республики не могут оправдать перед собственными гражданами войну против других республик, признающие аналогичные нормы справедливости. «Либеральный интернационализм» и прогресс республиканства будут последовательно расширять «мирный союз», и который будет укрепляться по мере осознания, уяснения либеральными обществами варварства войны, а также под воздействием открытого междереспубликанского экономического взаимодействия. Как бы продолжая и развивая мысль Канта, Дойл утверждал, что те же либеральные ценности, которые формируют «мирный союз» между демократиями, питают их агрессивность по отношению к автократиям. Войны демократий против автократий Дойл уподоблял крестовым походам за распространение либеральных ценностей. Таким образом, Дойл оправдывал подавление авторитарных режимов в случае необходимости, что также является ярко выраженным проявлением маскулинности.

Несколько иную модель предложил Брюс Рассет в своей книге «Понимание демократического мира» [19]. Объясняя механизм «демократического мира», он выдвинул две основополагающие причины мирного предрасположения демократий друг другу. Первая – «культурно-нормативная» – причина заключается в том, что круг институтов и лиц, принимающих в демократическом обществе решения по внешнеполитическим вопросам, руководствуется теми же нормами, ценностями и опытом культуры политического поведения, которые укоренились в сфере политики внутренней, а именно на основе компромисса. Напротив, внешнеполитические решения авторитарных государств определяет бескомпромиссная культура подавления, свойственная их внутренней политике. Демократии исходят из предположения, что другие демократические государства разделяют их принципы. Но в отношении авторитарных государств такие ожидания у демократий отсутствуют. Вторая причина – «структурно-институциональная» – объясняет, что внутриполитические институциональные ограничения, такие как разделение властей, система сдержек и противовесов (конституционная система), необходимость поддержки возможных решений населением, следовательно, их предварительного публичного обсуждения – всё это замедляет или ограничивает принятие радикальных решений, особенно решения о начале войны [4].

Европейский проект также непосредственно связан с демократизацией, однако имеет несколько другую цель. Сама европейская интеграция, которая сейчас является главным столпом европейского цивилизационного проекта, развивалась достаточно долго для того, чтобы достичь нынешнего качества. Пройдя через многие внутренние и внешние кризисы, Евро-союз смог не только приспособиться к условиям, но и создавать свои собственные. Этот процесс можно охарактеризовать как нормативизацию, т.е. процесс применения Европейским союзом своей нормативной силы. Нормативная сила выступает рычагом, благодаря которому другие страны подчиняются нормам и правилам ЕС (мир, демократия, устойчивый рост и хорошее управление). Хорошо это заметно в ОВПБ (Общая внешняя политика и политика безопасности), где в договорах с другими акторами всегда присутствуют т.н. принципы кондициональности, показывающие, на каком уровне находятся отношения Союза с данным субъектом. Присутствие этих принципов заметно по фразам о разделяемых ценностях либо в преамбуле, либо в одном из пунктов соглашения. Если эти пункты имеют место быть, то значит, отношения ЕС с таким актором находятся на своей высшей точке.

Таким образом, понятие «демократизация» пережило множество трансформаций. Как универсалистский и даже мессианский феномен распространение демократии можно увязать

с колониализмом и цивилизаторской миссией. При этом заметна тенденция, по которой со временем происходило постепенное снижение насилия, начиная с фактического истребления «других» при колониализме до «цивилизации». Современный этап демократизации скорее предполагает в большей степени обучение «других» нормам демократии, что также является формой подчинения, пусть более мягкой.

Демократизация и постколониальный феминизм (пример США и ЕС)

Рассмотрев эволюцию демократизации как формы подчинения, в контексте постколониального феминизма необходимо сосредоточиться на следующих моментах.

Во-первых, демократизация – это наследие маскулинных стратегий колониализма и, в то же время, фемининных стратегий цивилизаторской миссии. Поэтому для распространения демократии используется остаточный комплексный инструментарий подчинения.

Во-вторых, демократизация в определённой степени сохраняет «колониальную маргинализацию» [14] народов, на которые распространяется демократия, но и виктимизацию местных женщин, тем самым создавая эффект «двойной дискриминации» [17]. Более того, демократизация не приводит к эмансипации, поскольку вместо эмансипации в рамках своей культуры женщинам навязывают модель поведения «свободных и независимых западных женщин».

На примере политики США и ЕС по продвижению демократии проанализируем, насколько верны наши утверждения. Для этого рассмотрим эволюцию практик продвижения демократии в США при Билле Клинтоне, Джордже Буше-мл. и Бараке Обаме, а также в Европейском союзе на примере стран Центральной и Восточной Европы, а также государств Ближнего Востока и Северной Африки.

В первую очередь стоит отметить, что во внешнеполитическую стратегию США демократизация стала внедряться лишь под конец холодной войны, когда Михаил Горбачёв, по сути, дал добро на развал социалистического лагеря. Уже тогда была очень популярна вышеупомянутая теория демократического мира, тезисы которой часто звучали в речах Джорджа Буша-ст. Предложенная тогдашним президентом США идея «нового мирового порядка», который должен быть сформирован усилиями США по расширению «зоны демократического мира», создали предпосылки для появления полноценной американской стратегии по распространению демократии в мире. В администрации Клинтона данной проблемой на первых порах заведовал советник президента по вопросам национальной безопасности Энтони Лейк, который дал этой стратегии официальное название – стратегия «демократического расширения» (*democratic enlargement*) [20]. Лейк подвёл теоретическую базу под расширение вмешательства США в

мировые дела, сформулировав в рамках этой стратегии четыре тезиса.

Во-первых, одной из самых важнейших задач США было объявлено укрепление сообщества ведущих рыночных демократий, которые должны были стать своеобразным ядром дальнейшего распространения демократии по всему миру.

Во-вторых, Лейк говорил о необходимости помощи США в консолидации новых демократий и рыночных экономик там, где это возможно, особенно в тех странах, которые имели особое значение в американской внешнеполитической стратегии. Такими странами, к примеру, считались Россия и Китай, но если с российским руководством администрации Клинтона удалось наладить контакт, то вероятность демократического транзита в КНР сочли слишком низкой.

В-третьих, США должны были противостоять агрессии и поддерживать либерализацию в тех государствах, где враждебно относятся к демократии и рыночной экономике. Здесь американский истеблишмент демонстрировал в первую очередь маскулинный инструментарий распространения демократии.

В-четвёртых, администрация Клинтона предложила расширить повестку дня в гуманитарной сфере включением пункта о демократизации тех регионов, где гуманитарная ситуация оставляет желать лучшего.

Лейк не исключал, что в процессе демократизации может иметь место временный регресс, и предлагал широко смотреть на применение данных пунктов, учитывая местную специфику. Это значит, что США подразумевали возможность компромиссов, а, следовательно, и фемининных практик подчинения.

Проблема расширения демократии стала впоследствии повсеместно секьюритизироваться. Это стало особенно заметно под конец первого президентского срока Билла Клинтона, когда американское руководство напрямую вмешалось в ситуацию в Боснии и Герцеговине. Гуманитарные интервенции под руководством США стали ассоциироваться с процессом демократизации. Вмешательство Соединённых Штатов в Косовский конфликт, расширение НАТО на Восток – всё это было частью внешнеполитической стратегии по продвижению демократии. Вкупе с многочисленными программами, направленными на демократический транзит в странах Центральной и Восточной Европы, это составляло маскулинность (силовые методы) и фемининность (обучение, социализация, распространение норм) американских практик демократизации.

Тренд на распространение демократии по всему миру поддержала в дальнейшем администрация Джорджа Буша-мл., при которой неолиберальный интервенционизм сменился неоконсерватизмом. Если при Клинтоне Соединённые Штаты оставляли некий простор для манёвра в странах, где они распространяли демократию, то

■ Критические исследования

Джордж Буш-мл. исповедовал откровенно односторонний подход в данной сфере. Во многом по этой причине его администрация серьёзно дискредитировала само понятие демократизации. Тем не менее, стоит отметить, что именно в тот период американским истеблишментом были разработаны несколько важных и весьма амбициозных проектов по продвижению демократии в мире. Наиболее яркими из них можно назвать концепцию Большого Ближнего Востока и технологию «цветных революций», которую в середине 2000-х гг. стали апробировать на постсоветском пространстве.

Проект Большого Ближнего Востока (*Greater East*) возник во многом в связи с событиями 11 сентября 2001 года. Это в Нью-Йорке заставило американское руководство задуматься о новых мерах обеспечения своей национальной безопасности. В администрации Буша-мл. считали, что радикализация населения стран Ближнего Востока и Северной Африки представляет следствие нехватки политических и экономических свобод [7]. Тем самым, американский истеблишмент закрывал глаза на культурные причины радикализации, сосредотачиваясь исключительно на институциональных вопросах и закрывая дверь перед фемининными практиками демократизации, по сути навязывая демократизацию. При этом предполагалось, что благодаря демократизации население получит и другие права и свободы, к примеру, гендерное равенство. Однако процесс постконфликтного урегулирования в Ираке и Афганистане, сопровождавший реализацию проекта Большого Ближнего Востока, показал, что его успешная имплементация невозможна. Дипломатия Соединённых Штатов, несмотря на отдельные успехи (принятие Конституций Афганистана 2004 г. и Ирака 2005 г.), погрязла в необходимости разрешать межконфессиональные, межклановые и другие межгрупповые противоречия вместо того, чтобы по-настоящему способствовать становлению демократии в данных странах. По сути, изначально достаточно дискриминационная и навязчивая политика США по демократизации Ближнего Востока привела лишь к усилению этих противоречий и к отсутствию стабильности, как на государственном уровне, так и на уровне гражданского общества (межгендерные отношения в большинстве своём сохранили прежнюю форму и содержание). Маскулинные стратегии демократизации по Бушу-мл. привели американское руководство в «ловушку ориентализма» (провал стратегий дискурсивной власти в регионе), поскольку попытки подчинения стран Ближнего Востока новым нормам и самоидентификации США за счёт их демократизации закончились неудачей. Это заставило администрацию Барака Обамы разработать впоследствии концепцию «стратегического терпения» по отношению к странам Ближнего Востока и Северной Африки, что, по сути, означало, что американский

истеблишмент полностью вверяет своим европейским союзникам право решать проблемы данного региона.

Не менее показателен пример «цветных революций» на постсоветском пространстве в середине 2000-х гг. Стратегия США по отношению к государствам этого региона имела комплексный характер и базировалась не только на желании подорвать лидерство России, но также на стремлении сменить авторитарные коррумпированные режимы в регионе как примеры применения маскулинных практик подчинения. Тем самым Соединённые Штаты собирались продемонстрировать другим странам региона все выгодные стороны демократического транзита, а также значительно снизить влияние России на мировые дела. Тем не менее, американское руководство использовало именно маскулинные стратегии подчинения для достижения поставленной задачи. Однако, несмотря на смену режимов на Украине, в Киргизии и Грузии, избавиться от авторитарных пережитков США не удалось. Вместо выстраивания образцовых постсоветских демократий, эти страны сохранили все типичные черты государств бывшего СССР – коррупцию и nepотизм.

По поводу Европейского союза следует отметить, что для ЕС никогда не было свойственно рассматривать распространение демократии в качестве отдельной идеи. Демократизация всегда шла в связке с верховенством права, защитой прав меньшинств и другими непосредственными компонентами нормативной и гражданской силы объединения. По сути, все эти требования являлись необходимым условием, чтобы ЕС начал считать того или иного актора «своим». Всё это можно назвать вышеупомянутым понятием нормативизация, которое связывается с необходимостью ЕС как некоего особого актора, распространяющего свои ценности, универсальные нормы, мир, демократию, устойчивый рост и хорошее управление как у себя по соседству, так и по всему миру в целом. Как неоимперия, обладающая соответствующими ресурсами, Евросоюз способен создавать универсальные нормы, а также использовать многочисленные формы неформального доминирования [21]. Ко всему прочему сам дискурс нормативизации должен был легитимизировать все имперские политики, которые Союз проводил как в прошлом, так и проводит в настоящем. Более того, европейские исследователи считают, что нормативизация как часть цивилизаторской миссии ЕС призвана убедить страны периферии Союза в том, что курс, проводимый им, полезен в первую очередь этим государствам, а не самому Евросоюзу. Также сам факт подобного взаимодействия способствует самоидентификации Европейского союза. Весьма показательны в этой связи два примера – постепенное присоединение восточноевропейских стран к ЕС и смещение авторитарных режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке во время «арабской весны».

Весьма показателен случай восточноевропейских стран. Ещё в 1992 г. в Европейской Комиссии заявляли, что «для новых демократий Европа остаётся мощной идеей» [21]. Уже на следующий год для определения степени готовности к вступлению в ЕС были опубликованы Копенгагенские критерии, ставшие первым воплощением политики кондициональности. Они включали в себя «стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство права, соблюдение прав человека, уважение и защиту прав меньшинств», а также «существование работающей рыночной экономики» [21]. Стоит отметить, что сами страны Восточной Европы легко восприняли эти критерии и приняли эти нормы во многом потому, что считали их отчасти своими, а также воспринимали их как пропуск в зону мира и процветания. В данной ситуации стоит признать саму практику нормативизации восточноевропейских стран абсолютно фемининной.

Совершенно иная конъюнктура сложилась на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Хотя Европейский союз старался проводить всеобъемлющую стратегию по отношению к региону с использованием многочисленных инструментов, начиная с Союза для Средиземноморья и заканчивая «политикой соседства», которая была также призвана к достижению в отношениях со странами общих ценностей. Начавшаяся же в 2011 г. «арабская весна» показала руководству ЕС прекрасной возможностью ценностного и политического переформатирования Ближнего Востока и Северной Африки на основе концепции «глубокой демократии». При этом повестка мало чем отличалась от той, что в своё время была предложена восточноевропейским странам. Однако в арабском мире главными проблемами были тогда не политические, а социально-экономические (бедность, безработица и т.д.). Это выдавало уже бюрократическую природу подобных «нормативистских» процессов. Другая проблема – мировоззренческая. Если восточный и западный европеец друг от друга мало чем отличаются, то араб и европеец мыслят уже совершенно по-разному [21]. Данный контекст делает нормативную конвергенцию практически недостижимой. При этом региональные государства не забыли колониальные годы, что также помешало европейской стратегии нормативизации. Во многом ЕС также угодил в «ориенталистскую ловушку», выбрав фемининную стратегию подчинения, при этом сделав главную ошибку, которую может сделать неимперия для урегулирования межгендерных отношений (виктимизация женщин Ближнего Востока и Северной Африки противопоставлением их образа жизни образу жизни европейских женщин).

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что на данный момент демократизация и нормативизация в контексте постколониального феминизма являются комплексными стратегиями

подчинения. Более того, нельзя сказать, что они приносят искомый результат. Провал демократизации на Ближнем Востоке (за исключением Туниса), а также скромные успехи демократического транзита на постсоветском пространстве, показывают, что стратегии на макро- (межгосударственное взаимодействие) и на микроуровне (контакты по линии гражданских обществ, межгендерные отношения и т.д.) должны быть комплексными.

Современное состояние процесса демократизации и возможные сценарии развития ситуации в мире

Несмотря на многие взлёты и падения в процессе распространения демократии, всё ещё остаётся вопрос, во что сможет трансформироваться демократизация как стратегия подчинения. Отказ администрации Обамы от активного продвижения демократии и некоторое затишье в ЕС после провала нормативизации стран Ближнего Востока и Северной Африки демонстрирует лишь то, что демократизация находится в некоем промежуточном состоянии. Безусловно, Госдеп продолжает реализовывать конкретные локальные программы по продвижению демократии в странах третьего мира, так же как и Европейская служба внешнеполитической деятельности занимается повышением привлекательности европейского нормативистского проекта за рубежом и следит за успешностью политики соседства. Однако ни США, ни ЕС пока не выдвигают крупных инициатив, которые бы могли поменять мировой порядок в ту или иную сторону. Во многом это связано с сосредоточенностью обоих акторов на сирийском и украинском кейсах. Исходя из текущего состояния дел, можно вывести следующие сценарии развития ситуации вокруг демократизации в среднесрочной перспективе.

1) «Демократический рай». Этот сценарий возможен, если множество факторов сойдутся воедино. Во-первых, Хиллари Клинтон станет президентом США и в том качестве сможет укрепить существующие механизмы распространения демократии. Во-вторых, Европейскому союзу удастся справиться с кризисом беженцев. В-третьих, администрация Х.Клинтон и руководство ЕС должны действовать сообща, чтобы максимально эффективно использовать потенциал демократизации не только на Ближнем Востоке, но и на постсоветском пространстве. При подобном раскладе должны смениться режимы в Иране, Турции, Узбекистане, Казахстане, Белоруссии и в ряде других стран. Также необходимость демократического транзита может возникнуть у крупных игроков (Китай и Россия). При этом могут использоваться как фемининные (выборы), так и маскулинные («цветные революции») практики.

2) «Локальный куш». И США, и ЕС продолжают использовать и маскулинные, и фемининные стратегии демократизации. Это не даст нужного эффекта в проблемных регионах, но и

■ Критические исследования

Европейский союз, и Соединённые Штаты смогут значительно выиграть в распространении демократии в тех регионах мира, где подобные стратегии носили точечный характер и всё же имели определённый успех. Такими регионами можно назвать, например, Африку южнее Сахары и Южную Азию (в первую очередь Пакистан).

3) «Битва титанов». В этом сценарии также нет чётких зависимых переменных. Однако здесь большее внимание уделяется именно фактору противодействия демократизации. Даже если и ЕС, и США смогут интенсифицировать процесс продвижения демократии по всему миру, имея тот же набор маскулинных и фемининных практик, скорее всего, они столкнутся с серьёзным сопротивлением. Причём это сопротивление будет идти со стороны крупных мировых игроков (Китай и Россия). Если последним удастся доказать, что прагматизм лучше идеализма демократизации, то в таких регионах, как Африка южнее Сахары усиление нестабильности может произойти уже не столько из-за бесконечного межкланового противостояния, сколько из-за противостояния двух стратегий подчинения. Такой сценарий видится наиболее вероятным, учитывая не только конфликтную среду современной мировой политики, но и используемые ведущими акторами практики.

4) «Мнимое уважение». Данный сценарий построен на посылке, что ЕС и США, продолжая продвигать демократию в мире, смогут выстроить единую фемининную стратегию демократизации, основанную на «уважении локальных культур». В этом случае «коллективный Запад»

сможет «демаргинализировать» местные народы и при этом избавиться от эффекта «двойной дискриминации». Однако такая стратегия предполагает лишь мнимое уважение со стороны и Европейского союза, и Соединённых Штатов. Скорее всего, озвученные выше практики лишь заставят другие народы поверить, что Запад действительно уважает их культуру, создав тем самым среду для их дальнейшего подчинения.

5) «Новый откат». Стратегии США и ЕС по демократизации провалятся. Это произойдет благодаря энергичным усилиям Китая и других крупных акторов и их прагматичной политике по отношению к странам третьего мира. Однако такой сценарий возможен, только если под прагматизмом будет не только экономическая, но и идейная основа.

Таким образом, следует отметить, что ЕС и США, возможно, ждёт успех в их стратегиях демократизации пространства вокруг себя. Они могут преуспеть как на локальном («локальный куш»), так и на глобальном («демократический рай») уровне. Однако нельзя исключать фактор вмешательства крупных акторов («битва титанов»), которые захотят свести на нет любые попытки демократизации тех или иных регионов и могут в этом преуспеть («новый откат»). Поэтому и для Европейского союза, и для США становится актуальным переход к единой фемининной стратегии распространения демократии («мнимое уважение»), которая способна снять существующую напряжённость в проблемных областях мира и закрепить доминирование «коллективного Запада».

Список литературы

1. Кант И. К вечному миру // Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 7. С. 5–56.
2. Кант И. Предполагаемое начало истории человечества /Пер. И.А.Шапиро // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. I. С. 15–28.
3. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума = *Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain*. М., Либроком, 2011. 280 с.
4. Кулагин В. М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития). // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. С. 23–39.
5. Сидоренко Л.В. Цивилизаторская миссия / Кафедра истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ. URL: novist.history.spbu.ru/docs/NIR_Civilizatorskaya_Missiya.doc. (Проверенно 18.08.2016 г.).
6. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: ACT: CORPUS, 2014. 560 с.
7. Alessandri E. Democracy Promotion from Bush to Obama // EUSPRING – Working Paper No.1. April 2015. URL: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/researchcentres/irs/euspring/publications/us_dem_promotion_april15.pdf (Проверенно 18.08.2016 г.).
8. Carothers T. U.S. Democracy Promotion During and After Bush. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, DC, 2007. URL: http://carnegieendowment.org/files/democracy_promotion_after_bush_final.pdf (Проверенно 18.08.2016 г.).
9. De Caritat M.J. Reflections on Negro Slavery // *The French Revolution and Human Rights: A Brief Documentary History*. ed. and trans. by Lynn Hunt. Boston: Bedford, 1996. Pp. 55–57.
10. Doyle M. Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs. Part 1 // *Philosophy and Public Affairs*. Summer 1983. Vol.12, no. 3. Pp.205–235.
11. Grosfoguel R. The Epistemic Decolonial Turn // *Cultural Studies*. March – May 2007. Vol. 21, no. 2–3. Pp. 211–223.

12. Judis J. Trotskyism to Anachronism: The Neoconservative Revolution // Foreign Affairs. July-August 1995. Pp. 123-129.
13. Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. New York: Knopf, 2008. 116 p.
14. Katrak K.H. Decolonizing Culture: Toward a Theory for Postcolonial Women's Texts // Modern Fiction Studies. 1989. Vol. 35, no 1. Pp. 157-179.
15. Kristol W., Kagan R. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. July-August 1996. Pp. 18-32.
16. Macleod C. Foucauldian Feminism: the Implications of Governmentality // Journal for the Theory of Social Behavior. March 2002. Vol. 32, no. 1. Pp. 41-60.
17. Mohanty C.T. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses // Boundary. Spring-Fall 1984. Vol. 13, no. 1. Pp. 333-358.
18. Raley R. Macaulay's Minute on Indian Education // History of English Studies. URL: <http://oldsite.english.ucsb.edu/faculty/rraley/research/english/macaulay.htm> (Проверенно 18.08.2016 г.).
19. Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton, 1993. 192 p.
20. Søndergaard R. Bill Clinton's Democratic Enlargement and the Securitization of Democracy Promotion // Academia. URL: http://www.academia.edu/12517120/Bill_Clinton_s_Democratic_Enlargement_and_the_Securitization_of_Democracy_Promotion (Проверенно 18.08.2016 г.).
21. Zielonka J. Europe's new civilizing missions: the EU's normative power discourse // Journal of Political Ideologies. 2013. Vol. 18, no. 1. Pp.35-55.

Об авторе

Владислав Алексеевич Музалевский – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: muzalevskij.v.a@my.mgimo.ru

PROBLEM OF DEMOCRACY PROMOTION IN CONTEXT OF POSTCOLONIAL FEMINISM

V.A. Muzalevskiy

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the problems of democratization as a neocolonial practice. The author argues that the spread of democracy is similar in many respects to colonialism and civilizing mission as universal and even messianic phenomena. He notes that both of these phenomena, despite the similarity of their origin, have different "gender basis" (colonialism has characteristics of masculinity and civilizing mission – of femininity). The author reviewed the history of transforming the concepts of "colonialism" and "civilizing mission". Results parallels between the two phenomena are analyzed as a specific intellectual and public discourse in a particular era influenced the formation of both phenomena. Examples of national civilizing projects, their intellectual potential and influence on contemporary world politics are also considered.*

The echoes of colonialism and civilizing mission are visible in US and the EU doctrines of democracy promotion. Examining the evolution of approaches to democratization, the author finds the differences in strategic culture of the United States and the European Union: if the American establishment have a propensity to masculine practice of democracy promotion ("democratic enlargement", the project "Greater Middle East", etc.), and European leadership prefers feminine practices. In terms of the post-colonial feminism, this approach does not give these actors any special benefits, as it offers the ineffective governing strategy of the local population, not taking into account, and often denying the specific cultural environment of democracy promotion, paying more attention to institutional characteristics (lack of certain civil rights and freedoms, lack of transparency in the work of public authorities, etc.). The author notes that the current strategy of democracy promotion, though being more complex, creates the effect of "double discrimination", when both the local people and local women (imposing image of "a free and independent Western woman") feel that they are "colonized".

Based on an analysis of the current state of democratization, the author proposes four possible scenarios for promoting democracy in the world.

Key words: democratization, post-colonial feminism, United States, European Union, colonialism, civilizing mission.

References

1. Kant I. *K vechnomu miru* [To perpetual peace]. Op. in 8 vol. Moscow, 1994. Vol. 7. Pp. 5-56 (In Russian).
2. Kant I. *Predpolagayemoe nachalo istorii chelovechestva* [Conjectural Beginning of Human History]. Transl. by I.A. Shapiro. *Fathers of positivism*. Saint-Petersburg, 1910. Vol. I. Pp.15-28 (In Russian).
3. Condorcet J. *Esquiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain]. Librocom, 2011. Pp. 280. (In Russian).
4. Kulagin V.M. *Mir v XXI veke: mnogopolyusniy balans sil i globalniy Pax democratic (Gipoteza "demokraticheskogo mira" v kontekste alternativ mirovogo razvitiya* [The World in 21st century: multipolar balance of power and global Pax democratica (Hypothesis of "democratic peace" in context world development alternatives)] *Polis. Political studies*. 2000. No 1. Pp. 23. (In Russian).
5. Sidorenko L.V. *Tsyvilizatorskaya missiya* [Civilizing mission]. Department of Modern and Contemporary History of History Institute of SPbSU. URL : novist.history.spbu.ru/docs/NIR_Civilizatorskaya_Missiya.doc (Accessed 18.08.2016). (In Russian).
6. Ferguson N. *Imperiya: chem sovremenniy mir obyazan Britanii* [Empire: How Britain Made the Modern World]. Moscow: CORPUS, 2014. 560 pp. (In Russian).
7. Alessandri E. Democracy Promotion from Bush to Obama. *EUSPRING – Working Paper N.1*. URL: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/researchcentres/irs/euspring/publications/us_dem_promotion_april15.pdf (Accessed 18.08.2016).
8. Carothers T. U.S. *Democracy Promotion During and After Bush*. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, DC, 2007. URL: http://carnegieendowment.org/files/democracy_promotion_after_bush_final.pdf (Accessed 18.08.2016).
9. De Caritat M.J. Reflections on Negro Slavery in *The French Revolution and Human Rights: A Brief Documentary History*. Ed. and trans. by Lynn Hunt. Boston: Bedford, 1996. 150 p.
10. Doyle M. Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs. Part 1. *Philosophy and Public Affairs*. Summer 1983, vol. 1. No. 3. Pp.205-235.
11. Grosfoguel R. The Epistemic Decolonial Turn. *Cultural Studies*. March-May 2007. Vol. 21, no. 2-3. Pp. 211-223.
12. Judis J. Trotskyism to Anachronism: The Neoconservative Revolution. *Foreign Affairs*. July-August 1995. Pp. 123-129.
13. Kagan R. *The Return of History and the End of Dreams*. New York: Knopf, 2008. 116 p.
14. Katrak K.H. Decolonizing Culture: Toward a Theory for Postcolonial Women's Texts. *Modern Fiction Studies*. 1989. Vol. 35, no. 1. Pp. 157-179.
15. Kristol W., Kagan R. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy. *Foreign Affairs*. July-August 1996. Pp. 18-32.
16. Macleod C. Foucauldian Feminism: the Implications of Governmentality. *Journal for the Theory of Social Behavior*. March 2002. Vol. 32, no. 1. Pp. 41-60.
17. Mohanty C.T. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. *Boundary*. Spring-Fall 1984. Vol. 12, no. 3. Pp. 333-358.
18. Raley R. Macaulay's Minute on Indian Education. *History of English Studies*. URL: <http://oldsite.english.ucsb.edu/faculty/rraley/research/english/macaulay.html> (Accessed 18.08.2016).
19. Russett B. *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World*. Princeton, 1993.
20. Søndergaard R. Bill Clinton's Democratic Enlargement and the Securitization of Democracy Promotion. *Academia* : http://www.academia.edu/12517120/Bill_Clinton_s_Democratic_Enlargement_and_the_Securitization_of_Democracy_Promotion (Accessed 18.08.2016).
21. Zielonka J. Europe's new civilizing missions: the EU's normative power discourse. *Journal of Political Ideologies*. 2013. Vol. 18, no. 1. Pp.35–55.

About the author

Vladislav A. Muzalevskiy – PhD student, world politics department of MGIMO-University.
E-mail: muzalevskij.v.a@my.mgimo.ru

ПО СЛЕДАМ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА: ОПЫТ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Н.В. Шевцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Грандиозное восстание под предводительством Емельяна Пугачёва охватило огромное пространство от среднего течения Волги до Урала и казахских степей. К взбунтовавшимся в 1773 г. уральским казакам примкнули десятки тысяч людей самых разных занятий и национальностей. С самого начала восстание носило антимонархический, антидворянский характер, хотя его предводитель и выдавал себя за воскресшего императора Петра III. В течение двух лет с 1773 по 1774 г. восставшие держали в страхе всю Российскую империю, став реальной угрозой власти Екатерины II. Пугачёвскому бунту посвящены многочисленные труды российских историков, произведения писателей, статьи, исследования журналистов и краеведов. Но, пожалуй, наибольшей известностью пользуется «История Пугачёва», написанная классиком русской литературы А.С. Пушкиным. Его работа стала одним из первых, если не первым, серьёзным историческим исследованием, посвящённым восстанию Пугачёва. В исторической науке XIX в., в особенности его первой половины, о восстании написано не так много. Дело в том, что историки не решались писать о Пугачёве и событиях, происходивших в 1773-1775 гг., поскольку Екатерина II запретила даже упоминать о восстании. В указе Сената предписывалось даже переименовать места, по которым прошла пугачёвщина, например, реку Яик и Яицкий городок «для предания всего случившегося вечному забвению». Знаменитый историк С.М. Соловьёв не успел написать о Пугачёве. Смерть прервала его работу над 29 томом, который он планировал завершить казнью предводителя восстания. Не так много страниц посвятил ему и другой выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский. Автор данной статьи проехал по местам Оренбургской области России и Уральского Казахстана, которые когда-то были охвачены восстанием и которые затем, спустя примерно 60 лет посетил А.С. Пушкин. Автор, беседуя с местными жителями, посещая древние поселки и станицы, стремился выяснить, что же сохранилось ныне с тех далёких времен, можно ли сегодня увидеть свидетельство восстания и знаменитой поездки А.С. Пушкина.

Ключевые слова: пугачёвский бунт, Е.И. Пугачёв, А.С. Пушкин, императрица Екатерина Великая, Оренбург, подавление мятежа, взятие крепости, Яицкое казачество, Нижнеозёрная крепость, Татищева крепость, устная история.

В прошлом году исполнилось 240 лет с того дня, как на Болотной площади в Москве в лютую стужу был казнён Емельян Пугачёв – предводитель грандиозного восстания, охватившего огромное пространство Российской империи от среднего течения Волги до Урала и Казахских степей. Пугачёвскому бунту посвящены многочисленные труды российских историков, произведения писателей, статьи, исследования журналистов и краеведов. Но, пожалуй, наибольшей известностью пользуется «История Пугачёва», написанная классиком русской литературы А.С. Пушкиным. Его работа стала одним из первых, если не самым первым серьёзным историческим исследованием, посвящённым восстанию Пугачёва. Пушкин опубликовал свой труд спустя почти шестьдесят лет после гибели предводителя восстания. Дело в том, что до него мало кто мог решиться на подробное исследование событий, происходивших в 1773–1775 гг. Екатерина II запретила писать о Пугачёве, равно как и о войне, которая велась против дворян и верховной власти. В указе сената предписывалось переименовать Яицкий городок и реку Яик «для предания всего случившегося вечному забвению».

О пугачёвщине следовало забыть – таково было повеление императрицы. Да и при последующих монархах лишь в двух–трёх книгах и статьях робко упоминалось о некогда потрясшем всю страну бунте. И только А.С. Пушкину, получившему высочайшее разрешение посетить места пугачёвского восстания и подробно ознакомиться с сохранившимися документами, удалось написать первое посвящённое ему серьёзное исследование.

Пушкин посетил не только крупные волжские города, Оренбург и Уральск, но и небольшие крепости, оказавшиеся в центре противостояния отрядов Пугачёва и царских войск. Знакомство с некоторыми из укреплений, которые когда-то легко захватил Пугачёв, навело его на замысел создания «Капитанской дочки», вышедшей в конце 1836 г. в четвёртом, последнем прижизненном выпуске журнала «Современник». Повесть появилась более чем через два года после издания «Истории пугачёвского бунта», как первоначально, по настоянию Николая I, было названо пушкинское исследование. Интересно, что «Капитанская дочка» имела гораздо больший читательский успех. Удивительно, но, проглатывая одну за другой страницы «Капитанской дочки», при всех её литературных вымыслах и в то же время бесспорных исторических фактах, гораздо ярче и реальнее ощущаешь происходившее в оренбургских степях, по сравнению с тем, что написано о тех же событиях в документальном стиле, достаточно сухим языком в «Истории пугачёвского бунта».

И после Пушкина, учитывая антимонархический характер пугачёвского бунта, историки не так часто обращались к событиям 1773–1775 гг., происходившим на огромном

пространстве от Средней Волги до Урала и Казахских степей.

Выдающийся отечественный историк С.М. Соловьёв не успел написать о восстании Пугачёва. Последние страницы 29 тома «Истории России с древнейших времен», посвящённого царствованию Екатерины II, он за несколько дней до смерти диктовал в несколько приёмов одному из своих сыновей. Этот том историк планировал завершить казнью Пугачёва. Но ему не хватило времени приступить даже к описанию начала пугачёвского бунта [3, сс. 159–260].

Совсем немного написал о тех событиях другой российский историк В.О. Ключевский. В его «Курсе русской истории» отмечается: «...в 1773–1774 гг. разразился страшный бунт пугачёвский, который местная администрация не успела ни предупредить, ни пресечь вовремя» [1, с. 105]. Тяжелейшая схватка с Пугачёвым, потрясшая устои всей империи, по мнению историка, явилась одной из причин реорганизации системы местного управления, получившей конкретную форму в обнародованном 7 ноября 1775 г. Учреждении для управления губернии. В соответствии с ним, вместо 20 губерний вся империя была разделена на 50 губерний. Как писал Ключевский, «в основание губернского деления Екатерины принято было исключительно количество населения. Губернии Екатерины – это округа в 300–400 тыс. жителей; они подразделялись на уезды с населением в 20–30 тыс. обывателей» [1, с. 106]. «К 1775 г., – считает Ключевский, – Екатерина покончила три тяжёлые войны: с Польшей, Турцией и со своим воскресшим супругом, маркизом Пугачёвым, как она его называла» [1, с. 101].

В своем труде «Исторические портреты. Императрица Екатерина II (1729–1796)» Ключевский включает восстание Пугачёва в «семи-летний приступ внешних и внутренних тревог (1768–1774)». Он начался «борьбою с польскими конфедератами, к которой вскоре присоединилась первая Турецкая война, а внутри между тем – чума, московский бунт и пугачёвщина» [2, с. 287]. В этой же работе автор обращает внимание на то, что «в росте общественного настроения, какое складывалось в царствование Екатерины II преимущественно в дворянской среде, был тревожный момент, о котором потом не любили вспоминать люди екатерининского века и который потом сгладился в воспоминаниях их ближайших потомков. Этот момент падает на время между изданием манифеста 1762 г. о волюности дворянской и прекращением пугачёвского мятежа 1774 г.» [2, с. 334].

Поездка по местам пугачёвского бунта также была предпринята автором по маршруту, который в начале XX в. совершил писатель и публицист В.Г. Короленко. Летом 1900 г. он прибыл из Петербурга в Уральск, откуда затем отправился в сторону Оренбурга. Писатель задумал роман о Пугачёве, но в дальнейшем отказался от этого замысла. Но поначалу он серьёзно отнесся к со-

зданию романа, предприняв поездку на Урал для сбора материала. Как и Пушкин, Короленко уделил большое внимание встречам с очевидцами и потомками участников восстания, с которыми встречался в Уральске. Как отмечалось в очерке «Пугачёвская легенда на Урале»: «Попытаться собрать ещё не вполне угасшие старинные предания, свести их в одно целое и, быть может, найти среди этого фантастического нагромождения живые черты, всколыхнувшие на Яике первую волну крупного народного движения, – было одной из целей моей поездки на Урал в 1900 г.» [7, с. 491].

В Уральске Короленко встретился с Анатолием Кузнецовым – внуком племянника Устины Кузнецовой, на которой женился Пугачёв. О беседах с Н.Кузнецовым Короленко рассказал в своём очерке.

Из современных исследований, посвящённых пугачёвскому восстанию, заслуживают внимания материалы проходивших в Оренбурге в июне 2013 г. Пятых международных Пушкинских чтений «А.С. Пушкин – первый исследователь пугачёвского бунта», приуроченных к 240-летию начала восстания и 180-летию посещения А.С. Пушкиным Оренбургского края [10, с. 1 - 212].

Автор настоящего исследования стремился не только подтвердить реальность существования мест и происходивших событий, связанных с пугачёвским восстанием и предпринятой А.С. Пушкиным поездкой по его следам на территории нынешней Оренбургской области России и Уральской области Казахстана. Ставилась также задача выяснить, что сохраняется ныне в качестве свидетельств пугачёвской эпохи и поездки Пушкина. Автор хотел выяснить, можно ли, например, увидеть остатки крепостей, которые штурмовал Пугачёв, в том числе знаменитой Белогорской крепости, описанной в «Капитанской дочке», живут ли там ныне потомки тех, с кем общался Пугачёв и с кем позднее встречался Пушкин.

Выяснить эти факты часто становится возможным, только беседуя с местными жителями и краеведами-энтузиастами. Добиваясь этого, автор использовал «практику научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированных специалистами». Речь идёт о концепте устной истории, к которому всё чаще обращаются историки разных стран мира, сочетающие архивную исследовательскую деятельность с посещением мест событий и беседами с очевидцами, чаще всего местными жителями. Собранный во время этих поездок материал используется в качестве подтверждения научных выводов и гипотез.

Ещё в 1948 г. центр устной истории был открыт при Колумбийском университете США. В этой же стране в 1967 г. возникла Ассоциация устной истории США, а в 1969 г. такая же организация появилась в Великобритании.

В нашей стране, например, в структуре Научной библиотеки МГУ создан раздел уст-

ной истории. В его основу положены магнитофонные записи с более чем 800 респондентами, посвящённые научной деятельности университета. Научно-исследовательские работы в сфере устной истории всё более широко охватывают такие сферы, как изучение событий Великой Отечественной войны. Речь идёт о беседах с ветеранами, чьи воспоминания являются бесценным источником информации, к сожалению, иссякающим вследствие ухода из жизни очевидцев событий минувшей войны.

Также крайне активна исследовательская деятельность в сфере устной истории при изучении жизни малых народов Севера или Дальнего Востока нашей страны.

Таким образом, можно прийти к выводу, что без методов устной истории трудно обойтись при изучении многих исторических событий, свидетелями которых становились люди, подавляющее большинство из которых не оставляли записи воспоминаний.

Приехав в Оренбург, автор статьи вслед за А.С. Пушкиным решил посетить те места, которые были описаны как в «Истории пугачёвского бунта», так и в «Капитанской дочке». Он побывал не только в Оренбургской области, но и в Казахстане – добрался до Уральска, называвшегося в пугачёвские времена Яицким городком.

При посещении же Оренбурга мысленно представлял, как тщетно пытался овладеть Пугачёв этим городом. Ни стремительные атаки, ни шестимесячная осада не привели ни к каким результатам. Город остался неприступным. В самом Оренбурге сегодня мало что напоминает об его осаде. Земляные валы, проходившие через нынешний центр города, исчезли. На их месте построили дома. На стенах некоторых из них таблички, напоминающие о былом существовании крепости.

Побывал и в Зауральской роще, откуда хорошо видны разбросанные по высокому берегу Урала постройки старой части Оренбурга. Отсюда, с противоположного берега Урала, Пугачёв, перейдя реку по льду, тщетно пытался штурмовать город.

Лагерь восставших во время осады находился в расположенной в шести верстах от Оренбурга Бердской слободе, или Бердах, ныне превратившейся в один из городских районов. Интересно, что, как отмечалось в примечаниях к «Истории Пугачёва», Бердскую слободу мятежники в шутку называли Москвою [4, с. 213].

Пушкин, приехав в Берды, посетил дом, где находился описанный в «Капитанской дочке» штаб Пугачёва. Там же он встречался с казачкой, которая виделась и общалась с главарём восставших казаков. Автор статьи увидел в Бердах памятник поэту. Затем, пройдя несколько десятков метров, оказался у кирпичной ограды современного коттеджа. Возле нее устроен мемориал - пушка, судя по всему, отлитая во времена пугачёвщины.

Совсем рядом, на соседней улице стоит домик с памятной доской, сообщающей, что когда-то здесь находилась изба, в которой жила 75-летняя казачка Бунтова, входившая в число наложниц Пугачёва. От неё Пушкин узнал много интересного о его характере, об его отношении к своему окружению и к побеждённым, к захваченным пленным. О состоявшейся встрече Пушкин писал из Болдина 2 октября 1833 г.: «В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я une bonne fortune (удачу) – нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год» [6, сс. 44-45]. Однако в письме упоминалось о встрече со старой женщиной без указания её имени. Автор знаменитого толкового словаря В. Даль, который вместе с Пушкиным приезжал в Берды, вспоминал: «Мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро...».

Но и Даль не назвал имени пушкинской собеседницы. Выяснить его удалось гораздо позже. В 1899 г. оренбургский краевед С. Севастьянов побывал в Бердской слободе, где встретился с казачкой Блиновой. Она видела Пушкина в Бердах 19 сентября 1833 г. и хорошо помнила, что он беседовал с Ириной Бунтовой, которая была родом из крепости Нижнеозёрной и, как очевидно, вспоминала о её взятии пугачёвцами. Она же спела Пушкину три песни о Пугачёве. Пушкину показали место, где стояла изба, служившая штабом Пугачёва. Её называли «золотым дворцом». Изба была обита изнутри золотой бумагой «шумихой», отчего и называлась «золотым дворцом». Во время восстания она принадлежала Константину Ситникову, а когда приезжал Пушкин – сыну Ситникова Карпу. Описание «штаба» приводится в «Капитанской дочке». «Я вошел в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою» [5, с. 60].

На прощание Пушкин подарил Бунтовой червонец. Он-то и послужил поводом для крикливо толков, напугав местных казаков. На следующий день они привезли в Оренбург старуху Бунтову вместе с червонцем и сказали: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин приметями: собой невелик, волос чёрный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачёвщину» и дарит золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». У Пушкина действительно были длинные ногти. Узнав об этой истории, он долго смеялся [4, с. 400].

Хотя казачка Бунтова встречалась с Пушкиным в Бердах, но вспоминала она о событиях в крепости Нижнеозёрной, откуда была родом и где впервые увидела Пугачёва после завершения штурма. Побывал там и автор статьи. Правда, в Оренбурге ему сказали, что ныне в бывшей Нижнеозёрной ничто не напоминает ни о захвате крепости Пугачёвым, ни о посещении её Пушкиным. И все же он решил посетить Нижнеозёрную.

Село Нижнеозёрное расположено примерно в ста километрах от Оренбурга вниз по течению реки Урал. Село большое. Достаточно сказать, что в местной школе учатся свыше ста ребятишек. Живут в селе в основном русские и татары. При въезде над Уралом нависает высокий крутой утёс. Сейчас он усыпан домами местных жителей. Автор долго обходил по его склонам ограды приусадебных хозяйств, прежде чем удалось подойти к обрыву, откуда открывается захватывающий вид на уходящий за горизонт величавый, хоть и сильно обмелевший за последние годы Урал. Когда-то на утёсе возвели крепость. Её-то и штурмовал со своим войском Пугачёв. Гарнизон крепости командовал майор Харлов, отправивший ещё до начала штурма свою красавицу-жену к тестю – коменданту соседней крепости Татищевой, располагавшейся ближе к Оренбургу выше по течению реки. Он наивно полагал, что там она окажется в безопасности. Гарнизон крепости практически целиком, за исключением нескольких солдат и офицеров, перешёл на сторону неприятеля. Харлов чуть ли не в одиночку стрелял из пушек по нападавшим. Его захватили и с вышибленным копьём глазом, который «висел у него на щеке», повели на суд Пугачёва, приказавшего повесить майора [4, с. 122].

Мысленно рисуя картину печальных событий, происшедших в Нижнеозёрной осенью 1773 г., автор приблизился к центру села. На здании местного Дома культуры увидел табличку, сообщавшую о посещении А.С. Пушкиным Нижнеозёрной 21 сентября 1833 г. Узнал у местных жителей о том, что в селе есть музей. Но двери домика, в котором он размещается, оказались закрыты. Правда, в окне увидел записочку, мол, если хотите попасть в музей, звоните по такому-то номеру телефона. Позвонил и уже вскоре беседовал с директором – местной жительницей из оренбургских татар, горячо любящей, как выяснилось, творчество А.С. Пушкина. Она показала хранящуюся в музее фотографию сцены из спектакля, посвящённого приезду Пушкина в Бердскую слободу. Спектакль поставили артисты местного любительского театра. На фотографии А.С. Пушкин беседует с казачкой И. Бунтовой, роль которой, как можно догадаться, исполнила директор музея. Она же показала то место, откуда А.С. Пушкин сделал свой замечательный рисунок-набросок Нижнеозёрной крепости. Изображена скачущая тройка рядом с крутым берегом реки. А на высоком холме виднеются несколько казацких домишек. Пушкин подъезжал к крепости со стороны Оренбурга и в километре остановился, восхищённый её видом.

Полный впечатлений, полученных от посещения Нижнеозёрной, автор возвратился в Оренбург, чтобы на следующий день отправиться в Татищево, где некогда находилась ещё одна крепость, покорившаяся Пугачёву. Ехал вслед за А.С. Пушкиным, который дважды посещал Татищеву крепость. В первый раз, когда доби-

рался до Оренбурга из Симбирска, а во второй, когда спустя два дня следовал другой, но тоже проходившей через крепость дорогой в сторону Уральска. Уже по этому пересечению дорог становится ясно, что крепость представляла собой важное стратегическое укрепление, которое Пугачёв захватил вслед за Нижнеозёрной.

Приехав в Татищево, сразу же отправился в созданный при местной школе музей, где выставлены стрелы, подковы, ружейные пули, пуговицы, найденные на территории бывшей крепости. Рядом со зданием школы установлен памятник А.С. Пушкину.

Экскурсию же по селу провела глава местной администрации Л.Л. Деденёва. Познакомилась с ней совершенно случайно. Она шла на обед и, увидев незнакомца, поинтересовалась, что могло заинтересовать его в Татищеве. Узнав, о цели приезда, предложила показать село, где можно увидеть четыре камня. Они установлены в разных концах Татищево – там, где когда-то находились земляные бастионы крепости. Есть в селе и полуразрушенный домик старинной кладки из глиняных кирпичей и кизяка. Возможно, именно здесь Пушкин, беседовал с другой казачкой – 83-летней Матрёной Дехтярёвой. Она, как и Бунтова, помнила Пугачёва, равно как и те трагические события, которые произошли в крепости после её захвата.

Что же представляла из себя Татищева крепость? Она имела четырёхугольную форму. Земляные бастионы обнесли бревенчатым забором, вытянувшимся по периметру над достаточно глубоким рвом. По углам бастионов стояли пушки. Крепость возвели на берегу Яика, как когда-то назывался Урал. Но со временем река изменила русло, и теперь село Татищево находится возле её старицы – Банного озера. Давая характеристику Татищевой, как и другим укреплениям, созданным вдоль Яика, Пушкин писал: «Крепости в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окружённые плетнём или деревянным забором» [4, с. 120]. Так что к мощным оборонительным сооружениям находившуюся примерно в 60 верстах от Оренбурга Татищеву крепость нельзя было отнести. А потому не стоит удивляться, что 27 сентября 1733 г. Пугачёв, уже на следующий день после захвата Нижнеозёрной, легко овладел ею. Осаждающие подожгли скирды сена, неосторожно оставленные близ крепости, и огонь очень скоро перебрался на деревянные укрепления. Началась паника, а Пугачёв в это время напал на крепость с другой стороны. Победителям достались 13 пушек.

Захватчики учинили в Татищевой столь же страшную расправу, что и в Нижнеозёрной. Они казнили всех офицеров, оборонявших крепость. В их числе оказался и комендант Григорий Миронович Елагин, послуживший прообразом капитана Миронова из «Капитанской дочки». Отчество реального персонажа стало фамилией вымышленного героя. Интересно,

что после взятия другой – Ильинской крепости – к Пугачёву подвели двух пленных офицеров: капитана Камешкова и прапорщика Воронова. «Зачем вы шли на меня, на вашего государя?» – спросил Пугачёв. «Ты нам не государь, – отвечали пленники. – у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович, а ты вор и самозванец» [4, с. 141]. Примерно те же слова произносит, отвечая Пугачёву, и капитан Миронов в «Капитанской дочке». Жену Елагина публично изрубили саблями, а дочь Елизавету, муж которой – комендант Нижнеозёрной Харлов погиб днём ранее, Пугачёв взял в наложницы. Поначалу он пощадил её с семилетним братом. Но потом отдал приказ расстрелять обоих. Сестра в момент гибели, тщетно пытаясь спасти брата, прикрывала его своим телом. Умиравшие брат и сестра, писал Пушкин, «сползлились друг с другом и обнялись».

В «Капитанской дочке» есть упоминание о несчастной Елизавете Харловой. В письме к Гринёву Маша Миронова жалуется на то, как жестоко обращается с ней Швабрин. Принуждая её выйти за него замуж, он угрожает ей в случае отказа привезти «в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой» [5, с. 57]. Кстати, в «Истории Пугачёва» приводится имя сражавшегося против мятежников подполковника Гринёва [4, с. 154].

Интересно, что в «Капитанской дочке» упоминаются и Нижнеозёрная и Татищева крепости. О Татищевой речь идёт в связи с освобождением её от пугачёвцев отрядом под командованием князя Голицына. Он подошёл к Татищевой 22 марта 1774 г. Как пишет Пушкин, «крепость, в прошедшем году взятая и выжженная Пугачёвым, была уже им исправлена» [4, с. 154]. Правда, вместо деревянных укреплений появились валы из льда и снега. В примечании к пятой главе «Истории Пугачёва» приводится отрывок на французском языке из вышедшей за границы «Истории» восстания Пугачёва, где рассказывается о том, как Пугачёв решил обмануть осаждавших. Ничто, казалось, не подавало в крепости признаков жизни. Поэтому Голицын отправил трёх казаков выяснить, что происходит в Татищевой. Там царил тишина, и казалось, что никого нет. Им навстречу с хлебом и солью вышла казачка, сказавшая, что крепость пустынна. Тем временем предпринявший вылазку отряд пугачёвцев попытался захватить казаков. Одного убили, другого взяли в плен, а третьему всё же удалось вернуться к своим и рассказать о случившемся [4, с. 223]. В тот же день начался шторм. Он оказался кровопролитным. Оборонявшиеся, потеряв более тысячи трёхсот человек, в конце концов бежали из крепости. Когда вскрылась река Яик, тела убитых пугачёвцев долго плыли вниз по течению. Пугачёву с шестьюдесятью казаками удалось пробиться в Бердскую слободу, откуда вскоре начался массовый исход, предопределивший снятие полугодовой осады Оренбурга.

Но возвратимся в современное Татищево. Напротив избышки И.Дехтярёвой, в мало отличающемся по размерам домике живёт её потомок, Н.Дехтярёва, которой в прошлом году исполнилось 90 лет. Встретив нас, бабушка, пожаловавшись на состояние своего жилища, мудро, по-стариковски заключила: «Всё ходят, смотрят, а делов никаких». Да, действительно, к благоустроенным селам Татищево не отнесёшь. Мало новых домов, в ветхих избышках живут в основном старики. Колхоз «Борьба за мир», где некогда трудились местные жители, уже несколько лет как перестал существовать.

В общем, с грустным чувством покидаешь Татищево, отправляясь на поиски «Катькиного моста». Ехали по степи, по еле заметным, поросшим жухлой травой дорогам к удивительному сооружению, найти которое сейчас под силу только местным жителям. Примерно в трёх километрах от Татищево расположен довольно хорошо сохранившийся трёхарочный каменный мост, перекинутый через обмелевшую и еле видимую из-за обступившего с обоих берегов кустарника реку Камыш-Самару. Когда-то мост стоял на большой столбовой дороге, которая вела из Москвы в Оренбург. Его построили во времена царствования Екатерины II, а потому прозвали «Катькиным мостом». Сейчас его забыли, и трудно сказать, когда был последний ремонт. По мосту никто не ездит, разве что изредка переберётся деревенский трактор. А ведь тот же Пушкин, по крайней мере дважды, переезжал через этот мост. Горько думать, что уникальный памятник архитектуры никому не нужен, хотя рядом повсюду видны следы поиска голубого топлива. Нужен газ, а мост, хоть и представляет огромную историческую и архитектурную ценность, уже отслужил своё.

Посмотрев с грустью в последний раз на «Катькин мост», возвратился в Татищево, откуда, попрощавшись с сопровождающей и пожелав ей возрождения села, отправился в Чесноковку. Это село с многочисленным татарским населением расположено примерно в двадцати километрах ниже по течению Урала. Его тоже когда-то «удостоил вниманием» Пугачёв. Но автор статьи решил не заезжать туда, потому что спешил увидеть чудо природы «Белые горы» – тянущуюся на несколько километров меловую гряду, когда-то восхитившую самого Пушкина. «Белые горы» хорошо видны с дороги. Удивительная игра цветов – голубого неба, зеленой травы и белых холмов не может не вызвать чувства восторга у каждого, кто в летнюю пору едет по пыльной просёлочной дороге и, казалось, уже свыкся с однообразным пейзажем. Увиденное настолько запомнилось А.С. Пушкину, что он решил назвать Белогорской крепость, которой командовал капитан Миронов. Происходившие же в Татищевой крепости события во многом напоминают то, что случилось в Белогорской, которая, как это следует из содержания «Капитанской дочки», подверглась нападению вслед

за взятием Нижнеозёрной. В той же последовательности была захвачена и Татищева крепость.

Покинув 20 сентября 1833 г. Оренбург, Пушкин, преодолев примерно 250 верст, добрался до Уральска – бывшего Яицкого городка, где примерно 70 годами ранее вспыхнул пугачёвский мятеж. Город, считавшийся столицей уральского казачества, стоят на реке Урале, ранее, до восстания Пугачёва, называвшейся Яиком.

Хотя казаки и восстали в Яицком городке, они не смогли полностью захватить его. В городской крепости-Кремле оставался верный власти отряд. 20 января 1774 г. приехавший из-под Оренбурга Пугачёв возглавил штурм Яицкого городка. Но даже его присутствие не привело к захвату крепости, гарнизон которой стойко защищался под командованием полковника И.Д. Симонова и капитана А.П. Крылова. Пугачёв пригрозил повесить обоих, а также расправиться с их семьями. У Крылова в то время в Оренбурге находился его маленький четырёхлетний сын Андрюша – будущий знаменитый баснописец, которому также грозила гибель в случае падения Яицкого городка и Оренбурга, чего, к счастью, не случилось [4, с. 152].

Там же, в Яицком городке, Пугачёв увидел красавицу Устинью Кузнецову и решил взять её в жёны. Родители невесты пробовали возражать, говорили, что нельзя Пугачёву жениться, «когда матушка государыня ещё царствует». Но «государь» никого не слушал, и в начале февраля 1774 г. состоялась свадьба «Петра Федоровича» и его супруги «императрицы» Устины Петровны. После бракосочетания Пугачёв приезжал к своей жене каждую неделю. Как писал побывавший в Уральске В.Г.Короленко, «брак этот не принёс счастья Пугачёву и погубил бедную молодую казачку, захваченную вихрем исторических событий» [7, с. 371].

В апреле находившиеся в Яицком городке мятежники сдались. Описывая снятие осады, Пушкин ссылаясь на опубликованную в журнале «Отечественные записки» статью «Оборона Яицкой крепости от партии мятежников» [4, с. 224]. Также упоминалось о том, что из Яицкого городка в Оренбург отправили захваченную жену Пугачёва Устинью Кузнецову. Она закончила свой земной путь спустя десятилетия после казни Пугачёва. Её жизни нельзя было позавидовать. Как жену злодея, Устинью заточили в Кексгольмской крепости, находившейся в современном Приозерске, на берегу Ладожского озера. Крепость прекрасно сохранилась до наших дней. Осматривая её, нельзя было не оценить великолепного состояния Пугачёвской башни, в которой в действительности никогда не содержался главарь мятежников, но в которой томилась Устинья. Её дочь получила большую свободу и даже пользовалась правом выходить за пределы крепости. Прожила она достаточно долго. Беседуя в 1833 г. с Пушкиным, возвратившимся из Оренбурга, Николай I сожалел, что не подсказал ему встретиться с дочерью Устины.

Она умерла, когда Пушкин совершал своё уральское путешествие.

Как уже упоминалось, Пушкин приехал в Уральск 21 сентября 1833 г. О своём отъезде туда из Оренбурга он сообщал в письме к жене от 19 сентября того же года: «Я здесь со вчерашнего дня. Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к Яицким казакам, пробуду у них дни три – и отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу» [6, с. 43].

В Уральске Пушкин остановился в доме атамана Василия Осиповича Покатилова, который вместе с другими уважаемыми казаками дал в честь поэта два парадных обеда. Описывая пребывание в Уральске в письме жене от 2 октября 1833 г., Пушкин отмечал: «Тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за моё здоровье, на перерыв давали мне все известия, в которых имел нужду – и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной» [6, с. 44].

Пушкин осмотрел уже разрушившееся здание войсковой канцелярии, где в середине сентября 1774 г. в «особливом покое» содержался пленный Пугачёв, церковь Петра и Павла, в которой 1 февраля 1774 г. Пугачёв венчался с Устиньей Кузнецовой. Храм до наших дней не сохранился. При Пушкине ещё можно было увидеть остатки крепости, которую так и не взяли пугачёвцы.

В Уральске Пушкин встречался с Михаилом Пьяновым, отец которого – Денис Пьянов, укрывал у себя в 1772 г. беглого Пугачёва. А тот в январе 1774 г. был посажённым отцом на свадьбе Д.Пьянова. Именно там, на свадьбе, Пугачёв сказал Денису: «Улица моя тесна». Вспомним в этой связи слова: «Улица моя тесна, воли мне мало» – так говорил Пугачёв Петруше Гринёву в «Капитанской дочке».

Пушкин покинул Уральск 23 сентября 1833 г. Кратчайшим путем, отказавшись от первоначального маршрута, он отправился по Сызранской дороге в Болдино. Помня о гостеприимстве, оказанном ему в Уральске, Пушкин прислал Покатилову в 1835 г. экземпляр «Истории Пугачёва» [6, с. 147].

Сегодня Уральск – областной центр Казахстана. С крутых берегов Урала, или по-казахски Орала, открывается захватывающий вид на реку, от которой совсем недалеко до каким-то чудом сохранившегося деревянного домика, превращенного в Музей Пугачёва. Здесь он праздновал свадьбу с Устиньей Кузнецовой, отцу которой принадлежал дом. Сюда атаман после свадьбы регулярно наведывался к молодой супруге.

В музее внимание посетителей привлекает копия знаменитого портрета Пугачёва, написанного в Яицком городке поверх изображения Екатерины II. Со временем лик исчезнувшей императрицы вновь стал отчетливо проявляться на картине, как бы напоминая о том, кто вышел победителем. Здесь же, в музее, хранятся перчатки, которые подарили одному из казаков, арестовавших Пугачёва 8 сентября 1774 г. у степной реки Большой Узень. А уже через неделю 15 сентября в Яицкий городок прибыл генерал-поручик А.В. Суворов – будущий прославленный полководец. Он одним из первых допрашивал Пугачёва, а затем доставил его в Самару в железной клетке, один из вариантов которой представлен в экспозиции музея в Уральске. От него совсем недалеко до храма Михаила Архангела, возведённого на месте того, который находился на территории крепости-Кремля, выдержавшей два штурма пугачёвцев, предпринятых 20 января и 19 февраля 1774 г.

И музей Пугачёва, и храм расположены на улице Дружбы, вдоль которой вытянулись неказистые, но очень живописные, казалось бы, вросшие в землю домишки. Пересекая древний район Курени, улица Дружбы выходит к центру города. От памятника А.С. Пушкину она преобразуется. Вместо убогих, хоть и экзотических, домиков по обе стороны от неё выстроились отреставрированные купеческие и дворянские особняки, а также роскошные дома, некогда принадлежавшие казацкому начальству. В одном из них – доме наказных атаманов разместился музей А.С. Пушкина, экспозиция которого напоминает о пребывании поэта в Уральске.

Так что не только Уральск, расположенный ныне уже в другом государстве, хранит память о Пугачёвском бунте и предпринятой А.С. Пушкиным поездке по его следам. Как удалось выяснить автору статьи, в Оренбургской области России есть селения, не говоря уже о самом Оренбурге, где имеются свидетельства событий времен пугачёвщины, так увлекших А.С. Пушкина и не оставляющих равнодушными теперь уже нас, живущих в XXI в. специалистов и любителей русской истории.

Работа над данным исследованием показала, с одной стороны, сколь важное значение при подготовке научных публикаций имеет использование метода устной истории, с другой, что данный метод применим не только при изучении событий относительно недавних, но и имевших место в прошлом, отделённым от нас несколькими веками.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. 624 с.
2. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 5. Курс русской истории. М.: Мысль, 1989. 476 с.
3. Короленко В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т.5. М.: Правда, 1971. 528 с.

■ История

4. Мокрова М.В. Диссертация на соискание кандидата исторических наук. 07.00.09. Москва, 2004. 253 с. РГБ ОД, 61:04-7/1149. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/65412.html> (проверено 01.09.2016).
5. Пушкин А.С. Капитанская дочка. Л.: Наука, 1984. 320 с.
6. Пушкин А.С. Письма к жене. Л.: Наука, 1987. 264 с.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 тт. Т.8. История Пугачёва. Л.: Наука, 1978. 416 с.
8. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 29 тт. Т. 29. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. 162 с.
9. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению. URL: http://planetadisser.com/see/dis_122216.html (проверено 03.09.2016).
10. А.С. Пушкин – первый исследователь пугачёвского бунта (К 240-летию начала восстания 1773 – 1775 гг. и 180-летию посещения А.С. Пушкиным Оренбургского края). Пятые международные научные Пушкинские чтения: сб. статей / под ред. А.В. Федоровой. Оренбург, июнь 2013 г. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 212 с.

Об авторе

Шевцов Никита Всеволодович – к.и.н., профессор, заведующий кафедрой международной журналистики факультета Международной журналистики МГИМО МИД России.
E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

IN THE WAKE OF PUGACHEV'S REBELLION: EXPERIENCE IN ORAL HISTORY

N.V. Shevtsov

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *Grand uprising led by Pugachev seized a vast area from the middle reaches of the Volga, the Urals and the Kazakh steppes. Thousands of people from different classes and nationalities joined rebellious Ural Cossacks in 1773. From the beginning, the uprising was of antimonarchic, not noble character, although its leader, and posed as a resurrected Emperor Peter III. During two years since 1773 the rebels were holding at bay the entire Russian Empire, becoming a real threat to the power of Catherine II.*

Pugachev's Rebellion is a subject of numerous works of Russian historians, writers, articles, research journalists and ethnographers. But perhaps the most famous "History of Pugachev" is written by a classic of Russian literature Alexander Pushkin. His work became one of the first (if not the first) serious historical studies on Pugachev's Rebellion. The historical science of XIX century, especially its first half, doesn't know many writings on the uprising. The fact that historians did not dare to write about Pugachev and the events that took place in 1773-1775 years, as Catherine II prohibited even mention the uprising. The decree of the senate ordered even rename the place, where the described events took place, for example, the Yaik river and Yaitsk town in order "to bring all that has happened to eternal oblivion." The famous historian S.M. Solovyov did not have advance to write about Pugachev. Death interrupted his work when his 29 volume was in process, which he planned to complete with the execution of the leader of the uprising.

Russian historian V.O. Klyuchevskii did not write many pages devoted to Pugachev as well. The author of this article visited the places, where the events took place, and repeated the journey of A.S. Pushkin, who visited the region in 60 years after Pugachev's Rebellion. By talking with the locals, visiting ancient towns and villages, I sought to find out what has now preserved since ancient times, whether it is possible today to see evidence of the uprising or the famous trip of A.S. Pushkin.

Key words: The Pugachev's Rebellion, Yemelyan Pugachev, Alexander Pushkin, Catherine the Great, Orenburg, the suppression of the rebellion, the capture of the fortress, The Yaik (Ural) Cossacks, The Fort Nizhneoserny, The Fort Tatishcheva, Oral History.

References

1. Klyuchevskij V.O. *Istoricheskie portrety*. [Historical portraits]. Moscow: Pravda, 1990. 624 p. (In Russian)
2. Klyuchevskij V.O. *Sochineniya*: v 9 tt. T. 5. *Kurs russkoj istorii*. [Compositions: in 9 vols. Vol. 5. The course of Russian history]. Moscow: Mysl', 1989. 476 p. (In Russian)
3. Korolenko V.G. *Sobranie sochinenij*: v 6 tt. T.5. [Collected Works: in 6 vols. Vol. 85]. Moscow, Pravda, 1971, 528 p. (In Russian)

4. Mokrova M.V. *Dissertacija na soiskanie kandidata istoricheskikh nauk*. [Thesis of the candidate of historical sciences]. 07.00.09. Moscow, 2004, 253 p. RGB OD, 61:04-7/1149. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/65412.html> (Accessed 01.03.2016). (In Russian)
5. Pushkin A.S. *Kapitanskaja dochka*. [Captain's daughter]. Leningrad, Nauka, 1984, 320 p. (In Russian)
6. Pushkin A.S. *Pis'ma k zhene*. [Letters to wife]. Leningrad, Nauka, 1987, 264 p. (In Russian)
7. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij*: v 10 tt. T.8. *Istorija Pugacheva*. [Complete Works: in 10 vols. Vol. 8. History of Pugachev]. Leningrad, Nauka, 1978, 416 p. (In Russian)
8. Solov'ev S.M. *Istorija Rossii s drevnejshih vremen*: v 29 tt. T. 29. [History of Russia since ancient times: in 29 vols. Vol. 29]. Moscow, Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoy literatury, 1962, 162 p. (In Russian)
9. *Ustnaja istorija nauki: ot istoriograficheskikh tradicij k kompleksnomu istonichkovedeniju*. [Oral History of science: from the historiographical traditions to complex source study]. Available at: http://planetadisser.com/see/dis_122216.html (Accessed 03.02.2016). (In Russian)
10. A.S. Pushkin – pervyj issledovatel' pugachyovskogo bunta (K 240-letiyu nachala vosstaniya 1773 – 1775 gg. i 180-letiyu poseshcheniya A.S. Pushkinym Orenburgskogo kraya). *Pyatye mezhdunarodnye nauchnye Pushkinskie chteniya* [Alexander Pushkin - the first researcher of the Pugachev rebellion (Dedicated to the 240 anniversary of the rebellion of 1773 -. 1775 and 180th anniversary of Pushkin's visit of the Orenburg region). Fifth international scientific Pushkin readings. Orenburg, June 2013]: Ed by. AV Fedorova. Orenburg: Publishing Center OGAU, 2014. 212 p. (In Russian)

About the author

Nikita V. Shevtsov – Head of the Department of International Journalism, PhD (Historical Science), Professor, MGIMO–University. E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

«НЕ СЛИШКОМ ЛИ НАШ ПРОЕКТ ВЕЛИК ДЛЯ ЕВРОПЫ?»: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ 1950-х гг.

Е.В. Хахалкина

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Россия, 634057, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Прошедший в Великобритании референдум о выходе страны из Европейского союза и его итоги актуализируют обращение к материалу, связанному с поисками страной своего места в европейском интеграционном движении до вступления в Европейское экономическое сообщество в 1973 г. В статье дан анализ малоизвестного в отечественной историографии «великого проекта» Г. Макмиллана, выдвинутого по следам провала Суэцкой операции 1956 г. План с таким ярким и привлекающим внимание названием предполагал создание широкой интеграционной группировки в Европе с Соединённым Королевством в качестве лидера в противовес готовящимся к созданию проектам Европейского экономического сообщества и Европейского сообщества по атомной энергии. Проект был призван восстановить престиж Консервативной партии, укрепить пошатнувшиеся позиции Британии внутри НАТО и европейских делах после унижительного поражения в тройственной интервенции против Египта. В то же время появление плана отражало стремление премьер-министра Г. Макмиллана ослабить борьбу сторонников и противников полноценного участия страны в европейской интеграции в политическом истеблишменте и перехватить лидерство в интеграционном движении у Франции. Анализ содержания проекта и попыток его реализации в рамках зоны свободной торговли (ЗСТ) раскрывают суть «особой позиции» Великобритании в отношении наднационального формата интеграции и её видение альтернативных путей европейской интеграции. Современное Соединённое Королевство, оказавшееся в новых реалиях после прошедшего референдума о членстве страны в Европейском союзе, вновь возвращается к исходной точке на пути наднациональной интеграции и поиску своего места в Европе. В этих условиях идеи, высказанные британскими политиками более полувека назад, могут вновь оказаться востребованными и актуальными.

Ключевые слова: «великий проект», Великобритания, Г. Макмиллан, Ш. де Голль, зона свободной торговли, англо-американские отношения, Содружество, система имперских преференций, Общий рынок, Организация европейского экономического сотрудничества.

Суэцкий кризис 1956 г. наиболее отчётливо подтвердил тот факт, что Великобритания после Второй мировой войны оставалась одной из ведущих мировых держав, но уже второго ранга. Провал англо-франко-израильской агрессии против Египта в конце октября – начале ноября 1956 г. привёл к серьёзным последствиям не только во внешнеполитическом курсе Великобритании, но и в системе международных отношений. Сложившаяся ситуация требовала принятия и осмысления новых реалий, с учётом продолжения интеграционных процессов на континенте, ускорения темпов деколонизации и экономической нестабильности внутри страны.

Э. Иден, в связи с неудачей Суэцкой операции, был вынужден подать в отставку в начале января 1957 г. Новым премьер-министром стал 10 января 1957 г. Г. Макмиллан.

Г. Макмиллан входил в состав так называемых прогрессивных тори, являлся одним из заметных идеологов Консервативной партии и проевропейски настроенным политиком. Он считал, что стране требуется новая внешнеполитическая стратегия, которая придаст ей динамизм и укрепит международные позиции.

Контур такой новой стратегии очерчивал выдвинутый в начале 1957 г. проект создания на широкой межправительственной основе европейской организации с Великобританией в качестве лидера. План получил название «великий проект» (*“grand design”*).

В отечественной историографии эта инициатива остаётся по-прежнему мало раскрытым сюжетом, несмотря на то, что проект являлся одной из фундаментальных идей британской внешней политики после Суэцкого кризиса. Полное содержание плана было раскритиковано в 1990-е гг. британским архивом «Паблик Рекорд Оффис» (в настоящее время – Национальный архив). Вслед за этим в западной историографии стали появляться работы, в которых рассматривался проект, определивший вектор британской политики в отношении европейской интеграции в конце 1950-х гг. [21, 22, 30, 32, 34, 36, 38].

В данной статье ставится цель рассмотреть «великий проект» и его «экономическую» составляющую – идею зоны свободной торговли – от её обсуждения внутри Кабинета и реакции европейских партнёров до провала реализации проекта спустя почти два года переговоров. Эти сюжеты рассматриваются как выражение поиска британским консервативным руководством новой роли и внешнеполитической идентичности в Европе и мире на фоне процессов деколонизации и набирающих силу интеграционных движений.

Основа плана была разработана ещё в 1956 г. и в начале января 1957 г. была представлена кабинету министром иностранных дел Великобритании С. Ллойдом. Название проекта прямо отсылало к известному плану герцога Сьюли – суперинтенданту финансов французского короля Генриха IV. В 1617 г., уже удалившись от дел, он завершил написание труда, получившего на-

звание «великий проект». Чуть позже авторство, в связи с таким претенциозным заглавием и содержанием, стали приписывать самому Генриху IV в связи с тем, что проект во многом отражал настроения династии Бурбонов, стремившейся к укреплению Франции в Европе посредством создания союза европейских государств [11, с. 98-99].

Реализация «великого проекта» после провала тройственной интервенции была призвана разрешить трудности страны в известных «трёх сферах» внешней политики – англо-американских «особых» отношениях, связях с Содружеством и европейских делах. В документе, состоявшем из трёх частей, излагался план по созданию военно-политического и экономического союза Лондона с европейскими странами.

Первая часть проекта была посвящена рассмотрению возможности создания военно-политического объединения европейских стран на основе Западноевропейского союза (ЗЕС), имевшего на фоне существования НАТО в большей степени «виртуальный» характер. Ещё в середине декабря 1956 г. Г. Макмиллан, занимавший тогда пост министра финансов, на заседании совета Североатлантического блока озвучил идею о необходимости реформирования структуры европейских организаций. Макмиллан предлагал объединить в рамках НАТО, но на базе ЗЕС, оборонные усилия европейских стран для создания «третьей силы», приближающейся по мощи к США и СССР [9, с. 349].

Главный акцент в этой части проекта был сделан на развитии атомной программы Лондона. Посредством привлечения материальных, финансовых и технических ресурсов государств-членов ЗЕС, британские правящие круги рассчитывали начать выполнение программы создания мегатонной бомбы и всех средств её доставки к цели. Другие страны-участницы будущей военно-политической ассоциации, в свою очередь, через сотрудничество с Лондоном в атомной сфере, могли рассчитывать на получение доступа к технической информации создания ядерного оружия [14, р. 102-103].

Планы развития британской атомной промышленности, представленные в «великом проекте», соответствовали логике изменения военной доктрины Лондона. В Белой книге по вопросам обороны, представленной военным министром Д. Сэндисом в палате общин в феврале 1957 г., подчёркивалась приоритетность развития ядерного потенциала страны как основного элемента новой доктрины. В связи с этим выдвигались предложения об отмене обязательной воинской повинности и введении комплектования вооружённых сил по найму [16, р. 459-461].

Развитие военного сотрудничества стран-участниц ЗЕС, указывалось в меморандуме, на практике могло привести к созданию политической ассоциации. Обстановка в Европе благоприятствовала, по мысли С. Ллойда, бри-

танским интеграционным инициативам. Кроме того, германский вопрос можно было решить кардинально только посредством включения ФРГ в создаваемые наднациональные структуры. Результатом осуществления такой модели интеграции, как полагали в Лондоне, могло стать создание «третьей силы», приближающейся по мощи к Соединённым Штатам и Советскому Союзу [14, p. 103-104].

Также британское правительство считало перспективным развитие атомной сферы, в которой Лондон мог перехватить инициативу у других европейских государств. Действительно, Великобритания на тот момент времени была единственной западноевропейской державой, владевшей атомным оружием. Обладание таким важным стратегическим преимуществом давало британскому руководству возможность если не воспрепятствовать созданию ядерной бомбы другой европейской страной, то во всяком случае контролировать данный процесс [3, с. 51-52]. Лондон явно преследовал цель затормозить подписание готовящихся соглашений с тем, чтобы предложить свой план европейской интеграции.

Во второй части проекта рассматривалась перспектива укрепления сотрудничества со странами западноевропейского региона в экономической и политической сферах на основе Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Предполагалось также создать единую консультативную структуру - Парламентскую ассамблею - посредством установления институциональных связей между будущим Европейским экономическим сообществом (ЕЭС), ЗЕС и Советом Европы. Таким образом, все уже созданные или готовящиеся к оформлению организации замыкались бы на Великобритании.

Ещё одним немаловажным фактором, подталкивающим к пересмотру отношений с континентальными странами, было состояние британской экономики. Лондон к концу 1950-х гг. столкнулся с проблемами платёжного баланса и падения темпов экономического роста. За период с 1950 по 1955 гг. доля страны в мировой торговле упала с 25 % до 20 %. Среди других трудностей были низкий уровень промышленного роста, который составлял меньше половины уровня роста ведущих стран континента, периодические кризисы платёжного баланса и инфляционные проблемы [12, p. 162-163, 180-181].

Правительственные и независимые эксперты Великобритании также фиксировали, что самый быстрый рост мирового товарооборота к концу 1950-х гг. приходился на индустриально развитые страны, следовательно, Британии имело смысл активнее развивать торгово-экономические отношения с континентальными европейскими государствами [21, p. 28; 38, p. 58].

Совпадение времени появления «великого проекта» с подготовкой странами «Шестёрки»

договоров о создании ЕЭС и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома) было неслучайным. Британская инициатива, по сути, стала ответом на интеграционные устремления шести западноевропейских государств. На данном этапе, когда европейская интеграция по наднациональному образцу продолжилась, невзирая на провал создания Европейской армии, Великобритании было важно перехватить инициативу у Франции.

Акцент в третьей части «великого проекта», в которой затрагивались процедурные вопросы, был сделан на идее укрепления англо-американских «особых отношений». На всех стадиях, подчёркивалось в меморандуме, британское правительство должно было обращать внимание американской администрации на то, что выдвинутые «инициативы направлены на усиление Атлантического союза» [14, p. 105]. Это замечание являлось симптоматичным - англо-американские отношения пронизывали проект как связующие другие направления британской внешней политики элемент.

Реакция кабинета министров на проект С. Ллойда носила неоднозначный характер. На заседании кабинета 9 января 1957 г. против него выступили министр обороны Д. Сэндис и министр по делам Содружества лорд Хьюм. Основные возражения Сэндиса сводились к тому, что Лондон должен сделать упор на развитие отношений «не с Европой, а с США, особенно в свете провала Суэцкой операции на Ближнем Востоке».

Министра обороны поддержал лорд-председатель Совета лорд Солсбери, по мнению которого лучшим курсом, соответствующим «фундаментальной основе» британской внешней политики, является укрепление англо-американских отношений как «самого лучшего средства охраны свободного мира от советской агрессии». Если же, учитывая недавний опыт Суэца, план будет обсужден с европейскими странами без предварительной консультации с правительством Соединённых Штатов, то англо-американский союз может быть окончательно подорван, подчеркнул лорд Солсбери [14, p. 108].

Глава Министерства по делам Содружества, в свою очередь, считал, что реализация проекта требует консультации не только с Соединёнными Штатами, но и с некоторыми членами Содружества, поскольку европейские инициативы Лондона не должны идти вразрез с политикой, проводимой в отношении получивших независимость стран. Также Содружество рассматривалось британской правящей элитой как способ поддержания статуса страны как великой державы на мировой арене. В частности, «великий проект» предполагал включение не только западноевропейских государств в объединение, способное стать «третьей силой», но и стран этой организации, что могло позволить Лондону претендовать с большим основанием на роль лидера в такой международной ассоциации [14, p. 109].

Немаловажным в этой связи британским политикам представлялся тот факт, что Великобритания, благодаря Содружеству, являлась страной «с мировыми обязательствами», что играло определённую роль и в отношениях Лондона с ближайшим союзником – Соединёнными Штатами. Без «заморских связей», считала британская правящая элита, «Соединённое Королевство могло предстать в глазах США не более чем одной из дюжины таких же [как Великобритания – Е.Х.] маленьких стран, соревнующихся за их внимание» [27, р. 270; 4, с. 182].

Поэтому при обсуждении меморандума С. Ллойда члены кабинета министров выразили вполне обоснованное опасение по поводу возможного ущемления связей страны с Содружеством в случае развития активной политики в направлении европейской интеграции. На заседании кабинета были также высказаны сомнения по поводу своевременности выдвижения «великого проекта», военно-политический аспект которого после провала ЕОС в 1954 г. имел мало шансов на реализацию в конце 1950-х гг.

В то же время члены кабинета подчеркнули важность участия страны в экономической интеграции с государствами Западной Европы. Страны «Шестёрки» готовились к подписанию Договора о создании Общего рынка. Это направление представляло для британского правительства особый интерес. Ещё в октябре 1956 г. министр торговли в правительстве А. Идена П. Торникрофт разработал так называемый «План Г», предполагавший создание промышленной зоны свободной (ЗСТ) торговли европейских государств [29, р. 68; 15, р. 57, 75-76]. В конце ноября того же года в палате общин прошли дебаты, в ходе которых консервативное правительство выразило уверенность в совместимости своих обязательств в отношении Содружества с идеями об установлении промышленной зоны свободной торговли в Европе [23].

Взвесив все «за» и «против», члены Кабинета приняли решение сосредоточиться именно на «экономической» части проекта. В конце января 1957 г. специально созданная рабочая группа ОЕЭС заявила о «технической возможности» ассоциации зоны свободной торговли, лоббируемой британской стороной, с намечаемым к созданию Общим рынком [19, р. 3].

Идея ЗСТ отличалась от планов континентальных стран по созданию общего рынка тремя важными чертами. Во-первых, проект не предполагал установления единых тарифов в торговле с третьими странами, с тем, чтобы не нанести ущерб преференциальной торговле со странами Содружества. Во-вторых, британская ЗСТ должна была действовать в рамках ОЕЭС и согласно принципам Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). В-третьих, Г. Макмиллан предлагал не включать в ЗСТ торговлю продукцией сельского хозяйства.

Первая реакция европейских стран на инициативу Лондона носила, казалось бы, благо-

желательный характер. 12 февраля на заседании Совета ОЕЭС была принята резолюция о начале проведения официальных переговоров по созданию ЗСТ [7, с. 122]. Однако начавшееся обсуждение выявило наличие существенных разногласий между участниками. Франция занимала неоднозначную позицию, что было связано со сложной внутривнутриполитической ситуацией в стране и нерешенностью колониальных проблем. Сомнения в политических кругах Франции в выгоды участия в европейской интеграции усилились, когда страны «Шестёрки» вступили в переговоры о создании зоны свободной торговли [8, с. 153].

Как собственно и предполагал Г. Макмиллан, позиции участников разошлись по вопросу выработки совместной политики в области торговли продуктами сельского хозяйства. Ход переговоров показал также отсутствие единства взглядов на участие страны в европейской интеграции в правительственных кругах самой Великобритании. Несмотря на мнение экономических экспертов о необходимости скорректировать структуру внешнеэкономических связей страны в пользу большего участия в торговле с континентальными странами, в позиции британской делегации на переговорах явно прослеживалось стремление скорее избежать ослабления отношений со странами Содружества, чем развивать связи с Европой. Со своей стороны страны Шестёрки опасались, что ЗСТ может помешать созданию институтов ЕЭС, поскольку осуществление британской инициативы предполагало подчинение институтов ЕОУС, Общего рынка и Евратома единой Ассамблее под эгидой ОЕЭС.

Соединённые Штаты внимательно следили за ходом переговоров между Великобританией и шестью странами. Госсекретарь США Дж. Ф. Даллес, детально изучивший «великий проект» Г. Макмиллана, подготовил документ, в котором отражались сомнения Вашингтона относительно мотивов европейских инициатив Лондона. Глава госдепартамента выразил тревогу, что усилия британского правительства по реализации ЗСТ направлены на «выхолащивание» сути европейской интеграции и указал, что создание Общего рынка и Евратома имеет первостепенное значение для укрепления «атлантической конструкции НАТО» [18, р. 535-536].

В начале марта 1957 г. переговоры стран «Шестёрки» вступили в завершающую стадию. Основным упущением британской дипломатии на данном этапе была ничем не оправданная уверенность в способности убедить европейских коллег отдать предпочтение плану ЗСТ. Как оказалось, высокие внешние тарифы и другие потенциально ограничительные меры в отношении третьих стран в рамках Общего рынка гораздо приемлемее для экономических либералов, особенно в ФРГ и Нидерландах, чем идеи ЗСТ [17, р. 103].

Более того, переговоры по созданию ЗСТ, дав обратный ожиданиям британского руководства результат, способствовали ускорению интеграционных процессов в рамках наднациональной модели. 25 марта 1957 г. в Риме были подписаны договоры о создании ЕЭС, учреждавшим Общий рынок и Евратом.

Стало очевидно, что предположение британских правительственных экспертов о том, что провал ЕОС в 1954 г. последовательно приведёт к провалу других интеграционных идей, было ошибочным. Вся важность и последствия подписания соглашений в Риме не сразу были приняты британской элитой. Осознание неизбежности перехода страны на положение региональной державы требовало времени. Определённое воздействие на поведение политических деятелей продолжало оказывать «островное мышление» и исторические традиции дистанцирования от континента. Страны бывшей империи по-прежнему психологически воспринимались большей частью правительственных кругов и населения как «британские», и связь с ними ощущалась сильнее, чем с государствами Западной Европы.

Сложность продолжавшихся переговоров заключалась в том, что Г. Макмиллану, по существу, можно было только изменить акценты в проекте ЗСТ, не меняя его сути. В ходе визита в Бонн в середине мая Г. Макмиллан пытался убедить К. Аденауэра оказать поддержку британскому плану, обрисовав отказ от создания ЗСТ как путь к «дезинтеграции любой большой европейской политики» и, как следствие, к «коллапсу НАТО и существующей системы обороны». В ответ на эти доводы федеральный канцлер заверил британского премьера в поддержке проекта. Французское правительство также пообещало возобновить переговоры, но только после ратификации Римских соглашений. Г. Макмиллан подозревал, что Бонн и Париж приняли решение использовать тактику «затягивания времени» до официального вступления в силу подписанных договоров 1 января 1958 г. [29, р. 435].

Обсуждение проекта в мае 1957 г. в палате общин продемонстрировало отсутствие единства по вопросам участия страны в европейской интеграции. В частности, депутат от Лейбористской партии Дж. Каллаген обратил внимание на то, что Великобритания в переговорах излишне переоценивает фактор сохранения системы имперских преференций в рамках ЗСТ. Он справедливо указывал на то, что в послевоенных условиях значимость преференциальной системы неуклонно снижалась, и главная проблема для Британии в этих условиях состояла в совмещении интересов на континенте с интересами в рамках стерлинговой зоны [24].

В свою очередь, участники продолжившихся переговоров, защищая свои сельскохозяйственные рынки, требовали от британской стороны включения продовольственных товаров в сферу действия ЗСТ, вынуждая британскую делегацию идти на уступки. Лондон с целью продвижения

обсуждения был готов включить в ЗСТ только определённый круг продовольственных товаров [29, р. 438-439].

16 мая в газете «Таймс» появилась статья известного британского историка и политического деятеля М. Белоффа под красноречивым названием «Достаточно ли велик наш проект для Европы?» [35]. Название явно отсылало к известной инициативе. По мнению автора, британский проект привлек внимание отдельных стран европейского континента, прежде всего, ФРГ и Италии, не столько своим содержанием, сколько постановкой вопроса о том, как «сделать понятнее и яснее, насколько возможно, структуру европейских институтов» [35].

М. Белофф отмечал, что в настоящее время в Европе действительно сложился ряд институтов военного, экономического и политического характера, дублирование которых, по сути, предлагалось в «великом проекте». Автор отмечал, что основной недостаток «великого проекта» как раз и состоял в том, что «в нём предпринята попытка решить многие задачи одновременно». М. Белофф в этой связи сформулировал два принципиальных вопроса: каким образом можно изменить британскую идею и в какие институты из уже существующих она могла быть безболезненно встроена. В качестве ответа автор статьи выразил точку зрения о том, что британская инициатива должна сплотить европейские страны в такой союз, который будет действовать в полном согласии с США и НАТО [35].

В начале августа 1957 г. Г. Макмиллан предложил назначить проевропейски настроенного Р. Модлинга, занимавшего пост главного казначея страны, ответственным за переговоры с государствами-участниками ОЕЭС. 16 октября Совет ОЕЭС официально назначил его председателем межправительственного комитета, учрежденного для создания ЗСТ [33, р. 315].

На заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы Р. Модлинг доказывал своим европейским коллегам, что для Великобритании Содружество является не только вопросом торговли, но и «существенным фактом британской психологии» и «основным чувством», которое окрашивает «политическую жизнь» страны [36, р. 17]. Соответственно, распространение проекта на аграрную сферу не входило в интересы Британии.

В октябре 1957 г. Р. Модлинг с оптимизмом сообщил на заседании кабинета министров, что в целом европейские страны настроены благоприятно в отношении британского проекта. Западная Германия, Бельгия и Нидерланды поддерживали план ЗСТ по экономическим соображениям, в то время как Франция и Италия симпатизировали плану по причинам политического характера. Скандинавские страны, Швейцария и Австрия также поддерживали британскую инициативу, в то время как Дания испытывала сомнения в связи с трудностями

в экспорте продовольственных товаров [29, р. 439-440].

Наряду с «великим проектом» Г. Макмиллан в октябре 1957 г. на Бермудской встрече с президентом США Д. Эйзенхауэром озвучил тезис о «взаимозависимости», призванной укрепить пошатнувшиеся англо-американские отношения после провала Суэцкой операции 1956 г. В совместной Декларации об общих целях стороны акцентировали внимание на «взаимосвязанности» стран свободного мира, прогресс и безопасность которых зависят от объединения ресурсов и совместного разрешения возникающих перед ними задач [5, с. 439].

Практическое воплощение концепции взаимозависимости сводилось к тому, что Соединённые Штаты будут продолжать поддерживать НАТО и обеспечивать Великобританию ракетами, способными нести ядерные боезаряды. В политическом плане Г. Макмиллан рассчитывал на равенство в партнёрстве с заокеанским союзником, однако такого равенства не случилось ни при Д. Эйзенхауэре, ни при его преемниках. И на деле эта концепция, по ироничному замечанию известного британского историка Н. Эштона, представляла собой доктрину «зависимости» Лондона от Вашингтона [13, р. 131-132; 37, р. 126-127; 10, с. 293-294, 368].

После возвращения в Лондон Макмиллан продолжил борьбу за усечённый вариант «великого проекта». В начале ноября 1957 г., выступая в палате общин, премьер-министр обозначил идею ЗСТ как основу европейской торговой системы, эффективному функционированию и процветанию которой может угрожать создание двух или трёх торговых блоков [31, р. 203]. Г. Макмиллан полагал, что фактор потенциального разделения Европы в случае создания параллельной экономической группировки может заставить страны Общего рынка осознать опасность неучастия Лондона в институтах, оформленных Римскими соглашениями [25].

Подобные оценки проекта демонстрировали доминирование экономической составляющей плана ЗСТ над его политическим содержанием. Парламентариев интересовали, прежде всего, вопросы экономической выгоды от участия в ЗСТ и повышения конкурентоспособности страны на европейских рынках. В ходе последовавших парламентских дебатов лейборист Э. Бартон отметила важность доступа растущей индустрии британского автомобилестроения и отраслей тяжелой промышленности на континентальные рынки. Она привела расчёты британских экономистов, согласно которым импорт автомобилей в будущую торговую зону удвоился с 1950 г., и к 1970 г. он должен был увеличиться в 4 раза. В случае официального вступления в силу договора об учреждении ЕЭС британские производители могли оказаться исключёнными на 70 % из потенциального рынка ЗСТ [26].

1 января 1958 г. официально вступили в силу, после довольно короткого периода ратификации, соглашения об учреждении ЕЭС и Евратома.

Г. Макмиллан отмечал в мемуарах, что вступление в силу Римских соглашений не символизировало провала переговоров по ЗСТ. Только к началу марта 1958 г. стало окончательно ясно, что вопросы сельскохозяйственной политики не были центральным пунктом разногласий [29, р. 440-441]. Неопределённость решения этих вопросов в рамках Общего рынка отодвигала на задний план обсуждение этих проблем в ОЕЭС. Кроме того, стало явным нежелание Франции участвовать в дискуссиях по проблеме создания ЗСТ. Французская позиция определялась тем, что крупные производители опасались конкуренции не только западногерманской, но и британской продукции. Другим фактором стало набравшее силу движение федералистов, которые были обеспокоены политической составляющей интеграции и стремились затормозить участие в ней Франции.

Ситуацию для британской стороны осложняло также и то, что Г. Макмиллан по-прежнему считал стратегически важным достижение положительного результата до конца июля с тем, чтобы снижение таможенных ограничений в Общем рынке и ЗСТ произошло одновременно. В Лондоне полагали, что синхронность сокращения тарифов с 1 января 1959 г., как было намечено в Римском договоре, все же могла в перспективе позволить Великобритании «поглотить» Общий рынок и реализовать в полной мере свой проект.

В середине апреля 1958 г. очередное французское правительство во главе с Ф. Гайаром подало в отставку. В условиях начала революционных событий в Алжире, поставивших Четвёртую республику на грань гражданской войны, президент страны Р. Коти обратился к «самому знаменитому французцу» Ш. де Голлю с предложением сформировать кабинет. 1 июня 1958 г. Национальное собрание большинством голосов поддержало кандидатуру Ш. де Голля на пост премьер-министра и ушло на бессрочные каникулы [1, с. 97].

Возвращение к власти генерала Ш. де Голля придало особую значимость европейской интеграции. Г. Макмиллан почти сразу попытался установить дружеские дипломатические отношения с новым лидером Франции, рассчитывая использовать известную негативную позицию де Голля к наднациональным институтам и федеративной модели европейской интеграции в своих интересах.

В конце июня премьер-министр Великобритании прибыл в Париж. По воспоминаниям де Голля, его британский коллега на встрече заявил, что «Общий рынок - это континентальная блокада», следствием которой может быть «война, которая вначале, бесспорно, будет только экономической, но она чревата опасностью постепенно охватить другие сферы отношений» [2, с. 317].

Сдержанное отношение Франции к плану, предложенному Лондоном, было следствием не столько нежелания де Голля обсуждать именно британский проект, сколько его стремлением решать другие внешнеполитические задачи, не связанные на начальном этапе его деятельности с вопросами развития европейской интеграции. По мнению британского исследователя Ф. Нортиджа, де Голль со времени прихода к власти в июне 1958 г. «был слишком занят превращением Франции в президентскую автократию и не слишком вдавался в детали европейской экономической интеграции, несмотря на очевидную обеспокоенность других членов Шестёрки поиском компромисса в отношениях с Великобританией» [33, р. 319]. В частности, в число внешнеполитических приоритетов французского лидера входило укрепление позиций страны на международной арене посредством усиления влияния в НАТО, ядерной сфере и во франко-германских отношениях.

В сентябре 1958 г. генерал отправил премьер-министру Великобритании и президенту США меморандум, в котором предлагал реконструкцию командования и политической структуры Организации Североатлантического договора по принципу триумvirата США, Великобритании и Франции. Лидер французской республики считал, что НАТО в её настоящей форме не отвечает требованиям безопасности мира, и, в частности, французским требованиям.

В Лондоне верно оценили ситуацию как возрождение на континенте старых подозрений о том, что «что Великобритания находится отдельно от Европы и безразлична или даже враждебна европейскому единству». Франция в лице де Голля была убеждена, что поскольку ядерным оружием владеют только две страны западного мира, Британия добивается «установления такой системы внутри блока НАТО, при которой господство принадлежит Америке и Англии, а остальные страны – в рядовых» [15, р. 50; 6, с. 69].

Отсутствие ответа на деголлевский меморандум повлекло за собой изменение акцентов во внешнеполитическом курсе политики Ш. де Голля. Париж, ратифицировав Римские соглашения 1957 г., сделал ставку на развитие европейской интеграции шести стран во главе с Францией. В сентябре 1958 г. на встрече стран Шестёрки в Венеции была достигнута договоренность о том, что любое решение по проекту ЗСТ должно быть принято единогласно, что фактически означало возможность одной из стран Общего рынка применить право вето [15, р. 84].

Такое решение являлось ярким свидетельством того, что страны Общего рынка, и, прежде всего, Франция, считали, что «Великобритания имеет целью «саботаж» ЕЭС» [20, р. 104]. Проблематичность преодоления такого подхода европейских стран к британской инициативе продемонстрировал сам процесс обсуждения ЗСТ, показавший, что Лондон не сумел выработать успешную стратегию проведения пере-

говоров. Меморандум де Голля, таким образом, существенно ограничил возможности маневрирования Г. Макмиллана в вопросе создания европейской торговой зоны.

В то же время в меморандуме де Голля британский премьер-министр увидел угрозу эффективному решению задач Североатлантического блока по укреплению безопасности западного мира, особенно в условиях кризиса доверия, порождённого Суэцкой операцией 1956 г. Эти события и успехи СССР в ракетно-космической области вызвали сомнение в странах Западной Европы в гарантиях США о применении ядерного оружия в случае нападения Советского Союза. В этой ситуации меморандум де Голля воспринимался как фактор, затруднявший восстановление единства западных союзников.

В начале ноября 1958 г. состоялась неофициальная встреча министра иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиля с главой британской делегации на переговорах Р. Модлингом и главой внешнеполитического ведомства Великобритании С. Ллойдом.

Р. Модлинг в ходе беседы задал французскому представителю прямой вопрос о том, есть ли реальные шансы на то, что Франция примет британский проект ЗСТ. Кув де Мюрвиль открыто ответил, что Париж не заинтересован в осуществлении плана «ни по экономическим, ни по политическим причинам» [28, р. 129].

В сложившихся условиях Лондон стремился вновь заручиться поддержкой Соединённых Штатов. 13 ноября 1958 г. британский посол в Вашингтоне Г. Кассиа отправил в Лондон дипломатическую депешу, в которой изложил соображения о том, как выгоднее представить планы создания ЗСТ администрации Д. Эйзенхауэра. Британский дипломат подчеркнул, что США без особой симпатии относятся к идеям Лондона и подозревают, что так как «мы не можем добиться создания зоны свободной торговли согласно нашим условиям», и «не можем присоединиться к Общему рынку, то мы за то, чтобы разрушить последний». Следовало принять во внимание, по мнению британского посла, что отношения США с Францией осложнены из-за планов де Голля по реорганизации Североатлантического альянса, и Вашингтон в этих обстоятельствах не желает таких трудностей в отношениях с президентом Франции, которых «можно избежать» [15, р. 51-52].

Однако на следующий день, 14 ноября 1958 г. министр информации Франции Ж. Сустель сделал официальное заявление, в котором отметил неприемлемый для Парижа характер британского проекта. В заявлении говорилось о невозможности установления европейской торговой зоны по британской модели «без установления единого внешнего тарифа и гармонизации экономической и социальной сфер» [33, р. 319]. Политический подтекст отказа Парижа продолжать переговоры был очевиден британскому правительству. Создание Европейских сообществ

давало Ш. де Голлю возможность восстановить престиж своей страны за счёт лидерства в интеграционном процессе.

Примечательно, что Ш. де Голль, не желая, чтобы Франция выглядела в глазах мировой общественности виновницей провала переговоров, постарался снять ответственность с Парижа. Так, после сделанного французской стороной заявления, глава британской делегации Р. Модлинг в крайнем раздражении заявил о незамедлительном прекращении переговоров. Великобритания, таким образом, «прямо угодила в ловушку, подстроенную Францией», которая официального заявления именно о прекращении обсуждения не делала, а лишь обозначила свою позицию, о которой британским представителям уже было известно. При этом французская сторона описала действия Р. Модлинга как «вспышку гнева» в ответ на заявление министра информации, который даже не был ответственен за ведение переговоров и «в любом случае не сказал ничего нового» [28, р. 130-131].

Таким образом, процесс переговоров по ЗСТ как компоненты «великого проекта» продемонстрировал двойственность подходов

Г. Макмиллана к интеграционному движению. С одной стороны, британское правительство прилагало значительные усилия по продвижению концепции ЗСТ, с другой стороны, было не готово жертвовать своими интересами в Содружестве, совместить же оба подхода правительству Г. Макмиллана не удалось. Сутью британского подхода оставалось стремление если не возглавить интеграционный процесс, то, во всяком случае, затормозить его ход. Достичь этой цели, как покажет время, Великобритании не удалось, и в 1973 г. она с третьей попытки вступит в Европейские сообщества. Однако на всём протяжении своего пребывания сначала в ЕЭС, затем в Европейском союзе, страна продолжала занимать «особую» позицию, которая, в конечном итоге, поставила страну на грань выхода из ЕС. В условиях неопределённости, которая сложилась после прошедшего в Великобритании референдума о членстве страны в Европейском союзе, идеи, высказанные британскими политиками более полувека назад в рамках «великого проекта», могут вновь оказаться полезными и востребованными временем.

Список литературы

1. Арзаканян М.Ц. Политическая история Франции XX в. М.: Высшая школа, 2003. 156 с.
2. Де Голль Ш. Мемуары надежд. Обновление 1958-1962 гг. Европа. // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 299-324.
3. Евратом: правовые проблемы. М.: Наука, 1992. 238 с.
4. Западная Европа и США. Очерк политических взаимоотношений. Под ред. Д.Е. Мельникова. М.: Мысль, 1968. 447 с.
5. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016. 840 с.
6. Липкин М.А. Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС, 1957-1974 гг. СПб.: Алетейя, 2009. 240 с.
7. Маклэйн Д. Внешняя политика Англии после Суэца. М.: Прогресс, 1972. 460 с.
8. Мельчионни М.-Г. Влияние Суэцкого кризиса на переговоры в Брюсселе. // История европейской интеграции М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995. С. 141-160.
9. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: политика США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке в 1945-1956 гг. Томск: Изд-во Томского университета, 2003. 363 с.
10. Румянцев В.П. «Новый фронт» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961-1963 гг.). Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2015. 402 с.
11. Чубарьян А.О. Российский европеизм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 416 с.
12. Aldcroft D.H. The European economy. 1914-1970. L.: Croom Helm, 1978. 251 p.
13. Ashton N. Kennedy, Macmillan and the Cold War: Irony of Interdependence. Macmillan, Basingstoke, 2002. 288 p.
14. British documents on the End of Empire. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire. 1957-1964. Part. I. High Policy, Political and Constitutional Change. Ed. by R. Hyam and Wm Roger Louis. L.: Stationery Office, 2000. 825 p.
15. Britain and European integration. A Documentary history, 1945 -1999. L., N. Y.: Routledge, 2000. 389 p.
16. British imperial policy and decolonization. 1938-1964. Vol. 2. 1951-1964. Ed. by A.N. Porter and A.J. Stockwell. L.: Palgrave Macmillan, 1989. 601 p.
17. Camps M. Britain and the European Community, 1955-1963. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1964. 558 p.
18. Foreign relations of the United States (FRUS). 1955-1957. Vol. IV. Western Security and Integration. Wash.: United States Government Printing Office, 1986. 659 p.

■ История

19. Foundation Jean Monnet pour l'Europe. AMK (The Action Committee for the United States of Europe) 82/2/11. Note on the Special Supplement to Western World. February 1960.
20. From reconstruction to integration: Britain and Europe since 1945. Ed. by B. Brivati and H. Jones. Leicester, Leicester University Press, 1993. 260 p.
21. George S. An awkward partner: Britain in the European Community. N.Y., 1998. 298 p.
22. Glen Jiauque J. The Atlantic Powers and the Reorganization of Western Europe, 1955-1963. Chapel Hill and L., 2002. 326 p.
23. Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. European Trade Policy. 26 November 1956. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1956/nov/26/european-trade-policy>
24. Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Commonwealth and Empire Resources. 3 May 1957. Col. 584-585. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1957/may/03/commonwealth-and-empire-resources#S5CV0569P0_19570503_HOC_48.
25. Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Debate on the Address. 5 November 1957. Col. 32-33. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1957/nov/05/debate-on-the-address#column_32
26. Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Debate on the Address. 6 November 1957. Col. 278-279.
27. Heinlein F. British government policy and decolonization, 1945-1963: Scrutinizing the official mind. L.: Frank Cass., 2002. 350 p.
28. Lynch F.M.B. De Gaulle's First Veto: France, the Rueff Plan and the Free Trade Area. // Contemporary European History. No 9. 2000. pp. 111-135.
29. Macmillan H. Riding the storm. 1956-1959. L.: Macmillan, 1971. 786 p.
30. Mangold P. The Almost Impossible Ally: Harold Macmillan and Charles de Gaulle. L.: I.B. Tauris, 2006. 288 p.
31. Middleton D. The Supreme Choice. Britain and Europe. N.Y.: A. Knopf, 1963. 292 p.
32. Moravcsik A. The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca: Cornell University Press, 1998. 528 p.
33. Northedge F.S. British Foreign Policy. The Process of Readjustment. 1945-1961. L.: George Allen and Unwin, 1962. 261 p.
34. Schrafstetter S., Twegge S. Avoiding Armageddon: Europe, the United States and the Struggle for Nuclear Nonproliferation. L.: Green Publishing Group, 2004. 302 p.
35. The Times. 16 May 1957.
36. Tratt J. The Macmillan government and Europe. A study in the Process of Policy Development. Basingstoke: Macmillan, 1996. 251 p.
37. Turner J. Macmillan. Harlow: Essex. 1994. 288 p.
38. Young J. W. Britain and the European Unity, 1945-1999. Basingstoke: Macmillan, 2000. 252 p.
39. Winand P. Eisenhower, Kennedy and the United States of Europe. N.Y.: St Martin's Press, 1996. 432 p.

Об авторе

Хахалкина Елена Владимировна – к.и.н., доцент, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

“HOW GRAND IS OUR DESIGN FOR EUROPE?”: INTEGRATION PLANS OF THE GREAT BRITAIN IN THE LATE OF 1950s

E.V. Khakhalkina

National Research Tomsk State University, Russia, 634057, Tomsk, Lenin Prospekt 36.

Abstract: *The UK European Union membership referendum 2016 and its results actualized the study of the British initiatives in the sphere of integration before the entry into the European Economic Community in 1973. The article is devoted to the little-known in Russian historiography “Grand Design” of H. Macmillan, nominated in the wake of the failure of the Suez operation against Egypt in 1956. Plan with such bright and eye-catching name suggested the creation of a broad integration group in Europe as alternative with Britain as a leader to the preparing for the establishment of projects of the European Economic Community and the European Atomic energy community. The project was designed to restore the prestige of the Conserva-*

tive Party and to strengthen the shaky position of Britain in NATO and European affairs after Suez Crisis. At the same time the emergence of the plan reflected the desire of the Prime Minister, Harold Macmillan to weaken the struggle inside political establishment between supporters and opponents of the country's full-fledged participation in the European integration and take the lead in the integration movement from France. Analysis of the content of the project and attempts to implement it within the framework of a Free Trade Area (FTA) reveals the essence of the "special position" of the UK towards supranational integration and the British vision of the future of European integration. Modern United Kingdom appeared in the new European realities after the Referendum on the country's membership in the European Union and returns to the starting point on the path of supranational integration and to the search for its place in Europe. In these circumstances, the ideas expressed by British politicians more than half a century ago, may again prove to be demanded and relevant.

Key words: "Grand Design", Great Britain, H. Macmillan, Charles de Gaulle, the Free Trade Area, the Anglo-American relations, the Commonwealth, the system of imperial preferences, the Common Market, the Organization for European Economic Cooperation.

References

1. Arzakanjan M.C. *Politicheskaja istorija Francii XX v* [Political history of XX century France]. Moscow: Visshaja shkola Publ., 2003. 156 p. (In Russian)
2. De Goll' Sh. *Memuary nadezhd. Obnovlenie 1958-1962 gg. Evropa* [Memoirs of hope. Update 1958-1962 gg. Europe] *Novaja i novejsaja istorija – Modern and Contemporary History*. 1994. No 4-5. pp. 299-324. (In Russian)
3. *Evratom: pravovye problemy* [Euratom: legal problems]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 238 p. (In Russian)
4. *Zapadnaja Evropa i SSHA. Ocherk politicheskikh vzaimootnoshenij* [Western Europe and the United States. An outline of political relations]. ed. by D.E. Mel'nikova. Moscow: Mysl' Publ., 1968. 447 p. (In Russian)
5. Kapitonova N.K., Romanova E.V. *Istorija vneshnej politiki Velikobritanii* [The history of British foreign policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2016. 840 p. (In Russian)
6. Lipkin M.A. *Britanija v poiskah Evropy: dolgij put' v EJeS, 1957-1974 gg* [Britain in search of Europe: a long way in the UES, 1957-1974]. St Peterburg, Aletejja, 2009. 240 p. (In Russian)
7. Makljejn D. *Vneshnjaja politika Anglii posle Sujeca* [Foreign policy of England after Suez.]. Moscow: Progress Publ., 1972. 460 p. (In Russian)
8. Mel'chionni M.-G. *Vlijanie Sujeckogo krizisa na peregovory v Brjussele* [The impact of the Suez crisis in the negotiations in Brussels]. *Istorija evropejskoj integracii*. Moscow: Institut vseobshhej istorii RAN, 1995. Pp. 141-160. (In Russian)
9. Pelipas' M.Ja. *Skovannye odnoj cep'ju: politika SSHA i Velikobritanii na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945-1956 gg* [Chained: the US and UK policy in the Middle East in the 1945-1956]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2003. 363 p. (In Russian)
10. Rumjancev V.P. *«Novyj frontir» administracii Dzh.F. Kennedi na Blizhnem i Srednem Vostoke (1961-1963 gg.)* ["New Frontier" of the Administration of J.F. Kennedy and the Middle East (1961-1963)]. Tomsk: Izdatel'skij dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2015. 402 p. (In Russian)
11. Chubar'jan A.O. *Rossijskij evropeizm* [Russian Europeanism]. Moscow: OLMA-PRESS, 2006. 416 p. (In Russian)
12. Aldcroft D.H. *The European economy. 1914-1970*. L.: Croom Helm, 1978. 251 p.
13. Ashton N. *Kennedy, Macmillan and the Cold War: Irony of Interdependence*. Macmillan, Basingstoke, 2002. 288 p.
14. *British documents on the End of Empire*. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire. 1957-1964. Part. I. High Policy, Political and Constitutional Change. Ed. by R. Hyam and Wm Roger Louis. Stationery Office, London, 2000. 825 p.
15. *Britain and European integration*. A Documentary history, 1945 -1999. Routledge, London, New York, 2000. 389 p.
16. *British imperial policy and decolonization*. 1938-1964. Vol. 2. 1951-1964. Ed. by A.N. Porter and A.J. Stockwell. Palgrave Macmillan, London, 1989. 601 p.
17. Camps M. *Britain and the European Community, 1955-1963*. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1964. 558 p.
18. *Foreign relations of the United States*. 1955-1957. Vol. IV. Western Security and Integration. Wash.: United States Government Printing Office, 1986. 659 p.
19. *Foundation Jean Monnet pour l'Europe*. AMK (The Action Committee for the United States of Europe) 82/2/11. Note on the Special Supplement to Western World. February 1960.
20. *From reconstruction to integration: Britain and Europe since 1945*. Ed. by B. Brivati and H. Jones. Leicester, Leicester University Press, 1993. 260 p.

■ История

21. George S. *An awkward partner: Britain in the European Community*. N.Y., 1998. 298 p.
22. Glen Jiaque J. *The Atlantic Powers and the Reorganization of Western Europe, 1955-1963*. Chapel Hill, London, 2002. 326 p.
23. Great Britain. *Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. European Trade Policy*. 26 November 1956. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1956/nov/26/european-trade-policy>
24. Great Britain. *Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Commonwealth and Empire Resources*. 3 May 1957. Col. 584-585. URL: [587.http://hansard.millbanksystems.com/commons/1957/may/03/commonwealth-and-empire-resources#S5CV0569P0_19570503_HOC_48](http://hansard.millbanksystems.com/commons/1957/may/03/commonwealth-and-empire-resources#S5CV0569P0_19570503_HOC_48)
25. Great Britain. *Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Debate on the Address*. 5 November 1957. Col. 32-33. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1957/nov/05/debate-on-the-address#column_32
26. Great Britain. *Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Debate on the Address*. 6 November 1957. Col. 278-279. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1957/nov/06/debate-on-the-address#column_278
27. Heinlein F. *British government policy and decolonization, 1945-1963: Scrutinizing the official mind*. Frank Cass., London, 2002. 350 p.
28. Lynch F.M.B. De Gaulle's First Veto: France, the Rueff Plan and the Free Trade Area. *Contemporary European History*, 2000, No 9, pp. 111-135.
29. Macmillan H. *Riding the storm*. 1956-1959. Macmillan, London, 1971. 786 p.
30. Mangold P. *The Almost Impossible Ally: Harold Macmillan and Charles de Gaulle*. I.B. Tauris, London, 2006. 288 p.
31. Middleton D. *The Supreme Choice. Britain and Europe*. N.Y.: A. Knopf, 1963. 292 p.
32. Moravcsik A. *The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. Cornell University Press, Ithaca, 1998. 528 p.
33. Northedge F.S. *British Foreign Policy. The Process of Readjustment. 1945-1961*. George Allen and Unwin, London, 1962. 261 p.
34. Schrafstetter S., Twegge S. *Avoiding Armageddon: Europe, the United States and the Struggle for Nuclear Nonproliferation*. Green Publishing Group, London, 2004. 302 p.
35. The Times. 16 May 1957.
36. Tratt J. *The Macmillan government and Europe. A study in the Process of Policy Development*. Macmillan, Basingstoke, 1996. 251 p.
37. Turner J. *Macmillan*. Essex, Harlow, 1994. 288 p.
38. Young J. W. *Britain and the European Unity, 1945-1999*. Macmillan, Basingstoke, 2000. 252 p.
39. Winand P. *Eisenhower, Kennedy and the United States of Europe*. St Martin's Press, New York, 1996. 432 p.

About the author

Khakhalkina Elena V. – PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern, Contemporary History and International Relations, Department of History, National Research Tomsk State University.
E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

«ЭТИЧНАЯ» ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВЫХ ЛЕЙБОРИСТОВ

Н.А. Степанова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье обсуждаются проблемы и противоречия, связанные с попыткой лейбористской партии под руководством Т. Блэра начать «новую эру» в международных отношениях, заложив в основу внешней политики этические принципы. Обладая огромным кредитом доверия британской общественности, новые лейбористы предприняли ряд действий, знаменовавших формальный разрыв с практикой предыдущих правительств. Во внешней политике акцент был смещён с торговых интересов в сторону прав человека, последовали нововведения в сфере международной помощи и развития бедных стран, был объявлен приоритет так называемых «расширенных» национальных интересов. Однако эти решения привели к неоднозначным результатам.

В статье доказывается, что «новая» внешняя политика лейбористов оказалась данью, с одной стороны, исторической традиции и преемственности, а с другой – веяниям времени, ведь с похожими заявлениями выступали лидеры других западных стран. По сути, «новая» внешняя политика способствовала усилению морального авторитета правительства в глазах общества. Приведены примеры, свидетельствующие о том, что неоднозначность и противоречивость некоторых решений были осознанным выбором политиков, и на деле, вопреки заявленным этическим принципам, служили защитой интересов определённых бизнес-структур. Сделано предположение о том, что расхождение слов с делами изначально присутствовало в международной доктрине Новых лейбористов, и что в реальности «этичная» политика лейбористов представляет собой один из инструментов Realpolitik.

В своём анализе автор подробно останавливается на таких аспектах внешней политики лейбористских правительств, как помощь бедным странам, списание долгов, торговля оружием, и не касается так называемых «справедливых войн» Блэра, широко обсуждающихся в исторической литературе и прессе.

Ключевые слова: Великобритания, лейбористская партия, новые лейбористы, Т. Блэр, Р. Кук, К. Шорт, «этичная» внешняя политика, национальные интересы, торговля оружием.

*Не государства, а люди являются
носителями морали, люди могут
накладывать на властные институты
моральные стандарты.*
Н. Хомский [10]

*Есть люди очень гуманные, но гуманных
государств не бывает. Гуманно может быть
сердце того или другого правителя; но нация и
государство – не человеческий организм.*
К. Леонтьев [2, с. 38]

На протяжении столетий философы и историки рассуждали о том, насколько государство может и должно быть гуманным, всегда ли цель оправдывает средства. Особое место в данном дискурсе занимают вопросы морали во внешней политике. Должны ли государственные деятели защищать интересы своей страны в ущерб другим народам, или, напротив, им следует руководствоваться общими идеалами, признав аморальным нарушение прав граждан любой страны? В период правления Т. Блэра (1997–2007) в Великобритании была популярна проблема этики во внешнеполитической деятельности. Обсудим истоки и результаты «этичной» политики новых лейбористов.

Исторический контекст

При характеристике внешней политики Великобритании часто приводят слова видного государственного деятеля XIX в. лорда Пальмерстона о том, что у Британии нет постоянных союзников, но есть постоянные интересы. Тем не менее, на протяжении, по крайней мере, последних полутора столетий Британия претендовала на роль государства, преследующего не только узконациональные цели, но и заботящегося о распространении либеральных, а затем, в XX в., и демократических, ценностей в пределах зависимых территорий и во всём мире. Вспомним, например, знаменитые киплинговские строки о «бремени белого человека», написанные им в 1890-х гг. Приведём также текст из британского политического издания 1920-х гг.: «Нет никакого сомнения в том, что Британское Содружество делает очень многое для поддержания мира, продвижения свободы и процветания на планете. Если миру, свободе и процветанию суждено воцариться повсеместно, Соединённые Штаты и другие развитые страны должны взять на себя часть этого бремени» [26, с. 98].

США действительно взяли на себя часть ноши, заимствуя риторику своей бывшей метрополии. В англоязычной исторической литературе идеи продвижения демократии и прав человека в мире принято связывать с именем американского президента В. Вильсона (1913–1921). В недавнее время по данному вопросу активно высказывались Б. Клинтон, Дж. Буш, Б. Обама, а среди британских политиков – Т. Блэр, во многом двигавшийся в фарватере американской политики.

По мнению британского профессора Д. Чендлера, специалиста в области международных отношений, причины, по которым именно в 1990-х гг. во внешней политике западных стран акцент с национальных интересов сместился на утверждение моральной миссии, связаны с глобальными изменениями. Ослабление интереса населения к политике из-за крушения двухполярного мира, утрата *raison d'être* крайних левых и правых партий, скатывание их к центристским взглядам – всё это привело к кризису легитимности правящих элит. Претензия на отстаивание высоких этических принципов на международной арене служит усилению авторитета политических сил дома, в то время как разрыв между риторикой и ответственностью предоставляет свободу манёвра: этические цели могут быть объявлены, но не понятно, перед кем правительство обязано отчитываться об их исполнении, ведь перед народами других стран оно не несёт обязательств [9].

Не стоит забывать и о том, что провозглашение некоей высокой миссии было характерно для многих государств в различные исторические эпохи (идея универсальной христианской монархии Карла V Габсбурга и «цивилизаторское» государство Франции Наполеона I, выступавшего в роли борца с Ансьен Режим дома и в мире – это лишь некоторые примеры). Интересное исследование этой темы провёл британский историк В. Хьюит, сравнивший концепции «хорошего управления» (*good governance*) и демократизации Африки, которыми руководствовались колониальные деятели Британской империи, с идеологическими построениями, в рамках которых действуют современные международные организации, такие как МВФ, Всемирный Банк и другие. Обнаружив много общего, он пришёл к выводу о том, что, не имея номинального контроля над территорией, современные международные институты, в которых фактически доминируют США, обладают огромными финансовыми ресурсами и эффективными инструментами, чтобы дисциплинировать государства «не пушками, а рынком». Причём их риторика имеет решающее значение: «Действиям не хватает легитимности, если они не сформулированы языком универсализма и прав человека. Во всяком случае, это тот самый язык, которым все империи говорят с собой, своими союзниками и врагами, это то, в чём британцы особенно преуспели» [23, с. 57]. Знаменательно, что на этом языке продолжают говорить современные британские политики.

«Просвещённые» национальные интересы

В 1997 г., одержав победу на выборах и прервав почти двадцатилетие пребывания консерваторов у власти, в стремлении отмежеваться от политики предыдущих правительств и быть «новыми» во всём, новые лейбористы во главе с Блэром провозгласили курс, в рамках которого собирались поставить этические ценности в

«сердце» своей внешней политики. Начало было положено «Заявлением о миссии» главы Форин-офис Р. Кука (1997-2001) в мае 1997 г. В нём объявлялось, что мир вошёл в эпоху интернационализма, поэтому «национальные интересы не могут больше определяться узкими рамками Realpolitik», а внешняя политика должна иметь «этическое измерение» [13].

Впрочем, новизна и корректность такого подхода сразу же была поставлена под сомнение. Например, британский консерватор лорд Карингтон комментировал: «Предположение о том, что все предыдущие министры иностранных дел были неэтичными, я нахожу довольно смешным» [22]. «Наша внешняя политика всегда была этичной... Лучше всего делать это без фанфар» [27].

Действительно, в том же 1997 г. в предвыборном манифесте Консервативной партии находим обещания содействовать «миру во всём мире» и «распространению демократии», обязательства поддерживать программы помощи бедным странам (с долгосрочной целью достижения её размера в 0,7%¹ ВВП), способствовать облегчению долговых обязательств беднейших стран [12] – то есть те же цели, которые ставило перед собой лейбористское правительство.

В книге «Сеть обмана» британский исследователь М. Кёртис высказывает мнение о том, что «этичная» политика Новых лейбористов по сути ничем не отличалась от политики Дж. Мэйджора (1990-1997); «новой доктрины» не существовало, она была раздута прессой, политическими комментаторами и британскими исследовательскими институтами, со временем превратившись из «актива» Лейбористской партии в «обязательство» и лёгкую мишень для критики [15, с. 363]. Действительно, уже в начале 2000-х гг. в Британии стали писать о провале «этичной» политики лейбористов, приводя многочисленные свидетельства расхождения дел с высокопарными заявлениями. С 2001 г., после ухода в отставку Кука, главного идеолога «этичного» подхода, упоминание «этического измерения» было опущено из официальных документов Форин-офис. Сменивший Кука на посту министра иностранных дел Дж. Строу (2001-2010) впоследствии упоминал, что сделал это намеренно, чтобы не вешать на свои действия лишние ярлыки [37, с. 331].

Тем не менее, ссылки на ценностные категории как мотивацию и оправдание своей международной политики продолжали играть в речах лейбористов заметную роль. Это, например, подтверждает совместное исследование историков из Соединённого Королевства и Турции, которые, основываясь на транскрипциях более чем 400 выступлений по внешней политике Блэра, Кука и М. Тэтчер (1979-1990), выявили статистически, что превалирует в речах каждого из них – национальные интересы или так называемые

«моральные коды» (слова «мораль», «этика», «этичный» и другие). Как и ожидалось, Тэтчер упоминала национальные интересы на 50% чаще, чем моральные ценности, тогда как Кук, напротив, говорил о морали в более чем два раза чаще [28]. Интересно, что до отставки Кука в речах Блэра, как и у Тэтчер, всё же доминировала риторика национальных интересов, но после 2001 г. он чаще использовал категории морали для оправдания своих политических решений. Позже это нашло отражение в его мемуарах «Путешествие», где слова «мораль» и «моральный долг» встречаются 35 раз, главным образом для оправдания военных интервенций. Концепция национальных интересов упоминается автором всего лишь девять раз. Например, Блэр пишет, что на современном этапе «альянсы не могут базироваться на узких национальных интересах», «национальные интересы должны определяться широко в новой эре», а «традиционный взгляд на внешнюю политику, основанный на узком анализе национальных интересов ... устарел» [6, с. 212, 233, 213]. Примечательно, что автор не противопоставляет моральный долг национальным интересам, но предлагает расширить последние, говоря о «просвещённых» национальных интересах. Таким образом, в представлении лейбористов соблюдение прав человека в Африке – «тоже наши национальные интересы»; это идеологическая конструкция, новая миссия страны, а не очередная попытка вмешаться в дела других государств. Примечательно, что именно при лейбористах Форин-офис начал выпускать ежегодный отчёт по правам человека. По сути, это инструмент деления стран на «хорошие» и «плохие», демонстрация намерения правительства исходить во взаимодействии с внешними партнёрами не из прагматичных интересов, но согласно провозглашённым моральным принципам.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ, остановимся на некоторых аспектах политики новых лейбористов, по которым можно судить об их приверженности этичному принципу и готовности его отстаивать.

«Этическое измерение» на практике: помощь бедным странам

Одним из основных достижений лейбористов в отстаивании этических ценностей во внешней политике считается их деятельность по искоренению бедности, оказание помощи развивающимся странам, а также привлечение внимания международного сообщества к указанным проблемам. Действительно, уже в первые месяцы пребывания у власти правительство объявило о создании независимого от Форин-офис Департамента международного развития, главе которого Клэр Шорт по её настоянию было предоставлено место в кабинете министров (1997-2003), что позволило повысить

¹ Цель по доле помощи в ВВП развитых стран, объявленная на Генеральной Ассамблее ООН в 1970 г.

авторитет нового министерства. Справедливо ради стоит отметить, что подобные структуры в правительстве существовали и до новых лейбористов, а задача помощи бедным странам ставилась начиная с 1930-х гг. Однако в статусе независимого министерства, с главой-членом кабинета, аналог современного департамента развития просуществовал лишь несколько лет при лейбористском правительстве в 1960-х гг., тогда как созданная при Блэре структура существует по сей день.

В первых же изданных Департаментом документах подчёркивалось, что помощь должна быть «несвязанной», то есть не должна предоставляться на условиях покупки каких-либо товаров у страны-донора [16, с. 43]. Согласно «Акту о международном развитии и кооперации», единственным критерием предоставления помощи должно быть уменьшение бедности [25]. Формально это положение знаменовало разрыв с практикой предыдущих десятилетий, когда помощь оказывалась на условиях, служивших британским политическим (особенно в условиях холодной войны) и торговым интересам. Любопытно, что принятию акта способствовал инцидент: Министерство внутренних дел предложило обратиться к странам, граждане которых находились в Соединённом Королевстве и не получили статуса беженцев, с просьбой забрать их в обмен на пакет финансовой помощи. Под давлением Департамента предложение было отвергнуто, а критерий предоставления безусловной помощи закреплён на законодательном уровне. Шорт часто открыто выступала с критикой Блэра, чей пресс-секретарь А. Кэмпбел жаловался в своих дневниках на то, что с ней было сложно ладить. По его мнению, она создала себе такой публичный образ, что «любой намёк на критику в её адрес воспринимался как покушение на святую» [8, с. 293].

Важным показателем работы Департамента, а с тем и решимости лейбористов придерживаться этических принципов, стало увеличение бюджета, выделяемого на помощь бедным странам. Её доля в ВВП страны за время правления лейбористов возросла в более чем два раза – с 0,26% в 1997 г. до 0,57% в 2010 г.² Это произошло, в числе прочего, благодаря тесному сотрудничеству Шорт и главы Казначейства Г. Брауна (1997–2007) [19]. Последнему на саммите Большой восьмёрки 2005 г. удалось договориться о списании МФВ и Международным банком 30 млрд фунтов стерлингов 18 беднейшим странам, в том числе Гане, Мозамбику, Танзании, Уганде, Замбии (на условии соблюдения ими ряда критериев), а также об увеличении помощи на 50 млрд долл. [18; 7]. Это было воспринято общественностью как крупная победа лейбористов на международной арене. Немалую роль в консолидации усилий, связанных с

увеличением помощи и искоренением бедности, сыграл и сам Блэр и его «широко разрекламированный» «План Маршалла для Африки» [1, с. 419].

Тем не менее, в последовавшие после саммита годы общий объём помощи в мире сокращался: в 2006 г. на 5,1 %, в 2007 г. – на 8,4% [34, с. 239; 7]. Отметим, что условия списания долгов, включавшие проведение неолиберальных реформ, в том числе приватизацию общественного сектора услуг (часто западными, в том числе британскими, корпорациями), не облегчали, а удорожали жизнь и без того бедного населения. Типичен пример Танзании, где в 2003 г. в результате реформ, на которые правительство Великобритании выделило 10 млн фунтов стерлингов, в том числе 440 тыс. на кампанию общественной поддержки частной собственности водоснабжения, эта отрасль перешла к британской компании «Бивотер» [30]. Не занимаясь модернизацией водоснабжения, компания ограничилась увеличением тарифов, и в 2005 г. Танзания разорвала с ней контракт в одностороннем порядке. Впоследствии в пользу Танзании были присуждены выплаты 3 млн фунтов ущерба [31]. Проблема водоснабжения страны до сих пор не решена.

Ещё один неутешительный показатель работы лейбористского правительства – место в рейтинге развитых стран по их вкладу и приверженности делу помощи бедным странам, который ежегодно составляет Центр глобального развития. Если в 2005 г. Великобритания занимала 10-е место из 27, то к 2010 г. (год ухода лейбористского правительства) она спустилась на 16-е место из-за «высоких объёмов экспорта оружия в бедные и недемократические страны» [11, с. 5]³. В отчёте ООН за 2005 г. указывалось, что с 1990 г. на каждый фунт, израсходованный Британией на развитие и помощь развивающимся странам, приходилось 8 фунтов, потраченных на оборону [17].

«Этическое измерение» на практике: торговля оружием

Великобритания традиционно является крупнейшим экспортёром вооружения в мире. Ко времени прихода лейбористов к власти страна занимала 2-е место по объёмам торговли после США; в 1999 г. на Британию приходилось 10% мирового экспорта вооружений [39; с. 14]. Будучи в оппозиции, лейбористы резко критиковали консерваторов за экспорт вооружений: «Это не просто правительство, которое не знает, как признать свою вину. Это правительство, которое не ведает стыда» [24]. Лейбористская партия намеревалась разрешить естественное противоречие между торговыми интересами и моральными принципами посредством большей прозрачности и контроля над конечным использованием оружия. Значительным шагом в этом

² Цели в 0,7% показатель достиг лишь при коалиционном правительстве Д. Кэмерона в 2013 г.

³ В 2014 г. – 4-е место [18].

направлении стал выпуск ежегодного, начиная с 1997 г., «Отчёта по контролю над стратегическим экспортом». С 2004 г. он стал выходить ежеквартально, а в 2005 г. в него была включена статистика по решениям о выдаче лицензий. Ещё одной важной вехой стало принятие в 2002 г. «Акта о контроле над экспортом», который заменил действовавшее ещё с 1939 г. законодательство и предлагал ряд критериев выдачи лицензий на экспорт оружия. Например, продажа оружия не разрешалась в страны, где оно могло быть использовано для «репрессий», но позволялась для «легитимной защиты».

На деле ужесточение регулирования в данной области дало слабые результаты, критерии поддавались трактовке, и в итоге количество выданных лицензий увеличилось с 4 500 в 1997 г. до 20 000 в 2004 г. [34, с. 230]. Назначенная Палатой представителей в 2007 г. комиссия по анализу Акта 2002 г. отмечала, что в законе есть «пробелы и недостатки». Оказалось, что по критерию «экспорт должен соответствовать техническим и экономическим возможностям страны-реципиента» выдача лицензии была отклонена только один раз. Критиковался недостаточный контроль над конечным использованием экспорта, например, реэкспорт из Индии в Бирму, которая регулярно фигурировала в связи со сложной ситуацией с правами человека в ежегодном отчёте Форин-офис, или продажа оружия странам, в отношении которых действовало эмбарго ЕС [36].

Противоречивость позиции лейбористов в данном вопросе хорошо прослеживается по их выступлениям. Наряду с заявлениями о готовности следовать высоким моральным принципам, слышны призывы развивать оборонную промышленность. Вот слова из выступления Блэра: «Нам нужна мощная оборонная промышленность и не только для того, чтобы защищать нашу страну, а для Британского влияния за рубежом... мощный оборонный комплекс – мощная внешняя политика. Это инструмент влияния в мире...» [34, с. 226]. Кук отзывался в том же духе: «Британии необходимо сохранить лидирующую роль в производстве вооружений», так как это «стратегическая часть нашей индустриальной базы», а экспорт вооружения «может способствовать международной стабильности...» [33].

В 2002 г. на «Би-Би-Си» вышел документальный фильм «Пристрастие к оружию» [4], в котором осуждалась атмосфера секретности, окружавшая всё, что связано с экспортом оружия и вооружений, несмотря на обещанную лейбористами прозрачность в данной сфере. В этом фильме глава Ассоциации производителей вооружений, объединяющей более 500 британских компаний, признавался в стремлении называть продажу вооружения «экспортом средств обороны» ("defence exports"), а не «экспортом оружия» ("arms exports"). То, что в правительственных структурах существовали механизмы, позволявшие скрыть непопулярные решения, подтверждают обнародованные в 2003 г.

изданием «Гардиан» документы министерства обороны. Согласно им, одно из подразделений министерства, Организация по услугам экспорта вооружений (DESO – Defence Export Service Organisation), образованная в 1960-х гг., могла официально авторизовывать так называемые «специальные комиссии», которые предназначались в качестве вознаграждений «принятых в некоторых частях света» и исключались из обычного свода правил Министерства обороны, запрещающих коррупцию [21]. Условия продолжали действовать вопреки тому, что в 2001 г. подкуп иностранных официальных лиц был объявлен уголовным преступлением [34, с. 231].

Приведём ещё один яркий пример двойных стандартов. Всего через несколько недель после «миссии мира» Блэра 2002 г., как называли поездку премьер-министра в Индию и Пакистан, где он пытался оказать «успокаивающее» влияние на обе стороны конфликта по поводу ситуации в Кашмире, в Нью-Дели состоялась выставка вооружений, посетить которую приехали представители Министерства обороны Великобритании, а также тридцати производителей британских вооружений, и где британским промышленникам принадлежал один из крупнейших павильонов [29]. Вскоре после этого, в 2003 г., Британия объявила о заключении крупного контракта на поставку Индии реактивных штурмовиков «ястребов» производства «Бритиш Эйрспейс» на сумму 1,1 млрд фунтов [38, с. 25]. О масштабе контракта можно судить по тому, что помощь Индии, самому крупному бенефициару, в 2005-2008 гг. составляла в среднем около 250 млн фунтов в год [35]. Примечательно, что Великобритания поставляла вооружения обеим противоборствующим сторонам, а сами поставки непосредственно перед конфликтом увеличились в разы: если в 1999 г. в Индию было поставлено вооружений на 8,3 млн фунтов, а в Пакистан – на 1,5 млн фунтов, то за 2000-2001 гг. экспорт вооружения в эти страны составил соответственно 122 млн и 17,5 млн фунтов стерлингов [15, с. 188].

Несмотря на известное заявление Блэра, что Африка – это «шрам на совести мира», с 1999 по 2001 г. поставки оружия в африканские страны увеличились в 4 раза и достигли 1 млрд фунтов стерлингов [5]. Ранее правительство авторизовало контракт на экспорт системы контроля военно-воздушного трафика на сумму в 40 млн долл. Танзании, одной из самых бедных стран мира [32]. Сделка была сразу раскритикована не только министрами кабинета Шорт и Брауном, но и Всемирным банком, так как цена контракта была явно завышена, а Танзании требовалось развивать системы контроля гражданского, а не военного, авиатрафика [4]. Впоследствии Шорт утверждала, что заключению контракта способствовал сам Блэр, пренебрегая сильной оппозицией со стороны многих ключевых фигур в правительстве. Своё развитие история получила в 2010 г., когда расследование прави-

тельствственного ведомства по крупным мошенничествам (Serious Fraud Office) показало, что треть денег по контракту были переведены на оффшорные счета посреднических компаний, которые должны были способствовать подписанию контракта с правительством страны, и что жертвами махинаций в данном случае стали жители Танзании [20].

«Государство постмодерна»

Учитывая приведённые примеры, небезынтересно затронуть взгляды Р. Купера, советника Блэра по внешнеполитическим вопросам, занимавшего видные посты в структурах ЕС и в настоящее время являющегося членом Европейского совета по международным отношениям, которого в прессе и аналитике часто называют гуру новых лейбористов. Известный своими достаточно радикальными и даже проимперскими взглядами, в 2002 г. в статье «Государство постмодерна и мировой порядок» он предложил разделять страны мира на три категории: государства постмодерна, модерна, и «изгои». К первой группе он отнёс все развитые страны, включая Великобританию, в которых «аморальность макиавеллиевских теорий государственности ... уступила место моральной осознанности как в международных отношениях, так и во внутренней политике» [14]. Ко второй группе причислялись развивающиеся страны, включая Китай и Россию, которые «всё ещё живут в девятнадцатом веке, продолжая действовать исходя из имперских амбиций и ставя во главу угла свой

суверенитет и национальные интересы» [14]. К группе стран-изгоев, по мнению Купера, следует применять «оборонительный империализм», в отношении с ними также уместно ведение «справедливых войн» и «гуманитарных интервенций» [14]. Интересно, что данная концепция фактически отрицает принципы универсализма, в ней изначально заложены разные стандарты для выстраивания внешней политики.

Таким образом, характеризуя правительство новых лейбористов, можно сделать вывод, что под давлением общественного мнения и стран-партнёров оно на словах действовало этично как во внутренней, так и во внешней политике, тогда как на деле руководствовалось прагматичными интересами, а в некоторых случаях было откровенно «неэтично», как в случаях продажи оружия, подкупа должностных лиц других государств, продавливания интересов собственного бизнеса в развивающихся странах. Особый акцент на «этичности» был своеобразным пиар-ходом, попыткой ребрендинга уже существующих идей, подчёркивающей современность и моральное превосходство новых лейбористов над предшественниками. Но были ли они более этичны? Учитывая вышесказанное, скорее можно утверждать, что они были не более и не менее этичны, чем предыдущие правительства, а конечные решения складывались из благих устремлений, личных амбиций, закулисных игр, давления общественного мнения и интересов бизнеса.

Список литературы

1. Капитонова Н.К. Политика Великобритании в Содружестве // Великобритания: эпоха реформ; под ред. Ал.А. Громыко. М.: Весь мир, 2007. 414–424 с.
2. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 5. М., 1912.
3. Addicted to arms: a Will Self investigation. BBC. 28 April 2002. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/correspondent/1939250.stm> (проверено 18.08.2016 г.).
4. BAE fined in Tanzania defence contract case. 21 December 2010. URL: <http://www.sfo.gov.uk/press-room/press-release-archive/press-releases-2010/bae-fined-in-tanzania-defence-contract-case.aspx> (проверено 18.08.2016 г.).
5. Barnett A. UK arms sales to Africa reach 1£ billion mark. The Guardian. 12 June 2005. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2005/jun/12/uk.hearafrica05> (проверено 18.08.2016 г.).
6. Blair T. A Journey: My Political Life. Knopf publishers, 2010, London, 784 p.
7. Blanchflower K. Aid to developing world falls for second year. The Guardian. 4 April 2008. URL: <http://www.theguardian.com/business/2008/apr/04/g8.eu.aid.debt> (проверено 18.08.2016 г.).
8. Campbell A. Diaries Volume Two: Power and the People. Arrow books, 2011, London, 778 p.
9. Chandler D. Rhetoric without responsibility: the attraction of 'ethical' foreign policy. British Journal of Politics and International Relations. Vol. 5. No. 3. August 2003. Pp. 295–316 URL: <http://www.davidchandler.org/wp-content/uploads/2014/10/BJPIR-5.3-Rhetoric-Responsibility.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
10. Chomsky N. The United States and the "Challenge of Relativity" // Human Rights Fifty Years on: A Reappraisal; ed. by Tony Evans. Manchester University Press, 1998 URL: <http://www.chomsky.info/articles/199811--.htm> (проверено 18.08.2016 г.).
11. Commitment to Development Index 2010 URL: http://www.cgdev.org/files/1424561_file_CDI_2010_FINAL_Web.pdf (проверено 18.08.2016 г.).
12. Conservative Party General Election 1997 Manifesto URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1997/1997-conservative-manifesto.shtml> (проверено 18.08.2016 г.).

13. Cook R. Mission Statement for the Foreign and Commonwealth Office. 12 May 1997 URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=292> (проверено 18.08.2016 г.).
14. Cooper R. The post-modern state and the world order. 2002 URL: <http://www.demos.co.uk/files/postmodernstate.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
15. Cutris M. Web of deceit: Britain's Real Role in the World. London: Vintage books, 2003.
16. Eliminating World Poverty: a challenge for the 21st Century. White Paper on International Development. November 1997 URL: <http://www.bristol.ac.uk/poverty/downloads/keyofficialdocuments/Eliminating%20world%20poverty%20challenge.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
17. Elliott L. Rich spend 25 times more on defence than aid. The Guardian. 6 July 2005 URL: <http://www.theguardian.com/politics/2005/jul/06/g8.military> (проверено 18.08.2016 г.).
18. Elliott L., Seager A. 30£bn debts write-off agreed. The Guardian. 11 June 2005 URL: <http://www.theguardian.com/politics/2005/jun/11/uk.g8> (проверено 18.08.2016 г.).
19. Denny C. Brown and Short move to revive debt relief initiative. The Guardian. 29 August 2000 URL: <http://www.theguardian.com/uk/2000/aug/29/politics.debtrelease> (проверено 18.08.2016 г.).
20. Evans R., Lewis P. BAE deal with Tanzania: Military air traffic control – for country with no air force. The Guardian. 6 February 2010. URL: www.theguardian.com/world/2010/feb/06/bae-tanzania-arms-deal (проверено 18.08.2016 г.).
21. Evans R., Traynor I., Harding L., Carroll R. Web of state corruption dates back 40 years. The Guardian. 13 June 2003 URL: <http://www.theguardian.com/world/2003/jun/13/bae.armstrade> (проверено 18.08.2016 г.).
22. Ever the diplomat. The Guardian. 24 April 2000. URL: <http://www.theguardian.com/theguardian/2000/apr/24/features11.g21> (проверено 18.08.2016 г.).
23. Hewitt Vernon. A cautionary tale: Colonial and post-colonial conceptions of good government and democratisation of Africa. Commonwealth & Comparative Politics. 01 March 2006. Pp. 41-61.
24. Inside Parliament: This is a government that knows no shame. The Independent. 17 February 1996 URL: <http://www.independent.co.uk/news/inside-parliament--this-is-a-government-that-knows-no-shame-1321249.html> (проверено 18.08.2016 г.).
25. International Development Act 2002 URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/1/pdfs/ukpga_20020001_en.pdf (проверено 18.08.2016 г.).
26. Kerr P. From Empire to Commonwealth. Foreign Affairs. 1922. Vol. 2. No. 2. December 15. Pp. 83-98.
27. Morality: does national interest always come first in Foreign Affairs. BBC. 2001. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/english/static/in_depth/uk_politics/2001/open_politics/foreign_policy/morality.stm (проверено 18.08.2016 г.).
28. Mumford D., Selck T.J. New Labour's ethical dimension: statistical trends in Tony Blair's Foreign Policy Speeches. British Journal of politics and international relations. Vol. 12. Issue 2. May 2010. 295-312 p.
29. Norton-Taylor R., MacAskill E. 1£bn arms push for India. The Guardian. 12 January 2002 URL: <http://www.theguardian.com/politics/2002/jan/12/uk.Whitehall> (проверено 18.08.2016 г.).
30. Rice X. Biwater fails in Tanzania damages claim. The Guardian. 28 July 2008 URL: <http://www.theguardian.com/business/2008/jul/28/utilities.tanzania> (проверено 18.08.2016 г.).
31. Rice X. The water margin. The Guardian. 16 August 2007 URL: <http://www.theguardian.com/business/2007/aug/16/imf.internationalaidanddevelopment> (проверено 18.08.2016 г.).
32. Sampson A. Blair shouldn't sell arms to Tanzania. The Evening Standard. 19 December 2000 URL: <http://www.standard.co.uk/news/blair-shouldnt-sell-arms-to-tanzania-6300815.html> (проверено 18.08.2016 г.).
33. Select Committee on Defence, Foreign Affairs, International Development and Trade and Industry. 28 July 1997 URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm199900/cmselect/cmaff/225/22519.htm> (проверено 18.08.2016 г.).
34. Self R. British foreign and Defence Policy Since 1945: Challenges and Dilemmas in a changing world. Palgrave Macmillan, 2010.
35. Statistics on International Development 2003/04-2007/08. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/67740/FINAL-printed-SID-2008.pdf (проверено 18.08.2016 г.).
36. Strategic Export Controls review 2007 URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmselect/cmaff/117/117.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
37. Straw J. Last man standing: memoirs of a political survivor. Oxford, UK: Pan Macmillan, 2012, 582 p.
38. The G8: global arms exporters: Failing to prevent irresponsible arms transfers. April 2006 URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/80000/pol300112006en.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
39. World military expenditures and arms transfers, 1999-2000. Library of Congress, 2002, 200 p.

Об авторе

Наталья Александровна Степанова – соискатель кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, выпускница магистерской программы Департамента международной истории Лондонской школы экономики и политической науки. E-mail: nataliaalexstepanova@gmail.com.

NEW LABOUR 'ETHICAL' FOREIGN POLICY

N.A. Stepanova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article discusses problems and contradictions associated with the attempt of the Labour Party under the leadership of Tony Blair to start a 'new era' in international relations by putting the 'ethical dimension' into the heart of their foreign policy. Indeed, having come to power and possessing great credibility among the British society, New Labour undertook a number of actions, which marked the formal break with the practices of the previous governments. Thus, they shifted the focus from the foreign trade interests to human rights considerations on the international arena, introduced innovations in the field of international aid and development of poor countries, declared the priority of so-called 'advanced' national interests. These solutions, however, have led to some ambiguous results.*

The author argues that, on the one hand, the Labour Party 'new' foreign policy was a tribute to the historical tradition and continuity and on the other – the spirit of the times, as other Western countries leaders claimed similar statements, and that, in fact, it contributed to the moral authority of the government in the eyes of the British society. The article contains examples proving how ambiguity and contradictoriness of certain decisions have been the conscious choice made by politicians, when declared altruistic goals actually proved to protect interests of certain business structures and direct opposite of the stated ethical principles. It is suggested that the divergence between word and deed had been initially present in the New Labour international doctrine and that the 'ethical foreign policy' can be considered as one of the tools of Realpolitik.

The author concentrates on such aspects of the New Labour foreign policy as development, aid, debt relief, and arms trade, rather than on Blair's 'just wars' that are widely discussed in the Russian language historical literature and press.

Key words: Great Britain, Labour Party, New Labour, T. Blair R. Cook, C. Short, «ethical» foreign policy, national interests, arms trade.

References

1. Kapitonova N.K. Politika Velikobritanii v Sodruzhestve [UK policies in the Commonwealth]. *Velikobritaniia: epokha reform* [Great Britain: the Epoch of Reforms]; ed. by A.I. Gromyko. Moscow: Ves' mir, 2007. 414–424 p. (In Russian).
2. Leont'ev K.N. *Sobranie sochinenii v 9 tomakh* [Collected works in 9 volumes]. Volume 5. Moscow, 1912 (In Russian).
3. Addicted to arms: a Will Self investigation. BBC. 28 April 2002. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/correspondent/1939250.stm> (Accessed 15.10.2015).
4. BAE fined in Tanzania defense contract case. 21 December 2010. URL: <http://www.sfo.gov.uk/press-room/press-release-archive/press-releases-2010/bae-fined-in-tanzania-defence-contract-case.aspx> (Accessed 15.10.2015).
5. Barnett A. UK arms sales to Africa reach 1£ billion mark. *The Guardian*. 12 June 2005. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2005/jun/12/uk.hearafrica05> (Accessed 15.10.2015).
6. Blair T. *A Journey: My Political Life*. Knopf publishers, 2010, London, 784 p.
7. Blanchflower K. Aid to developing world falls for second year. *The Guardian*. 4 April 2008. URL: <http://www.theguardian.com/business/2008/apr/04/g8.eu.aid.debt> (Accessed 15.10.2015).
8. Campbell A. *Diaries Volume Two: Power and the People*. Arrow books, 2011, London, 778 p.
9. Chandler D. Rhetoric without responsibility: the attraction of 'ethical' foreign policy. *British Journal of Politics and International Relations*. August 2003. Vol. 5. No. 3. 295–316 p. URL: <http://www.davidchandler.org/wp-content/uploads/2014/10/BJPIR-5.3-Rhetoric-Responsibility.pdf> (Accessed 15.10.2015).

10. Chomsky N. The United States and the "Challenge of Relativity". *Human Rights Fifty Years on: A Reappraisal*; ed. by Tony Evans. Manchester University Press, 1998. URL: <http://www.chomsky.info/articles/199811--.htm> (Accessed 15.10.2015).
11. Commitment to Development Index 2010. URL: http://www.cgdev.org/files/1424561_file_CDI_2010_FINAL_Web.pdf (Accessed 15.10.2015).
12. Conservative Party General Election 1997 Manifesto. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1997/1997-conservative-manifesto.shtml> (Accessed 15.10.2015).
13. Cook R. Mission Statement for the Foreign and Commonwealth Office. 12 May 1997. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=292> (Accessed 15.10.2015).
14. Cooper R. *The post-modern state and the world order*. 2002. URL: <http://www.demos.co.uk/files/postmodernstate.pdf> (Accessed 15.10.2015).
15. Cutris M. *Web of deceit: Britain's Real Role in the World*. London: Vintage books, 2003.
16. Eliminating World Poverty: a challenge for the 21st Century. *White Paper on International Development*. November 1997. URL: <http://www.bristol.ac.uk/poverty/downloads/keyofficialdocuments/Eliminating%20world%20poverty%20challenge.pdf> (Accessed 15.10.2015).
17. Elliott L. Rich spend 25 times more on defense than aid. *The Guardian*. 6 July 2005. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2005/jul/06/g8.military> (Accessed 15.10.2015).
18. Elliott L., Seager A. 30£bn debts write-off agreed. *The Guardian*. 11 June 2005. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2005/jun/11/uk.g8> (Accessed 15.10.2015).
19. Denny C. Brown and Short move to revive debt relief initiative. *The Guardian*. 29 August 2000. URL: <http://www.theguardian.com/uk/2000/aug/29/politics.debtreief> (Accessed 15.10.2015).
20. Evans R., Lewis P. BAE deal with Tanzania: Military air traffic control – for country with no air force. *The Guardian*. 6 February 2010. URL: www.theguardian.com/world/2010/feb/06/bae-tanzania-arms-deal (Accessed 15.10.2015).
21. Evans R., Traynor I., Harding L., Carroll R. Web of state corruption dates back 40 years. *The Guardian*. 13 June 2003. URL: <http://www.theguardian.com/world/2003/jun/13/bae.armstrade> (Accessed 15.10.2015).
22. Ever the diplomat. *The Guardian*. 24 April 2000. URL: <http://www.theguardian.com/theguardian/2000/apr/24/features11.g21> (Accessed 15.10.2015).
23. Hewitt Vernon. A cautionary tale: Colonial and post-colonial conceptions of good government and democratization of Africa. *Commonwealth & Comparative Politics*. 01 March 2006. Pp. 41-61.
24. Inside Parliament: This is a government that knows no shame. *The Independent*. 17 February 1996. URL: <http://www.independent.co.uk/news/inside-parliament--this-is-a-government-that-knows-no-shame-1321249.html> (Accessed 15.10.2015).
25. International Development Act 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/1/pdfs/ukpga_20020001_en.pdf (Accessed 15.10.2015).
26. Kerr P. From Empire to Commonwealth. *Foreign Affairs*. 1922. Vol. 2. No. 2. Pp. 83-98.
27. Morality: does national interest always come first in Foreign Affairs. BBC. 2001. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/english/static/in_depth/uk_politics/2001/open_politics/foreign_policy/morality.stm (Accessed 15.10.2015).
28. Mumford D., Selck T.J., New Labour's ethical dimension: statistical trends in Tony Blair's Foreign Policy Speeches. *British Journal of politics and international relations*. Vol. 12. Issue 2. May 2010. Pp. 295-312.
29. Norton-Taylor R., MacAskill E. 1£bn arms push for India. *The Guardian*. 12 January 2002. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2002/jan/12/uk.Whitehall> (Accessed 15.10.2015).
30. Rice X. Biwater fails in Tanzania damages claim. *The Guardian*. 28 July 2008. URL: <http://www.theguardian.com/business/2008/jul/28/utilities.tanzania> (Accessed 15.10.2015).
31. Rice X. The water margin. *The Guardian*. 16 August 2007. URL: <http://www.theguardian.com/business/2007/aug/16/imf.internationalaidanddevelopment> (Accessed 15.10.2015).
32. Sampson A. Blair shouldn't sell arms to Tanzania. *The Evening Standard*. 19 December 2000. URL: <http://www.standard.co.uk/news/blair-shouldnt-sell-arms-to-tanzania-6300815.html> (Accessed 15.10.2015).
33. Select Committee on Defense, Foreign Affairs, International Development and Trade and Industry. 28 July 1997. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm199900/cmselect/cmfa/225/22519.htm> (Accessed 15.10.2015).
34. Self R. *British foreign and Defense Policy Since 1945: Challenges and Dilemmas in a changing world*. Palgrave Macmillan, 2010.
35. Statistics on International Development 2003/04-2007/08. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/67740/FINAL-printed-SID-2008.pdf (Accessed 15.10.2015).
36. Strategic Export Controls review 2007. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmselect/cmfa/117/117.pdf> (Accessed 15.10.2015).
37. Straw Jack. Last man standing: memoirs of a political survivor. Oxford, UK: Pan Macmillan, 2012. 582 p.

■ История

38. The G8: global arms exporters: Failing to prevent irresponsible arms transfers. April 2006. URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/80000/pol300112006en.pdf> (Accessed 15.10.2015).
39. World military expenditures and arms transfers, 1999-2000. Library of Congress, 2002. 200 p.

About the author

Natalia Alexandrovna Stepanova – Phd student at the department of European and American studies of MGIMO University, Master of Science graduate in history of empires from the London School of Economics and Political Sciences. E-mail: nataliaalexstepanova@gmail.com.

ХИРОСИМА И НАГАСАКИ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КОТОРОГО МОЖНО БЫЛО ИЗБЕЖАТЬ

Н.П. Пархитько

Российский университет дружбы народов. Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 7.

В статье проанализированы последствия атомной бомбардировки японских городов, осуществлённой Соединёнными Штатами Америки 6 и 9 августа 1945 г. Рассматриваются военный, политический и психологический аспекты, на основании которых высшим руководством США было принято решение о применении атомного оружия. Проведены логические параллели и выдвинуты альтернативные варианты как применения, так и неприменения атомного оружия в геополитической обстановке, сложившейся на завершающем этапе Второй мировой войны. Предложена новая трактовка понятия биполярности в международных отношениях с учётом «атомного фактора».

Факт использования мощнейшего оружия, впервые испытанного после капитуляции Германии, но незадолго до капитуляции Японии, диалектически вписывается в предложенную ещё К. Клаузевицем концепцию политической природы силового решения острых международных проблем. Используя ряд методологических приёмов исторической и политической науки, автор подвергает применение данной концепции в августе 1945 г. критике и предлагает альтернативные сценарии, рассматривая их в исторической ретроспективе.

Признавая умеренную необходимость демонстрации Соединёнными Штатами новейшего оружия в геополитических целях, автор выявляет наиболее оптимальные с военно-политической точки зрения цели для подобной демонстрации. Бомбардировка мирных городов, повлекшая за собой неоправданно высокие жертвы среди гражданского населения, рассматривается автором как военное преступление.

Ключевые слова: атомная бомба, бомбардировка, Хиросима, Нагасаки, жертвы, капитуляция, мироустройство, последствия, политика, военное преступление.

*Если сияние тысячи Солнц
Одновременно зажжётся в небе,
Это будет подобно славе Всемогущего.
Я стал Смертью, Разрушителем Миров*
Р. Оппенгеймер
*во время испытания первой атомной бомбы.
(«Багхавад-Гита») [13]*

6 и 9 августа 2015 г. человечество отмечало скорбную дату – 70 лет боевого применения ядерного оружия. Даже по прошествии столь длительного периода времени разрушительный потенциал, экономические, экологические и психологические последствия применения этого типа оружия едва ли оценены в полной мере. Ясно лишь одно: в новейший период истории не существует оружия, способного сравниться с ядерным по степени деструктивного воздействия на человечество, равно как и на саму среду его обитания – планету Земля.

Приступая к изучению обозначенной темы, автор проанализировал научные материалы и публикации, львиная доля которых написана западными авторами. Этот факт стоит принимать во внимание во избежание трактовки некоторых положений статьи как политически ангажированных. Автор оперирует статистическими данными и официальными свидетельствами представителей военного командования США, принимавших участие в планировании ядерных бомбардировок.

В ходе исследования был использован ретроспективный и историко-системный методы. Историко-сравнительный метод (метод исторической компаративистики) позволил автору представить ряд альтернативных сценариев реальных исторических событий, представляющихся оптимальными с научной и политической точек зрения. Речь идёт о сравнении реального военного и гуманитарного ущерба от атомной бомбардировки с условными последствиями бомбового удара, будь он нанесён исключительно по военным объектам Японии, находившимся на удалении от густонаселённых городов. Применение данного метода позволило автору сформулировать некоторые выводы военно-политического характера.

В фундаментальной работе «О войне» К. Клаузевиц ввёл тезис: «Война есть не что иное, как продолжение политики иными средствами» [2, с. 5]. Данная постановка проблемы напоминает математическую формулу, дающую объяснение тому или иному явлению и приводящую его в состояние упорядоченности. Средства, при помощи которых, по Клаузевицу, осуществляется «продолжение политики», должны быть пропорциональны поставленным политическим задачам. Актуальность формулы Клаузевица представляется перманентной – с течением тысячелетий, потраченных человечеством на строительство империй, сверхдержав и блоков различной направленности, лишь политический подтекст, лежащий в основе этих

исторических действий, остался неизменным. Совсем другой вопрос – нравственная сторона имплементации подобного подхода на практике.

Принимая предложенную Клаузевицем максиму, мы автоматически соглашаемся с тем, что цель существования человечества состоит в бесконечной политической борьбе, направленной на достижение превосходства над своим оппонентом (выражаясь библейским языком – над своим ближним). В таком случае основополагающие принципы, характеризующие фундаментальное отличие человека от животного, приобретают лишь вторичное значение. Речь идёт о культуре, религии, торговле и, наконец, о простом человеческом стремлении к счастью. Способствует ли достижению последней из указанных целей политизированность повседневности и, как следствие этого – постоянная угроза разжигания военного конфликта? Автор склонен считать, что не стоит рассматривать тезис Клаузевица в качестве аксиомы государственной политики. Подобного убеждения автор придерживается не только в отношении США (единственной страны, применившей ядерное оружие против другого государства), но и в отношении всех без исключения стран. В то же время автор не считает правильным отвергать максиму Клаузевица полностью – с точки зрения военной науки она, безусловно, содержит в себе рациональное зерно. Но хотелось бы, чтобы основной акцент при её осмыслении был сдвинут в сторону оборонительной войны, также глубоко проработанной немецким военным теоретиком. «Политически оборонительной войной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость», – указывал Клаузевиц [2, с.14]. Автор полагает, что лишь данный подход может оправдывать обращение к военной казуистике, вне зависимости от того, используется ли труд Клаузевица в качестве настольной книги тех или иных политических и военных деятелей или нет.

Дискуссии о целесообразности ядерных бомбардировок японских городов ведутся уже более полувека. Как и при рассмотрении любого спорного исторического деяния, у него имеются как сторонники, так и противники. К числу сторонников относятся, например, авторы доклада Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ) [14], которые утверждали, что высадка американских войск на острова Кюсю и Хонсю грозила обернуться серьёзными потерями. Эту точку зрения разделял начальник штаба армии США Д. Маршалл [21, с. 104]. Американский военный историк Ричард Франк [10], автор очерка «Почему Трумэн сбросил бомбу», также доказывает, что японские вооружённые силы готовились к решающему сражению на своей земле. Решительность их сопротивления неизбежно обернулась бы тяжёлыми потерями американских вооружённых сил, что, по его мнению, вполне могло ослабить позиции США на

предстоявших переговорах с Японией. Вероятно, японское военное командование рассчитывало на более благоприятный исход войны, нежели безоговорочная капитуляция. Правда, исследование Франка не учитывает факт вступления в войну СССР 8 августа 1945 г., создаётся впечатление, будто на завершающем этапе война шла исключительно между США и Японией, хотя решение об участии СССР в этой войне было принципиально обговорено с советским руководством ещё в ходе Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г. По мнению тогдашнего премьер-министра Японии К. Судзуки, «вступление ... в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны» [4].

В заочную дискуссию с упомянутыми сторонниками нанесения атомного удара вступает целый ряд исследователей, философов и публицистов. Уже 8 августа 1945 г. Альбер Камю назвал атомную бомбардировку цивилизационным («механизированным») закатом человечества [8]. Американский историк Марк Селден [17] приводит официальный протест японского правительства от 11 августа 1945 г., в котором оно апеллирует к нормам международного права, грубо нарушенным США, применившими оружие, превосходящее по своей разрушительной мощи все существовавшие виды вооружений. Хотя юридическая правомерность подобного заявления от страны, в течение предшествовавших 30 лет проводившей агрессивную региональную политику, весьма сомнительна, отказать им в моральном основании едва ли возможно. На мнение авторитетных представителей высшего американского генералитета – генерала Д. Эйзенхауэра [9, с. 312–313], адмиралов Ч. Нимица и У. Лихи [15], непосредственных участников войны на Тихоокеанском ТВД.

Как правило, высказывания по поводу бомбардировок увязываются с вопросом «нужно» или «не нужно» было бомбить Хиросиму и Нагасаки. Примкнув к одному из лагерей, автор лишил бы работу академической новизны. Признавая право США на демонстрацию своего военного превосходства перед СССР (с учётом обеспокоенности ростом военной мощи последнего), автор предлагает альтернативные способы подобной демонстрации. Выбор альтернативных целей атомной бомбардировки позволил бы США осуществить акт военного устрашения, но не привёл бы к столь катастрофическим гуманитарным последствиям. В рамках настоящего исследования автор обозначает иную отправную точку оформления биполярной системы международных отношений.

Необходимые выводы о разрушительных последствиях ядерного удара должны были быть сделаны в лучшем случае на стадии испытаний (16 июля 1945 г., штат Нью-Мексико), в худшем – после первого (и по военной, экономической, да и просто человеческой логике – последнего)

применения против Хиросимы 6 августа 1945 г. Но никак не позднее. По такой логике трагедии Нагасаки в принципе не должно было произойти.

Реальность оказалась иной. И причины, лежащие в её основе, кроются в одном слове, которое, по мнению автора, обладает едва ли не большим разрушительным потенциалом в сравнении с ядерным оружием. Это слово – «политика». Иначе невозможно объяснить применение крайне дорогостоящего (и сегодня, а в 1945 г. – и подавно) оружия против городов, не имевших стратегического значения. В Хиросиме даже не располагались оборонные предприятия, а гарнизоны Нагасаки не превышали 500 военнослужащих.

16 июля 1945 г. в США было успешно проведено испытание ядерного оружия. Испытания будто бы специально были приурочены к началу Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.), призванной снизить напряжённость после только что завершившихся в Европе боевых действий и заложить основы послевоенного мироустройства. Очевидно, недавно занявший пост президента США Трумэн руководствовался именно этим deadline, задавая срок реализации «проекта Манхэттен» его директору Р. Оппенгеймеру. Исходя из политической логики, Трумэну был жизненно необходим весомый аргумент, чтобы на равных оппонировать и Сталину, чей политический вес среди союзников по антигитлеровской коалиции был в 1945 г. наивысшим, и Черчиллю, привыкшему жёстко отстаивать национальные интересы Британской империи. Наличие атомной бомбы было именно таким аргументом.

Наряду с преимуществами в переговорном процессе, которые этот аргумент давал американскому президенту, в переговорном процессе возникали новые вопросы. В частности, вопрос о том, стоит ли сообщать это известие Сталину. Ещё по решению Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г. СССР принял на себя обязательство вступить в войну против Японии спустя 2–3 месяца после окончания войны в Европе. По завершении боевых действий на Дальнем Востоке в состав СССР должны были быть возвращены Курильские острова и Южный Сахалин, отторгнутые у России по результатам русско-японской войны 1903–1905 гг. Кроме того, Советский Союз получал в аренду Порт-Артур и КВЖД, а за Монголией признавался статус независимого государства. Всё это, бесспорно, способствовало бы укреплению восточных рубежей СССР.

Как известно, Г. Трумэн имел существенно иной взгляд на проблему послевоенного мироустройства, нежели его предшественник Ф. Рузвельт. Трумэн понимал, что государственные интересы СССР требовали вмешательства в войну на Тихом океане. В Государственном департаменте США без труда могли смоделировать ситуацию, которая сложилась бы в Восточной Азии в случае советского нейтралитета. Япония,

безусловно, была обречена на поражение, если не в августе, то в ноябре–декабре 1945 г. Существует официальный доклад 1946 г. Группы по оценке стратегических бомбардировок Германии и Японии. В нём утверждалось: «Основываясь на тщательном расследовании всех фактов и свидетельствах причастных к этому японских руководителей, Группа считает, что Япония капитулировала бы определённо до 31 декабря 1945 г., а по всей вероятности, до 1 ноября 1945 г. даже в том случае, если бы атомные бомбы не были сброшены, даже если бы Россия не вступила в войну и даже если бы вторжение на территорию Японии не планировалось и не задумывалось» [22].

В последующие месяцы войны, несомненно, окреп бы союз Чан Кайши с американцами. Ещё до падения Японии в Китае высадились бы американские войска. После капитуляции Японии СССР оказался бы в кольце американских баз на Курильских островах и Южном Сахалине. А вдоль всей огромной по своей протяжённости границы с Китаем дислоцировались бы многочисленные армии Чан Кайши, поддерживаемые американской авиацией и вооружённые американским оружием. Как показала история, вступление СССР в войну с Японией обезопасило советские границы с Китаем почти на 20 лет и обеспечило свободный выход в океан советского Тихоокеанского флота [3, с. 136].

В окружении американского президента стали слышаться голоса тех, кто полагал, что с точки зрения американских интересов советское участие в завершающем этапе Второй мировой войны как минимум нежелательно, как максимум – вредно. К примеру, назначенный 3 июля 1945 г. госсекретарем США Дж. Бирнс убеждал Г. Трумэна в том, что «бомба дает нам возможность продиктовать наши условия в конце войны». А 26 июля в беседе с военно-морским министром Дж. Форрестолом он отмечал, что более всего озабочен тем, как бы «окончить все дела, связанные с Японией, до вступления в войну России». И добавил при этом, что только таким образом можно будет лишить СССР Дайрена и Порт-Артура [20, p.85].

Уведомление Сталина о наличии нового оружия, способного практически моментально положить конец текущей мировой войне, могло лишь ускорить вступление СССР в войну с Японией, чтобы «поучаствовать» в мирном урегулировании. Однако, сознавая невозможность отстранения СССР от участия в завершающейся кампании союзников против императорской Японии, Трумэн принял решение сообщить Сталину о наличии у США новейшего оружия, но сделать это в деликатной форме, дав понять, что военной монополии СССР на европейском (и потенциально – азиатском) континенте пришёл конец. Это было сделано американским президентом 24 июля 1945 г. по завершении очередного пленарного заседания. И хотя реакция Сталина на заявление Трумэна была более чем

сдержанной, дипломатический эффект, вероятнее всего, был достигнут.

Автор хотел бы обратить внимание на ещё один момент сугубо историографического характера. Как в отечественной, так и в мировой исторической литературе принято считать 1945 г. отправной датой формирования Ялтинско-Потсдамской системы, положившей начало bipolarному мироустройству. Окончательно же bipolarность оформилась 5 марта 1946 г. после знаменитой речи Черчилля в Фултоне, послужившей датой начала холодной войны. Автор склонен не согласиться со столь прямолинейной трактовкой, принимая во внимание ядерную монополию США, продержавшуюся вплоть до 29 августа 1949 г, т.е. до испытания первой советской атомной бомбы.

С момента испытания и особенно после применения атомного оружия США стало понятно, что гигантские танковые армады и многомиллионные армии, которыми располагал СССР, отныне играют лишь вспомогательную роль и имеют в лучшем случае оперативно-тактическое, но никак не стратегическое значение. Основным критерием при оценке реальной военной силы государства стало наличие стратегической военной авиации, способной наносить ядерные удары по скоплениям боевой техники, промышленным центрам и городам противника. Соединённые Штаты имели абсолютный перевес как в стратегической авиации (в СССР этого вида авиации до начала 1950-х гг. не существовало), так и в атомных боезарядах (которым до августа 1949 г. ни в одной стране мира не было альтернатив). По этой причине автор полагает, что в международных отношениях правильнее было бы выделить с 16 июля 1945 г. по 29 августа 1949 г. особый однополярный период ядерной монополии США. При всех очевидных противоречиях в политическом и идеологическом контекстах, при всей разности дипломатических подходов к формированию послевоенного мира, силовой фактор в международных отношениях оставался определяющим. Это означает, что политико-идеологическая константа международных отношений в июле 1945 – августе 1949 гг. автоматически отодвигается на второй план, уступая место ядерной дипломатии единственного мирового игрока. Трансформация Ялтинско-Потсдамской системы в полноценную bipolarную систему международных отношений, когда стороны взаимно уравнивают друг друга по всему арсеналу и инструментарию, включая военный, произошла лишь после испытаний советской атомной бомбы.

Впрочем, едва ли можно осуждать президента США за действия, предпринятые им в ходе Потсдамской конференции: в конце концов, он заботился о повышении безопасности своей страны, о росте её значимости и, наконец, использовал имевшееся в его руках оружие исключительно в дипломатических целях. Ситуация кардинально изменилась 6 августа 1945 г.

Какие мотивы побудили президента США отдать приказ о применении атомного оружия против страны, капитуляция которой была лишь вопросом ближайшего времени? Согласно официальной позиции военного руководства США в августе 1945 г., основной мотив заключался в том, что в случае сухопутной высадки на японские острова Кюсю и Хонсю ожидалась чрезвычайно высокие потери с американской стороны. По оценке Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ) от апреля 1945 г., потери могли составить 7,45 потерь/1000 человеко-дней и 1,78 погибших/1000 человеко-дней. Исходя из этого, потери США в двух высадках оценивались в 1,6 млн человек, включая 370 тыс. безвозвратных потерь. Потери среди японских вооружённых сил и гражданского населения ожидалось в несколько миллионов человек [18, с. 18]. Планировалось провести операцию «Даунфол», состоявшую из высадки на о. Кюсю (операция «Олимпик») и выхода на равнину Канто к югу от Токио, о. Хонсю (операция «Коронет»).

Но «бумажных» потерь американских войск в реальности удалось избежать. Тогда как, по примерным оценкам, атомный взрыв в Хиросиме унёс жизни от 70 до 80 тыс. человек в течение первых секунд, а до конца 1945 г. от ожогов и лучевой болезни умерло порядка 165 тыс. человек [12]. В течение последующих десяти лет количество умерших от лучевой болезни и от онкологических заболеваний превышало 200 тыс. человек. Бомбардировка Нагасаки повлекла за собой гибель 40–60 тыс. человек в момент взрыва и порядка 140 тыс. умерших от ожогов и от лучевой болезни в течение последовавших пяти лет [19].

Автор умышленно приводит подробные цифры потерь среди гражданского населения, хотя они общеизвестны. Дело в том, что как историк автор задаётся вопросом: ради чего была заплачена столь неимоверно высокая цена, которую Япония навязали США? Конечно, мы помним о докладе ОКНШ, приведённом выше. Предлагаю рассмотреть военные и политические аспекты, побудившие руководство США пойти на столь беспрецедентный в истории шаг, как применение ядерного оружия.

Итак, военный аспект. Если принимать во внимание предложенную американской стороной аргументацию, то желание сохранить жизни солдат, принимая во внимание опыт потерь американских войск на Окинаве и особенно на Иводзиме, понятно. Но начиная с 6 августа 1945 г. здравый смысл в действиях США просматривается с большим трудом. События 9 августа (с точки зрения автора) не поддаются даже военной логике.

Если военное руководство США вправду желало избежать потерь путём применения новейшего оружия, то самым логичным, простым и стратегически оправданным действием было бы его применение на острове Бугенвиль (мандатная территория Австралии – Новая Гви-

нея), где позиционные бои продолжались с ноября 1943 г., но, несмотря на 15-кратный перевес сил союзников, к августу 1945 г. остров не был полностью зачищен от японцев. Если бы американцев смущал факт принадлежности данного острова союзной им Австралии, то в этом случае можно было применить атомное оружие против любого из малых островов Тихого океана, оккупированных либо входивших в состав империи, но не имевших гражданского населения и использовавшихся японцами в качестве «непотопляемых авиабаз». На территории этих островов находились только японские регулярные части, и в этом случае воздушный удар выполнял бы прямое предназначение.

С военной точки зрения эффект от подобного удара был бы абсолютным: вероятнее всего, от 90 до 100% японских гарнизонов были бы уничтожены вместе с военной инфраструктурой (аэродромы, командные пункты, дзоты и иные укрепления). Остров, который союзники не могли взять в течение полутора лет, был бы захвачен за пару часов или дней – в зависимости от решения американского военного руководства. Разумеется, такого рода шоковое изменение военной обстановки, а также характер потерь (до 100%) не могли бы остаться незамеченными японским командованием.

После столь убедительной демонстрации силы американцы могли начать наступление на дипломатическом фронте, дав понять японцам, что если в ближайшие дни капитуляции не последует, то следующий удар может быть нанесён по Токио (уже пережившему мощнейший авиаудар 10 марта 1945 г.) или Осаке (на тот момент практически не подвергавшейся бомбовым ударам), и ответственность за последствия будет лежать исключительно на японской стороне. В таких условиях вероятность дипломатического успеха обретала высокую степень гарантии. При этом не было бы двух сожжённых городов, сотен тысяч напрасных жертв, а главное – генетической памяти, заложенной в японском народе на многие поколения вперёд, глубину которой в США, судя по всему, до сих пор не в состоянии осознать.

Впрочем, помимо военного аспекта был и политический. Начиная с февраля 1945 г. англо-американцы начали демонстрировать Советскому Союзу свои военные возможности. Вначале, правда, подобные действия не сопровождались комментариями высшего военного и политического руководства США и Великобритании. Наиболее значительной по масштабам разрушений и количеству, опять-таки, гражданских жертв, является бомбардировка Дрездена 13–15 февраля 1945 г. Хотя в интересах политкорректности официальная статистика свидетельствует о гибели 25 тыс. человек [7], автору представляется, что оценка, данная в своё время советскими военными историками (135 тыс.) [6, с. 260], гораздо ближе к реальности.

Бессмысленность подобной бомбардировки с военной точки зрения, равно как и неоправданно высокое количество жертв среди гражданского населения объясняются при изменении аналитического подхода к проблеме с военного на политический. В этом случае чётко просматривается стремление союзников продемонстрировать СССР не только разрушительную мощь своей стратегической авиации, но также и исключительную эффективность ковровых бомбардировок городов. Принимая во внимание тот факт, что большая часть советских городов, переживших немецкую оккупацию или находившихся в прифронтовой зоне, и без того лежали в руинах, повторения бомбардировок с эффективностью, многократно превосходящей германские авианалёты, они бы просто не выдержали. Не располагал Советский Союз тогда достаточным количеством истребителей, способных на равных бороться с американскими B17 (не говоря о новейших B-29 «Суперфорте-тесс», проектировавшихся в качестве средств доставки атомного оружия) и британскими «Ланкастер». И тем не менее, военное превосходство СССР на европейском континенте к весне–лету 1945 г. не вызывало сомнений. До 16 июля 1945.

С появлением атомного оружия все существовавшие военные доктрины, концепции, оперативно-тактические схемы и планы безнадежно устарели. Возникла необходимость немедленной проработки новых идей по ведению войны. СССР пришлось в исключительно сжатые сроки не только восстанавливать разрушенное народное хозяйство, но и форсированно адаптировать свой военный потенциал к резко изменившимся реалиям.

Применив атомное оружие против Хиросимы, США демонстрировали его разрушительную мощь, прежде всего, Советскому Союзу. И цель для нанесения удара была выбрана не случайно; для этого не годился маленький остров в Тихом океане, поскольку масштаб разрушений наиболее наглядно демонстрируется именно в городе, к тому же (как и в случае с Дрезденом), практически не подвергавшемся бомбардировкам в ходе войны. 200 тыс. погибших «говорят» на десять порядков убедительнее, нежели 1,5–2 тысячи японских солдат – гарнизон любого острова (японские гарнизоны на оккупированных островах были на удивление малочисленными).

В Японии к 9 августа 1945 г. неизбежность капитуляции не была очевидной разве что для Кендзи Хатанаки и его сообщников, попытавшихся в ночь с 14 на 15 августа осуществить переворот. К тому времени в войну против Японии вступил СССР, Хиросима лежала в руинах, японский императорский флот практически прекратил своё существование. Используя агентурную сеть в нейтральных Швеции и Швейцарии, японское министерство иностранных дел направило союзникам ряд сигналов о готовности к капитуляции.

Для СССР также многое стало очевидным. Сталин, безусловно, был ознакомлен с последствиями атомной бомбардировки Хиросимы и осведомлён о начавшемся дипломатическом зондировании Японией возможности заключения мира. Правда, характер мирного договора ещё вызывал некоторые вопросы, т.к. японцы до последнего момента не желали принять условия Потсдамской декларации [16], но это были скорее частные детали глобального итога. Очевидно было также, что задача восстановления суверенитета СССР над Курильскими островами и Южным Сахалином будет решена.

С точки зрения США, военный и, главное, психологический эффект был достигнут: Японии на деле доказана тщетность сопротивления, а Советскому Союзу продемонстрирована исключительная мощь новейшего оружия, которым СССР не располагал. Для чего была предпринята вторая атомная бомбардировка?

Бомбардировка Нагасаки была запланирована на 12 августа, но внезапно перенесена на 9 августа, вероятно, из опасения, что Япония капитулирует раньше. Сброшенные бомбы принципиально отличались друг от друга: первая («Малыш», как прозвали её в американских ВВС) была урановой, а вторая («Толстяк») – плутониевой. Хотя «Толстяк» был почти вдвое мощнее «Малыша», результаты его взрыва оказались «скромнее»: погибли 40 тыс. человек, ранено 60 тыс. По японским данным, число погибших больше – 70 ± 10 тыс. человек. Город пострадал меньше благодаря ошибке прицеливания и своему холмистому рельефу.

Представляется, что именно в желании испытать в боевых условиях бомбу иного физического принципа воздействия и кроется смысл осуществления второй атомной бомбардировки. Кроме того, американское руководство хотело убедить японцев: атомная бомба не одна, применяться они будут решительно, так что с капитуляцией следует поспешить.

Сопоставив факты и проанализировав возможные варианты развития военных событий первой декады августа 1945 г., автор приходит к следующим выводам:

1. Атомные бомбардировки японских городов, предпринятые США 6-го и, в особенности, 9 августа 1945 г., не были обусловлены военной необходимостью, а потому могут рассматриваться как военное преступление даже с учётом сложившейся на тот момент международной политической конъюнктуры.

2. Политическая необходимость бомбардировок в разумных пределах имела место, но в этом случае бомбардировки могли быть «отработаны» по иным целям, чтобы избежать колоссального количества жертв среди мирного населения.

3. По мнению автора, бомбардировка Нагасаки не имеет оправданий. Желание испытать более мощную бомбу не может оправдать боевого применения оружия массового поражения.

ния против гражданского населения. Когда 30 октября 1961 г. СССР на Новой Земле провёл испытания самой мощной бомбы в истории человечества («Царь-бомба» мощностью 57,5 мегатонн), едва ли кому-либо в руководстве страны приходила мысль провести испытания данного оружия за пределами СССР, например, в непосредственной близости от США на кубинском полигоне по согласованию с Ф. Кастро. А ведь политическая напряжённость ситуации в Карибском бассейне в тот период приближалась к своему апогею (после провала американской интервенции в Заливе свиней до Карибского кризиса оставался ровно год), и подобный «аргумент» вполне мог послужить предупреждением Соединённым Штатам.

4. Основной вывод нашего исследования заключается в том, что использование Соединёнными Штатами ядерного оружия носило не столько военный, сколько политически-показательный характер и было направлено, прежде всего, против СССР с целью продемонстрировать ему отсутствие шансов в случае военного столкновения с США. Применяв ядерное оружие, США ограничились возможностями политического манёвра Советского Союза при мирном урегулировании с побеждённой Японией.

Наиболее красноречивым свидетельством против необходимости применения атомного оружия в 1945 г. служат заявления высокопоставленных военных армии США, непосредственных участников событий. «Японцы уже фактически запросили мира. Атомная бомба не сыграла решающей роли, с чисто военной

точки зрения, в поражении Японии», – считал адмирал ВМФ США Ч. Нимиц [11]. «Применение атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки не оказало существенного влияния на ход войны против Японии. Японцы уже потерпели поражение и были готовы к капитуляции благодаря эффективной морской блокаде и успешным конвенциональным бомбардировкам... Убийственные возможности атомного оружия в будущем выглядят устрашающими. Мои ощущения были, что став первыми, кто использовал его, мы приняли этические стандарты средневековых варваров. Меня не учили вести войны в такой манере, и войны не могут быть выиграны уничтожением женщин и детей», – таково мнение адмирала Уильяма Лихи [15, с. 441].

В юбилейную дату памяти по погибшим жителям Хиросимы и Нагасаки мэр Нагасаки Томохиса Тауэ призвал президента США Барака Обаму и лидеров других стран лично посмотреть на последствия атомных бомбардировок Японии 1945 г. Впрочем, как высказался внук президента Трумэна, Дэниел Клифтон Трумэн, «Дед до конца жизни считал, что решение сбросить бомбу на Хиросиму и Нагасаки было верным, и США никогда не попросят прощения за это» [1]. И хотя эти слова нельзя считать официальной позицией правительства США, символично, что даже спустя 70 лет после рукотворной ядерной катастрофы общественное мнение США – страны, позиционирующей себя в качестве главного борца за свободу и демократию – не готово смотреть на проблему не с политической, а с общечеловеческой стороны.

Список литературы

1. Внук президента Трумэна: дед не раскаивался в том, что бомбил Хиросиму // РИА Новости. – 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150806/1166004345.html> (Дата обращения: 06.08.2015).
2. Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, СПб.: Мидгард, 2007. 864 с.
3. Кошелев А. Я дрался с самураями. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 416 с.
4. Кошкин А.А. Атомных бомб не хватило. Победную точку в войне с Японией поставила Красная армия // Аргументы и факты. 2012. № 36. С. 9.
5. Кузнецов К., Дьяконов Г. Ядерное оружие первого поколения // Авиация и космонавтика. 2013. № 5. С. 21-25.
6. Огарков Н.В. Гражданская война в США – Йокота 1861–1865 // Советская военная энциклопедия: в 8-ми тт. М. 1979. Т. 3. 890 с.
7. Официальный доклад о жертвах бомбардировки, опубликован 17.03.2010 URL: http://www.dresden.de/media/pdf/infoblaetter/Historikerkommission_Dresden1945_Abschlussbericht_V1_14a.pdf (Проверено: 10.08.2016).
8. Camus A. Editorial de Combat, 8 août 1945 URL: <http://www.matisse.lettres.free.fr/artdeblamer/tcombat.html> (Проверено: 11.08.2016).
9. Eisenhower D.D. Mandate For Change, 1953–1956: The White House Years. Doubleday & Company, 1963. 672 p.
10. Frank R.B. Why Truman Dropped the Bomb // The Weekly Standard. 2005. № 10. URL: <http://www.weeklystandard.com/why-truman-dropped-the-bomb/article/7093> (Проверено: 29.07.2016).
11. Freeman R. Was the Atomic Bombing of Japan Necessary? URL: <http://www.commondreams.org/views06/0806-25.htm> (Проверено: 10.08.2016).

■ История

12. Harry S. Truman Library & Museum. U. S. Strategic Bombing Survey: The Effects of the Atomic Bombings of Hiroshima and Nagasaki, June 19, 1946 URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/bomb/large/documents/pdfs/65.pdf (Проверено: 11.08.2016).
13. Hijiya J. A. The Gita of Robert Oppenheimer // Proceedings of the American Philosophical Society. 2000. № 2. P. 123.
14. Joseph H. America's decision to drop the atomic bomb on Japan. Kent State University, 1994. 74 p.
15. Leahy W. D. I was there. New York, 1950. 527 p.
16. Rezelman D. Gosling F.G. and Terrence R. Fehner. The atomic bombing of Nagasaki. The Manhattan Project: An Interactive History URL: <http://www.cfo.doe.gov/me70/manhattan/surrender.htm> (Проверено: 10.08.2016).
17. Selden M. The Atomic Bomb: Voices from Hiroshima and Nagasaki. Armonk, N.Y. M.E. Sharpe, 1989. 257 p.
18. Skates J.R. The Invasion of Japan: Alternative to the Bomb. Columbia: SC: University of South Carolina Press, 1994. 288 p.
19. The Atomic Bombing of Hiroshima (August 6, 1945) URL: <http://www.cfo.doe.gov/me70/manhattan/hiroshima.htm> (Проверено: 10.08.2016).
20. Truman H.S. Memoirs. Years of Decisions. Vol.1. 1955. 620 p.
21. Tsuyoshi H. Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan Harvard University Press, 2006. 432 p.
22. United States Strategic Bombing Survey. Summary Report. United States Government Printing Office, 1946. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/AAF/USSBS-PTO-Summary.html#jstetw> (Проверено: 10.08.2016).

Об авторе

Николай Петрович Пархитко – к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: scharnchorst@mail.ru.

NUCLEAR STRIKE AGAINST HIROSHIMA AND NAGASAKI. WARCRIME, THAT COULD BE AVOIDED

N.P. Parkhitko

People's Friendship University of Russia. Miklukho-Maklai, 6, Moscow, 117198.

Abstract: *The article focuses on the research of the consequences of the US nuclear bombings of Japanese cities in August 6th and 9th 1945. Military, political and psychological aspects, that were crucial for American military planning at the latest stage of the Second World War are taken into consideration. Also the problems of the new reality in the global policy of that period, which made it possible to demonstrate the military power in such a destructive way, are investigated. The author offers some logical alternatives to the real circumstances of the 6th August 1945, including both implementing and non-implementing of the nuclear weapons. The author also offers some new conception of the bipolarity considering the «A-bomb factor» in the international relations, which was critical since August 1945 till August 1949.*

The very fact of the using the most destructive and powerful weapon, developed after the Germans' capitulation but before the capitulation of Japan, corresponds with the political concept, offered by K. Clausevitz in early 19th century.

The approach to the problem, advocated by the German military theorist was in details researched in the article. Using some historical and political methodology, the author criticizes the realization of this concept in August 1945th and offers some alternatives in the historical retrospective.

Acknowledging, on the whole, the necessity of demonstration of the newest weapon by the United States in global political aspect, the author reveals a number of targets, which seem more optimal for this goal. Bombing of peaceful cities, which caused inadmissible civil losses, is characterized by the author as military crime.

Key words: atomic bomb, bombings, Hiroshima, Nagasaki, victims, capitulation, world order, consequences, policy, military crime.

References

1. Vnuk prezidenta Trumena: ded ne raskaivalsja v tom, chto bombil Hirosimu. *RIA Novosti*, 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150806/1166004345.html> (Accessed 06.08.2016).
2. Clausewitz C. *O vojne* [About war]. Moscow, Eksmo, Saint-Petersburg, Midgard. 2007. 864 p. (In Russian)
3. Koshelev A. *Ja dralsja s samurajami* [I fought against samurais], Moscow, Jauza, Eksmo. 2005. 416 p. (In Russian)
4. Koshkin A.A. *Atomnyh bomb ne hvatilo. Pobednuju tochku v vojne s Japoniej postavila Krasnaja armija* [A-bombs were not enough. It was the Red Army, that finally defeated Japan]. *Argumenty i fakty*. 2012, No. 36, P. 9 (in Russian).
5. Kuznecov K., D'jakonov G. *Jadernoe oruzhie pervogo pokolenija* [Nuclear weapon of the first generation]. *Aviacija i kosmonavtika*. 2013, no. 5. Pp. 21 – 25 (in Russian).
6. Ogarkov N.V. *Grazhdanskaja vojna v SShA – Jokota 1861–1865* [Civil war I the USA – Yokota 1861–1865], *Sovetskaja voennaja jenciklopedija: v 8-mi t.* 1979. Vol 3. P. 260. (In Russian)
7. *Oficial'nyj doklad o zhertvah bombardirovki, opublikovan* [Official report on the airstrike victims was published], 2010. URL: http://www.dresden.de/media/pdf/infoblaetter/Historikerkommission_Dresden1945_Abschlussbericht_V1_14a.pdf (Accessed 10.08.2016). (In Russian)
8. Camus A. *Editorial de Combat**, 8 août 1945. URL: <http://www.matisse.lettres.free.fr/artdeblamer/tcombat.html> (Accessed 11.08.2016). (In Russian)
9. Eisenhower D.D. *Mandate For Change, 1953–1956: The White House Years*. Doubleday & Company, 1963. 672 p. (In Russian)
10. Frank Richard B. Why Truman Dropped the Bomb. *The Weekly Standard*. 2005. № 10. URL: <http://www.weeklystandard.com/why-truman-dropped-the-bomb/article/7093> (Accessed 29.08.2016).
11. Freeman R. Was the Atomic Bombing of Japan Necessary? URL: <http://www.commondreams.org/views/06/0806-25.htm>. (Accessed 10.08.2015).
12. Harry S. Truman Library & Museum. U. S. Strategic Bombing Survey: The Effects of the Atomic Bombings of Hiroshima and Nagasaki, June 19, 1946. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/bomb/large/documents/pdfs/65.pdf (Accessed 11.08.2016).
13. Hijiya J.A. The Gita of Robert Oppenheimer. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2000. № 2. p. 123 – 167.
14. Joseph H. *America's decision to drop the atomic bomb on Japan*. Kent State University, 1994. 74 p.
15. Leahy W. D. *I was there*. New York, 1950. 527 p.
16. Rezelman D., Gosling F.G. and Terrence R. Fehner. *The atomic bombing of Nagasaki. The Manhattan Project: An Interactive History*. URL: <http://www.cfo.doe.gov/me70/manhattan/surrender.htm>. – (Accessed 10.08.2015).
17. Selden M. *The Atomic Bomb: Voices from Hiroshima and Nagasaki*. Armonk, N.Y. M.E. Sharpe, 1989. 257 p.
18. Skates J. R. *The Invasion of Japan: Alternative to the Bomb*. University of South Carolina Press, 1994. 288 p.
19. The Atomic Bombing of Hiroshima (August 6, 1945). URL: <http://www.cfo.doe.gov/me70/manhattan/hiroshima.htm> (Accessed 10.08.2015).
20. Truman H.S. *Memoirs. Years of Decisions*. Vol.1., 1955. 620 p.
21. Tsuyoshi H. *Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan*. Harvard University Press, 2006. 432 p.
22. *United States Strategic Bombing Survey; Summary Report*. United States Government Printing Office, 1946. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/AAF/USSBS-PTO-Summary.html#jstetw> (Accessed 10.08.2015).

About the author

Nickolay Petrovich Parkhitko – Ph.D in History, Senior lecturer of the philological faculty of the Peoples' Friendship University of Russia. Chair of theory and history of journalism. E-mail: scharnchorst@mail.ru.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ОСНОВНЫЕ СВОБОДЫ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Л.С. Воронков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Автор анализирует эволюцию прав человека и основных свобод во внутри-политической жизни отдельных государств и в международных отношениях за последние два столетия. В статье прослеживается роль борьбы за политические права человека и гражданские свободы в демонтаже феодально-абсолютистских порядков, а также рассматриваются вызовы радикальных крайне левых (коммунистических) и крайне правых (национал-социалистских) угроз либеральным политическим правам и гражданским свободам в межвоенный период. В ней отмечается постоянное пополнение перечня прав человека и основных свобод в послевоенный период, в том числе и усилиями ООН и других международных организаций, и их закрепление в международных документах. Автор подчёркивает важную роль Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в превращении проблематики прав человека и основных свобод в важнейший элемент публичной дипломатии современных государств. Он прослеживает процесс растущего использования либеральных политических прав и гражданских свобод человека, являющихся эффективным инструментом внутриполитических демократических преобразований, в дипломатической практике стран Европы и Северной Америки для обеспечения их приоритетных экономических и политических интересов на мировой арене. В этой связи автор затрагивает вопрос о попытках западных стран легализовать «гуманитарные» интервенции в обход Совета Безопасности ООН. В статье подчёркивается необходимость пополнения понимания универсальных прав и свобод человека ценностями, выработанными как международным сообществом в ходе реализации Целей развития тысячелетия ООН, так и различными странами и народами мира и составляющими современный международный цивилизационный багаж.

Ключевые слова: права человека, основные свободы, универсальные ценности, ООН, Совет Европы, СБСЕ, правозащитные организации, гуманитарные интервенции, публичная дипломатия.

Проблемы прав и свобод человека занимают прочное место в арсенале современных политиков. Несмотря на то, что все согласны с необходимостью их безусловного обеспечения, трудно найти сферу общественной жизни, которая вмещала бы столь глубокие противоречия среди лиц, организаций, политических деятелей и государств, отстаивающих эти ценности.

За последние два столетия роль прав и свобод человека во внутривнутриполитической жизни отдельных государств и в международных отношениях претерпела заметную эволюцию. При всём внимании к этим проблемам философов, юристов, экономистов и политологов они редко становились предметом системных исследований учёных-международников, хотя знание этой проблематики для международных отношений быстро росло, особенно со второй половины XX в.

Каким образом либеральные ценности политических прав и гражданских свобод человека, длительное время являвшиеся эффективным инструментом внутривнутриполитических демократических преобразований в странах Европы и Северной Америки, стали входить в арсенал их дипломатической деятельности и использоваться для обеспечения приоритетных экономических и политических интересов этих государств на международной арене? Какова их роль в современных международных отношениях? Попробуем ответить на эти вопросы.

Роль прав и свобод человека в демонтаже феодально-абсолютистских режимов

Промышленная революция второй половины XVIII века сопровождалась в странах Европы и Северной Америки появлением новых социальных слоёв общества: помимо аристократии, крестьянства и мелких ремесленников возникли собственники капитала, банкиры, крупные торговцы, промышленники, наёмные труженики и промышленные рабочие, активизировались процессы пролетаризации сельского населения.

В условиях «дикой стадии» развития капитализма либеральные идеи защиты прав и свобод человека получили широкую общественную поддержку. Они нашли своё закрепление в Декларации независимости США 1776 г., французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и американском Билле о правах 1791 г. На повестке дня появились задачи обеспечения всеобщего избирательного права, отмены запретов на создание союзов и проведение собраний, законодательного установления восьмичасового рабочего дня и других политических и гражданских прав и свобод.

Несмотря на сопротивление монархов Австрии, Пруссии и России, вступивших на Венском конгрессе 1815 г. в Священный союз и стремившихся не допустить укрепления либеральных тенденций в обществе [9, С. 321-378], волна буржуазно-демократических революций

в 1848-1849 гг. привела к широким демократическим преобразованиям во многих европейских странах: были установлены конституционные порядки, учреждены представительные органы власти, разделены полномочия законодательных, исполнительных и судебных органов, законодательно закреплены политические права и гражданские свободы, включая свободу слова, совести, собраний. Возникли политические партии, профессиональные союзы, объединения предпринимателей, неправительственные организации, которые в совокупности стали неотъемлемым элементом новой системы государственной власти и управления делами общества.

Феодально-абсолютистские режимы в результате были сметены с политической арены. Эффективность функционирования новой системы государственного устройства и управления оказалась в зависимости от полноты реализации либеральных прав и свобод человека. Новые политические режимы создавали благоприятную общественную среду для внутривнутриполитического соперничества различных групп интересов в обществе. Важное место в них заняли средства воздействия на общественное мнение, которые позволяли различным политическим силам, опираясь на свободу слова и подконтрольные им средства массовой информации, вступать в соревнование за массовую поддержку проводимым ими политическим курсам.

Длившийся несколько десятилетий расцвет буржуазно-либерального романтизма сопровождался утверждением политических прав человека и гражданских свобод в качестве неотъемлемой части новой системы государственной власти и управления. Именно он породил философию «равных возможностей», которая стала современным «брендом» американской системы демократии, хотя в реальности он отражает ситуацию давно минувших дней.

Основной сферой борьбы за утверждение политических прав человека и гражданских свобод в это время являлась внутривнутриполитическая жизнь отдельных государств. Международные аспекты этой борьбы находились в зачаточном состоянии и не обрели ещё концептуальной целостности. Они ограничивались декларациями о необходимости пополнить перечень либеральных ценностей дополнительными правами и свободами человека [18, р. 5].

Радикальные вызовы либеральным ценностям

Появление на мировой арене Советской России, пережившей революционную смену внутривнутриполитического режима и бросившей вызов основанному на политических, экономических и социальных ценностях буржуазного либерализма обществу, завершило эпоху либерального романтизма. Новый леворадикальный режим Советской России лишил своих идеологических противников политических прав и гражданских

■ Мировая политика

свобод, попытался уничтожить их физически, заставить замолчать или вытеснить за пределы страны, стал предпринимать попытки экспорта коммунистической революции в другие страны. Этому должны были способствовать созданные в 1919 г. *Коммунистический интернационал и Коммунистический интернационал молодежи, в 1921 г. - Красный профинтерн* и другие организации прокоммунистического толка.

Столкнувшись с подобной угрозой, буржуазно-либеральные режимы западных стран стали вводить ограничения на использование прокоммунистическими силами существовавших в них прав и свобод. Либеральной идее свободного внутривластного соревнования и соперничества различных групп интересов в обществе был нанесён первый чувствительный удар. Защитные внутривластные меры были дополнены усилиями на международной арене – был создан *Международный антикоммунистический союз*, в 1922 г. – *Международная федерация лиг в защиту прав человека*, объединившая национальные неправительственные правозащитные организации многих стран.

Приход к власти в Италии и Германии фашистских режимов, которые ввели жёсткие запреты и ограничения на деятельность своих политических противников как из левого, так и буржуазно-либерального лагеря, вылился в практическую ликвидацию возможности для последних оказывать определяющее влияние на государственную власть и её политику. В ответ на трансграничную национал-социалистскую пропаганду, создание «пятых колон» сторонников фашизма в своих странах западные либеральные демократии ввели дополнительные ограничения для профашистских сил в использовании существовавших в них политических прав и гражданских свобод.

Хотя эти защитные ограничительные меры находились в явном противоречии с либеральной идеологией и практикой свободного внутривластного соревнования различных идей и групп интересов, они приобрели системный характер, так как внешние угрозы либеральным ценностям со стороны крайних лево- и праворадикальных сил оказались стойкими и долгосрочными.

Нараставшая угроза крупномасштабной войны в конце 1930-х гг. и складывавшаяся расстановка сил в будущей войне побуждала политическое руководство западных стран, приверженных либеральным идеям, искать возможность столкнуть лбами коммунистический Советский Союз и фашистскую Германию, дать им возможность обескровить друг друга и тем самым ослабить угрозу с их стороны либеральным ценностям западных демократий. По этой причине франко-британские союзники в ходе переговоров с СССР накануне начала Второй мировой войны отказывались предоставлять ему гарантии безопасности, после начала войны воздерживались от масштабных военных дей-

ствий против Германии («странная война»), не теряя надежды на военное столкновение своих фашистских и коммунистических оппонентов.

Германская оккупация Дании и Норвегии в апреле 1940 г., вторжение в страны Бенилюкса и разгром Франции в мае 1940 г., а также начало воздушной и морской войны против Великобритании положили конец выжидательной позиции западных держав. Хотя нападение гитлеровской Германии на Советский Союз в июне 1941 года привело к созданию антигитлеровской коалиции, западные союзники не спешили с открытием «второго фронта», давая возможность Германии и СССР максимально истощить силы друг друга во взаимной борьбе. Они готовы были биться за торжество принципов либеральной демократии в своих странах до последнего немца и солдата Красной Армии. С устранением фашистской угрозы либеральным ценностям прав и свобод человека западные страны развернули холодную войну против угрозы им со стороны мирового коммунизма во главе с СССР.

Права человека и основные свободы в период холодной войны

Помимо военного давления на СССР, политики «отбрасывания», «сдерживания», «устрашения» коммунизма в послевоенные годы внутри западных стран была развёрнута антикоммунистическая «охота на ведьм», сопровождавшаяся ограничениями политических прав и гражданских свобод для сторонников враждебной идеологии.

Важнейшее значение для Запада приобрело закрепление либеральных политических прав человека и гражданских свобод в международных документах, что позволило бы считать их общечеловеческими ценностями. В Статье 1 Устава ООН одной из основных целей ООН было провозглашено осуществление международного сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Статьи 55 и 56 Устава ООН призвали государства-члены ООН содействовать «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и фундаментальных свобод» [18, р. 3].

Военно-политическая конфронтация Востока и Запада во время холодной войны довела её до крайне опасной черты без видимых для Запада результатов. События «Пражской весны» 1968 г. показали, что внедрение либеральных политических прав и гражданских свобод в странах социализма может стать куда более эффективным и менее опасным методом борьбы против мирового коммунизма, чем военно-политическая конфронтация с ним. В 1969 году западные страны дали согласие на созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), сделав основой своей коллективной международной стратегии в его рамках борьбу за политические права и гражданские свободы в странах социализма.

Созыв СБСЕ стал тем политическим Рубиконом, за которым западные страны стали использовать лозунги защиты либеральных политических прав и гражданских свобод в качестве важнейшего компонента их коллективной международной стратегии в отношении стран социализма (подробнее см. 1). Именно в 1980-1990 гг., по мнению вице-президента Фонда Карнеги Томаса Корозерса, в Соединённых Штатах «возникла идея поддержки демократии за рубежом» [6].

Западные страны резко активизировали использование различных форм публичной дипломатии, в её проведение стали вовлекаться высокопоставленные государственные деятели, официальные лица, профессиональные дипломаты и маститые учёные. Многие заявления официальных лиц стали адресоваться не столько политикам-профессионалам, сколько общественному мнению с целью создания в нём желанных представлений по тем или иным вопросам международной жизни.

К финансированию программ поддержки демократии в других странах подключились Государственный департамент, Агентство по международному развитию и Национальный фонд развития демократии США. Резко активизировали свою деятельность в этой области различные национальные и международные неправительственные организации - *Amnesty International*, *Human Rights Watch*, *International Society for Human Rights*, *Freedom House*, Фонд Фридриха Эберта, Фонд Конрада Аденауэра, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, фонд «Открытое общество», Фонд Форда и другие.

Во многих социалистических странах появились Хельсинкские группы правозащитников. Учреждённое в 1982 г. *Международное общество за права человека*, создавшее в последующем в различных странах мира 35 своих отделений, сосредоточило свою деятельность в основном на нарушениях прав человека в странах Восточного блока. Его членами являлись канцлер ФРГ Людвиг Эрхард, бывший австро-венгерский кронпринц Отто фон Габсбург, генеральный прокурор Германии Людвиг Мартин и другие ведущие государственные и политические деятели Запада.

В ходе Хельсинкского процесса произошла консолидация циркулирующих в медийном пространстве Запада политических идей, которые приобрели определённое идеологическое единство. Это случилось, в частности, за счёт формирования крупных частных национальных и международных информационных холдингов и корпораций, которые стали методично вытеснять с медийного рынка средства информации, способные служить трибуной для альтернативных точек зрения. Постепенно с медийного оборота фактически исчезла партийная печать. В результате без формального ограничения политических прав и гражданских свобод в западном обществе удалось сформировать общий идеоло-

гический и пропагандистский «мейнстрим», который существует и поныне. Контроль крупнейших корпораций был постепенно распространён и на научные издания по проблемам экономики, политологии, истории, социологии, международных отношений и других общественных наук. Введённое в них рецензирование предлагаемых к публикации статей стало своеобразной формой цензуры, исключающей возможности издания трудов, не вписывающихся в такой «мейнстрим».

Приоритет в борьбе за утверждение политических прав и гражданских свобод человека сдвинулся от реализации этих прав и свобод внутри западных стран к их продвижению в другие государства, придав им тем самым неолиберальный, ориентированный вовне характер.

Политические и гражданские права и свободы в современном мире

Политические порядки, сложившиеся в западных странах, преподносятся как «конец истории», как совершенные, не требующие каких-либо изменений, не подлежащие критике и служащие исключительно образцом для подражания другими странами. По этой причине вопросы обеспечения прав и свобод человека в самих западных странах выведены за пределы «мейнстрима» публичных и научных дискуссий.

Принципы защиты прав и основных свобод человека закреплены в многочисленных документах международных организаций, начиная с Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Ныне существует свыше 200 разработанных только в рамках ООН международных инструментов по правам человека [18, р. 129-142].

Они касаются обеспечения права на жизнь, на свободу и безопасность, предотвращения преступлений геноцида, апартеида, этнических чисток, пыток, торговли людьми, военных преступлений и преступлений против человечности, ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации, основанных на религии и вере, всех форм расовой дискриминации, обеспечения прав женщин, детей, коренных народов, беженцев, мигрантов и членов их семей, заключённых, жертв преступлений и злоупотреблений властью, права на мир, развитие, справедливый суд, противодействие рабству, использованию принудительного труда. Существует широкий спектр социальных, экономических, культурных прав и свобод человека, которые далеко не исчерпываются только и исключительно политическими правами и гражданскими свободами.

Политические структуры общества, лоббирующие и защищающие интересы коммерческих компаний, не могут отстаивать социально-экономические ценности и иные неполитические требования граждан, удовлетворение которых негативно сказывается на прибылях частных компаний. Они оставляют борьбу за удовлетворение этих ценностей и требований своим

■ Мировая политика

левым и центристским внутривластным оппонентам и не склонны включать их в «универсальные» ценности.

В Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, принятую 4 ноября 1950 г. и являющуюся основополагающим документом Совета Европы, экономические и социальные права, например, не включены, так как «вызывали слишком много споров, и было трудно обеспечить их практическую реализацию» [3, с. 489]. Принятая через 10 лет Европейская социальная хартия не является базовым документом Совета Европы, её участниками стали далеко не все европейские государства, её положения в перечень универсальных ценностей Совета Европы не входят. Потенциал Хартии остаётся не реализованным из-за недостатка «политической воли как на этапе, когда Хартия ещё только разрабатывалась, так и после её принятия» [3, с. 489-490].

Утверждение всего комплекса перечисленных прав и свобод человека является важной и постоянной задачей каждой страны и современного сообщества государств и народов. Искреннее стремление к наиболее полному их обеспечению должно выражаться не столько в ритуальных заявлениях о приверженности им, сколько в долгосрочной системной работе всех государственных институтов, законодательных органов и организаций гражданского общества в этом направлении, в пересмотре приоритетов бюджетной политики, в соответствующей переориентации моделей социально-экономического развития государств с неolibеральных на социально ориентированные и во многих других мерах. Однако в большинстве западных стран этого не происходит.

В течение нескольких десятилетий крупной политической проблемой в США, вокруг которой идут острые политические баталии, остаётся обеспечение медицинского страхования для граждан страны. В одной из богатейших стран мира насчитывается несколько десятков миллионов граждан, относимых статистикой к числу бедных или живущих в нищете, большое число бездомных людей, в обществе сохраняются элементы расовой дискриминации, зафиксированы многочисленные факты пыток заключённых. Наряду с углубляющимся процессом обнищания большинства населения США в стране наблюдается концентрация богатства у наиболее состоятельной части населения: 1% самых богатых американцев принадлежит сегодня более 1/3 национального капитала, а 10% населения обладает более чем 70% совокупного богатства [2]. США не присоединились к ряду международных соглашений, касающихся, например, обеспечения прав женщин, детей, инвалидов. При этом наблюдается постоянное наращивание военных расходов в США, которые составляют примерно треть подобных расходов в мире.

Приверженность американских властей обеспечению прав и свобод человека следует

подкреплять не столько ритуальными политическими декларациями, сколько конкретными статьями государственного бюджета. По мнению Томаса Карозерса, вице-президента американского Фонда Карнеги за международный мир, Соединённые Штаты оказываются в уязвимом положении, предлагая себя в качестве образца для подражания. «Многие американцы уже готовы признать, - заключил он, - что образ США как модели эффективной демократической системы сильно устарел» [6].

По данным Евростата, свыше 123 млн европейцев оказались за чертой бедности. По мнению российского учёного К.В. Воронова, неolibеральная политика «жёсткой экономии» ЕС привела на фоне стремительного обогащения транснациональных корпораций и крупных банков к громадным человеческим издержкам, к исчезновению промышленности во многих странах-членах ЕС, «растворению» среднего класса, ухудшению уровня жизни населения [2].

Международно-правовые доктрины защиты прав и свобод человека, отстаиваемые либеральными кругами на Западе, делают упор на защите граждан от покушений государства на их политические права и свободы. Они требуют от государства принять на себя односторонние обязательства по их обеспечению в отношении всех лиц, находящихся под их юрисдикцией. При этом всемерно культивируется идея неограниченной свободы и независимости человека в обществе, воспеваются и поощряются его индивидуализм и эгоцентризм, которые на практике делают отдельных граждан беззащитными перед манипуляциями их сознанием средствами массовой информации, находящимися под контролем крупного капитала и формирующих общественное мнение таких индивидуумов в желанном духе.

Устанавливая рамки поведения государств в отношении своих граждан, правозащитные законы призваны гарантировать им свободу политической деятельности и возможность в случае необходимости легально бороться против правительственной политики, неудобных политических деятелей и структур, государственных властей и институтов. В этом состоит главная идея западного понимания прав человека, основных свобод и универсальных ценностей.

Во «Всеобщей декларации прав человека» подчёркивается, что граждане должны нести обязательства только перед таким обществом, в котором обеспечиваются возможности полного и свободного развития их личности. Ограничения на реализацию прав человека должны закрепляться в законодательном порядке и исходить из необходимости признания и уважения прав других граждан и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и благосостояния в демократическом обществе [18, р. 25].

Далеко не всегда безграничное пользование политическими правами и гражданскими

свободами человека способствует удовлетворению этих требований, которые должны учитывать также ценности всего международного цивилизационного багажа, включая старокитайскую классическую философию, католицизм, ислам, буддизм, православие, синтоизм, иудаизм и т.п. Формализованные «европейские ценности», не учитывающие их, воспринимаются большинством населения Земли как неуниверсальные и небесспорные, а справедливые требования морали, общественного порядка и благосостояния оцениваются им по-иному, чем в западных странах [8].

Усилия по декларативному обеспечению исключительно политических прав человека и гражданских свобод, на которые делает упор политическая элита западных стран, не только недостаточны, но и ущербны, так как фокусируют внимание не на существовании прав человека, а на возможностях использования некоторых из них в собственных политических и экономических интересах. Поэтому при всей бесспорной важности и необходимости обеспечения этих прав и свобод человека в современном обществе считать только их универсальными человеческими ценностями не представляется возможным.

Серьёзным подспорьем в борьбе за изменение понимания универсальных человеческих ценностей является 15-летний опыт осуществления мировым сообществом государств под эгидой ООН Целей развития тысячелетия (ЦРТ), которые включали в себя комплекс важнейших социально-экономических, экологических, здравоохранительных, образовательных ценностей, одобренных лидерами подавляющего большинства государств мира в качестве приоритетных. В новую 15-летнюю программу устойчивого развития человечества, принятую ООН в 2015 г., включены дополнительные ценности, которые рассматриваются международным сообществом государств как важнейшие. Было бы естественным, если бы они наряду с политическими и гражданскими правами человека вошли в обновлённое понимание универсальных человеческих ценностей.

Неолиберальные ценности

в международной стратегии Запада

Коммунистический вызов либеральным ценностям прав и свобод человека перестал быть актуальным, ныне отношения между государствами выстраиваются в рамках мирохозяйственных связей, подчиняющихся законам рыночной экономики. В новых условиях западные страны основное внимание сфокусировали на качестве демократических режимов в других государствах и на усилиях по их трансформации по аналогии с западным.

В июне 2000 г. в Варшаве по инициативе государственного секретаря США М. Олбрайт в присутствии представителей 106-ти государств была учреждена новая *международная организация «Сообщество демократий»* с целью укреп-

ления демократических норм и институтов во всём мире совместными усилиями правительств, гражданского общества и частного сектора (14). С 2015 по 2017 гг. функции председателя в ней выполняют США. Появилось большое число и других новых правозащитных организаций, в частности, учреждённая в 2000 году *Ассоциация институтов прав человека*, занявшаяся исследовательской и образовательной деятельностью в сфере прав человека.

К продвижению западной идеологии прав человека и основных свобод на межгосударственном уровне подключаются НАТО, ЕС, ОБСЕ, Совет Европы и другие международные организации, при этом западные страны руководствуются далеко не альтруистскими соображениями, а холодным расчётом на обеспечение своих фундаментальных интересов на международной арене.

Высокоразвитые страны Северной Америки, Западной Европы и других континентов, образующие элитарный «Клуб богатейших государств» (их причисляют к «золотому миллиарду» по примерной численности населения), заинтересованы в дальнейшем укреплении своих доминирующих и привилегированных позиций в мировой экономике и политике, благодаря которым состояние 1% самых богатых людей Земли (72 млн человек), проживающих в основном в странах, считающих себя самыми непримиримыми и бескорыстными борцами за права и свободы человека, составляет 125 трлн долларов и превышает средства, которыми располагают остальные 99% населения Земли [10]. Случайным совпадением это не назовёшь.

По данным международной некоммерческой организации «Оксфам», 62 самых состоятельных человека планеты владеют таким же объёмом богатств, как и беднейшие 3,5 млрд населения планеты, причём с 2010 г. их состояние увеличилось на 44%, а состояние беднейшей части населения уменьшилось более чем на 1 трлн долларов [11]. Прослойка людей, находящаяся между очень бедными и богатыми, становится всё тоньше в количественном отношении [7]. Между тем, бедность и нищета являются серьёзнейшим препятствием на пути полной реализации прав и свобод человека. Если руководствоваться стремлением обеспечить эти права и свободы в наиболее полной мере, то, очевидно, необходимо корректировать глобальные тенденции распределения материальных благ и ценностей.

Беднейшее население планеты проживает в основном в государствах, относимых к «мировой периферии» или «развивающимся рынкам» и рассматриваемых политическим Западом в качестве объектов его дальнейшей экономической экспансии. К их числу относятся такие страны как Китай, Индия, Россия, Бразилия, Южная Африка, многие бывшие развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, а также новые независимые государства на постсоветском пространстве.

В мировой политике постепенно оформляется новое основное проти-воречие между фундаментальными интересами этих двух основных групп государств, которое оказывает возрастающее влияние на современную систему международных отношений. Интересы этих групп государств часто не просто не совпадают, но нередко приобретают конфликтный характер. Их представления о приоритетных задачах, которые они должны решать в ходе экономического развития и участия в процессах интеграции и глобализации, часто противоречат друг другу.

Решающая роль в обеспечении своих привилегированных условий на мировых рынках принадлежит культивированию государствами «золотого миллиарда» неолиберальной концепции развития рынков и навязыванию её странам «мировой периферии». Ключевым аспектом этой концепции является обеспечение свободной конкуренции между экономическими игроками на рынке и максимальное сокращение регулирующей роли государства. В таких условиях менее конкурентоспособные компании в странах с развивающимися рынками, лишённые государственной поддержки, обречены на вытеснение или поглощение более конкурентоспособными западными компаниями или на занятие на нём обслуживающего их интересы положения.

Неолиберальная концепция развития рынка, которая не предусматривает государственной поддержки развития отечественного производства и его защиты от конкуренции, призвана обеспечивать экономическую экспансию западных компаний на новые экономические пространства и установление на них своего доминирующего положения, а продвижение неолиберальных ценностей прав и свобод человека – создавать для неё благоприятные политические условия в странах-объектах такой экспансии. Подобная внешнеэкономическая экспансия отличается от политики прежних колониальных империй лишь методами и инструментами достижения поставленных целей, но никак не самими целями. Таким образом обеспечивается дальнейшее перераспределение мирового богатства в пользу государств «золотого миллиарда», что способствует прогрессирующему обострению глобальных проблем человечества, включая проблему международного терроризма.

Одним из таких инструментов в новых условиях стала увязка вопросов обеспечения европейской и международной безопасности с перспективами превращения государств с развивающимися рынками в демократии-единомышленники. Опираясь на презумпцию, что «демократии друг с другом не воюют», политический Запад стал исходить из необходимости трансформации политических режимов во всех европейских странах по образцу и подобию западных демократий ради обеспечения европейской безопасности.

«Наша стратегическая цель, – писал в своём меморандуме от 17 октября 1993 г. Строби Тэл-

ботт, заместитель государственного секретаря США, – интеграция Центральной Европы и бывшего Советского Союза в Североатлантическое сообщество» [1, с. 176]. Превращение блока НАТО в ядро будущей системы европейской безопасности стало основой стратегии западных стран по окончании холодной войны». «Оставляя двери для членства открытыми, – подчёркивал американский эксперт Шон Кей, – НАТО брала на себя обязательство помочь всем заинтересованным посткоммунистическим странам изменить свои политические и экономические системы на подобные западным» [15, Р. 73].

Подчеркнув, что теперь главной задачей Североатлантического альянса стала не защита территории, а объединение стран, разделяющих аналогичные ценности и интересы, американские эксперты Иво Даалдер и Джеймс Голдгейер пришли к заключению, что «следующим шагом НАТО должно стать открытие своих дверей для членства любого демократического государства в мире, которое желает и готово внести вклад в исполнение новых обязанностей альянса» [15, р. 106]. Один из этих авторов представлял США в Совете НАТО.

Решающее значение для присвоения той или иной стране «знака демократического качества» приобрёл приход к власти в ней тех политических сил, которые являются идейными единомышленниками Запада и готовы подключить свои страны к НАТО [1, с. 140]. Организация «цветных революций» в различных странах мира с целью смены в них политических режимов на отвечающие критериям Запада демократии преподносится как искренняя забота о стабильности европейской и международной безопасности. Опыт таких революций получили Грузия, Молдова, Киргизия и Украина на постсоветском пространстве, некоторые балканские государства, Ирак, Тунис, Ливия, Египет, Сирия в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Унификация внутриполитических режимов в различных государствах по образцу и подобию западных стран должна вылиться в установление нового мирового порядка во главе с США и организационно закрепить за ними статус единственной «супердержавы», лидера и высшего судьи современного мира. Поэтому список стран, которых будут переделывать в демократии-единомышленники, далеко не исчерпан. При этом использование насильственных методов таких «демократических» преобразований отнюдь не исключается.

Об этом свидетельствует разрабатываемая западными политологами концепция «гуманитарных интервенций», которые, как считают некоторые из них, могут опираться на «американскую исключительность и уникальную ответственность» и совершаться США по моральным соображениям без санкций Совета Безопасности ООН [16]. В современных условиях гуманитарное вмешательство и «обязанность защищать» (responsibility to protect), по мнению Томаса

Вайсса, якобы, «перевешивает государственный суверенитет при спасении страдающих людей» [19, р. 86].

После окончания холодной войны и до событий «арабской весны» США использовали военную силу «в гуманитарных целях» в Ираке в 1991 г., Сомали (1992 г.), Гаити (1994 г.), Боснии и Герцеговине (1994-1995 гг.), в Косово (1999 г.) [19, р. 86]. Преступные бомбардировки Сербии силами НАТО были также отнесены к числу гуманитарных интервенций. Такого типа вмешательство в дела суверенных государств, справедливо считает Мишель Тусан, больше похоже на колониализм, чем на бесстрастный гуманизм [19, р. 84].

В своём послании «О положении страны» в 2015 г. президент США Б. Обама заявил: «Вопрос не в том, руководит ли Америка миром, а в том, как она это делает. Мы обеспечиваем свои лидирующие позиции тогда, когда соединяем нашу военную силу с искусной дипломатией, сочетаем нашу мощь с образованием коалиций... Конечная опора нашего лидерства – это привлекательность наших ценностей. Это то, что делает нас сильными и исключительными...» [17].

Если ценности столь привлекательны, зачем подкреплять их распространение военной мощью и искусной дипломатией, прибегать к мерам силового принуждения к демократии других народов, насильственному отстранению от власти или физическому уничтожению их политических лидеров? Западные крестоносцы демократии заставляют народы, не спрашивая их согласия, оплачивать установление в их странах политических прав и гражданских свобод западного типа руинами разрушенных городов, жизнями десятков тысяч граждан, сотнями тысяч беженцев. Научный директор Центра российских и евразийских исследований шведского университета города Упсала Стефан Хедлунд считает, что малая результативность основанных на ценностях вмешательств в дела других государств объясняется тем, что под «универсальными» ценностями имеются в виду западные ценности.

Тем не менее, американское лидерство в этой сфере, обеспечивающее гарантии сохранения привилегированных позиций западного капитала на мировых рынках, всячески приветствуется и поддерживается руководителями высокоразвитых стран «золотого миллиарда», проявляющими неизменную идеологическую и политическую солидарность со своими американскими патронами.

Политические права и гражданские свободы человека в рамках ЕС получили обязывающее оформление и закрепление как универсальные европейские ценности. Они стали частью Копенгагенских критериев членства государств в ЕС, без соблюдения которых страна не может войти в состав Европейского союза. Обязательный характер приобрели также положения Хартии

основных прав Европейского союза, решения Суда ЕС и Суда Совета Европы по правам человека, которые трактуются как носящие экстра-территориальный характер. Лиссабонский договор ввёл механизм политического контроля за их применением и возможности наложения серьёзных санкций за отступление от них. «В итоге ценности, - заключал российский учёный И.Д. Иванов, - ...становятся аксиоматическими, априорными, рассчитанными не на убеждение, а на принуждение партнёра» [5, с. 15].

В недавно опубликованном «Комитетом Европейского союза» палаты лордов британского парламента сборнике справедливо констатируется: «Ценности ЕС являются неотъемлемой частью его силы, на которые он опирается при достижении своих внешнеполитических целей» [13]. Начав с предоставления 77-ми странам Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (АКТ) безвозмездной помощи, односторонних внешнеэкономических преференций и льготных кредитов, поспособствовав развитию в них частного предпринимательства и горнодобывающих отраслей промышленности, представляющих наибольший интерес для западноевропейских компаний, ЕС перешёл с 1995 г. к выдвижению странам АКТ политических требований уважать демократические ценности, верховенство закона и права человека, естественно, в западном их понимании. Более того, теперь ЕС предусматривает санкции против государств, нарушающих права человека и демократические принципы вплоть до полной приостановки действия программ помощи им [4, с. 456-458]. При этом право на внешний аудит состояния прав человека и основных свобод ЕС оставляет за собой.

Осуществляя политику экспорта демократии западного образца в другие страны «ЕС руководствуется в мире своими функциональными интересами, а не духовными побуждениями», - делает вывод итальянский социолог В. Сала, причём идеалы здесь явно пасуют перед интересами ЕС, а убеждение и мессианство – перед принуждением [5, с. 15].

Среди российских либералов распространено мнение, что именно в западном обществе в центре внимания и забот государственной власти стоит человек и его интересы, в отличие от стран, в которых основное внимание, якобы, уделяется обеспечению интересов государства. Вряд ли при этом они в состоянии членораздельно объяснить побудительные мотивы, механизмы и движущие силы перерождения общества, основанного на погоне за коммерческой прибылью, в образец гуманизма и бескорыстной заботы об обеспечении всеобъемлющих прав и свобод человека, удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и благосостояния. Изложенные здесь соображения позволяют усомниться в правомерности утверждений, что такое перерождение имело место.

Список литературы

1. Воронков Л.С. Хельсинкский процесс и европейская безопасность. Что дальше? М.: Издательство «МГИМО-университет», 2012. 320 с.
2. Воронов Константин: Политэкономический неолиберализм Евросоюза — пагубный садомазохизм «жёсткой экономии». // ИА REGNUM. 14.09.2014. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1847122.html> (проверено 25.05.2016)
3. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. Пер. с англ. / Гомьен Д., Зваак Л., Харрис Д.; Науч. ред.: Архипова Л.Б. М.: Изд-во МНИМП, 1998. 600 с.
4. Европейская интеграция. Под ред. О. Буториной. М.: Издательский дом «Деловая литература», 2011. 720 с.
5. Иванов И.Д. Анатомия европейских ценностей // Современная Европа. 2012. № 2. С. 13-24.
6. Карозерс Т. Американской демократии тоже нужна поддержка. //Московский Центр Карнеги. 16.02.2016. URL: http://carnegie.ru/2016/02/16/ru-62778/1u1z?mkt_tok=3RkMMJWWf9wsRovKvAZKXonjHpfsX66O8rWqSg38431UFwdcjKPMjr1YoARcF0aPyQAgobGp5I5FEIQ7XYTLB2t60MWA%3D%3D (проверено 25.05.2016)
7. Колпинец Е. Маски новой бедности. // PRM. The Prime Russian Magazine. 24.02.2016. URL: http://primerussia.ru/article_materials/648 (проверено 25.05.2016)
8. Лукин А. Почему свобода слова в западном обществе - не более чем идеологическое клише. // Интернет-портал «Российской газеты». 19.02.2016. URL: <http://rg.ru/2016/02/19/specialisty-priznali-otsutstvie-svobody-slova-v-zapadnom-obshchestve.html> (проверено 25.05.2016)
9. Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн. М.: «Р.Валент», 2012. 412 с.
10. Состояние 1% богачей превысило половину всех средств мира. // Slon Magazine – онлайн-журнал об экономике и политике. 18.01.2016. URL: <https://slon.ru/posts/62617> (проверено 25.05.2016)
11. An Economy For the 1%. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped. // Oxfam International. URL: <https://www.oxfam.org/en/research/economy-1> (проверено 25.05.2016)
12. Daalder I., Goldgeier J. Global NATO. // Foreign Affairs. September / October 2006. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2006-09-01/global-nato> (проверено 25.05.2016)
13. Europe in the world: Towards a more effective EU foreign and security strategy. House of Lords. European Union Committee. 8th Report of Session 2015–16. Ordered to be printed 9 February 2016 and published 16 February 2016. 86 p.
14. Global intergovernmental coalition of states devoted to the ideas of democracy. URL: <http://www.community-democracies.org/> (проверено 25.05.2016)
15. Recchia S. Soldiers, Civilians, and Multilateral Humanitarian Intervention // Security Studies. Vol. 24 (2). 2015. Pp. 251–283.
16. Sean K. What Went Wrong with NATO? // Cambridge Review of International Affairs. 2005. Vol. 18. No. 1 (1). April Pp. 69-83.
17. State of the Union. 2015. // Cable News Network. 21.01.2015. URL: <http://edition.cnn.com/2015/01/20/politics/state-of-the-union-2015-transcript-full-text/index.html> (проверено 25.05.2016)
18. The United Nations and Human Rights. 1945-1995. The United Nations Blue Books Series, Vol. VII. Department of Public Information. United Nations, New York, 1995. 54 p.
19. Tusan M. Humanitarianism, genocide and liberalism // Journal of Genocide Research. 2015. Vol. 17. No. 1. Pp. 83-105.

Об авторе

Воронков Лев Сергеевич – д.и.н., профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №. 14-07-00054.

HUMAN RIGHTS, FUNDAMENTAL FREEDOMS AND UNIVERSAL VALUES IN INTERNATIONAL RELATIONS

L.S. Voronkov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The author analyzes the evolution of human rights and fundamental freedoms in domestic political life of individual states and in international relations as well over the latest two centuries. The article traces the role of struggle for liberal political human rights and civilian freedoms in the dismantling of the feudal-absolutist regimes as well as the challenges of radical left-wing (communist) and far right-wing (national-socialistic) threats to be met by the supporters of liberal political rights and civil freedoms in the interwar period. The list of human rights and fundamental freedoms had constantly been updating in the postwar period, including by the efforts of the UNO and other international organizations, and fixing in different international documents. The author emphasizes the import role of the Conference on Security and Cooperation in Europe (CSCE) in transforming the issues of human rights and fundamental freedoms into the essential element of public diplomacy of contemporary states. He traces the process of the increasing utilization of liberal political rights and civilian freedoms, which are usually the effective tools for domestic democratic transformation, within the framework of diplomatic practice of European and North-American states, aimed at ensuring their political and economic interests on the world stage. In this regard the author addresses the attempts of Western countries to legalize "humanitarian" interventions in circumvention of the UN Security Council. The article emphasizes the necessity to replenish the understanding of universal human rights and freedoms by the values, developed both by the international community within the framework of implementing the Millennium Development Goals and by various countries and peoples, which in sum constitute the modern international civilizational baggage.*

Key words: human rights, fundamental freedoms, universal values, UNO, Council of Europe, CSCE, human rights organizations, humanitarian interventions, public diplomacy.

References

1. Voronkov L.S. *Khelsinskyi prozess i evropeiskaya bezopasnost. Chto dalshe?* [Helsinki process and European security. What's next?]. Moscow: «MGIMO-University», 2012. 320 p. (In Russian)
2. Voronov K. Politekonomicheskii neoliberalizm Evrosoyuza – pagubnyi sadomazokhizm «zhestkoi ekonomii» [EU Political and economic neoliberalism – sado-masochism of "austerity"]. *IA REGNUM*, 14.09.2014. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1847122.html> (Accessed 25.05.2016). (In Russian)
3. *Law and practice of the European Convention on Human Rights and the European Social Charter*. Ed. by D. Gomien, D. Harris, L. Zvaak. Council of Europe, 1998. 480 p. (Russ. ed.: *Evropeiskaya konvenziya o pravakh cheloveka* | *Evropeiskaya sotsialnaya khartiya: pravo i praktika*. D. Gomien, D. Harris, L. Zwaak. Scient. ed. Arkhipov L.B. Moscow, MNIMP Publ., 1998. 600 p.)
4. *Evropeiskaya integratsiya* [The European Integration]. Ed. by O. Butorina. Moscow, Izdatel'skii dom «Delovaia literatura», 2011. 720 p. (In Russian)
5. Ivanov I. D. Anatomiya evropeiskikh zennostei [Anatomy of European values]. *Sovremennaya Evropa*, no. 2, April-June, 2012, Pp. 13-24. (In Russian)
6. Carothers T. Look Homeward, Democracy Promoter. *Foreign Policy*. 27.01.2016. (Reprint: *Amerikanskoi demokratii tozhe nuzhna podderzhka* [American democracy also needs support]. URL: http://carnegie.ru/2016/02/16/ru-62778/ru1z?mkt_tok=3RkMMJWWfF9wsRovuKvAZKXonjHpfsX66O8rWqSg38431UFWdcjKPMjr1YoARCF0aPyQAgobGp5l5FEIQ7XYTLB2t60MWA%3D%3D (Accessed 25.05.2016). (In Russian)
7. Kolpinez E. Maski novoi bednosti [New poverty masks]. *PRM. The Prime Russian Magazine*, 24.02.2016. URL: http://primerussia.ru/article_materials/648 (Accessed 25.05.2016). (In Russian)
8. Lukin A. Pochemu svoboda slova v zapadnom obshestve – ne bolee chem ideologicheskoe clishe [Why freedom of speech in Western society is no more than an ideological clichés]. *Internet-portal «Rossiiskoi gazety»*. 19.02.2016. URL: <http://rg.ru/2016/02/19/specialisty-priznali-otsutstvie-svobody-slova-v-zapadnom-obshchestve.html> (Accessed 25.05.2016). (In Russian)
9. *Rossiia i Evropa. Epokha napoleonovskikh voyn* [Russia and Europe. The era of the Napoleonic wars]. Moscow, R.Valent Publ., 2012. 412 p. (In Russian)

■ Мировая политика

10. *Sostoyanie 1% bogachei prevysilo polovinu vseh sredstv mira* [Funds of 1% of the rich has exceeded half of the total funds in the world]. *Slon Magazine*, 18.01.2016. URL: <https://slon.ru/posts/62617> (Accessed 25.05.2016). (In Russian)
11. *An Economy For the 1%. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped*. *Oxfam International*. URL: <https://www.oxfam.org/en/research/economy-1> (Accessed 25.05.2016).
12. Daalder I., Goldgeier J. Global NATO. *Foreign Affairs*. September – October 2006. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2006-09-01/global-nato> (Accessed 25.05.2016).
13. *Europe in the world: Towards a more effective EU foreign and security strategy*. House Of Lords. European Union Committee. 8th Report of Session 2015–16. Ordered to be printed 9 February 2016 and published 16 February 2016. 86 p.
14. *Global intergovernmental coalition of states devoted to the ideas of democracy*. URL: <http://www.community-democracies.org/> (Accessed 25.05.2016).
15. Recchia S. Soldiers, Civilians, and Multilateral Humanitarian Intervention. *Security Studies*. 2015. Vol. 24 (2). Pp. 251–283.
16. Sean K. What Went Wrong with NATO? *Cambridge Review of International Affairs*. 2005. Vol. 18. no. 1 (1). Pp. 69–83.
17. *State of the Union 2015*. URL: <http://edition.cnn.com/2015/01/20/politics/state-of-the-union-2015-transcript-full-text/index.html> (Accessed 25.05.2016).
18. *The United Nations and Human Rights. 1945-1995*. The United Nations Blue Books Series, Vol. VII. Department of Public Information. United Nations, New York, 1995. 54 p.
19. Tusan M. Humanitarianism, genocide and liberalism. *Journal of Genocide Research*. 2015. Vol. 17, no. 1. Pp. 83–105.

About the author

Lev S. Voronkov – Doctor of History, Professor of the Chair of Integration processes, MGIMO-University.
E-mail: vestnik@mgimo.ru.

ПОЛИТИКА ВЕНГЕРСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Л.А. Юрасова

Управление Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан. Россия, 103132, Москва, ул. Ильинка, 23.

В статье раскрываются различные аспекты деятельности правительства В. Орбана по укреплению экономического суверенитета Венгрии. Преодоление мирового экономического кризиса потребовало от венгерского руководства взвешенных и продуманных решений. Пакет мер по активизации экономики включал в себя реформу правового обеспечения экономической политики государства, внедрение умеренно протекционистских мер и диверсификацию внешнеэкономической деятельности.

Правительство Орбана успешно провело конституционную реформу, которая не только позволила консолидировать ряд важных полномочий для ведения экономической политики, но и обеспечила гармонизацию действий всех ветвей власти. Кроме того, перенос в сферу конституционного регулирования вопросов макроэкономической политики и политики внешних заимствований обусловил стабилизацию валютно-финансовой сферы.

Для сохранения позитивной динамики роста экономики правительство пошло на расширение государственного сектора в чувствительных секторах экономики, повысило налоги для крупного бизнеса и снизило кредитную нагрузку на население. Эти меры позволили стимулировать внутренние источники роста экономики, повысить ёмкость внутреннего рынка.

С целью снижения зависимости Венгрии от общеевропейской экономической конъюнктуры В. Орбан провозгласил политику «открытия на восток», которая заключается в налаживании торговых связей с КНР и Россией.

Как экономическая обоснованность, так и политическая целесообразность данной правительственной программы оспаривались наднациональными органами ЕС, так что венгерскому руководству пришлось отстаивать свою точку зрения, иногда в предельно жёсткой форме. Рост самостоятельности и прагматизма европейских государств имеет большое значение для будущего Европы.

Ключевые слова: неортодоксальная экономическая политика, экономический суверенитет, открытие на восток, В. Орбан.

Сегодня Европа стоит перед исключительно важным историческим выбором. Речь идёт о суверенитете ЕС как регионального объединения и метагосударства и, в то же время, о судьбе каждой из наций Евросоюза. События последних лет показали высокую степень зависимости Евросоюза от США, а с вступлением в силу договора о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве (ТТИП) эта зависимость ещё более усилится. Сейчас очень важно понять, кто в Европе отстаивает суверенитет собственной нации, а, соответственно, и суверенитет Европы, а кто готов им жертвовать и интересами ЕС в целом. Не менее важно понять, как идёт борьба между сторонниками этих двух линий.

С этой точки зрения одним из наиболее проблемных членов для Брюсселя стала Венгрия. После двух сроков правления социал-либерального правительства (2002–2010 гг.), которое закончилось финансово-экономическим фиаско, к власти пришли национал-консерваторы под руководством Виктора Орбана и партии «Фидес». И, в отличие от своих предшественников, подняли проблему национального, а точнее, экономического суверенитета Венгрии. К осознанию реальности утраты экономической самостоятельности консерваторов подтолкнули кризисные явления 2008–2009 гг. Актуализировался и долговременный вопрос о полной потере экономической независимости вследствие процессов глобальной и региональной интеграции, которые неизбежно сопровождаются передачей национальным государством некоторых своих традиционных функций наднациональным институтам.

Но венгерский премьер-министр уверен, что будущее есть только у суверенной страны. «Те страны, которые в этой чрезвычайно сложной ситуации в мире, в которой мы живем, не способны ясно формулировать свои интересы, не развивают институты и инструменты, чтобы защитить эти интересы, которые не ищут друзей и партнёров, чтобы затем реализовать эти интересы, которые ждут, что кто-то другой им поможет, ... такие страны погибнут» [70]. Более того, по мнению Орбана, лишь суверенная Венгрия может защитить венгров, живущих в соседних странах [79].

Именно поэтому, получив конституционное большинство в парламенте в апреле 2010 г., Орбан провёл реформы по укреплению президентской власти и усилению экономического суверенитета Венгрии. Соблюдая в полной мере демократические процедуры, премьер создал такие институциональные, правовые, политические и финансово-экономические инструменты, которые обеспечили стране стабильность, а ему – возможность двигаться тем курсом, который способствует экономическому росту, позволяет удерживать бюджетное равновесие и при этом

решать социально-экономические проблемы населения, вызванные кризисом, помогает выживать мелкому и среднему венгерскому предпринимателю. Орбан провёл реформы, которые, с одной стороны, учитывали настроение избирателей, а с другой – работали на повышение устойчивости политической системы. Совпадение интересов большинства избирателей и политической власти обеспечило легитимность проводимым реформам.

Прежде всего, премьер изменил институциональную базу президентской власти – она стала более консолидированной и управляемой. Была проведена конституционная реформа, в рамках которой парламент принял новую конституцию, увеличил количество конституционных законов и законов, имеющих отношение к нормам конституционных законов, утверждение которых требует одобрения двух третей голосов депутатов Государственного собрания, а также изменил полномочия Конституционного суда.

С 1 января 2012 г. в стране действует новая конституция – «Основной закон Венгрии». В неё, наряду с символическими¹, были внесены глубокие изменения, касающиеся вопросов экономической стабильности. И те, и другие вызвали шквал критики со стороны ряда европейских институтов и леволиберальной оппозиции.

В новой конституции признана «роль христианства в сохранении венгерской нации» и ответственность государства за сохранение «интеллектуального и духовного единства» разделённой венгерской нации, а семьёй назван брак между мужчиной и женщиной [55]. Впервые в истории Венгрии конституционно ограничены возможности центрального правительства и местных органов власти по внешним заимствованиям: предельный размер государственного долга не должен превышать 50% ВВП, за исключением кризисных периодов [53].

Новая конституция значительно расширила сферы деятельности государства и жизни венгерского общества, регулируемые конституционными законами. К таковым теперь относятся пенсионная и налоговая системы. Статус конституционных получили законы и отдельные положения законов «О Венгерском национальном банке», «Об организации и управлении судами», «О правовом статусе и вознаграждении судей» «О выборах депутатов Государственного собрания», «О выборных процедурах», «Об основных правилах свободы прессы и СМИ», «Об экономической стабильности Венгрии», «О защите семей», «Об обороте лесных угодий и сельскохозяйственных земель» и др. [4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 15]. Придание этим законам статуса конституционных обеспечивает определённую устойчивость соответствующих институтов к изменениям политической конъюнктуры.

В результате реформы были скорректированы полномочия Конституционного суда (КС),

¹ Например, официальное название страны изменено с «Республики Венгрия» на «Венгрию».

который теперь имеет полномочия отменить или потребовать пересмотра Основного закона или поправок к нему лишь с точки зрения соответствия процедурным нормам процессов их создания, принятия и обнародования. Оценка их содержания по существу исключена из сферы компетенции КС [52]. За КС сохранилось право вето в отношении законов о бюджете и налогах, но только в том случае, если они нарушают фундаментальные права граждан, такие как право на жизнь и человеческое достоинство, право на защиту персональных данных, свободу мысли, совести и религии [54]. Новая конституция не обеспечивает континуитета, и 20-летняя судебная практика КС, опиравшаяся на предыдущую конституцию, более не может быть использована в качестве прецедента: «Решения КС, принятые до вступления в действие новой Конституции, теряют свою силу. Эта норма не касается последствий, вызванных этими решениями» [56].

Согласно новой конституции и другим законодательным нормам, возраст выхода на пенсию сотрудников юстиции был понижен с 70 до 62 лет [13]. Это позволило сменить председателей Конституционного и Верховного судов, Национального совета юстиции, а также существенно обновить судебский состав этих институтов, сделав их более лояльными действующей власти.

Для усиления своих внутривластных позиций Орбан использовал ещё один, как выяснилось, немаловажный ресурс – этнических венгров, проживающих в сопредельных государствах. Проблематика венгро-венгерских отношений всегда звучала в риторике правящих партий новой Венгрии. Однако практические шаги, доказывающие ценность таких отношений, были сделаны только правительством Орбана. Во-первых, как уже упоминалось выше, конституционно закреплена ответственность Венгрии за соотечественников, оказавшихся за пределами страны в результате изменения национальных границ по итогам Первой мировой войны. Во-вторых, был принят закон об упрощённом варианте предоставления гражданства этническим венграм из соседних государств. В-третьих, зарубежные венгры с гражданством исторической родины получили право участвовать в выборах в национальный парламент – они могут голосовать за партийные списки. И хотя ожидания высокого участия зарубежных граждан в апрельских выборах 2014 г. не оправдались – из полумиллиона таких лиц правом голоса воспользовались лишь чуть более 122 тыс. человек – 95,5% проголосовавших отдали свои голоса «Фидес», обеспечив Орбану решающий с точки зрения конституционного большинства 133-й мандат.

Внимание Будапешта к зарубежным венграм – это не просто тактический ход Орбана, это стратегическое направление его внешней политики, что доказывает скандал, разразившийся в июне 2015 г. Тогда на парламентских слушаниях в комитете по национальной безопасности был

представлен отчёт о деятельности венгерской внешней разведки. Руководитель администрации премьер-министра Я. Лазар, курирующий это ведомство, заявил, что Венгрия вела разведывательную деятельность на территории Украины, чтобы руководство страны могло обеспечить интересы венгерского государства [59].

Две трети большинства в Государственном собрании позволяют правительству Орбана принимать решения по ключевым вопросам без необходимости согласовывать их с оппозицией, а перевод законов, регулирующих деятельность основополагающих систем государства (судебной, избирательной, банковской), на уровень конституционных освободил парламент от необходимости вносить изменения в случае вердикта Конституционного суда об их несоответствии Основному закону. Так было, например, в случае с положением об обязательной заявительной системе регистрации избирателей. КС признал эту норму противоречащей конституции, тогда закон о выборах получил статус конституционного.

Это первая после смены социально-экономического строя в конституционная реформа, затронувшая идеологические, внешнеполитические и экономические аспекты жизни государства и общества, не изменила основ венгерской политической системы, заложенных в 1989 г. В стране сохранилась парламентская система, тогда как функции президента, парламента и правительства подверглись незначительным изменениям. Например, парламент получил право назначать председателя КС (ранее его избирали сами судьи), а президент – право распускать парламент, если он не принял закон о бюджете до 31 марта. Но, безусловно, описанные реформы работают на централизацию власти и придают институциональную устойчивость политической системе.

Однако, на наш взгляд, наиболее эффективными инструментами политики Орбана по расширению национального экономического суверенитета, а также консолидации власти и общества стали «неортодоксальная экономическая политика», проводимая внутри страны, и политика «открытия на восток» как новый вектор внешнеэкономической политики Венгрии.

Кризис 2008 г. выявил серьёзную уязвимость экономической модели, сложившейся в результате перехода к Венгрии рыночной экономике. Возможности роста такой модели имеют исключительно внешнюю природу – в лице ЕС как главного торгового партнёра и европейских банков как основных источников инвестиций. Падение спроса, прежде всего на рынках Германии, привело к сокращению венгерского экспорта, а значит, источников роста ВВП и пополнения бюджета, а отказ европейских материнских банков финансировать свои венгерские подразделения – к резкому дефициту инвестиций, спекулятивным атакам на форинт и государственные облигации. Попытки Будапешта

■ Мировая политика

шта найти поддержку в Брюсселе и столицах ведущих стран-членов ЕС не увенчались успехом. Кризис поставил точку в ЕС-эйфории венгров. Они более критично и объективно посмотрели на Евросоюз, его возможности и пределы этих возможностей, увидели экономический эгоизм главных игроков ЕС. Всё это подтолкнуло руководство Венгрии к поиску путей решения проблемы чрезмерной финансово-экономической зависимости от Европы, которые свелись, с одной стороны, к созданию внутренних источников роста, а с другой – к поиску новых партнёров на Востоке, диверсификации рынков сбыта и источников инвестиций. Как выразился Орбан в одном из выступлений: «Мы плывём под флагом Запада, но в мировой экономике ветер дует с Востока» [69].

Расширение финансово-экономической субъектности своей страны – основная цель всех реформ Орбана. «Неортодоксальность» экономической политики его правительства заключалась в том, чтобы, во-первых, вместо выполнения рецептов от Брюсселя и МВФ, которые традиционно сводятся к мерам жёсткой экономии за счёт сокращения социальных расходов государства и увеличения налоговой нагрузки на население, ввести дополнительные налоги для ТНК и иностранных банков, заставив их таким образом поделить прибыль с государством, в котором они её получили, а во-вторых, усилить присутствие государства в сферах, жизненно важных для населения и национального бизнеса, в первую очередь, банковской и энергетической.

Правительство провело национализацию средств частных пенсионных фондов, ввело дополнительный налог на банки² и ТНК, работающие в энергетическом и телекоммуникационном секторах, и одновременно снизило налоговую нагрузку на малый и средний бизнес³, легализовало так называемый «серый сектор» экономики, приняло и реализовало программу реструктуризации ипотечных валютных кредитов населения и вернуло рынок коммунальных услуг под контроль государства⁴.

Один из главных уроков, который Орбан вынес из кризиса 2008–2009 гг., заключается в том, что национальный суверенитет базируется на финансовой самостоятельности правительства. Без национальной финансовой системы

нет национальной независимости [44]. Орбан уверен: «Не тот национальный банк независим, который независим от своего народа. А тот, который защищает национальную экономику от чуждых интересов» [67]. Поэтому правительство кардинально изменило ситуацию в банковском секторе, увеличив долю национальных собственников (государственных и частных) в этой сфере с 20 до 53,3%⁵.

Всё это помогло венгерскому правительству опереться на собственные силы и ресурсы и не зависеть от внешних кредиторов.

Справедливости ради мы хотели бы отметить, что полностью отказаться от мер экономии правительству Орбана не удалось. НДС был повышен с 25 до 27% – максимальный показатель в регионе Центрально-Восточной Европы (ниже ЦВЕ), сокращены бюджетные расходы на образование, здравоохранение и общественный транспорт, а в 2013 г. под давлением некоторых европейских столиц снят кризисный налог с телекоммуникационных предприятий и розничных сетей.

И это не популизм, как утверждают критики Орбана, а продуманные социально-экономические реформы, осуществляемые действительно в интересах венгерского населения и венгерского производителя. Именно они и обеспечили Орбану невиданную прежде поддержку населения – во второй раз его партия «Фидес» получила конституционное большинство на парламентских выборах в апреле 2014 г., а затем выиграла выборы в Европейский парламент и в местные муниципалитеты.

В 2012–2013 гг. на пике институциональных и экономических реформ, проводились многочисленные социологические опросы. Их результаты свидетельствуют о широкой поддержке населением выбранного правительством курса. 62% респондентов признали работу правительства Орбана самой результативной, 48% назвали его самым лучшим правительством за последние 11 лет [30]. От 62 до 68% населения поддерживали правительственную программу по оказанию помощи держателям валютных кредитов, 83% были согласны с мерами по сокращению коммунальных платежей для населения [37; 48]. Особенно высока (90%) поддержка населением шагов, которые правительство предприняло для сокраще-

² В 2011 г. был введён дополнительный кризисный налог в размере 0,53% для банков с годовым доходом от 150 млн евро. В соответствии с изменениями налогового законодательства, которые парламент Венгрии принял 23 июня 2015 г., в 2016 г. дополнительный банковский налог будет понижен до 0,31%, в 2017 и 2018 гг. до 0,21% для налогооблагаемой базы свыше 160 млн евро.

³ Налог на прирост капитала был снижен до 16%, а вместо единой ставки корпоративного налога в 16% введена льготная ставка в размере 10% для предприятий с годовым доходом менее 500 млн форинтов (около 1,6 млн евро), для остальных – 19 %.

⁴ Выкупив у немецкого концерна RWE 49,83% акций крупнейшей газосбытовой компании Венгрии FŐGÁZ Zrt., государство стало её монопольным собственником. Это позволило правительству понизить тарифы на газ, свет и тепло для населения.

⁵ В феврале 2015 г. венгерское правительство выкупило акции Банка Будапешта (BB) у General Electric Capital Group (GE Capital), ранее – акции Сберегательного банка (Takarékszövetkezet Bank) и Венгерского внешнеторгового банка (MKB Bank – Magyar Külkereskedelmi Bank) у немецких DZ Bank и Bayerische Landesbank соответственно.

ния эмиграции врачей и специалистов в области здравоохранения [49], а также мер по поддержке семей с детьми [50]. Введение дополнительных кризисных налогов на банки, телекоммуникационные и энергетические предприятия одобрили 61% в декабре 2011 г. и 66% в январе 2012 г. Наименьшую поддержку населения вызвали введение плоской шкалы подоходного налога (30%) и национализация средств частных пенсионных фондов (34%) [36]. И наконец, 83% граждан поддержали определение брака, зафиксированное в новой конституции [82].

Важным доказательством того, что Орбан и его правительство очень внимательно отслеживают и чутко реагируют на настроения населения стала ситуация с налогом на интернет, а точнее, на телефонные разговоры в интернете. Инициатива правительства ввести такой налог в 2014 г. вызвала возмущение и недовольство населения, особенно молодёжи, которая осенью 2014 г. массово вышла на улицы. Популярность правящей «Фидес» в октябре–ноябре снизилась, по различным социологическим опросам, до 35–26%. Протестные настроения были поддержаны оппозицией, заметно активизировавшейся во время тех событий. Орбан и правительство без колебаний отказались от своей инициативы.

Несмотря на жёсткую критику и серьёзное противодействие реформам со стороны Брюсселя, МВФ и ведущих европейских столиц, его социально-экономическая политика оказалась успешной [см. подробнее 1]. Страна смогла вырваться из порочного круга заимствований средств у международных инвесторов на погашение предыдущих долгов, вышла на экономический рост и сократила безработицу⁶. 13 апреля 2016 г. по итогам заседания совета стран ОЭСР В. Орбан заявил, что Венгрии удалось «привести в порядок» долг, появившийся в 2008 г. после займа социал-либерального правительства у ЕС и МВФ. После спада в 2011 и 2012 гг. вновь начал расти приток инвестиций в венгерскую экономику: в 2013 г. он вырос на 5,9%, в 2014 г. – на 18,6%, в 2015 г. – на 0,6% [17; 19; 58]. Бюджетный дефицит удаётся не просто удерживать ниже определённых Маастрихтским договором 3%, а из года в год снижать⁷, не прибегая к мерам жёсткой экономии и повышению налогов для населения и национального бизнеса. Остаётся высоким уровень государственного долга – 75,3% в 2015 г. Но это на 5,3% ниже, чем в 2010 г. и в сравнении со средним показателем по ЕС-28 (85,2%) [58]. Более того, когда в начале 2015 г. швейцарский франк вновь резко подорожал, венгерский опыт решения проблемы ипотеч-

ных кредитов населения получил признание западных экспертов [78] и был использован другими странами ЦВЕ – Польшей, Хорватией, Сербией. Выяснилось, что «неортодоксальная экономическая политика» Орбана, основными «жертвами» которой якобы стали иностранные банки и ТНК, спасла не только людей от потери жилья и обнищания, но и работающие в Венгрии те же самые банки. Ведь в результате так называемой «форинтизации» валютных кредитов населения доля последних в портфеле венгерских филиалов к 2015 г. сократилась настолько, что на фоне укрепления швейцарского франка стоимость акций этих банков, в отличие, например, от польских, выросла⁸. Такая ситуация позволяет центральному банку Венгрии более свободно, не боясь ослабления национальной валюты, регулировать и ставку рефинансирования: в 2014 г. ключевая ставка рефинансирования ВЦБ снизилась до 2,1%, а к концу июля 2015 г. – до 1,35%. [20; 22]. Кредитный рейтинг страны поднялся с «ненадёжного» и «негативного» до уровня «стабильного» (Fitch, S&P) и «позитивного» (Moody's). Страховые издержки венгерских государственных облигаций, по признанию экспертов, постепенно снижаются в сравнении со странами аналогичного уровня экономического развития [78].

Конечно, чрезвычайная открытость венгерской экономики и её интегрированность в экономику ЕС по-прежнему делают Венгрию очень чувствительной к конъюнктуре на европейских рынках, а неустойчивость еврозоны продолжает оказывать на неё негативное воздействие. Стремление скорректировать эту ситуацию определило третий – внешнеэкономический – вектор политики Орбана по укреплению национального суверенитета. Это направление нашло отражение даже в институциональных изменениях – внешнеполитическое ведомство страны было преобразовано в Министерство внешнеэкономических связей и иностранных дел.

Концептуальной основой новой внешнеэкономической политики правительства Орбана, получившей название «открытия на восток», стала задача расширения экономических и финансовых отношений за пределами ЕС. Выступая в августе 2014 г. перед дипломатическим корпусом, Орбан поставил задачу к 2018 г. довести долю венгерского экспорта за пределы Евросоюза с 21 до 30 %, а затем – до 50–55 % [73]. Целевыми регионами этой политики для Венгрии стали (1) азиатские страны и, в первую очередь, усиливающий свои позиции в мировой экономике Китай, (2) постсоветское пространство в

⁶ Темпы роста ВВП Венгрии составили в 2010 г. – 0,8%; 2011 г. – 1,8%; 2013 – 1,9%; 2014 – 3,7%; 2015 – 2,9%. Уровень безработицы в 2013 г. – 10,2%; 2014 г. – 7,8 %; в 2015 г. упал до 6,8% [18; 57].

⁷ Динамика бюджетного дефицита Венгрии, по данным Евростата, в % от ВВП: 2010 г. – 4,5; 2011 г. – 5,5; 2012 г. – 2,3; 2013 г. – 2,4; по данным Центрального статистического управления Венгрии: в 2014 г. – 2,3%, 2015 г. – 1,9%.

⁸ Крупнейший венгерский государственный банк, OTP Bank, имеет в своём ссудном портфеле 3% заимствований в швейцарских франках, крупнейший польский банк PKO – 16%. После укрепления швейцарского франка и обесценения национальных валют акции польского банка упали на 8–12%, а венгерского – выросли на 5%.

■ Мировая политика

лице, прежде всего, России, а также Казахстана, Азербайджана и Грузии и (3) арабский мир. Восстановлены посольства Венгрии в Монголии и Малайзии, в Куала-Лумпуре открыто торговое представительство Венгрии в регионе Юго-Восточной Азии. Сегодня венгерские руководители присматриваются и к африканским странам южнее Сахары и к государствам Латинской Америки: Будапешт намерен открыть пять новых посольств в этих регионах.

На рынки этих регионов Венгрия продвигает свои продукты питания, вино, сельскохозяйственные товары, медицинские инструменты и оборудование, программное обеспечение, технологии, в том числе в сфере очистки сточных вод, услуги в сфере информации и коммуникации, управления водными ресурсами, борется за контракты для своих компаний в электрической и атомной энергетике⁹. Конечно, венгры рассчитывают и на приток инвестиций из этих государств.

Результаты политики «открытия на восток» пока ограничены положительной динамикой во взаимоотношениях Венгрии с этим регионом. Торговое сальдо с азиатскими странами остаётся отрицательным: 3,8 млрд евро в 2014 г. и 4,2 млрд в 2015 г. Вместе с тем, если за 11 месяцев 2014 г. венгерский экспорт в азиатский регион сократился на 21,1%, а импорт вырос на 1,3 %¹⁰ в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года, то за 11 месяцев 2015 г. и экспорт, и импорт выросли на 15,6 и 20,1% соответственно [21]. Оживления инвестиционной активности не наблюдается, но, видимо, не совсем оправданно было бы ожидать его так скоро после 25 лет одномерного евроатлантического развития венгерской экономики.

Приоритетным объектом внимания венгерского правительства в Азии, конечно, стал Китай. Однако, несмотря на настойчивое и откровенно лоббистское поведение правительства Орбана, налаживание интенсивных дипломатических и бизнес контактов на самых различных уровнях, двусторонние отношения развиваются медленнее, чем хотелось бы Будапешту. Достичь поставленную премьер-министром В. Орбаном цель – увеличить двусторонний товарооборот в два раза и довести его к 2015 г. до 20 млрд долл. (примерно 15 млрд евро) – Будапешту не удалось [2]. В 2013 г. он составил 6,6 млрд евро, в 2014 г. –

6,4 млрд евро [42]. Тем не менее, в 2015 г. в списке основных импортёров Венгрии Китай, вытеснив Россию, поднялся с шестого на третье место с долей 5,7%, а стоимость ввезённых в Венгрию китайских товаров выросла на 23,7% [58].

Проблемы венгеро-китайских отношений имеют ту же природу, что и отношения Китая с другими странами ЦВЕ и в целом Евросоюза. Во-первых, по-прежнему почти 80% стоимости двустороннего товарооборота приходится на китайский импорт и только 20% – на венгерский экспорт, поэтому торговый баланс остаётся стабильно негативным для Венгрии. В ЕС-28 профицит торгового баланса в отношениях с Китаем удаётся поддерживать только Германии и Финляндии. Во-вторых, значительную долю венгерского экспорта в Китай (91,24%) составляют товары, производимые крупнейшими ТНК (например, в автомобильной промышленности это «Ауди Моторс» или «Дженерал Моторс») [62]. Они же являются крупнейшими импортёрами китайской продукции (главным образом, комплектующих) в Венгрию. Объёмы национального экспорта очень незначительны, 8,76% товарооборота. Сам Китай рассматривает Венгрию и другие страны ЦВЕ скорее как плацдарм для своей экономической экспансии в Западную Европу¹¹, где к китайским инвестициям по-прежнему относятся с большой осторожностью, и потому подходит ко всем проектам в этом регионе очень избирательно. Так, не суждено было сбыться надеждам венгров на спасение национальной авиакомпании «Малев» китайской «Хайнань Эарлайнз» (Hainan Airlines). Китайская компания отказалась от сделки, сочтя потенциальные затраты и риски не приемлемыми.

С 2011 г. ведутся переговоры об условиях строительства скоростной железной дороги в обход Будапешта, которая позволила бы заметно сократить время транспортировки грузов из Азии в Западную Европу. Пока признаков достижения договорённостей нет. Как следует из объяснений министра иностранных дел и внешнеэкономических связей П. Сийярто, в обмен на инвестиции в 1 млрд евро Пекин помимо обязательного участия своих подрядчиков «потребовал таких государственных гарантий, которые несут в себе высокие риски и которые мы не можем дать» [60].

⁹ Например, в Иордании государственная компания Венгерские энергетические системы (MVM) будет строить две высоковольтные линии электропередач (ЛЭП) протяжённостью 200 км (размер инвестиции составит 13 млрд форинтов) и модернизировать систему ЛЭП в окрестностях Аммана протяжённостью 60 км (инвестиция размером 1,5 млрд форинтов). 40-летний опыт сотрудничества с Россией в области ядерной энергетики позволил Венгрии создать учебно-профессиональную базу, которой Будапешт предлагает воспользоваться Амману. Венгерские производители поставляют в Иорданию говядину и сыр [3; 27].

¹⁰ A KSH jelenti: Gazdaságértársadalom, 2014. I–IV. negyedév. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2015. 94. old. Available at: URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1412.pdf>. (проверено 18.08.2016 г.)

¹¹ Китай развивает сотрудничество с регионом по формуле «16+1». С 2012 г. проходят ежегодные заседания глав правительств Китая и шестнадцати стран ЦВЕ – Албании, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Латвии, Литвы, Македонии, Польши, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Хорватии, Черногории, Чехии, Эстонии.

С 2013 г. ведутся переговоры по трёхстороннему проекту модернизации железнодорожной ветки, соединяющей Белград и Будапешт. Но только в январе 2015 г. началась подготовка технико-экономического обоснования и межправительственного соглашения о финансовых условиях его реализации. От Пекина ожидается финансирование в объёме 85% стоимости проекта (около 3 млрд долл. США) [65].

Китайские корпорации¹² действуют по отношению к Венгрии не менее жёстко и прагматично, чем американские и европейские. Инвестируя средства в наиболее выгодные и успешные сектора экономики (сферу обслуживания, химическую отрасль, электронику, телекоммуникации), они финансируют свои обосновавшиеся в Венгрии дочерние компании, большинство которых занимаются сборочным производством. Будапешту же хотелось бы перейти к созданию инновационных центров и производств.

Тем не менее, отношения Будапешта и Пекина выгодно отличаются от отношений Китая с другими странами региона – они имеют не только прагматичное торгово-экономическое измерение, но и политический, дипломатический, гуманитарный аспекты. Особенно активно развиваются туристическое и культурно-образовательное сотрудничество: в Будапеште функционируют двуязычная венгерско-китайская общеобразовательная школа и региональный центр по переподготовке учителей китайского языка, развиваются взаимные стипендиальные программы для студентов.

Наиболее успешным направлением венгерской политики «открытия на восток» стали отношения с Россией. Апогеем их развития стал подписанный в конце 2014 г. договор о проекте АЭС «Пакш-2», в рамках которого были заключены три контракта: о строительстве двух новых блоков АЭС «Пакш» по 1200 МВт; о последующем сервисном обслуживании станции и о поставках ядерного топлива на новые блоки в течение 20 лет.

Проект очень выгоден Венгрии, поскольку отвечает её интересам в сфере энергетической безопасности. Ресурс построенных ещё Советским Союзом в 1980-х гг. четырёх энергоблоков близок к выработке. Строительство пятого и шестого блоков повысит энергообеспеченность страны за счёт самостоятельно произведённой электроэнергии. Это приведёт к снижению цен на энергоносители и для домохозяйств, и для бизнеса, а значит, повысит конкурентоспособность венгерской экономики. В. Орбан даже заявил, что без АЭС в Пакше у Венгрии может быть только «нищая, обносившаяся, неконкурентоспособная экономика» [72]. Условия договора, предложенные Москвой, очень привлекательны: российская сторона выделяет кредит

в размере 10 млрд евро (80% общей стоимости проекта) на 21 год [51]. Кредит предоставляется под ставку 3,95% в течение первых 14 лет и 4,5–4,95% в последующие 7 лет [29]. При этом 40% объёма работ – проведение инженерных изысканий, геологических, геофизических, геотехнических и гидрологических исследований на площадке строительства новых энергоблоков – будет обеспечиваться венгерскими субподрядчиками, это означает, что почти 3 млрд долл. пойдёт на создание новых рабочих мест, а доходы бюджета от налоговых поступлений вырастут до 1 млрд долл. Запуск первого блока запланирован на 2023–2025 гг., второго – на 2030 г. [31, 71].

Контракт на расширение Пакша получила Россия, хотя на него претендовали французская «Арева», американская «Вестингхаус» и немецкая «Сименс». Но венгерское руководство решило, что модернизацию должна проводить та компания, которая строила действующие блоки. Кроме того, с учётом предложенных финансовых условий и варианта решения вопросов собственности – АЭС останется в собственности венгерского государства – российский проект действительно наиболее привлекателен для венгров.

Все контракты на поставки ядерного топлива, подписанные странами-членами, должны быть одобрены Евроатомом. В российско-венгерском проекте наиболее пристальное внимание Брюсселя вызвал третий контракт, в соответствии с которым Россия получала эксклюзивное право на поставки ядерного топлива для новых блоков в течение 20 лет. Чтобы получить одобрение Агентства Европейской комиссии по снабжению Евроатома рудой, сырьём и специальными расщепляющимися материалами, Будапешт вынужден был сократить этот срок до 10 лет. Далее по контрактам будут проводиться тендеры. Российская сторона сочла это изменение для себя приемлемым. 20 апреля 2015 г. появилась информация о том, что Агентство по снабжению Евроатома подписало российско-венгерский контракт, что означало начало реализации проекта в целом [28]. 26 мая 2015 г. российская Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» открыла свой офис в Венгрии [74], который приступил к организации работы в соответствии с подписанными контрактами.

Такое прагматичное развитие венгерско-российских отношений с возвращением Orbana во власть стало несколько неожиданным. В политику этот политик пришёл как либерал и яростный противник России. За время его первого срока правления двусторонние отношения достигли своей низшей точки развития, не состоялось ни одной встречи на выс-

¹² Например, в Венгрии работает дочка китайской компании «Хуавей» (Huawei). В собственности китайской Ванхуа Индастриал Групп (Wanhua Industrial Group) находятся 96% акций венгерской компании «Боршод Кем» (Borsod Chem Zrt.) – крупнейшего в ЦВЕ производителя полиуретана.

шем уровне. А оказавшись в оппозиции, Орбан жёстко критиковал правительство социалистов и либералов (2002–2010 гг.) за нормализацию отношений и сближение с Москвой, утверждая, что «восточная политика не выносит самостоятельности, независимости, свободы. Она делает неимущими и нищими, запугивает...» [66]. Орбан поддерживал антироссийский проект «Набукко», обвиняя в «продаже национальных интересов» правительство Ф. Дюрчяна, которое проявляло заинтересованность в реализации российского проекта «Южный поток». Но вернувшись во власть в стране, стоявшей на пороге финансово-экономического краха, и столкнувшись с жёстким давлением Брюсселя и МВФ, Орбан сам стал активно налаживать отношения с высшим российским руководством. В ноябре 2009 г. венгерский премьер приехал в Москву на съезд партии «Единая Россия» и встретился с В. Путиным. С ноября 2010 г. состоялась четыре официальных визита Орбана в Москву¹³, а 17 февраля 2015 г., в разгар украинского кризиса и вопреки пожеланиям его партнёров по ЕС, он принял В. Путина в Будапеште.

Такое сближение базируется на рационально осмысленной прагматике. Хотя можно предположить и наличие определённой симпатии со стороны Орбана к мировоззренческим позициям российского руководства, которое защищает суверенитет своей страны, национальную идентичность и традиционные ценности – всё, что очень значимо и для венгерского премьер-министра. За заявлениями и поступками Орбана стоят не эмоции, симпатии или антипатии, а факты, расчёт и прагматизм. Он не пользуется категориями «нравится – не нравится», а придерживается подхода «выгодно-невыгодно», «эффективно-проигрышно», и всё это определяется с точки зрения национального суверенитета Венгрии.

Венгерско-российские отношения за время правления Орбана стали более упорядоченными и уравновешенными, они носят, прежде всего, экономический характер. Венгерская политическая элита больше не видит угрозы суверенитету Венгрии со стороны России и воспринимает её как «партнёра исключительной значимости, исходя из её размеров, статуса глобальной державы и традиционных связей» [47].

Гораздо большую угрозу экономическому и финансовому суверенитету Венгрии Орбан видит в ТНК и иностранных банках, в Евросоюзе, который отказывается защищать свои традиционные ценности и предпочитает по литкорректно заботиться о благополучии иммигрантов, жертвуя интересами собственных граждан, а также в нестабильной вооружаемой Украине, пренебрегающей правами нацменьшинств.

Во время украинского кризиса Орбан сохранил объективность и прагматизм. В отличие от лидеров Литвы и Польши, венгерские офици-

альные лица не появились на Майдане в 2014 г. Поддерживая в принципе призывы некоторых стран-членов принять Украину в ЕС, венгерский премьер предложил для начала определиться с тем, кто в Евросоюзе будет ежегодно выделять Киеву 25 млрд евро на политическую стабилизацию и экономическое восстановление [84]. Летом 2014 г., сославшись на технические проблемы, Будапешт закрыл кран реверсных поставок газа на Украину после заявлений Москвы об их незаконности и о возможных неприятных последствиях таких действий [46].

Орбан оказался в компании тех европейских политиков, которые выступают против санкционной политики ЕС в отношении России. Такой способ наказать Кремль венгерский премьер назвал «выстрелом себе в ногу», имея в виду негативные последствия для самой Европы. И вновь его позиция обоснована исключительно прагматичными экономическими интересами. Критикуя санкции, венгерское руководство подчёркивало, что Россия – важнейший торгово-экономический партнёр Венгрии за пределами ЕС и основной поставщик энергоресурсов. Венгрия заинтересована в России как рынке сбыта венгерских продуктов питания и аграрной продукции, в первую очередь овощей и фруктов [80].

На начало 2016 г. ущерб венгерской экономики от введённых Россией в апреле 2014 г. ответных санкций составил 4,5 млрд долл., из которых десятая часть – это убытки сельскохозяйственной и пищевой отраслей [81]. Негативные последствия антироссийских санкций ощутили фармакологические компании «Эгис» и «Гедеон Рихтер», достаточно успешно работающие на российском рынке, а также металлургическое предприятие «Дунаферр», главным собственником которого является банк ВТБ.

С 2010 г. товарооборот между Венгрией и Россией постоянно рос, и у венгерского правительства были планы по выравниванию торгового баланса в ближайшие 3–4 года. Но введение антироссийских санкций нарушило развитие торговых отношений между странами. В 2015 г. товарооборот снизился на 47%, за первые месяцы 2016 г. – на 25%.

Но, несмотря на критичный настрой в отношении европейских санкций, Орбан, как и лидеры других стран, например, Словакии, Чехии, Греции или Австрии, не воспользовался правом вето, чтобы заблокировать их введение. У Брюсселя и Берлина нашлось немало доводов, чтобы убедить страны-члены ЕС в том, что принцип солидарности должен иметь приоритет перед экономическими интересами. И самым действенным из них стали финансовые средства европейских фондов.

По размеру финансирования, которое Венгрия получит в 2014–2020 гг. из европейских инвестиционных и структурных фондов (25,74 млрд евро), страна занимает третье место после

¹³ Орбан посещал Россию 30 ноября 2010 г., 31 января 2013 г., 14–16 января 2014 г., 16 февраля 2016 г.

Румынии и Польши, в пересчёте на душу населения – второе после Литвы. Их объём соответствует 3,25% ВВП Венгрии – это один из самых высоких показателей (для сравнения: Эстония, Литва, Латвия – около 3%, Словакия – 2,7%, Чехия – 2,2%, Португалия – 1,7%, Хорватия – 2,7, Польша – 2,8%, Мальта – 1,5%) [38]. Например, благодаря финансовым средствам европейских структурных фондов на реализацию инфраструктурных объектов в коммунальной и транспортной сферах объёмы строительного производства после семилетнего спада в 2013 г. выросли на 8,5%, в 2014 г. – на 14,2%, а инвестиции в строительную отрасль увеличились на 20% и 28%, соответственно.

Орбану сложно отстаивать свою позицию. Давление на венгерского премьера идёт как внутри страны, так и извне. Не случайно борьбу за суверенитет он сравнил с танцем павлина. Он вынужден лавировать. Поэтому часто в риторике Орбана за резкими обвинительными заявлениями следуют более умеренные и спокойные, сигнализирующие, что Будапешт остаётся в мейнстриме европейской внешней политики и лишь пытается придать ей некоторые национальные нюансы.

Ситуация начала 2015 г. очень характерна для этого политика: 17 февраля он принимал в Будапеште российского президента, а за две недели до этого (2 февраля) – германского канцлера. На пресс-конференции Меркель по-иезуитски похвалила Будапешт за то, что Венгрия в соответствии с общеевропейской позицией проголосовала за антироссийские санкции, при том, что у страны есть собственные интересы в отношениях с Россией [26].

Орбан отлично понимает экономическое и политическое значение для его страны Евросоюза и особенно Германии. На одном из публичных мероприятий он заявил: «Хотя Венгрия продолжает самостоятельную внешнюю политику, но постоянно внимательно прислушивается к позиции Германии. Для нас она является точкой отсчёта, а в некоторых случаях и компасом» [73].

Работающие в Венгрии 6 тыс. германских компаний за 25 лет инвестировали 20 млрд евро (это 25% от общего объёма инвестиций) и создали 300 тыс. рабочих мест [33]. Свыше четверти товарооборота Венгрии приходится на Германию. Например, в 2015 г. доля Германии в венгерском экспорте составила 27,3%, в венгерском импорте – 26% [48]. Стоит учитывать, что венгерско-германские отношения имеют не только материальное обоснование, у

них есть и культурно-историческая традиция. Проведённые накануне визита германского канцлера А. Меркель в Будапешт в феврале 2015 г. социологические опросы показали, что большинство венгров (52%) выступают за дальнейшее углубление политических отношений между Венгрией и Германией, ещё больше (55%) – за усиление экономического сотрудничества [26]. Для сравнения: укрепление политических отношений между Венгрией и США поддерживают 43% респондентов, экономических – 42%. А вот отношение венгерского населения к развитию венгеро-российских связей достаточно противоречиво: 29 % опрошенных выступают за развитие политических отношений между двумя странами, но 27% – против; 38% поддерживают усиление экономических связей, 20% – нет. Отвечая на вопрос о самом важном союзнике Венгрии, 32% опрошенных назвали Германию, 7% – Россию, 6 % – США [24].

С другой стороны, отношение к Евросоюзу среди граждан Венгрии не столь однозначно.

Вступление в ЕС венгры рассматривали как гарантию повышения уровня жизни населения и конкурентоспособности страны. В реальности этот процесс принёс далеко не однозначные результаты. По итогам ускоренной приватизации как основного источника иностранных инвестиций в 1990-е гг. национальная экономика Венгрии превратилась в фантом, а большая часть населения оказалась у черты бедности или за её гранью. Несмотря на существенные финансовые ресурсы, получаемые Венгрией в качестве страны-члена из европейского консолидированного бюджета¹⁴, достичь желаемой конвергенции не удаётся до сих пор. По уровню ВВП на душу населения по паритету покупательной способности и по уровню фактического индивидуального потребления¹⁵ Венгрия занимает 25-е место в ЕС-28 [34]. Согласно исследованиям Евростата, доля населения, живущая за чертой бедности, выросла с 28,2% в 2008 г. до 33,5% в 2013 г., ещё 26,8% населения относятся к категории малоимущих [43]. Не случайно Европейский союз ассоциируется с экономическим процветанием лишь у 16% венгров [75]. В 2009 г. – самый разгар кризиса – более половины граждан Венгрии (52%) считали, что их страна не выиграла от членства в ЕС [40], 58% были не удовлетворены своей жизнью в ЕС [41]. К 2011 г. эта цифра выросла до 63% [45].

Представляется, что на отношении венгров к Союзу сказались финансово-экономические проблемы, а также методы, которые использовал Брюссель, принуждая Будапешт следовать своим

¹⁴ Размер финансовых средств, полученных Венгрией из фонда сплочения в бюджетном цикле 2007–2013 гг., составил 25,3 млрд евро, вместе с дотациями на развитие сельского хозяйства и регионов 32,8 млрд. По оценкам экспертов, европейские инвестиции способствовали росту венгерского ВВП в течение 7 лет в среднем на 3–4% [61].

¹⁵ Фактическое индивидуальное потребление (ФИП) – показатель, используемый в статистике ЕС для измерения материального благополучия домашних хозяйств. ФИП формируется из товаров и услуг, фактически потребляемых населением вне зависимости от места их покупки и оплаты. Такой подход позволяет нивелировать разницу между странами-членами в уровнях развития таких услуг, как образование и здравоохранение.

■ Мировая политика

рекомендациям. В 2004 г. ЕС доверяло 64% венгерского населения [39]. К осени 2015 г. уровень доверия снизился до 41%, а весной 2012 г., когда Венгрию особенно жёстко критиковали за новую конституцию, упал до 38% [76; 77]. Почти половина венгров (48%) считает, что Евросоюз несправедлив к их стране, более половины (54%) уверены, что ЕС использует практику двойных стандартов в отношении Венгрии, а 58% венгров считают, что их голос в ЕС не учитывается [68]. Возможно, поэтому Орбан позволяет себе нелицеприятные высказывания в адрес брюссельской бюрократии, особенно когда выступает внутри собственной страны: например, Орбан сравнивал Брюссель с Москвой, а своё нынешнее противостояние европейским чиновникам с борьбой венгров за независимость против Габсбургов в 1848–1849 гг., а в 1956 г. и 1989 г. против СССР. Членство Венгрии в ЕС он ни разу не поставил под сомнение, понимая, что страна стала его неотъемлемой частью и без него она прожить не сможет.

Как известно, данные социологических опросов отражают идеологические пристрастия тех структур, которые их проводят. Поэтому важно совпадение не столько цифровых показателей в этих исследованиях, сколько тенденций, которые они выявляют. В марте–апреле 2015 г. все социологические институты, и оппозиционные, и настроенные более лояльно к правящей партии, показали, что падение популярности «Фидес» и её ведущих политиков, продолжавшееся с октября 2014 г., приостановилось [25; 63]. А к июню 2015 г. поддержка правящей партии выросла: до 40–44% избирателей, определившихся со своими партийно-политическими предпочтениями, и 28–30% всего населения [83]. Укрепилось и «избирательное настроение» в обществе: в марте только 44% населения были уверены, что пойдут голосовать, в мае – уже 52% [64]. При том что доля граждан, отрицательно оценивающих работу правительства (65%), сохранилась, до 31% выросла доля тех, кто считает, что страна движется в правильном направлении (в марте таких было только 25%) [32; 64].

Что спровоцировало такие подвижки в общественном мнении с конца апреля до начала июня 2015 г.? Во-первых, стало понятно, что «Пакш-2» будет реализован. Во-вторых, Орбана, и в его лице – всю Венгрию, вновь вызывали на ковёр в Европейский парламент, которому не

понравилась позиция венгерского премьера по миграции и смертной казни.

Подобно словакам, чехам и другим малым нациям Европы, венгры смирились с неизбежностью быть частью чего-то большого и сильного в вопросах внешней и оборонной политики. Но они ещё не готовы терпеть диктат внешних сил, когда речь идёт о компетенции национального правительства.

* * *

Премьер-министр Венгрии В. Орбан борется за сохранение национального суверенитета: консолидирует институциональные основы власти, завоёвывает поддержку населения через реформы, которые отвечают его ожиданиям и понятиям о справедливости, проводит более сбалансированную внешнюю политику и диверсифицирует внешнеэкономические отношения. Вместе с тем никаких серьёзных изменений в отношении европейского вектора внешней политики правительства Орбана не было сделано и страна следует в мейнстриме ЕС, пытаясь лишь более выпукло представить свои национальные интересы. Более того, «открывшись востоку», Будапешт проделал ровно то, что уже сделали Вена, Братислава и Любляна, не говоря уже о сохраняющем традиции тесного экономического сотрудничества с Россией Хельсинки. Остаётся Венгрия и вполне лояльным членом НАТО.

В. Орбан – очень прагматичный, рациональный и потому, вопреки создаваемому западными СМИ образу, предсказуемый политик. Его точка отсчёта для принятия решений – это суверенитет Венгрии. Но он прекрасно понимает, что возможности этого суверенитета очень ограничены. Поэтому задача Будапешта заключается в том, чтобы выстроить с более сильными государствами такие отношения, которые будут работать на интересы венгров. Конечно, такой подход предполагает компромиссы, но компромиссы, у которых есть черта, перейдя которую можно будет забыть и о национальном суверенитете. Пока В. Орбан видит эту черту и ему хватает смелости и прочности её не переступить.

Возможно, прозвучит парадоксально, но именно такие политики, как Орбан, имеющие собственное мнение и способные идти на риск, могут удержать Европейский союз от окончательной утраты экономического суверенитета.

Список литературы

1. Юрасова Л.А. Венгерский вызов Европе. Год планеты: ежегодник / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. Вып. 2012 г.: экономика, политика, безопасность. М.: Идея-Пресс, 2012. С. 353–364.
2. «Nagy diplomáciai siker» a kínai kormányfő látogatása. 2011. június 28. URL: http://kitekinto.hu/kelet-azsia/2011/06/28/nagy_diplomaciai_siker_a_kinai_kormanyf_latogatasa/ (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
3. 15 milliárdos beruházást nyertek a magyarok Jordániában. 2014. május 21. URL: <http://mno.hu/gazdasag/15-milliardos-beruhazast-nyertek-a-magyarok-jordaniaban-1227842> (Проверено 18.08.2016). (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).

4. 2010. évi CIV. törvény. A sajtószabadságról és a médiatartalmak alapvető szabályairól. URL: <http://net.jogtar.hu/jr/gen/getdoc2.cgi?dbnum=1&docid=A1000104.TV#lby44param> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
5. 2010. évi CLXXXV. törvény. A médiaszolgáltatásokról és a tömegkommunikációról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1000185.TV (Проверено 18.08.2016). (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
6. 2011. évi CCLXII. törvény. A bírák jogállásáról és javadalmazásáról. URL: <http://net.jogtar.hu/jr/gen/getdoc2.cgi?dbnum=1&docid=A1100162.TV> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
7. 2011. évi CCVIII. törvény. A Magyar Nemzeti Bankról. URL: <http://mkogy.jogtar.hu/?page=show&docid=a1100208.TV> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
8. 2011. évi CCVIII. törvény. Az országgyűlési képviselők választásáról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1100203.TV#lby1param (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
9. 2011. évi CCXI. törvény. A családok védelméről. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1100211.TV (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
10. 2011. évi CLXI. törvény. A bíróságok szervezetéről és igazgatásáról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1100161.TV (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
11. 2011. évi CXCV. törvény. Magyarország gazdasági stabilitásáról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1100194.TV#lby3param (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
12. 2013. évi CXXII. törvény a mező – és erdőgazdasági földek forgalmáról. URL: <http://www.kozlonyok.hu/nkonline/MKPDF/hiteles/MK13111.pdf> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
13. 2013. évi XX. törvény. Az egyes igazságügyi jogviszonyokban alkalmazandó felső korhatárral kapcsolatos törvénymódosításokról. <http://mkogy.jogtar.hu/?page=show&docid=a1300020.TV> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
14. 2013. évi XXXIII. törvény. A sajtószabadságról és a médiatartalmak alapvető szabályairól szóló 2010. évi CIV. Törvény és a médiaszolgáltatásokról és a tömegkommunikációról szóló 2010. évi CLXXXV. törvénymódosításáról. URL: <http://mkogy.jogtar.hu/?page=show&docid=a1300033.TV> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
15. 2013. évi XXXVI. törvény. A választási eljárásról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1300036.TV#lby1param (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
16. A Bizottság jóváhagyta a nukleáris fűtőanyag-szállítási szerződést. 2015. április 20. URL: <http://www.kormany.hu/hu/miniszterelnokseg/hirek/a-bizottsag-jovahagyta-a-nuklearisfutoanyag-szallitasi-szerzodest> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
17. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2013 év, 2014. Január / Statisztikai tükrök. 2014/33. 2014. március 28. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2014. 1. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel21401.pdf> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
18. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2014. I–IV. negyedév. 14. old. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2015. URL: http://www.ksh.hu/tovabbi_fontosabb_adatok (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
19. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2014. I–IV. negyedév. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2015. 5. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1412.pdf> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
20. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2014. I–IV. negyedév. Budapest, 2015. 21. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1412.pdf> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
21. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2014. I–IV. negyedév. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2015. 94. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1412.pdf> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
22. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2015. I–IV. negyedév. Budapest, 2016. 16. old. URL: <https://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1512.pdf> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
23. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2015. I–IV. negyedév. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2016. 82. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1512.pdf> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
24. A németkapcsolat. *Heti Válasz*. XV évfolyam, 6. szám. 2015. február 5. 19. old. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
25. A választók kétharmada ad a kormánynak négy év bizalmat. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/piac-es-kozvelemeny-kutatas/a-valasztok-ketharmada-ad-a-kormany-negy-ev-bizalmat> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
26. Ablonczy Bálint. Magyar–németkétjőbarát? *Heti Válasz*. XV évfolyam, 6. szám. 2015. február 5. 11. old. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
27. Akcióterv a magyar–jordán gazdasági együttműködésről. 2014. március 19. URL: http://kitekinto.hu/islam/2014/03/19/akcioterv_a_magyar-jordan_gazdasagi_egyuttmukodesr/#.VaUGXZuyUbU (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
28. Az Euratom Ellátási Ügynökség aláírt az üzemanyag-szállítási szerződést. 2015.04.20. URL: <http://www.mvmpaks2.hu/hu/hirek/SitePages/newsDetails.aspx?NewsID=170> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
29. Az év krónikája. *HVG*. 2014. december 20. 51–52. szám. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).

■ Működési politika

30. Az Orbán-kormány jobban teljesít. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/az-orban-kormany-jobban-teljesit> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 31. Az oroszok építik Paks II-t. [origo] 2014-01-14. URL: www.origo.hu/itthon/20140114-az-oroszok-epitik-paks-2-t.html (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 32. Bizalmi tőke-vesztés. 2015. április 11. URL: <http://www.median.hu/object.333660f5-900d-4560-99e0-d7e0193a2408.ivy> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 33. Christian Keszthelyi. Ambassador: German firms re-invest half of profits in Hungary. *Budapest Business Journal*. February 2, 2015. URL: http://www.bbj.hu/economy/ambassador-german-firms-re-invest-half-of-profits-in-hungary_91828 (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 34. Consumption per capita varied by almost one to three across EU Member States. *Eurostat newsrelease*. 107/2015 - 16 June 2015. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6885941/2-16062015-BP-EN.pdf/5bb23f4c-cf7a-48fc-aa60-4e2d23087d01>. (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 35. Credit Rating. *Trading Economics*. URL: <http://www.tradingeconomics.com/hungary/rating> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 36. Egy szabadságharc frontvonalai. A közvélemény az IMF-tárgyalásokról és az EU-ról. 2012. március 19. URL: <http://www.median.hu/object.90dcfe43-2f4b-448d-adb4-6bb74fdf1129.ivy> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 37. Egyes kormányzati intézkedések társadalmi megítélése – Család- és közösség politika URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/kormanyzati-tukor-3>
 38. EU-büdzsés. *HVG*. 17. szám. 2015. április 25. (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 39. Eurobarometer 62. Public Opinion in the European Union. Autumn 2004. National Report. Executive Summary. Hungary. P. 2. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/455> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 40. Eurobarométer 72. Közvéleménykutatás az Európai Unióban. 2009 ősz. Nemzetijelentés Magyarország. 8.old. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/61859> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 41. Eurobarométer 72. Közvéleménykutatás az Európai Unióban. 2009 ősz. Nemzetijelentés Magyarország. 3.old. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/61859> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 42. Eurostat Newsrelease 116/2015 – 26 June 2015. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6893875/6-26062015-AP-EN.pdf/44d4c87c-98dd-4061-bdf6-b292884a5073> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 43. Eurostat's November 2014 report on poverty in Europe: Eurostat, "More Than 120 Million Persons at Risk of Poverty or Social Exclusion in 2013," News release 168/2014, 4 November 2014, URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-press-releases/-/3-04112014-BP> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 44. Ezer milliárd kerül az emberekhez a bankoktól. URL: <http://www.fidesz.hu/hirek/2014-11-14/ezermilliard-kerul-az-emberekhez-a-bankoktol/> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 45. Future of Europe. December 2011. *Special Eurobarometer* 379 / Wave EB76.4 – TNS Opinion & Social. April 2012. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_379_en.pdf P. 12. (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 46. Hungary suspends gas supplies to Ukraine under pressure from Moscow. Agency France-Presse in Budapest. Friday 26 September 2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/sep/26/hungary-suspends-gas-supplies-ukraine-pressure-moscow> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 47. Hungary's Foreign Policy after the Hungarian Presidency of the Council of the European Union. Budapest: Ministry of Foreign Affairs of Hungary, 2011. P. 39. (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 48. Kormányzati tükrök 1. Egyes kormányzati intézkedések társadalmi megítélése – Közbiztonság és szociális biztonság. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/kormanyzati-tukor-1> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 49. Kormányzati tükrök 2. Egyes kormányzati intézkedések társadalmi megítélése – Oktatás- és egészség politika. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/kormanyzati-tukor-2> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 50. Kormányzati tükrök 3. Egyes kormányzati intézkedések társadalmi megítélése – Család- és közösség politika URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/kormanyzati-tukor-3> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
 51. Kristina Than. Special Report - Inside Hungary's 10 billion euro nuclear deal with Russia. Mar 30, 2015. URL: <http://uk.reuters.com/article/2015/03/30/uk-russia-europe-hungary-special-report-idUKKBN0MQ0MN20150330> (Ellőrzve 18.08.2016). (In Hungarian).
-

52. Magyarország Alaptörvénye. 24. cikk, (5) bekezdés. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_41_place. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
53. Magyarország Alaptörvénye. 36. cikk, (4)-(6) bekezdés; 37. cikk, (2) bekezdés. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_36_place (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
54. Magyarország Alaptörvénye. 37. cikk, (4) bekezdés. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_41_place. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
55. Magyarország Alaptörvénye. Nemzeti Hitvallás. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_41_place (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
56. Magyarország Alaptörvénye. Záró és vegyes rendelkezések. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_41_place. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
57. Magyarország, 2014. P. 114-115. Központi Statisztikai Hivatal, 2015. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/idoszaki/mo/mo2014.pdf>. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
58. Magyarország, 2015. Központi Statisztikai Hivatal, 2016. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/idoszaki/mo/mo2015.pdf>. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
59. Magyarországot támadják – ezek az ellenségeink a hírszerzés szerint. Napi.hu. 2015. július 10. URL: <http://www.napi.hu/print/600323.html>. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
60. Már a jövőhéten Peking belátogat Orbán Viktor. Magyar Nemzet, 2014. február 5. URL: http://mno.hu/magyar_nemzet_gazdasagi_hirei/kinai-vasutepitesek-1209211 (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
61. Marján Attila. A magyar EU-tagság első évtizedének néhány kiválását ott szempont alapján történő értékelése. *Külgyszemle*. 2014/2. Nyár. 176-177. old.; Farkas Zoltán. Vételnépszerűsítők. Magyarország és az Európai Unió: a csatlakozástól a szabadságharcig. *HVG*. 2014. 17. szám. április 26. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
62. Matura Tamás. A magyar-kínai termékforgalom alakulása 2012-ben. *MKI-elemzés*. E-2013/3. Magyar Külügyi Intézet, 2013. 4-5. old. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
63. Medián: 12 százalékpontot esett a Fidesz népszerűsége. 2014. december 10. URL: http://mandiner.hu/cikk/20141210_median_12_szazalekot_esett_a_fidesz_nepszerusege; Tendenciák. 2015. június 12. URL: <http://mno.hu/vezercikk/tendenciak-1290398>. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
64. Medián: erősödik a jobboldal // HVG. 24. szám. 2015. június 13. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
65. Megállapodtak a Budapest-Belgrád vasútvonal felújításának menetéről. 2015.01.14. Magyaronline. URL: <http://www.mon.hu/megallapodtak-a-budapest-belgrad-vasutvonal-felujitasanak-meneterol/2740222> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
66. Nekünk most előre kell lépni. 2007. október 23. URL: http://2007-2010.orbanviktork.hu/hirek_list.php?item=164 (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
67. Nem leszünk gyarmat! 2012. március 15. Orbán Viktor ünnepbeszéde, Budapesten. URL: http://www.miniszerelnok.hu/beszed/nem_leszunk_gyarmat_ (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
68. Növekvő bizalmatlanság az EU-valszemben. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/novekvo-bizalmatlansag-az-eu-val-szemben> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
69. Orbán Viktor Beszédének Szó Szerinti Leirata. 2010.02.08. URL: <http://www.fidesz.hu/hirek/2010-02-08/orban-viktor-beszedenek-szo-szerinti-leirata/> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
70. Orbán Viktor felszólalása az azeri-magyar üzleti fórumon. Budapest, 2014. november 11. URL: <http://www.kormany.hu/hu/a-miniszerelnok/beszedek-publikaciok-interjuk/orban-viktor-felszolalasa-az-azeri-magyar-uzleti-forumon> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
71. Oroszország kiemelkedően fontos partnere Magyarországnak. 2014. január 14. URL: <http://www.fidesz.hu/hirek/2014-01-14/oroszorszag-kiemelkedoen-fontos-partnere-magyarorszagnak/> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
72. Paks nélkül nincs versenyképes magyargazdaság. 2014. január 17. URL: <http://www.kormany.hu/hu/miniszerelnokseg/hirek/paks-nelkul-nincs-versenykepes-magyar-gazdasag> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
73. Riba István. Útvesztőben a magyarkülpolitika. Pénzáll a hazához. *HVG*. 2014. november, 29. 48. szám. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
74. Rosatom opens office in Hungary linked to Paks upgrade. May 26th, 2015. URL: <http://www.politics.hu/20150526/rosatom-opens-office-in-hungary-linked-to-paks-upgrade/> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
75. Special Eurobarometer 415. Europeans in 2014. P. T29. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_415_data_en.pdf (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
76. Standard Eurobarometer 77. July 2012. P. 2. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/yearFrom/1973/yearTo/2015/surveyKy/1063> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).

■ Мировая политика

77. Standard Eurobarometer 84. Autumn 2015. Hungary. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/yearFrom/1973/yearTo/2015/surveyKy/2098> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
78. Sujata Rao and Sandor Peto. After Hungary's Swiss franc mortgage manoeuvre, a nod to Orbandomics. January 26, 2015. URL: <http://www.reuters.com/article/2015/01/26/hungary-orbandomics-idUSL6N0V236U20150126> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
79. Szabadságunk forrása mi magunk vagyunk. URL: <http://www.fidesz.hu/hirek/2014-11-19/szabadsagunk-forrása-mi-magunk-vagyunk/> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
80. Szankciók Oroszországellen: mi vesztenivalónk van? 2014. augusztus 09. URL: http://hvg.hu/hvgfriss/2014.32/201432_szankciok_oroszorszag_ellen_pillangoeffektu (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
81. The Russian embargo has caused 4.5 billion dollars in damage to the Hungarian economy. February 26. URL: <http://www.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/the-russian-embargo-has-caused-4-5-billion-dollars-in-damage-to-the-hungarian-economy> (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
82. Többségi egyetértés az Alaptörvény negyedik módosításának főbb pontjaiban. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/tobbsegi-egyetertes-az-alaptorveny-negyedik-modositasanak-fobb-pontjaiban>. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
83. Tovább erősödött a Fidesz. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/piac-es-kozvelemeny-kutatas/tovabb-erosodott-a-fidesz> ; Medián: erősödik a jobboldal. HVG. 24 szám. 2015. június 13. (Проверено 18.08.2016). (In Hungarian).
84. Ungarn will die Ukraine als Puffer zu Russland. 24.11.2014. URL: <http://www.handelsblatt.com/politik/international/premier-orbn-ungarn-will-die-ukraine-als-puffer-zu-russland/11022238.html> (In German)

Об авторе

Юрасова Лариса Александровна – главный советник Управления Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан. E-mail: lara.yurasova@gmail.com.

THE POLITICS OF HUNGARIAN SOVEREIGNTY

L.A. Yurasova

Russian Federation Presidential Office of the constitutional rights of citizens. Russia, 103132, Moscow, ul. Ilinka, 23.

Abstract: *The article analyzes main aspects of V. Orban's policy of strengthening Hungarian economic sovereignty. The Hungarian leadership had to find out balanced and reasonable approach to tackle the world economic crisis. Hungarian ballot package included reform of economic regulation on a state's level, taking moderate protectionist measures and foreign trade diversification.*

V. Orban's government succeeded in constitutional reform that allowed to consolidate power to deliver coherent economic policy and to harmonize separation of powers with that goal to be reached. Moreover, transferring of economic regulation to constitutional level lead to stabilization of monetary sphere.

V. Orban's government enhanced state sector of economy in vulnerable areas, rose taxation on large business and shrank loans' burden of citizens in order to maintain positive economic growth. This measures ensured potential to advance further inside demand rates and to galvanize market capacity.

Finally, V. Orban announced "openness to the East" policy aimed at diversifying foreign trade of Hungary. The main focus of the policy was trade with China and Russia. However, supranational authorities of European Union objected this policy goals on the grounds of economic and political consideration. But Hungarian leadership advocated its policy in a very tough way, which is a good example of self-reliance and pragmatism for the future of Europe.

Key words: unorthodox economic policy, economic sovereignty, openness to the East, V. Orban.

References

1. Yurasova LA Hungarian Challenge for Europe. *Year of the Planet: Yearbook*. Institute of World Economy and Int. Relations. 2012: Economics, Politics and Security. Moscow: Idea-Press, 2012. Pp 353-364. (In Russian).

2. «Nagy diplomáciai siker» a kínai kormányfő látogatása. 2011. június 28. URL: http://kitekinto.hu/kelet-azsia/2011/06/28/nagy_diplomaciai_siker_a_kinai_kormanyf_latogatasa/ (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
3. 15 milliárdos beruházást nyertek a magyarok Jordániában. 2014. május 21. URL: <http://mno.hu/gazdasag/15-milliardos-beruhazast-nyertek-a-magyarok-jordaniaban-1227842/> (Проверено 18.08.2016). (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
4. 2010. évi CIV. törvény. A sajtószabadságról és a médiatartalmak alapvető szabályairól. URL: <http://net.jogtar.hu/jr/gen/getdoc2.cgi?dbnum=1&docid=A1000104.TV#ljb44param> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
5. 2010. évi CLXXXV. törvény. A médiaszolgáltatásokról és a tömegkommunikációról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1000185.TV (Проверено 18.08.2016). (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
6. 2011. évi CCLXII. törvény. A bírák jogállásáról és javadalmazásáról. URL: <http://net.jogtar.hu/jr/gen/getdoc2.cgi?dbnum=1&docid=A1100162.TV> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
7. 2011. évi CCVIII. törvény. A Magyar Nemzeti Bankról. URL: <http://mkogy.jogtar.hu/?page=show&docid=a1100208.TV> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
8. 2011. évi CCVIII. törvény. Az országgyűlési képviselők választásáról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1100203.TV#ljb1param (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
9. 2011. évi CCXI. törvény. A családok védelméről. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1100211.TV. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
10. 2011. évi CLXI. törvény. A bíróságok szervezetéről és igazgatásáról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1100161.TV (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
11. 2011. évi CXCV. törvény. Magyarország gazdasági stabilitásáról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1100194.TV#ljb3param. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
12. 2013. évi CXXII. törvény a mező – és erdőgazdasági földek forgalmáról. URL: <http://www.kozlonyok.hu/nkonline/MKPDF/hiteles/MK13111.pdf> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
13. 2013. évi XX. törvény. Az egyes igazságügyi jogviszonyokban alkalmazandó felső korhatárral kapcsolatos törvénymódosításokról. <http://mkogy.jogtar.hu/?page=show&docid=a1300020.TV> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
14. 2013. évi XXXIII. törvény. A sajtószabadságról és a médiatartalmak alapvető szabályairól szóló 2010. évi CIV. Törvény és a médiaszolgáltatásokról és a tömegkommunikációról szóló 2010. évi CLXXXV. törvénymódosításáról. URL: <http://mkogy.jogtar.hu/?page=show&docid=a1300033.TV> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
15. 2013. évi XXXVI. törvény. A választási eljárásról. URL: http://net.jogtar.hu/jr/gen/hjegy_doc.cgi?docid=A1300036.TV#ljb1param (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
16. A Bizottság jóváhagyta a nukleáris fűtőanyag-szállítási szerződést. 2015. április 20. URL: <http://www.kormany.hu/hu/miniszterelnokseg/hirek/a-bizottsag-jovahagyta-a-nuklearisfutoanyag-szallitasi-szerzodest> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
17. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2013 év, 2014. Január / Statisztikai tükrök. 2014/33. 2014. március 28. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2014. 1. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel21401.pdf> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
18. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2014. I–IV. negyedév. 14. old. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2015. URL: http://www.ksh.hu/tovabbi_fontosabb_adatok (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
19. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2014. I–IV. negyedév. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2015. 5. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1412.pdf> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
20. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2014. I–IV. negyedév. Budapest, 2015. 21. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1412.pdf> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
21. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2014. I–IV. negyedév. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2015. 94. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1412.pdf> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
22. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2015. I–IV. negyedév. Budapest, 2016. 16. old. URL: <https://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1512.pdf> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
23. A KSH jelenti: Gazdaság és társadalom, 2015. I–IV. negyedév. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal, 2016. 82. old. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/gyor/jel/jel1512.pdf> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
24. A németkapcsolat. *Heti Válasz*. XV évfolyam, 6. szám. 2015. február 5. 19. old. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
25. A választók kétharmada ad a kormánynak négy év bizalmat. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/piac-es-kozvelemeney-kutatas/a-valasztok-ketharmada-ad-a-kormany-negy-ev-bizalmat> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
26. Ablonczy Bálint. Magyar-németkétjőbarát? *Heti Válasz*. XV évfolyam, 6. szám. 2015. február 5. 11. old. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).

■ **Мировая политика**

27. Akcióterv a magyar-jordán gazdasági együttműködésről. 2014. március 19. URL: http://kitekinto.hu/islam/2014/03/19/akcioterv_a_magyar-jordan_gazdasagi_egyuttmukodesrl/#.VaUGXZuyUbU (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 28. Az Euratom Ellátási Ügynökség aláírt az üzemanyag-szállítás szerződést. 2015.04.20. URL: <http://www.mvmpaks2.hu/hu/hirek/SitePages/newsDetails.aspx?NewsID=170> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 29. Az évkronikája. HVG. 2014. december 20. 51-52. szám. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 30. Az Orbán-kormány jobban teljesít. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/az-orban-kormany-jobban-teljesit> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 31. Az oroszok építik Paks II.-t. [origo] 2014-01-14. URL: www.origo.hu/itthon/20140114-az-oroszok-epitik-paks-2-t.html (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 32. Bizalmi tőke-vesztés. 2015. április 11. URL: <http://www.median.hu/object.333660f5-900d-4560-99e0-d7e0193a2408.ivy> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 33. Christian Keszthelyi. Ambassador: German firms re-invest half of profits in Hungary. *Budapest Business Journal*. February 2, 2015. URL: http://www.bbj.hu/economy/ambassador-german-firms-re-invest-half-of-profits-in-hungary_91828 (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 34. Consumption per capita varied by almost one to three across EU Member States. *Eurostat newsrelease*. 107/2015 - 16 June 2015. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6885941/2-16062015-BP-EN.pdf/5bb23f4c-cf7a-48fc-aa60-4e2d23087d01>. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 35. Credit Rating. *Trading Economics*. URL: <http://www.tradingeconomics.com/hungary/rating> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 36. Egy szabadságharc frontvonalai. A közvélemény az IMF-tárgyalásokról és az EU-ról. 2012. március 19. URL: <http://www.median.hu/object.90dcfe43-2f4b-448d-adb4-6bb74fdf1129.ivy> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 37. Egyes kormányzati intézkedések társadalmi megítélése – Család- és közösség politika URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/kormanyzati-tukor-3>
 38. EU-büdzsége. HVG. 17. szám. 2015. április 25. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 39. Eurobarometer 62. Public Opinion in the European Union. Autumn 2004. National Report. Executive Summary. Hungary. P. 2. URL: <http://ec.europa.eu/COMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/455> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 40. Eurobarométer 72. Közvéleménykutatás az Európai Unióban. 2009 ősz. Nemzetijelentés Magyarország. 8.old. URL: <http://ec.europa.eu/COMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/61859> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 41. Eurobarométer 72. Közvéleménykutatás az Európai Unióban. 2009 ősz. Nemzetijelentés Magyarország. 3.old. URL: <http://ec.europa.eu/COMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/61859> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 42. Eurostat Newsrelease 116/2015 – 26 June 2015. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6893875/6-26062015-AP-EN.pdf/44d4c87c-98dd-4061-bdf6-b292884a5073> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 43. Eurostat's November 2014 report on poverty in Europe: Eurostat, "More Than 120 Million Persons at Risk of Poverty or Social Exclusion in 2013," News release 168/2014, 4 November 2014, URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-press-releases/-/3-04112014-BP> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 44. Ezer milliárd kerül az emberekhez a bankoktól. URL: <http://www.fidesz.hu/hirek/2014-11-14/ezermilliard-kerul-az-emberekhez-a-bankoktol/> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 45. Future of Europe. December 2011. *Special Eurobarometer* 379 / Wave EB76.4 – TNS Opinion & Social. April 2012. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_379_en.pdf P. 12. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 46. Hungary suspends gas supplies to Ukraine under pressure from Moscow. Agency France-Presse in Budapest. Friday 26 September 2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/sep/26/hungary-suspends-gas-supplies-ukraine-pressure-moscow> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 47. Hungary's Foreign Policy after the Hungarian Presidency of the Council of the European Union. Budapest: Ministry of Foreign Affairs of Hungary, 2011. P. 39. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 48. Kormányzati tükrök 1. Egyes kormányzati intézkedések társadalmi megítélése – Közbiztonság és szociális biztonság. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/kormanyzati-tukor-1>. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
 49. Kormányzati tükrök 2. Egyes kormányzati intézkedések társadalmi megítélése – Oktatás- és egészség politika. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/kormanyzati-tukor-2>. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
-

50. Kormányzati tükrő 3. Egyes kormányzati intézkedések társadalmi megítélése – Család- és közözség politika URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/kormanyzati-tukor-3> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
51. Kristina Than. Special Report - Inside Hungary's 10 billion euro nuclear deal with Russia. Mar 30, 2015. URL: <http://uk.reuters.com/article/2015/03/30/uk-russia-europe-hungary-special-report-idUKKBN-0MQ0MN20150330> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
52. Magyarország Alaptörvénye. 24. cikk, (5) bekezdés. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_41_place. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
53. Magyarország Alaptörvénye. 36. cikk, (4)-(6) bekezdés; 37. cikk, (2) bekezdés. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_36_place (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
54. Magyarország Alaptörvénye. 37. cikk, (4) bekezdés. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_41_place. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
55. Magyarország Alaptörvénye. Nemzeti Hitvallás. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_41_place (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
56. Magyarország Alaptörvénye. Záró és vegyes rendelkezések. URL: http://www.njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=140968#foot_41_place. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
57. Magyarország, 2014. P. 114-115. Központi Statisztikai Hivatal, 2015. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/idoszaki/mo/mo2014.pdf>. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
58. Magyarország, 2015. Központi Statisztikai Hivatal, 2016. URL: <http://www.ksh.hu/docs/hun/xftp/idoszaki/mo/mo2015.pdf>. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
59. Magyarországot támadják – ezek az ellenségeink a hírszerzés szerint. Napi.hu. 2015. július 10. URL: <http://www.napi.hu/print/600323.html>. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
60. Már a jövőhéten Peking belátogat Orbán Viktor. Magyar Nemzet, 2014. február 5. URL: http://mno.hu/magyar_nemzet_gazdasagi_hirei/kinai-vasutepitesek-1209211 (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
61. Marján Attila. A magyar EU-tagság első évtizedének néhány kiválást ott szempont alapján történő értékelése. *Külgyszemle*. 2014/2. Nyár. 176-177. old.; Farkas Zoltán. Vételnyszerek. Magyarország és az Európai Unió: a csatlakozástól a szabadságharcig. HVG. 2014. 17. szám. április 26. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
62. Matura Tamás. A magyar-kínai termékforgalom alakulása 2012-ben. *MKI-elemzés*. E-2013/3. Magyar Külügyi Intézet, 2013. 4-5. old. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
63. Medián: 12 százalékpontot esett a Fidesz népszerűsége. 2014. december 10. URL: http://mandiner.hu/cikk/20141210_median_12_szazalekot_esett_a_fidesz_nepszerusege; Tendenciák. 2015. június 12. URL: <http://mno.hu/vezercikk/tendenciak-1290398>. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
64. Medián: erősödik a jobboldal // HVG. 24 szám. 2015. június 13. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
65. Megállapodtak a Budapest-Belgrád vasútvonal felújításának menetéről. 2015.01.14. Magyaronline. URL: <http://www.mon.hu/megallapodtak-a-budapest-belgrad-vasutvonal-felujitasanak-meneterol/2740222> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
66. Nekünk most előre kell lépni. 2007. október 23. URL: http://2007-2010.orbanviktork.hu/hirek_list.php?item=164 (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
67. Nem leszünk gyarmat! 2012. március 15. Orbán Viktor ünnepbeszéde, Budapesten. URL: http://www.miniszterelnok.hu/beszed/nem_leszunk_gyarmat (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
68. Növekvő bizalmatlanság az EU-valszemben. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/novekvo-bizalmatlansag-az-eu-val-szemben> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
69. Orbán Viktor Beszédének Szó Szerinti Leirata. 2010.02.08. URL: <http://www.fidesz.hu/hirek/2010-02-08/orban-viktor-beszedenek-szo-szerinti-leirata/> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
70. Orbán Viktor felszólalása az azeri-magyar üzleti fórumon. Budapest, 2014. november 11. URL: <http://www.kormany.hu/hu/a-miniszterelnok/beszedek-publikaciok-interjuk/orban-viktor-felszolalasa-az-azeri-magyar-uzleti-forumon> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
71. Oroszország kiemelkedően fontos partnere Magyarországnak. 2014. január 14. URL: <http://www.fidesz.hu/hirek/2014-01-14/oroszorszag-kiemelkedoen-fontos-partnere-magyarorszag-nak/> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
72. Paks nélkül nincs versenyképes magyargazdaság. 2014. január 17. URL: <http://www.kormany.hu/hu/miniszterelnokseg/hirek/paks-nelkul-nincs-versenykepes-magyar-gazdasag> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
73. Riba István. Útvesztőben a magyarkülpolitika. Pénzáll a hazához. *HVG*. 2014. november, 29. 48. szám. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
74. Rosatom opens office in Hungary linked to Paks upgrade. May 26th, 2015. URL: <http://www.politics.hu/20150526/rosatom-opens-office-in-hungary-linked-to-paks-upgrade/> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).

■ **Мировая политика**

75. Special Eurobarometer 415. Europeans in 2014. P.T29. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_415_data_en.pdf (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
76. Standard Eurobarometer 77. July 2012. P. 2. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/yearFrom/1973/yearTo/2015/surveyKy/1063> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
77. Standard Eurobarometer 84. Autumn 2015. Hungary. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/PublicOpinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/yearFrom/1973/yearTo/2015/surveyKy/2098> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
78. Sujata Rao and Sandor Peto. After Hungary's Swiss franc mortgage manoeuvre, a nod to Orbanomics. January 26, 2015. URL: <http://www.reuters.com/article/2015/01/26/hungary-orbanomics-idUSL6N0V236U20150126> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
79. Szabadságunk forrása mi magunkvagyunk. URL: <http://www.fidesz.hu/hirek/2014-11-19/szabadsagunk-forrása-mi-magunk-vagyunk/> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
80. Szankciók Oroszországgellen: mi vesztenivalónk van? 2014. augusztus 09. URL: http://hvg.hu/hvg-friss/2014.32/201432_szankciok_oroszorszag_ellen_pillangoeffektu (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
81. The Russian embargo has caused 4.5 billion dollars in damage to the Hungarian economy. February 26. URL: <http://www.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/the-russian-embargo-has-caused-4-5-billion-dollars-in-damage-to-the-hungarian-economy> (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
82. Többségi egyetértés az Alaptörvény negyedik módosításának főbb pontjaiban. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/kutatasok-elemzesek-publikaciok/tobbsegi-egyetertes-az-alaptorveny-negyedik-modositasanak-fobb-pontjaiban>. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
83. Tovább erősödött a Fidesz. URL: <http://szazadveg.hu/foundation/kutatas/piac-es-kozvelemeney-kutatas/tovabb-erosodott-a-fidesz> ;Medián: erősödik a jobboldal. *HVG*. 24 szám. 2015. június 13. (Accessed 18.08.2016). (In Hungarian).
84. Ungarn will die Ukraine als Puffer zu Russland. 24.11.2014. URL: <http://www.handelsblatt.com/politik/international/premier-orbn-ungarn-will-die-ukraine-als-puffer-zu-russland/11022238.html> (In German)

About the author

Larisa A. Yurasova – Chief of the Presidential Office on ensuring the constitutional rights of citizens.
E-mail: lara.yurasova@gmail.com.

ФЕНОМЕН СИЛЬВИО БЕРЛУСКОНИ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИКИ И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ИТАЛИИ

А.Ю. Ковалева

Руководитель зарубежных проектов по связям с общественностью (Head of Foreign Communications). ООО НКО «Яндекс.Деньги» 119021, Россия, г. Москва, ул. Тимура Фрунзе, д. 11, стр. 44.

В сентябре 2016 г. бывшему премьер-министру Италии Сильвио Берлускони исполняется 80 лет. В статье предпринята попытка рассмотреть феномен знаменитого политика и созданной им партии «Вперёд, Италия» в контексте особенностей политики и СМИ Италии. Предметом анализа является объяснение «секретов» политического и электорального успеха партии и ее харизматичного лидера, неизменно привлекающего внимание как практикующих политиков, так и специалистов по политологии.

Новаторство Берлускони с точки зрения используемых политических технологий состоит в системе манипулирования общественными настроениями с помощью телевидения. Благодаря прекрасно спланированной предвыборной кампании в системе политических наук появилось специальное понятие, описывающее подобный феномен, – телекратия. На фоне того, как средства массовой информации становились самостоятельной общественной силой и серьёзным орудием власти, феномен скандально известного Берлускони наглядно иллюстрирует персонификацию политики и снижение роли традиционных институтов в политической жизни Италии.

Берлускони начал политическую карьеру в 57 лет и пришёл с идеей полного изменения политической системы Италии. Несмотря на то, что в конечном итоге достичь радикальных изменений в жизни страны ему не удалось, Берлускони смог профессионализировать политическую коммуникацию и на практике применить в политике навыки и подходы из сферы бизнеса. Всё это привлекает интерес к самой личности Берлускони, к приёмам его политической коммуникации, а также к новой роли средств массовой информации. Несмотря на то, что фигура знаменитого итальянца вызывает множество вопросов и указывает на целый ряд противоречий с подлинной демократической жизнью, факт политического и коммуникативного гения Берлускони не ставится под сомнение. Так, феномен Берлускони и всецело ориентированной на своего лидера партии «Вперёд, Италия» – беспрецедентное явление в политической жизни Италии, которое нуждается в тщательном изучении.

Ключевые слова: Италия, Сильвио Берлускони, берлусконизм, персонификация политики, телекратия, «Вперёд, Италия», политические коммуникации, политические технологии, политическое лидерство.

Для большинства людей и, в первую очередь, для итальянцев Сильвио Берлускони — давно уже не просто политик-должитель или успешный предприниматель. Как отмечает политолог Г. Сардарян, Берлускони был одним из немногих итальянских руководителей, кому удавалось создавать относительно стабильные коалиции. При этом политик смог объединить радикальные силы Севера и Юга, формировать два разных предвыборных союза в рамках одной коалиции, а также выступать (и побеждать) в южных регионах в связке с одним коалиционным партнером, в северных — с другим [19]. По времени, проведенному в кресле премьера страны, Берлускони обходят лишь Бенито Муссолини и Джованни Джолитти. Очевидно, что фигура Сильвио Берлускони — совершенно особый феномен итальянской политики в частности и мировой политики вообще.

Сложно найти другого политика, чье имя настолько прочно ассоциируется с многочисленными скандалами различного характера и обвинениями в непристойном поведении. Политик пережил более 50 вотумов недоверия в парламенте, бесчисленные судебные процессы и громкий развод. Однако, как отмечает профессор кафедры дипломатии МГИМО и эксперт по истории и современному политическому развитию Италии Татьяна Зонова, большинство итальянцев всё равно на протяжении долгих лет доверяли этому политику с весьма неоднозначной репутацией судьбу страны, оказывая ему поддержку на выборах [1, 2]. Выдающийся итальянский философ и писатель У. Эко писал, что «Берлускони не является ни государственным мужем, ни вообще политиком традиционного типа, а следует иной модели поведения, и именно поэтому он опаснее приснопамятных каудильо¹» [25, с. 32]. «Политик самоновейшей формации, скажем даже — супер- и пост-новейшей даже в своих самых нелепых поступках осуществляет сложную, хитрую и тонкую стратегию, подтверждающую, что он абсолютно владеет собой и имеет сильный оперативный ум» [25, с. 115]. Даже несмотря на то, что за все годы у власти, как пишет политолог Т. Зонова, радикальных изменений в жизни страны Берлускони достичь не удалось, этот популистский лидер заслуживает внимание с точки зрения используемых им политических технологий, так как он совершенно точно умеет общаться с людьми и завоёвывать симпатии электората [2]. Так, Сильвио Берлускони явил мировой общественности новую модель политического лидера — популиста, сочетающего власть и силу богатейшего медиамагната страны, к тому же владеющего крупнейшим футбольным клубом Италии, и действующего политика.

Успех Сильвио Берлускони на политической арене дал жизнь новому термину — «берлусконизм» (*il berlusconismo*). Как пишет политолог

Левин, для берлусконизма характерен «новый способ делать политику, который заключается уже не в том, чтобы выстраивать особый, специализированный корпус, партию, а в том, чтобы рассматривать каждого избирателя как участника каждодневного спектакля событий и новостей, фактов и сообщений» [12, с. 102]. Итальянский исследователь Дж. Орсина в своей книге о берлусконизме пишет, что феномен требует тщательного анализа и изучения в контексте сложившейся политической традиции Италии, а для полноценного понимания берлусконизма необходимо изучить как содержание, так и политические инструменты, которые использовал Берлускони [59].

Персонализация политики

Со второй половины XX в. политологи начали фиксировать перемены в природе и облике традиционных партий. Практически во всех западных демократиях стали явными тенденции к снижению влияния традиционных институтов и возрастанию влияния лидерства. Исследователи всерьёз заговорили о «персонализации» политической сферы. Так, современных избирателей в развитых демократических странах нередко гораздо больший интерес представляет личность самого кандидата, нежели его партийная принадлежность. В ходе избирательных кампаний традиционные партийные символы стали заменяться изображениями партийных лидеров [50], а в СМИ стали чаще появляться упоминания самих кандидатов, а не партий, которые они представляют.

Появление Сильвио Берлускони на политической сцене Италии и его «выход на поле» политики ознаменовали наступление нового этапа в жизни страны. Одним из важнейших последствий персонализации сферы политического стало изменение ожиданий избирателей касательно предъявляемых требований к политическим лидерам. Если раньше полагали, что лидером способен стать кто-то особенный, наделённый неким божественным даром вести за собой толпу, то в результате персонализации политики на первое место вышла способность политического лидера идентифицировать себя со своими избирателями. По мере того, как изменялись критерии выбора политических лидеров, произошли заметные трансформации в самопозиционировании. Западные лидеры, и в частности — Берлускони, изменили тактику и стали представлять себя «людьми из народа», простыми людьми с присущими людям недостатками и слабостями [45]. Рядовым избирателям свойственно положительно воспринимать тех, кто похож на них самих, имеет схожие проблемы и недостатки. Так, символическая близость к массам стала необходимым условием для политического успеха того или иного кандидата. На второй план ушла способность вести дебаты по

¹ Каудильо (предводитель, исп.) — официальный титул генералиссимуса Франко в качестве правителя Испании. Иногда испанский термин «каудильо» применяют и к латиноамериканским диктаторам.

сложным идеологическим вопросам, в то время как на первый план вышли повседневная жизнь и насущные проблемы. Исследователь Манчини пишет о том, что пришла новая эра политической коммуникации - эра постановочно-конфликтной персонализации, устанавливающая различные, противоположные реакции в одну линию с новой логикой массового коммуникационного дискурса, никогда ранее не имевшего места в такой стране, как Италия [54].

Новая роль СМИ

в политической коммуникации

Персонификация политики стала возможной вследствие изменений в структуре самих партий и нововведений в системе политических коммуникаций, в частности использования телевидения как инструмента влияния на сознание масс. Как пишут итальянские исследователи Маццолени и Сфардини, политические партии потеряли роль социального агентства в ежедневных делах общества, в то время как эта роль перешла к масс-медиа [55].

Понимая важность роли СМИ и необходимость сотрудничества, партии оказались подчинены логике медиа [31] и подверглись глубинным трансформациям, которые были как собственно причиной, так и последствием персонификации политики. Партии оказались вынуждены адаптироваться к меняющейся реальности и расширять свою социальную базу. Подобный процесс превращения политических сил в так называемые партии «хватай всех» - catch-all parties подразумевал падение влияния партийной идеологии за счёт возвышения личности партийного лидера. Среди других причин, повлекших персонификацию политики, называют стремление найти подотчётное лицо, которое могло бы представить обоснованный отчёт о деятельности правительства, ответить на обвинения и понести наказание за неудачи и оплошности [49].

Телекратия

Сильвио Берлускони представил новый для своего времени подход к завоеванию голосов избирателей. Политику удалось в каком-то смысле популяризировать культуру итальянской политики, используя в политической борьбе опыт из мира бизнеса: профессиональные навыки, маркетинговые подходы и приемы. Маркетинговые технологии их масс-медиа позволили выявить ориентации, устремления, представления избирателей, а их правильное применение в политике стало предпосылкой достижения популярности и победы на выборах.

Если раньше политика предполагала лишь наличие программы, постановку проблем, изложение альтернатив их решения и обращение к интересам и разуму граждан, то теперь всё это оказалось заменено конкуренцией образов, имиджей политиков, создаваемых по законам рекламного бизнеса.

Во время политического становления Берлускони в 1990-х гг. по мере того, как партиям было всё сложнее мобилизовать массы и искать необходимую поддержку электората, именно телевидение позволило политическим лидерам установить прямую, непосредственную связь со своими потенциальными последователями, что дало им дополнительные мобилизационные возможности. Посредством телеэкрана голоса и лица политиков получили возможность регулярно появляться в каждом доме [30].

Так, исследователи массовых коммуникаций начали говорить о медиатизации сферы политического и о наступившей эпохе медиакратии - власти средств массовой информации, которые не только отражают и интерпретируют действительность, но и конструируют её по своим собственным правилам. По словам американского исследователя СМИ Р. Макнейла, ничто до распространения телевидения не вносило таких существенных перемен в технику убеждения масс.

Телекратия - господство телевидения, объединившегося с политикой и бизнесом, как попытка управления обществом посредством масс-медиа. В условиях телекратии телевидение является самодовлеющим, а политика становится его инструментом - медиа-структуры сами моделируют политическую реальность. Создавая определенные образы, телевидение становится средством программирования поведения человека. Программная риторика вытесняется личностной, политические дебаты становятся театром с хорошей режиссурой (например, в таких дебатах большую роль приобретают не высказывания, а мизансцены, жесты, внешний облик). Те, кто наблюдает эти дебаты на телеэкране, входят в роль зрителя и утрачивают свободу воли и ответственность гражданина, делающего выбор.

Среди основных преимуществ использования телевидения как средства внушения - возможность интеракции с многочисленной аудиторией без непосредственного контакта. Также телевидение позволяет кандидатам стать «узнаваемыми лицами» в рекордные сроки. Телеэкран - совершенно особый инструмент манипулирования, обладающий удивительной способностью «стирать» различие между правдой и ложью. Даже явная ложь, представленная через телеэкран, не вызывает у телезрителя автоматического сигнала тревоги - его психологическая защита отключена. Объединяя в себе два ключевых канала восприятия (зрительный и слуховой), телевидение лишает смотрящего возможности критического осмысления поступающих сведений.

Разумеется, необходимо рассматривать феномен Берлускони в контексте сложившейся политической ситуации в Италии. Крупномасштабные трансформации, начавшиеся с кризисного периода 1989-1994 гг., полностью изменили облик государства, структуру его политической системы и политической элиты. В

1993 г. в Италии коренным образом изменилась избирательная система: старая система, основанная на принципе пропорционального представительства, была реформирована, а новый закон стал своего рода компромиссом между мажоритарной и пропорциональной системами. Получившая широкий международный резонанс правительственная кампания «Чистые руки», в ходе которой граждане Италии узнали, что политическая система страны насквозь пронизана коррупцией, в корне изменила политический ландшафт страны. Расследование в ходе этой операции дискредитировало большее число государственных деятелей, и почти все ведущие партии страны оказались в бедственном положении. Кризис политических партий сопровождался серьёзным кризисом политического класса. В обстановке сильно подорванного доверия ко всем политическим силам на политической арене Италии образовался своеобразный политический вакуум, благоприятный для выдвижения новых партий и новых политических лидеров. Так, именно в этот исторический момент на политической арене Италии появилась новая фигура – Сильвио Берлускони.

В то же время успех Берлускони во многом зависел от методов использования и злоупотребления им системой массовых информации. Как пишет политолог Манчини, политику удалось использовать глубоко укоренившиеся особенности системы итальянских масс-медиа и одновременно представить абсолютно новый способ поведения и коммуникации в сфере политики [55]. Берлускони смог опередить своих политических оппонентов и лучше понять культурные и социальные изменения в итальянском обществе, произошедшие в связи с коммерциализацией СМИ. При этом важно, что он имел фору, так как «пришёл на политическое поле» из сферы медиа, представив целый ряд новшеств в сфере политической коммуникации. Манчини подчеркивает, что Берлускони раньше других осознал, что масс-медиа, и в частности телевидение, стали выполнять роль старых традиционных ресурсов политической социализации. Так, ключевым моментом в завоевании симпатий электората во время политического становления Берлускони стала постоянная работа со зрителем посредством телеэкрана. Также Берлускони понял, что особенности работы масс-медиа требуют высокий уровень персонализации событий в рамках политической коммуникации. Таким образом, все политические кампании Берлускони были беспрецедентно персонализированы.

Берлусконизм

Еще в 2004 г. российский журналист-международник М. Ильинский писал, что берлусконизм – это сложное, комплексное политико-экономико-социальное явление, прокладывающее путь в будущее. Цитируя Ильинского, Берлусконизм возник не из горы денег и леса телевизионных антенн. Он начал развиваться, когда обнару-

жился явный недостаток в сильных политиках [4].

Автор книги о берлусконизме Дж. Орсина пишет о том, что людям свойственно обращать больше внимания на форму и недооценивать содержательную сторону этого явления. В распоряжении Берлускони действительно была мощная бизнес-империя, полностью зависящая от своего руководителя. Значительное число работ посвящено особенностям политической коммуникации Берлускони: его самопозиционированию в подконтрольных ему СМИ, используемым приемам политического маркетинга и пропагандистским тактикам популизма [4, 61, 69]. Однако интересно проанализировать «содержание берлусконизма».

Берлускони стал первым политическим деятелем с момента объединения Италии, который открыто заявил о том, что в текущем положении дел виновата действующая политическая элита, а отнюдь не общество [68]. Как пишет профессор кафедры дипломатии МГИМО Татьяна Зонова, Берлускони пришёл к власти с идеей полного изменения политической системы Италии [3]. Берлускони изначально планировал изменить конституцию Италии, и таким образом создать вторую республику, превратить её из парламентской в президентскую, поскольку он сам видел себя президентом Италии. Однако этого ему сделать не удалось. Не удалось ему провести и федерализацию Италии, чего он тоже хотел. В плане развития экономической модели он пришёл с неолиберальными идеями: полной приватизации, проведения радикальных реформ в области пенсионной системы, образования и в других сферах. Будучи адептом рыночной экономики, он выступал за то, что необходимо адаптировать «правовую сторону» государства под реальное положение дел, а отнюдь не менять людей, исходя из идеи о существовании некоего идеального государства и мудрой правящей элиты. Подобная адаптация должна была случиться благодаря трансформации итальянского государства в более «дружелюбное и человеколюбивое» государство с минимальным вмешательством в жизнь общества и созданию новой политической элиты из непрофессиональных политиков [68]. Один из столпов берлусконизма – применение рыночных принципов в работе государства [41]. В центре правильного государства по Берлускони – сознательное гражданское общество, а политическая элита всего лишь должна отвечать его требованиям. Дж. Орсина определяет берлусконизм как идеологию, в равной мере сочетающую в себе популизм и либерализм [68].

В политику Берлускони многое привнес из сферы бизнеса, сумев применить в политических коммуникациях свои аккумулированные знания и аналитические способности. Стратегия политического поведения пришла из маркетинга: Берлускони делал ставку на то, чтобы узнать своих избирателей и их потребности и направить им таргетированное сообщение, соответствующее их ожиданиям.

Новые электоральные технологии партии «Вперёд, Италия»

Создание правоцентристской политической партии «Вперёд, Италия» стало важным событием, ознаменовавшим начало нового этапа в политической истории Италии. Основанная всего за три месяца до выборов, эта партия стала одной из крупнейших и в рекордные сроки смогла завоевать симпатии значительной части итальянского электората. Организационная структура партии весьма отдаленно напоминала традиционную. «Вперёд, Италия» позиционировала себя как партия модернизации и обновления, в ситуации кризиса ценностей и идей предложившая стране три главных идеи: избежать воцарения левых демократов и пост-коммунистов на политической арене, преодолеть политико-культурное отставание Италии, развиваясь в соответствии с изменяющимися мировыми реалиями, модифицировать устаревшую идею политического неизменного консервативного центра. В числе ценностей, которые отстаивала партия, были заявлены: свобода, личность, семья, предпринимательство, итальянские традиции, католическая традиция и сочувствие к слабым.

Название партии *Forza Italia* («Вперёд, Италия», или «Давай, Италия») было взято из лексикона футбольных болельщиков. Как отмечает в своем исследовании «"Вперед, Италия" или "Вперед, Берлускони"» политолог Джанфеличе, само название партии вызывало неоднозначную реакцию и беспокойство, так как итальянское слово «forza» означает не только энергичный призыв «давай! жми!», но и «мощь» и «насилие». По словам российского ученого И.Б. Левина, «партию изготавливали подобно тому, как на крупном предприятии готовят к выпуску в широкую продажу новый продукт. «Изделие» украсили сине-белым логотипом, ассоциирующимся с эмблемой национальной сборной, и снабдили гимном, напоминающим музыкальную заставку к футбольному репортажу» [9, с. 55].

Как истинный адепт либерального девиза «больше рынка – меньше государства», Берлускони выступил с позицией предпринимательской рациональности, неотразимой логики дохода и издержек [5, с. 48]. Управлять государством как частным предприятием – данный девиз звучал еще более убедительным из уст успешного предпринимателя Берлускони, доказавшего состоятельность своих доводов на собственном опыте. Стратегия оказалась успешной: в пяти выборах в период с 1994 по 2008 г. партия Берлускони и коалиции, в которых она участвовала, стабильно пользовались популярностью у предпринимателей.

Однако, прежде всего, «Вперёд, Италия» – популистская партия: Берлускони обещал своим потенциальным избирателям решить наболевшие проблемы, утверждал, что он представитель нового времени, «борец за свободу» и «спаситель Италии», а каждой категории населения он говорил именно то, что хотели слышать.

Мнения политологов расходятся при ответе на вопрос, почему итальянцы положительно восприняли довольно демагогический проект. Одни утверждают, что итальянцы увидели в лице Берлускони новый ориентир и олицетворение перемен. Политтехнологи списывают успех на применение новых технологий политической коммуникации, а высокопоставленные партийные чиновники объясняли все тем, что «гибкая по своей природе партия сочетает в себе лучшие из идейных традиций – от либерализма до реформистского и демократического социализма вместе с либеральным католицизмом... Италия – страна мелкого предпринимательства с довольно мощной теневой экономикой, миллионы итальянцев имеют своеобразные, анархистские представления о свободе и правосудии, и поэтому лозунги партии «Вперёд, Италия» против этатизма звучат в их ушах приятной музыкой» [12, с. 104].

Однако и среди противников, и среди сторонников Берлускони нет ни одного, кто бы отрицал принципиальную, по существу решающую роль новых технологий политического маркетинга того времени, а именно телевидения, в завоевании им симпатий большинства электората.

«Секреты» успеха Берлускони

Безусловно, во многом «Вперёд, Италия» смогла продемонстрировать столь впечатляющие результаты, благодаря тому, что ее основатель Сильвио Берлускони был влиятельным бизнесменом и одним из богатейших людей Италии. Основатель политической партии эффективно использовал свои телеканалы, издательскую империю, связи с миром спорта и рекламу в своей предвыборной кампании. Принадлежащий ему «Фининвест» был второй по величине частной корпорацией в Италии и крупнейшей медиа группой в Европе.

Однако даже этих ресурсов было бы недостаточно, если бы Берлускони и его соратники лучше других не владели навыками политического маркетинга и менеджмента. Первая предвыборная кампания 1994 г. Берлускони была прекрасно спланирована и проведена по новейшим разработкам и технологиям рекламной психологии того времени (в составе «Финивеста» имелись мощная рекламная компания «Публиталия» и разветвлённые социологические службы). В ходе предвыборной кампании, целиком и полностью опиравшейся на информационную мощь медиа магната, Берлускони утверждал, что он один способен решить проблемы Италии. Себя он видел лучшим политическим лидером в Европе и мире: «Исходя из истории моей жизни, моих профессиональных навыков и достижений в бизнесе, равных мне нет».

Отслеживание реакции электората на выступление кандидата велось в специально оборудованных наблюдательных точках (всего было восемь подобных точек) в соответствии с мето-

дом «ориентированного маркетинга». Однако настроения и симпатии электората интересовали наблюдателей не как «слепок» реальных проблем, воспринимаемых обществом, а как колебания по шкале: нравится – не нравится. В уже заданный имидж вносились поправки и добавлялись те характеристики, которые вызывали у аудитории симпатию. В условиях телеэкрана гораздо важнее оказывается внешняя составляющая, некие знаки и сигналы: уверенности в себе, расположенности к аудитории, бодрости и т.п.

Берлускони, согласно рекомендациям специалистов области рекламы, транслировал в каждый дом образы успеха, честности, расположенности и общительности, компетентности и осведомлённости. Контролируя большую часть телевизионной информации страны, политик часами выступал по всем телеканалам. Он всегда прекрасно выглядел, был полон энергии, жизни и оптимизма. Как многократно отмечал сам Берлускони, только незначительный процент итальянцев использовал газеты как главный источник информации, большинство получали ее из телевизора. При этом Берлускони подчёркивал, что ориентироваться следует на умственный уровень примерно 14-летнего подростка, «не обязательно из отличников в своём классе» [6, с. 103].

Будучи типичным популистом, Берлускони построил свою предвыборную агитацию на беззастенчивой и достаточно навязчивой – даже для взгляда со стороны – рекламе самого себя. В своих многочисленных выступлениях в прессе и на телевидении молодой и загорелый политик постоянно подчеркивал свою набожность, неустанный труд на благо всех итальянцев (в 2006 г. Берлускони признался, что, по его мнению, только Наполеон сделал для Италии больше, чем он сам) и свою политическую честность и незлобивость. В предвыборных роликах, транслируемых по телевидению, перед избирателями предстал улыбающийся, крайне уверенный в себе человек, который был твёрдо убеждён в том, что говорил. Спокойная фоновая музыка прекрасно дополняла обещания харизматичного Берлускони изменить Италию. Обаятельный и амбициозный политик призывал смотреть в будущее, а не в прошлое. На первый план вышло совсем не то, что нужно стране, а то, что понравилось бы людям: «Я создам миллион новых рабочих мест», «Домохозяйкам будет выплачиваться зарплата», «При мне не будет повышения налогов», «Я добился успеха для своего предприятия – такой же успех ждёт Италию, если меня выберут», «Моя футбольная команда «Милан» победила – так же победит Италия под моим руководством»... Берлускони – типичный популист со всеми характерными ухватками и стилем поведения: заигрыванием с толпой, грубой демагогией, раздачей обещаний налево и направо.

В 1994 на национальных выборах партия Берлускони «Вперёд, Италия» в составе коа-

лиции «Полюс Свободы» одержала победу на выборах и вошла в правительство. Однако в результате внутренних противоречий в коалиции, а также серии новых коррупционных скандалов, правое правительство ушло в отставку 22 декабря 1994, пробыв на политической сцене 225 дней. Тем не менее, Сильвио Берлускони удалось вернуться в правительство. Объединившись с прежними союзниками под новой вывеской «Дом свободы» (помимо партии «Вперёд, Италия» в коалицию вошли «Национальный альянс», «Христианско-демократический центр», «Лига Севера» и Новая социалистическая партия Италии), коалиция, возглавляемая С. Берлускони, вновь оказалась у власти в 2001 г. Повторная победа ВИ позволила ей утвердиться в политической системе Италии в качестве самостоятельной и господствующей политической силы, а используемые ей технологии политического маркетинга доказали свою состоятельность.

«Самое невероятное в победе Берлускони на выборах заключается в том, что очень многие в самой Италии и в остальной части Европы считали её невозможной, — было написано в редакционной статье в лондонской газете «Таймс». — Но эта победа состоялась именно потому, что «Вперёд, Италия» мало походит на политическую партию, а самого Берлускони воспринимают как новичка в политике». Левая оппозиционная газета «Республика» написала позднее, что партии «Вперёд, Италия» «удалось заполнить политический вакуум, возникший после политического землетрясения, вызванного разоблачениями проворовавшихся политиков прежнего истеблишмента».

В Италии нет недостатка в положительных отзывах о Сильвио Берлускони и созданной им партии, что во многом объясняется именно тем, что эти СМИ ему подконтрольны. Однако для объективной оценки ситуации интересно проанализировать критические выступления. Известный итальянский публицист Дж. Бокка, занимающийся изучением современных политических деятелей Италии, провёл своё журналистское расследование деятельности бывшего премьера. В своей работе с говорящим названием «Маленький Цезарь» Бокка критически подходит к деятельности Берлускони. Как считает автор, в результате выборов 1994 г. победу над демократией одержал рынок. Как пишет Бокка, феномен Берлускони – симптом всемирного забоевания, которое заключается, прежде всего, в абсолютном господстве денег над политикой и в безудержном неолиберализме. Очевидно, что реформирование политической системы Италии не могло пройти безболезненно, но политический успех Сильвио Берлускони заметно усложнил этот процесс.

В статье «Берлускони, хватит!», также опубликованной в Economist, колумнисты писали о том, что итальянский электорат не мог не понимать, что ситуация очень серьёзная. Однако выбор всё же был сделан в пользу Берлускони,

и, по мнению редакции журнала, произошло это потому, что итальянцы сделали ставку на личность Берлускони и его качества бизнес-лидера. Логика была довольно простая: если человек сумел сделать большое состояние для себя, он сможет сделать это и для всего итальянского народа, сможет улучшить тяжелое экономическое положение Италии.

И хотя вследствие внутренних раздоров победившая на выборах в 1994 г. коалиция продержалась у власти менее одного года, уход партии в оппозицию не оказался фатальным для такой молодой и неструктурированной партии. Избирательная кампания «Полюса свобод» на выборах 2001 до сих пор вызывает восхищение политтехнологов. Многие объясняют победу «Полюса» тем, что политики «Полюса», в особенности Берлускони, за образец вновь взяли коммерческую рекламу. Избирательная кампания строилась на рекламных шаблонах, было принято решение периодически показывать один и тот же символ, при этом озвучивать одни и те же несколько быстро запоминающихся слоганов, также был грамотно проработан выбор символических цветов. Цвета были выбраны очень удачно, успех слоганов - в их примитивности, законы политической агитации в точности совпали с законами примитивной рекламы потребительских товаров. Предвыборная агитация основывалась на том же принципе, который существует в рекламе: а именно, что правдоподобие не имеет значения. Потребитель или избиратель отдает предпочтение тому, что ему качественно прорекламировали. Происходит данный «рациональный выбор» на уровне подсознания, кампания 2001 г. ещё раз доказала, что сила слоганов отнюдь не в осмысленности, а в их запоминаемости.

В отличие от традиционного языка итальянских политиков, речь Берлускони намеренно была стилистически «очеловечена», он постоянно делал семейно-бытовые отсылки («так всегда поступает моя мама» и т.п.), рассказывал анекдоты, в том числе и о себе самом.

В то время как Берлускони с повадками шоумена пытался воздействовать на эмоции и воображение электората, его противники оперировали довольно нудными аргументами социально-экономического характера. Умберто Эко пишет, о том, что заслуга идеологов «Полюса» состояла в том, что им удалось угадать, что в процессе разложения общества появятся совершенно новые группы, сформированные уже не по имущественному цензу, а по принципу поголовой зависимости от мира масс-медийных ценностей, то есть группы, нечувствительные к идейным призывам, но чувствительные к призывам популистским.

Интересно рассмотреть портрет голосующего за партию Берлускони. Согласно исследованию 2001 г., электорат этой правоцентристской партии – люди на периферии: пожилое население, женщины, пенсионеры, безработные, жители маленьких городов, люди, не интересу-

ющиеся политической жизнью страны [43]. Так, успех Берлускони во многом был обеспечен тем, что ему удалось привлечь тех, кто никогда не стремился участвовать в политической жизни Италии и политикой в принципе не интересовался.

«В популистской риторике вызрели и те доводы о преимуществах Берлускони, которые так хорошо действуют на людей низшего социального происхождения. Вот эти пункты: (i) Берлускони — миллиардер, поэтому не станет воровать (соображение, основанное на принципиальном отождествлении политиков с ворами); (ii) что мне за дело, если он устраивает собственные дела, я буду рад, если он устроит заодно и мои; (iii) человек, который исхитрился так здорово разбогатеть, сумеет обогатить и народ, которым он будет править» [25, с. 321], - пишет Умберто Эко. Известный российский итальянист И.Б. Левин отмечает, что «экран телевизора, по существу, заменил собой митинг на площади (то есть горизонтальную связь людей), а образ разбогатевшего «исключительно личными стараниями» человека - партийную программу. Наблюдаемая повсюду в современном мире тенденция к театрализации и персонификации политики, в Италии наглядно обнаружила свое завершение в виде банализации политического процесса» [6, с. 103].

Таким образом, заслуга Берлускони на выборах в 2001 г. состоит в том, что ему удалось правильно определить свою целевую аудиторию. А главный промах левых сил был в непонимании того, что подлинный электорат партии, которая поставит целью провести реформы в Италии, — это уже не «народные массы», а обеспеченные слои, работники непроизводственной сферы. И обращаться было нужно именно к этому громадному электорату, а не к мифическому рабочему классу [22].

К тому же, одержать победу Сильвио Берлускони помогла особая техника. Многие политологи говорят, что Берлускони торговал консенсусом. Он лицом к лицу встречался с оппозицией, с общественным мнением, в том числе иностранным, с прессой. Заслуга Берлускони состоит в том, что он быстро сообразил, как ему оборачивать исходящую от всех них критику себе на пользу. Во-первых, политик Берлускони известен своими обещаниями, здесь важно, чтобы они «цепляли за живое» противника, а Берлускони, в свою очередь, получает известность в СМИ, место в заголовках ведущих иностранных и итальянских изданий. Во-вторых, провокационность высказываний Берлускони должна была быть достаточно острой, чтобы у оппозиции не было шанса ответить.

С точки зрения развития политической коммуникации, новаторство Берлускони состоит в том, что ему удалось вытеснить партии как посредников между обществом и властью. Подконтрольные Берлускони СМИ создавали виртуальную реальность, между гражданином и уже

■ Мировая политика

персонифицированной властью устанавливалась непосредственная связь, которая сообщала телезрителю ощущение принадлежности к народу, за которым последнее слово в принятии главных политических решений. Запомнилась исследователям сцена подписания перед телекамерами так называемого «контракта с населением»² накануне выборов. «Контракт» представлял собой соглашение между Берлускони и его потенциальными избирателями, в котором первый, в случае своей победы, обещал снизить налоги, уменьшить показатели безработицы и создать как минимум 1.5 миллион рабочих мест, повысить минимальные пенсии и сократить число преступлений, а также завершить строительство 40 % обещанных инфраструктурных проектов. Берлускони обязался не участвовать в последующих выборах, если, по крайней мере, четыре из пяти основных пунктов не будут выполнены. Один из экземпляров контракта Берлускони собственноручно подписал в прямом эфире и пообещал повесить у себя в спальне, «чтобы помнить о своих обязательствах каждый день». Многие итальянцы восприняли это действие как реальное, имеющее юридически обязывающее содержание. К тому же, к двери каждого итальянского дома была доставлена партийная программа «Итальянская история». Это своеобразный шедевр самопрезентации, где Берлускони был изображен бизнесменом, который создал сам себя, семьянином и любимцем женщин. В популистском стиле там рассказывается о его биографии, пристрастиях, увлечениях, друзьях. «Итальянская история» знакомила потенциальных избирателей с программой партии и ее историей [21].

Новаторство Берлускони заключается в том, что ему удалось персонифицировать партию. Партия стала восприниматься как группа, единолично управляемая одним политиком, действия которого зачастую превращаются в спектакль одного актера. В свою очередь, избиратели начали ассоциировать себя скорее не с принципами, которые защищает партия, а непосредственно с её лидером. Исследователи заговорили о возрождении культа личности в итальянской реальности.

Феномен Берлускони рискует остаться непонятым без учёта специфических особенностей итальянской культуры. Для национальной идентичности очень важна историческая культура, также известная как «культура памяти». Одни и те же институты совершенно по-разному функционируют в разных странах. Близкий друг Берлускони и председатель совета директоров Медiaset Конфалониери ссылаясь на специфику Италии: «Италия - необычная страна. И даже аномалию, подобную личности Берлускони, необходимо рассматривать в контексте страны. Он поступил так, как поступил бы любой итальянский бизнесмен». Многие итальянцы

поддержали подобную идею, считая и объясняя действия Берлускони тем, что он поступил так, потому что позволяла существующая система. Для итальянцев характерен крайний индивидуализм, повышения благосостояния многие добивались путем скорого личного обогащения, при этом они нередко обходили стороной правила и условности.

В 2008 г. партия «Вперёд, Италия» объединилась с «Национальным Альянсом», создав партию «Народ свободы», председателем которой стал бессменный лидер ВИ Сильвио Берлускони. По результатам национальных выборов 2008 г. партия Берлускони в коалиции с «Лигой Севера» и её южным аналогом партией «Движение за автономию» сформировали итальянское правительство. Однако в ноябре 2011 г. 75-летний премьер-министр Италии Сильвио Берлускони ушёл в отставку – это решение глава правительства принял после того, как лишился большинства голосов в нижней палате национального парламента Италии. Его уход стал результатом политического кризиса, разразившегося на фоне серьёзных финансово-экономических трудностей, с которыми столкнулась Италия. Отставке Берлускони предшествовало принятие парламентом закона, направленного на стабилизацию экономической ситуации в стране, включающего ряд антикризисных мер. Против премьера выступили не только представители оппозиции, но и некоторые члены его собственной партии. Уровень поддержки премьера и его правительства упал до рекордно низкой отметки. Уход Берлускони сопровождался массовыми демонстрациями воодушевленных противников политика, а лидеры оппозиционных сил страны назвали день отставки Берлускони «днём освобождения» Италии.

Сокрушительное поражение партии Берлускони «Народ свободы» на административных выборах, прошедших в мае 2012 г., ещё раз показало, что страна «устала» от Берлускони. И хотя Сильвио Берлускони больше не является официальным лидером партии и его имя не упоминалось в предвыборной агитации, именно он признал поражение своего детища. Формирование современной информационно-коммуникационной структуры во многом положило конец доминированию Берлускони на рынке информации, что заметно сократило его возможности манипулирования общественным сознанием посредством телевидения. Население Италии потеряло веру в способность Берлускони эффективно управлять государственными финансами, так как он так и не выполнил своих обещаний. Значительные коррективы в планы бессменного лидера ВИ внес мировой финансовый кризис. Таким образом, становится ясно, что «секреты» политического успеха Берлускони и возглавляемой им партии не вечны и отнюдь не универсальны [20].

² Mode of access: <http://www.youtube.com/watch?v=FMMYeuEjUOk>

Однако было бы неправильным считать явление берлусконизма провальным хотя бы с точки зрения его политического присутствия в Италии. Длительное время пребывания политика у власти определило целую эпоху в жизни страны. Берлусконизм совершенно точно стал отдельным явлением, сыгравшим особую роль в политическом ландшафте Италии. Более того, как резюмирует Дж. Орсина в своей книге, берлусконизм заложил основы биполярной политической системы, где друг друга у власти попеременно сменяют различные полюса силы.

Сильвио Берлускони удалось вовлечь в активное участие в политической жизни страны

тех, кто политикой никогда не интересовался. Его собственный пример человека, пришедшего в профессиональную политику из бизнеса, положил начало новой итальянской традиции, согласно которой политическую элиту страны могут возглавлять люди извне, ранее не имеющие к политике никакого отношения. Победа популистского «Движения пяти звёзд», основанного популярным комиком Бeppe Гpилло и предпринимателем Джанроберто Касаледжо, на муниципальных выборах в июне 2016 г. – пример того, как альтернативные кандидаты могут вновь завоевать симпатии итальянцев, уставших от традиционных политиков.

Список литературы

1. Зонова Т.В. Берлускони непотопляем как марксизм. URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/240771/?sphrase_id=1067966 (Проверено 28.08.2016)
2. Зонова Т.В. Об эпохе и феномене Сильвио Берлускони. URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/212768/?sphrase_id=1067966 (Проверено 28.08.2016)
3. Зонова Т.В. Эпоха кавальере Берлускони завершена. URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/240000/?sphrase_id=1067966 (Проверено 28.08.2016)
4. Зонова Т.В. Правительство меньшинства. URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/172131/?sphrase_id=1067966 (Проверено 28.08.2016)
5. Зонова Т.В. Очередное поражение Берлускони. URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/189454/?sphrase_id=1067966 (Проверено 28.08.2016)
6. Зелинский С. Манипулирование массовым сознанием с помощью СМИ. URL: <http://psyfactor.org/lib/zln1.htm> (Проверено 28.08.2016)
7. Ильинский М.М. Сильвио Берлускони - Премьер Италии. Ассоциация Юридический центр. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 585 с.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2009. 846 с.
9. Левин И.Б. Сильвио Берлускони // Год планеты. М., 2002. С. 421-425.
10. Левин И.Б. Размышления об итальянском кризисе // Полис. 1995. № 2. С. 44-56.
11. Левин И.Б. Национальная идентичность между историей и политикой: опыт Италии // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт "особого пути" в российском массовом сознании в контексте модернизации. М., 2004. С.86-109.
12. Левин И.Б. Италия после Первой республики // Политические институты на рубеже тысячелетий, XX-XXI вв. Дубна, 2001. С. 330-357.
13. Левин И.Б. О реформе избирательной системы в Италии // Полис ('Политические исследования'). 1993. №3. С. 79-88.
14. Левин И.Б. Партия и модернизация: российские варианты // Полития. 2000. №1. С. 51-63.
15. Левин И. Б. В урнах - пепел демократии? // Полития. 2009. № 2.
16. Ленер Д. Эффект Сильвио Берлускони. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 126 с.
17. Любин В.П. Федерализация Италии: (обзор) // Современная Италия. М., 2004. С.52-67.
18. Любин В.П. Берлускони и "Вперед, Италия": (обзор) // Современная Италия. М., 2004. С.96-111.
19. Марков Б. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markov/intro.php (Проверено 28.08.2016)
20. Маслова Е.А. Внешняя политика правительств Р.Проди и С. Берлускони (2006 – 2010) // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / под ред. Т.В. Зоновой; Российская академия наук, Институт Европы. М.: Весь Мир, 2011. С.245-288.
21. Маслова Е.А. Идеологические основы внешней политики Италии периода Второй республики: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04. Е.А. Маслова; МГИМО (У) МИД России, М., 2012. 241 с.
22. Маслова Е.А. Расстановка политических сил в Италии накануне выборов в парламент 2006 г. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 180-188.
23. Маслова Е.А. Эволюция представлений об идеологии в политической теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6(1). С. 315-319.
24. Монро П. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Monro/index.php

■ Мировая политика

25. На перекрестке Средиземноморья: "Итальянский сапог" перед вызовами XXI века / под ред. Т.В. Зоновой ; Ин-т Европы РАН. -М.: Весь Мир, 2011. 447 с.
 26. Новейшая история стран Европы и Америки. XX век : Учеб. для вузов: В 3ч. / Макеева Л.А., Пономарев М.В., Белоусова К., Шаповалов В.Л.; Под ред.: А.М.Родригеса, М.В.Пономарева. М.: Гуманит. издат. центр "ВЛАДОС". - (Учебник для вузов). Ч.3: 1945- 2000. 2001. 255 с.
 27. Паллавер Г. Аномалия и нормальность. Итальянская политическая система в процессе изменения // Современная Италия. М., 2004. С.43-51.
 28. Политические институты на рубеже тысячелетий, XX-XXI вв. / отв. ред. К.Г. Холодковский. Дубна: Феникс+, 2001. 478 с.
 29. Сардарян Г.Т. Берлускони – будущий президент Италии? URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/229422/?sphrase_id=1067966 (Проверено 28.08.2016)
 30. Сардарян Г.Т. Шансы Берлускони на победу. URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/233650/> (Проверено 28.08.2016)
 31. Шестопал Е.Б. Политическая психология URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Shestop/14.php (Проверено 28.08.2016)
 32. Эволюция политических институтов на Западе / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН ; отв. ред. К.Д. Холодковский. М., 1999. 147 с.
 33. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: Эксмо, 2007. 592 с.
 34. Яхимович З.П. Италия перед вызовами столетия: (обзор) // Современная Италия. М., 2004. С.10-23.
 35. Alteide D.L., Snow R.P. Media Logic. Beverly Hills, CA: SAGE, 1979.
 36. Amadori A. 2002. Mi consenta. Metafore, messaggi e simboli: Come Silvio Berlusconi ha conquistato il consenso degli italiani. Milan: Scheiwiller
 37. Bull M.J. Parliamentary Democracy in Italy. *Parliam. Aff.*, Jul 2004; 57: Pp. 550 - 567. URL: <http://pa.oxfordjournals.org/content/57/3/550.full.pdf+html> (Проверено 28.08.2016)
 38. Campus D. & Gianfranco Pasquino. Leadership in Italy: The Changing Role of Leaders in Elections and in Government, *Journal of Contemporary European Studies*, 14:1. 2006. Pp. 25-40. URL: <http://www.tandfonline.com/toc/cjea20/14/1> (Проверено 28.08.2016)
 39. Campus D. Mediatization and Personalization of Politics in Italy and France: The Cases of Berlusconi and Sarkozy. *The International Journal of Press/Politics* 2010 15: 219. URL: <http://hij.sagepub.com/content/15/2/219.refs.html> (Проверено 28.08.2016)
 40. Campus D. Antipolitics in Power: Populist Language as a Tool for Government. Cresskill, NJ: Hampton. 2010.
 41. Caprara G. The Personalization of Modern Politics. *European Review*, Vol. 15. № 2. 2007. Pp. 151–164 URL: <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?jsessionid=C7677CA1A9C4E9F7FBD21FC31B22DD7B.journals?fromPage=online&aid=987604> (Проверено 28.08.2016)
 42. Corbetta P. Forza Italia: il 'nuovo' che non c'è. *Il Mulino* 3, 2002. Pp. 479– 89.
 43. Dumitrescu D., Mughan A. Mass Media and democratic politics. *Handbook of politics*. URL: http://books.google.ru/books?id=U5_HatyUydwC&pg=PP10&lpg=PP10&dq=chapter+26%09D.+Dumitrescu,+A.+Mughan.+Mass+Media+and+democratic+politics.&source=bl&ots=wM602hv6kq&sig=DJBZ75_aFDhitpStrRk2kqxf2l&hl=ru&sa=X&ei=aka5T77dD87oOai0kKcK&ved=0CFEQ6AEwAw#v=onepage&q&f=false (Проверено 28.08.2016)
 44. Di Nicola A. Ten years of fighting corruption in Italy. *Il Mulino*, 2003.
 45. Ethlyn A. Williams, Rajnandini Pillai, Kevin B. Lowe, Dongil Jung, David Herst. Crisis, charisma, values, and voting behavior in the 2004 presidential election. URL: www.elsevier.com/locate/leaqua (Проверено 28.08.2016)
 46. The Economist: The man who screwed an entire country. 2011. URL: <http://www.economist.com/node/18805327> (Проверено 28.08.2016)
 47. The Economist: Addio, Silvio. 2011. URL: <http://www.economist.com/node/21538180> (Проверено 28.08.2016)
 48. The Economist: The end of Berlusconi. 2011. URL: <http://www.economist.com/blogs/newsbook/2011/11/end-berlusconi> (Проверено 28.08.2016)
 49. The Economist: Silvio Berlusconi. Ciao. 2011. URL: <http://www.economist.com/blogs/newsbook/2011/11/silvio-berlusconi> (Проверено 28.08.2016)
 50. The Economist: Italy and the euro zone. That's all, folks. 2011. URL: <http://www.economist.com/node/21538161> (Проверено 28.08.2016)
 51. The Economist: Italy's election. Basta, Berlusconi. 2006. URL: <http://www.economist.com/node/6772333> (Проверено 28.08.2016)
 52. The Economist: Fit to run Italy? 2001. URL: <http://www.economist.com/node/593654> (Проверено 28.08.2016)
 53. The Economist: Dear Mr. Berlusconi. 2003. URL: <http://www.economist.com/node/1957150> (Проверено 28.08.2016)
-

54. The Economist: An Italian Story. 2001. URL: <http://www.economist.com/node/587107> (Проверено 28.08.2016)
55. The Economist: Silvio Berlusconi. Unfit to lead Europe. 2003. URL: <http://www.economist.com/node/1763981> (Проверено 28.08.2016)
56. Garzia D., The personalization of politics in Western democracies: Causes and consequences on leader–follower relationships, The Leadership Quarterly, 2011. URL: doi:10.1016/j.leaqua.2011.05.010 (Проверено 28.08.2016)
57. Kaase M. Is There Personalization in Politics? Candidates and Voting Behavior in Germany? International Political Science Review 1994. URL: <http://ips.sagepub.com/content/15/3/211.refs.html> (Проверено 28.08.2016)
58. Kriesi H. Department of Political Science. University of Zurich. Personalization of national election campaigns. URL: http://www.psa.ac.uk/journals/pdf/5/2010/1379_1168.pdf (Проверено 28.08.2016)
59. Kempis S. The long 68. Italy's View of the Protest Movement of 40 years ago. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_14378-544-2-30.pdf?080820110057 (Проверено 28.08.2016)
60. Mazzoleni G. A Return to Civic and Political Engagement Prompted by Personalized Political Leadership? Political Communication, 2000. 17:4. Pp. 325-328.
61. Mancini P. The Berlusconi Case: Mass Media and Politics in Italy Media // Democracy and European Culture / Eds. J. Bondebjerg, P. Madsen. Intellect Books, 2009.
62. Mancini P. Between Commodification and Lifestyle Politics: Does Silvio Berlusconi Provide a New Model of Politics for the Twenty- First Century? Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism. 2011.
63. Mazzoleni G., Sfondini A. Politica pop. Da "Porta a Porta" a "l'Isola dei famosi". И Mulino, 2009.
64. McAllister I. The Personalization of Politics. Print publication date: 2007 (this edition) Print ISBN-13: 978-0-19-927012-5. Published to Oxford Handbooks Online: September 2009.
65. Moises N. The dangerous cocktail of global money and local politics // Financial Times. – 18.11.2011. URL: <http://carnegieendowment.org/2011/11/18/dangerous-cocktail-of-global-money-and-local-politics/8lvq> (Проверено 28.08.2016)
66. Naim M. Berlusconi could learn from Nixon // Financial times. – 23.07.2003. URL: <http://carnegieendowment.org/2003/07/23/berlusconi-could-learn-from-nixon/2kll> (Проверено 28.08.2016)
67. Newell J. L., Bull M. J.. The April 1996 Italian General Election: The Left on Top or on Tap? // Parliam. Aff. October 1996; 49. Pp. 616 - 647.
68. La Repubblica: Forza Italia festeggia dieci anni per la parata riappare Berlusconi. 2004. URL: <http://www.repubblica.it/2004/a/sezioni/politica/festaforza/festaforza/festaforza.html> (Проверено 28.08.2016)
69. Orsina G. Berlusconi and Italy: a historical interpretation. Palgrave Macmillan, 2014. p. 169.
70. Ventura S. Il racconto del capo: Berlusconi e Sarkozy. Rome-Bari: Laterza, 2012.

Об авторе

Ковалева Анна Юрьевна – Магистр медиа и коммуникаций, Лондонская Школа Экономики и Политических Наук (LSE), руководитель зарубежных проектов по связям с общественностью, Яндекс.Деньги.
E-mail: annekovaleva@gmail.com.

THE PHENOMENON OF SILVIO BERLUSCONI

A.Y. Kovaleva

Head of Foreign Communications, «YANDEX.MONEY», NBCO LLC. 11 Timura Frunze street, Building 44, Moscow, 119021, Russia.

Abstract: *Silvio Berlusconi, former Italian Prime Minister, is about to turn 80 this September. He has dominated Italian politics since 1994 and is now Italy's longest-serving PM since Mussolini. He has survived countless forecasts of his imminent departure. Political researchers argue that despite his personal success, he has been a disaster as a national leader. Nevertheless, to call Berlusconi a failure would be absurd, particularly in terms of his political presence. Having provided the country with four governments that lasted for a total of almost ten years, Berlusconi left a profound mark on Italian political history and even defined the era of Berlusconiism.*

This article is based on the assumption that there is considerable political substance to Berlusconiism, the substance of Berlusconi's public discourse. In 1994 he launched "Forza, Italia", a political party that within the span of a couple of months would become one of the biggest in Italy. From the outset, the party

■ Мировая политика

has evoked both praise and criticism amongst political communications scholars. Most of the discussion was centered on party's antiestablishment rhetoric, its lack of traditional organization, consistent political agenda and controversial nature of the main leader. Interestingly, the celebratory interpretations surrounding the Berlusconi phenomenon have focused on the leaders' ability to create a mass support base primarily through the use of TV; all of this whilst bypassing traditional institutions. This article is about the communicational strategy Berlusconi employed and why it was successful. Berlusconiism is a true political phenomenon, which deserves to be analyzed carefully.

Key words: Italy, Silvio Berlusconi, berlusconism, personification of politics, mass media, media power, tv, Forza, Italia, political communication, electoral campaigns, new party type.

References

1. Zonova T.V. *Berlusconi nepotopliaiem kak marksizm*. [Berlusconi is unsinkable like Marxism] URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/240771/?sphrase_id=1067966 (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
2. Zonova T.V. *Ob epokhe i fenomene Silvio Berlusconi*. [About the epoch and the phenomenon of Berlusconi] URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/212768/?sphrase_id=1067966 (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
3. Zonova T.V. *Epokha kavaliere Berlusconi zavershena*. [The end of the epoch of Cavaliere] URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/240000/?sphrase_id=1067966 (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
4. Zonova T.V. *Pravitelstvo menshinstva*. [The minority government] URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/172131/?sphrase_id=1067966 (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
5. Zonova T.V. *Ocherednoie porazheniye Berlsconi*. [Another Berlusconi failure] URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/189454/?sphrase_id=1067966 (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
6. Zelinskiy S. *Manipulirovaniye massovym soznaniem s pomoshiju SMI* [Manipulation through the power of mass media] URL: <http://psyfactor.org/lib/zln1.htm> (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
7. Ilyinsky M. *Silvio Berlusconi – Premier Italiyi*. [Silvio Berlusconi – the Prime Minister of Italy] Spb., Juridicheskij centre Press, 2004. 585 p. (In Russian)
8. Kara-Murza S. *Manipulyaciya soznaniyem*. [Mass manipulation] Moscow, Eksmo, 2009. 846 p. (In Russian)
9. Levin I. *Silvio Berlusconi*. God planeti. Moscow, 2002. Pp. 421–425. (In Russian)
10. Levin I. *Razmishleniya ob italyanskom krizise*. [Thinking about Italian crisis]. Polis, 1995. №2. Pp. 44–56. (In Russian)
11. Levin I. *Natsionalnaya identichnost mezhdu istoriej i politikoy: opyt Italii*. [National identity between history and politics: Italian case]. Moscow, 2004. Pp. 86–109. (In Russian)
12. Levin I. *Italiya posle Pervoi Respubliki*. [Italy after the First republic]. Dubna, 2001. Pp. 330–357. (In Russian)
13. Levin I. O reforme izbiratelnoi sistemi v Italiji. [About Italian electoral system reform]. *Polis*, 1993. №3. Pp. 79–88. (In Russian)
14. Levin I. *Partiya i modernizatsiya: rossiyskiye varianty*. [Party and modernization: Russian versions]. *Politiya*, 2000. №1. Pp. 51–63. (In Russian)
15. Levin I. V urnah – pepel demokratii? [The fall of democracy]. *Politiya*, 2009. №2. (In Russian)
16. Lener D. *Effekt Silvio Berlusconi*. [The Silvio Berlusconi effect]. Moscow, Olma Press, 2002. 126 p. (In Russian)
17. Liubin V. *Federalizatsiya Italii*. [The federalization of Italy]. Moscow, 2004. Pp. 52–67. (In Russian)
18. Liubin V. *Berlusconi i Vpered, Italija*. [Berlusconi and Forza Italia]. Moscow, 2004. Pp. 96–111. (In Russian)
19. Markov B. *Khram and rynok. Chelovek v prostranstve kulturi*. [The temple and the market. A person in the scope of culture]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markov/intro.php (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
20. Maslova E.A. *Vneshnyaya politika pravitel'stv R. Prodi i S. Berlusconi (2006 – 2010)* [Prodi and Berlusconi Foreign Policy (2006 – 2010)]. *Na perekrestke Sredizemnomor'ya: «Ital'yanskiy sapog» pered vyzovami XXI veka* [At the cross-roads of the Mediterranean: Italian “boot” facing the challenges of the XXI century]. Ed. by T.V. Zonova. Institut Evropy. Moscow, Ves' Mir, 2011. Pp. 245–288. (In Russian)
21. Maslova E.A. *Ideologicheskie osnovy vneshnej politiki Italii perioda Vtoroj respubliki* [Ideological basis of the Italian foreign policy during the Second Republic]: *dis. ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.04* [PhD thesis, Political Science]; MGIMO–Univeristy, Moscow, 2012. 241 p. (In Russian)
22. Maslova E.A. *Rasstanovka politicheskikh sil v Italii nakanune vyborov v parlament 2006 g.* [Allocation of the political powers in Italy on the eve of parliamentary elections 2006]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*. 2012. No 1. Pp. 180–188. (In Russian)
23. Maslova E.A. *Evolyciya predstavlenij ob ideologii v politicheskoy teorii* [Evolution of the concept of ideology in political theory]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2011. No 6(1). Pp. 315–319.
24. Monro P. *Televideniye, telekommunikatsiy i perehodnyy period: parvo, obshestvo i natsionalnaya identichnost*. [Television, telecommunications and the changing period: law, society and national identity]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Monro/index.php (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)

25. *Na perekrestke Sredizemnomorya: Italyanskiy sapog pered vizovami 21 veka*. [Italia in front of XXI century challenges]. Moscow, 2001. Vesj mir. 447 p. (In Russian)
26. *Noveyshaya istoriya stran Evropy i Ameriki*. [New history of Europe and America countries]. Moscow, Vlados. 2001. 255 p. (In Russian)
27. Pallaver G. *Anomaliya i normalnost. Italyanskaya politicheskaya sistema v processe izmeneniya*. [Anomaly and normality. Italian political system in the process of change]. Moscow, 2004. Pp. 43-51. (In Russian)
28. *Politicheskiye instituti na rubezhe tisyacheletij. 20-21 century*. [Political institutions at the turn of centuries]. Dubna, 2001. 478 p. (In Russian)
29. Sardaryan G. *Berlusconi – budushiy president Italii?* [Berlusconi to become the future Italian president?] URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/229422/?sphrase_id=1067966 (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
30. Sardaryan G. *Shansi Berlusconi na pobedy*. [Berlusconi chances to win]. URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/233650/> (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
31. Shestopal E. *Politicheskaya psihologiya*. [Political psychology]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Shestop/14.php (Accessed: 28.08.2016) (In Russian)
32. *Evolutsiya politicheskikh institutov na Zapade*. [The evolution of political institutions in the West]. Moscow, 1999. 147 p. (In Russian)
33. Eco U. *Polniy nazad! Goryachiye voini i populism v SMI*. [A passo di gambero: guerre calde e populismo mediatico]. Moscow, Eksmo, 2007. 592 p. (In Russian)
34. Yakhimovitch Z. *Italia pered vizovami stoletiya*. [Italy in front of the century challenges]. Moscow, 2004. Pp. 10-23. (In Russian)
35. Alteide D.L., Snow R.P. *Media Logic*. Beverly Hills, CA: SAGE, 1979.
36. Amadori A. *Mi consenta. Metafore, messaggi e simboli: Come Silvio Berlusconi ha conquistato il consenso degli italiani*. Milan: Scheiwiller. 2002.
37. Bull M.J. Parliamentary Democracy in Italy. *Parliam. Aff.*, Jul 2004; 57: Pp. 550 - 567. URL: <http://pa.oxfordjournals.org/content/57/3/550.full.pdf+html> (Accessed: 28.08.2016)
38. Campus D. & Gianfranco Pasquino. Leadership in Italy: The Changing Role of Leaders in Elections and in Government. *Journal of Contemporary European Studies*. 2006. Vol. 14 No. 1. Pp. 25-40. URL: <http://www.tandfonline.com/toc/cjea20/14/1> (Accessed: 28.08.2016)
39. Campus D. Mediatization and Personalization of Politics in Italy and France: The Cases of Berlusconi and Sarkozy. *The International Journal of Press/Politics*. 2010. Vol. 15, no. 219. Pp. 219-235. URL: <http://hij.sagepub.com/content/15/2/219.refs.html> (Accessed: 28.08.2016)
40. Campus D. *Antipolitics in Power: Populist Language as a Tool for Government*. Cresskill, NJ: Hampton. 2010.
41. Caprara G. The Personalization of Modern Politics. *European Review*. 2007. Vol. 15. No. 2. Pp. 151-164. URL: <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?sessionId=C7677CA1A9C4E9F7FBD21FC31B22DD7B&journals?fromPage=online&aid=987604> (Accessed: 28.08.2016)
42. Corbetta P. *Forza Italia: il 'nuovo' che non c'è*. *Il Mulino*, 2002, no. 3. Pp. 479- 89.
43. Dumitrescu D., Mughan A. Mass Media and democratic politics. *Handbook of politics*. URL: http://books.google.ru/books?id=U5_HatyUydwC&pg=PP10&lpg=PP10&dq=chapter+26%09D.+Dumitrescu,+A.+Mughan.+Mass+Media+and+democratic+politics.&source=bl&ots=wM602hv6kq&sig=DJBZ75_aFDhtpStrRk2kqxf2l&hl=ru&sa=X&ei=aka5T77dD87oOai0kKcK&ved=0CFEQ6AEwAw#v=onepage&q&f=false (Accessed: 28.08.2016)
44. Di Nicola A. Ten years of fighting corruption in Italy. *Il Mulino*, 2003.
45. Ethlyn A. Williams, Rajnandini Pillai, Kevin B. Lowe, Dongil Jung, David Herst. Crisis, charisma, values, and voting behavior in the 2004 presidential election. *The Leadership Quarterly*. April 2009. Vol. 20, Issue 2. Pp. 70-86 URL: www.elsevier.com/locate/leaqua (Accessed: 28.08.2016)
46. The Economist. *The man who screwed an entire country*. 2011. URL: <http://www.economist.com/node/18805327> (Accessed: 28.08.2016)
47. The Economist. *Addio, Silvio*. 2011. URL: <http://www.economist.com/node/21538180> (Accessed: 28.08.2016)
48. The Economist. *The end of Berlusconi*. 2011. URL: <http://www.economist.com/blogs/newsbook/2011/11/end-berlusconi> (Accessed: 28.08.2016)
49. The Economist. *Silvio Berlusconi. Ciao*. 2011. URL: <http://www.economist.com/blogs/newsbook/2011/11/silvio-berlusconi> (Accessed: 28.08.2016)
50. The Economist. *Italy and the euro zone. That's all, folks*. 2011. URL: <http://www.economist.com/node/21538161> (Accessed: 28.08.2016)
51. The Economist. *Italy's election. Basta, Berlusconi*. 2006. URL: <http://www.economist.com/node/6772333> (Accessed: 28.08.2016)
52. The Economist. *Fit to run Italy?* 2001. URL: <http://www.economist.com/node/593654> (Accessed: 28.08.2016)

■ Мировая политика

53. The Economist. *Dear Mr. Berlusconi*. 2003. URL: <http://www.economist.com/node/1957150> (Accessed: 28.08.2016)
54. The Economist. *An Italian Story*. 2001. URL: <http://www.economist.com/node/587107> (Accessed: 28.08.2016)
55. The Economist. *Silvio Berlusconi. Unfit to lead Europe*. 2003. URL: <http://www.economist.com/node/1763981> (Accessed: 28.08.2016)
56. Garzia D. The personalization of politics in Western democracies: Causes and consequences on leader–follower relationships. *The Leadership Quarterly*. 2011. URL: doi:10.1016/j.leaqua.2011.05.010 (Accessed: 28.08.2016)
57. Kaase M. Is There Personalization in Politics? Candidates and Voting Behavior in Germany? *International Political Science Review*. July 1994 vol. 15 no.3. pp. 211-230. URL: <http://ips.sagepub.com/content/15/3/211.refs.html> (Accessed: 28.08.2016)
58. Kriesi H. Personalization of national election campaigns. *Party Politics*. November 2012. Vol. 18. no. 6. pp. 825-844. Available at <http://ppq.sagepub.com/content/vol18/issue6> (Accessed: 28.08.2016)
59. Kempis S. The long 68. Italy's View of the Protest Movement of 40 years ago. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_14378-544-2-30.pdf?080820110057 (Accessed: 28.08.2016)
60. Mazzoleni G. A Return to Civic and Political Engagement Prompted by Personalized Political Leadership? *Political Communication*. 2000. Vol. 17, no 4. Pp. 325-328.
61. Mancini P. The Berlusconi Case: Mass Media and Politics in Italy. *Media in Democracy and European Culture*. Eds. J. Bondebjerg, P. Madsen. Intellect Books, 2009.
62. Mancini P. Between Commodification and Lifestyle Politics: Does Silvio Berlusconi Provide a New Model of Politics for the Twenty- First Century? Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism. 2011. 64 p.
63. Mazzoleni G., Sfardini A. *Politica pop. Da "Porta a Porta" a "l'Isoal dei famosi"*. Il Mulino, 2009. 181 p
64. McAllister I. The Personalization of Politics. *The Oxford Handbook of Political Behavior*. 2009. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0030
65. Moises N. The dangerous cocktail of global money and local politics. *Financial Times*. 18.11.2011. URL: <http://carnegieendowment.org/2011/11/18/dangerous-cocktail-of-global-money-and-local-politics/8lvq> (Accessed: 28.08.2016)
66. Naim M. Berlusconi could learn from Nixon. *Financial times*. 23.07.2003. URL: <http://carnegieendowment.org/2003/07/23/berlusconi-could-learn-from-nixon/2kll> (Accessed: 28.08.2016)
67. Newell J. L., Bull M. J. The April 1996 Italian General Election: The Left on Top or on Tap? *Parliam. Aff.* October 1996; 49. Pp. 616 - 647.
68. Jerkov B. Forza Italia festeggia dieci anni per la parata riappare Berlusconi. *La Repubblica*. 2004. URL: <http://www.repubblica.it/2004/a/sezioni/politica/festaforza/festaforza/festaforza.html> (Accessed: 28.08.2016)
69. Orsina G. *Berlusconism and Italy: a historical interpretation*. Palgrave Macmillan, 2014. p. 169.
70. Ventura S. *Il racconto del capo: Berlusconi e Sarkozy*. Rome-Bari: Laterza, 2012.

About the author

Anna Kovaleva – MSc in Media and Communications, London School of Economics and Political Science (LSE). Head of Foreign Communications, Yandex.Money. E-mail: annekovaleva@gmail.com.

ОПЕРАЦИЯ «ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ, БРАТЬЯ» В КОНТЕКСТЕ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В.М. Морозов, А.А. Ермаков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
Нижегородский государственный университет.

В наши дни наиболее опасным противником для Государства Израиль является радикальное движение ХАМАС, которое контролирует сектор Газа. Противостояние между израильянами и этой организацией имеет место на территориях сектора Газа и Западного берега реки Иордан. В последние годы наибольшее внимание мирового сообщества было приковано к событиям в секторе Газа. Указанное внимание обусловлено динамикой противостояния и размахом происходивших событий. В период после установления власти ХАМАС в палестинском анклав Израиль провёл ряд крупномасштабных военных операций. Это операции «Литой свинец», «Облачный столп» и «Нерушимая скала». Однако для лучшего понимания динамики конфликта между израильянами и палестинцами следует уделять равное внимание противоборству, как в секторе Газа, так и на Западном берегу Иордана. В рамках данной статьи авторами рассматриваются события июня 2014 г., явившиеся частью перманентного противостояния. В июне 2014 г. после похищения радикалами трёх подростков Израилем была проведена масштабная операция «Возвращайтесь, братья», непосредственно предшествовавшая крупномасштабной операции «Нерушимая скала». Действия израильяны были направлены на ослабление инфраструктуры организации ХАМАС. В ходе операции на Западном берегу Иордана Израилем были задействованы значительные силы и средства. Израильяне нанесли движению ХАМАС болезненный удар. Итоги операции «Возвращайтесь, братья» позволили сделать предположение, что радикалы Западного берега реки Иордан наряду с развитой подземной инфраструктурой могут обрести развитую инфраструктуру по производству ракет. Имевшие место летом 2014 г. события в зоне палестино-израильского конфликта наглядно показали, что эскалация на одной части палестинской территории может привести к дальнейшему его усилению на другой её части.

Ключевые слова: Палестино-израильский конфликт, Государство Израиль, Армия обороны Израиля, ХАМАС, похищение, Западный берег реки Иордан, сектор Газа.

Палестино-израильский конфликт уже давно привлекает к себе внимание международного сообщества, которое значительно возрастает при его эскалации. Сегодня на палестинской арене Государству Израиль противостоит целый ряд радикальных организаций. Наиболее опасным противником для израильтян на палестинской арене является контролирующее сектор Газа движение ХАМАС («Исламское движение сопротивления»). В наши дни противостояние по линии Израиль – ХАМАС является одной из наиболее заметных составляющих палестино-израильского конфликта.

Противостояние между Израилем и организацией ХАМАС традиционно происходит на обеих частях палестинской арены – и в секторе Газа, и на Западном берегу реки Иордан. При этом наибольшее внимание мирового сообщества было приковано к событиям связанным с палестинским анклавом. За последние восемь лет сектор Газа неоднократно становился полем боя. Обозначенное внимание обусловлено не только динамикой противостояния, но и размахом происходивших событий. Наряду с ограниченным вооружённым противоборством имели место крупномасштабные военные операции Израиля против радикалов Газы.

Зимой 2008–2009 гг. Тель-Авив провел операцию «Литой свинец», а осенью 2012 и летом 2014 гг. – операции «Облачный столп» и «Нерушимая скала» соответственно. Для борьбы с радикалами палестинского анклава Израиль задействовал большие силы и средства. Действующие же на территории Западного берега реки Иордан группировки являются для израильтян заведомо более слабым противником, нежели боевые подразделения сектора Газа. Например, действующие на Западном берегу Иордана ячейки организации ХАМАС ни по уровню подготовки, ни по качеству, ни по количеству используемого ими вооружения не могут сравниться со своими «коллегами» из палестинского анклава [4, с. 16]. Из-за разницы в силе между противоборствующими сторонами, да и не только её одной, конфликт на Западном берегу Иордана ещё более асимметричен, чем противостояние вокруг сектора Газа.

Для лучшего понимания динамики палестино-израильского конфликта следует уделять равное внимание противоборству на обеих частях палестинской арены. На сегодняшний день Западный берег реки Иордан имеет большее стратегическое значение в противостоянии израильтян и палестинцев, нежели сектор Газа. Указанное обстоятельство в значительной мере обусловлено сохранением израильского присутствия на Западном берегу Иордана и ухода израильтян из палестинского анклава в 2005 г. Сама же утрата Израилем контроля над сектором Газа началась после подписания соглашений Осло в 1993 г. [16].

Несмотря активность израильских и палестинских сил безопасности, силы «сопротивле-

ния» на Западном берегу Иордана продолжают свою деятельность и по-прежнему обладают возможностью наносить болезненные удары, о чём наглядно свидетельствуют события последних лет.

Продолжением перманентного противостояния на Западном берегу Иордана стали события лета 2014 г., приковавшие к себе значительное внимание. В период с 13 по 30 июня после похищения трёх подростков - Нафтали Френкеля, Гилада Шаэра и Эяля Ифраха – израильтянами была организована масштабная операция «Возвращайтесь, братья». Поиски похищенных были прекращены 30 июня после обнаружения их тел [11]. Следует отметить, что похищение израильских гражданских лиц и военнослужащих на территории Западного берега реки Иордан является шаблонной акцией радикалов. Близость к районам с палестинским населением создаёт возможность быстрой транспортировки похищенных и их содержание в тайниках среди местных жителей [14].

На фоне действий сил безопасности Израиля на Западном берегу Иордана происходила эскалация конфликта вокруг сектора Газа. Во время проведения операции «Возвращайтесь, братья» радикалы Газы осуществляли интенсивные ракетные обстрелы израильской территории [10]. Таким образом, события июня 2014 г., эскалация конфликта между Израилем и союзной движению ХАМАС радикальной организацией «Исламский джихад» в марте того же года [2] привели к крупномасштабной операции «Нерушимая скала».

Операция «Возвращайтесь, братья» была организована, чтобы найти подростков и их похитителей, а также ослабить инфраструктуру движения ХАМАС [20], которое Израиль обвинил в похищении своих граждан. «Наша главная задача – это возвращение подростков домой, но в дополнение к этому мы наносим удары по ХАМАС. Это они похитили наших детей», – заявил глава израильского правительства Биньямин Нетаньяху [8]. Здесь же следует указать, что ослабление инфраструктуры организации ХАМАС являлось ключевой задачей операции [21].

В ходе операции самое пристальное внимание сил безопасности Израиля было уделено Хеврону, откуда происходили боевики организации ХАМАС, названной виновной в похищении [17]. Израильтяне предполагали, что похищенные подростки находятся на территории Западного берега реки Иордан, скорее всего – в его южной части [18]. В связи с тем что тела похищенных были обнаружены к северо-западу от Хеврона [20], направление поиска было верным.

Для операции на Западном берегу Иордана, Израиль задействовал значительные силы и средства. Вместе с Армией обороны Израиля (АОИ или ЦАХАЛ) к операции были привлечены и силы безопасности. Среди них была Служба общей безопасности (ШАБАК или

Шин Бет), у которой с Армией обороны Израиля осуществляется тесное взаимодействие при проведении оперативных мероприятий. Например, задержание лиц, а также изъятие оружия в ходе рейдов по территории Западного берега реки Иордан осуществляется израильскими вооружёнными силами зачастую совместно с сотрудниками ШАБАК [6, с. 76-77].

Также в операции «Возвращайтесь, братья» принимали участие кинологи подразделения «Окец» и десятки служебно-розыскных собак [12]. В ходе её проводились массовые задержания палестинцев, в том числе освобождённых в обмен на израильского военнослужащего Гилада Шалита, который был похищен боевиками летом 2006 г. [7]. Так премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху заявил, что «аресты боевиков, включая тех, что были освобождены в рамках «сделки Шалита», это важная составляющая в цепи предпринимаемых нами действий» [9].

Всего в ходе операции «Возвращайтесь, братья» были задержаны 419 активистов «террористических» организаций, в том числе 335 активистов движения ХАМАС. Среди задержанных оказались 12 лидеров «террористических» ячеек и 56 лиц, вышедших на свободу в обмен на Гилада Шалита. Также были закрыты 63 отделения связанной с движением ХАМАС сети «Дауа» [11]. Сказанное выше позволяет утверждать, что в июне 2014 г. на Западном берегу реки Иордан движению ХАМАС был нанесён болезненный удар. Следует отметить, что действия израильтян во время операции «Возвращайтесь, братья» в значительной мере были «адресными». Именно «адресным мероприятиям» Израиль отводит ключевую роль в противодействии палестинским группировкам Западного берега Иордана. Подобные операции дают возможность за короткое время успешно нейтрализовать целые звенья боевиков [5, с. 40]. Таким образом, операцию «Возвращайтесь, братья» можно рассматривать в качестве своеобразного «контрфорса» регулярных действий израильских сил безопасности на Западном берегу реки Иордан.

В ходе проведения данной операции особое внимание обращает на себя тот факт, что израильтяне вскрыли целую подземную инфраструктуру на Западном берегу Иордана. Так, военнослужащие спецназа инженерных войск «Яхалом» обнаружили десятки тоннелей под домами в Хевроне, и в других арабских населённых пунктах [1]. Необходимо отметить, что на территории Хеврона, в прошлом уже был найден подземный тоннель [13]. Согласно данным пресс-службы Армии обороны Израиля, за время проведения операции военные обыскали 2218 домов, нежилых строений, пещер, тоннелей и ям. В результате обысков в домах палестинцев было изъято значительное количество оружия и боеприпасов [11].

Обнаружение десятков тоннелей на Западном берегу Иордана – факт весьма примечатель-

ный. Конечно, действующие на территории палестинского анклава радикалы обладают гораздо более мощной подземной инфраструктурой, чем та, что была выявлена израильтянами на Западном берегу реки Иордан. Так на пример сообщалось, что тоннели в секторе Газа строятся с расчётом на то, чтобы находящиеся под землёй могли долгое время не подниматься на поверхность [15]. Однако итоги операции позволяют говорить о возможности повторения на Западном берегу Иордана «сценария Газы» в области военных приготовлений. Подобный вариант развития событий может иметь место в том случае, если давление, оказываемое на радикалов Западного берега реки Иордан, значительно ослабнет. В этом случае они могут обрести не только развитую подземную инфраструктуру, но и развитую техническую базу по производству неуправляемых реактивных снарядов. Ранее неоднократно сообщалось о самодельных ракетах на Западном берегу Иордана [3].

Операция «Возвращайтесь, братья» довольно быстро оказалась «в тени» другой крупномасштабной операции «Нерушимая скала». События июня 2014 г. на Западном берегу реки Иордан в достаточно полной мере показали, что Израиль мог нанести организации ХАМАС ещё более ощутимый удар. Однако для этого потребовалась бы операция большего масштаба, к чему Тель-Авив явно хотел избежать в силу целого ряда обстоятельств.

Существующая на Западном берегу обстановка в случае свержения власти ХАМАС в секторе Газа может привести к утрате этой радикальной организацией своей авангардной позиции среди палестинских сил «сопротивления». Сегодня позиция ХАМАС в значительной мере обусловлена возможностью контроля над сектором Газа, который позволяет реализовать значительные по масштабу военные приготовления. В тоже время осуществление военных приготовлений подобного размаха на территории Западного берега Иордана в настоящее время нереально, и проведённая израильтянами масштабная операция «Возвращайтесь, братья» является одним из свидетельств этого.

В целом же, события лета 2014 г. наглядно продемонстрировали, что эскалация конфликта на одной части палестинской арены может привести к его усилению на другой её части. О том, что подобный сценарий может иметь место, заявил осенью 2015 г. на встрече с военными премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху [19], в период затяжной волны насилия, известной как «интифада Аль-Кудса» (интифада Иерусалима), Столь масштабная эскалация конфликта летом 2014 г. стала возможной, среди прочего, из-за ослабления сдерживания израильтянами радикалов сектора Газа. В свою очередь, и сегодня, после завершения операции «Нерушимая скала», по мере ослабления израильского сдерживания будет возрастать риск новой волны насилия.

Список литературы

1. Бойцы ЦАХАЛа обнаружили десятки туннелей под Хевроном. ВИДЕО // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/22jun2014/tunnels_009.html (проверено: 28.06.2016).
2. «Взорванная тишина»: ЦАХАЛ ответил на ракетные обстрелы // NEWSru.co.il. URL: http://newsru.co.il/mideast/13mar2014/gaza_103.html (проверено: 28.06.2016).
3. В Шхеме обнаружены готовые к запуску ракеты «касам» // NEWSru.co.il. URL: <http://www.newsru.co.il/mideast/03jan2008/kass507.html> (проверено: 28.06.2016).
4. Ермаков А.А., Рыжов И.В. «Интифада Аль-Кудса» и её место в палестино-израильском противостоянии // Азия и Африка сегодня. 2016. № 2. С. 13-17.
5. Ермаков А.А., Рыжов И.В. Когда придет мир на Западный берег Иордана? Причины и основные этапы затянувшегося конфликта // Азия и Африка сегодня. 2014. № 8. С. 38-41.
6. Зелёный В.В. Повседневная контртеррористическая деятельность как форма борьбы с терроризмом (на примере Израиля) // Военная мысль. 2015. № 3. С. 65-78.
7. Нападение на силы ЦАХАЛа и похищение солдата в районе Керем Шалом // Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма. URL: http://www.terrorism-info.org.il/data/pdf/PDF_18932_6.pdf (проверено: 28.06.2016).
8. Нетаньяху Б. Теперь мы знаем больше. Требуется терпение // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/19jun2014/briefng_0011.html (проверено: 28.06.2016).
9. Нетаньяху Б. ЦАХАЛ продолжит преследовать террористов ХАМАС // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/18jun2014/tguvot_703.html (проверено: 28.06.2016).
10. Новости террора и израильско-палестинского конфликта (2 – 8 июля 2014 г.) // Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма. URL: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20665/R_105_14_1447860927.pdf (проверено: 28.06.2016).
11. Операция «Вернуть братьев» завершена, аресты активистов ХАМАС продолжаются // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/02jul2014/arests_103.html (проверено: 28.06.2016).
12. Операция «Вернуть братьев»: к поискам привлечены 80 собак // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/26jun2014/brothers_102.html (проверено: 28.06.2016).
13. Палестинские службы безопасности уничтожили туннель, ведущий из Хеврона вглубь Израиля // NEWSru.co.il. URL: <http://www.newsru.co.il/mideast/14oct2008/tunnel507.html> (проверено: 28.06.2016).
14. Похищение трех подростков на перекрестке Гуш Эцион (ситуация на 15 июня, 14:00 часов) // Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма. URL: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20658/R_092_14_1120132427.pdf (проверено: 28.06.2016).
15. ЦАХАЛ получил данные о туннелях ХАМАС от одного из боевиков // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/05may2016/tunnel_004.html (проверено: 28.06.2016).
16. Яков Амидрор: «Размежевание было нелогичным и неумным шагом». Интервью // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/10aug2015/amidror_702.html (проверено: 28.06.2016).
17. Israel Reveals Identity of Hamas Kidnappers // Israel Defense Forces. URL: <https://www.idfblog.com/blog/2014/06/26/israel-reveals-identity-hamas-kidnappers/> (проверено: 28.06.2016).
18. Prime Minister Benjamin Netanyahu's Speech to the Jewish Agency Board of Governors // Prime Minister's Office. URL: <http://www.pmo.gov.il/English/MediaCenter/Speeches/Pages/speechagance230614.aspx> (проверено: 28.06.2016).
19. Prime Minister Netanyahu Visits IDF Gaza Division // Prime Minister's Office. URL: <http://www.pmo.gov.il/English/MediaCenter/Events/Pages/eventgaza201015.aspx> (проверено: 28.06.2016).
20. The 2014 Kidnapping of 3 Israeli Teens // Israel Defense Forces. URL: <https://www.idfblog.com/blog/2015/06/10/last-years-abduction-three-jewish-teens/> (проверено: 28.06.2016).
21. Why Does Israel Target Hamas Infrastructure in Judea and Samaria? // Israel Defense Forces. URL: <https://www.idfblog.com/blog/2014/06/19/israel-target-hamas-infrastructure-judea-samaria/> (проверено: 28.06.2016).

Об авторах

Морозов Владимир Михайлович – к.и.н., проректор по кадровой политике, доцент кафедры дипломатии МГИМО. E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru.

Ермаков Андрей Александрович – к.и.н., Нижегородский государственный университет им. Лобачевского. E-mail: ermakov1989@mail.ru.

OPERATION «BROTHER'S KEEPER» IN CONTEXT OF THE PALESTINIAN-ISRAELI STANDOFF

V.M. Morozov, A.A. Ermakov

MGIMO-University. Russia, 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76.
Nizhniy Novgorod State University.

Abstract: Nowadays the Gaza Strip radical movement HAMAS is the most dangerous opponent for the State of Israel in the Palestinian arena. In recent years most attention of the world community has been focused on the events in the Gaza Strip. This attention is caused by the dynamics of standoff and the scale of events occurred. During the period after authority setting in the Palestinian enclave by HAMAS movement Israel carried out a series of large-scale military operations. These were «Cast Lead», «Pillar of Defense» and «Protective Edge». However for better understanding of dynamics of the conflict between Israelis and Palestinians it is necessary to pay equal attention to confrontation both in the Gaza Strip and West Bank. In the article the authors study the events of June 2014 that were a part of the permanent standoff in the West Bank. In June 2014 after abduction of the three teenagers by radicals Israel carried out the operation «Brother's Keeper» which preceded the large-scale operation «Protective Edge». The actions of Israelis aimed at weakening the infrastructure of HAMAS. During the operation in the West Bank Israel used considerable forces. Israelis caused a painful blow to HAMAS. The results of the operation «Brother's Keeper» suggested that the radicals of the West Bank may get developed underground infrastructure and developed infrastructure for production of rockets. The events of summer 2014 in zone of the Palestinian-Israeli conflict showed that escalation may spread from one part of the Palestinian land to another.

Key words: Palestinian-Israeli conflict, the State of Israel, the Israel Defense Forces, HAMAS, abduction, West Bank, the Gaza Strip.

References

1. Boitsy TsAkHALa obnaruzhili desiatki tunnelei pod Khevronom. VIDEO [Fighters of the IDF discovered tens of tunnels under Hebron. VIDEO]. NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/22jun2014/tunnels_009.html (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
2. «Vzorvannaia tishina»: TsAkHAL otvetil na raketnye obstrely [«Exploded silence»: the IDF responded to the rocket attacks]. NEWSru.co.il. URL: http://newsru.co.il/mideast/13mar2014/gaza_103.html (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
3. V Shkheme obnaruzheny gotovye k zapusku rakety «kasam» [In Nablus were discovered ready for launch Qassam rockets]. NEWSru.co.il. URL: <http://www.newsru.co.il/mideast/03jan2008/kass507.html> (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
4. Ermakov A.A., Ryzhov I.V. «Intifada Al'-Kuds» i ee mesto v palestino-izrail'skom protivostoianii [«Intifada Al-Quds» and its position in the Palestinian-Israeli standoff]. *Aziia i Afrika segodnia*. 2016. No. 2. Pp. 13-17. (In Russian).
5. Ermakov A.A., Ryzhov I.V. Kogda pridet mir na Zapadnyi bereg Iordana? Prichiny i osnovnye etapy zatianu-vshegosia konflikta [When peace will come to the West Bank? Causes and main stages of prolonged conflict]. *Aziia i Afrika segodnia*. 2014. No. 8. Pp. 38-41. (In Russian).
6. Zelenyi V.V. Povsednevnaia kontrterroristicheskaiia deiatel'nost' kak forma bor'by s terrorizmom (na primere Izrailia) [Everyday counterterrorism activity as form of struggle against terrorism (on the example of Israel)]. *Voennaia Mysl'*. 2015. No. 3. Pp. 65-78. (In Russian).
7. Napadenie na sily TsAkHALa i pokhishchenie soldata v raione Kerem Shalom [Attack on the IDF forces and abduction of the soldier in Kerem Shalom area]. *Informatsionnyi tsentr Meira Amita po izucheniiu terrorizma*. URL: http://www.terrorism-info.org.il/data/pdf/PDF_18932_6.pdf (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
8. Netaniagu: «Teper' my znaem bol'she. Trebuetsia terpenie» [Netanyahu: «Now we know more. Patience is required»]. NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/19jun2014/briefing_0011.html (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
9. Netaniagu: «TsAkHAL prodolzhit presledovat' terroristov KhAMAS» [Netanyahu: «The IDF will continue to pursue the terrorists of HAMAS»]. NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/18jun2014/tguvot_703.html (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
10. Novosti terrora i izrail'sko-palestinskogo konflikta (2 – 8 iulia 2014 g.) [News of terror and the Israeli-Palestinian conflict (July 2 – 8 2014)]. *Informatsionnyi tsentr Meira Amita po izucheniiu terrorizma*. URL: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20665/R_105_14_1447860927.pdf (Accessed 28.06.2016) (In Russian).

■ Мировая политика

11. Operatsiia «Vernut' brat'ev» zavershena, aresty aktivistov KhAMAS prodolzhaiutsia [Operation «Brother's Keeper» is ended, arrests the activists of HAMAS continue]. *NEWSru.co.il*. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/02jul2014/arrests_103.html (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
12. Operatsiia «Vernut' brat'ev»: k poiskam privlecheny 80 sobak [Operation «Brother's Keeper»: 80 dogs are attracted for searches]. *NEWSru.co.il*. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/26jun2014/brothers_102.html (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
13. Palestinskie sluzhby bezopasnosti unichtozhili tunnel; vedushchii iz Khevrona vglub' Izrailia [Palestinian security services destroyed the tunnel leading from Hebron deep into Israel]. *NEWSru.co.il*. URL: <http://www.newsru.co.il/mideast/14oct2008/tunnel507.html> (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
14. Pokhishchenie trekh podrostkov na perekrestke Gush Etsion (situatsiia na 15 iunia, 14:00 chasov) [Abduction of the three teenagers at Gush Etzion junction (the situation for June 15, 14:00 hours)]. *Informatsionnyi tsentr Meira Amita po izucheniiu terrorizma*. URL: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20658/R_092_14_1120132427.pdf (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
15. TsAKhAL poluchil dannye o tunneliakh KhAMAS ot odnogo iz boevikov [The IDF got the information about tunnels of HAMAS from one of the militants]. *NEWSru.co.il*. URL: http://www.newsru.co.il/israel/05may2016/tunnel_004.html (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
16. Iaakov Amidror: «Razmezhevanie bylo nelogichnym i neumnym shagom». Interv'iu [Yaakov Amidror: «Disengagement was illogical and unintelligent step». Interview]. *NEWSru.co.il*. URL: http://www.newsru.co.il/israel/10aug2015/amidror_702.html (Accessed 28.06.2016) (In Russian).
17. Israel Reveals Identity of Hamas Kidnappers. Israel Defense Forces. URL: <https://www.idfblog.com/blog/2014/06/26/israel-reveals-identity-hamas-kidnappers/> (Accessed 28.06.2016).
18. Prime Minister Benjamin Netanyahu's Speech to the Jewish Agency Board of Governors. Prime Minister's Office. URL: <http://www.pmo.gov.il/English/MediaCenter/Speeches/Pages/speechagance230614.aspx> (Accessed 28.06.2016).
19. Prime Minister Netanyahu Visits IDF Gaza Division. Prime Minister's Office. URL: <http://www.pmo.gov.il/English/MediaCenter/Events/Pages/eventgaza201015.aspx> (Accessed 28.06.2016).
20. The 2014 Kidnapping of 3 Israeli Teens. Israel Defense Forces. URL: <https://www.idfblog.com/blog/2015/06/10/last-years-abduction-three-jewish-teens/> (Accessed 28.06.2016).
21. Why Does Israel Target Hamas Infrastructure in Judea and Samaria? Israel Defense Forces. URL: <https://www.idfblog.com/blog/2014/06/19/israel-target-hamas-infrastructure-judea-samaria/> (Accessed 28.06.2016).

About the authors

Morozov Vladimir Mihailovich – PhD in History, Vice-Rector, Associate professor of the Diplomacy department MGIMO-University. E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru.

Ermakov Andrei Alexandrovich – PhD in History, Nizhniy Novgorod State University. E-mail: ermakov1989@mail.ru.

РОЛЬ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ В ОТНОШЕНИЯХ ГЕРМАНИИ И ИЗРАИЛЯ

К.Ю. Хдери

АО «Мерседес-Бенц РУС», 125167, Москва, Ленинградский пр., 39А.

Отношения между Берлином и Тель-Авивом носят уникальный характер. Они занимают особое место в системе внешних связей Германии, что связано с «исторической ответственностью» немцев за Холокост – геноцид 6 млн евреев во времена национал-социализма. Немцы определённо извлекли урок из своего прошлого. В течение 70 лет они продолжали демонстрировать не только евреям, но и всему миру свои добрые намерения, а также делали всё возможное для того, чтобы искупить вину за страдания этого народа. Сегодня среди немцев наблюдается усталость от темы Холокоста. Желание оставить тему в прошлом и развивать с Израилем отношения, не основанные на необходимости идти на уступки из-за страха быть осуждёнными за трагическую главу в истории.

Того же нельзя сказать о евреях, которые не забывают напоминать Берлину о его «особой исторической ответственности». Можно предположить, что и в краткосрочной, и в среднесрочной перспективе Холокост будет определять развитие отношений между Берлином и Тель-Авивом.

Ключевые слова: Германия, Израиль, Холокост, историческая ответственность, антисемитизм, германо-израильские отношения.

Истоки антисемитизма и причины его расцвета в Германии в XX в.

Антисемитизм – явление, которое уходит корнями ещё в античный период. Одним из первых доказательств гонений на евреев многие учёные и археологи считают надпись на стеле фараона Мернептаха, датированную 1220 г. до н.э. На ней написано: «Израиль опустошён. Семени его нет».

В Средние века евреев изгоняли из многих стран Европы: из Англии в 1290 г., из Франции в 1306 и 1394 гг., из Австрии в 1421 г., из немецких княжеств на протяжении XV и XVI столетий, из Испании в 1497 г. Вплоть до XIX в. вражда к евреям определялась религиозным мотивом.

Расовый или современный антисемитизм зародился в последней трети XIX в. и является новой разновидностью антисемитизма, которая рассматривает евреев в качестве прирождённых носителей определённых биологических вредных признаков. Можно сказать, что расовый антисемитизм является проекцией теории эволюции Дарвина в том смысле, что история представляется борьбой арийцев против евреев, в ходе которой выживает только сильнейший.

Одним из теоретиков научного антисемитизма считают французского дипломата, социолога и писателя Жозефа Артура де Гобино. В 1853 г. он опубликовал книгу «Опыт о неравенстве человеческих рас» [4], где разделил всех людей на расы. Наиболее способной к культурному развитию учёный считал арийскую расу, смешение которой с небелыми народами приведёт к снижению её способностей. Впоследствии Адольф Гитлер заимствовал многие положения теории Гобино, чтобы обосновать «исключительное право» немцев господствовать над миром.

Считается, что термин «антисемитизм» вошёл в оборот в 1879 г. в памфлете «Путь к победе германства над еврейством» немецкий публицист Вильгельм Марр [20]. В этом же году Марр в Берлине основал первое антисемитское политическое объединение «Антисемитскую лигу», которая просуществовала до 1880 г. В это время термин «антисемитизм» окончательно заменил такие понятия, как «юдофобия» и «антииудаизм».

Стоит отметить, что в качестве одной из причин роста антисемитизма в Европе многие историки выделяют Великую Французскую революцию 1789 г., которая прошла под лозунгами «Свобода. Равенство. Братство». Результатом революции стало получение евреями равных прав с коренным населением, что дало им возможность занять ведущие позиции в обществе. Так возник «еврейский вопрос», затрагивавший проблему эмансипации евреев.

Однако на протяжении долгого времени многие историки поспешно и наугад изобретали другие объяснения популярности антисемитизма в Европе. Ханна Арендт в книге «Истоки тоталитаризма» рассмотрела наиболее нелепые теории. Одна из них заключается в том, что евреи, будучи беспомощной группой, захвачен-

ной общими и неразрешимыми конфликтами эпохи, могли быть обвинены в этих конфликтах и представлены как скрытые творцы всякого зла. Другая теория говорит о том, что рост антисемитизма связан с угрозой физического вымирания еврейского народа извне и разложения изнутри. Евреи, стремившиеся обеспечить выживание своего народа, ухватились за утешительную идею, что антисемитизм может стать средством сохранения единства народа [1, с. 41].

В Германии споры о роли евреев велись в рамках основных антисемитских школ – национально-государственная (Генрих фон Трейчке), социально-христианская (Адольф Штёккер) и расовая (Евгений Дюринг).

Фон Трейчке писал об увеличивающейся иммиграции польских евреев, которые были чужды германской культуре, о недобросовестной конкуренции еврейских фирм, о ростовщичестве. Он полагал, что евреи должны ассимилироваться, стать немцами. Такое решение еврейского вопроса он видел возможным.

А. Штёккер был представителем движения христианских социалистов, которое ориентировалось на рабочих и на наименее обеспеченных представителей среднего класса. Он призывал к борьбе против капиталистической эксплуатации, в которой обвинял евреев.

Преподаватель философии Е. Дюринг, который тоже считается одним из идеологов современного антисемитизма, полагал, что социализм сможет обуздать евреев и приравнять их к остальным.

С конца XIX в. в германских городах начали образовываться объединения и кружки, деятельность которых была направлена против евреев. В 1881 г. в Дрездене была создана «Немецкая партия реформ», в Касселе с 1886 г. существовало «Немецкое антисемитское объединение». Какими бы мелкими ни были первые антисемитские партии, они сразу стали отличать себя от других партий, и изначально заявили претензию на то, что являются не партией наряду с другими, а партией «над всеми партиями» [1, с. 80].

Стоит подчеркнуть, что, несмотря на появление разного рода антисемитских политических организаций, их сторонники не имели никакого политического влияния в кайзеровской Германии, то есть в период с 1871 по 1918 гг.

Новым поводом для всплеска антиеврейских настроений стала Первая мировая война. Ради справедливости стоит отметить, что доля евреев, принимавших участие в боях, была довольно высока относительно всего еврейского населения Германской империи. Из 100 тыс. еврейских добровольцев, ушедших на фронт, на полях сражения пало около 12 тыс. солдат [28, с. 38]. Несмотря на массовое участие евреев в войне, Первая мировая война дала повод для распространения негативного отношения к ним. Ведь немцы продолжали считать, что евреи были ростовщиками и спекулянтами и наживались на остальном обездоленном населении.

С конца 70-х гг. XIX в. в Германии велась активная антиеврейская пропаганда. Повсеместно распространялись листовки, в которых вина за политические, экономические и общественные проблемы в стране возлагалась именно на евреев. В 1893 г. немецкий издатель и эксперт Теодор Фрич опубликовал книгу «Справочник по еврейскому вопросу», в которой уличил всех европейских евреев в заговоре, а также призвал немцев воздерживаться от смешения с ними. Книга была переиздана 49 раз, последний тираж в 1944 г. составил 330 тыс. экземпляров.

Другой немецкий писатель-антисемит Отто Плагу опубликовал ряд статей, в которых обвинял евреев в биржевом крахе, имевшем место в 1873 г.

Антисемитизм был присущ не только публицистам, учёным, но и деятелям немецкой культуры. Рихард Вагнер ещё в 1850 г. опубликовал памфлет «Еврейство в музыке» [31]. В нём известный композитор говорил о своём непреодолимом отвращении к природе евреев, которое не смог бы преодолеть, даже если бы захотел. Вагнер выражал надежду, что это чувство когда-нибудь овладеет массами и превратится в идеологию. Можно сказать, что в какой-то степени Вагнер был пророком.

Благодатной почвой для уничтожения евреев в годы нахождения у власти национал-социалистов во главе с А. Гитлером стало сокрушительное поражение Германской империи в Первой мировой войне. Экономический кризис, ущемлённая национальная гордость вследствие навязанного Германии Версальского договора, социальные трудности – всё это использовали идеологи и политики третьего рейха для раскручивания маховика против еврейского народа.

В программе Национал-социалистической немецкой рабочей партии, которая была принята 1 апреля 1920 г., было написано, что «гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к немецкой нации, в чьих жилах течёт немецкая кровь, независимо от религиозной принадлежности. Таким образом, ни один еврей не может быть отнесён к немецкой нации, а также являться гражданином Германии» [2, с. 17].

Приход к власти национал-социалистов в 1933 г. превратил антисемитизм в официальную государственную доктрину, а также положил начало самой страшной странице в истории еврейского народа – Холокосту. Чтобы скрыть истинную суть своих преступлений, национал-социалисты использовали такой термин, как «окончательное решение еврейского вопроса», который предполагал физическое уничтожение евреев.

Согласно периодизации немецких историков, систематическое преследование и истребление евреев немецкими нацистами принято делить на два этапа. На первом этапе с 1933 по 1938 гг. евреев дискриминировали, грабили и тем самым подталкивали к эмиграции. Этот период характеризовался укреплением и институционализацией антисемитской политики, принятием

антиеврейских законов, вытеснением евреев из всех сфер жизни третьего рейха, «ариизацией» еврейской собственности и хозяйства.

1 апреля 1933 г. был проведен первый бойкот еврейских предприятий, ознаменовавший начало массовых преследований. По закону о восстановлении профессионального чиновничества, принятому 7 апреля, все неарийские чиновники подлежали увольнению, 25 апреля в стране были введены квоты для обучения евреев в учебных заведениях, а 10 мая были сожжены книги, написанные еврейскими и антинацистскими авторами. Наряду с книгами классиков мировой литературы (Томаса Манна, Эриха Марии Ремарка, Джека Лондона, Эмиля Золя) были сожжены произведения Генриха Гейне, Зигмунда Фрейда, Стефана Цвейга, Альберта Эйнштейна. Министр народного просвещения и пропаганды третьего рейха Йозеф Геббельс заявил: «Душа германского народа вновь может выразить себя. Это пламя освещает не только конец старой эры, но и начало новой» [4].

14 июля 1933 г. был принят закон о лишении гражданства. Гражданства лишались лица, нарушавшие долг верности рейху и народу, наносившие своим поведением ущерб немецким интересам.

15 сентября 1935 г. рейхстаг принял два закона, которые позднее стали называться Нюрнбергскими: закон о гражданстве рейха и закон об охране германской крови и чести. Закон о защите крови и чести запрещал евреям брачное и внебрачное расовое смешение с немецкими гражданами, в жилах которых текла немецкая или родственная ей кровь. Впоследствии был принят закон о праве на имперское гражданство. Полноправным гражданином империи отныне являлся лишь подданный рейха немецкой или родственной ей крови, который доказывал своим поведением, что он верно служит немецкому рейху и народу. Евреи по этим законам рассматривались как чужаки. Таким образом, они были лишены гражданских прав.

Антиеврейские законы способствовали усилению дискриминации евреев. Начались изъятия еврейского имущества в пользу немцев. Более того, нацисты добивались эмиграции евреев с территории Германии. Для этого они вели переговоры с организациями, которые способствовали ускорению этого процесса. Одной из таких организаций был Союз немецких евреев, оказывавший помощь переселенцам. В рамках Лиги Наций в 1933 г. было создано специальное ведомство Верховного комиссара по делам беженцев, которое было призвано оказывать помощь еврейским беженцам из третьего рейха. В июле 1938 г. состоялась Эвианская конференция, результатом которой стало создание Межправительственного комитета по делам беженцев.

Второй этап, начало которого относят к 1938г., когда началось физическое уничтожение евреев, закончился в 1945г. В годы Второй мировой войны евреев насильственно депор-

тировали в расположенные в Польше лагеря и гетто, где их массово уничтожали. Эмиграция официально была запрещена, что стало следствием роспуска всех еврейских организаций. В различных немецких городах 9 ноября 1938 г. прошёл массовый антиеврейский погром, который вошёл в историю как «Хрустальная ночь». По всей стране нацисты жгли синагоги, грабили еврейские заведения и квартиры, избивали и арестовывали евреев. Поводом для погрома послужило убийство 9 ноября польским евреем советника немецкого посольства в Париже.

За время Второй мировой войны в крупнейшем нацистском лагере Освенцим-Биркенау погибло от 1,5 до 2 млн человек [23, с. 202]. Стоит сказать, что историки расходятся в своих оценках относительно точного количества жертв, что связано с уничтожением многих документов.

В 1943 г. страны антигитлеровской коалиции подписали «Декларацию об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», а 20 ноября 1945 г. нацистское правительство и другие высокопоставленные должностные лица гитлеровской Германии предстали перед Нюрнбергским трибуналом по обвинению в преступлениях против мира и человечности. К высшей мере наказания, а именно смертной казни, были приговорены 12 руководителей третьего рейха. Кроме того, более 30 тыс. нацистов были осуждены военными трибуналами после войны. Однако тысячам преступников удалось избежать правосудия. Многие укрылись в США, Канаде, Австралии, в латиноамериканских странах. На сегодняшний день не существует срока давности по преступлениям, совершённым против человечности во время Второй мировой войны.

Поиск нацистских преступников осуществляется во многих странах мира и по сей день. В октябре 2014 г. центр Симона Визенталя, основанный ещё в 1977 г., сообщил о передаче властям ФРГ списка с именами 80 членов нацистских эскадронов смерти [10].

1 ноября 2005 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций одобрила резолюцию 60/7, в которой постановила, что день 27 января будет ежегодно отмечаться как Международный день памяти жертв Холокоста. Принятие резолюции состоялось лишь в начале XXI в., так как после Второй мировой войны победители и проигравшие были озабочены проблемами будущего, а не прошлого.

День 27 января был избран Международным днём памяти жертв Холокоста неслучайно, ведь именно в этот день в 1945 г. Советская армия освободила крупнейший нацистский лагерь смерти Освенцим-Биркенау.

Холокост в политической культуре немцев и евреев

Холокост даже спустя 71 год после его окончания остаётся болезненной темой для немецкого общества и политической элиты. Это вытекает не только из заявлений немецких канцлеров и

министров, но и опросов общественного мнения, которые периодически проводятся в Германии на эту тему.

В последнем опросе, проведённом фондом Бертельсмана в 2015 г. [13], около 80% опрошенных немцев сказали, что хотят подвести черту под событиями XX в. и уделять больше внимания современным проблемам страны. Но лишь 22% евреев выступают за то, чтобы оставить тему Холокоста в прошлом.

В ходе опроса немцев также спросили об их отношении к Израилю. Около 36% немцев придерживаются положительного мнения об этой стране, почти половина - отрицательного. В 2007 г. при проведении аналогичного опроса общественного мнения в Германии около 30% немцев сравнили внешнюю политику Тель-Авива по отношению к палестинцам с национал-социализмом, сегодня эта цифра достигла уже 35%.

Что касается евреев, то они придерживаются хорошего мнения о ФРГ: 68% положительно оценивают действия Германии на современном этапе.

Стоит подчеркнуть, что дискуссия вокруг Холокоста в Германии и по сей день продолжает будоражить немецкое общество. Немцы, о чём свидетельствуют многочисленные опросы общественного мнения, с одной стороны, хотят перевернуть позорную страницу своей истории. В обществе наблюдается чувство усталости от темы физического уничтожения евреев в годы национал-социализма. При этом важно отметить, что желание открыть новую страницу в отношениях с Израилем, страницу, не затрагивающую тёмные эпизоды в истории немецкого народа, нельзя приравнять к попытке предать эту тему забвению. Ведь сложно упрекнуть Германию в том, что она не извлекла уроков из собственной истории.

С другой стороны, ФРГ опасается, что подобное желание может быть расценено, как попытка переписать историю, отказаться от вины за содеянные преступления. Именно поэтому Германия не спешит предпринимать какие-либо действия или выступать с официальными заявлениями по этому поводу.

Более того, стоит отметить, Израиль делает всё возможное, чтобы тема «особой ответственности» Германии перед еврейским народом оставалась в повестке дня двусторонних отношений. Об этом свидетельствуют постоянные заявления израильских политиков.

Чем же объясняются различия в отношении к Холокосту у немцев и евреев? Почему одни считают, что пришло время оставить эту тему в прошлом, а другие хотят и дальше обсуждать её?

Какое место сегодня занимает Холокост в политической культуре Германии и Израиля?

Во-первых, независимо от того, какие политические силы находились у власти в ФРГ после окончания Второй мировой войны, они неизменно говорили о вине Германии за преступления, совершённые в отношении еврейского народа в 1938-1945 гг.

Так, во время своего визита в Израиль в июне 1973 г. канцлер Вилли Брандт подчеркнул, что отношения между Бонном и Тель-Авивом носят особенный характер по причине исторических и моральных обстоятельств [12, с. 351]. И уточнил, что «германо-израильские отношения необходимо рассматривать с точки зрения зверств, совершённых во времена национал-социализма» [30, с. 453].

В мае 1985 г. президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер в выступлении перед депутатами бундестага по случаю 40-й годовщины окончания Второй мировой войны сказал, что после окончания войны у Германии было тёмное прошлое и неопределённое будущее. Но в ходе переосмысления истории, отметил глава государства, стало ясно, что и для немцев 8 мая было днём освобождения: «Этот день освободил нас всех от чело́веконенавистнической системы национал-социалистического деспотизма» [8].

В 2000 г. президент ФРГ Йоханнес Рау произнёс речь перед израильским кнессетом. Впервые в истории федеральный президент Германии выступал перед депутатами израильского парламента. Речь президента заслужила внимание в Германии и за рубежом не только её содержанием, но и новыми интонациями. В 20-минутной речи Рау обратился с просьбой о прощении за преступления нацизма. «Перед лицом израильского народа в смирении склоняюсь я перед убитыми, у которых нет могил, перед которыми я мог бы попросить о прощении», - сказал тогдашний президент ФРГ [5].

В 2008 г. в речи перед депутатами израильского парламента канцлер Ангела Меркель сказала, что Германия и Израиль навсегда связаны общей памятью о Холокосте. Поэтому Германия никогда не бросит Израиль на произвол судьбы: «Немецкому народу стыдно за своё прошлое и за Холокост. Я преклоняю свою голову перед теми, кто помогал евреям выжить в те ужасные годы. Германия всегда будет на стороне Израиля». Более того, она подчеркнула, что «безопасность Израиля для неё как федерального канцлера никогда не станет предметом торга» [26].

Со своей стороны, политические и общественные лидеры Израиля при любом удобном случае напоминают Германии о её исторической вине и вытекающей отсюда особой ответственности.

Так, в ходе официального визита в июле 1975 г. в Бонн премьер-министр Израиля Ицхак Рабин в интервью одному западногерманскому телеканалу заявил, что «...это особенный для обеих сторон визит, с одной стороны, наши отношения омрачены грузом прошлого, с другой стороны, я приехал сюда, чтобы попытаться построить мосты в будущее» [12, с. 186]. Ссылка на прошлое в отношениях между обоими государствами чётко обозначила, что этот компонент навсегда останется важной составляющей отношений с Германией.

Разразившаяся в январе 1991 г. война в Персидском заливе дала израильской общественно-

сти повод упрекнуть Германию в попытке уничтожения еврейского народа. В связи с тем, что именно Германия поставляла в Ирак химикаты «двойного назначения», которые были использованы для производства отравляющего газа. Тогда известный израильский публицист и бывший узник концлагеря Освенцим Ной Клигер в своем комментарии «Германский газ не пахнет» писал: «Когда немецкие предприниматели могут заработать много денег, их совершенно не интересует, что это может привести к стиранию с лица земли половины израильского государства. Для немецких предпринимателей существует особенная связь между газом и евреями. Как и деньги, газ не пахнет» [16].

В Германии начались расследования деятельности предпринимателей, которые снабжали Ирак всем необходимым для ядерной, химической и другой войны. Оказалось, что фирма Havert долгое время поставляла в Ирак оборудование для производства боевых химикатов, взрывчатых веществ, а также оборудование для монтажа и запуска баллистических ракет. Поставки декларировались как «пестициды» и «школьные ластики», а органы ФРГ даже не обратили никакого внимания на то, что сопроводительные документы были подложными. Как полагают эксперты, именно детальное знание состава иракского оружия массового уничтожения позволило правительству ФРГ правильно выбрать характеристики противогазов и других средств химической защиты, которые в разгар кризиса оно направило в Израиль.

В январе 1996 г. состоялся первый после объединения Германии визит президента Израиля Э. Вайцмана в Берлин. В речи перед депутатами бундестага и бундесрата он подчеркнул, что двусторонние отношения между двумя странами основываются на совместном историческом прошлом [24].

Недавним примером того, что политики обеих стран постоянно используют тему Холокоста, стали прошедшие 16 февраля 2016 г. в Берлине шестые правительственные консультации между Германией и Израилем.

Их основной темой было углубление сотрудничества в таких сферах, как безопасность, кибериндустрия, технологии, научные исследования и разработки, энергетика, здравоохранение. А. Меркель и Б. Нетаньяху уделили особое внимание внешнеполитическим вопросам, в том числе, мирному урегулированию палестино-израильского и сирийского конфликтов и отношениям с Ираном.

По окончании переговоров премьер-министр Израиля на пресс-конференции заявил: «В Германии мы всегда знаем, что находимся среди хороших друзей. Спустя 51 год после установления дипломатических отношений между нашими странами можно с уверенностью сказать, что из партнёров Берлин и Тель-Авив превратились в неразлучных друзей. Партнёрство Германии и Израиля служит примером того, как, несмотр-

■ Мировая политика

ря на ужасы прошлого, два народа установили между собой узы дружбы, и, тем самым, служит символом надежды для всего мира» [17].

Из заявления очевидно, что израильская сторона даже спустя 71 год после окончания Второй мировой войны и зверств нацистской Германии в отношении евреев не упускает возможности, чтобы напомнить современной Германии об особой ответственности перед Израилем и евреями.

Таким образом, не только немецкие, но и израильские политики и общественные деятели в XXI в. продолжают напоминать о совместной трагедии.

Особая ответственность Германии перед Израилем отражается практически во всех коалиционных договорах германских правительств.

Исключение составляет период 1990 по 1998 гг., что объясняется тем, что Германия была занята процессом объединения и находилась в поисках собственного места в постбиполярном мире.

В коалиционных договорах западногерманских правительств (в период с 1949 по 1990 гг.) также отсутствует раздел, посвящённый отношениям между Бонном и Тель-Авивом. После окончания Второй мировой войны Германия, с одной стороны, была занята внутренними проблемами, а именно борьбой с безработицей, проведением пенсионной, аграрной, налоговой реформ, созданием благоприятного инвестиционного климата в стране. С другой стороны, страна находилась в поиске собственного места в биполярном мире, проводила политику, направленную на достижение равноправия и интеграции в западную систему государств.

В коалиционном договоре, заключённом между СДПГ и «Союзом 90» / «Зелёные» в 1998 г., говорится, что «по отношению к Израилю существует особая ответственность со стороны ФРГ. Германия и в будущем будет делать всё возможное для обеспечения безопасности Израиля» [18].

В коалиционном договоре 2005 г. между блоком ХДС/ ХСС и СДПГ говорится, что «Германия несёт особую ответственность перед Израилем, которая вытекает из истории. Мы поддерживаем право Израиля на существование и право граждан этого государства жить в безопасных границах без страха, угрозы терроризма, насилия» [19].

Текст коалиционного договора 2009 г., где Израиль назван еврейским государством, позволяет говорить о некоторой эволюции позиции Германии по отношению к Израилю. Поскольку впервые такая формулировка была включена в 2007 г. в программу ХДС по инициативе А. Меркель, есть основания связывать этот процесс с именем канцлера. А. Меркель выросла в ГДР, власти которой вплоть до воссоединения с ФРГ отрицали вину за геноцид евреев во время национал-социализма, а также не признавали ответственность перед этим народом. Именно поэтому канцлер постоянно стремится подчеркнуть историческую

ответственность немецкого народа перед евреями, необходимость противодействия всем формам антисемитизма, а также отстаивания права Израиля на существование и безопасность. Она требует признать Израиль в качестве еврейского государства, на этом же постоянно настаивает сам Израиль в переговорах по урегулированию палестино-израильского конфликта.

Очередным отголоском исторического прошлого в отношениях между Берлином и Тель-Авивом можно считать выражение солидарности со стороны Германии по отношению к Израилю по ряду международных вопросов: ядерная программа Ирана, палестино-израильский конфликт.

В частности, позиция Берлина по палестино-израильскому конфликту вытекает именно из необходимости обеспечить безопасность Израиля. Более того, ФРГ никогда открыто не занимала проарабскую или объективную позицию в конфликте.

В большинстве случаев насилия правительство Германии обвиняет палестинскую сторону. Так, во время израильской военной операции в секторе Газа в 2008 г. А. Меркель поддержала правительство Израиля, возложив вину за эскалацию насилия исключительно на ХАМАС. Безоговорочная поддержка Израиля со стороны А. Меркель привела к росту обвинений канцлера в излишне эмоциональной привязанности к Израилю, мешающей Германии проводить сбалансированную политику в регионе. Оглядка на Израиль в значительной мере сужает возможность для манёвра немецкого дипломатии.

Признавая гарантию существования Израиля своим национальным интересом, о чём не раз говорила канцлер А. Меркель, Берлин увязывает достижение мира с необходимостью создания признанных друг другом двух государств — Израиля и Палестины.

С учётом особого отношения к Израилю Германия занимает бескомпромиссную позицию по отношению к ядерной программе Ирана. Выступая 3 ноября 2009 г. в Конгрессе США, немецкий канцлер заявила, что «необходимо проявлять нулевую толерантность, когда существует риск того, что оружие массового уничтожения может попасть, например, в руки Ирана. Ведь безопасность Израиля - вопрос, который даже не обсуждается. Каждый, кто угрожает Израилю, также угрожает нам» [22]. Вместе с тем, А. Меркель не раз говорила о том, что Федеративная Республика рассматривает Тегеран как потенциальную угрозу не только Израилю, но и всей Европе.

В определённой степени именно благодаря памяти о Холокосте отношения между Берлином и Тель-Авивом развиваются в положительном для Израиля русле.

Это сказывается, в первую очередь, на сотрудничестве в оборонной сфере.

Из стремления загладить вину перед еврейским народом ФРГ оказывает помощь в

обеспечении безопасности еврейского государства. Важнейшей составляющей этой помощи выступают поставки вооружения на льготных условиях, начавшиеся еще в 1960-х гг.

В 1962 г. Бонн и Тель-Авив подписали секретное соглашение о поставках вооружения Израилю на 240 млн марок. В 1991 г. страны заключили соглашение о безвозмездной передаче Израилю трёх подводных лодок.

В 1999 и 2000 гг. экспорт оружия в Израиль вырос до 1,29 млрд марок, а Израиль тем самым занял первое место среди стран-покупателей немецкого оружия вне НАТО. Рост объёма поставок оружия в начале 2000-х гг. объясняется поставкой Израилю подводных лодок «Дельфин». В мае 2006 г. федеральное правительство одобрило строительство шестой подводной лодки этого типа и выдало субсидию в размере 900 млн евро. Правительство каждый раз брало на себя от трети до половины расходов по контрактам.

Израиль получает по льготным ценам и другие виды вооружений. Ещё в начале 2000-х гг. канцлер Герхард Шрёдер охарактеризовал военное сотрудничество между Берлином и Тель-Авивом следующим образом: «Израиль получает то, что ему требуется для обеспечения собственной безопасности и получает это тогда, когда ему необходимо» [11].

Сотрудничество в военной сфере не ограничивается поставками немецкого вооружения. В частности, с 1984 г. в Академии командного состава бундсвера функционирует программа для офицеров израильской армии. Германия и Израиль проводят регулярные встречи представителей оборонных ведомств для обсуждения вопросов разработки военных доктрин и планов боевых действий.

Отмеченное выше стремление Германии к искуплению исторической вины перед Израилем проявляется и в области двусторонних экономических отношений. Израиль не раз получал от ФРГ финансовую помощь и кредиты на льготных условиях. Так, еще в марте 1960 г. Бонн и Тель-Авив подписали соглашение, по которому немецкое правительство выразило готовность предоставить государству Израиль финансовую помощь в размере 150 млн долларов ежегодно на протяжении 10 лет [32, с. 39]. Итогом разразившейся в 1967 г. Шестидневной войны стало предоставление Израилю кредита в размере 160 млн марок.

Германия лоббирует интересы Израиля в ЕС. В качестве примера можно напомнить об активном участии министра иностранных дел Германии Г.-Д. Геншера в процессе подготовки соглашения об ассоциативном сотрудничестве ЕЭС и Израиля, подписанного в мае 1975 г. Соглашение об ассоциации предусматривало сокращение таможенных пошлин на ввоз товаров и продуктов во взаимной торговле.

Тогдашний министр иностранных дел Израиля заявил, что это соглашение будет иметь важные последствия для политической и эко-

номической судьбы его страны. В самом деле динамика товарооборота заметно оживилась после подписания соглашения. В период с 1950-х до 1980-х гг. прирост импорта товаров из стран ЕЭС в Израиль составил 25% [15].

В 2000 г. Тель-Авив и Брюссель подписали Евросредиземноморское соглашение, заменившее предыдущее соглашение о сотрудничестве, а также учредившее ассоциацию между государством Израиль, с одной стороны, Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Новое соглашение предусматривает сотрудничество сторон по широкому спектру вопросов, в основном в области экономики, центральным компонентом ассоциации является достижение свободного передвижения товаров, лиц, услуг и капиталов. Приоритет в сотрудничестве между Израилем и Европейским союзом на долгосрочную перспективу отдаётся построению тесных экономических отношений вплоть до создания Евросредиземноморской зоны свободной торговли.

Израиль – первая неевропейская страна, допущенная к участию в Рамочной программе научно-технического развития. На сегодняшний день израильские университеты, исследовательские институты и компании приняли участие в 600 научных проектах вместе со своими европейскими коллегами. Между Израилем и ЕС также подписаны соглашения «О поставках для предприятий телекоммуникаций», «О правительственных поставках» и «Об обмене лабораторным опытом».

Инструментом оказания поддержки еврейскому народу является миграционная политика немецкого правительства. В 1990-х гг. многие евреи устремились в Германию. Катализатором этого процесса стали: распад СССР, прекращение существования Восточного блока, падение Берлинской стены, а также объединение Германии. За последние два десятилетия в Германию переехало около 220 тыс. евреев.

В декабре 1990 г. на конференции министров внутренних дел федеральных земель в Дрездене правительство решило принимать еврейских беженцев из СССР (а также их нееврейских супругов) со статусом, приравненным к статусу «контингентных беженцев». Подобный статус в своё время получали политические беженцы из Венгрии и Чехословакии. Статус «контингентных беженцев» отличается от статуса «конвенциональных беженцев», предусмотренного международной Конвенцией о беженцах от 1951 г. Все решения относительно еврейских переселенцев рассматривались властями в индивидуальном порядке.

Статус «контингентного беженца» является с правовой точки зрения самым защищённым из всех, каким могут обладать беженцы в Германии. Он предполагает неограниченный сроком вид на жительство, право на жилище и разрешение на трудовую деятельность, а в случае невозможности найти работу – право на социальную помощь,

■ Мировая политика

подразумевающую бесплатную медицинскую страховку. «Контингентные беженцы» имеют противодепортационный иммунитет, если не нарушат немецкое законодательство.

С другой стороны, важно учитывать, что не только Израиль выигрывает от развития и углубления отношений с Германией. О заинтересованности ФРГ в развитии связей с Израилем свидетельствуют следующие факты.

Торговый оборот между странами превысил 5 млрд долл. ещё в 2006 г. [33]. В 2015 г. он достиг 5,89 млрд долл. [25]. В сентябре 2005 г. стороны основали германо-израильский деловой совет для дальнейшего углубления двусторонних экономических связей.

Между странами развивается инвестиционное сотрудничество. Самый крупный инвестиционный проект, который был осуществлен при поддержке со стороны германской промышленности, - это строительство в Израиле совместного предприятия концерна Volkswagen и израильской химической компании Israel Chemicals Ltd. (65% израильских инвестиций, 35% немецких). Соответствующее соглашение было подписано в 1995 г.

В сфере образования и научно-технических исследований заслуживает упоминания деятельность основанного ещё в 1964 г. фонда «Минерва», спонсирующего при поддержке Министерства образования и науки программы научного обмена между Германией и Израилем. Размер помощи в 2000-х гг. достиг 3,75 млн евро [6]. В 2005 г., к 40-летию установления дипломатических отношений между странами был основан германо-израильский форум будущего, который занимается продвижением проектов в сфере культуры, образования, экономики и науки. Правительство ФРГ ежегодно выделяет фонду 500 тыс. евро [29].

Приведённые аргументы наглядно демонстрируют, что Берлин и Тель-Авив сотрудничают не только по причине «особой ответственности» Германии перед еврейским народом. Ведь невозможно оставаться важным торгово-экономическим партнёром лишь по причине чувства вины за уничтожение евреев в годы войны. Ведь сложно представить, что можно заставить деловые и промышленные круги вкладывать средства, опираясь только на чувство вины одного народа перед другим. Но можно создать экономические условия, которые будут привлекательны для бизнеса.

* * *

Отношения между Берлином и Тель-Авивом носят уникальный характер. Они занимают особое место в системе внешних связей Германии, что связано с «исторической ответственностью» немцев за Холокост – геноцид 6 млн евреев во времена национал-социализма. Немцы определённо извлекли урок из своего прошлого. В течение 70 лет они продолжали демонстрировать не только евреям, но и всему миру свои добрые намерения, а также делали всё возможное для того, чтобы искупить вину за страдания этого народа. Сегодня среди немцев наблюдается усталость от темы Холокоста. Желание оставить тему в прошлом и развивать с Израилем отношения, не основанные на необходимости идти на уступки из-за страха быть осуждёнными за трагическую главу в истории.

Того же нельзя сказать о евреях, которые не забывают напоминать Берлину о его «особой исторической ответственности». Можно предположить, что и в краткосрочной, и в среднесрочной перспективе Холокост будет определять развитие отношений между Берлином и Тель-Авивом.

Список литературы

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., ЦентрКом, 1996. 336 с.
2. Гейден К. История германского фашизма. М.-Л., Госсэкоэкономиздат, 1932. 395 с.
3. Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., Олма-Пресс, 2001. 768 с.
4. История Холокоста // Всемирный форум памяти Холокоста. URL: <http://www.worldholocaustforum.org/rus/history/5/> (Проверено 04.02.2016 г.).
5. Немецкий язык в израильском парламенте // Deutsche Welle. – 01.02.2005. URL: <http://dw.de/p/6Bni> (Проверено 04.02.2016 г.).
6. Олешкевич Е. Немецко-израильские научные фонды и их деятельность // Институт Ближнего Востока. 07.08.2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15289> (Проверено 04.02.2016 г.).
7. Павлов Н.В., Кулешов С.В., Полоскова Т.В. Государство и диаспоры: опыт взаимодействия. М.: Терра, 2001. 263 с.
8. Фюрстенау М., Юрин В. Капитуляция нацистской Германии стала для немцев символом освобождения // Deutsche Welle. 07.05.2010. URL: <http://dw.de/p/N142> (Проверено 04.02.2016 г.).
9. Adenauer K. Erinnerungen 1959 -1963. Frankfurt a. Main u. Hamburg: Fischer Bücherei, 1970. 247 S.
10. Das Gupta O. Justiz recherchiert zu Hitlers Mordkommandos // Süddeutsche Zeitung. 02.10.2014. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/wiesenthal-liste-zu-einsatzgruppen-justiz-recherchiert-zu-hitlers-mordkommandos-1.2156947> (Проверено 04.02.2016 г.).

11. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 14/ 233 // Deutscher Bundestag. 25.04.2002. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/14/14233.pdf> (Проверено 04.02.2016 г.).
12. Deutschkron I. Israel und die Deutschen. Köln: Wissenschaft und Politik, 1991. 515 S.
13. Drobinski M. Die Schlussstrich-Befürworter // Süddeutsche Zeitung. 26.01.2015. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/deutsches-verhaeltnis-zum-holocaust-die-schlussstrich-befuerworter-1.2319728> (Проверено 04.02.2016 г.).
14. Feldman L. Gardner. The special relationship between West Germany and Israel. Boston: Harper Collins Publishers, 1984. 352 p.
15. Foreign trade of Israel // Israel Central Bureau of Statistics. URL: http://www.cbs.gov.il/statistical/trade_41_e.pdf (Проверено 04.02.2016 г.).
16. Hestermann J. Ein «Tag der tiefen Trauer» – Israelische Reaktionen auf den Umbruch in der DDR und die deutsche Wiedervereinigung. In: Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.). Deutschland Archiv 2014, Bonn 2015. S. 112–125.
17. Jandrey A., Bochar M. Deutsch-israelische Regierungskonsultationen: die Gemeinsamkeiten überwiegen // Konrad Adenauer Stiftung. 23.02.2016. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_44297-544-1-30.pdf?160224095443 (Проверено 04.02.2016 г.).
18. Koalitionsvertrag zwischen SPD und Bündnis 90/ die Grünen vom 20.10.1998 // Grünen. URL: https://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Bilder/Redaktion/30_Jahre_-_Serie/Teil_21_Joschka_Fischer/Rot-Gruener_Koalitionsvertrag1998.pdf (Проверено 04.02.2016 г.).
19. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD vom 11.11.2005 // Konrad Adenauer Stiftung. URL: <http://www.kas.de/upload/ACDP/CDU/Koalitionsvertraege/Koalitionsvertrag2005.pdf> (Проверено 04.02.2016 г.).
20. Marr W. Der Weg zum Siege des Germanenthums über das Judentum. Berlin: Hentze, 1880. 48 S.
21. Nassauer O. Israel wird Geld für deutsche Kriegshilfe: U-Boote und Raketenkorvette auf der Wunschliste // Berliner Informationszentrum für Transatlantische Sicherheit. URL: <http://www.bits.de/public/articles/tagesspiegel/20100117.htm> (Проверено 04.02.2016 г.).
22. Niemals werden wir Ihnen das vergessen // Süddeutsche Zeitung. 17.05.2010. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/merkel-vor-us-kongress-niemals-werden-wir-ihnen-das-vergessen-1.137642> (Проверено 04.02.2016 г.).
23. Piper F. Die Zahl der Opfer von Auschwitz: Aufgrund der Quellen und der Erträge der Forschung 1945 bis 1990. Auschwitz: Verlag Staatliches Museum Auschwitz-Birkenau, 1993. 248 S.
24. Präsident Ezer Weizman hielt als erstes israelisches Staatsoberhaupt eine Rede im Deutschen Bundestag // Deutscher Bundestag. URL: <http://www.bundestag.de/kulturundgeschichte/geschichte/gastredner/weizman> (Проверено 04.02.2016 г.).
25. Rangfolge der Handelspartner im Außenhandel 2015 // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesamtwirtschaftUmwelt/Aussenhandel/Handelspartner/Tabellen/RangfolgeHandelspartner.pdf?__blob=publicationFile (Проверено 04.02.2016 г.).
26. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Knesset am 18. März 2008 in Jerusalem // Die Bundesregierung. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2008/03/26-1-bk-knesset.html> (Проверено 04.02.2016 г.).
27. Sechste israelisch-deutsche Regierungskonsultationen in Berlin // Botschaft des Staates Israel in Berlin. 18.02.2016. URL: <http://www.botschaftisrael.de/2016/02/16/israelisch-deutsche-regierungskonsultationen-in-berlin/> (Проверено 04.02.2016 г.).
28. Segall J. Die deutschen Juden als Soldaten im Kriege 1914 -1918. Eine staatliche Studie. Berlin: HILO-VERLAG, 1922. 72 S.
29. Stiftung „Deutsch-Israelisches Zukunftsforum“ nimmt Arbeit auf // Auswärtiges Amt. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Israel/Kultur-UndBildungspolitik_node.html (Проверено 04.02.2016 г.).
30. Vogel R. Der deutsch-israelische Dialog. Dokumentation eines erregenden Kapitels deutscher Außenpolitik. München: Saur Verlag, 1987. 457 S.
31. Wagner R. Das Judentum in der Musik. Leipzig: Weber, 1869. 57 S.
32. Weingardt Markus A. Deutsche Israel- und Nahostpolitik. Frankfurt: Campus Verlag, 2002. 504 S.
33. Zusammenfassende Übersichten für Außenhandel 2010 // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Aussenhandel/Gesamtentwicklung/ZusammenfassendeUebersichtenJendgueltig2070100107004.pdf?__blob=publicationFile (Проверено 04.02.2016 г.).

Об авторе

Карина Юсефовна Хдери – аспирант кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России. E-mail: kh_der@hotmail.com.

ROLE OF HOLOCAUST IN GERMAN-ISRAELI RELATIONS

K.Y. Khderi

AO "Mercedes-Benz RUS", 125167, Leningradsky Prospekt, 39A.

Abstract: Relations between Berlin and Tel Aviv are unique. They occupy a special place in the foreign relations of Germany because of the "historic responsibility" of the Germans for the Holocaust - the genocide of 6 million Jews during the time of National Socialism. The Germans certainly learned a lesson from its past. For 70 years they have been demonstrating to the entire world its good intentions, and did everything possible in order to atone for the suffering of Jews. Today, among the Germans one can observe some fatigue of the theme. There is an increasing desire to leave the topic in the past and to develop relations with Israel, which is not based on the need to make concessions because of the fear of being convicted of a tragic chapter in the history.

The same cannot be said about the Jews, who do not forget to remind Berlin about its "special historical responsibility." We can assume that in the short and medium term, the Holocaust will determine the development of relations between Berlin and Tel Aviv.

Key words: Germany, Israel, Shoa, historical responsibility, antisemitism, German-Israeli relations.

References

1. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [Roots of totalitarianism]. Moscow. CentrKom, 1996. 336 p. (In Russian)
2. Geiden K. *Istoriia germanskogo fashizma* [History of the German Nazism]. Moscow, Gosstatseconomizdat, 1932. 395 p. (In Russian)
3. Gobino Zh. A. *Opyt o neravenstve chelovecheskikh ras* [Experience of the Inequality of Human Races]. Moscow, Olma-Press, 2001. 768 p. (In Russian).
4. Istoriya Kholokosta [History of Holocaust] *Vsemirnyi forum pamiati Kholokosta*. URL: <http://www.worldholocaustforum.org/rus/history/5/> (Accessed 04.02.2016). (In Russian).
5. Nemetskii iazyk v izrail'skom parlamente [German Language in the Israeli Parliament]. *Deutsche Welle*. 01.02.2005. URL: <http://dw.de/p/6Bni> (accessed 15.02.2016). (In Russian).
6. Oleshkevich E. Nemetsko-izrail'skie nauchnye fondy i ikh deiatel'nost' [German-Israeli scientific funds and its activities]. *Institut Blizhnego Vostoka*. 07.08.2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15289> (Accessed 20.02.2016). (In Russian).
7. Pavlov N.V., Kuleshov S.V., Poloskova T.V. *Gosudarstvo i diaspora: opyt vzaimodeistviia* [State and Diasporas: Experience of Collaboration]. Moscow: Terra, 2001. 263 p. (In Russian).
8. Fiirstenau M., Iurin V. Kapituliatsiia natsistskoi Germanii stala dlia nemtsev simbolom osvobodzheniia [Surrender of Nazi Germany became for Germans the Symbol of Liberation]. *Deutsche Welle*. 07.05.2010. URL: <http://dw.de/p/NI42> (Accessed 10.05.2016). (In Russian).
9. Adenauer K. *Erinnerungen 1959-1963*. Frankfurt a. Main u. Hamburg: Fischer Bücherei, 1970. 247 S. (In German).
10. Das Gupta O. Justiz recherchiert zu Hitlers Mordkommandos. *Süddeutsche Zeitung*. 02.10.2014. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/wiesenthal-liste-zu-einsatzgruppen-justiz-recherchiert-zu-hitlers-mordkommandos-1.2156947> (Accessed 14.02.2016). (In German).
11. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll 14/ 233. *Deutscher Bundestag*. 25.04.2002. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/14/14233.pdf> (Accessed 20.06.2016). (In German).
12. Deutschkron I. *Israel und die Deutschen*. Köln: Wissenschaft und Politik, 1991. 515 S. (In German).
13. Drobinski M. Die Schlussstrich-Befürworter. *Süddeutsche Zeitung*. 26.01.2015. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/deutsches-verhaeltnis-zum-holocaust-die-schlussstrich-befuerworter-1.2319728> (Accessed 01.04.2016). (In German).
14. Feldman L. G. *The special relationship between West Germany and Israel*. Boston: HarperCollins Publishers, 1984. 352 p.
15. Foreign trade of Israel. *Israel Central Bureau of Statistics*. URL: http://www.cbs.gov.il/statistical/trade_41_e.pdf (Accessed 20.06.2016)
16. Hestermann J. Ein «Tag der tiefen Trauer» – Israelische Reaktionen auf den Umbruch in der DDR und die deutsche Wiedervereinigung. In: Bundeszentrale für politische Bildung (Hrsg.). *Deutschland Archiv* 2014, Bonn 2015. S. 112–125. (In German).

17. Jandrey A., Bochar M. Deutsch-israelische Regierungskonsultationen: die Gemeinsamkeiten überwiegen. *Konrad Adenauer Stiftung*. 23.02.2016. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_44297-544-1-30.pdf?160224095443 (Accessed 02.04.2016). (In German).
18. Koalitionsvertrag zwischen SPD und Bündnis 90/ die Grünen vom 20.10.1998. *Grünen*. URL: https://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Bilder/Redaktion/30_Jahre_-_Serie/Teil_21_Joschka_Fischer/Rot-Grüener_Koalitionsvertrag1998.pdf (Accessed 15.04.2016). (In German).
19. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD vom 11.11.2005. *Konrad Adenauer Stiftung*. URL: <http://www.kas.de/upload/ACDP/CDU/Koalitionsvertraege/Koalitionsvertrag2005.pdf> (Accessed 15.03.2016). (In German).
20. Marr W. *Der Weg zum Siege des Germanenthums über das Judentum*. Berlin: Hentze, 1880. 48 S. (In German).
21. Nassauer O. Israel wird Geld für deutsche Kriegshilfe: U-Boote und Raketenkorvette auf der Wunschliste. *Berliner Informationszentrum für Transatlantische Sicherheit*. URL: <http://www.bits.de/public/articles/tagesspiegel/20100117.htm> (Accessed 10.06.2016). (In German).
22. Niemals werden wir Ihnen das vergessen. *Süddeutsche Zeitung*. 17.05.2010. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/merkel-vor-us-kongress-niemals-werden-wir-ihnen-das-vergessen-1.137642> (Accessed 30.03.2016). (In German).
23. Piper F. *Die Zahl der Opfer von Auschwitz: Aufgrund der Quellen und der Erträge der Forschung 1945 bis 1990*. Auschwitz: Verlag Staatliches Museum Auschwitz-Birkenau, 1993. 248 S. (In German).
24. Präsident Ezer Weizman hielt als erstes israelisches Staatsoberhaupt eine Rede im Deutschen Bundestag. *Deutscher Bundestag*. URL: <http://www.bundestag.de/kulturundgeschichte/geschichte/gastredner/weizman> (Accessed 08.03.2016). (In German).
25. Rangfolge der Handelspartner im Außenhandel 2015. *Statistisches Bundesamt*. URL: https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesamtwirtschaftUmwelt/Aussenhandel/Handelspartner/Tabellen/RangfolgeHandelspartner.pdf?__blob=publicationFile (Accessed 15.06.2016)
26. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Knesset am 18. März 2008 in Jerusalem. *Die Bundesregierung*. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2008/03/26-1-bk-knesset.html> (Accessed 10.02.2016)
27. Sechste israelisch-deutsche Regierungskonsultationen in Berlin. *Botschaft des Staates Israel in Berlin*. 18.02.2016. URL: <http://www.botschaftisrael.de/2016/02/16/israelisch-deutsche-regierungskonsultationen-in-berlin/> (Accessed 03.04.2016)
28. Segall J. Die deutschen Juden als Soldaten im Kriege 1914-1918. Eine staatliche Studie. Berlin: HILO-VERLAG, 1922. 72 S. (In German).
29. Stiftung Deutsch-Israelisches Zukunftsforum“ nimmt Arbeit auf. *Auswärtiges Amt*. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Israel/Kultur-UndBildungspolitik_node.html (Accessed 15.02.2016). (In German).
30. Vogel R. *Der deutsch-israelische Dialog. Dokumentation eines erregenden Kapitels deutscher Außenpolitik*. München: Saur Verlag, 1987. S. 457. (In German).
31. Wagner R. *Das Judentum in der Musik*. Leipzig: Weber, 1869. 57 S. (In German).
32. Weingardt Markus A. *Deutsche Israel-und Nahostpolitik*. Frankfurt: Campus Verlag, 2002. 504 S. (In German).
33. Zusammenfassende Übersichten für Außenhandel 2010. *Statistisches Bundesamt*. URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Aussenhandel/Gesamtentwicklung/ZusammenfassendeUebersichten-Jendgueltig2070100107004.pdf?__blob=publicationFile (Accessed 03.03.2016). (In German).

About the author

Karina Y. Khderi – PhD student at the Department of history and politics of European and American countries, MGIMO-University. E-mail: kh_der@hotmail.com.

НЕПОТЕРЯННОЕ ДЛЯ РОССИИ ГОСУДАРСТВО

А.А. Токарев, А.С. Дёгтев, А.Р. Маргоев

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Авторы изучают социологический базис грузинской внешней политики на основании данных долгосрочных исследований американских и грузинских НКО, критически подходя к представленным ими цифрам. Несмотря на агрессивный характер риторики грузинских политиков в отношении России и явного общественного консенсуса в отношении евроатлантической интеграции, исследование демонстрирует, что Грузия отнюдь не является потерянным для России государством.

Результаты социологических опросов показывают, что до трети жителей Грузии готовы считать Россию основным партнером своей страны, и в определенной степени этот показатель зависит от политики грузинских властей. К тому же привлекательность евразийской интеграции в Грузии совсем не равняется нулю, а имеет сторонников среди примерно пятой части населения. По мнению авторов, помощь в решении внутриэкономических проблем может оказаться для Грузии гораздо более важной, нежели экспорт в Грузию западных идеологических концептов вроде «маяка демократии» или «по-настоящему европейской страны».

Несмотря на то, что Россия по результатам большинства опросов занимает первое место в списке угроз Грузии, опережая даже запрещённое «Исламское государство», около трети населения считает, что российская угроза преувеличена. Если в эту группу включить тех, кто не видит в России угрозу своей стране, эти граждане Грузии почти уравниваются в количестве со стабильной половиной населения, согласно с утверждением «Россия несёт Грузии угрозу».

Даже при сохранении российского признания Абхазии и Южной Осетии и ориентации грузинской внешней политики на запад, человеческие, культурные и экономические связи между Грузией и Россией не разорвутся. Однако игнорирование имеющегося потенциала развития двусторонних отношений может значительно ослабить связи между Россией и Грузией, подорвав фундаментальную основу для их улучшения.

Ключевые слова: Грузия, социологический анализ, внешняя политика, Россия, ЕАЭС, США, НАТО, ЕС.

В 2015 г. выяснилось, что безопасность и стабильность в Европе ненадёжны. Украинский кризис, поток беженцев с Ближнего Востока, развёртывание новых вооружений со стороны мировых держав убедительно показали, как хрупок мир в Старом свете и насколько неэффективны существующие механизмы согласования интересов. В этих условиях набирает обороты новая холодная война России и Запада (с поправкой на отсутствие ситуации разделения мира на два военно-политических блока). Россия активно участвует в украинском кризисе. НАТО в ответ не только посылает в страны ЦВЕ новые контингенты и технику (как в случае с самолётами F22), но и расширяет пространство присутствия собственной инфраструктуры. В 2015 г. был открыт военный учебный центр в районе грузинского села Крцаниси [1], а на Украине статус Центра информации и документации НАТО был повышен до полноценного представительства Альянса [2].

Если украинский кризис сейчас очевидно далёк от разрешения, и постоянно возобновляющиеся боевые действия хоронят Минские соглашения, то Грузия уже восемь лет живёт без масштабных военных конфликтов. За это время прозападная ориентация большей части населения страны ещё более упрочилась в сравнении с уровнем после «революции роз». Европа стала мечтой – грузины не только абстрактно размышляют о восприятии европейских ценностей и вхождении в «европейский дом», но и ведут речь о необходимости повышения отечественных стандартов правосудия, здравоохранения, социальных служб и т.п. до европейских. Интеграция в ЕС и вступление в НАТО в массовом сознании – параллельные процессы, между которыми особых противоречий не наблюдается. Новый 2016 году грузинское общество встречало с безусловной радостью: бюрократия ЕС сообщила, что Грузия получит безвизовый въезд в страны союза. Восстановление отношений с Россией – клише периода избирательной кампании «Грузинской мечты» в 2012 г. Ссылка на козьи «северного соседа» – привычный способ получения очков грузинскими политиками самого разного толка. Россия для грузинского массового сознания – это США для российского, т.е. могущественный внешний субъект, на который зачастую перекладывается ответственность за внутренние неурядицы.

В условиях, когда грузинскому населению внушают «угрозу с севера», которую активно подчёркивает оппозиционное «Единое национальное движение» (ЕНД), НАТО является для Грузии объективной гарантией безопасности – именно так Альянс воспринимается массовым сознанием. Война 2008 г. этот паттерн для Грузии

только закрепила. При этом повышение уровня сотрудничества с НАТО не сильно беспокоит «северного соседа» до тех пор, пока оно идёт на внешних рубежах: Грузия без особого ущерба для отношений с Россией могла и дальше направлять собственных граждан гибнуть в Афганистане (грузинский контингент был самым большим из всех государств – не членов Альянса). Но реальное приближение инфраструктуры НАТО к российским границам создаёт явную угрозу российским национальным интересам. Планы Генштаба переписываются, ракеты оперативно-тактических комплексов перенацеливаются, интенсивность приграничных учений и внезапных проверок, так нервировавших западные военные ведомства, увеличивается. При этом конечной цели – вступления в структуру, где в случае войны «все за одного», – Грузии не достигнуть, пока не будет разрешён территориальный конфликт с Абхазией и Южной Осетией. Поскольку статья 5 Североатлантического договора подразумевает коллективную самооборону, все страны НАТО в случае вооружённого нападения на одного из членов блока окажут ему помощь, в том числе вооружённую, и поэтому Альянс не принимает государства с неразрешёнными конфликтами, не желая создавать проблемы самому себе. Получается замкнутый круг: Грузия объективно хочет быть с НАТО, чтобы иметь защиту от России, а НАТО не принимает Грузию, но и не отдаляет, открывая не базы, но центры подготовки, поставляя вооружения, обучая личный состав и повышая стандарты его подготовки и оснащения. Россия чувствует угрозу собственной безопасности и отвечает на неё милитаризацией. Грузия, видя это, ещё сильнее стремится к евроатлантической интеграции. В этих условиях, как бы безнадежно это ни звучало сейчас, единственный реальный путь Грузии к безопасности – отход, как минимум, от стремлений в НАТО. Насколько при этом реальна евразийская интеграция страны с точки зрения грузинского обывателя? Каков потенциал налаживания грузино-российских отношений? Способно ли правительство кардинально влиять на массовые настроения в сфере определения векторов внешней политики?

Специфика эмпирической социологии в Грузии

Начало современной грузинской социологии было положено в 1991 г., когда М. Пачулия, обучавшийся социологии в Великобритании и США, в партнерстве с Г. Хелдом, директором Opinion Research Business International [24], основал социологическую НКО – Georgian Opinion Research Business International (GORBI), действительного члена Gallup International¹ (официаль-

¹ Gallup International является ведущей международной ассоциацией в сфере маркетинговых исследований и изучения общественного мнения, состоящей из 75 крупнейших независимых организаций, каждая из которых представляет свою страну. Сотрудничество в рамках Ассоциации позволяет на протяжении более 60 лет проводить на основе общей методологии межстрановые опросы общественного мнения и компаративные исследования высокого качества. URL: www.wingia.com

■ Мировая политика

ный сайт «находится в стадии разработки», как минимум, с 2015 по 2016 гг.).

В настоящее время всегрузинские опросы проводятся различными социологическими службами по заказу National Democratic Institute (NDI) и International Republican Institute (IRI), которые в зависимости от изменения внутриполитической ситуации обвиняются грузинскими политиками в ангажированной подчинённости манипулирующей результатами «загранице». Бидзина Иванишвили и его «Грузинская мечта» считают, что деятельность IRI и NDI на территории Грузии носит «контпродуктивный характер» [4], называя опросы этих институтов «пропагандистской атакой», а также обвиняя в манипуляции результатами; подобной позиции придерживается и лидер непарламентской оппозиционной партии «Свободная Грузия» Каха Кукава [5].

Социологи тоже рассказывают, что коллег «подкупают соответствующие иностранные посольства». Прозревают они преимущественно после того, как их самих обвиняют в ангажированности. В интервью авторам один из руководителей пророссийской НКО, проводящей эмпирические исследования, жалуется на «западных грантоедов» и говорит о низкой заинтересованности России в работе с грузинским третьим сектором. Прозападно настроенные эксперты не под запись объясняют авторам, что «любая социология за пределами NDI и IRI несостоятельна или носит явно пророссийский пропагандистский характер». В третьем секторе, по нашему глубокому убеждению, вообще сложилась парадоксальная ситуация: деньги для проектов делятся на «хорошие» и «плохие». Первые идут из Европы, США и Турции и тратятся на «развитие демократии». Вторые – из России – «на пропаганду».

Несмотря на упрёки в необъективности и завышении рейтинга экс-президента Михаила Саакашвили и ЕНД [3], исследователи опираются на результаты социологических опросов, инициированных двумя американскими НКО, поскольку социология NDI и IRI охватывает всю Грузию и собирается по единой методологии на протяжении многих лет, что позволяет проводить сравнительный анализ по годам.

NDI присутствует в Грузии с 1992 г., однако социологическими исследованиями организация занялась лишь спустя 18 лет, опубликовав отчёт «Общественный взгляд на выборы в Грузии: результаты апрельского опроса 2010 г.» С тех пор NDI ежегодно проводит, как минимум, два крупномасштабных социологических опроса; результаты последнего были опубликованы в апреле 2016 г.² IRI начала свою деятельность в Грузии с 2003 г., а первый доступный ныне отчёт о социологическом исследовании датируется 2007 г. Результаты последнего регулярного опроса населения в масштабах всей Грузии появились в апреле 2016 г.³

В Грузии также действует национальное отделение The Caucasus Research Resource Centers (CRRC Georgia), которое выполняет собственные исследования, помимо опросов, проводимых в сотрудничестве с NDI: с 2006 г. ежегодное социологическое исследование, сменившее название в 2010 г. на Caucasus Barometer, стало проводиться в общенациональном масштабе. Интернет-портал CRRC Online Data Analysis предоставляет широкий набор инструментов для построения диаграмм и перекрёстного анализа данных, однако из-за того, что интервал между предпоследним (2013) и последним (2015)⁴ раундом исследования составил два года, авторам не удалось построить детализированную картину грузинского общественного мнения в динамике, и результаты этого опроса не были использованы при написании данной статьи.

Важнейшие национальные вопросы: социология vs. официальная статистика

Согласно мартовскому опросу NDI за 2016 г., наиболее важными национальными вопросами для населения Грузии (см. диаграмму 1) являются безработица (57% респондентов), инфляция (35%) и бедность (30%), и только 23% отметили территориальную целостность как одну из трёх наиболее важных национальных проблем.

По данным Национальной статистической службы Грузии, в 2015 г. безработица составляла 12% (данный показатель равен 13,5% среди мужчин и 10,2% среди женщин) – в поиске работы находились 241,6 тыс. человек [6]. Налицо серьёзный «разрыв» между статистикой

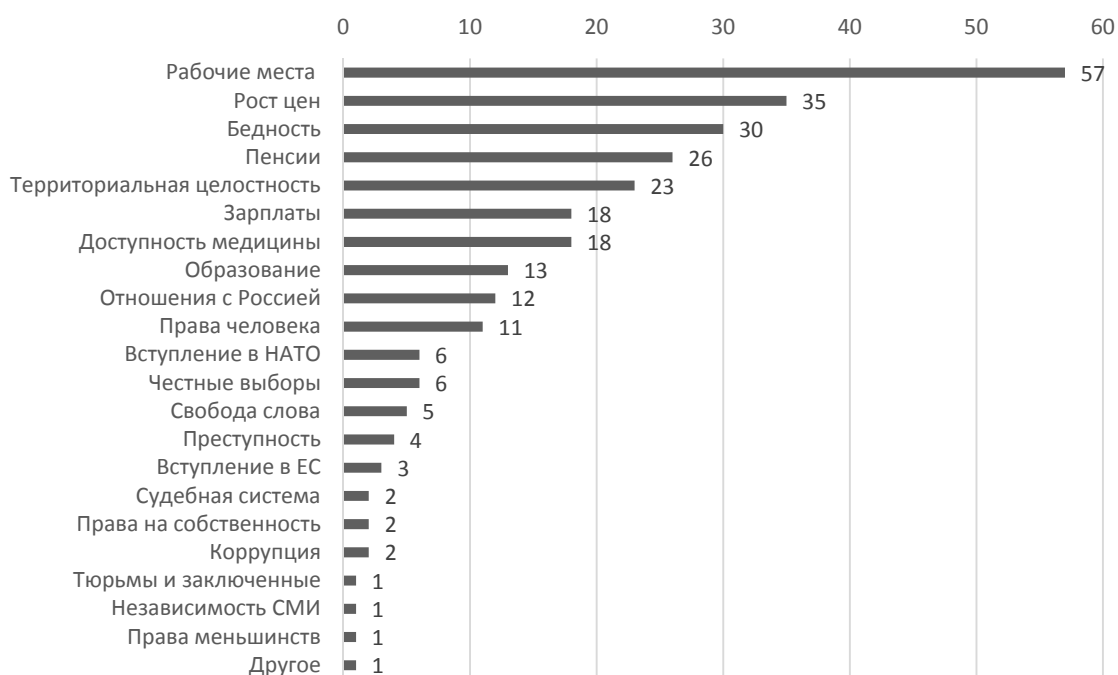
² Опрос был проведен организацией CRRC Georgia на грузинском, армянском и азербайджанском языках с 23 февраля по 14 марта 2016 г. среди 3900 участников из различных регионов Грузии. Средняя статистическая погрешность составляет +/- 1,6%. Финансирование осуществлено Swedish International Development Cooperation Agency (SIDA). Источник: [15]

³ Опрос был организован Baltic Surveys/The Gallup Organization от имени International Republican Institute. 1500 совершеннолетних жителей различных регионов Грузии были опрошены сотрудниками организации Institute of Polling & Marketing Research, Ltd. с 12 марта по 2 апреля 2016 г. Статистическая погрешность составляет +/- 2,5%. Финансовую поддержку осуществило U.S. Agency for International Development (USAID). Источник: [12]

⁴ Данные о периоде проведения опроса Caucasus Barometer – Georgia 2015, числе участников, а также о статистической погрешности на момент проведения исследования не были опубликованы. Источник: [25] Предыдущий опрос Caucasus Barometer – Georgia был проведен среди 2133 совершеннолетних жителей различных регионов Грузии с 3 октября по 11 ноября 2013 г. Статистическая погрешность составила +/- 2,0%. URL: <http://caucasusbarometer.org/en/cb2013ge/factsheet/>

Диаграмма 1.

Наиболее важные национальные вопросы-2016 (%)

Источник: [15].

и результатами опросов. По официальной статистике, проблема безработицы касается 12% населения, а результаты последнего опроса NDI свидетельствуют о том, что у 67% респондентов нет работы, и этот показатель не опускается ниже планки в 60% уже на протяжении шести лет (см. диаграмму 2). С учётом того, что 43% безработных респондентов находятся в поиске работы, неофициальный уровень безработицы в Грузии составляет почти 29% против официального в 12%.

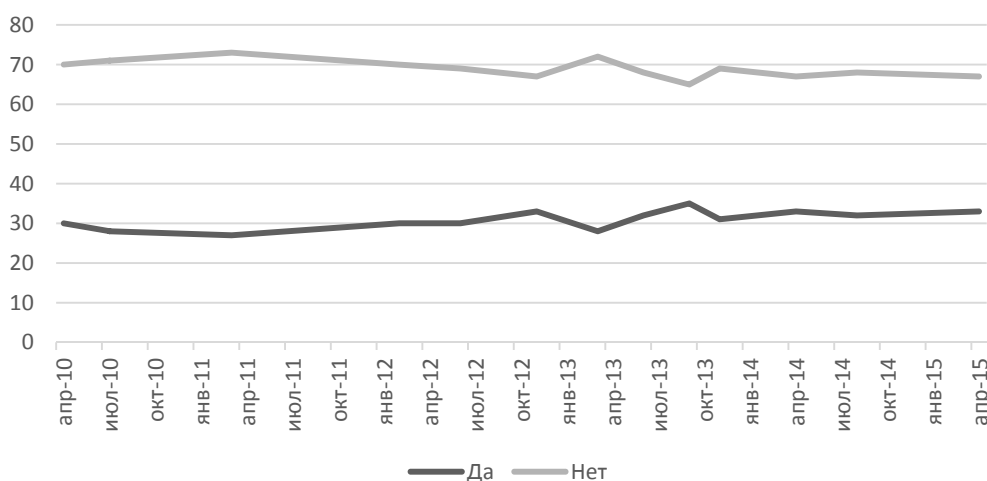
Ситуация с инфляцией к первому кварталу 2016 г. достигла наихудшего положения за последние четыре года – 4% годовых [7]. К тому же

негативное влияние оказала девальвация лари. С конца 2014 г. стоимость лари в долларах упала более чем на 30%, вернувшись к уровню начала 2000-х гг. – почти 2,4 грузинских лари за один американский доллар [8].

Национальная статистика Грузии измеряет бедность на основе абсолютной и относительной черт бедности. Абсолютная черта бедности определяется минимальной потребительской корзиной, стоимость которой (отдельно для работающих мужчин, среднестатистических потребителей и семей) вычисляется ежемесячно с 2004 г. В 2015 г. продуктовая корзина стоила в среднем 142,7 грузинских лари (62,9 долл. по

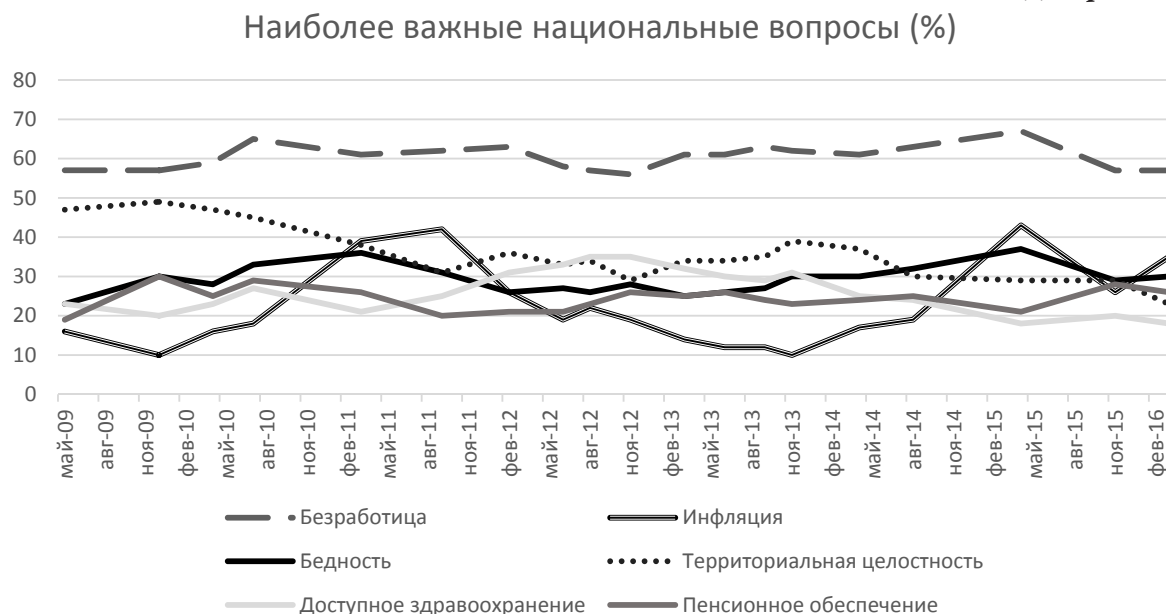
Диаграмма 2.

Считаете ли Вы, что у Вас есть работа? (%)

Источник: [15-20; 26-30].

Диаграмма 3.

Источник: [15-20; 26-30].

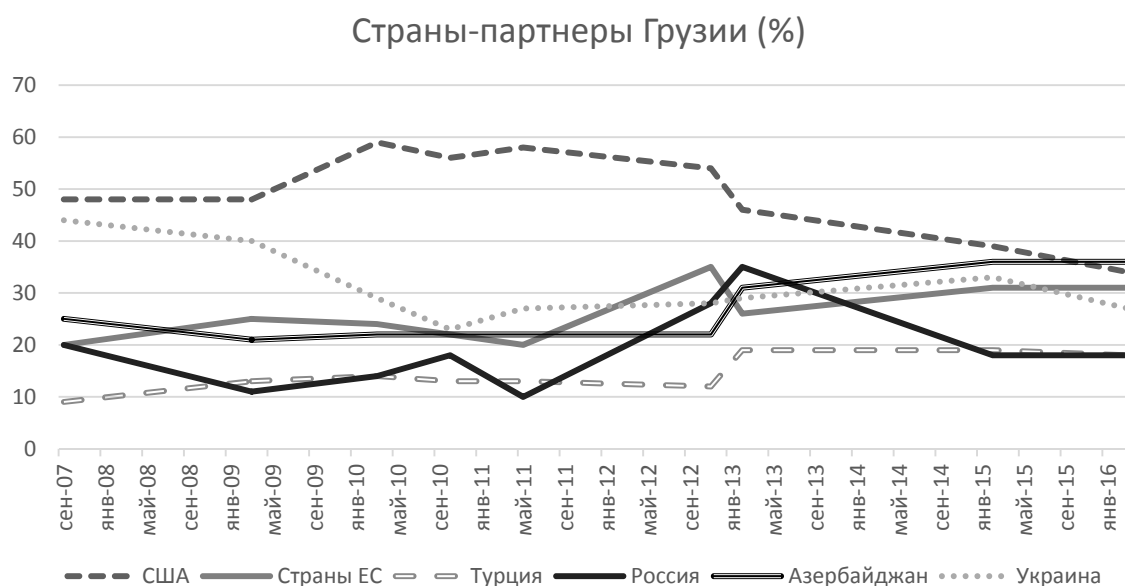
средневзвешенному курсу за 2015 г.) [9], и за абсолютной чертой бедности оказалось 376,8 тыс. чел. (10,1% населения) [10]. Относительная черта бедности устанавливается на уровне 60% или 40% от медианного дохода по стране. В 2015 г. уровень потребления 20,1% жителей Грузии составлял менее 60% от среднего заработка в стране, а 7,1% населения оказалось за 40%-ной чертой относительной бедности [11].

На протяжении 2009-2016 гг. приоритетные национальные вопросы так или иначе сохраняли свою значимость для населения (см. диаграмму 3): не менее 56% участников опроса NDI отмечали безработицу (создание рабочих мест) среди трёх наиболее важных для Грузии

вопросов; проблему бедности выделяли не менее 23%; как минимум, каждый пятый грузин (19%) переживал за пенсионное обеспечение, а вопрос доступности здравоохранения удалось разрешить в ходе реформы, проведённой после парламентских выборов 2012 г. (если тогда 35% выделяли этот вопрос в качестве приоритетного, то сейчас всего 18%).

Таким образом, население Грузии гораздо более обеспокоено собственным экономическим положением – проблемами бедности, безработицы, пенсионного обеспечения и роста цен, нежели политическими вопросами, актуальность которых на современном этапе носит периодический характер.

Диаграмма 4.

Источник: [12; 31].

Партнёры на международной арене и угрозы безопасности

При исследовании социологической базы внешней политики Грузии мы, прежде всего, рассматриваем отношение её населения к ключевым государствам в системе международных отношений, России и США, а также к странам, претендующим на роль региональных держав (Турция, Иран, Азербайджан). Нас также интересует социологическая обусловленность векторов внешнеполитической интеграции Грузии (ЕС, ЕАЭС и НАТО).

На протяжении 2007-2016 гг. IRI предлагал грузинам выбрать трёх главных внешнеполитических партнеров Грузии и три страны, представляющие ей наибольшую угрозу (см. диаграммы 4 и 5). В марте 2016 г. основными партнёрами оказались Азербайджан (36%), США (34%), ЕС (31%) и страны Украина (27%). Турция и Россия возглавили «вторую группу» с одинаковым результатом (18%), затем последовали Армения (13%), Литва (9%) и Польша (8%). Иран оказался практически в пределах статистической погрешности (2%) [12].

Возможно, такая позиция Ирана связана с санкционными ограничениями, которые были наложены на Иран мировыми лидерами. Снятие большинства международных санкций в связи с согласованием в Вене Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе не привело к резкому росту активности Ирана за рубежом, за исключением европейского направления, в котором Иран наиболее заинтересован. Однако народ Грузии выражает своё явно позитивное понимание грузино-иранских отношений: 60% назвали их хорошими, 17% дали нейтральную оценку, и 8% оценили как «плохие». Для сравнения, соотношение оценок российско-грузинских отношений составило 12/9/77 соответственно [12].

Необходимо отметить, что абсолютное лидерство США в качестве партнёра №1 все последние годы подвергалось негативной корректировке и уступили в 2016 г. место Азербайджану, а Россия однажды – в феврале 2013 – даже стала вице-чемпионом гонки друзей Грузии. Это было спустя несколько месяцев после парламентских выборов-2012, когда «Грузинская мечта» на фоне агрессивного дискурса ЕНД снизила антироссийский настрой населения.

В соревновании стран-угроз с определением лидера проблем нет вовсе. За последние 9 лет от 63 до 86% грузин считали Россию основной угрозой для страны (в 2016 г. показатель равен 71%). Графики остальных стран – это плотный пучок неявных аутсайдеров: США (6%), Турция (6%), Иран (4%) и другие государства (не более 2%).

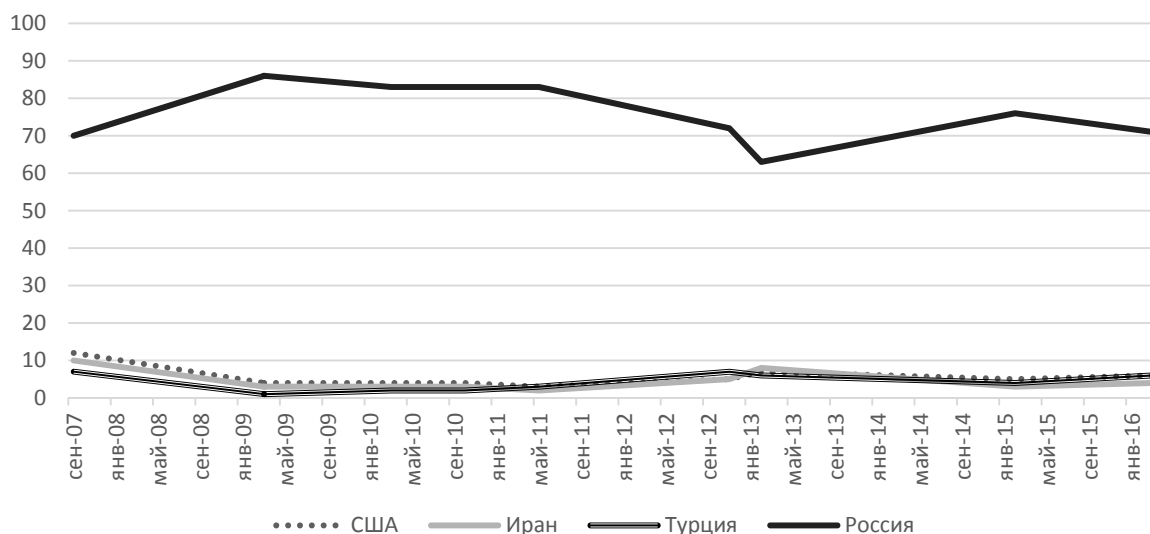
Россию традиционно винят во многих проблемах, происходящих в Грузии, особенно после политических событий 2008 и экономических – 2006 гг., когда грузинский экспорт сильно упал из-за эмбарго на поставку грузинского вина и воды «Боржом», «Набеглави» и «Саирме» в Россию. Наша страна являлась крупнейшим импортером данной продукции (80% экспорта вин, 70% – воды) [13].

О «друзьях и врагах» народа NDI впервые задал вопрос лишь в 2016 г., однако его формулировка оказалась более инклюзивной: «Какая страна или организация могла бы наилучшим образом обеспечить безопасность Грузии / представляет для неё наибольшую угрозу?» Для наглядности оценка угрозы со стороны тех или иных международных акторов приведена в отрицательном значении, поэтому показатель необходимо смотреть по модулю (см. диаграмму 6).

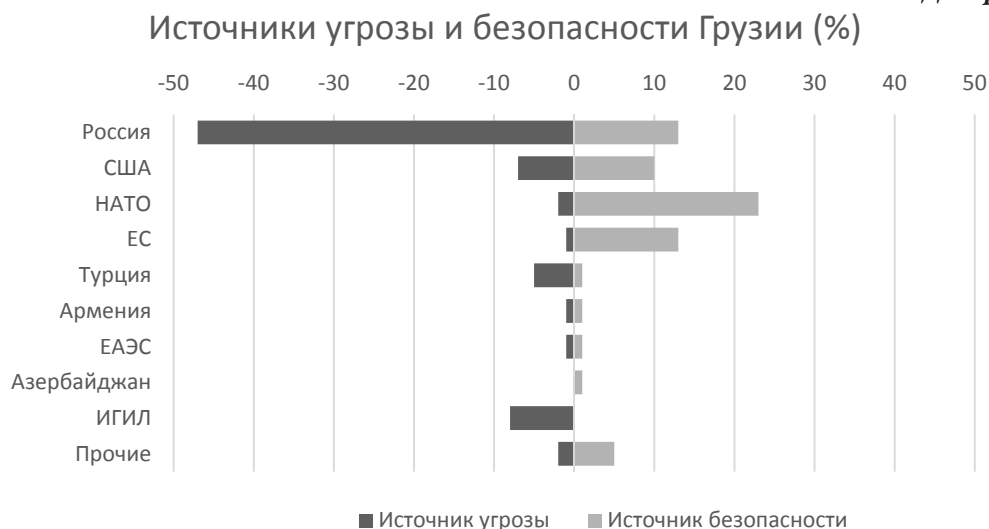
Тот факт, что Россия возглавила список недругов, не удивляет, однако шестикратная разница в результатах между Россией (47%) и ИГИЛ

Диаграмма 5.

Страны, представляющие угрозу для Грузии (%)

Источник: [12; 31-38].

Источник: [15].

(8%), так же как и равное восприятие угрозы со стороны этой террористической организации и США (7%) говорит о серьёзной недооценке угрозы международного терроризма. Грузинский эксперт Гиорги Гобронидзе объясняет это тем, что Грузия не является приоритетной целью для совершения террористических актов, поскольку достичь схожего резонансного эффекта, как этого можно добиться в западноевропейских странах, вряд ли возможно [14].

Безоговорочное лидерство НАТО как потенциального защитника Грузии в восприятии грузин также очевидно, но примечателен одинаковый результат России и Евросоюза в этом контексте (13%). В то, что США как отдельно взятая страна готовы обеспечивать безопасность Грузии, граждане последней верят чуть меньше (10%). В целом, включение в список источников угроз и безопасности не только государств, но и межгосударственных и негосударственных организаций, приближает результаты опроса NDI к действительности, однако для сравнительного анализа необходимы результаты дальнейших опросов.

Грузия и Россия

По данным опроса NDI за март 2016 г., каждый восьмой житель Грузии (12%) считает отношения с Россией одним из трёх наиболее важных национальных вопросов [15]. В то же время, только 3% участников мартовского опроса IRI 2016 г. назвали отношения с Россией среди трёх главных проблем страны. Если 30% респондентов IRI отмечает, что двусторонние отношения улучшаются, то 36% замечают противоположную тенденцию (24% не замечают изменений). 59% опрошенных позитивно оценивают политику нынешнего правительства Грузии в отношении России (14% полностью удовлетворены, 45% частично), плохую оценку дают 29% (11% очень негативно, 18% – в некоторой степени). При этом дальнейший диалог с «северным

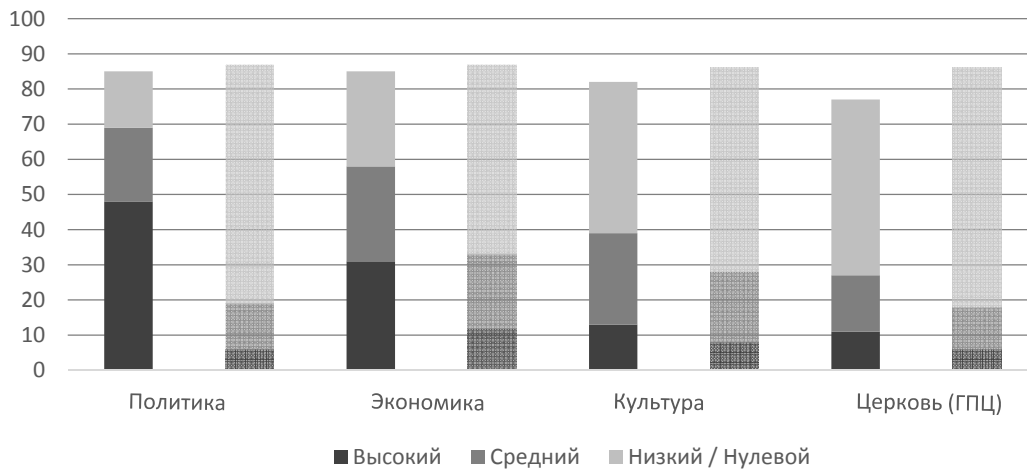
соседом» поддерживают 83% участников этого опроса, против высказываются 14% [12].

Озабоченность населения российско-грузинскими отношениями объясняется, прежде всего, тем, что большинство жителей Грузии признают влияние России на свою страну. Последний раз NDI спрашивал об этом респондентов в апреле 2015 г., и 80% участников опроса дали положительный ответ. Из них лишь 12% сочли российское влияние положительным, и 76% – отрицательным. Соотношение последних оценок в целом сохранялось вне зависимости от партийных предпочтений опрошенных (диапазон положительной оценки составлял 8–24%, негативной – 61–85%). Экстремум отрицательного восприятия России наблюдался в 2015 г. у потенциального электората «Лейбористской партии Грузии» (85%) и партии «Свободные демократы» (83%). При этом 55% ожидали усиление российского влияния на Грузию, и 16% опрошенных считали это маловероятным [16].

В августе 2015 г. влияние России решили рассматривать в четырёх разрезах: политическом, экономическом, культурном и церковном. Составители опросника NDI включили два вопроса: «каков уровень влияния России на Грузию?» (полноцветный столбик слева в каждом аспекте) и «каким должен быть уровень влияния России на Грузию?» (полупрозрачный столбик справа в каждом аспекте) (см. диаграмму 7). Наибольший «разрыв» наблюдается в политической области, чуть меньше – в экономической. В области культуры и церковных связей влияние России в целом признается адекватным тому, какое, по мнению грузин, оно должно быть. 44% респондентов заметили усиление влияния России после 2012 г., 6% отметили обратную тенденцию, тогда как 36% никаких изменений не увидели [17].

В настоящее время (по результатам мартовского опроса IRI за 2016 г.) 67% респондентов считают, что российская агрессия в от-

Фактический и желаемый уровни влияния России на Грузию, 2015 (%)

Источник: [17].

ношении Грузии имеет место и сегодня, 19% убеждены, что она может возобновиться, и только 9% выражают уверенность в том, что российская агрессия завершилась. Сразу после того, как к власти пришла коалиция «Грузинская мечта», население Грузии стало гораздо позитивнее относиться к России: целых 23% респондентов ноябрьского опроса IRI в 2012 г. считали, что «российская агрессия» завершена и не повторится (ещё в марте 2012 г. этот показатель был равен 4%), ещё 19% были согласны с первым утверждением, но допускали возобновление агрессии, и 47% придерживались более традиционного мнения о том, что агрессия против Грузии продолжается.

Схожая картина складывалась и с ответами на вопрос о реальности российской угрозы, который NDI задавал участникам опросов вплоть до апреля 2015 г. Незадолго до парламентских выборов 2012 г. 48% респондентов считали угрозу со стороны России действительной, по мнению 30% участников опроса она была преувеличена, 9% вовсе её отрицали. В течение года после выборов (с ноября 2012 г. по ноябрь 2013 г.) эти показатели изменялись в пределах сравнительно узкого коридора: 27-37/33-42/20-25. соотношение ответов «угроза / преувеличенная угроза / не угроза» составляло 48/30/9. В апреле 2014 г. тренд, наблюдавшийся до парламентских выборов, восстановился – 49/32/13, и по результатам апрельского опроса 2015 г. соотношение ответов «угроза / преувеличенная угроза / не угроза» составило 47/36/12.

Негативное влияние на имидж России, безусловно, оказали события в Крыму и Украине. В 2014 г. большинство жителей Грузии сочло Россию виновной в крымском кризисе (62%), и только 15% обвинили Украину. 67% участников апрельского исследования NDI-2014 одобрили реакцию грузинского правительства на

крымский кризис, заключавшейся в поддержке территориальной целостности Украины, 13% высказали недовольство. На вопрос, стоит ли Грузии предпринять дополнительные действия в поддержку Украины, 46% ответили положительно (против 30%). Из них 69% заявили, что Грузия должна была предоставить Украине гуманитарную помощь, 14% призвали к присоединению к антироссийским экономическим санкциям (от которых, должно быть, Грузия пострадала бы куда больше России), 9% предложили объявить России «культурный бойкот» (то есть препятствовать культурному обмену между двумя государствами) [18].

Несмотря на крымские события, 72% участников апрельского опроса NDI в 2014 г. одобрили процесс рассмотрения Россией и Грузией встречи на высшем уровне. Возможная встреча вызвала неодобрение лишь 12% опрошенных. Августовский опрос NDI-2014 выявил поддержку 65% респондентов в отношении потенциально возможного восстановления железнодорожного сообщения с Россией через Абхазию. Против выступили 18%, 16% не определились с ответом. Тема Южной Осетии была затронута в опросах NDI в 2014 г. 46% поддержали явно негативную реакцию грузинского правительства на возведение заграждений вдоль административной границы с РЮО, а 33% выразили неодобрение [19].

Тренды восприятия России возвращаются в положение, наблюдавшееся до парламентских выборов 2012 г. Подход новых властей (парламентское большинство в лице коалиции «Грузинская мечта») к регулированию отношений с Россией сначала «успокоил» население, и это явным образом отличило их от агрессивно антироссийского ЕНД, однако спустя год антироссийские настроения в Грузии стали усиливаться. В то же время причиной изменения трендов в 2012 г. могло быть, во-первых, быть улучшение

■ Мировая политика

экономических отношений (постепенное снятие эмбарго на некоторые грузинские товары, особенно напитки и вино), во-вторых, надежда на оттепель в связи с приходом к власти бывшего российского предпринимателя Бидзины Иванишвили. Однако из заметных шагов навстречу можно отметить разве что согласие грузинской делегации участвовать в сочинской Олимпиаде в 2014 г. и перезаключение договора о транзите российского газа в Армению на прежних условиях (Грузия продолжает получать 10% от объёма поставок российского газа). Россия подписала новые договоры с частично признанными республиками, которые не могли быть расценены грузинской элитой иначе, как «продолжение оккупации грузинских территорий».

Грузия, США и НАТО

По мнению грузинского общества, США являются главным партнёром страны уже многие годы [12; 31-38]. В 2010-2012 гг. процент опрошенных, поддержавших этот тезис, находился в коридоре между 54 и 59%, однако в процессе смены элит (Саакашвили-Иванишвили-Гарибашвили-Маргвелашвили и ЕНД-ГМ) популярность США среди друзей Грузии пошла на спад, и в 2016 г. даже слегка уступило влиянию соседнего Азербайджана (восточный сосед Грузии получил 36%, обогнав США на 2%). По результатам мартовского опроса IRI-2016, 87% респондентов положительно оценивают нынешний уровень грузино-американских отношений, 7% дают нейтральную оценку, 4% недовольны текущим состоянием двусторонних связей [12].

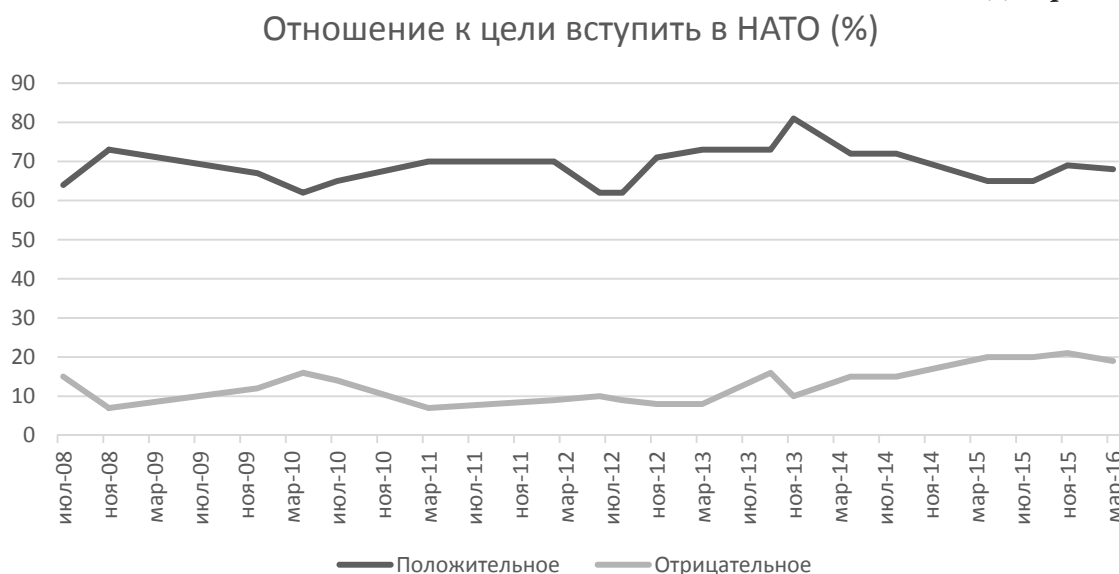
В настоящее время проблема «отношений с США» не вербализируется грузинскими социологами в принципе⁵, поэтому мы не можем

объективно сравнивать важность для грузинского общества данного вопроса с позицией «отношения с Россией, по мнению 12% населения, являются важнейшим вопросом». В опросах NDI грузино-американские отношения обычно не рассматриваются отдельно, поскольку интерес социологов в большей степени лежит в сфере внутривнутриполитической проблематики. Поэтому именно России, проецирующей в массовом сознании своё влияние на обстановку в Грузии, уделяется большое внимание в этих опросах. Лишь в ноябрьском опросе NDI в 2015 г. респондентам задали вопрос о том, может ли Грузия получить экономическую выгоду, развивая более тесное сотрудничество с США. За налаживание тесных связей выступило 56% опрошенных, тогда как 19% не поверили в то, что Грузия выиграет от тесных деловых связей с США [20].

Ситуация с грузинской интеграцией в НАТО выглядит более многогранной. По данным опросов NDI (с июня 2012 г. по март 2016 г.), большинство респондентов (62-81%) стабильно одобряют заявленную грузинским правительством цель – вступить в НАТО [15-20; 26-30]. Последний опрос выявил поддержку 68% интервьюируемых, тогда как 19% высказались против. При этом процент поддерживающих идею вступления в НАТО уменьшается. Опрос в ноябре 2013 г. показал результаты в 81% и 10% соответственно. Таким образом, некоторое снижение поддержки вступления в НАТО сказывается на общей тенденции к снижению уровня поддержки населением внешней политики правительства «Грузинской мечты».

Причиной тому может служить и тот факт, что население Грузии не слишком питает себя надеждами на скорое вступление в ряды НАТО.

Диаграмма 8.

Источник: [15-20; 26-30].

⁵ За пределами социологического мейнстрима можно говорить о пророссийски/антизападно настроенных экспертах, но их исследования профессиональным грузинским сообществом воспринимаются как маргинальные.

По результатам мартовского исследования IRI 2016 г., только 3% респондентов ожидает принятие Грузии в НАТО до 2017 г., 5% считают, что это событие произойдет до 2019 г., 8% верят, что увидят Грузию в составе НАТО до 2021 г., 26% возлагают надежды на период после 2021 г. Пессимистичный взгляд разделяют 26% интервьюируемых – по их мнению, Грузия не получит статус полноправного члена НАТО никогда, а 43% не знают ответа на этот вопрос и отказались спекулировать. При этом 26% респондентов утверждают, что интеграция Грузии в НАТО демонстрирует прогресс, тогда как 27% отмечают противоположную тенденцию, и 33% не видят изменений [12].

Абсолютно другие результаты предоставляет Институт Евразии, который так же провёл собственный опрос в ноябре 2014 г. среди 1718 человек. Самцхе-Джавахетия и Квемо-Картли, компактно населённые этническими меньшинствами – армянами и азербайджанцами, не представлены в опросе, по заявлению организаторов, «исходя из методологических соображений»⁶. Вопрос социологов из Института Евразии звучал следующим образом: «Если бы завтра проводился плебисцит в связи со вступлением Грузии в НАТО, каким был бы Ваш выбор?» Примечательно, что лишь 32% были готовы проголосовать «за», а 40% – «против» вступления в этот альянс [21].

Грузия, Европа и Евразия

Основные внешнеполитические приоритеты Грузии ясно определены в Концепции национальной безопасности Грузии [22]. Количество упоминаний тех или иных акторов в этом документе не всегда демонстрирует качество, однако

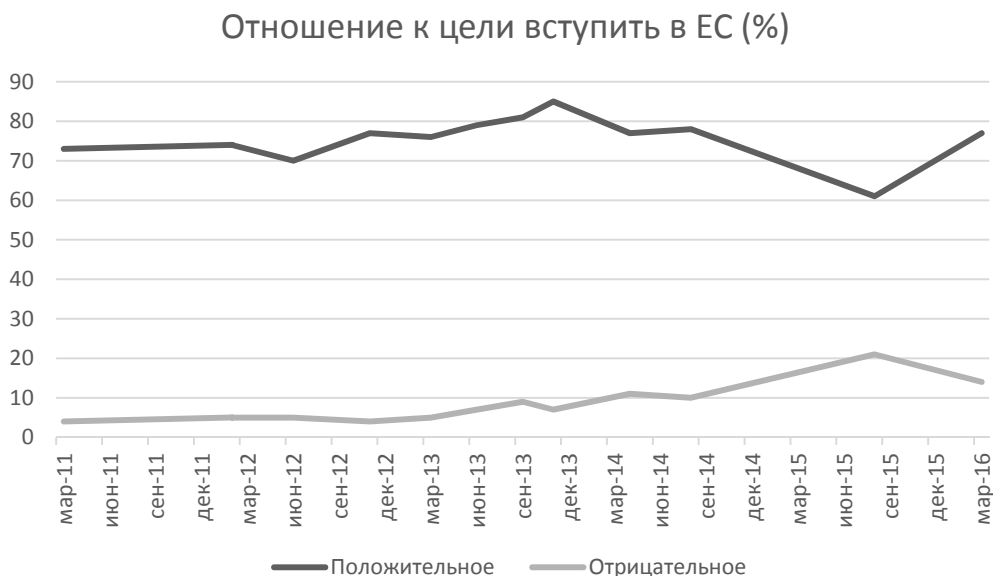
даёт почву для сравнительного анализа. Россия (вместе с производными именами) упомянута в Концепции 86 раз, и отношения с ней выделены в подпункте раздела «Приоритеты национальной политики безопасности» после первостепенной задачи – «прекратить оккупацию» Абхазии и Южной Осетии.

США упомянуты в том же документе 20 раз, и являются первым государством в разделе «Укрепление международных отношений». В том же разделе отдельный подпункт предоставлен Турции (13 упоминаний), расположенной после Украины, имеющей «серебро» пьедестала приоритетов. По иронии судьбы авторы концепции те же «турецкие» 13 раз вспоминают и Армению, желая добиваться установления турецко-армянских «добрососедских связей». Лидеры среди международных организаций – НАТО (29) и ЕС (21), хотя производные от слова Европа вне зависимости от значения слова присутствуют в тексте 96 раз. ОБСЕ и ООН дотянули до уровня Армении и Турции (13).

Европейский вектор преобладает в грузинской внешней политике. Согласно мартовскому опросу NDI за 2016 г., 77% респондентов одобряют цель правительства по вступлению в ЕС (см. диаграмму 9). Любопытно, что половина респондентов (51%) мартовского исследования IRI-2016 не готова жертвовать экономическим ростом в краткосрочном периоде, чтобы Грузия могла выполнить требования Ассоциации с ЕС. Каждый восьмой (12%), возможно, решился бы на это, и еще столько же готовы потерпеть во имя интеграции с Евросоюзом [12].

Отношение к Евразийскому союзу, который воспринимается, безусловно, как российское интеграционное образование, заметно отличается.

Диаграмма 9.

Источник: [15-20; 26-30].

⁶ Нам совершенно непонятно, в чём заключается методика, из-за которой надо исключать целые регионы страны из анализа.

■ Мировая политика

Евразийская интеграция не стоит в повестке дня. Эта идея не вербализирована ни в массах, ни в элитах. «ЕАЭС» не употребляется в официальных документах. Вопрос с альтернативным выбором между европейской и евразийской интеграцией выявил значительное превосходство «европейцев» над «евразийцами» – от двух до шести раз (см. диаграмму 10).

Число сторонников евразийского вектора поступательно росло вплоть до августа 2015 г., вовлекая в свой лагерь все больше людей, разочарованных в медленной интеграции с Европой. Направление тренда удалось изменить только тогда, когда перспективы введения безвизового режима с Евросоюзом стали ощутимы. Грузия последовательно выполняла требования Европейского союза, выполнение которых было условием визовой либерализации. В декабре 2015 г. Еврокомиссия опубликовала доклад, в котором рекомендовала ЕС отменить визы для граждан Грузии.

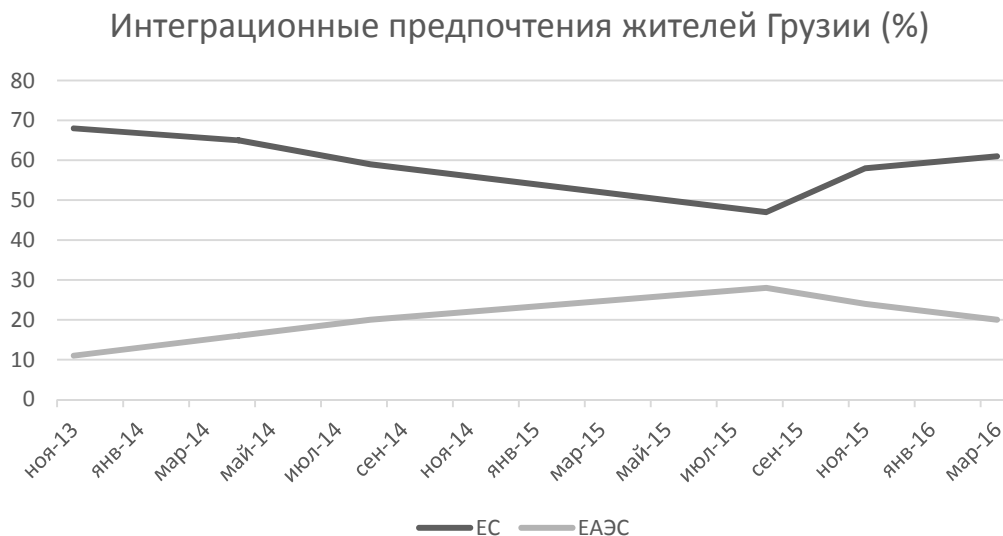
Ожидалось, что итоговое решение по этому вопросу будет принято к началу лета 2016 г., однако процесс вновь откладывается. В списке ожидания находятся ещё Украина, Косово и Турция, а на фоне проведенного в Великобритании референдума о выходе из ЕС прочие вопросы стали второстепенными. В то же время представители Европейской народной партии, сформировавшей наиболее крупную фракцию в Европарламенте по итогам выборов 2014 г., заговорили о том, что поддержат отмену виз в ходе голосования только в том случае, если парламентские выборы, которые должны пройти в Грузии осенью 2016 г., будут справедливыми и свободными [23]. Представляется, что для поддержки проевропейских настроений среди грузинского населения Евросоюзу необходимо ускорить финальный этап процесса отмены виз. По ожиданиям 72% респондентов мартовского

опроса NDI-2016, от визовой либерализации выиграют не только они, но и жители Грузии со схожим социальным положением [15].

Если верить социологической картине, Грузия совсем не является потерянным для России государством, как это часто представляется после августовской войны 2008 г. Для грузинского общества наше государство – «враг номер один». Евроатлантический вектор внешней политики – нерушимый пакт между властями и населением. Четыре пятых грузинского населения считает, что Россия влияет на внутригрузинские события в принципе, и приблизительно столько же считают грузино-российские отношения плохими. Стоит улучшать свои отвратительные отношения с тем, кто явно на тебя влияет?

В отношении проблемы милитаризации региона российско-грузинское взаимодействие представляет собой классический случай «дилеммы заключённого»⁷, когда оба игрока рационально выбирают стратегию «несотрудничества»: дрейф Грузии в сторону НАТО в 2003-2008 годах вызывал явное беспокойство России, «августовская война» продемонстрировала Грузии реальную слабость её армии, очередное потепление отношений с НАТО, воспринимаемое Тбилиси как укрепление безопасности, продолжит раздражать Москву, которая на появление если не баз, то кадровых центров едва ли отреагирует сокращением численности контингентов на Северном Кавказе, в Абхазии и Южной Осетии. Так может продолжаться до бесконечности. Появление модератора, способного объяснить «заключённым» постулаты Роберта Аксельрода (эгоистическое стремление к выгоде толкает к сотрудничеству для обоюдного выигрыша), здесь вряд ли возможно. В двух постсоветских конфликтах («план Козака» по реинтеграции ПМР в Молдову в 2004 г. и постоянные попытки урегулирования карабахской проблемы между

Диаграмма 10.

Источник: [15-20].

⁷ С той разницей, что количество итераций а) неизвестно, б) скорее всего, бесконечно.

Арменией и Азербайджаном) Россия выступала относительно успешным внешним регулятором, которым в случае с Грузией она, очевидно, быть не может, являясь частью конфликта. Привлечение ЕС или США в качестве модератора ещё менее реально. Соответственно российско-грузинское взаимодействие остаётся загнанным в рамки повторяющейся «дилеммы заключённого».

Кроме того, в российско-грузинских отношениях отсутствует реальный обоюдный интерес, способный в отсутствие moderирующей силы стимулировать стороны к сотрудничеству. Аксельрод описывает⁸ широко известные во время войн случаи, когда противники на время негласно (в т.ч. игнорируя приказы) прекращали боевые действия, чтобы поесть или сохранить жизнь друг другу по принципу «живи сам и дай жить другому» (live and let live) [39, p. 73-74]. В рамках экономического сотрудничества этот интерес оказался утрачен к 2014-2015 гг. – участники формата Карасин-Абашидзе не ждут прорывов от встреч, поскольку экономическая повестка дня исчерпана, а прочие вопросы всё чаще упираются в т.н. красные линии. Категория доверия перестаёт быть значимой для российско-грузинских отношений, если смотреть на них с точки зрения теории Аксельрода. Для официальной Москвы грузины, устроив «геноцид» осетинского народа и напав на российских миротворцев, сами решили судьбу своей территории полной целостности. Для официального Тбилиси Россия реализовала многолетние планы по восстановлению империи и недопущению грузинского сближения с ЕС и НАТО. Обе стороны выбрали стратегию «предательства». Но вопрос о статусе Абхазии и Южной Осетии препятствует формированию и того, что Аксельрод называет продолжительностью отношений, которая гораздо важнее доверия (после многочисленных неизбежных итераций акторы приходят к выводу, что сотрудничество выгодно обоим – даже в отсутствие первоначального доверия). Раз за разом обсуждение будущего отношений (будь то экспертное сообщество, официальная встреча или закрытые переговоры) между Россией и Грузией упирается в вопрос о статусе двух политий, который Москва считает закрытым. Проще говоря, грузинское «мы вам не верим, но давайте поговорим» разбивается о российское «мы вам ещё больше не верим и говорить не о чем».

Наконец, в случае Грузии сложно говорить о наличии единственного «заключённого» в камере, которому предлагается выбрать стратегию. Антироссийская карта – один из основных козырей ЕНД, которое не откажется от неё. Даже в условиях, когда официальное правительство и неофициальное руководство Грузии в лице Б.

Иванишвили обозначают готовность к сотрудничеству, крупнейшая оппозиционная партия выбирает стратегию «предательства». Грузинская политика гораздо конкурентнее российской – выработать стратегию «око за око» (наилучший способ взаимодействия, предложенный в рамках турнира Аксельрода Анатолием Раппопортом, предполагающий сотрудничество при первой итерации и дальнейшее повторение действий конкурента) в современной Грузии невозможно.

Тем не менее, за пределами вопросов региональной безопасности для России внутри Грузии есть несколько трендов, дающих надежду на развитие отношений. Во-первых, графики, построенные на основании социологических исследований, свидетельствуют о явном влиянии политической кампании «Грузинской мечты» на массовые настроения. В промежутке лето 2012-зима 2013 Россия прибавляла очки в кластере тех, кто считал её другом, и наоборот теряла у тех, кто видел в ней врага и основную угрозу. Более того, в феврале 2013 г., по мнению трети населения, Россия была основным партнёром Грузии – огромный прорыв в результате действий нового руководства страны. В этот период мы отставали от основного друга Грузии – США – всего лишь на 10%. Это означает, что при сохранении status quo в отношении Абхазии и Южной Осетии (или вынесении вопросов их статуса за скобки грузино-российских контактов) правительство способно влиять на улучшение отношения к России в обществе, даже несмотря на явно антироссийские настроения ЕНД.

Во-вторых, независимо от консолидированного отношения власти и общества к евроатлантическому интеграционному вектору, привлекательность евразийской интеграции совсем не равняется нулю, а имеет сторонников среди примерно пятой части населения.

В-третьих, помощь в решении внутриэкономических проблем может оказаться для Грузии гораздо более важной, нежели обретённый на западе статус «маяка демократии» или «по-настоящему европейской страны». Любое иное отношение к проблеме частично признанных государств, кроме клише «оккупированные территории», – политическая смерть для грузинского политика, но отнюдь не самый животрепещущий вопрос для грузинского общества. Сейчас две трети населения Грузии положительно относятся к возможности открытия транзитного железнодорожного сообщения через Абхазию между Россией и Грузией, хотя по данным авторов этот вопрос не дебатруется не только внутри грузинской элиты, но не поднимается даже в рамках переговоров Карасин-Абашидзе.

В-четвёртых, около трети населения считает, что российская угроза преувеличена. Если в

⁸ Конкретно у Дэвида Аксельрода речь идёт о Первой мировой войне, но данные казусы наблюдаются и в современных вооружённых конфликтах. В частности, одному из авторов в феврале 2016 года жители Донецка рассказывали о негласных, т.е. не устанавливаемых официальными приказами, часах перемирия, когда и ополчение, и ВСУ прекращают огонь, чтобы иметь возможность забрать раненных.

■ Мировая политика

эту группу включить тех, кто не видит в России угрозу своей стране, эти граждане Грузии почти уравниваются в количестве со стабильной половиной населения, согласной с утверждением «Россия несёт Грузии угрозу».

Даже при сохранении российского призна- ния Абхазии и Южной Осетии и ориентации

грузинской внешней политики на запад, чело- веческие, культурные и экономические связи между Грузией и Россией не разорвутся. При этом не стоит преувеличивать этот потенциал – если сыпать соль на раны, которые грузины считают своими, рассчитывать на потепление отношений не придётся.

Список литературы

1. Двали Г. В Грузии стало больше НАТО // Коммерсантъ. 27.08.2015 URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2797205> (Проверено 26.07.2016).
2. НАТО открывает в Киеве полноценное представительство // BBC. 22.09.2015 URL: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2015/09/150922_rn_nato_office_kiev (Проверено 26.07.2016).
3. В Грузии протестуют против опросов американских институтов // Взгляд. 15.05.2015 URL: <http://www.vz.ru/news/2015/5/15/745401.html> (Проверено 26.07.2016)
4. Недоверие к опросам // АиФ. Тбилиси. 11.04.2012 URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/tbilisi/499/13_01 (Проверено 26.07.2016)
5. Каха Кукава объявил недоверие опросу NDI // Sputnik-Georgia. 23.03.2012 URL: <http://sputnik-georgia.ru/georgia/20120323/214855477.html> (Проверено 26.07.2016)
6. Employment and Unemployment // National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT). 2015. URL: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=146&lang=eng (Проверено 26.07.2016)
7. CPI (Inflation) // National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT). 2016. URL: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=128&lang=eng (Проверено 26.07.2016)
8. Exchange Rates // National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT). 2016. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/finance/Exchange%20rates.xls (Проверено 26.07.2016)
9. Subsistence Minimum // National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT). 2016. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/households/Subsistence-minimum.xls (Проверено 26.07.2016)
10. Registered Poverty // National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT). 2016. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/households/Registered%20Poverty.xls (Проверено 26.07.2016)
11. Relative Poverty // National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT). 2016. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/households/Relative%20Poverty.xls (Проверено 26.07.2016)
12. Public Opinion Survey (March 2016) // International Republican Institute. 28.04.2016. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/wysiwyg/georgia_2016.pdf (Проверено 26.07.2016)
13. Грузинские виноделы привыкли жить без российского рынка // ForexAW.com. 04.09.2013. URL: <http://goo.gl/ENTxCf> (Проверено 26.07.2016)
14. Телемост с Центром культурных взаимосвязей «Кавказский дом» // МГИМО. 18.04.2016. URL: http://mgimo.ru/about/news/social/kavkazskiy-dom/?sphrase_id=743909 (Проверено 26.07.2016)
15. The Issues Poll Results (English), Results of March 2016 Public Opinion Poll in Georgia // National Democratic Institute. 11.04.2016. URL: https://www.ndi.org/files/NDI%20Georgia_March%202016%20poll_Public%20Issues_ENG_vf.pdf (Проверено 26.07.2016)
16. The Issues Poll Results (English), Results of April 2015 Public Opinion Poll in Georgia // National Democratic Institute. URL: https://www.ndi.org/files/NDI%20Georgia_April%202015%20Poll_Public%20Issues_ENG_VF_0.pdf (Проверено 26.07.2016)
17. The Issues Poll Results (English), Results of August 2015 Public Opinion Poll in Georgia // National Democratic Institute. URL: https://www.ndi.org/files/NDI_August_2015%20survey_Public%20Issues_ENG_VF.pdf (Проверено 26.07.2016)
18. The Issue Results (English), Public Attitudes in Georgia: Results of an April 2014 Survey // National Democratic Institute. 08.05.2014. URL: https://www.ndi.org/files/Georgia_April_2014_Survey_English.pdf (Проверено 26.07.2016)
19. The Issue Results in English, Public Attitudes in Georgia: Results of an August 2014 Survey // National Democratic Institute. 25.08.2014. URL: https://www.ndi.org/files/NDI_Georgia_August-2014-survey_Public-Issues_ENG_vf.pdf (Проверено 26.07.2016)
20. The Issues Poll Results (English), Results of November 2015 Public Opinion Poll in Georgia // National Democratic Institute. URL: https://www.ndi.org/files/NDI_Winter%20poll_2015_Public%20presentation_ENG_version%20FINAL_0.pdf (Проверено 26.07.2016)

21. Опрос – 2014: Отношение населения Грузии к НАТО и США // Политфорум. 14.12.2014. URL: <http://politforumi.com/rus/1564/gamokitxva-2014--saqartvelos-mosaxleobis-damokidebuleba-natos-a-da-ashsh-sadmi.html> (Проверено 26.07.2016)
22. National Security Concept of Georgia // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. 2014. URL: <http://www.mfa.gov.ge/MainNav/ForeignPolicy/NationalSecurityConcept.aspx> (Проверено 26.07.2016)
23. В Европе считают, что Грузия «высоко подняла планку» в отмене виз с ЕС // РИА Новости. 30.03.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160330/1399804817.html> (Проверено 26.07.2016)
24. Opinion Research Business International // ORB International. Великобритания. URL: www.opinion.co.uk (Проверено 26.07.2016)
25. Caucasus Barometer 2015 // Online Data Analysis (ODA), The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) – Georgia. URL: <http://caucasusbarometer.org/en/cb2015ge/> (Проверено 26.07.2016)
26. Political Poll Results (English), Results of March 2016 Public Opinion Poll in Georgia // National Democratic Institute. 11.04.2016. URL: https://www.ndi.org/files/NDI%20Georgia_March%202016%20poll_Public%20Political_ENG_vf.pdf (Проверено 26.07.2016)
27. The Issue Report (English), Public Attitudes in Georgia: Results of a September 2013 Survey // National Democratic Institute. 23.09.2013. URL: https://www.ndi.org/files/NDI-Georgia-September-2013-survey-Issues_ENG_vf.pdf (Проверено 26.07.2016)
28. The Issue Results (English), Public Attitudes in Georgia: Results of a November 2013 Survey // National Democratic Institute. 18.12.2013. URL: <https://www.ndi.org/files/Georgia-Public-Attitudes-Poll-121813-ENG.pdf> (Проверено 26.07.2016)
29. The Issue Results (English), Public Attitudes in Georgia: Results of a November 2012 Survey // National Democratic Institute. 12.12.2012. URL: <https://www.ndi.org/files/Georgia-Nov-2012-Survey-ENG.pdf> (Проверено 26.07.2016)
30. The Issue Results (English), Public Attitudes in Georgia: Results of a March 2011 Survey // National Democratic Institute. URL: <https://www.ndi.org/files/Georgia-Survey-Results-0411.pdf> (Проверено 26.07.2016)
31. Public Opinion Survey (February 2015) // International Republican Institute. 31.03.2015. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/wysiwyg/iri_georgia_public_2015_final_0.pdf (Проверено 26.07.2016)
32. Public Opinion Survey (February 2013) // International Republican Institute. 16.05.2013. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/2013_May_16_Survey_of_Georgian_Public_Opinion_February_18-27_2013.pdf
33. Public Opinion Survey (November 2012) // International Republican Institute. 08.02.2013. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/2013_February_8_Survey_of_Georgian_Public_Opinion_November_9_21_2012.pdf
34. Public Opinion Survey (May 2011) // International Republican Institute. 28.06.2011. URL: [http://www.iri.org/sites/default/files/2011%20June%2028%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20April%2026-May%204,%202011\(1\).pdf](http://www.iri.org/sites/default/files/2011%20June%2028%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20April%2026-May%204,%202011(1).pdf)
35. Public Opinion Survey (October 2010) // International Republican Institute. 03.12.2010. URL: <http://www.iri.org/sites/default/files/2010%20December%203%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20September%2027-October%207,%202010.pdf>
36. Public Opinion Survey (March 2010) // International Republican Institute. 03.05.2010. URL: <http://www.iri.org/sites/default/files/2010%20May%203%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20March%204-13,%202010.pdf>
37. Public Opinion Survey (March 2009) // International Republican Institute. 01.04.2009. URL: <http://www.iri.org/sites/default/files/2009%20April%201%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20February%2021-March%203,%202009%281%29.pdf>
38. Public Opinion Survey (September 2007) // International Republican Institute. 08.11.2007. URL: <http://www.iri.org/sites/default/files/2007%20November%208%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20August%2031-September%2010,%202007.pdf>
39. Axelrod R. The evolution of cooperation. Revised edition. Basic Books. 2006. NY. 233 p.

Об авторах

Алексей Александрович Токарев – к.п.н., с.н.с. Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

Андрей Сергеевич Дёгтев – эксперт Центра научной политической мысли и идеологии, аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. E-mail: andrey-dyogtev@yandex.ru.

Адлан Рамзанович Маргоев – студент факультета Международных отношений, председатель Научного студенческого общества МГИМО МИД России. E-mail: adlan.margoev@gmail.com.

Исследование выполнено в рамках работы над грантом МГИМО МИД России «Интересы региональных держав в Грузии-2015 (Россия, Иран, Казахстан, Турция)».

A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE FOREIGN POLICY OF GEORGIA-2016: THERE IS STILL A CHANCE FOR RUSSIA

A. Dyogtev, A. Margoev, A. Tokarev

MGIMO University. Russia, 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76.

Abstract: *The authors study the sociological grounds of Georgia's foreign policy based on the long-term researches conducted by American and Georgian NGOs, yet applying a critical approach to the provided data and figures. Despite the aggressive rhetoric of Georgian politicians towards Russia and apparent social consensus as regards EU and NATO integration, the article concludes that Russia has not completely "lost" Georgia.*

The results of the sociological surveys show that up to one third of the population of Georgia are ready to consider Russia as main partner of their country, and this figure depends to a certain extent on the Georgian authorities' policy. In addition, the potential of the Eurasian integration of Georgia is not equal to zero, and it is supported by around one fifth of the population. In the authors' view, Georgia may appreciate help with solving its domestic economic problems far more than being called "a beacon of democracy" or "a truly European state".

Although according to the results of the most surveys Russia takes the first place in the list of the threats to Georgia, exceeding even the figures for the banned "Islamic State", around one third of the population of Georgia consistently consider Russian threat exaggerated. Together with those who do not regard Russia as a threat at all, these citizens of Georgia almost equal the number of people who believe that "Russia poses a threat to Georgia".

Even if Russia does not change its position on the recognition of Abkhazia and South Ossetia, and the West remains the goalpost of Georgia's foreign policy, the ties between the people, cultures, and economies of the two countries will not be severed. However, negligence towards the potential of developing the bi-lateral relations with no efforts taken on a mutual basis may significantly weaken the ties between Russia and Georgia by undermining the chances of strengthening them.

Key words: Georgia, sociological analysis, foreign policy, Russia, EEU, USA, NATO, EU.

References

1. Dvali G. V Gruzii stalo bol'she NATO [There's more NATO in Georgia]. *Kommersant.ru*. 27.08.2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2797205> (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
2. NATO otkryvaet v Kieve polnocennoe predstavitel'stvo. *Russkaya sluzhba BBC* [NATO opens in Kyiv full representation]. 22.09.2015. URL: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2015/09/150922_rn_nato_office_kiev (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
3. V Gruzii protestuyut protiv oprosov amerikanskikh institutov [In Georgia, protesting against American institutions polls]. *Vzglyad*. 15.05.2015 URL: <http://www.vz.ru/news/2015/5/15/745401.html> (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
4. Nedoverie k oprosam [Distrust of surveys]. *AiF-Tbilisi*. 11.04.2012 URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/tbilisi/499/13_01 (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
5. Kaha Kukava ob'yavil nedoverie oprosu NDI. *Sputnik-Georgia*. 23.03.2012 URL: <http://sputnik-georgia.ru/georgia/20120323/214855477.html> (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
6. Employment and Unemployment. *National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT)*. 2015. URL: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=146&lang=eng (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
7. CPI (Inflation). *National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT)*. 2016. URL: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=128&lang=eng (Accessed 26.07.2016).
8. Exchange Rates. *National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT)*. 2016. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/finance/Exchange%20rates.xls (Accessed 26.07.2016).
9. Subsistence Minimum. *National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT)*. 2016. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/households/Subsistence-minimum.xls (Accessed 26.07.2016).
10. Registered Poverty. *National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT)*. 2016. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/households/Registered%20Poverty.xls (Accessed 26.07.2016).
11. Relative Poverty. *National Statistics Office of Georgia (GEOSTAT)*. 2016. URL: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/households/Relative%20Poverty.xls (Accessed 26.07.2016).

12. Public Opinion Survey (March 2016). *International Republican Institute*: 28.04.2016. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/wysiwyg/georgia_2016.pdf (Accessed 26.07.2016)
13. Gruzinskie vinodely privykli zhit' bez rossijskogo rynka [Georgian winemakers are accustomed to live without Russian market]. *ForexAW.com*. 04.09.2013. URL: <http://goo.gl/ENTxCf> (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
14. Telemost s Centrom kul'turnyh vzaimosvyazej «Kavkazskij dom» [Teleconference with the Center for cultural relations "Caucasian House"]. *MGIMO*. 18.04.2016. URL: http://mgimo.ru/about/news/social/kavkazskiy-dom/?sphrase_id=743909 (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
15. The Issues Poll Results (English), Results of March 2016 Public Opinion Poll in Georgia. *National Democratic Institute*. 11.04.2016. URL: https://www.ndi.org/files/NDI%20Georgia_March%202016%20poll_Public%20Issues_ENG_vf.pdf (Accessed 26.07.2016)
16. The Issues Poll Results (English), Results of April 2015 Public Opinion Poll in Georgia. *National Democratic Institute*. URL: https://www.ndi.org/files/NDI%20Georgia_April%202015%20Poll_Public%20Issues_ENG_VF_0.pdf (Accessed 26.07.2016)
17. The Issues Poll Results (English), Results of August 2015 Public Opinion Poll in Georgia. *National Democratic Institute*. URL: https://www.ndi.org/files/NDI_August_2015%20survey_Public%20Issues_ENG_VF.pdf (Accessed 26.07.2016)
18. The Issue Results (English), Public Attitudes in Georgia: Results of an April 2014 Survey. *National Democratic Institute*. 08.05.2014. URL: https://www.ndi.org/files/Georgia_April_2014_Survey_English.pdf (Accessed 26.07.2016)
19. The Issue Results in English, Public Attitudes in Georgia: Results of an August 2014 Survey. *National Democratic Institute*. 25.08.2014. URL: https://www.ndi.org/files/NDI_Georgia_August-2014-survey_Public-Issues_ENG_vf.pdf (Accessed 26.07.2016)
20. The Issues Poll Results (English), Results of November 2015 Public Opinion Poll in Georgia. *National Democratic Institute*. URL: https://www.ndi.org/files/NDI_Winter%20poll_2015_Public%20presentation_ENG_version%20FINAL_0.pdf (Accessed 26.07.2016)
21. Opros – 2014: Otnoshenie naseleniya Gruzii k NATO i SSHA [Survey - 2014: The ratio of the population of Georgia to NATO and US]. *Politforum*. 14.12.2014. URL: <http://politforumi.com/rus/1564/gamokitxva-2014--saqartvelos-mosaxleobis-damokidebuleba-natosa-da-ashsh-sadmi.html> (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
22. National Security Concept of Georgia. *Ministry of Foreign Affairs of Georgia*. 2014. URL: <http://www.mfa.gov.ge/MainNav/ForeignPolicy/NationalSecurityConcept.aspx> (Accessed 26.07.2016)
23. V Evrope schitayut, chto Gruziya «vysoko podnyala planku» v otmene viz s ES. RIA Novosti [In Europe, believe that Georgia has "raised the bar high," the abolition of visas in the EU]. 30.03.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160330/1399804817.html> (Accessed 26.07.2016)
24. Opinion Research Business International. *ORB International*. URL: www.opinion.co.uk (Accessed 26.07.2016). (In Russian).
25. Caucasus Barometer 2015. *Online Data Analysis (ODA). The Caucasus Research Resource Centers (CRRC)*. Georgia. URL: <http://caucasusbarometer.org/en/cb2015ge/> (Accessed 26.07.2016)
26. Political Poll Results (English), Results of March 2016 Public Opinion Poll in Georgia. *National Democratic Institute*. 11.04.2016. URL: https://www.ndi.org/files/NDI%20Georgia_March%202016%20poll_Public%20Political_ENG_vf.pdf (Accessed 26.07.2016)
27. The Issue Report (English), Public Attitudes in Georgia: Results of a September 2013 Survey. *National Democratic Institute*. 23.09.2013. URL: https://www.ndi.org/files/NDI-Georgia-September-2013-survey-Issues_ENG_vf.pdf (Accessed 26.07.2016)
28. The Issue Results (English), Public Attitudes in Georgia: Results of a November 2013 Survey. *National Democratic Institute*. 18.12.2013. URL: <https://www.ndi.org/files/Georgia-Public-Attitudes-Poll-121813-ENG.pdf> (Accessed 26.07.2016)
29. The Issue Results (English), Public Attitudes in Georgia: Results of a November 2012 Survey. *National Democratic Institute*. 12.12.2012. URL: <https://www.ndi.org/files/Georgia-Nov-2012-Survey-ENG.pdf> (Accessed 26.07.2016)
30. The Issue Results (English), Public Attitudes in Georgia: Results of a March 2011 Survey. *National Democratic Institute*. URL: <https://www.ndi.org/files/Georgia-Survey-Results-0411.pdf> (Accessed 26.07.2016)
31. Public Opinion Survey (February 2015). *International Republican Institute*. 31.03.2015. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/wysiwyg/iri_georgia_public_2015_final_0.pdf (Accessed 26.07.2016)
32. Public Opinion Survey (February 2013). *International Republican Institute*. 16.05.2013. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/2013_May_16_Survey_of_Georgian_Public_Opinion_February_18-27_2013.pdf
33. Public Opinion Survey (November 2012). *International Republican Institute*. 08.02.2013. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/2013_February_8_Survey_of_Georgian_Public_Opinion_November_9_21_2012.pdf

■ Мировая политика

34. Public Opinion Survey (May 2011). *International Republican Institute*. 28.06.2011. URL: [http://www.iri.org/sites/default/files/2011%20June%2028%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20April%2026-May%204,%202011\(1\).pdf](http://www.iri.org/sites/default/files/2011%20June%2028%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20April%2026-May%204,%202011(1).pdf)
35. Public Opinion Survey (October 2010). *International Republican Institute*. 03.12.2010. URL: <http://www.iri.org/sites/default/files/2010%20December%203%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20September%2027-October%207,%202010.pdf>
36. Public Opinion Survey (March 2010). *International Republican Institute*. 03.05.2010. URL: <http://www.iri.org/sites/default/files/2010%20May%203%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20March%204-13,%202010.pdf>
37. Public Opinion Survey (March 2009). *International Republican Institute*. 01.04.2009. URL: <http://www.iri.org/sites/default/files/2009%20April%201%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20February%2021-March%203,%202009%281%29.pdf>
38. Public Opinion Survey (September 2007). *International Republican Institute*. 08.11.2007. URL: <http://www.iri.org/sites/default/files/2007%20November%208%20Survey%20of%20Georgian%20Public%20Opinion,%20August%2031-September%2010,%202007.pdf>
39. Axelrod R. *The evolution of cooperation*. Revised edition. Basic Books. 2006. NY. 233 p.

About the authors

Alexey A. Tokarev – PhD in Political Science, Senior Researcher at Center for Global Issues, Institute for International Studies of MGIMO–University. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

Andrej S. Dyogtev – expert at the Centre for Scientific and Political Thought and Ideology, graduate student of the Department of Comparative Politics of MGIMO–University. E-mail: andrej-dyogtev@yandex.ru.

Adlan R. Margoev – student of the Faculty of International Relations, Chairman of the Student Scientific Society of MGIMO–University. E-mail: adlan.margoev@gmail.com.

The article is written with financial support of MGIMO-University, project “The interests of the regional powers in the Georgian-2015 (Russia, Iran, Kazakhstan, Turkey)”.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Ю.В. Боровский

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

После распада Советского Союза Украина попала практически в непреодолимую зависимость от импортных нефтегазовых ресурсов, но при этом унаследовала статус ключевого транзитного государства, контролирующего основные потоки углеводородов из России в Европу. Эти два обстоятельства создали почву для глубокого, во многом политизированного и зачастую непримиримого соперничества в треугольнике Украина-Россия-Запад.

В постсоветские годы украинские власти, независимо от их политической принадлежности, пытались диверсифицировать российские поставки углеводородов как за счёт снабжения из третьих стран, так и наращивания собственной добычи. При этом Киев, критически воспринимая любые проекты РФ по строительству нефтегазовых магистралей в обход Украины (например, «Северный поток-1,2», «Южный поток», др.), всячески затягивал решение вопроса о передаче газотранспортной системы страны под международное управление с участием «Газпрома». Кроме этого, Киев стал активно приглашать западные энергетические компании на украинский рынок, надеясь, что им удастся наладить добычу существенных объёмов нефти и газа в стране. Такая линия поведения украинского руководства в немалой степени противоречила интересам РФ, однако она была единодушно поддержана Вашингтоном и Брюсселем как в 1990-е, так и последующие годы.

Украинские власти, дистанцировавшись от многостороннего энергетического сотрудничества с участием России, отдали в конечном итоге предпочтение прозападным международным энергетическим институтам: ГУАМ, Договор к энергетической хартии, Энергетическое сообщество. При содействии Вашингтона и Брюсселя Киев инициировал два проекта («Евразийский нефтетранспортный коридор», «Белый поток»), призванные обеспечить поставки каспийской нефти и газа на Украину и в Европу, минуя Россию.

Ключевые слова: российско-украинские энергетические отношения; американо-украинские энергетические отношения; энергетическое соперничество на постсоветском пространстве; нефтегазовые проекты с участием России и Украины; энергетическая геополитика.

Обретя независимость, Украина превратилась в ярко выраженного импортера углеводородных ресурсов. В 1992 г. некогда союзная республика в составе СССР добыла на своей территории 4,5 млн тонн нефти и 22,1 млрд куб. м газа, а потребила в разы больше: 42,9 млн тонн нефти и 113,4 млрд куб. м газа соответственно [6,14]. Таким образом, в первый год после распада Советского Союза Украина смогла только на 10% обеспечить себя собственной нефтью и на 19% – собственным газом. Остальные объёмы были импортированы из России. В последующие годы Украине, не располагающей значительными нефтегазовыми запасами, удалось лишь частично улучшить ситуацию с импортом углеводородов (см. таблицу №1). Причём произошло это главным образом в силу глубокого экономического спада в стране, сопровождавшегося существенным сокращением потребления углеводородов. Участие НАК «Нафтогаз Украины» в нефтедобывающем проекте в Египте, который с 2010 г. даёт украинским потребителям определённые объёмы нефти, не изменил сложившегося положения дел. Например, в 2014 г. НАК получил в указанной североафриканской стране только 264 тыс. т нефти [3].

Примечательно, что уже в самом начале 1990-х гг. украинское руководство всерьёз озабочилось проблемой высокой зависимости страны от импортных углеводородов, причём всецело поступающих из России или третьих стран (прежде всего, Казахстана, Туркменистана), но обязательно через российскую территорию. Тогда в Киеве исходили из того, что Украина, обладающая стратегическим транзитным местоположением и унаследованной от СССР ключевой энерготранспортной инфраструктурой, по крайней мере, в среднесрочной перспективе не останется без российских и центрально-азиатских углеводородов, и даже вправе требовать льготных условий их поставок для собственных нужд. Держа в голове такое преимущество, Л.М. Кравчук, а также все его преемники на высшем государственном посту Украины, независимо от их политической ориентации, занялись решением двух ключевых задач, поставленных

перед страной в сфере энергетики. С одной стороны, они пытались во что бы то ни стало сохранить статус Украины как главного транзитера энергоносителей России и прочих сырьевых государств СНГ, с другой, – сбалансировать долю углеводородов, поступающих в страну из РФ: либо за счёт наращивания собственной добычи, либо за счёт поставок из третьих стран, но обязательно в обход российской территории. Решение поставленных задач сулило Украине немало дивидендов: энергетическая независимость от РФ, скидки на российское и центрально-азиатское углеводородное сырьё, стабильные валютные платежи за транзит и, как следствие, более высокий внешнеполитический статус. Бесспорно, такая стратегическая линия Киева в немалой степени противоречила интересам РФ, но тем не менее она была единодушно поддержана Вашингтоном и Брюсселем как в 1990-е, так и последующие годы.

Первые энергетические инициативы Киева

Основные надежды Киева в вопросе диверсификации источников нефтегазового импорта изначально и в последующем были связаны с ближневосточными и каспийскими поставщиками энергоресурсов. Располагая выгодным местоположением, а также построенными ещё во времена СССР магистральными трубопроводами, морскими терминалами и другими элементами транспортной инфраструктуры, обретшая независимость Украина уже в недалекой перспективе планировала стать важнейшим звеном будущих энерготранспортных коридоров из Азии в Европу. При этом поддержка данного устремления Киева со стороны Вашингтона и Брюсселя должна была стать определяющей.

Так, в начале 1992 г. Киев достиг согласия с Тегераном о бартерном обмене товарами в период до 1995 г. Как писала The Oil and Gas Journal, Украина брала на себя обязательство поставлять в ИРИ нефтепродукты, нефтяное, нефтехимическое и металлургическое оборудование, и даже оружие, а получать за них иранские углеводороды: примерно 50-70 млн тонн нефти и 75 млрд куб. м газа в год. Для организации транспортировки столь внушительных объёмов энергоре-

Таблица №1.

Нефтяной и газовый баланс Украины в 1992-2015 гг.

	Добыча нефти, млн т в год	Потребление нефти, млн т в год	Доля импортной нефти, %	Добыча газа, млрд куб. м в год	Потребление газа, млрд куб. м в год	Доля импортного газа, %
1992	4,5	42,9	90	22,1	113,4	81
1995	4,1	19,0	78	17,4	85,4	80
1999	3,7	12,8	71	18,1	75,7	76
2005	4,4	13,7	68	20,6	76,4	73
2010	3,6	12,6	71	20,5	57,6	64
2014	2,7	10,2	74	20,5	42,6	52
2015	2,5	8,4	70	19,9	33,8	41

Источник: [1,3,6,14].

сурсов стороны договорились реализовать ряд инфраструктурных проектов с участием Азербайджана и Казахстана [17].

Подключившись к проектам TRACECA (Transport Corridor Europe Caucasus Asia) и INOGATE, реализуемых под эгидой Европейского союза без участия России, Украина рассчитывала стать транзитным звеном при будущей транспортировке каспийских ресурсов в Европу. Надеялся Киев и на участие иностранных компаний в разработке нефтегазовых месторождений Крыма. В 1992-1993 гг. им были заключены соглашения с тремя малоизвестными западными корпорациями, которые получили лицензии для работы на полуострове.

Тем не менее, со временем стало очевидно, что всем выше обозначенным планам не суждено было осуществиться. Так, украинские проекты по импорту иранских энергоносителей натолкнулись на непреодолимые технические и политические преграды и утратили всякую перспективу. Усилия иностранных компаний в Крыму не увенчались успехом. Европейский союз в рамках проектов TRACECA и INOGATE не стал создавать инфраструктуру по транспортировке каспийских энергоресурсов в Европу через украинскую территорию.

Есть основания полагать, что в первой половине 1990-х гг. США и ведущие страны ЕС пока ещё формулировали свою стратегию в отношении энергетического статуса Украины, что в конечном итоге обрекло на неудачу первые начинания украинских властей в области энергетики, описанные выше. В дальнейшем по мере нарастания противоречий между Западом и Россией западная поддержка Украины, включая её энергетические проекты, будет становиться более заметной и интенсивной.

Ставка Украины на «Евразийский нефтетранспортный коридор»

Потерпев первые неудачи, Киев не сдался и в середине 1990-х гг. предложил использовать территорию Украины для транспортировки «ранней»¹ каспийской нефти. Так родилась идея создания «Евразийского нефтетранспортного коридора» (далее ЕНК) по маршруту Баку-Супса-Одесса-Броды-Европа. Эта идея получила первое практическое воплощение после того, как при американском посредничестве президенты Грузии и Азербайджана Эдуард Шеварднадзе и Гейдар Алиев подписали в марте 1996 г. соглашение о транспортировке «ранней» азербайджанской нефти по магистрали Баку-Супса (Супса – черноморский порт Грузии), построенной по большей части в советские годы и не работающей с момента распада СССР. В 1999 г. этот трубопровод был введен в строй и стал транспортировать 100 тыс. баррелей в сутки (5 млн тонн в год). В 2002 г. пропускная способ-

ность трубопровода была доведена до 145 тыс. баррелей в сутки (7 млн тонн в год).

Выбор маршрута ЕНК был неслучаен. «Ранняя» азербайджанская нефть поступала в грузинский порт Супса и затем отправлялась на мировые рынки через перегруженный турецкий пролив Босфор, находящийся в непростой экологической ситуации. Украина предлагала решение проблемы. По её замыслу, азербайджанскую нефть, доставляемую в Супсу, можно было отправлять на танкерах в Одессу и далее по трубопроводу в украинский город Броды, находящийся на пути южной ветки нефтепровода «Дружба». Таким образом каспийская нефть могла бы попадать в Европу, минуя Россию.

Сооружение первой очереди трубопровода Одесса-Броды протяженностью 674 км и мощностью 180-300 тыс. баррелей нефти в сутки (9-15 млн т в год) началось в 1996 г. и завершилось в августе 2001 г. Примерно в эти же сроки под Одессой был построен специальный нефтяной терминал «Южный», способный обслуживать нефтяные танкеры дедвейтом 100 тыс. тонн. Желая развить успех, Киев стал прорабатывать идею строительства второй очереди трубопровода Одесса-Броды и доведения совокупной мощности магистрали до 900 тыс. баррелей в сутки (45 млн тонн в год). Также на повестке дня появился проект продления нового украинского нефтепровода до Польши или Германии. Европейская комиссия, правительства США, Польши, Венгрии и ряда других восточноевропейских стран публично поддержали данные инициативы. Фактически речь шла о создании альтернативного, независимого от России канала снабжения Европы каспийской нефтью.

В итоге после многомесячных консультаций в мае 2003 г. была подписана трёхсторонняя декларация Украины, Польши и ЕС о поддержке проекта транспортировки каспийской нефти по маршруту Одесса-Броды-Плоцк (Польша) - Вильгельмсхафен (Германия). В декларации создание украинско-польско-немецкого нефтепровода было названо необходимой составляющей энергетической безопасности ЕС [21]. Несколько позже, в январе 2004 г., вице-премьеры Украины и Польши завизировали договор о сооружении нефтепровода Броды-Плоцк, на основании которого польская государственная компания PERN Przyjazn и «Укртрансфанта» создали впоследствии совместное предприятие «Сарматия» для ведения необходимых строительных работ.

Тем не менее, несмотря на все усилия Киева, а также мощную лоббистскую поддержку Вашингтона и Брюсселя, задействование потенциала организации ГУАМ, нефтепровод Одесса-Броды, сданный в эксплуатацию в августе 2001 г., на протяжении трёх лет оставался в нерабочем состоянии. Строительство участка Броды-Плоцк так и не началось. Украина вместе

¹ Под «ранней» каспийской нефтью понималась первая шельфовая нефть Азербайджана, добываемая на месторождении Чираг.

с США тщетно пытались найти нефтедобывающие компании, готовые использовать маршрут Одесса-Броды для прокачки своей нефти в Европу. Основные надежды Киев возлагал на Азербайджан, представители которого не только отказывались заключать контракты на поставку нефти в Одессу, но и предупреждали украинских коллег о том, что после полномасштабной разработки каспийской мегаструктуры Азери-Чираг-Гюнешли основные потоки азербайджанских углеводородов потекут не по пути Баку-Супса, а в Турцию – по трубе Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД). Украинский маршрут рассматривался в Баку только в качестве запасного варианта – на случай возникновения трудностей при транспортировке нефти через турецкие проливы. Попытки Вашингтона принудить работающую в Казахстане американскую корпорацию Chevron экспортировать каспийскую нефть через Украину также оказались безрезультатными.

В июне 2004 г. Киев, признав, по сути, провал своей политики в области диверсификации нефтяного импорта, согласился использовать трубопровод Одесса-Броды в реверсивном режиме и прокачивать по нему российскую нефть к черноморскому побережью для последующей отправки на экспорт морским путем. Не удивительно, что подобное решение вызвало на Западе лишь недоумение и негодование. Например, американский посол на Украине Джон Е. Гербст заявил об отсутствии логики в действиях украинских властей, поскольку транспортировка каспийской нефти в Европу из Одессы в Броды должна была стать, по его мнению, большим шагом Украины к её энергетической независимости [22].

Работать в реверсивном режиме трубопровод Одесса-Броды начал в четвёртом квартале 2004 г. и так он функционировал вплоть до середины 2010 г. Даже приход к власти на Украине «оранжевой коалиции» во главе с В.А. Ющенко и Ю.В. Тимошенко, состоявшийся в январе 2005 г., не остановил прокачку российской нефти к побережью Чёрного моря, хотя попытки воссоздать «Евразийский нефтетранспортный коридор» предпринимались неоднократно, в том числе при активной поддержке Вашингтона и Брюсселя.

Заветная мечта украинской власти вне зависимости от её политической принадлежности сбылась лишь осенью 2010 г. и произошло это не благодаря усилиям Запада, а сугубо в силу белорусско-венесуэльской сделки. Так, в ноябре 2010 г., уже при новом президенте В.Ф. Януковиче, нефтепровод Одесса-Броды впервые стал использоваться в изначально задуманном направлении. По нему потекла венесуэльская нефть в Белоруссию для переработки на Мозырском НПЗ. Фактически перекачивалась азербайджанская нефть, а компания-поставщик в лице Petroleos de Venezuela (PDVSA) отдавала свою нефть партнерам из Азербайджана на американском рынке по схеме SWAP.

Согласно двухлетнему контракту, в 2011 г. Белоруссия должна была получить 4 млн тонн каспийской нефти транзитом через Украину, однако по экономическим причинам был прокачен только 1 млн тонн [8]. С конца 2011 г. поставки были вовсе прекращены, и нефтепровод Одесса-Броды в очередной раз оказался невостребованным на продолжительный срок. В октябре 2013 г. PERN Przyjazn официально отказалась финансировать строительство нефтепровода Броды-Плоцк, сославшись на неизменное отсутствие каспийской нефти. В результате, в начале 2014 г. из Брод в Одессу снова потекла российская нефть для загрузки Одесского нефтеперерабатывающего завода.

Госпереворот, случившийся на Украине в феврале 2014 г., привел к остановке Одесского НПЗ и, как следствие, нефтепровода Одесса-Броды. Новые украинские власти вполне ожидаемо обратились к Польше с предложением возобновить переговоры относительно продления нефтепровода Одесса-Броды на польской территории. Такие переговоры начались в апреле 2014 г., однако, как и прежде, непреодолимым препятствием стало отсутствие контрактов на прокачку каспийской нефти через территорию Украины в Польшу.

«Белый поток»

и газовая независимость Украины

В 2005 г. правительство Украины во главе с Ю.В. Тимошенко выступило с идеей строительства трансчерноморского газопровода «Белый поток» (англ. White Stream) для транспортировки азербайджанского, в перспективе туркменского газа на Украину и далее в Европу. В «Энергетической стратегии Украины на период до 2030 г.», одобренной кабинетом министров в марте 2006 г., было предложено четыре возможных маршрута прокладки «Белого потока». В качестве стартовых точек назывались Супса (Грузия) и Трабзон (Турция), конечных – Феодосия и Одесса. Мощность «Белого потока» оценивалась на уровне 8-32 млрд куб. м в год. К удивлению экспертов, в стратегии допускалось параллельное строительство газопровода Nabucco практически аналогичной мощностью (10-23 млрд куб. м в год), идущего из Турции через Балканы в Австрию и являющегося прямым конкурентом «Белого потока» [9].

В 2006-2007 гг. проект «Белый поток», призванный ко всему прочему объединить страны ГУАМ для получения недорогого азербайджанского и туркменского газа, активно обсуждался на различных международных площадках. Например, он был представлен на Венском газовом форуме (май 2007 г.) и Конференции по энергетической безопасности в Вильнюсе (Energy Security Conference, октябрь 2007 г.). В мае 2008 г. «Белый поток» получил одобрение Европейской комиссии в качестве «проекта общего интереса» (англ. Project of Common Interest) и «приоритетного проекта» (англ. Priority Project), что

позволяло рассчитывать на его финансирование через инструменты Трансъевропейской энергетической сети (TEN-E). В апреле 2010 г. еврокомиссар по энергетике Пюнтер Эттингер, выступая на Энергетическом форуме в Ашхабаде, недвусмысленно заявил, что Европейская комиссия продолжит активно поддерживать усилия по созданию Южного газового коридора, одной из составляющей которого является «Белый поток» [23].

К разочарованию Киева, «Белый поток», отданный в управление лондонской компании GUEU – White Stream Pipeline Company, оказался самым нежизнеспособным в сравнении с другими проектами, призванными сформировать Южный газовый коридор, и к 2010 г. практически был снят с повестки дня. И это произошло несмотря на то, что разработчики «Белого потока» скорректировали изначальные маршруты магистралей. Они предложили проложить основную трубу от грузинского побережья в румынский порт Констанца, а Украина должна была получать азербайджанский и туркменский газ по ответвлению, идущему в Крым. Тем не менее, главным препятствием на пути реализации проекта «Белый поток» стало отсутствие экспортного газа, которого не хватало даже для проекта Nabucco, имеющего в глазах Запада более приоритетный характер.

В июне 2013 г. президент Украины В.Ф. Янукович в ходе ежегодного обращения к депутатам Верховной рады предложил вернуться к идее сооружения газопровода «Белый поток», который, по его мнению, мог бы стать альтернативным каналом поставок газа на Украину как из Азербайджана, так и, возможно, Туркменистана и Казахстана. Однако, в Азербайджане в ответ заявили, что воспринимают проект «Белый поток» с сугубо теоретической точки зрения, а в России слова В.Ф. Януковича расценили не более как попытку надавить на «Газпром» в вопросах цен на российский газ, поставляемый украинским потребителям [13].

Украина и многосторонние энергетические институты

После распада СССР Россия предложила партнерам по СНГ различные варианты сохранения прежней тесной кооперации в энергетической сфере. Так, в 1992 г. были учреждены Межгосударственное евразийское объединение угля и металла, Комиссия государств-участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях и Электроэнергетический совет СНГ; в 1993 г. – Межправительственный совет по нефти и газу СНГ. Украина вошла во все перечисленные структуры. В период с 1992 по 1996 гг. правительства РФ и остальных участников СНГ заключили серию двусторонних и, главное, многосторонних соглашений в сфере энергетики. Так, в феврале 1992 г. было подписано Соглашение о координации межгосударственных отношений в области электроэнергетики СНГ

(все, кроме Грузии), в мае 1993 г. – Соглашение о параллельной работе энергосистем СНГ (полный состав), в ноябре 1995 г. – Соглашение о проведении согласованной политики в области транзита природного газа (все, кроме Узбекистана), в апреле 1996 г. – Соглашение о проведении согласованной политики в области транзита нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам (все, кроме Туркменистана).

Однако, уже к концу 1990-х гг. многостороннее, в том числе институционализированное энергетическое сотрудничество, инициированное Россией в первые годы после распада СССР и охватившее довольно широкий круг бывших советских республик, практически сходит на нет (исключение – деятельность Электроэнергетического совета СНГ). На первый план выходят двусторонние контакты, а также взаимодействие в более узких форматах, причём не обязательно с участием РФ (ЕврАзЭС (впоследствии ЕАЭС), ГУАМ), а также инициативы ЕС, фактически идущие вразрез с российскими интересами.

ГУАМ была учреждена в качестве межгосударственного консультативного форума Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы в октябре 1997 г. «на полях» саммита Совета Европы в Страсбурге. Данная инициатива была увязана с необходимостью организации транзита энергоносителей по маршруту Азия (Каспий) – Кавказ – Европа в обход территории России. В июне 2001 г. с подписанием Ялтинской хартии ГУАМ стала объединением. Спустя пять лет, в мае 2006 г., был подписан устав ГУАМ, что трансформировало объединение в организацию. Все эти процессы проходили под неустанным патронажем США.

В качестве одной из уставных задач ГУАМ было провозглашено развитие энергетического потенциала государств-членов. Кроме того, в декларации ГУАМ, подписанной наряду с уставом в мае 2006 г., говорилось о «недопустимости экономического давления и монополизации энергетического рынка, ... необходимости активизации усилий государств-членов в целях обеспечения энергетической безопасности, в том числе путем диверсификации маршрутов транспортировки энергоресурсов центрально-азиатского и каспийского регионов на европейский рынок» [4]. Не сложно догадаться, что государства-члены ГУАМ видели РФ своей главной угрозой в энергетической сфере.

В отношении постсоветских транзитных стран, к коим в первую очередь относится Украина, Европейский союз предложил два механизма, непосредственно связанных с энергетикой: Договор к Энергетической хартии (ДЭХ) и Договор об Энергетическом сообществе (ДЭС). И ДЭХ, и ДЭС были призваны создать правовой и институализированный режим многостороннего энергетического сотрудничества в Европе, в котором Россия не играла бы определяющей роли.

Украина, равно как и Россия, подписали Договор к Энергетической хартии в декабре 1994 г. (Тремя годами ранее, в декабре 1991 г., Москва и

■ Мировая политика

Киев поставили свои подписи под Европейской энергетической хартией, которая в отличие от ДЭХ носила сугубо декларативный характер). Однако, если Украина ратифицировала ДЭХ в феврале 1998 г., то Россия применяла его на временной основе вплоть до августа 2009 г., но после объявила о своём выходе из Договора. Таким образом, правовые положения ДЭХ, касающиеся, в том числе транзита и защиты иностранных инвестиций, распространились на Украину и большинство стран Европы. Россия в конечном итоге осталась за рамками этого режима. Она даже прекратила участвовать в Конференции по Энергетической хартии – межправительственной организации, выступающей в роли руководящего и принимающего решения органа, созданного ДЭХ. Предложения Москвы, касающиеся подписания нового многостороннего договора взамен ДЭХ, который в полной мере учёл бы не только интересы потребителей, но и производителей энергоносителей, были оставлены Брюсселем без ответа.

Договор, учредивший Энергетическое сообщество (Energy Community of South East Europe или Energy Community) между ЕС и девятью странами Юго-Восточной Европы (ЮВЕ), был подписан в октябре 2005 г. и вступил в силу в июле 2006 г. Четырнадцать стран Европейского союза получили статус участников Договора. Изначально Болгария и Румыния были в числе сторон Договора, но после вступления в ЕС стали его участниками. В 2009 г. к ДЭС – в качестве сторон Договора – присоединились Украина и Молдавия.

Таким образом, с помощью ДЭС было образовано весьма представительное межгосударственное объединение европейских государств с участием Украины. Его главной целью стало формирование регионального энергетического рынка стран Юго-Восточной Европы (прежде всего, электроэнергетического и газового) для его последующей интеграции во внутренний энергетический рынок ЕС. По сути дела, в Брюсселе был разработан механизм «экспорта» законодательства ЕС в сопредельные страны. Например, необходимым условием вступления в ДЭС является реализации ряда реформ, направленных на приближение энергетического законодательства государств-кандидатов к нормам европейского права, в частности, положений Второго энергетического пакета [5]. Более того, государства, вовлеченные в ДЭС, призваны способствовать диверсификации поставок углеводородов в Европу как за счёт создания новых транспортных маршрутов из Каспийского региона, Северной Африки и Ближнего Востока, так и разработки нефтегазовых и угольных залежей в ЮВЕ. В список направлений сотрудничества,

предусмотренных ДЭС, также вошли защита окружающей среды, разработка и внедрение возобновляемых источников энергии и социально-экономическое развитие. Как видно, Россия была умышленно исключена из этого многостороннего энергетического механизма, который де-факто устанавливает разделительную линию между ней и странами ЮВЕ.

Украинский газовый транзит как камень преткновения России и Запада

В ноябре 2015 г. помощник заместителя государственного секретаря США по энергетической дипломатии Робин Данниган (Robin Dunnigan), выступая на конференции в Братиславе, заявила следующее: «Полное прекращение транзита (российского) газа через Украину лишит её ежегодных доходов в размере 2,2 млрд долларов. В сущности, «Северный поток-2»² представляет угрозу не только для жизнеспособности Украины и её ресурсов, но и создаёт риск для диверсификации источников топлива для Европы, особенно Юго-Восточной Европы» [11]. Подобные заявления официального лица США в полной мере отражают американскую позицию по транзитному статусу Украины. Практически не остается сомнений в том, что с момента распада СССР Вашингтон делал все для того, чтобы Украина оставалась главным транзитным звеном на пути следования российских энергоносителей в Европу. С точки зрения Вашингтона, ни Россия, ни европейские страны не должны получить контроль над украинской транспортной инфраструктурой и, как следствие, им было «предписано» оставаться зависимыми от нестабильной страны, которую при необходимости можно поставить под свой полный контроль.

В том же ноябре 2015 г. вице-президент Еврокомиссии по энергосоюзу Марош Шефчович довел до сведения общественности, что Европейский союз не будет оказывать финансовую поддержку «Северному потоку-2». По мнению европейского чиновника, этот проект, реализуемый «Газпромом» вместе с ведущими энергетическими компаниями Европы (OMV, BASF, Engie, Shell, E.ON), не соответствует законодательству ЕС в части диверсификации источников, поставщиков и маршрутов получения ресурсов. Кроме того, «Северный поток-2» не открывает для ЕС новых источников получения газа. По правилам Третьего энергетического пакета (ТЭП), поставками газа в ЕС не должны заниматься добывающие компании [12]. Как видно, европейская бюрократия в угоду неких общих с США интересов готова препятствовать развитию проектов, в которых заинтересован не только российский, но и европейский бизнес.

² В 2015 г. «Газпром», немецкая E.ON, англо-голландская Shell, французская Engie и австрийская OMV договорились построить газопровод «Северный поток-2», призванный (подобно «Северному потоку-1») обеспечить Германию и, значит, ЕС прямыми поставками российского газа по дну Балтийского моря. Проектная мощность трубопровода – 55 млрд куб. м газа в год, его начальная точка – порт Усть-Луга около Санкт-Петербурга.

Ранее Европейская комиссия и страны ЕС не смогли выработать солидарную позицию по «Северному потоку» (ныне «Северный поток-1»), призванному снизить критическую значимость украинского газового транзита для Европы и РФ. Так, этот проект был поддержан Германией, Францией, Голландией и Европейской комиссией, присвоившей проекту статус TEN-E (Trans-European Energy Networks), однако вызвал серьёзные возражения в Польше и прибалтийских государствах, часто воспринимающихся в качестве проводников американских интересов на европейском континенте. После трудных многолетних согласований, сопровождавшихся многочисленными протестными акциями, газопровод «Северный поток» был запущен в ноябре 2011 г.

Решить проблему украинского газового транзита должен был также «Южный поток» – ещё один проект, инициированный Россией в 2007 г. и поддержанный рядом ведущих энергетических компаний Европы: Eni, EDF и Wintershall. Однако неконструктивная позиция Болгарии и нежелание Европейской комиссии идти на уступки по Третьему энергетическому пакету вынудили руководство России отказаться от проекта в декабре 2014 г., что бесспорно отвечало интересам Вашингтона, Киева и, возможно, даже Брюсселя.

Как известно, вопрос о создании международного консорциума (МК), через который «Газпром» смог бы получить в управление украинскую газотранспортную сеть (ГТС), стал активно обсуждаться высшим руководством России и Украины в 2002 г., хотя, бесспорно, этот вопрос поднимался и ранее. Добиваясь создания МК, Москва указывала Киеву на накопившиеся долги за уже поставленный российский газ и сохранявшиеся на него льготные цены. В октябре 2002 г. руководители «Газпром» и «Нафтогаз Украины», ссылаясь на межправительственное соглашение, подписанное в том же месяце, учредили ООО «Международный консорциум по управлению и развитию газотранспортной системы Украины». Каждая из сторон получила 50-процентную долю в уставном капитале МК, к которому допускалось присоединение Германии в скором времени. Тем не менее, международный консорциум так и не смог заработать, поскольку акционеры по-разному понимали его функции. «Газпром» настаивал на том, чтобы МК управлял всей ГТС Украины, а украинская сторона предлагала ограничиться строительством двух новых газопроводов: Богородчаны – Ужгород и Новопсков – Александров Гай.

В апреле 2010 г. премьер-министр России В.В. Путин предложил новому руководству Украины во главе с В.Ф. Януковичем объединить газовые монополии двух стран – «Газпром» и «Нафтогаз Украины». Оставив российскую инициативу без ответа, Киев пригласил ЕС и Россию принять участие в модернизации украинской ГТС. На повестке дня в очередной раз появилась идея учреждения некоего международного

консорциума (МК) по управлению газовыми магистралями Украины с участием европейского и российского капиталов. Летом Москва выступила с очередной офертой. Она предложила Киеву создать совместное предприятие (СП) на базе магистральных газопроводов Украины и месторождений «Газпрома» на Ямале и в Астрахани. Не дав однозначного ответа на новое российское предложение, украинская власть всё же добилась того, что Верховная рада вывела украинскую газотранспортную сеть из перечня стратегически важных предприятий, не подлежащих приватизации. Тем не менее, открытым остался вопрос о размере доли ГТС в СП или МК, а также судьбе подземных хранилищ.

Европейская комиссия, которая долгие месяцы занимала выжидательную позицию, проявила определенность лишь в январе 2011 г. Тогда устами еврокомиссара по энергетике Гюнтера Эттингера было заявлено, что выделение средств ЕС на модернизацию украинской ГТС должно подкрепляться гарантиями России на прокачку газа в Европу через территорию Украины. Такая позиция Брюсселя была вполне логичной, поскольку одновременный запуск «Северного потока» и «Южного потока» (соответственно 55 и 63 млрд куб. м в год) неминуемо свёл бы к нулю потребность в украинском транзите и, следовательно, сделал бы бессмысленными инвестиции в международный консорциум. В итоге, Г. Эттингер посоветовал властям Украины убедить Москву отказаться от строительства «Южного потока» и присоединиться к менее затратному проекту совместного финансирования модернизации украинской ГТС [2].

Переговоры Москвы и Киева, касающиеся создания МК по управлению украинской ГТС, шли вплоть до очередной радикальной смены власти на Украине в феврале 2014 г. Стороны безрезультатно пытались достичь компромисса по будущему формату консорциума. Россия настаивала на двустороннем формате сотрудничества, а Украина, вероятно, под давлением Брюсселя, требовала обязательного подключения европейских партнеров. Даже обсуждался вопрос передачи ГТС в аренду «Газпрому», но до финальных договоренностей дело так и не дошло, что было неудивительно, учитывая нежелание Киева отдавать контроль над ГТС, поддерживаемое из-за океана. Если же говорить о политических силах Украины, пришедших к власти в феврале 2014 г., то они стали агитировать Германию взять на себя основное бремя по модернизации украинской ГТС в обмен на миноритарную долю в международном консорциуме.

В мае 2006 г. вице-президент США Ричард Чейни, выступая на конференции восточноевропейских лидеров в Вильнюсе, обвинил Россию в использовании энергетических ресурсов во внешнеполитических целях. Слова столь высокопоставленного чиновника из США со ссылкой на официальный пресс-релиз Белого дома приводит в своей статье британский учёный,

■ Мировая политика

профессор политологии и международных отношений Кентского университета Ричард Саква: «Никакие законные интересы не могут оправдать использования нефти и газа в качестве инструментов запугивания или шантажа, будь то путем манипулирования с поставками или монополизации транспортной системы» [10]. Подобные выпады высокопоставленного представителя Белого дома не выглядят случайными. Напротив, они являются частью информационной кампании США по дискредитации России в контексте её газового спора с Украиной на рубеже 2005-2006 гг. Впоследствии (например, в 2008-2009 гг. или после февраля 2014 г.) Вашингтон не только принимал сторону Киева в его очередных газовых конфликтах с Москвой, но и использовал все имеющиеся возможности для политического и информационного давления на РФ.

Не без поддержки Вашингтона и Брюсселя Украина сумела договориться со своими западными соседями, Польшей, Венгрией и Словакией, о реверсных поставках газа. Первые такие поставки начались в ноябре 2012 г., а после смены власти на Украине в феврале 2014 г. их объём существенно увеличился. Как известно, реверсный газ, поступающий на Украину, имеет российское происхождение, однако, согласно Киеву, он не только обходится дешевле Украине, но и снижает прямую зависимость украинских потребителей от «Газпрома» [7]. В феврале 2016 г. Верховная Рада одобрила законопроект, легализовавший так называемый «виртуальный реверс». Это решение позволило Украине просто-напросто отбирать транзитный газ, идущий из России в Польшу, Венгрию или Словакию и засчитывать его в качестве реверсного. Эта схема исключает физическое перемещение газа и, как следствие, сокращает логистические затраты. Кроме того, она фактически лишает «Газпром» возможности применять ценовые инструменты в отношении Украины, прописанные в контрактах, в том числе исходя из политической конъюнктуры.

С начала 1990-х гг. западные энергетические компании постоянно рассматривали различные возможности работы на Украине, несмотря на довольно скромные запасы углеводородов,

имеющиеся в этой стране. В первой половине 2010-х гг. этот интерес начинает материализоваться. Так, в 2012 г. американская ExxonMobil и англо-голландская Shell побеждают в тендере на разработку Скифской нефтяной площади на черноморском шельфе у побережья Крыма. В 2013 г. опять-таки Shell и американская Chevron заключают с украинским правительством соглашение о разработке месторождений сланцевого газа Украины. Однако это сотрудничество долго не продлилось. Chevron вышел из проекта в июле 2015 г., Shell – в октябре 2015 г. Воссоединение Крыма с Россией, осуществившееся в марте 2014 г., сделало невозможным участие ExxonMobil и Shell в разработке Скифской нефтяной площади. После ухода грандов, основные надежды Киева на разработку украинских месторождений сланцевого газа оказались связанными с частной нефтегазовой компанией Burisma, зарегистрированной на Кипре. В 2014 г. в эту компанию поступили на работу родственники высшего американского истеблишмента, включая сына Джо Байдена.

Таким образом, как видно из материалов, представленных выше, после распада СССР энергетическая политика Украины приобрела довольно противоречивый и непоследовательный характер. Бесспорно, у Украины, как и у любого другого государства, сформировались собственные интересы в сфере энергетики, вытекающие, в частности, из её существенной зависимости от импортных углеводородов и статуса главного транзитёра российских энергоносителей. Однако в постсоветский период энергетическая политика Украины попала в непреодолимую зависимость от сильно политизированного, порой непримиримого энергетического соперничества России и Запада. Иными словами, украинскому руководству постоянно приходилось корректировать вектор развития энергетики страны, отдавая предпочтение то российским, то западным инициативам. При этом ведущие страны ЕС, прежде всего Германия, Европейская комиссия и США не всегда имели единую позицию относительно ТЭК Украины.

Список литературы

1. В 2015 г. добыча нефти и конденсата в Украине сократилась на 10% // OilNews. – 2016. – 27 января. - URL: http://oilnews.com.ua/a/news/V_2015_g_dobicha_nefti_i_kondensata_v_Ukraine_sokratilas_na_10/221241 (проверено: 15.03.2016).
2. Гриб Н., Гавриш О. Европа выходит из украинского потока и перекладывает модернизацию транзитных газопроводов на Россию // Коммерсант. 2011. 26 января. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1573618> (проверено: 15.12.2015).
3. Добыча углеводородов // Национальная акционерная компания «Нафтогаз Украины». URL: <http://www.naftogaz.com> (проверено: 15.03.2016).
4. Киевская Декларация о создании Организации за демократию и экономическое развитие ГУАМ, г. Киев, 23 мая 2006 г. // Организации за демократию и экономическое развитие. ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/en/node/573> (проверено: 05.12.2015).

5. Конопляник А. Вхождение Украины в Договор об Энергетическом сообществе ЕС со странами Юго-Восточной Европы: последствия для всех заинтересованных сторон // Нефть и Газ. 2010. №6. С. 20-36.
6. Кравченко Т.Г. Нефть и газ в Украине / Энергетика: история, настоящее и будущее: В 4-х т. Т. 1: От огня и воды к электричеству/ В.И. Бондаренко, Г.Б. Варламов, И.А. Вольчин и др. Киев: Издательский дом «АДЕФ-Украина», 2005. 304 с.
7. Лазоренко К. Украина возобновляет реверс газа из ЕС / К. Лазоренко// Экономические известия. 2015. 14 октября. URL: <http://ekonomika.eizvestia.com/full/717-ukraina-vozobnovlyaet-revers-gaza-iz-es> (проверено: 10.01.2016).
8. Маненок Т. «Одесса – Броды»: опять реверс? // Информационный порта TUT.BY. 2012. 20 сентября. URL: <http://news.tut.by/economics/311617.html> (проверено: 11.01.2016).
9. Морин Е. «Белый поток» – виртуальный газопровод для Украины // Информационно-аналитический Inpress.ua. 2013. 1 июля. URL: <http://inpress.ua/ru/economics/12271-belyy-potok-virtualnyy-gazoprovod-dlya-ukrainy> (проверено: 17.01.2016).
10. Саква Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // Неприкосновенный запас. 2010. №6 (74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sa9-pr.html> (проверено: 15.02.2016).
11. Самофалова О. США требуют от России кормить Украину дальше // РИА «Новости». 2015. 6 ноября. URL: <http://vz.ru/economy/2015/11/6/776630.print.html> (проверено: 14.01.2016).
12. Шефчович: «Северный поток-2» не получит поддержки от ЕС // Пронедра. 2015. 24 ноября. URL: <http://pronedra.ru/gas/2015/11/24/severnyj-potok-2-ne-poluchit-podderzhki-ot-es/> (проверено: 02.02.2016).
13. Янукович предлагает проложить «Белый поток» - газопровод в обход России // Информационный порта Newsru.com. 2013. 6 июня. URL: <http://newsru.com/arch/finance/06jun2013/yanukovich.html> (проверено: 15.02.2016).
14. BP Statistical review of World Energy 2016 //www.bp.com. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (Accessed 10.03.2016).
15. Dragneva R., Wolczuk K. Ukraine Between the EU and Russia: The Integration Challenge. London: Palgrave Macmillan, 2015. 160 p.
16. Gromadzki G., Konończuk W. Energy game: Ukraine, Moldova and Belarus between the EU and Russia. Warsaw: Stefan Batory Foundation, 2007 46 p.
17. Sakhalin reversal tops C.I.S. action // Oil and Gas Journal. 1992. 24 February. URL: <http://www.ogj.com/articles/print/volume-90/issue-8/in-this-issue/general-interest/sakhalin-reversal-tops-cis-action.html> (Accessed: 02.02.2016).
18. Smith K. Russia and European Energy Security: Divide and Dominate. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2008. 32 p.
19. Sotiriou S.A. Russian Energy Strategy in the European Union, the Former Soviet Union Region, and China/ Stylianos A. Sotiriou. New York: Lexington Books, 2014. 289 p.
20. Tekin A., Williams P. Geo-Politics of the Euro-Asia Energy Nexus: The European Union, Russia and Turkey (New Security Challenges). London: Palgrave Macmillan, 2011. 230 p.
21. Ukraine, Poland and EU sign accord // Eastern Economist Daily. 2003. 28 May. URL: www.factiva.com (Accessed: 01.02.2016).
22. US Envoy: No Reason For Ukraine To Reverse Oil Pipe Policy // Dow Jones International News. 2004. 14 July. URL: <http://www.dowjones.com/> (Accessed: 07.01.2016).
23. White Stream. A Priority Project of the EU and integral component of the Southern Gas Corridor, presentation made by Roberto Pirani, Chairman of the Board, GUEU-White Stream Pipeline Company Limited, OSCE – Ashgabat May 2010 // OSCE URL: <http://www.osce.org/ashgabat/67922?download=true> (Accessed: 01.03.2016).

Об авторе

Боровский Юрий Викторович – к.ист.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.
E-mail: yuribor@mail.ru.

UKRAINE'S ENERGY POLICY IN THE POST-SOVIET ERA

Y.V. Borovsky

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Following the collapse of the USSR, Ukraine has found itself in a heavy, almost insurmountable dependence on imported oil and gas resources. However, owing to the inherited soviet infrastructure and strategic location, it has become a key transit state, capable of controlling the main flows of hydrocarbons from Russia to Europe. Due to these circumstances, a deep, politically motivated and often irreconcilable competition in the triangle Ukraine-Russia and the West has emerged.*

In the post-Soviet era the Ukrainian authorities, irrespective of their political affiliations, have tried to diversify the Russian oil and gas supplies either by securing deliveries from other sources or by enhancing production within the country. Opposing any Russian initiative aimed at diminishing the transit status of Ukraine (for example, Nord Stream-1,2, South Stream, etc.), Kiev has struggled to keep Ukraine's gas transportation system under the national control. In addition to this, many western energy companies have got invitation from Ukraine to start exploration and production operations in the country. Such a behavior of the Ukrainian leadership, incompatible to a large extent with the Russia interests, was unanimously supported by Washington and Brussels in the 1990s and afterwards.

Ukraine, initially involved in the multilateral energy cooperation with the Russian participation, decided to change its camp and join the pro-Western international energy institutions: GUAM, the Energy Charter Treaty and the Energy community. With the backing of Washington and Brussels, Kiev initiated two projects (the Eurasian Oil Transport Corridor, White Stream) designed to secure oil and gas supplies from the Caspian region to Europe bypassing Russia.

Key words: the Russian-Ukrainian energy relations; the American-Ukrainian energy relations; the EU-Ukrainian energy relations; energy competition in the former Soviet Union; oil and gas projects with the Russian and Ukrainian participation; geopolitics of energy.

References

1. V 2015 godu dobycha nefty i kondensata v Ukraine sokratilas na 10%. [In 2015 Ukraine's oil and condensate production fell by 10%]. *OilNews*. 27.01.2016. URL: http://oilnews.com.ua/a/news/V_2015_g_dobycha_nefti_i_kondensata_v_Ukraine_sokratilas_na_10/221241 (Accessed 15.03.2016) (In Russian).
2. Grib N., Gavrish O. Evropa vykhodit iz ukrainskogo potoka i perekladyvaet modernizatsyu tranzitnykh gazoprovodov na Rossiiu [Europe leaves the Ukrainian stream and invites Russia to modernize Ukraine's transit gas pipelines]. *Kommersant*, 26.01.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1573618> (Accessed 15.12.2015) (In Russian).
3. Dobycha uglevodorodov [Hydrocarbons production]. *Naftogaz of Ukraine*. URL: <http://www.naftogaz.com> (Accessed 15.03.2016) (In Russian).
4. Kievskaya deklaratsiya o sozdanii Organizatsii za demokratiyu i ekonomicheskoye razvitie – GUAM [Kiev Declaration on establishment of the Organization for democracy and economic development – GUAM], Kiev, 23 May 2006. *Organization for democracy and economic development – GUAM*. URL: <http://guam-organization.org/en/node/573> (Accessed 05.12.2015) (In Russian).
5. Konoplyanik A. Vkozhdenie Ukrainy v Dogovor ob Energeticheskom soobshestve ES so stranami Yugo-Vostochnoi Evropy: posledstviya dlya vsekh zainteresovanykh storon [Ukraine joins the Energy Community Treaty with countries from Southeast Europe: implications for involved parties]. *Neft i Gaz*. 2010. No. 6, Pp. 20-36. (In Russian).
6. Kravchenko T.G. *Energetika: istoriya, nastoyashee i budushee* [Energy industry: past, present and future]. in V.I. Bondarenko, T.G. Kravchenko, V.G. Varlamov, I.A. Volchin and others, Kiev, Adef-Ukraine publ., Vol. 1 2005. 304 p. (In Russian).
7. Lazorenko K. Ukraina vozobnovlyayet revers gaza iz ES [Ukraine resumes reverse gas supplies from the EU]. *Ekonomicheskie izvestiya*, 14.10.2015. URL: <http://ekonomika.eizvestia.com/full/717-ukraina-vozobnovlyayet-revers-gaza-iz-es> (Accessed 10.01.2016) (In Russian).
8. Manenok T. "Odessa-Brody": opyat revers? [Odessa-Brody: a reverse again?]. *TUT.BY*, 20.09.2012. URL: <http://news.tut.by/economics/311617.html> (Accessed 11.01.2016) (In Russian).

9. Morin E. "Belyi potok" – virtualny gazoprovod dlya Ukrainy [White Stream: a virtual gas pipeline for Ukraine]. *Inpress.ua*, 01.07.2013. URL: <http://inpress.ua/ru/economics/12271-belyy-potok-virtualnyy-gazoprovod-dlya-ukrainy> (Accessed 17.01.2016) (In Russian).
10. Sakwa R. Syrievoy sektor Rossii: ekonomika kontrolya i politika renty [Russia's resource sector: an economics of control and a rent policy]. *Neprikosnovenny zapas*, 2010, No.6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sa9-pr.html> (Accessed 15.02.2016) (In Russian).
11. Samofalova O. SShA trebouyut ot Rossii kormit Ukrainou dalshe [The US summon Russia to continue feeding Ukraine]. *RIA Novosti*. 06.11.2015. URL: <http://vz.ru/economy/2015/11/6/776630.print.html> (Accessed 14.01.2016) (In Russian).
12. Shevchovich: "Severny potok-2" ne polouchit podderzhki ot ES [Sefcovic: Nord Stream-2 will not gain support from the EU]. *Pronedra*. 24.11.2015. URL: <http://pronedra.ru/gas/2015/11/24/severnyj-potok-2-ne-poluchit-podderzhki-ot-es/> (Accessed 02.02.2016). (In Russian).
13. Yanukovych predlagaet prolozhit "Belyi potok" – gazoprovod v obkhod Rossii [Yanukovych proposes to construct White stream, a gas pipeline bypassing Russia]. *Newsru.com*. 06.06.2013. URL: <http://newsru.com/arch/finance/06jun2013/yanukovich.html> (Accessed 15.02.2016). (In Russian).
14. BP Statistical review of World Energy 2016. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (Accessed 10.03.2016).
15. Dragneva R., Wolczuk K. *Ukraine Between the EU and Russia: The Integration Challenge*. London: Palgrave Macmillan, 2015. 160 p.
16. Gromadzki G., Konończuk W. *Energy game: Ukraine, Moldova and Belarus between the EU and Russia*. Warsaw: Stefan Batory Foundation, 2007. 46 p.
17. Sakhalin reversal tops C.I.S. action. *Oil and Gas Journal*. 24.02.1992. URL: <http://www.ogj.com/articles/print/volume-90/issue-8/in-this-issue/general-interest/sakhalin-reversal-tops-cis-action.html> (Accessed 02.02.2016).
18. Smith K. *Russia and European Energy Security: Divide and Dominate*. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2008. 32 p.
19. Sotiriou S.A. *Russian Energy Strategy in the European Union, the Former Soviet Union Region, and China*. New York: Lexington Books, 2014. 289 p.
20. Tekin A., Williams P. *Geo-Politics of the Euro-Asia Energy Nexus: The European Union, Russia and Turkey (New Security Challenges)*. London: Palgrave Macmillan, 2011. 230 p.
21. Ukraine, Poland and EU sign accord. *Eastern Economist Daily*. 28.05.2003. URL: www.factiva.com (Accessed: 01.02.2016).
22. US Envoy: No Reason For Ukraine To Reverse Oil Pipe Policy. *Dow Jones International News*. 14.07.2004. URL: www.dowjones.com/ (Accessed: 07.01.2016).
23. White Stream. A Priority Project of the EU and integral component of the Southern Gas Corridor, presentation made by Roberto Pirani, Chairman of the Board, GUEU-White Stream Pipeline Company Limited, OSCE. Ashgabat May 2010. OSCE. URL: <http://www.osce.org/ashgabat/67922?download=true> (Accessed: 01.03.2016).

About the author

Yury V. Borovsky – Ph.D. in History, associate professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO–University. E-mail: yuribor@mail.ru.

ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННЫХ «ШЁЛКОВЫХ ПУТЕЙ»

А.И. Литвинов

Дипломатическая академия МИД России 119021, г. Москва, Остоженка 53/2, стр. 1

.....

В последнее время в СМИ всё чаще встречается идея о новом Шёлковом пути или – уже можно сказать – концепция «Экономического пояса Шёлкового пути», которая была сформулирована председателем КНР Си Цзиньпином 7 сентября 2013 г., во время его официального визита в Казахстан. Это проект не только по созданию транспортного, энергетического и торгового коридора, а также проект, который будет способствовать развитию туризма в регионе и укреплению культурных обменов Китая со странами Центральной Азии, он также включает в себя строительство сети высокоскоростных волоконно-оптических сетей. Экономическая полоса Шёлкового пути будет начинаться в Китае и проходить по Центральной и Южной Азии, часть ответвлений будет проходить по территории Российской Федерации и выходить в Европу.

Этот международный инвестиционный проект предполагает создание континентального транспортного пути. Для осуществления сухопутной части «Великого Шёлкового пути» должно быть построено три железнодорожных коридора (северный, центральный и южный) Они впоследствии должны послужить основой для развития других видов транспорта, включая автомобильный. Строительство этих трёх железнодорожных коридоров выступает в качестве важнейшего и необходимого этапа реализации проекта.

Правительство Китая заявляет, что создание экономического пояса Шёлкового пути – это возрождение некогда процветающего торгово-транспортного и культурного коридора из Азии в Европу, который вновь будет содействовать активизации дружественного обмена между народами разных стран. В дальнейшем всё это должно соединиться в единое торгово-экономическое пространство Европы и Азии, а также должно послужить осуществлению более глубокого экономического сотрудничества между участвующими в нём странами, увеличению торгового оборота и расширению научно-технических обменов между ними.

.....

Ключевые слова: Россия, Китай, экономическая интеграция, Центральная Азия, безопасность, транспорт, логистика, дорога, Великий Шёлковый путь, энергетика.

Разговоры о возрождении самого знаменитого из древних торговых путей на Земле ведутся уже давно. Впервые официально о данном проекте заявил председатель КНР Си Цзиньпин 7 сентября 2013 г. во время своего выступления в казахстанском вузе Назарбаев университет¹. Си Цзиньпин в своей речи, озаглавленной «Развитие дружбы народов ради прекрасного будущего»², предложил создать «экономический коридор Шёлкового пути», для чего призвал все стороны объединить усилия ради повышения благосостояния народов региона, осуществить данный проект, опираясь на инновационную модель взаимодействия между его участниками.

22 июня в катарской столице Дохе прошло заседание 38-й сессии комитета Всемирного наследия при ЮНЕСКО, на котором проект Великого канала Китая и Великий Шёлковый путь, были официально внесены в список объектов всемирного культурного наследия. В дальнейшем был создан специальный интернет-портал³, где любой желающий мог ознакомиться с необходимой информацией. На карте мира снова появился подробный маршрут, соединяющий три континента.

Проект «Шёлковый путь: сеть дорог коридора Чанъань-Тяньшань» был представлен совместно Китаем, Казахстаном и Киргизией. В заявку вошли всего 33 исторических достопримечательности, находящиеся вдоль этого тысячелетнего торгового коридора, 22 из них находятся в Китае, 8 расположены в Казахстане, ещё три в Киргизии.

План по воссозданию ВШП отвечает экономическим и политическим интересам Китая, которые преследуют три основные цели:

- 1) ускорить товарооборот грузов между Китаем и еврозоной;
- 2) усилить влияние Пекина на бывшие советские республики, которые в своей политике в основном опираются на Москву;
- 3) создать альтернативу тихоокеанскому транспортному направлению, которая поможет снизить доминирующую позицию США и их союзников в регионе.

Кроме внешних причин развития Экономического пояса ВШП есть и внутренние мотивы. Начиная с 2009 г. китайская экономика уже вступила в этап «структурного замедления» роста. Анализ изменений экономической структуры показывает, что в Китае производительность труда в сфере обслуживания значительно ниже, чем в промышленности. Поэтому при переходе от производственно- к сервис-ориентированной экономике, который сегодня наблюдается в Китае, общая производительность труда в стране неизбежно будет снижаться, приводя к сокра-

щению темпов экономического роста. В то же время, наряду с ростом количества пожилого населения в стране стоимость рабочей силы будет твердо расти.

Кроме того, в Китае экономическое развитие страны очень неравномерно распределено по территории. В связи с этим остро стоит проблема неразвитости западных регионов, большую часть которых занимает пустыня. Многолетние попытки освоения западных территорий, и подтягивания их уровня до существенно более развитых восточных приморских провинций КНР успеха практически не имели. Такая программа оказалась излишне затратной, малоэффективной и во многом искусственной. Тем не менее, в рамках стратегии Экономического пояса, которая предполагает крупномасштабное железнодорожное строительство, слабо освоенный Запад Китая, обладающий существенными запасами полезных ископаемых, мог бы стать более доступным и привлекательным в экономическом плане.

Китайское руководство относится к данному проекту очень серьезно. Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП), высшим законодательным органом страны, 17 марта 2016 г. был принят план развития страны на 13-ю пятилетку. В нём определяются основные цели, направления и показатели социально-экономического развития КНР на 2016 - 2020 г. В этом документе проект Экономического пояса Шёлкового пути упоминается семь раз⁴.

Проект рассчитан на долгосрочную перспективу. Существуют оценки, по которым для его реализации необходимо около 30 лет, [4. с. 2] в перспективе предполагается организация семи «поясов»: транспортного, энергетического, торгового, информационного, научно-технического, аграрного и туристического.

В результате возможно создание крупномасштабной зоны свободной торговли от северо-западных провинций Китая и Центральной Азии, до Центральной и Восточной Европы. В странах, расположенных на пути этого проекта проживает около трёх миллиардов человек. Создающийся в ходе его реализации рынок можно считать мегарынком, а сам проект, безусловно, обладает мегапотенциалом развития.

На данный момент основная площадка сотрудничества Китая со странами Центральной Азии – это Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Но многостороннее и трансрегиональное экономическое сотрудничество пока слабо продвигается в рамках ШОС. Поэтому Китай планирует решать для себя следующие три ключевые задачи с помощью проекта Экономического пояса Шёлкового пути.

Во-первых, выявление возможных проблемных и конфликтных вопросов, которые должны

¹ <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1075402.htm> (проверено: 18.08.2016 г.).

² <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (проверено: 18.08.2016 г.).

³ <http://ru.unesco.org/silkroad> (проверено: 18.08.2016 г.).

⁴ http://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (проверено: 18.08.2016 г.).

■ Мировая политика

быть обозначены участниками проекта относительно дальнейших путей экономического развития, с целью их устранения. Всё это должно привести к выработке единой стратегии развития в регионе. Китай планирует задействовать все свои двусторонние и многосторонние механизмы сотрудничества, такие как ШОС и ЕЭС. При этом Китай заявляет, что не стремится соперничать с данными проектами.

Во-вторых, Китай акцентирует своё внимание на строительстве, развитии и совершенствовании транспортной инфраструктуры «Экономического пояса Шёлкового пути», особенно в трансграничных и трудно доступных районах. Главное внимание уделяется формированию транзитно-транспортной системы, которая должна объединить страны Центральной Азии и Китай, а также связать этот регион с Африкой и Европой. Решению этой задачи КНР придаёт особое значение, поскольку она должна способствовать созданию современной, тщательно отлаженной транспортно-логистической системы в регионе.

В-третьих, постепенное снижение и стремление к ликвидации барьеров для торговли и инвестиций между участниками «Экономического пояса Шёлкового пути». Такая мера позволит наиболее полному раскрытию торгового и инвестиционного потенциалов стран-участниц проекта, что должно обеспечить максимально возможную скорость движения капиталов внутри этой экономической системы, для этого необходимо усиление многостороннего сотрудничества в финансовой сфере, обеспечение бесперебойного денежного обращения, а также гармонизация валютных систем стран-участниц. Для выполнения данной задачи предполагается создать сеть региональных финансовых организаций развития с целью оптимизации движения финансовых потоков.

Но существуют и риски, которые надо учитывать, они могут повлиять на успешную реализацию проекта.

Во-первых, это конкурентная борьба между мировыми державами в Центрально-Азиатском регионе. Каждая из них пытается предложить свой путь решения региональных проблем и подталкивает остальные государства сделать так называемый «окончательный геополитический выбор». Такая ситуация способна превратить регион в объект одностороннего внешнего влияния одного из глобальных центров силы, или послужить медленному и опасному нарастанию там конфликтного потенциала, который будет создан вследствие соперничества за этот регион между Китаем, Россией и западными державами, а также крупными государствами мусульманского мира.

Во-вторых, существует два стратегических проекта транспортного коридора под названием «шёлковый путь» – евразийский и прозападный. Несмотря на то, что они тесно переплетены между собой и имеют ряд общих маршрутов, ключевым

отличием является то, что в евразийском проекте основной транзит проходит по территории России. Прозападный, а точнее американский «Новый Шёлковый путь» выстроен в обход границ РФ, он должен проходить через Афганистан в Центральной Азии и Турцию на Ближнем Востоке. В итоге остаться должен только один из них, что усиливает степень неопределенности.

В-третьих, оба эти конкурирующие проекта начинаются в Китае. Используя это преимущество, КНР сотрудничает в соответствующих транспортных проектах как с Россией в рамках ШОС, так и с Западом. Тем не менее, в Пекине, по всей видимости, осознают намерения Запада, преследующего в отношении Китая такие же планы по сдерживанию, как и в отношении России. В этих целях Запад вполне возможно будет пытаться разыграть уйгурскую карту против КНР, которая позволит отсечь Китай от Центральной и Южной Азии.

В-четвёртых, являясь одной из главных стран-транзитёров по евразийскому коридору, Россия на первый взгляд может оказаться в зависимости от поставок из Китая. Однако учитывая наличие у России такого важного транзитного маршрута как Северный Морской путь (СМП), являющийся самым коротким путём из европейской части России во Владивосток, транспортная зависимость России не угрожает. «На обочине» региональной торговли при реализации проектов евразийского «Шёлкового пути» может оказаться Япония, у которой сложные отношения с Китаем.

В-пятых, среди стран Центральной Азии существует ряд противоречий по поводу выбора различных направлений интеграции. Казахстан отдаёт приоритет тесному сотрудничеству в рамках Евразийского экономического союза; Киргизия и Таджикистан с решением по этому поводу окончательно не определились, в то же время Узбекистан занимает выжидательную позицию, которая вызывает у Китая беспокойство, поскольку сопровождается сближением отношений официального Ташкента с Вашингтоном на дипломатическом уровне и в военно-политической сфере.

В-шестых, Китай рассматривает интеграционные объединения, которые предлагают Россия и США, как направленные в определённой степени на ограничение китайского присутствия в Центральной Азии. По мнению ряда китайских исследователей, американский проект «Нового Шёлкового пути» имеет своей целью объединение Центральной Азии с Афганистаном для того, чтобы политически сдерживать устремления Китая в данном регионе. А Россия, являясь на протяжении истории лидером на евразийском пространстве, выдвигая такие инициативы как ТС, ЕЭП и ЕЭС также противодействует китайскому экономическому проникновению в регион.

«Экономический пояс Шёлкового пути» не является простым повторением существовавшего

го в истории маршрута или попыткой «второй раз войти в реку». Это современная, хорошо продуманная, взвешенная и вполне реализуемая программа, направленная на развитие экономики региона, улучшение благосостояния населяющих его народов, ускорение реструктуризации

и модернизации, участвующих в проекте стран и углубление культурного взаимодействия между ними. Она актуальна в плане продвижения региональной интеграции, активизации потенциальных возможностей Азии и мирового экономического развития в целом.

Список литературы

1. Алимов Р.К. Формирование «экономического коридора Шёлкового пути»: состояние, проблемы и перспективы // МИР (Модернизация. Инновация. Развитие). 2013 № 16. С. 76-83.
2. Лукин А.В. Идея «Экономического пояса Шёлкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. 2014. № 7. С. 84-98.
3. Лузянин С.Г., Сазонов С. Экономический пояс Шёлкового пути: модель 2015 г. // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2015. № 5. С. 35-46.
4. Ремыга В.Н., Падалко В.И. Новая глобальная стратегия Китая - Экономический пояс Шёлкового пути. Экономический пояс Шёлкового пути. М.: Русский биографический институт; Институт экономических стратегий. 2015. С. 61-71.
5. Сазонов С.Л., Кудрявцев Е.С., У Цзы. Транспортная составляющая проектов сопряжения Евразийского экономического союза и экономического пояса Шёлкового пути. // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 47-58.
6. Си Цзиньпин. Совместное строительство экономического пояса Шёлкового пути. - Экономический пояс Шёлкового пути. М.: Русский биографический институт; Институт экономических стратегий. 2015. С. 8-14
7. Си Цзиньпин. Совместное строительство морского Шёлкового пути XXI в. - Экономический пояс Шёлкового пути. М.: Русский биографический институт; Институт экономических стратегий. 2015. С. 15-20

Об авторе

Литвинов Андрей Игоревич – аспирант Дипломатической академии МИД России.
E-mail: landronik@yandex.ru.

POLITICS OF CONTEMPORARY "SILK ROADS"

A.I. Litvinov

Diplomatic academy MFA of Russia 119021, Moscow, Ostozhenka 53/2, structure.

Abstract: Recently in mass media we can find the idea about a new Silk Road or the concept of "Silk Road Economic Belt" which has been formulated by the Chinese President Xi Jinping on September 7, 2013, during his official visit to Kazakhstan. This project is not only the creation of a transport, power and trade corridor, and also the project which will promote development of tourism in the region and to strengthening of cultural exchanges of China with the countries of Central Asia, it also includes construction of a network of high-speed fiber-optical networks. The economic strip of the Silk Road will begin in China and pass across the Central and the Southern Asia, part of branches across the territory of the Russian Federation and to leave to Europe.

This international investment project assumes creation of a continental transport way. For implementation of overland part of "A great Silk Road is a three railway corridors (northern, central have to be constructed and southern) They have form a basis for development of other means of transport, including automobile subsequently. Construction of these three railway corridors acts as the most important and necessary stage of implementation of the project.

The government of China declares that creation of an economic belt of the Silk way is a revival of once prospering trade-transport and cultural corridor from Asia to Europe which will promote activation of a friendly exchange between the people of the different countries. Further all this has to connect trade and economic space of Europe and Asia in a whole that has to serve implementation of deeper economic cooperation, between the countries participating in him, to increase in a trade turnover and expansion of scientific and technical exchanges between them.

Key words: Russia, China, economic integration, Central Asia, safety, transport, logistics, road, Great Silk way, energy industry.

References

1. Alimov R.K. Formirovaniye «ekonomicheskogo koridora Shelkovogo puti»: sostoyaniye, problemy i perspektivy [Formation of the "economic corridor of the Silk Road": state, problems and prospects]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsiya. Razvitiye)*. 2013. № 16. Pp. 76-83.
2. Lukin A. V. Ideya «ekonomicheskogo poyasa shelkovogo puti» i yevraziyskaya integratsiya [The idea of "economic zone Silk Road" and the Eurasian integration]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2014. № 7. Pp. 84-98.
3. Luzyanin S. G., Sazonov S. Ekonomicheskiy Poyas Shelkovogo Puti: model' 2015 goda [Economic belt of the Silk Road: Model 2015]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel' - Observer*. 2015. № 5. Pp. 35-46.
4. Remyga V.N., Padalko V.I. Novaya global'naya strategiya Kitaya - Ekonomicheskiy poyas Shelkovogo puti. Ekonomicheskiy poyas Shelkovogo puti [China's new global strategy - economic belt of the Silk Road. The economic zone of the Silk Road]. Moscow: Russkiy biograficheskiy institut. 2015. Pp. 61-71
5. Sazonov S.L., Kudryavtsev Ye.S., U TSzy. Transportnaya sostavlyayushchaya proyektov sopryazheniya Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti [The transport component projects conjugation of the Eurasian Economic Union and the economic belt of the Silk Road]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2015. № 2. Pp. 47-58.
6. Xi Jinping. Sovmestnoye stroitel'stvo ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti. - Ekonomicheskiy poyas Shelkovogo puti [Joint construction of the economic zone of the Silk Road. - The economic zone of the Silk Road]. Moscow: Russkiy biograficheskiy institut; Institut ekonomicheskikh strategiy. 2015. Pp. 8-14
7. Xi Jinping. Sovmestnoye stroitel'stvo morskogo Shelkovogo puti XXI v. - Ekonomicheskiy poyas Shelkovogo puti [Joint construction of maritime Silk Road of XXI century. - The economic zone of the Silk Road]. Moscow: Russkiy biograficheskiy institut; Institut ekonomicheskikh strategiy. 2015. Pp. 15-20

About the author

Andrey I. Litvinov – post-graduate student at Diplomatic academy MFA of Russia.
E-mail: landronik@yandex.ru.

СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В.В. Павлов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. Россия, 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 84.

Совет национальной безопасности США, созданный в соответствии с положениями Закона о национальной безопасности 1947 г., является главным совещательным органом при президенте республики, призванным помочь главе государства принять правильные решения по вопросам, находящимся в плоскости национальной безопасности. Система СНБ за свою почти семидесятилетнюю историю постоянно эволюционировала, а его аппарат постепенно превратился в отдельное «министерство», позволяя президентам сосредоточивать в Белом доме всевозрастающий контроль над американской внешней политикой. Именно поэтому Совету национальной безопасности уделяется серьёзное внимание со стороны американских исследователей внешнеполитического механизма. В американской научной литературе, посвящённой данной проблематике, существует своеобразный трёхаспектный консенсус: функционирование и эффективность процесса принятия решений является, в первую очередь, результатом действий президента; президент примет наилучшее решение, выслушав весь спектр возможных альтернатив и оценив последствия каждого из вариантов политики; должность советника по вопросам национальной безопасности, который зачастую является одним из наиболее приближённых к президенту должностных лиц и выступает координатором системы принятия решений, становится одной из ключевых в современных американских президентских администрациях и самой влиятельной из не подлежащих утверждению со стороны законодательной ветви власти США. Какие-либо фундаментальные изменения в практике работы внешнеполитического механизма США, как и снижение влияния Белого дома на сферу внешней политики, в ближайшей перспективе представляются маловероятными.

Ключевые слова: США, Закон о национальной безопасности, Совет национальной безопасности, президент США, советник по вопросам национальной безопасности, Конгресс США, внешнеполитический механизм, принятие решений, «честный брокер».

Проблема принятия внешнеполитических решений в США всегда привлекала внимание американских аналитиков. Однако доля этих исследований в общем массиве работ, посвящённых внешней политике государства, несмотря на актуальность, остаётся относительно незначительной, а сама проблема малоизученной, что и обусловило проведение настоящего исследования. Центральное место в формировании внешней политики лидера современной системы международных отношений занимает Совет национальной безопасности, изучение функционирования которого является принципиально важным для прогнозирования американских внешнеполитических акций. Каков механизм окончательного принятия внешнеполитического решения, роль президента и Совета в нём? – вопросы, стоящие на повестке дня аналитиков современной внешнеполитической мысли.

Использование подходов и методов определяется проблематикой данной работы. Преимущество системного подхода, дающего возможность изучить объект как единое целое, обнаружить причинные связи, выявить детерминанты, в сочетании с положениями неонституционализма, позволяет представить Совет национальной безопасности не только в качестве составной части массивного внешнеполитического механизма США, но и самодостаточной «системы в себе», функционирование которой остро зависит от особенностей её структуры, внутреннего взаимодействия участников процесса принятия решений и человеческого фактора. Неонституциональное направление современной политической мысли позволяет рассматривать вышеуказанную проблему сквозь призму фактора неопределённости, ограниченности или сознательного искажения информации, многообразия поведенческой мотивации людей. Основной методологический подход неонституционализма – принцип «методологического индивидуализма». Неонституционалисты считают, что поведение «коллектива» подчиняется воле отдельных людей, а государственные структуры, в свою очередь, тоже состоят из отдельных личностей, которые характеризуются различной степенью эгоизма и рациональности, поведение которых подчиняется тем же универсальным законам.

Метод анализа ситуации с использованием аналитических методик, в частности, изучение документов, позволяющее проанализировать и обобщить полученную информацию, а сравнительный метод, направленный на выявление сходства и различия, сопоставление изменений и их причин, даёт возможность сопоставить позиции экспертов по данному вопросу и получить научно-значимые выводы. В конечном итоге производится синтез изучаемого материала для последующего выстраивания, насколько это возможно, обобщённого видения американскими специалистами функционирования системы СНБ.

Данные методы дают возможность получения новой информации на основе систематизации уже известной, которая подлежит дальнейшей обработке для повышения уровня объективности. При этом необходимо делать поправку на проблему источников информации и её достоверности, наличия и полноты базы данных, пользу на уровне описания, а не объяснения причины принятия того или иного решения. К тому же не следует забывать, что в системе международных процессов доминируют стохастические процессы, что обуславливает относительность прогноза развития ситуации.

Изучение материалов позволило всю существующую американскую научную литературу в данном сегменте условно разделить на три группы. Первую группу, на которой далее и фокусируется внимание автора, составляют работы, посвящённые теоретическим аспектам функционирования Совета и перспективам его реформирования. Ко второй относятся «прикладные» исследования, в которых анализируются наиболее показательные кейсы для каждой отдельной президентской администрации и делаются обобщения и выводы относительно эффективности работы Совета при правлении конкретного президента. Третью группу составляют научные работы, посвящённые частным вопросам внешней политики США (борьба с терроризмом, региональная политика и т.п.), решение которых требует непосредственного участия президента США и его советников.

Закон о национальной безопасности США, по сей день регулирующий вопросы, связанные с принятием внешнеполитических решений и соответствующей межведомственной координацией, был подписан президентом Соединённых Штатов Америки Гарри С. Трумэном 26 июля 1947 г. Пункт, касающийся создания Совета национальной безопасности, отмечен в Секции 101 первого Раздела «Координация национальной безопасности». Изначально в состав Совета были включены президент, государственный секретарь, представители оборонного блока и глава Управления ресурсов национальной безопасности. В соответствии с Законом, главная цель структуры – «советовать президенту США в вопросах согласования внутренней, внешней и военной политики [...] с целью обеспечения более эффективного сотрудничества [...] по вопросам, которые касаются сферы национальной безопасности» [20].

Согласно закону, Совет национальной безопасности должен был быть исключительно совещательным органом, а президент мог назначать его членов только с согласия Сената [25]. В то же время отмечается, что возможные изменения в организации Совета национальной безопасности и тот факт, что Совет должен был служить в качестве совещательного органа при президенте, означали, что организация менялась бы в зависимости от желаний каждого нового главы государства [3, с. 7]. Специалисты также

обращают внимание на то, что кроме крайне широкого определения круга фигур, которые должны принимать участие в процессе формирования политики, не существует отдельных законов или директив, которые описывали бы, как именно должны приниматься решения по вопросам национальной безопасности [26, с. 5].

Со временем была выработана позиция, согласно которой президент имеет доступ к важной секретной информации и, соответственно, лучше других может выносить суждения о необходимости определённых решений и действий; соответственно был сформирован тезис о том, что во внешней политике именно президент несёт «груз сомнений», а его действия будут оправданными [1, с. 183]. Также можно утверждать, что у американской академической общественности, которая занимается исследованием вопроса принятия внешнеполитических решений, существует определённый консенсус относительно того, что президент примет лучшее возможное решение после ознакомления с различными реалистичными вариантами политики. Так, Александр Джордж (Alexander George) считает, что президент должен быть уверен, что система принятия решений предлагает ему максимально возможный спектр альтернатив; этого можно достичь через создание и функционирование системы, в которую попадают разные позиции целого ряда советников и министерств («multiple advocacy» system) [16; 17].

Среди американских исследователей также распространено мнение, что существует некий «фундаментальный принцип»: функционирование процесса принятия решений является результатом решений именно президента. Несмотря на все другие факторы, главным остаётся то, чего хочет главнокомандующий, какую власть он делегирует участникам процесса принятия решений и как должностные лица проводят свою работу с учётом их понимания того, чего больше всего желает президент в этом отношении. Кроме того, практика показывает, что президент, который не желает глубоко погружаться во внешнеполитические вопросы и реализацию решений, делегирует эту власть госсекретарю; в противном случае президент, как правило, полагается на советника по вопросам национальной безопасности (СВНБ). При этом фактическая роль госсекретаря напрямую зависит от личных отношений с президентом, а сами чиновники, занимающие эту должность, действуют, опираясь на собственный круг приближённых подчинённых [1, с. 152, 158; 26, с. 12, 31].

Также считается, что система, созданная в 1947 г., предусматривает необходимость нахождения у власти «сильного плебисцитного президента». На практике, когда внешняя политика каждого конкретного президента находила широкую поддержку в США, Конгресс «позволял» Белому дому по своему усмотрению регулировать процесс принятия решений. В противоположных случаях, Конгресс начинал увязывать

этот процесс с внутренней политикой, высказывая критику и пытаясь пересмотреть структуру и функции системы. До создания «классической системы» в конце 1980-х – начале 1990-х гг., президенты-демократы, начиная с Г. Трумэна, имели тенденцию делегировать вопросы национальной безопасности министерствам, отдавая предпочтение менее структурированным системам и неформальным процедурам. В свою очередь, президенты-республиканцы с Дуайта Дэвида Эйзенхауэра рассматривали Совет национальной безопасности в качестве главного инструмента для обсуждения проблем безопасности и, в общем, предпочитали формализованные схемы и структурированность системы. Кроме того, с 1947 г. Конгресс не внёс фундаментальных изменений в формулировки целей, функций и обязанностей Совета национальной безопасности. Каждый президент адаптировал систему принятия решений в соответствии с собственным видением того, что необходимо для национальной безопасности США. При этом Совет, аппарат СНБ и система СНБ со временем эволюционировали. Принято считать, что эта эволюция, в основном, была следствием политики президентов, которая коренилась в необходимости решения постоянно усложняющейся задачи организации и оптимизации национальной безопасности Соединённых Штатов [4, с. iii-iv, 47, 81].

Существует ряд причин эволюции аппарата СНБ. Во-первых, любая организация со временем (особенно, если она существует десятилетиями) институционализируется и даже бюрократизируется. Во-вторых, проблемы внешней политики, которые приходится решать, со временем множатся количественно и становятся многомерными. В-третьих, внутренняя политика (politics) не заканчивается на том месте, где начинается внешняя (foreign affairs).

Участники Проекта для реформы национальной безопасности (The Project for National Security Reform), запущенного при поддержке Конгресса и считающегося одной из самых комплексных попыток за последнее десятилетие на экспертном уровне проанализировать процесс принятия решений по вопросам национальной безопасности, в 2008 г. в своём докладе отмечали, что взаимоотношения в системе принятия решений всегда отражают качества президента как менеджера. При этом глава государства чаще предпочитал менять характер этих взаимоотношений, но не реформировать сами учреждения. Эксперты, однако, пришли к выводу, что существующая организационная структура страдает из-за плохой координации, что подвергает Соединённые Штаты опасности [13; 22].

С позиций неонституционализма динамика взаимоотношений, характер группы советников и их персоналии имеют значительно большее влияние на результаты работы системы принятия решений, чем её структура. На практике,

президент полагается не на формализованный Совет национальной безопасности как таковой, а на динамическую по своей сути *ad hoc* группу ближайших советников [23, с. 445]. Также считается, что «сильный» советник и влиятельный аппарат СНБ стали неотъемлемой характеристикой эффективной системы принятия решений, особенно в ситуации, когда сам президент не идёт дальше декларирования широких абстрактных целей [3, с. 20]. При этом по мнению бывшего советника по вопросам национальной безопасности Збигнева Бжезинского, Совет национальной безопасности может пользоваться большим влиянием только в ситуации, в которой президент позиционирует себя в качестве ключевого игрока в формировании внешней политики [5].

Сравнительный метод исследования позволяет констатировать, что исследователи в большинстве своём считают, что Совет национальной безопасности смог достаточно качественно решать проблемы межведомственной координации. Так, в исследованиях Центра Г.Л.Стимсона (The Stimson Center) подчёркиваются достижения Совета в формировании единой политической линии среди разрозненных государственных учреждений [24]. Аналитики также отмечают, что Совет национальной безопасности и его аппарат в целом работали достаточно эффективно, а возможные проблемы были связаны с необходимостью адаптации системы координации и принятия решений под современные реалии [12].

При этом существуют альтернативные взгляды на практику функционирования Совета национальной безопасности – не столько сравнительно малочисленные, сколько немейнстримовские и, соответственно, иногда менее заметные в общем научном дискурсе. Отмечается, что президенты США выстраивали работу СНБ по своему усмотрению скорее для реализации собственных взглядов на проблемы внешней политики, а не для обеспечения возможностей для проведения объективного анализа проблем национальной безопасности [11]. В американской литературе также существует мнение, что аппарат СНБ попал в слишком большую зависимость от президента США, превратившись из координатора идей в лоббиста, который навязывает другим ведомствам позицию президента [19].

Некоторые исследователи вообще скептически относятся к возможностям системы межведомственной координации политики в условиях сохранения существующей в Вашингтоне «бюрократической философии», которая способствует конкуренции между министерствами и ведомствами для реализации собственных интересов, а не достижению консенсуса, когда этими интересами, разумеется, приходится поступаться [18]. Отмечается, что центральной также является проблема нехватки межведомственной «культуры общения», что особенно ярко

иллюстрируется на примере взаимодействия Пентагона и Госдепартамента [10]. По мнению известного политического деятеля и исследователя, советника Джона Фицджеральда Кеннеди и Линдона Джонсона Роджера Хилсмана-мл. (Roger Hilsman, Jr.), точка зрения, что процесс принятия решений является всеобъемлющим и рациональным, таким, в процессе которого участники руководствуются определёнными высокими принципами, является ложным. Не может быть всеобъемлющего изучения всех возможных последствий альтернатив; компромиссы являются временными и противоречивыми; влияние президента на исполнительную власть ограничено и не всегда эффективно; между ведомствами и в самих ведомствах происходят конфликты, симптомом чего становятся «сливы» в СМИ конфиденциальной или даже секретной информации [2, с. 36-38].

Отдельную условную группу составляют работы, посвящённые роли советника президента по вопросам национальной безопасности во внешнеполитическом механизме США. Именно этот чиновник, помимо президента США, часто является наиболее интересной фигурой для исследователей этой проблематики.

В американской литературе распространён взгляд на успешного СВНБ как на «честного брокера» (*honest broker*) – такого чиновника, который, в процессе принятия важного решения нейтральным образом представит президенту все имеющиеся альтернативы [6; 7; 8; 21].

Доктор Чарльз Стивенсон (Charles A. Stevenson), сотрудник Школы передовых международных исследований им. П.Нитце Университета Джонса Хопкинса (Nitze School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University) отмечает, что президент создал должность СВНБ по своему усмотрению, а аппарат СНБ постоянно менял свои масштабы. В некоторых администрациях наблюдался значительный рост роли влияния СВНБ, выполнения им нетипичных для своей должности функций. Тем не менее, Конгресс ещё ни разу не принимал серьёзные меры для противодействия этой тенденции. Автор также отмечает, что нехватка времени накладывает ограничения на количество проблемных вопросов, которые привлекают внимание ключевых чиновников. При этом в кризисных ситуациях все другие вопросы отходят на второй план. При таких обстоятельствах для президента является проблемным контролировать разработку политики по всем важным вопросам и определять ответственных за результаты [25].

Исследователи соглашаются, что работа самого советника является крайне непростой. Кроме признанных функций и задекларированных полномочий, СВНБ должен пользоваться доверием президента и ключевых игроков, участвующих в процессе согласования политики, американских СМИ, иностранных лидеров и представителей их министерств. советник дол-

жен регулировать процесс принятия решений и налаживать сотрудничество между представителями министерств и ведомств.

Специалист Исследовательской службы Конгресса США Ричард Бест-мл. (Richard A. Best, Jr.) считает, что должность СВНБ стала одной из ключевых в президентских администрациях США благодаря, в основном, большому влиянию Генри Киссинджера и З.Бжезинского. З.Бжезинский первый раз в истории американского правительства (и до этого момента – последний) даже получил статус члена президентского Кабинета. В своей организации и деятельности Совет национальной безопасности почти все-сторонне зависит от предпочтений и методов работы президента и Администрации, поэтому крайне трудно предложить его единую структуру, хотя некоторые исследователи считают, что система, которая была создана в конце каденции Рональда Рейгана и подхвачена его преемниками, вероятно, сохранится и в дальнейшем. Значительное уменьшение роли аппарата СНБ маловероятно. Функции и роль аппарата СНБ зависят от фигуры президента и СВНБ, необходимости реагировать на кризисы и проблемы национальной безопасности [26, с. 29]. Также считается, что президенты становились мишенью значительной критики из-за повышения роли СВНБ в принятии решений за счёт уменьшения влияния государственного секретаря [3, с. 24, 26-27].

Иво Даалдер (Ivo H. Daalder) и Ирвин Дестлер (Irvin M. Destler), которые имеют долгую историю профессионального сотрудничества и являются директорами «Проекта «Совет национальной безопасности»», основываясь на материалах двух круглых столов, которые были проведены в 1999 г. [14] и 2001 г. [15] с участием бывших советников по вопросам национальной безопасности, предлагают взгляд на эту должность с позиции тех людей, которые сами занимали её.

Авторы исследования и участники круглых столов приходят к выводу, что всё многообразие функций (ролей), которые выполняет СВНБ, можно условно свести к трём: функции координации/менеджмента процесса принятия решений, операциональной и публичной функции.

Координация межведомственного процесса принятия решений является сложной процедурой для СВНБ. советник должен быть эффективным и надёжным «честным брокером» в работе со всеми участниками процесса принятия решений, но при этом учитывать, что президент будет ожидать наилучшего возможного совета, включая и мнение СВНБ. советник также обязательно должен убедиться в том, что взгляды президента представлены в процессе принятия решений на его ранних стадиях. Хороший СВНБ должен всегда помнить золотое правило Администрации Д.Эйзенхауэра «президент всегда прав!». В то же время, советнику крайне важно указывать президенту, если это не так, при этом, однако, не доводя до конфликтов – особенно

тех, которые выйдут за стены Белого дома. На публике советник всегда должен быть «рядом» со своим президентом. Проблемой может стать ситуация, в которой настойчивый президент сам сформирует консенсус относительно определённого направления политики (как, например, это было в Администрации Джорджа Уокера Буша в случае с Ираком). Любой советник президента является эффективным только при условии сохранения доверия Главнокомандующего, поэтому такой чиновник вряд ли пойдёт (или сделает это удачно) против такого консенсуса. В таких ситуациях, когда подобный консенсус способен привести к потенциально негативным последствиям, появляется необходимость СВНБ проводить активные действия с целью поставить такое решение под вопрос, даже если этого не желает сам президент.

Несмотря на своеобразное табу на операциональную роль – особенно после событий Иран-контрас, – советники продолжают отправляться в заграничные командировки и встречаются с представителями других государств. Так что вопрос не в том, что операциональной роли не должно быть, а в том, где проходят «границы дозволенного». Такая ситуация может стать реальностью, поскольку президент, как правило, хорошо знает своих советников и имеет доверие к их штату – в отличие, иногда, от государственного секретаря и, обычно, всего Государственного департамента, к которым у президента может быть развито недоверие (например, Дж.Кеннеди, Ричард Никсон, Дж.У.Буш). Другие президенты могут просто желать оставить себе центральную роль в вопросах внешней политики (например, Джеймс Эрл Картер-мл., Джордж Герберт Уокер Буш, а также Дж.Кеннеди, Р.Никсон). Иной причиной такой ситуации может стать убеждённость, что решение проблемы «утонет» в бюрократических водах «океана» под названием Государственный департамент (ярким примером такого условного «волюнтаризма» является Г.Киссинджер). При этом СВНБ может получать карт-бланш от президента при осведомлённости Госсекретаря на такую операциональную функцию: обычно это связано с командировками, которые открыто не афишируются, с целью решения конкретных проблем (например, З.Бжезинский, Брент Скоукрофт, Энтони Лейк, Сэнди Бергер, Кондолиза Райс и Стивен Хэдли).

Что касается публичной функции, то, несмотря на мнение Б.Скоукрофта, что СВНБ «должны видеть время от времени, а слышать ещё реже», иногда наблюдается противоположная тенденция [9].

Некоторые специалисты считают, что значительное влияние советника автоматически рано или поздно приведёт к желанию включить его в список должностных лиц, кандидатуры которых требуют утверждения через Сенат. В таком случае, считают противники идеи, выбор кандидатуры советника станет мотивироваться поли-

■ Мировая политика

тическими соображениями. Аппарат СНБ может оказаться вне системы принятия решений, если потеряет доверие президента, или станет слишком формализованным из-за интересов законодательной ветви власти. Необходимость назначения СВНБ через Сенат негативно повлияет на прерогативу президента свободно назначать своих ближайших подчинённых. Для советника это будет означать необходимость появляться на Капитолийском холме для участия в слушаниях, что не только негативно повлияет на его рабочий график, но и затронет главную функцию СВНБ – предоставление, весьма нередко, неформального и конфиденциального совета президенту США [3, с. 30].

Идея утверждения кандидатуры СВНБ через Конгресс – к слову, отвергнутая Комиссией Тауэра, работавшей по результатам Иран-контрас, – не находит поддержки и среди бывших советников, поскольку это заставит СВНБ участвовать в работе различных комиссий, будет отбирать значительное время и создаст коллизию, поскольку кроме президента только Госсекретарь может таким образом отвечать за внешнюю политику (З.Бжезинский). Это навредит возможности СВНБ давать конфиденциальные советы президенту (С.Бергер), возымеет негативный эффект на процесс формирования политики при том, что, как показал пример Р.Рейгана, система ответственности уже предусмотрена в американском законодательстве (Фрэнк Карлуччи) [9].

Американские специалисты, таким образом, в целом позитивно оценивают создание юридических рамок для функционирования системы принятия решений по вопросам национальной безопасности, отмечая ключевое значение, ко-

торое оказывают президентский фактор и личность советника по вопросам национальной безопасности на эффективность работы этой системы. Несмотря на сложности и ошибки, которые возникают в процессе работы системы СНБ (такие как, например, «Ирангейт» при Р.Рейгане, принятие решения об интервенции в Ирак при Дж.У.Буше, отсутствие внятной стратегии по Сирии при Бараке Обаме), какие-либо кардинальные изменения в функционировании системы принятия внешнеполитических решений в ближайшее время весьма маловероятны – они бы потребовали как максимально широкого консенсуса в Вашингтоне, так и смены всей стратегической культуры и бюрократических традиций в США. Напротив, последующие администрации продолжат тенденцию на концентрацию контроля над принятием внешнеполитических решений в Белом доме, которая уже достигла, в терминах американских исследователей, чрезвычайных масштабов при нынешней демократической Администрации Б.Обамы. Вмешательство законодательной ветви власти будет возможно лишь в случае повторения скандала масштабов Иран-контрас, что является маловероятным, в том числе, и благодаря выводам, сделанным из этого кризиса. В свою очередь, бюрократические баталии за «сердце и ум» американского президента будут и далее продолжаться за закрытыми дверями Совета национальной безопасности, нередко негативно влияя на функционирование системы принятия решений. Однако это не будет иметь принципиального значения в условиях сохранения (пусть и ослабевающей) американской глобальной гегемонии в мире.

Список литературы

1. Механизм формирования внешней политики США / Отв. ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесный. М.: Наука, 1986. 205 с.
2. США: внешнеполитический механизм: организация, функции, управление / Отв. ред. Ю.А. Шведков. М.: Наука, 1972. 368 с.
3. Best, Jr. R.A. The National Security Council: An Organizational Assessment URL: <http://nsarchive.chadwyck.com/marketing/index.jsp> (проверено 18.08.2016 г.).
4. Brown C.M. The National Security Council: A Legal History of the President's Most Powerful Advisers URL: <http://0183896.netsolhost.com/site/wp-content/uploads/2011/12/the-national-security-council.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
5. Brzezinski Z. *The NSC's Midlife Crisis* URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/1148589?uid=3739232&uid=2&uid=4&sid=21105222306183> (проверено 18.08.2016 г.).
6. Burke J.P. *Condoleezza Rice as NSC Adviser: A Case Study of the Honest Broker Role* URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1741-5705.2005.00264.x/pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
7. Burke J.P. *Honest Broker? The National Security Adviser and Presidential Decision Making* College Station: Texas A&M University Press, 2009. 504 p.
8. Burke J.P. The Neutral/Honest Broker Role in Foreign-Policy Decision Making: A Reassessment URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/27552681?uid=3739232&uid=2&uid=4&sid=21104995603423> (проверено 18.08.2016 г.).
9. Daalder I.H., Destler I.M. *How National Security Advisers See Their Role* URL: http://www.cissm.umd.edu/papers/files/how_national_security_advisors.pdf (проверено 18.08.2016 г.).

10. Desai S.B. Solving the Interagency Puzzle URL: <http://www.hoover.org/research/solving-interagency-puzzle> (проверено 18.08.2016 г.).
11. Destler I.M. National Security Advice to U.S. Presidents : Some Lessons from Thirty Years URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2010089?uid=3739232&uid=2&uid=4&sid=21105062870543> (проверено 18.08.2016 г.).
12. Deutch J., Kanter A., Scowcroft B. Strengthening the National Security Interagency Process URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/KTE_ch10.pdf (проверено 18.08.2016 г.).
13. Forging a New Shield. Report of the Project on National Security Reform URL: http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2009/0103/comm/pnsr_report.html (проверено 18.08.2016 г.).
14. Forum on the Role of the National Security Advisor. The Brookings-Maryland project on the National Security Council URL: <http://www.brookings.edu/fp/research/projects/nsc/transcripts/19991025.htm> (проверено 18.08.2016 г.).
15. Forum on the Role of the National Security Advisor. Woodrow Wilson International Center for Scholars URL: <http://webcast.rice.edu/speeches/20010412secadv.html> (проверено 18.08.2016 г.).
16. George A.L. The Case for Multiple Advocacy in Making Foreign Policy // American Political Science Review. 1972. No. 66(3). Pp. 751-795.
17. George A.L. Presidential Decisionmaking in Foreign Policy: The Effective Use of Information and Advice Boulder : Westview Press, 1980. 288 p.
18. Gorman M.J., Krongard A. A Goldwater-Nichols Act for the U.S. Government: Institutionalizing the Interagency Process URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA479861> (проверено 18.08.2016 г.).
19. Lucynski III J.A. An Interagency Reform Act: Preparing for Post-Conflict Operations in the 21st Century URL: <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA432527> (проверено 18.08.2016 г.).
20. National Security Act URL: <http://intelligence.senate.gov/nsaact1947.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
21. Porter R.B. Presidential Decision Making: The Economic Policy Board New York : Cambridge University Press, 1980. 280 p.
22. Project on National Security Reform. Preliminary Findings. July 2008 URL: <http://0183896.netsolhost.com/site/wp-content/uploads/2011/12/pnsr-preliminary-findings-july-2008.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
23. Rothkopf D. Running the World: The Inside Story of the National Security Council and the Architects of American Power New York : PublicAffairs, 2006. 576 p.
24. Schall J. Equipped for the Future: Managing U.S. Foreign Affairs in the 21st Century URL: <http://www.stimson.org/images/uploads/research-pdfs/equipped.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).
25. Stevenson C.A. Underlying Assumptions of the National Security Act of 1947 URL: <https://www.hsdl.org/?search&page=1&advanced&all=National+Security+Council&any&exact&without&begindate=2001-01-01&enddate=2009-02-02&searchfield&collection=limited&submitted=Search> (проверено 18.08.2016 г.).
26. Whittaker A.G., Brown S.A., Smith F.C., McKune E. The National Security Policy Process: The National Security Council and Interagency System URL: <http://issat.dcaf.ch/eng/content/download/17619/205945/file/ica-f-nsc-policy-process-report-08-2011.pdf> (проверено 18.08.2016 г.).

Об авторе

Павлов Владимир Владимирович – аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: vladimir.v.pavlov@inbox.ru.

THE U.S. NATIONAL SECURITY COUNCIL IN CONTEMPORARY AMERICAN INTERNATIONAL STUDIES

V.V. Pavlov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571.

Abstract: *Established in accordance with the provisions of the National Security Act of 1947, the U.S. National Security Council is the main advisory body to the President of the United States tasked with helping the head of state to make the right decisions on matters related to national security. NSC system has been constantly evolving for some 70 years, and the NSC staff became a separate 'ministry' of a kind, allowing presidential administrations to focus ever-increasing control over American foreign policy in*

■ Мировая политика

the White House. That is why serious attention is devoted to the National Security Council by American researches studying foreign policy decision-making. Here, a 'three-pronged consensus' exists: functioning and efficiency of the decision-making process is primarily a result of presidential actions; the President will make the best decision after becoming aware of the whole range of possible alternatives and assessing the consequences of each policy option; the position of the National Security Advisor, who is often one of the closest officials to the President and serves as a coordinator of the decision-making process, is considered to be one of the most notable in today's U.S. presidential administrations – and the most influential of those not being a subject to approval by the legislative branch of U.S. government. Any fundamental changes in the practice of U.S. foreign policy mechanism, as well as a decline of the White House influence on foreign policy are unlikely in the short term.

Key words: U.S.A., National Security Act, National Security Council, the U.S. President, National Security Advisor, the U.S. Congress, foreign policy mechanism, decision-making, “honest broker”.

References

1. Trofimenko G.A., Podlesnyi P.T. (eds.). *Mekhanizm formirovaniia vneshnei politiki SShA* [The Mechanism of the U.S. Foreign Policy Making]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p. (In Russian)
2. Shvedkov Iu.A. (ed.) *SShA: vneshnepoliticheskii mekhanizm: organizatsiia, funktsii, upravlenie* [U.S.A.: Foreign-Policy Mechanism: Organization, Functions, Management]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 368 p. (In Russian)
3. Best, Jr. R.A. *The National Security Council: An Organizational Assessment*. URL: (restricted access): <http://nsarchive.chadwyck.com/marketing/index.jsp> (Accessed 20.03.2014).
4. Brown C.M. *The National Security Council: A Legal History of the President's Most Powerful Advisers*. URL: <http://0183896.netsolhost.com/site/wp-content/uploads/2011/12/the-national-security-council.pdf> (Accessed January 3.01.2016).
5. Brzezinski Z. *The NSC's Midlife Crisis*. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/1148589?uid=3739232&uid=2&uid=4&sid=21105222306183> (Accessed 18.03.2014).
6. Burke J.P. *Condoleezza Rice as NSC Adviser: A Case Study of the Honest Broker Role*. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1741-5705.2005.00264.x/pdf> (Accessed 5.01.2016).
7. Burke J.P. *Honest Broker? The National Security Adviser and Presidential Decision Making*. College Station, Texas A&M University Press, 2009. 504 p.
8. Burke J.P. *The Neutral/Honest Broker Role in Foreign-Policy Decision Making: A Reassessment*. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/27552681?uid=3739232&uid=2&uid=4&sid=21104995603423> (Accessed 18.03.2014).
9. Daalder I.H., Destler I.M. *How National Security Advisers See Their Role*. URL: http://www.cissm.umd.edu/papers/files/how_national_security_advisors.pdf (Accessed 4.01.2016).
10. Desai S.B. *Solving the Interagency Puzzle*. URL: <http://www.hoover.org/research/solving-interagency-puzzle> (Accessed 5.01.2016).
11. Destler I.M. *National Security Advice to U.S. Presidents: Some Lessons from Thirty Years*. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2010089?uid=3739232&uid=2&uid=4&sid=21105062870543> (Accessed 18.03.2014).
12. Deutch J., Kanter A., Scowcroft B. *Strengthening the National Security Interagency Process*. URL: http://belfer-center.ksg.harvard.edu/files/KTE_ch10.pdf (Accessed 4.01.2016).
13. *Forging a New Shield. Report of the Project on National Security Reform*. URL: http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2009/0103/comm/pnsr_report.html (Accessed 3.01.2016).
14. *Forum on the Role of the National Security Advisor*. The Brookings-Maryland project on the National Security Council. URL: <http://www.brookings.edu/fp/research/projects/nsc/transcripts/19991025.htm> (Accessed 4.01.2016).
15. *Forum on the Role of the National Security Advisor*. Woodrow Wilson International Center for Scholars. URL: <http://webcast.rice.edu/speeches/20010412secadv.html> (Accessed 4.01.2016).
16. George A.L. The Case for Multiple Advocacy in Making Foreign Policy. *American Political Science Review*. 1972. No. 66(3), Pp. 751-795.
17. George A.L. *Presidential Decisionmaking in Foreign Policy: The Effective Use of Information and Advice*. Boulder, Westview Press, 1980. 288 p.
18. Gorman M.J., Krongard A. A Goldwater-Nichols Act for the U.S. Government: Institutionalizing the Interagency Process. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA479861> (Accessed 5.01.2016).
19. Lucynski III J.A. *An Interagency Reform Act: Preparing for Post-Conflict Operations in the 21st Century*. URL: <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA432527> (Accessed 6.01.2016).

20. *National Security Act*. URL: <http://intelligence.senate.gov/nsaact1947.pdf> (Accessed 3.01.2016).
21. Porter R.B. *Presidential Decision Making: The Economic Policy Board*. New York, Cambridge University Press, 1980. 280 p.
22. *Project on National Security Reform. Preliminary Findings*. July 2008. URL: <http://0183896.netsolhost.com/site/wp-content/uploads/2011/12/pnsr-preliminary-findings-july-2008.pdf> (Accessed 3.01.2016).
23. Rothkopf D. *Running the World: The Inside Story of the National Security Council and the Architects of American*. New York, PublicAffairs, 2006. 576 p.
24. Schall J. *Equipped for the Future: Managing U.S. Foreign Affairs in the 21st Century*. URL: <http://www.stimson.org/images/uploads/research-pdfs/equipped.pdf> (Accessed 6.01.2016).
25. Stevenson C.A. *Underlying Assumptions of the National Security Act of 1947*. URL: <https://www.hsdl.org/?search&page=1&advanced&all=National+Security+Council&any&exact&without&begindate=2001-01-01&enddate=2009-02-02&searchfield&collection=limited&submitted=Search> (Accessed 4.01.2016).
26. Whittaker A.G., Brown S.A., Smith F.C., McKune E. *The National Security Policy Process: The National Security Council and Interagency System*. URL: <http://issat.dcaf.ch/eng/content/download/17619/205945/file/ica-f-nsc-policy-process-report-08-2011.pdf> (Accessed 3.01.2016).

About the author

Vladimir V. Pavlov – PhD student, Department of Political Science and Public Management, School of Public Policy, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: vladimir.v.pavlov@inbox.ru.

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОПБО ЕС: СТРУКТУРА И СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

М.С. Фёдоров

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются особенности системы органов управления деятельностью ЕС по урегулированию региональных кризисов, которая реализуется в рамках общей политики безопасности и обороны (ОПБО). Анализируются структура и специфика функционирования органов и подразделений, составляющих эту систему.

Автор выделяет три основных фактора, оказавших влияние на её конфигурацию. Во-первых, это проблема соотношения национального и наднационального уровней управления в ЕС. Учитывая чувствительный характер сферы обороны и безопасности, страны-члены союза предпочли оставить за ОПБО исключительно межгосударственный статус, что накладывает определённую специфику на принятие решений в этой области.

Во-вторых, ключевым внешним фактором стали отношения ЕС с НАТО и США. С одной стороны, при создании институциональной системы ОПБО альянс выступал в качестве образца для европейских стратегов. С другой, в Вашингтоне рассматривали стремление ЕС создать свой военно-оборонный потенциал как некое дополнение к НАТО и стремились удержать эти интеграционные процессы в рамках альянса.

В-третьих, конфигурация механизма ОПБО отражает концептуальный подход ЕС к урегулированию региональных кризисов, который предполагает сочетание военных и гражданских инструментов (так называемая «военно-гражданская синергия»). Были созданы две цепочки подразделений – для управления военными операциями и гражданскими миссиями соответственно.

Анализируя работу политических и исполнительных подразделений, реализующих антикризисную деятельность ЕС, автор приходит к выводу, что в целом созданная система органов отвечает потребностям союза в рассматриваемой сфере. По всей видимости, причины известной неэффективности ОПБО лежат в иной плоскости: в силу различных причин политического характера странам ЕС не удаётся использовать в должной мере те механизмы, которыми они располагают.

Ключевые слова: ОПБО, ЕС, ОВПБ, международная безопасность, региональные конфликты, урегулирование конфликтов, миротворчество, институты ЕС, военные операции, гражданские миссии.

Окончание холодной войны и распад bipolarной системы мирового порядка породили множество надежд и иллюзий по поводу наступления качественно нового, бесконфликтного периода в МО и «конца истории». Реальность оказалась менее радужной: напротив, число различного рода конфликтов существенно возросло практически во всех регионах мира, включая Европу. Такая тенденция стала серьёзным вызовом для международного сообщества, в том числе для Европейского союза (ЕС), и потребовала наращивания деятельности по урегулированию кризисов.

Вот уже более 15 лет ЕС развивает и реализует на практике общую политику безопасности и обороны (ОПБО), главной задачей которой является осуществление антикризисного реагирования. За это время в рамках ОПБО было проведено более 30 военных операций и гражданских миссий. Действия ЕС в рассматриваемой области имеют широкий географический охват, что позволяет союзу позиционировать себя в качестве международного актора в сфере безопасности.

ОПБО получила достаточно широкое освещение в зарубежной и отечественной научной литературе: был изучен процесс её формирования [3, 6, 17, 19], практическая деятельность по урегулированию кризисов (операции и миссии) [2, 6, 11, 12], проблемы, с которыми столкнулись европейские страны на данном направлении [19, 20, 22]. Среди отечественных работ, посвящённых ОПБО, следует особо выделить труды В.В.Журкина, Д.А.Данилова, В.Г.Барановского, Н.К.Арбатовой. При этом большинство исследований носят преимущественно исторический характер: они сосредоточены на эволюции общей политики в области безопасности и анализируют её на «макроуровне». В то же время конфигурация и особенности функционирования механизма управления ОПБО зачастую остаются без должного внимания. В настоящей статье сделана попытка рассмотреть специфику этого механизма и более детально проанализировать работу различных органов и подразделений, которые реализуют деятельность ЕС по управлению кризисами на практике.

В качестве методологической основы анализа в статье используются теоретические положения социологического институционализма. В рамках данного направления акцент сделан на том, что зачастую строение и функционирование институтов определяется не столько соображениями рациональности и эффективности, сколько «логикой соответствия», социально-политическими и культурными установками их участников.

Особенности структуры органов ОПБО

Процесс формирования структуры органов ОПБО был трудным и длительным, на него оказывали влияние как внутренние, так и внешние по отношению к ЕС факторы, определившие, в

конечном итоге, особенности институционального дизайна общей политики в сфере обороны и безопасности. Остановимся на трех наиболее важных аспектах становления этих структур.

Во-первых, в рамках Европейского союза строительство ОПБО как составной части общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) стало одним из наиболее ярких проявлений проблемы соотношения полномочий между национальным и наднациональным уровнями политического управления. В связи с тем, что сферы внешней политики, безопасности и обороны являются наиболее чувствительными для любого государства – страны ЕС не являются исключением – ОПБО практически целиком носит межгосударственный характер [4, с. 62]. Так, все решения в рамках этой политики принимает Совет ЕС – межгосударственный орган, а три основных комитета, разрабатывающих вопросы ОПБО – Комитет по политике и безопасности, а также подотчётные ему Военный комитет и Комитет по гражданским аспектам кризисного регулирования – состоят из представителей стран ЕС, т.е., по сути, тоже являются межгосударственными. Что касается наднациональной составляющей механизма ОПБО, то её олицетворяет Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности вместе с находящимися в его ведении профильными подразделениями Европейской службы внешних действий (ЕСВД). Однако следует отметить, что эти подразделения являются исполнительными и отвечают за «оперативную» фазу планирования и осуществления военных операций и миссий, в то время как «политико-стратегическое» управление антикризисной деятельностью остаётся исключительной прерогативой межгосударственных органов. С одной стороны, это обеспечивает странам ЕС надёжный контроль за сферой безопасности и обороны, но с другой, принцип консенсуса при голосовании в Совете ЕС затрудняет принятие решений, в том числе в ситуациях, требующих быстрой реакции¹. Таким образом, деление процесса планирования и реализации ОПБО на политико-стратегическую и оперативную фазы, которое многие исследователи небезосновательно считают искусственным, негативно сказывается на эффективности антикризисного механизма ЕС.

Во-вторых, определяющим внешним фактором для строительства общей политики безопасности и обороны стали отношения Евросоюза с НАТО и США. Североатлантический альянс изначально выступал в качестве некоего образца для европейских стратегов, что во многом объясняет схожесть системы органов управления ОПБО со структурами альянса. Действительно, во главе стоят политические комитеты, состоящие из послов-представителей, которые в своей работе опираются на военные комитеты. Эти комитеты, в свою очередь, руководят воен-

¹ В этом плане очень показателен пример обострения ситуации в Мали в начале 2013 г.

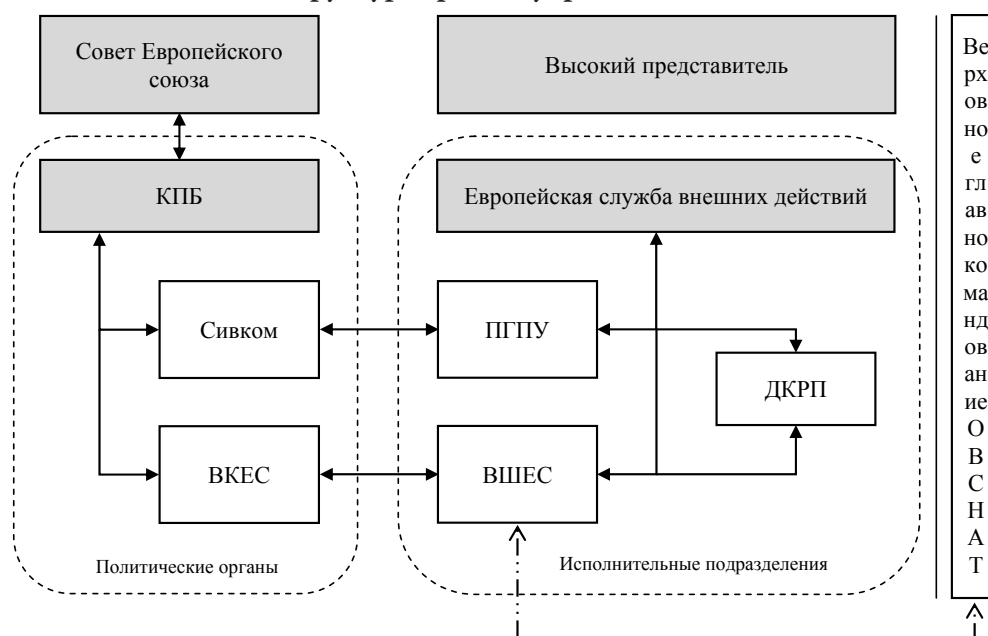
ными штабами (в случае ЕС таким же образом организованы подразделения, занимающиеся гражданскими аспектами кризисного урегулирования). Создание механизма ОПБО «по образцу и подобию» НАТО было логичным и закономерным решением. Во-первых, альянс является одной из наиболее эффективных (по крайней мере, по мнению его государств-членов) военно-политических организаций в мире. Руководство ЕС не могло позволить себе экспериментировать с институциональной структурой ОПБО, поскольку в случае неудачи развитие интеграции в новой области могло оказаться под угрозой. Во-вторых, Евросоюз был заинтересован в том, чтобы его собственные структуры обороны и безопасности были совместимы с натовскими и могли легко координировать совместные действия. В то же время строительство ОПБО как «второго НАТО» не могло не вызвать обеспокоенность США, которые явно не желали, чтобы ЕС зашёл слишком далеко в реализации поставленной родоначальниками новой политики задачи – обретении относительной самостоятельности в военно-политической сфере. Подтверждением этого тезиса является и формула для ОПБО, на которой изначально настаивал Вашингтон, – «separable, but not separate» [21], т.е. «отделяемый, но не отдельный» от НАТО потенциал. Кроме того, позиция США сыграла не последнюю роль в политических разногласиях между странами ЕС по поводу создания постоянного оперативного штаба [22, р. 7]. Его отсутствие также негативно сказывается на способности союза осуществлять антикризисную деятельность.

Наконец, конфигурацию механизма органов управления ОПБО определила специфика подхода ЕС к урегулированию конфликтов. Концепция общей политики в области обороны эволюционировала, и вместе с ней изменялась и

адаптировалась система её подразделений: изначально европейское руководство делало акцент на военной составляющей [14, р. 132], однако к середине 2000-х гг. на первый план вышла идея сочетания военного потенциала с гражданским, так называемая «военно-гражданская синергия» [20, р. 13]. Гражданский компонент ОПБО включает в себя помощь проблемным странам в правоохранительной, судебной, таможенной сферах, строительство современных демократических институтов, наблюдение за соблюдением прав и свобод человека. На сегодняшний день из 36 операций и миссий, организованных в рамках ОПБО, 26 носили гражданский характер. Их проведение было бы невозможным без соответствующей институциональной базы, основой для которой стал созданный ещё в 2000 г. Комитет по гражданским аспектам кризисного регулирования (Civilian Crisis Management Committee, Civcom). Однако вплоть до второй половины 2000-х гг. это был, по сути, единственный орган, отвечавший за гражданскую составляющую антикризисной деятельности. Ситуация улучшилась с появлением в 2007 г. Подразделения по гражданскому планированию и управлению (Civilian Planning and Conduct Capability, CPCC), в результате чего в рамках общей политики безопасности окончательно сформировались две сопоставимые друг с другом «ветви» подразделений управления – военная и гражданская. Тем не менее перед европейским руководством возникла ещё одна проблема, заключавшаяся в координации действий этих двух «ветвей». Связующим звеном стал образованный в 2008 году Директорат по вопросам кризисного реагирования и планирования (Crisis Management and Planning Directorate, CMPD) – последнее крупное нововведение в управленческой структуре ОПБО.

Таким образом, все подразделения ОПБО можно разделить на две группы. Первую груп-

Структура органов управления ОПБО

пу составляют политические органы: Комитет по вопросам политики и безопасности (КПБ); Военный комитет Европейского союза (ВКЕС); Комитет по гражданским аспектам кризисного регулирования (СИВКОМ). Вторая группа – оперативные, или исполнительные подразделения, к которым относятся: Военный штаб Европейского союза (ВШЕС); Подразделение по гражданскому планированию и управлению (ПГПУ); Директорат по вопросам кризисного реагирования и планирования (ДКРП).

Политические органы ОПБО

Комитет по вопросам политики и безопасности, КПБ (Political and Security Committee, PSC) является главным органом в институциональной системе ОПБО. Его особый статус подчёркивает тот факт, что это единственный комитет, созданный на основе Договора о Европейском союзе (ДЕС). В ст. 38 ДЕС определены основные компетенции КПБ: «... следит за международной обстановкой в сферах, относящихся к ОВПБ, <...> осуществляет наблюдение за осуществлением согласованной политики, <...> политический контроль и стратегическое руководство в отношении операций по урегулированию кризисов». Более подробно компетенция КПБ раскрыта в решении Совета ЕС 2001/78/CFSP от 22 января 2001 г.

КПБ состоит из чиновников в ранге послов от стран-членов ЕС. В комитете председательствует представитель ЕСВД либо высокий представитель. Заседания проходят дважды в неделю, либо чаще, если это необходимо.

Впервые КПБ был временно создан в марте 2000 г., а в январе 2001 г. уже стал постоянным органом ЕС. Его создание заложило прочную основу для развития системы управления ОПБО. КПБ является постоянно действующим органом с чёткой специализацией, ротация представителей стран в нём происходит в среднем раз в три года. Всё это позволяет решить проблему фрагментации процесса принятия политических решений в области внешней политики и безопасности, которая имела место до образования комитета. В частности, эта проблема была обусловлена частой сменой национальных министров и чиновников, принимавших участие в работе на европейском уровне. К тому же заседания политического комитета, предшественника КПБ, проходили в разных местах в зависимости от того, какая страна председательствовала в ЕС. Этот на первый взгляд технический момент на деле весьма негативно сказывался на эффективности работы подразделения.

Особый интерес при рассмотрении работы КПБ представляют собой факторы, которые влияют на способность представителей стран ЕС находить компромиссные решения. Согласно некоторым зарубежным исследованиям, ключевую роль в этом процессе играет высокий уровень внутренней социализации – члены КПБ обладают устойчивой групповой идентичностью,

осознают свою принадлежность к единому коллективу [16, р. 14]. В результате они уже не просто представляют свои страны в комитете, но ассоциируют себя с наднациональным уровнем и, таким образом, приобщают свои национальные правительства к выработке общеевропейской позиции.

Военный комитет Европейского союза, ВКЕС (European Union Military Committee, EUMC) – занимает подчиненное по отношению к КПБ положение и занимается военными аспектами ОПБО и кризисного урегулирования.

ВКЕС был учрежден 22 января 2001 г. решением Совета ЕС 2001/79/CFPS. Миссия комитета заключается в консультировании КПБ и подготовке для него рекомендаций по военным вопросам. Кроме того, ВКЕС руководит всей военной деятельностью, осуществляемой в рамках структур ЕС.

Формально комитет состоит из глав военных ведомств стран Евросоюза, однако большую часть времени работу от их лица ведут военные представители. Члены ВКЕС обладают схожим образованием и опытом, разделяют общие ценности, характерные для людей с военным менталитетом. Всё это в значительной степени способствует внутреннему сплочению комитета, положительно влияет на его работу и на его способность находить компромиссные решения [19, р. 17].

Процесс принятия решений во ВКЕС обладает определённой спецификой. По военным вопросам технического характера у представителей практически не возникает расхождений. Главным препятствием для работы комитета, по словам самих его членов, являются политические разногласия, исходящие от КПБ, а также жёсткие инструкции от национальных правительств, которые получают военные представители [16, р. 23]. Задача ВКЕС, таким образом, заключается в том, чтобы обойти политические трения и вписать военные рекомендации в общий проект кризисного регулирования. Ещё одна особенность работы ВКЕС заключается в том, что на принятие решений в комитете значительное влияние оказывает высокий уровень социализации его членов (выражается в схожем мировоззрении, ценностях, доверии друг к другу и т.д.), который, в свою очередь, возникает благодаря разнообразным форматам совместной работы представителей и тесным личным контактам. Так, помимо формальных заседаний члены ВКЕС регулярно собираются на неформальные встречи, участвуют в конференциях, семинарах, полевых мероприятиях, на которых они могут согласовать свои позиции. Следует также отметить уникальный двойной статус членов ВКЕС, которые совмещают должности представителей и в ЕС, и в НАТО. Это позволяет улучшить координацию между организациями, хотя в некоторых случаях вынуждает военных представителей фокусироваться на одной работе в ущерб другой.

Военный комитет также выполняет функцию своеобразного «филтра» политических

инициатив в области ОПБО. В некоторых случаях предложения, исходящие от политических и дипломатических руководителей ЕС, не могут быть должным образом реализованы на практике. Так, например, в конце 2008 г. звучали призывы о переброске боевой группы ЕС в провинцию Киву (Конго) для защиты беженцев и оказания им помощи. ВКЕС проголосовал против этой операции, ввиду того, что численность личного состава готовившейся к отправке группы (1500 чел.) была явно недостаточной, а район развертывания был слишком удалённым и в нём практически отсутствовали дороги. Таким образом, военная экспертиза влияет на принятие политических решений в ЕС и позволяет избежать неудач, которые могут привести к продолжительному кризису в ОПБО.

Комитет по гражданским аспектам кризисного регулирования, СИВКОМ² (Civilian Crisis Management Committee, Civcom) – подразделение, находящееся в институциональной иерархии ОПБО на одном уровне с ВКЕС.

Несмотря на то, что Сивком был создан на год раньше ВКЕС – решением Совета ЕС 2000/354/CFSP от 22 мая 2000 г. – его принято считать более молодым комитетом, поскольку он работает в принципиально новой области антикризисной деятельности. Главная функция Сивком – «подготовка информации и рекомендаций для КПБ по гражданским аспектам кризисного регулирования» [7, р. 1].

Специфика Сивком заключается в том, что, в отличие от ВКЕС, в нём не сложилась четко выраженная профессиональная культура. Такая особенность, впрочем, вполне естественна: ЕС является пионером в проведении гражданских миссий по кризисному урегулированию, у государств-членов совсем немного опыта в этой сфере, и у людей, работающих на этом направлении, еще не успела сформироваться своя «профессиональная идентичность» [18, р. 26]. Большинство членов комитета являются дипломатами и приобретают специализированные знания и опыт в области гражданского кризисного регулирования непосредственно по ходу работы. Несмотря на то что постепенно деятельность Сивком приобрела менее концептуальный и более практический характер, количество профильных, или прикладных, специалистов в комитете остается небольшим.

Исполнительные органы ОПБО

Военный штаб Европейского союза, ВШЕС (European Union Military Staff, EUMS) представляет собой один из центральных органов в структуре ОПБО, которому уделяется повышенное внимание со стороны экспертов и исследователей. ВШЕС можно назвать достижением стратегов европейской интеграции в области безопасности и обороны. Изначально ставка делалась на развитие именно *оперативного потен-*

циала – предполагалось создать контингент для проведения крупных миротворческих операций. И лишь потом на первый план стала выходить синергия гражданских и военных аспектов антикризисной деятельности. Поэтому создание штаба давало большие надежды на дальнейшее развитие возможностей кризисного реагирования с применением военных сил и средств.

ВШЕС является одним из первоначальных органов ОПБО (так же, как и КПБ, ВКЕС и Сивком). Политическое решение о его создании было принято на саммитах в Кельне 3-5 июня и Хельсинки 10-11 декабря 1999 г., которые дали старт практическому этапу интеграции в области безопасности [15, р. 43]. ВШЕС был окончательно утвержден решением Совета ЕС 2001/80/CFSP от 22 января 2001 г. Впоследствии несколько раз в него вносились поправки, последняя из которых была сделана в 2008 г. Главные задачи ВШЕС – раннее предупреждение, оценка ситуации и стратегическое планирование миссий и задач по антикризисному реагированию, в соответствии со ст. 17 ДЕС.

В случае возникновения ситуации, требующей антикризисного вмешательства, ВШЕС собирает информацию из всех доступных источников, участвует в разработке первоначального руководства по планированию (Initial Planning Guidance) и директив по планированию (Planning Directives), инициированных КПБ, а также подготавливает варианты урегулирования ситуации для ВКЕС, который затем представит их КПБ.

Изначально Военный штаб создавался в качестве органа для обеспечения работы ВКЕС, однако затем он был переведен в ЕСВД. Таким образом, на сегодняшний день он проводит военную экспертизу для Высокого представителя, но одновременно руководство им осуществляет ВКЕС.

В состав ВШЕС входит более 200 военных специалистов и гражданского персонала из всех стран ЕС. Его возглавляет генеральный директор (трёхзвездный генерал). Среди подразделений ВШЕС особого внимания заслуживает **ячейка ЕС при Верховном главнокомандовании ОВС НАТО в Европе**. Аналогичным образом при Военном штабе располагается **группа планирования и связи НАТО**. Через эти подразделения осуществляется координация действий между двумя организациями.

Подразделение по гражданскому планированию и управлению, ПГПУ (Civilian Planning and Conduct Capability, CPCC). До создания ПГПУ оперативным планированием гражданских миссий занимались назначаемые руководители этих операций, которые отчитывались напрямую КПБ. Отсутствие четкой командной цепи приводило к снижению эффективности антикризисной деятельности гражданского характера.

Необходимость создания нового органа была озвучена на неформальном саммите глав

² В отечественной исследовательской литературе для обозначения этого органа используется аббревиатура-транслитерация «Сивком».

стран ЕС в Хэмптон Корт (Великобритания) в октябре 2005 г. [9]. Европейские лидеры выделили приоритетные области развития ОВПО, включая укрепление антикризисных структур. Руководствуясь этими заключениями, Хавьер Солана, занимавший в то время пост высокого представителя, направил 13 июня 2006 г. письмо председателю Европейского совета с предложением ввести должность командующего гражданскими операциями и создать соответствующее подразделение в рамках структур Совета ЕС, занимающихся ОПБО.

ПГПУ было сформировано в августе 2007 г. после того, как Совет ЕС принял документ под названием «Руководство для структуры управления и контроля за гражданскими операциями ЕС по кризисному регулированию» [10, р. 15]. Образование нового органа оказалось непростой задачей, поскольку его пришлось создавать с нуля, тщательно подбирая кадры. В итоге ПГПУ было создано преимущественно из сотрудников Директората IX «Гражданское кризисное урегулирование» (2/3 его персонала были переведены в ПГПУ) и экспертов, предоставленных странами ЕС. В 2009 г. наряду с другими подразделениями Генерального директората «Е» главного секретариата Совета ЕС ПГПУ было переведено в ЕСВД.

Главная задача ПГПУ – разработка и осуществление гражданских миссий ОПБО. На сегодняшний день в ПГПУ работает около 70 человек. Непосредственное руководство миссиями осуществляют главы миссий, которые ответственны перед командующим гражданскими операциями. ПГПУ восполнило пробел в системе управления гражданскими миссиями, взяв на себя функцию оперативного штаба. Кроме того, отныне структуры военной и гражданской «ветвей» ОПБО были приведены к общему знаменателю и стали сопоставимыми.

Директорат по вопросам кризисного реагирования и планирования, ДКРП (Crisis Management and Planning Directorate, CMPD) – структурное подразделение ЕСВД под непосредственным руководством высокого представителя, занимающегося стратегическим планированием миссий и операций ОПБО.

Развитие ОПБО, увеличение числа военных операций и гражданских миссий потребовали интеграции процесса их стратегического планирования, а также большей координации работы различных звеньев механизма кризисного урегулирования. В идеале для этого было необходимо создать единый оперативный штаб ЕС. С такой инициативой Франция, Германия, Бельгия и Люксембург выступали ещё на неформальной встрече лидеров этих стран в Тервюрене в 2003 г. Однако она не нашла должного отклика у других членов ЕС, испытывавших давление со стороны США [6, с. 91]. Несогласие Вашингтона было вполне оправданным, так как появление общеевропейского штаба значительно усилило бы военный потенциал ЕС и открыло бы перспективу обретения европейцами большей самостоятельности в военной сфе-

ре. В 2003 году из-за политических разногласий всё закончилось созданием внутри ВШЕС гражданско-военной ячейки – результат компромисса между Германией и Францией, с одной стороны, и Великобританией – с другой. Это подразделение позволило восполнить некоторые пробелы в процессе разработки и осуществления гражданских и гражданско-военных операций, однако, будучи интегральным компонентом военного штаба, ячейка не могла осуществлять детальное планирование чисто гражданских аспектов миротворческой деятельности – эта задача перекладывалась на самих руководителей гражданских операций.

Дискуссии в ЕС об улучшении гражданско-военной координации возобновились в 2005 г. В европейских институтах они получили название процесса «Хэмптон Корт» (по месту, где проходил неформальный саммит лидеров стран ЕС). В конце 2008 г. перспектива возвращения Франции в военные структуры НАТО и изменение отношения США к ОПБО в положительную сторону воскресили надежды на создание в какой-либо форме оперативного штаба ЕС. Однако и на этот раз ничего не произошло, а вместо штаба был создан Директорат по вопросам кризисного реагирования и планирования – ДКРП.

Решение о создании ДКРП было принято в декабре 2008 г. В мае 2009 г. уже Совет ЕС одобрил организационные изменения, принятые высоким представителем [8, р. 24]. ДКРП был сформирован из Директората VIII «Аспекты обороны», остатков Директората IX «Гражданское кризисное урегулирование», а также части военно-гражданской ячейки. На сегодняшний день в нём работает около 80 военных и гражданских экспертов.

Главная задача ДКРП – обеспечение целостного процесса стратегического планирования. При разработке «классических» гражданских миссий (полицейские, миссии по укреплению правового государства, гражданской администрации, гражданской защите), а также «гибридных» гражданско-военных миссий ДКРП тесно сотрудничает с ПГПУ и Оперативным центром ЕС. Что касается стратегического планирования военных операций, то здесь «солирует» ВШЕС. По выражению голландских исследователей Маргарит Дрент и Дика Зандее, ДКРП «не объединяет разные миры (военный и гражданский – М.Ф.), но определенно укрепляет связь между ними» [19, р. 36].

Некоторые эксперты отмечают, что в ДКРП существует диспропорция в соотношении между военными и гражданскими специалистами в пользу военных [19, р. 81]. Это обусловлено тем, как и из каких подразделений был создан директорат. Дисбаланс приводит к некоторой «милитаризации» процесса стратегического планирования и приуменьшению гражданского аспекта антикризисной деятельности [13].

Возможности ДКРП по интеграции стратегического планирования и управления имеют

■ Мировая политика

определённые институциональные ограничения. Это становится заметным в ситуациях, когда военные и гражданские операции ОПБО проходят одновременно на одной территории. Например, в Боснии, где параллельно проводились военная и полицейская операции ЕС, на определённом этапе возникли проблемы в виду недостаточного уровня координации. ДКРП обладает формальными инструментами для того, чтобы обеспечить взаимосвязь военных и гражданских действий в рамках одной операции, однако он не может соединить две отдельные цепочки командования.

В целом ЕС удалось создать полноценную институциональную базу для осуществления деятельности по урегулированию кризисов. Безусловно, она обладает своей спецификой, обусловленной средой её формирования. Эти особенности могут стать поводом для критики эффективности работы системы ОПБО, в частности, если рассматривать их отдельно от общего контекста. Тем не менее в общем и целом выбранный институциональный дизайн отвечает потребностям ЕС в сфере антикризисного реагирования. В нём сочетаются межправительственные и наднациональные элементы, представлены две сопоставимые цепочки подразделений управления для военных и гражданских операций, присутствуют органы координации действий этих «ветвей». Эффективность созданных структур ОПБО, несмотря на отмеченные сбои и сложности в их работе, подтверждается статистикой – 36 миссий в разных регионах мира за 16 лет (для сравнения под эгидой ООН за 68

лет – с 1948 года – была организована 71 операция по поддержанию мира [23]).

Вместе с тем открытым остаётся вопрос о том, каково влияние институциональной структуры на конечный результат антикризисной деятельности и эффективности ОПБО в целом. По всей видимости, главные причины объективных неудач общей политики в области безопасности и обороны лежат в других плоскостях, прежде всего, в политической [1]. Создав дееспособный механизм, страны ЕС, как показывает практика, часто не обладают достаточной политической волей и желанием задействовать его в полной мере. Другими словами, возникает ситуация, когда обилие институтов сопровождается дефицитом политики.

Отдельная проблема – соответствие институтов ОПБО современным реалиям в области безопасности, которые характеризуются обилием новых вызовов и угроз, прежде всего, таких, как терроризм и миграция. Эти угрозы не были напрямую включены в сферу ответственности ОПБО (в ст. 43 Договора о Европейском союзе только сказано, что миссии «могут способствовать борьбе с терроризмом»). Очевидно, что сегодня требуется усиление противодействия новым деструктивным явлениям, однако структуры ОПБО, «ориентированные на кризисное реагирование» [5, с. 84], не слишком приспособлены для выполнения этой задачи. В конечном счёте дальнейшая судьба институтов ОПБО будет зависеть от того, смогут ли страны ЕС задействовать их для проведения более самостоятельной и последовательной политики в области безопасности и обороны.

Список литературы

1. Данилов Д.А. Европейский союз в поисках ответов на вызовы Арабской весны // Индекс безопасности. 2012. Т. 18, № 3-4 (102-103). С. 107-140.
2. Европейский Союз и региональные конфликты / Отв. ред. – Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 143 с.
3. Кавешников Н.Ю. Влияние расширения ЕС на процесс институциональной реформы // Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2006. С. 43-102.
4. Кавешников Н.Ю. Лиссабонский договор и его последствия для развития ЕС/ Н.Ю.Кавешников // Актуальные проблемы Европы. № 2. 2010. С. 54-67.
5. Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991-2015. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. 384 с.
6. Журкин В.В. Военная политика Евросоюза. М.: Международные отношения: Институт Европы РАН, 2013. 256 с.
7. Council Decision (CFSP) 2000/354/CFSP of 22 May 2000. Official Journal of the European Union. – L 127. 25.5.2000.
8. Council Conclusions. General Affairs and External Relations 18-19 May 2009. Press release No. 137.
9. CPCC Factsheet. EEAS, April 2011. URL: http://www.eeas.europa.eu/csdp/documents/pdf/110412_factsheet_-_cpcc_-_version_4_en.pdf (accessed 10.05.2016)
10. Draft Guidelines for Command and Control Structure for EU Civilian Operations in Crisis Management. Doc. 9919/07, Council of the European Union. Brussels, 23 May 2007. 15 p.
11. EU Conflict Prevention and Crisis Management. Roles, institutions and policies. Ed. by Eva Gross and Ana E. Juncos. Routledge, London, 2011. 192 p.
12. European Security and Defence Policy. The First 10 Years (1999–2009) / Ed. by Giovanni Grevi, Damien Helly, and Daniel Keohane. Paris: EUISS, 2009. – 448 p.

13. EPLO Statement on Civilian-Military Integration in European Security and Defence Policy Available at: http://www.eplo.org/assets/files/2.%20Activities/Working%20Groups/CSDP/EPLO_Statement_Civilian-Military_Integration_in_European_Security_and_Defence_Policy.pdf (Accessed 3.03.2016)
14. From Nice to Laeken. European Defense: core documents. – Compiled by Maartje Rutten. Institute for Security Studies, EU. Chaillot Paper No. 51. Paris, April 2002. 198 p.
15. From Saint-Malo to Nice. European Defense: core documents. – Compiled by Maartje Rutten. Institute for Security Studies, WEU. Chaillot Papers No. 47. Paris, May 2001. 225 p.
16. Howorth Jolyon. The Political and Security Committee: a case study in 'supranational intergovernmentalism'? Cahiers européens de Sciences Po. 2010, No. 1. 23 p.
17. Keukeleire St., MacNaughtan J. The Foreign Policy of the European Union. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan, 2008. 374 p.
18. Mai'a K. Davis Cross. Cooperation by committee: the EU military committee and the committee for civilian crisis management. EU Institute for Security Studies. Occasional paper No. 82. February 2010. 39 p.
19. Margriet Drent, Dick Zandee. Breaking pillars. Towards a civil-military security approach for the European Union. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. January 2010. 93 p.
20. Mattelaer Alexander. EU Unity of Command – The Planning and Conduct of CSDP Operations. Egmont, Royal Institute for International Relations. – January 2011. 36 p.
21. NATO. 3 June 1996: Final Communiqué of the Ministerial Meeting of the North Atlantic Council. Paragraph 6. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/1996/p96-063e.htm> (Accessed 10.05.2016)
22. Simón L. Command and control? Planning for EU military operations. – EU ISS, Occasional Paper. – January 2010, No. 81. 48 p.
23. UN Peacekeeping Operations. Fact Sheet (31 January 2016). URL: www.un.org/ru/peacekeeping/resources/statistics/factsheet.shtml (accessed: 2.04.2016)

Об авторе

Федоров Матвей Сергеевич – аспирант кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России.
E-mail: fedorov.m.s@my.mgimo.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ 14-18-02973 "Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений".

THE INSTITUTIONAL SYSTEM OF THE COMMON SECURITY AND DEFENCE POLICY (CSDP) OF THE EUROPEAN UNION: STRUCTURE AND MECHANICS

M.S. Fedorov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the system of EU's functional units responsible for conducting crisis management within the framework of the Common Security and Defense Policy (CSDP). It analyses their structure and particular features.*

The author puts forward three main factors, which affected the shape of this system. First, it is the exclusively intergovernmental nature of the CSDP and the veto-power of EU member states in this field.

Second, the EU-US and the EU-NATO relations have also influenced the shape of the CSDP organizational structures. On the one hand, the Alliance has served as an example of a successful security organization for the European integration strategists. On the other, Washington has always sought to embed the European security and defense integration into NATO and to control it.

Third, the CSDP institutional system embodies a specific approach towards crisis management, elaborated by the EU – a combination of both military and civil instruments of peacemaking (the so-called "civil-military synergy"). Thus, there are two chains of units within the CSDP, designed for planning and conducting military operations and civil missions respectively.

Having analyzed political and operational units of the CSDP the author concludes that, overall, the created institutional system is well-suited to the ambitions of the EU in the field of crisis management. However, the EU member states cannot use the potential of this system to the full because of the political differences that divide them.

■ Мировая политика

Key words: CSDP, EU, CFSP, international security, regional conflicts, crisis management, peacemaking, EU institutions, military operations, civil missions.

References

1. Danilov D.A. Evropejskij sojuz v poiskah otvetov na vyzovy Arabskoj vesny. [EU seeking response to the challenges of the Arab Spring]. *Indeks bezopasnosti – Security Index*. 2012. Vol.18, no. 3-4. Pp. 107-140. (In Russian).
2. Evropejskij Sojuz i regional'nye konflikty [European Union and regional conflicts]. Ed. N.K. Arbatova, A.M. Kokeev. Moscow, IMJeMO RAN. 2011. 143 p. (In Russian).
3. Kaveshnikov N.Ju. Vlijanie rasshirenija ES na process institucional'noj reformy [EU Enlargement and its Influence on the Process of Institutional Reform]. *Rasshirenie Evropejskogo Sojuza i Rossija* [EU Enlargement and Russia] Ed. by O.V.Butorina, Ju.A.Borko. Moscow, Izdatel'skij Dom «Delovaja literatura» [“Business literature” Press], 2006. Pp. 43-102. (In Russian).
4. Kaveshnikov N.Ju. Lissabonskij dogovor i ego posledstvija dlja razvitija ES [The Lisbon Treaty and its consequences for the development of the EU]. *Aktual'nye problemy Evropy – Europe's actual problems*, 2010, No. 2, Pp. 54-67. (In Russian).
5. Fenenko A.V. *Sovremennaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij: 1991-2015* [Contemporary history of international relations: 1991-2015]. Moscow, Aspekt Press, 2015, 384 p. (In Russian).
6. Zhurkin V.V. *Voennaja politika Evrosojuza* [Military policy of the EU]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija: Institut Evropy RAN [International relations: Institute of Europe of the Russian Academy of Science]. 2013, 256 p. (In Russian).
7. Council Decision (CFSP) 2000/354/CFPS of 22 May 2000. *Official Journal of the European Union*. – L 127. 25.5.2000.
8. Council Conclusions. General Affairs and External Relations 18-19 May 2009. Press release No. 137.
9. CPCC Factsheet. EEAS, April 2011. URL: http://www.eeas.europa.eu/csdp/documents/pdf/110412_factsheet_-_cpcc_-_version_4_en.pdf (Accessed 10.05.2016)
10. Draft Guidelines for Command and Control Structure for EU Civilian Operations in Crisis Management. Doc. 9919/07, Council of the European Union. – Brussels, 23 May 2007. 15 p.
11. *EU Conflict Prevention and Crisis Management. Roles, institutions and policies*. Ed. by Eva Gross and Ana E. Juncos. Routledge, London, 2011. 192 p.
12. *European Security and Defence Policy. The First 10 Years (1999–2009)*. Ed. by Giovanni Grevi, Damien Helly, and Daniel Keohane. Paris: EUISS, 2009. 448 p.
13. EPLO Statement on Civilian-Military Integration in European Security and Defence Policy Available at: http://www.eplo.org/assets/files/2.%20Activities/Working%20Groups/CSDP/EPLO_Statement_Civilian-Military_Integration_in_European_Security_and_Defence_Policy.pdf (accessed: 3.03.2016).
14. From Nice to Laeken. European Defense: core documents. Compiled by Maartje Rutten. Institute for Security Studies, EU. *Chaillot Paper*. No. 51. Paris, April 2002. 198 p.
15. From Saint-Malo to Nice. European Defense: core documents. Compiled by Maartje Rutten. Institute for Security Studies, WEU. *Chaillot Papers*. No. 47. Paris, May 2001. 225 p.
16. Howorth J. The Political and Security Committee: a case study in 'supranational intergovernmentalism'? *Cahiers européens de Sciences Po*. 2010, No. 1. 23 p.
17. Keukeleire St., MacNaughtan J. *The Foreign Policy of the European Union*. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan, 2008. 374 p.
18. Mai'a K. Davis Cross. Cooperation by committee: the EU military committee and the committee for civilian crisis management. *EU Institute for Security Studies. Occasional paper* No. 82. – February 2010. 39 p.
19. Margriet D., Dick Z. *Breaking pillars. Towards a civil-military security approach for the European Union*. Netherlands Institute of International Relations. 'Clingendel'. January 2010. 93 p.
20. Mattelaer A. EU Unity of Command – The Planning and Conduct of CSDP Operations. Egmont, Royal Institute for International Relations. January 2011. 36 p.
21. NATO. 3 June 1996: Final Communiqué of the Ministerial Meeting of the North Atlantic Council. Paragraph 6. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/1996/p96-063e.htm> (Accessed 10.05.2016)
22. Simón L. Command and control? Planning for EU military operations. *EU ISS, Occasional Paper*. January 2010, No. 81. 48 p.
23. UN Peacekeeping Operations. Fact Sheet (31 January 2016). URL: www.un.org/ru/peacekeeping/resources/statistics/factsheet.shtml (Accessed 2.04.2016).

About the author

Matvey S. Fedorov – PhD student, Department of the European Integration, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: fedorov.m.s@my.mgimo.ru

КАВКАЗСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЁРСТВА» (2009-2016 гг.)

П.А. Барахвостов

Белорусский государственный университет, Белоруссия, 2200030, Минск,
ул. Ленинградская, 20.

В работе проанализированы этапы эволюции европейской политики, осуществляемой в рамках «Восточного партнёрства» относительно стран Южного Кавказа. Показано, что главной целью ЕС в исследуемый период является «европеизация» – правовая, экономическая и политическая трансформация указанных государств по европейскому образцу для формирования благоприятной для Евросоюза внешней среды. Среди основных задач данной политики – обеспечение энергетической безопасности Европейского союза путём создания альтернативного транспортного коридора для поставки энергоресурсов. Установлено, что реализация программы «Восточное партнёрство» в течение 2009-2013 гг. выявила значительные различия в скорости и степени «европеизации» стран региона, что обусловлено особенностями моделей развития и неравномерностью происходящих на Южном Кавказе преобразований общественно-политических систем. Подобная разноскоростная и разноуровневая «европеизация» отражает поиск государствами оптимального формата взаимодействия с Европейским союзом. Этот сложный, многоплановый и продолжительный процесс является следствием попыток стран постсоветского пространства сформировать свою национальную и региональную идентичность. В работе проанализированы особенности современной, новой внешнеполитической стратегии ЕС, которая характеризуется дифференцированным подходом к каждому государству. Вместо прежней односторонней формулировки предварительных условий для сотрудничества, такой подход стимулирует обстоятельный двусторонний диалог между партнёрами и даёт возможность углублять интеграцию на том уровне, к которому они готовы. Тем не менее, показано, что эта стратегия сохранила недостатки прежней региональной политики Европейского союза в отношении постсоветского пространства. Среди них непоследовательность, отсутствие конечной чётко поставленной цели, курс на геополитическое противостояние с Россией. Однако для обеспечения стабильного развития региона требуется пересмотр внешнеполитической стратегии ЕС в пользу обновлённого формата, учитывающего интересы всех игроков, включая Российскую Федерацию.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейская политика соседства, Восточное партнёрство, Южный Кавказ, интеграционные процессы, демократизация, рыночные реформы.

Регион Южного Кавказа, включающий в себя Армению, Грузию и Азербайджан, является полем борьбы крупных геополитических игроков: России, Европейского союза (ЕС), США, Китая, Ирана, Турции. Это обусловлено не только стремлением к контролю над акваторией и ресурсами Чёрного и Каспийского морей. Обладающий крупными нефтяными месторождениями и развитой системой гидроэлектростанций Южный Кавказ представляет собой, кроме того, транспортный коридор, который может использоваться для поставки энергоресурсов в Европу. Сталкивающиеся в регионе интересы многих игроков не побуждают к поиску компромиссов и путей сотрудничества, а выливаются в острое противоборство, которое представляет угрозу послевоенной архитектуре безопасности. В последнее время в связи с ростом напряжённости на Ближнем Востоке Южный Кавказ приобретает стратегическое значение для всей Евразии. Вследствие этого возрастает интерес к оценке нынешнего состояния и перспектив развития стран региона, влияния на него внешних акторов в общем и Европейского союза в частности. Изучение данной проблемы имеет как теоретическое, связанное с исследованием процессов институционализации национальной идентичности на постсоветском пространстве, так и практическое значение, обусловленное необходимостью получения всесторонних знаний о сущности происходящих на континенте политико-экономических трансформаций и последующего использования этих знаний для обеспечения устойчивого развития региона.

Исследование особенностей политики ЕС на Южном Кавказе осуществляется в рамках различных научных направлений: истории, политологии, теории международных отношений. Проблемы формирования и эволюции политики Европейского союза и отдельных его стран в отношении государств данного региона рассматривались в работах И.В. Болговой [3], С.Р. Гриневецкого, С.С. Жильцова, И.С. Зонна [5], В.А. Гусейнова [6], К.В. Юматова [17], А. Мелик – Шахназарова [7], Дж. Меликяна [8], С. Чернявского [15], М. Бишку [20], С. Алейциус и К. Бабиченко [18], Л. Симао [26], О. Пардо Сиерра [25] и др. При этом, как правило, авторы ограничивались анализом лишь определённой сферы взаимоотношений (например, влияние ЕС на процесс урегулирования неразрешённых конфликтов, взаимодействие в энергетической области). Недостаточно проанализированы особенности реализации политики, осуществляемой Европейским союзом в рамках «Восточного партнёрства» в отношении государств Южного Кавказа на современном этапе.

Целью настоящей работы является комплексное исследование эволюции политики Европейского союза, осуществляемой в рамках «Восточного партнёрства» относительно стран Южного Кавказа в период 2009-2016 гг.

В основу исследования положены принципы историзма и научной объективности, а также ряд общенаучных методов: анализа, синтеза, индукции, описания, сравнения, объяснения, констатации и концептуализации. Дополняют методологический аппарат исследования специальные исторические методы — диахронный (изучения и сравнения типичных событий и явлений, происходивших в разное время) и синхронный (изучение одновременно происходящих событий).

Следует отметить, что при анализе эволюции политики ЕС в отношении государств Южного Кавказа автор опирался на основные положения теории союзов, а также теории интеграции.

При написании работы использовался обширный круг источников, которые можно объединить в несколько групп. Первую группу источников составляют международные договоры с участием Европейского союза, которые определяют принципы отношений государств в системе международных отношений. В данной группе особое место занимают межгосударственные, межправительственные и межведомственные соглашения ЕС и стран постсоветского пространства, регулирующие отношения в различных сферах. Исходя из анализа источников данной группы, можно получить чрезвычайно важную информацию о формально-юридических международных обязательствах Европейского союза. Вторая группа источников – акты национального законодательства Грузии, Армении, Азербайджана, в которых определены интересы государств на международной арене. Третья группа источников представлена информационными, справочными материалами, опубликованными на официальных сайтах Еврокомиссии и Европарламента. Четвёртая группа источников представлена данными социологических опросов, мониторингов, исследований, которые позволяют выявить отношение населения закавказских стран к евроинтеграции.

Отношения ЕС с суверенными закавказскими республиками начали выстраиваться в начале 1990-х гг. При этом ключевым направлением взаимодействия явилась энергетическая сфера. В 1996 г. со всеми государствами Южного Кавказа были заключены Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве, вступившие в силу в 1999 г. [12, 13, 14].

Расширение Европейского союза на восток и юг обусловило необходимость корректировки позиции в отношении новых соседей, в том числе Армении, Азербайджана и Грузии, следствием чего стало формирование Европейской политики соседства (ЕПС), направленной на создание «пояса» процветания и безопасности вдоль границ ЕС, и включение в данную программу стран Южного Кавказа. К 2006 г. в рамках ЕПС приняты планы действий по постепенному инкорпорированию стран Закавказья в европейские и трансрегиональные проекты, ориентированные

преимущественно на создание альтернативных путей доставки энергоресурсов в Европу. Тем не менее, к 2008 г. стало очевидным, что ЕС не удалось консолидировать регион. Причиной этому были ограниченность ресурсов Евросоюза, направляемых на решение поставленных задач, а также карабахский, грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты.

Экономический кризис 2008 г. стимулировал трансформацию внешнеполитической стратегии Европейского союза, что выразилось в запуске в 2009 г. программы «Восточное партнёрство». Данная программа охватила шесть государств бывшего Советского Союза, географически и геополитически относящихся к Европе, – Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Молдавию, Украину. Главной целью «Восточного партнёрства» является правовая, экономическая и политическая трансформация перечисленных государств по европейскому образцу для формирования благоприятной для Евросоюза внешней среды. Эта цель достигается тремя взаимосвязанными способами: укреплением политических связей, углублением экономической интеграции, повышением мобильности трудовых ресурсов. Условием реализации поставленных задач является устойчивое региональное развитие, стимулируемое поддержкой многосторонних связей между странами-участниками [4, с.3].

Реализация программы «Восточное партнёрство» в течение 2009-2013 гг. выявила значительные различия в скорости и степени «европеизации» стран региона, что обусловлено особенностями моделей развития и неравномерностью происходящих на Южном Кавказе преобразований общественно-политических систем.

Наиболее высокой скоростью «европеизации» в 2009-2013 гг. оказалась у Грузии. Пришедшая к власти после «революции роз» 2004 г. власть под руководством М. Саакашвили начала проведение политики модернизации страны, центральным звеном которой стало осуществление реформ по либерализации экономики в соответствии с европейскими стандартами. Была ослаблена контролирующая роль государства в развитии частного бизнеса. Развернулась борьба с коррупцией, сдерживающей экономическое и политическое развитие страны: ликвидированы учреждения, которые до реформ считались наиболее коррумпированными (ГАИ, санитарная служба, антимонопольное ведомство); более чем на 90% изменен штат сотрудников Министерства финансов, Минэкономразвития, таможенной службы. Новый Налоговый кодекс, принятый в стране, предусматривал сокращение числа налогов от двадцати до семи. Вступил в действие закон «О свободной и конкурентной торговле», определивший новые правила функционирования финансового рынка. Принят закон, дающий возможность приватизировать землю.

Проводимые в Грузии ультралиберальные реформы стимулировали бурный рост внутрен-

него валового продукта (ВВП) и приток иностранных инвестиций, требуя при этом коренных изменений в политическом устройстве. 15 октября 2010 г. парламентом страны приняты изменения в Конституции, де-факто установившие парламентско-президентскую форму правления при существенном ограничении президентской власти и расширении функций премьер-министра. Тем не менее, следует отметить, что успехи в реформировании политической сферы Грузии были более чем скромными, что свидетельствует о неравномерности происходящих в стране преобразований общественно-политической системы. Наибольшие изменения имели место в силовом блоке: ликвидированы Министерство внутренних дел и госбезопасности; созданы новые структуры (Служба внешней разведки, Министерство по делам полиции и общественного порядка); муниципальная и патрульная полиция выделены в отдельное ведомство. Однако, в отличие от стран ЕС, в Грузии не была сформирована система контроля за деятельностью силовых структур.

Выбранная Грузией модель развития, основанная на приверженности ультралиберальным экономическим реформам европейского толка, обусловила направление интеграционного движения и высокую степень «европеизации» Грузии. Кроме того, курс на интеграцию с ЕС Грузия рассматривала как геополитический противовес усилению российского влияния.

Главной задачей политики Евросоюза в отношении республики в 2009-2013 гг. была подготовка условий для подписания Соглашения об ассоциации – документа, закрепляющего двусторонние обязательства по обеспечению правовой, экономической и политической трансформации Грузии по европейскому образцу. Кропотливая работа в этом направлении завершилась заключением соглашения 27 июня 2014 г. и единогласной его ратификацией парламентом Грузии 18 июля 2014 г.

Текст Соглашения об ассоциации Грузии с ЕС [19] включает в себя как политическую, так и экономическую части. Политическая часть, содержащая заявление сторон о намерении придерживаться во внутренней политике демократических принципов, носит во многом декларативный характер. При её подготовке сглажены наиболее острые проблемы, в частности, вопрос о легализации гомосексуальных браков. В соответствии с позицией Евросоюза, «для государств, заключающих Соглашение об ассоциации с ЕС, необязательны к исполнению резолюция Европарламента 1728(2010) и другие документы, посвящённые проблемам сексуальных меньшинств» [9].

Экономическая часть оговаривает принципы функционирования зоны свободной торговли «ЕС – Грузия»: отмену большинства таможенных пошлин и введение единой системы стандартов, в соответствии с которой осуществляется допуск на общий рынок.

Следует отметить, что в период подготовки Соглашения (в октябре 2012 г.) в результате парламентских выборов к власти пришла партия «Грузинская мечта» во главе с Б. Иванишвили. В Грузии началось время «дисфункциональной демократии», когда все усилия воюющих за власть партий были направлены лишь на то, чтобы не дать возможность соперникам чего-либо достичь, что существенно снизило темп проводимых реформ. Установление «дисфункциональной демократии» есть проявление противоречивого взаимодействия двух процессов: «европеизации», стимулировавшей демократизацию страны, и поиска оптимальной политической модели и, в более широком смысле, национальной идентичности.

Другой страной – участницей «Восточного партнёрства» является Армения. Модель развития страны основана на концепции «субсидированной» экономики, функционирующей за счёт помощи России и западных держав, решающей роли государственных институтов в реформировании социально-экономической и политической системы, определённом уровне развития гражданского общества. На выбор данной модели значительное влияние оказали: ограниченность природных ресурсов страны, разрушение промышленного производства из-за транспортной и энергетической блокады, наличие замороженного карабахского конфликта. Необходимость реформирования экономики и, как следствие, привлечения европейских инвестиций обусловила тот факт, что на протяжении 2009 – 2013 гг. Армения считалась одним из лидеров с точки зрения активности и скорости «европеизации». Принят План действий Армении – ЕС по подготовке Соглашения об ассоциации, в соответствии с которым армянской стороной предпринят ряд мер по совершенствованию налоговой системы и управления. В 2010 г. республика подписала «Меморандум о взаимопонимании по комплексным программам институционального развития», который должен был стимулировать реформы государственных учреждений Армении [8, с.9]. 7 декабря 2012 г. между Арменией и ЕС было подписано соглашение об упрощении визового режима; 19 апреля 2013 г. – соглашение о реадмиссии.

Однако, несмотря на ряд подписанных документов, темп преобразований в соответствии с европейскими стандартами в Армении оказался невысоким. Конституционная реформа, направленная на децентрализацию власти, углубление независимости и повышение действенности судебно-правовой системы и, как следствие, формирование правового государства, не достигла своих целей. Практически не были реализованы экономические реформы по стимулированию развития промышленности и избавлению от сырьевой зависимости. Экономическая модель развития страны оставалась крайне неустойчивой. В целом для Армении более значительными оказались преобразования в политической сфере.

Важным следствием демократизации Армении, стимулированной политикой «европеизации», явился рост числа общественных объединений и движений – «прообраза» гражданского общества. С одной стороны, это – шаг на пути формирования национальной идентичности, с другой – элемент неустойчивости существующей политической системы, поскольку политика остается почти исключительно делом элитных групп, а общественные объединения в неё практически не включаются. Таким образом, в процессе образования общественных объединений в Армении мы видим пример противоречивого взаимодействия «европеизации» и поиска национальной идентичности.

Несмотря на неудовлетворительный темп реформ и противоречивые политические процессы внутри Армении, к середине 2013 г. работа по подготовке проекта Соглашения об ассоциации республики с Евросоюзом была завершена. Однако в сентябре 2013 г. Армения заявила о намерении вступить в Таможенный союз. На Вильнюсском саммите в ноябре 2013 г. Соглашение об ассоциации Армении с ЕС заключено не было. Данное решение было обусловлено, в первую очередь, соображениями безопасности. Только Российская Федерация, чья военная база расположена в г. Гюмри, способна защитить Армению в случае вооружённого конфликта на Южном Кавказе. По словам директора Института Кавказа А. Искандаряна (г. Ереван, Армения), «выбирая между ассоциативным соглашением с Евросоюзом и Таможенным союзом, Армения выбрала ОДКБ» [1]. Армения стала членом Таможенного союза, а со 2 января 2015 г. – ЕАЭС.

Азербайджан, в отличие от других стран «Восточного партнёрства», старался соблюдать принцип равноудалённости от основных центров силы – ЕС и России, не стремясь осуществлять конкретные шаги по пути «европеизации». Основу такой политики составляла слабо поддающаяся реформированию ресурсно-экспортная модель экономики, базирующаяся на наличии у страны значительных энергоресурсов: согласно ОПЕК, по добыче нефти Азербайджан занимает 20-е место в мире, выкачивая ежедневно 793,1 тыс баррелей [24, р.28]. Кроме того, особенностью модели развития Азербайджана, также препятствующей движению страны в сторону ЕС, является наличие жёсткого авторитарного режима, который мало заинтересован в демократизации, заложенной в основу «Восточного партнёрства».

На протяжении 2009-2013 гг. определились сферы сотрудничества ЕС и Азербайджана, которые представляли интерес для обеих сторон, – торговля и энергетика. Основой такого сотрудничества явилось подписание 13 января 2011 г. совместной декларации по газопроводу «Южный коридор», который, как предполагалось, обеспечит диверсификацию поставок энергоресурсов в Европу. Однако между сторонами существуют противоречия, отражающие про-

тиворечивое взаимодействие двух процессов – «европеизации» и поиска национальной идентичности: целью Евросоюза является включение Азербайджана в единую энергетическую систему, Баку же стремится к независимости, чтобы получить дополнительные рычаги давления на ЕС.

Евросоюз оставался главным торговым партнером Азербайджана. В 2013 г. торговый оборот между ними составил 16.7 млрд евро, в том числе экспорт ЕС в Азербайджан – 3.73 млрд евро, а импорт в ЕС (в основном, нефть и нефтепродукты) – 14.37 млрд евро [21, р.3].

Таким образом, как следует из вышесказанного, в 2009-2013 гг. проявились различия в скорости и уровне интеграционного сближения стран региона с ЕС. Результаты сравнения закавказских государств, в отношении которых проводилась политика «европеизации», представлены в Таблицах 1, 2. В качестве критериев сравнения выделены: результативность проведения экономических реформ, оцениваемая в изменении ΔS объема торговли страны с ЕС за период 2009-2013 гг.; результативность осуществления политических реформ, оцениваемая в абсолютных значениях и характере изменений рейтинга демократии (РД), всемирного индекса свободы прессы (СП), показателей эффективности государственного управления (избирательной системы ИС, политической стабильности ПС, эффективности управления ЭУ, верховенства закона ВЗ, контроля за уровнем коррупции КК) за указанный период, уровень евроинтеграции, оцениваемый индексами европейской интеграции¹, готовность страны к заключению Соглашения об ассоциации (СА) с ЕС. Числитель в Таблице 1 соответствует значению в 2009 г., знаменатель – в 2013 г. Знак ↑ (↓) указывает возрастание (убывание) показателя. Отметим,

что уменьшение РД соответствует повышению уровня демократизации страны, меньшее значение СП – большей свободе прессы. Увеличение значений показателей эффективности государственного управления соответствует повышению эффективности государственной системы.

Как видно из Таблицы 1, в рассматриваемый период для всех стран Закавказья наблюдалось увеличение объемов торговли с ЕС, что свидетельствует об углублении экономического сотрудничества. Причём наиболее интенсивно данный процесс проходил в Азербайджане (за счёт наращивания экспорта энергоресурсов).

Данные Таблицы 1 показывают, что наиболее результативно реформирование политической системы и системы государственного управления в Грузии, хотя отмечается снижение уровня свободы прессы. В Азербайджане имело место уменьшение политической стабильности, более несовершенной стала избирательная система, однако улучшилась ситуация со свободой слова и повысилась эффективность управления в целом. В Армении в исследуемый период наблюдается снижение политической стабильности и эффективности управления, однако более свободной становится пресса.

В Таблице 2 представлены результаты сравнения стран Южного Кавказа по индексам европейской интеграции, первый из которых (взаимосвязь) характеризует растущие политические, экономические и социальные связи между странами «Восточного партнёрства» и ЕС, второй (сближение) – внедрение практик, норм и стандартов Евросоюза, третий (управление) – создание и совершенствование структур управления, целью которых является евроинтеграция. Как видно из Таблицы 2, наиболее высоки ин-

Таблица 1
Индикаторы эффективности проведения экономических и политических реформ в странах Южного Кавказа (Indicators of economic efficiency and political reforms in the South Caucasus)

	ΔS , ² млн. евро	РД ³	СП ⁴	Показатели эффективности государственного управления ⁵				
				ИС	ПС	ЭУ	ВЗ	КК
Армения	280 (↑ на 40%)	81/91 ↑	31.13/28.04↓	24/31↑	52/38 ↓	55/46 ↓	41/44↑	33/40↑
Азербайджан	8 952 (↑ на 98%)	-	53.5/47.73↓	13/8 ↓	35/29 ↓	31/42↑	22/31↑	10/18↑
Грузия	1157.6 (↑ на 79%)	72/65 ↓	18.83/30.09↑	41/56↑	19/36↑	62/72↑	48/64↑	52/75↑

¹ Eastern Partnership Index [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.eap-index.eu/about> (date of access: 23.07.2016).

² Источник: The World Bank [Electronic resource]. Mode of access: <http://dataworldbank.org/country> (date of access: 23.07.2016).

³ Источник: Global Democracy Ranking [Electronic resource]. Mode of access: <http://democracyranking.org/> (date of access: 23.07.2016).

⁴ Источник: Press Freedom Index [Electronic resource]. Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Press_Freedom_Index (date of access: 23.07.2016).

⁵ Источник: Worldwide Governance Indicators [Electronic resource]. Mode of access: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (date of access: 23.07.2016).

■ Мировая политика

дексы европейской интеграции у Грузии; самые же низкие – у Азербайджана.

Проявившаяся разнотемпная и разнотемпная «европеизация» отражает поиск государствами Южного Кавказа оптимального формата взаимоотношений с Европейским союзом. Этот сложный процесс является следствием противоречивого взаимодействия «европеизации» как попытки ЕС осуществить правовую, экономическую и политическую трансформацию государств по европейскому образцу и поиска странами постсоветского пространства своей национальной идентичности.

Опыт реализации программы «Восточное партнёрство» показал к 2014 г. необходимость трансформации внешнеполитической стратегии Европейского союза в отношении региона, выработки дифференцированного подхода к каждому партнеру.

Каковы же особенности новой политики ЕС, проводимой после Вильнюсского саммита «Восточного партнёрства» 2013 г.?

В отношении Грузии это – содействие проведению реформ в соответствии с Соглашением об ассоциации. Для его успешной имплементации, которая началась 1 сентября 2014 г., при активном участии ЕС был разработан План ассоциации. В соответствии с данным планом, в Грузии началась конституционная реформа. Также республика достигла заметного прогресса на пути либерализации визового режима [2]. Улучшилась ситуация со свободой слова, стало более прозрачным владение средствами массовой информации. Началась реформа судебной системы; в частности, внесены изменения в порядок избрания судей с испытательным сроком. В Грузии конструктивно ведется диалог власти и гражданского общества, осуществляются меры по борьбе с коррупцией. Парламент республики принял Антидискриминационный закон [27].

Ключевым элементом политики Европейского союза в отношении Грузии стало углубление экономического сотрудничества. По итогам 2015 г., доля ЕС в объеме внешней торговли (3.16 млрд долл. США) оказалась выше таковой для стран СНГ (2.8 млрд долл. США). При этом объем экспорта Грузии в Европейский союз в 2015 г. увеличился на 4%, достигнув 646 млн долл. США, что составило 29% всего экспорта страны. Импорт из стран Евросоюза вырос

в минувшем году на 5% и составил 2.51 млрд долл. США (33% всего импорта). В то же время наблюдалось падение как экспорта (до 840 млн долл.), так и импорта (до 1.96 млрд долл.) Грузии в страны СНГ [22]. Тем не менее, на страны СНГ всё ещё приходится 38% всего экспорта и 25% импорта, что свидетельствует о том, что Грузия не намерена пока отказываться от углубления экономического сотрудничества со странами Содружества.

Грузии потребуется привести систему стандартов в соответствие с нормами Евросоюза, осуществить реформы кредитной системы и многих отраслей экономики, которые в настоящее время слишком зависимы от импорта и ориентированы на перепродажу иностранной продукции. Это очень трудная с финансовой точки зрения задача. Особенно острой проблемой является реформирование сельскохозяйственной отрасли, в которой занято более половины населения страны, в то время как лишь 8% годового ВВП Грузии приходится на эту отрасль. Всего для поддержания реформ в таких ключевых сферах, как государственное управление, сельское хозяйство, развитие сельских районов, правосудие, на период 2014-2017 гг. ЕС предполагает предоставить стране помощь до 410 млн евро.

Стоящие перед Грузией задачи перестройки экономики, реформирования политической системы, урегулирования этнополитических конфликтов вызвали раскол внутри политических элит, нерешительность и зачастую непоследовательность их действий и, как итог, серьезные экономические трудности в 2015 г., о которых свидетельствует падение курса национальной валюты. Это привело к увеличению числа граждан – сторонников евразийской интеграции: по данным последних социологических исследований, их число в декабре 2015 г. возросло до 24% (против 11% в ноябре 2013 г.) [11].

Несмотря на членство Армении в ЕАЭС и ОДКБ, Евросоюз продолжает развивать сотрудничество с республикой в рамках «Восточного партнёрства». 7 декабря 2015 г. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини и глава МИД Армении Э. Налбандян объявили о начале переговоров с целью разработки нового рамочного соглашения между Евросоюзом и

Таблица 2

Индексы евроинтеграции для стран Южного Кавказа⁶ и готовность страны к заключению Соглашения об ассоциации с ЕС (Indices of European integration for the countries of the South Caucasus and a country's readiness to conclude an Association Agreement with the EU)

	Взаимосвязь	Сближение	Управление	Готовность к заключению СА
Армения	0.50	0.59	0.51	нет
Азербайджан	0.43	0.41	0.33	нет
Грузия	0.58	0.63	0.58	да

⁶ Источник: European Integration Index 2013 for Eastern Partnership Countries [Electronic resource]. Mode of access: <http://eap-index.eu> (date of access: 24.07.2016).

Арменией. Его основой, по словам Ф. Могерини, станут «объединяющие ЕС и Армению ценности: приверженность демократии, правам человека и верховенству закона» [10]. Сотрудничество продолжится в таких представляющих взаимный интерес сферах, как демократия и права человека, верховенство закона, гражданское общество, улучшение условий для торговли и инвестиций.

Евросоюз развивает экономическое сотрудничество с Арменией. В настоящее время 3 тыс. наименований армянских товаров могут экспортироваться в ЕС без таможенных пошлин [23, p.11].

Политика, осуществляемая ЕС в отношении Азербайджана в 2014-2016 гг., направлена на запуск стратегической модернизации республики: реализацию политических реформ, сотрудничество в области безопасности и экономики. С февраля 2014 г. товары, экспортируемые Азербайджаном в ЕС, подлежат режиму наибольшего благоприятствования. Для республики Евросоюз остается главным торговым партнером.

Экономический спад 2015 г. в Азербайджане, обусловленный падением цен на нефть, стимулировал активизацию контактов европейских и азербайджанских политиков. Свидетельство тому – визиты Ф. Могерини и П. Аграмунта (председателя Парламентской ассамблеи Совета Европы) в Баку в феврале-марте 2016 г. Главными темами встреч явились сотрудничество в энергетической сфере и запуск соглашения о стратегической модернизации Азербайджана.

Проблемы взаимодействия с Азербайджаном обсуждались также в ходе конференции «Сотрудничество ЕС в энергетической сфере со странами «Восточного партнёрства» и Центральной Азии», организованной Европейской комиссией 17 марта 2016 г. в Брюсселе. На ней было объявлено о возобновлении интереса к проекту «Южный газовый коридор», предполагающему поставки азербайджанского газа через Грузию и Турцию в Европу [16].

Таким образом, особенностью новой политики ЕС в отношении стран Южного Кавказа является дифференцированный подход, что дает возможность лучше учитывать интересы партнеров и углублять интеграцию со странами на том уровне, к которому они готовы.

В заключение следует отметить, что новая политика Евросоюза в отношении постсоветского пространства сохранила недостатки прежней. Среди них – непоследовательность, отсутствие конечной четко поставленной цели, курс на геополитическое противостояние с Россией. Однако для обеспечения стабильного развития региона требуется пересмотр внешнеполитической стратегии ЕС в пользу обновленного формата, учитывающего интересы всех игроков, включая Россию. События последнего года в скором времени, безусловно, приведут Брюссель к осознанию потенциала Российской Федерации как гаранта безопасности на постсоветском пространстве и более тесному сотрудничеству с ней.

Список литературы

1. Александр Искандарян: выбирая между ЕС и ТС, Армения выбрала ОДКБ // Вестник Кавказа URL: <http://www.vestnikavkaza.ru/news/Aleksandr-Iskandaryan-vybiraya-mezhdu-ES-i-TS-Armeniya-vybrala-ODKB.html> (проверено 15.03.2016).
2. Ахметели Н. Грузия приветствует доклад Еврокомиссии об отмене виз // Русская служба BBC URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/12/151219_georgia_eu_visas (проверено 14.03.2016).
3. Болгова И.В. Политика Европейского союза на Южном Кавказе // Кавказский сборник. 2008. Т.5. С. 338-350.
4. Восточное партнерство: Сообщение Европейской комиссии для Европейского парламента и Европейского совета: док. COM (2008) 823 final, Брюссель, 03.12.08 // European External Action Service URL: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_ru.pdf (проверено 12.04.2016).
5. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. М.: Восток – Запад, 2009. 351 с.
6. Гусейнов В.А. Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992-2008 гг.) / под ред. В.А. Гусейнова. М.: Красная звезда, 2008. 392 с.
7. Мелик-Шахназаров А. Нагорный Карабах: факты против лжи. Информационно-идеологические аспекты нагорно-карабахского конфликта. М.: Волшебный фонарь, 2009. 768 с.
8. Меликян Дж. Армения и Евразийский союз: от сотрудничества до интеграции // Аналитические записки Института Кавказа, февраль 2015 URL: http://c-i.am/wp-content/uploads/policy-brief-02_2015_ru.pdf (проверено 10.04.2016).
9. Мендкович Н. Последствия ассоциации с ЕС для Грузии // Научное общество кавказоведов URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/07/02/posledstvia-associacii-s-es-dlya-gruzii.html> (проверено 02.02.2016).
10. Рамочный договор станет основой политических и экономических отношений между Арменией и ЕС – посол // Новости- Армения URL: <http://newsarmenia.am/news/politics/ramochnyy-dogovor-stanet-osnovoy-politicheskikh-i-ekonomicheskikh-otnosheniy-mezhdu-armeniy-i-es-po/> (проверено 14.03.2016).

■ Мировая политика

11. Результаты опроса общественного мнения в Грузии // Кавказ online URL: <http://kavkasia.net/Georgia/2015/1450730167.php> (проверено 14.03.2016).
12. Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Азербайджаном 1996 г. // Московская государственная юридическая академия URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_azer.htm (проверено 11.03.2016).
13. Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Арменией 1996 г. // Московская государственная юридическая академия URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_armenia.htm (проверено 11.03.2016).
14. Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Грузией 1996 г. // Московская государственная юридическая академия URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_georgia.htm (проверено 11.03.2016).
15. Чернявский С. 10 лет истории Азербайджана (2003 – 2013 гг.). М.: ФЛИНТА, 2013, 416 с.
16. «Южный газовый коридор» - один из крупнейших проектов современности// Trend URL: <http://www.trend.az/business/energy/2509193.html> (проверено 18.03.2016).
17. Юматов К. Эволюция политики Европейского союза на Южном Кавказе// Вести Томского Государственного Университета. 2012. №1. С. 127-131.
18. Alexeicius S.-D., Babichenko K.N. The EU's Neighborhood policy to-wards the Southern Caucasus: searching for commonality in a patchy scenario// Baltic Journal of Law and Politics. 2013. Vol.6. No 2. Pp. 75-101.
19. Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part//Official Journal of the European Union URL: http://eeas.europa.eu/georgia/pdf/eu-ge_aa-dcfta_en.pdf (проверено 15.02.2016).
20. Bishku M.B. The South Caucasus Republics: relations with U.S. and EU // Middle East Policy. 2015. Vol. 22. Pp. 40-57.
21. European Union, Trade in goods with Azerbaijan // European Commission URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113347.pdf (проверено 16.03.2016).
22. Georgia's 2015 Foreign Trade URL: <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=28924> (проверено 15.03.2016).
23. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Armenia. Progress in 2014 and recommendations for actions: Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // EC Doc. SWD (2015) 63 final. - Brussels, 25.03.2015.
24. OPEC Annual Statistical Bulletin URL: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2015.pdf (проверено 16.03.2016).
25. Pardo Sierra O.B. No man's land? A comparative analysis of the EU and Russia's influence in the Southern Caucasus// Communist and Post-Communist Studies. 2011. Vol. 44. Pp. 233-243.
26. Simão L. The problematic role of EU democracy promotion in Armenia, Azerbaijan and Nagorno-Karabakh // Communist and Post-Communist Studies. 2012. Vol. 45. Pp. 193-200.
27. The 2015 ENP package «Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2014»// Official Journal of the European Union URL: http://eeas.europa.eu/enp/documents/progress-reports/index_en.htm (проверено 15.02.2016).

Об авторе

Баракхостов Павел Александрович – аспирант кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета.
E-mail: pavelbarakhvostov@yahoo.com.

THE CAUCASIAN DIMENSION OF THE EASTERN PARTNERSHIP IN 2009-2016

P.A. Barakhvostov

Belorussian State University, 20 Leningradskaya St, Minsk, 220030, Belarus.

Abstract: *The paper gives an in-depth analysis of the evolution of the EU policy towards the South Caucasus within the framework of the Eastern Partnership. It is amply demonstrated that in 2009-2016 the goal was a Europeanization as a creation of a favorable external environment for the European Union through a sweeping judiciary, economic and political transformation in the region carried out according to the European standards. Among the key objectives of the European Union policy is the maintenance of energy security by means of creating an alternative transport corridor for fossil fuels. The study underscores that the implementation of the Eastern Partnership in 2009-2013 revealed significant discrepancies*

in the speed and degree of Europeanization in the South Caucasus countries due to their socio-economic peculiarities. Such uneven transformation reflects the long-standing search for an optimum way of cooperation with the European Union. This complex multi-aspect and long-term process constitutes an integral part of the effort to grasp new national and regional identities made by post-Soviet states. The paper thoroughly analyses the distinctive features of the new EU foreign policy strategy characterized by a differentiated approach to each country. Instead of the former irreciprocal statement of prerequisites for cooperation, such an approach paves the way for meaningful bilateral dialogue between the partners and furthers integration just to the extent they are ready for. Yet, it is shown that this strategy preserved the faults of the former EU regional policy towards the post-Soviet space. They include inconsistency, vague objectives, and emphasis on the geopolitical confrontation with Russia. However, in order to promote the stable development of the region, the EU needs to rethink its foreign policy strategy and come up with a modernized framework of cooperation that would take into account the interests of all concerned parties, including the Russian Federation.

Key words: the European Union, the European Neighborhood Policy, the Eastern Partnership, the South Caucasus, integration processes, democratization, market reforms.

References

1. Aleksandr Iskandarian: vybiraia mezhdue ES i TS, Armenia vybrala ODKB [Aleksandr Iskandarian: Between the EU and the CU, Armenia chose the CSTO]. *Vestnik Kavkaza*. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Aleksandr-Iskandaryan-vybiraya-mezhdu-ES-i-TS-Armeniya-vybrala-ODKB.html> (Accessed 15.03.2016) (In Russian).
2. Akhmeteli N. Gruziiia privetstvuet doklad Evrokomissii ob otmene viz [Georgia greets the European Commission report on visa abolition]. *BBC Russian Service*. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/12/151219_georgia_eu_visas (Accessed 14.03.2016) (In Russian).
3. Bolgova I.V. Politika Evropeiskogo soiuza na luzhnom Kavkaze [The EU policy in the South Caucasus]. *Kavkazskii sbornik – The Caucasus book*. 2008. Vol.5. Pp. 338-350 (In Russian).
4. *Vostochnoe partnerstvo: Soobshchenie Evropeiskoi komissii dlia Evro-peiskogo parlamenta i Evropeiskogo soveta: dok. COM (2008) 823 final, Brussels', 03.12.08* [The Eastern partnership: the European Commission report for the European Parliament and the Council of Europe: COM (2008) 823 final, 03.12.08]. European External Action Service. URL: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_ru.pdf (Accessed 12.04.2016) (In Russian).
5. Grinevetskii S.P., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. *Geopoliticheskoe kazino Prichernomor'ya* [Geopolitical casino of the Black Sea Coast]. Moscow, Vostok-Zapad, 2009. 351 p.
6. Gusseinov V.A. *Yuzhnyi Kavkaz: tendentsii i problem razvitiya (1992-2008 rr.)* [The South Caucasus: trends and problems of development (1992-2008)]. Moscow, Krasnaya Zvezda. 2008. 392 p.
7. Melik – Shahnazarov A. *Nagornyi Karabakh: fakty protiv lzhi. Informatsionno-ideologicheskie aspekty nagorno-karabakhskogo konfliktika* [The Nagorno-Karabakh: facts against lies. Information-ideological aspects of the Nagorno-Karabakh conflict]. Moscow, Volshebnyi fonar. 2009. 768 p.
8. Melikian Dzh. *Armeniiia i Evraziiskii soiuz: ot sotrudnichestva do in-tegratsii* [Armenia and the Eurasian Union: from cooperation to integration]. *Analiticheskie zapiski Instituta Kavkaza, fevral' 2015 – Analytical reports of the Caucasus Institute, February 2015*. URL: http://c-i.am/wp-content/uploads/policy-brief-02_2015_ru.pdf (Accessed 10 April 2016) (In Russian).
9. Mendkovich N. *Posledstviia assotsiatsii s ES dlia Gruzii* [The consequences of association with the EU for Georgia]. *Nauchnoe obshchestvo kavkazovedov – Scientific society of Caucasus researchers*. Available at: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/07/02/posledstvia-associacii-s-es-dlya-gruzii.html> (Accessed 02.02.2016) (In Russian).
10. *Ramochnyi dogovor stanet osnovoi politicheskikh i ekonomicheskikh otnoshenii mezhdue Armeniei i ES* [The framework agreement will become the base for the political and economic relations between Armenia and the EU]. *Novosti – Armenia – News - Armenia*. URL: <http://newsarmenia.am/news/politics/ramochnyy-dogovor-stanet-osnovoy-politicheskikh-i-ekonomicheskikh-otnosheniy-mezhdu-armeniy-i-es-po/> (Accessed 14.03.2016) (In Russian).
11. *Rezultaty oprosa obshchestvennogo mneniia v Gruzii* [Results of public opinion poll in Georgia]. *The Caucasus online*. URL: <http://kavkasia.net/Georgia/2015/1450730167.php> (Accessed 14.03.2016) (In Russian).
12. *Soglashenie o partnerstve i sotrudnichestve mezhdue ES i Azerbaidzhanom 1996 g.* [The partnership and cooperation agreement between the EU and Azerbaijan, 1996]. *Moskovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaiia akademiia* [Moscow State Law Academy]. URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_azer.htm (Accessed 11.03.2016) (In Russian).

■ Мировая политика

13. *Soglasenie o partnerstve i sotrudnichestve mezhdu ES i Armeniei 1996 g.* [The partnership and cooperation agreement between the EU and Armenia, 1996]. Moskovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaia akademiia [Moscow State Law Academy]. URL: eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_armenia.htm (Accessed 11.03.2016) (In Russian).
14. *Soglasenie o partnerstve i sotrudnichestve mezhdu ES i Grusiei 1996 g.* [The partnership and cooperation agreement between the EU and Georgia, 1996]. Moskovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaia akademiia [Moscow State Law Academy]. URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_georgia.htm (Accessed 11.03.2016) (In Russian).
15. Chernyavskii S. *10 let istorii Azarbaidzhana (2003-2013)* [Ten years of Azerbaijan history (2003-2013)] . Moscow, FLINTA, 2013. 416 p.
16. «luzhnyi gazovyi koridor» - odin iz krupneishikh proektov sovremennosti [The Southern Gas Corridor is one of the largest projects of modern times]. Trend. URL: <http://www.trend.az/business/energy/2509193.html> (Accessed 18.03.2016) (In Russian).
17. Iumatov K. Evoliutsiia politiki Evropeiskogo soiuzna na luzhnom Kavkaze [The evolution of the European Union policy in the Southern Caucasus]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [The Bulletin of Tomsk State University]. 2012. No 1, Pp. 127-131 (In Russian).
18. Alexeicius S.-D., Babichenko K.N. The EU's Neighborhood policy to-wards the Southern Caucasus: searching for commonality in a patchy scenario. *Baltic Journal of Law and Politics*. 2013. Vol. 6. No 2. Pp. 75-101.
19. Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part. *Official Journal of the European Union*. URL: http://eeas.europa.eu/georgia/pdf/eu-ge_aa-dcfta_en.pdf (Accessed 15.02.2016).
20. Bishku M.B. The South Caucasus Republics: relations with U.S. and EU. *Middle East Policy*. 2015. Vol. 22. Pp. 40-57.
21. *European Union, Trade in goods with Azerbaijan. European Comission* URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113347.pdf (Accessed 16.03.2016).
22. Georgia's 2015 Foreign Trade. URL: <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=28924> (Accessed 15.03.2016).
23. *Implementation of the European Neighbourhood Policy in Armenia. Progress in 2014 and recommendations for actions:* Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions . EC Doc. SWD (2015) 63 final. - Brussels, 25.03.2015.
24. OPEC Annual Statistical Bulletin. URL: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2015.pdf (Accessed 16.03.2016).
25. Pardo Sierra O.B. No man's land? A comparative analysis of the EU and Russia's influence in the Southern Caucasus. *Communist and Post-Communist Studies*. 2011. Vol. 44. Pp.233-243.
26. Simão L. The problematic role of EU democracy promotion in Armenia, Azerbaijan and Nagorno-Karabakh. *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. Pp. 193-200.
27. The 2015 ENP package «Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2014». *Official Journal of the European Union*. URL: http://eeas.europa.eu/enp/documents/progress-reports/index_en.htm (Accessed 15.02.2016).

About the author

Barakhvostov Pavel Aleksandrovich – Phd student of the Department of diplomatic and consular service at the Faculty of international relations of Belorussian State University.
E-mail: pavelbarakhvostov@yahoo.com.

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ: ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

А.И. Подберёзкин

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

.....

В современных международных отношениях продолжает усиливаться влияние цивилизационной динамики, анализ которой позволяет делать долгосрочные прогнозы. Процессы на цивилизационном уровне протекают относительно медленно и обладают существенной инерцией. Поэтому определив существующие тренды на данном уровне, мы можем строить прогнозы на будущее. Характер отношений между цивилизациями транслируется по иерархической цепочке вниз, переходя на уровень международной обстановки, затем – военно-политической обстановки, и наконец, стратегической обстановки. Проведённый анализ показывает, что цивилизации с высокой степенью вероятности придут к столкновению, при этом это будет военно-силовое столкновение. В этом противостоянии с каждым годом будет нарастать роль «мягкой силы», а значение жёсткой силы – снижаться. Для победы в таком противостоянии необходимо перестраивать сегодня и стратегическое прогнозирование, и планирование и перестраивать всю военную организацию армии России. Принципиальными условиями победы являются развитие национального человеческого капитала, а также формирование национальной идеологии.

.....

Ключевые слова: цивилизации, прогнозирование, планирование, международные отношения, человеческий капитал.

Долгосрочное прогнозирование международных отношений – задача крайне сложная, практически невыполнимая [5]. В данной статье представлен результат трёхлетней работы авторского коллектива, посвященной решению фундаментальной задачи выработки методологии долгосрочного прогнозирования системы международных отношений. В основу выработанной методологии положены следующие аксиоматические принципы:

- достоверность и полнота информации;
- системность международных отношений;
- уровневая иерархичность сценариев развития системы международных отношений;
- разная скорость развития сценариев международных отношений различного уровня;
- учёт переменной влияния национальных возможностей на развитие системы международных отношений;
- учёт переменной влияния элит на систему международных отношений;
- учёт переменной влияния общества и его институтов на систему международных отношений.

В системе международных отношений было выделено четыре уровня, которые не соответствуют принятому делению в теории международных отношений [10], однако отражают ту логику, которой пользуются военные: международная обстановка (МО, третий уровень), военно-политическая обстановка (ВПО, второй уровень) и стратегическая обстановка (СО, первый наиболее конкретный и локальный уровень). Эти три уровня авторский коллектив надстроил ещё одним наиболее общим уровнем локальных человеческих цивилизаций и предположил, что между всеми четырьмя уровнями существует иерархическая взаимозависимость, направление которой идет сверху вниз. При этом при переходе от более высокого к более низкому уровню происходит сужение вариантов возможных сценариев развития той или иной обстановки, так что дойдя до уровня стратегической обстановки, у нас должен остаться только один вариант сценария. Но и на самом верхнем цивилизационном уровне мы должны начинать анализ также только с одного сценария [4]. Разнообразие возможных сценариев возникает на третьем и втором уровнях, а на четвертом и первом допускается только один сценарий, который исследователи считают наиболее вероятным. Сценарий на первом уровне стратегической обстановки, таким образом, является отражением наиболее вероятного сценария на четвертом цивилизационном уровне, преломленном через третий и второй уровни, международной обстановки и военно-политической обстановки соответственно.

На каждом из выделенных уровней процессы и события развиваются с различной скоростью и имеют различную инерцию. Наиболее инерционным является уровень локальных человеческих цивилизаций. Наиболее дина-

мичным – уровень стратегической обстановки. Поэтому анализ ситуации на цивилизационном уровне позволяет сформулировать долгосрочный наиболее вероятный прогноз развития системы международных отношений, который будет уточняться в зависимости от развития ситуации на третьем и втором уровнях, пока не приобретет конкретно-актуальные черты стратегической обстановки.

При построении сценария развития системы международных отношений необходимо учитывать не только политику и возможности великих держав, но отдельно анализировать такие переменные как интересы элит и общества, выражаемые в деятельности не только государств, но и негосударственных акторов, таких как ТНК, МНПО, НПО и т.д. Иными словами, используемая методология сочетает в себе онтологию политического реализма и либерального плюрализма: учитываются и государства, и негосударственные акторы.

Для описания современного состояния мировой политики в ней были выделены следующие системные тенденции:

- **завершение однополярности.** Изменение соотношения экономических, финансовых, политических сил в мире не в пользу западной цивилизации;

- **одной цивилизации.** Формирование военно-политических коалиций на основе ТАП и ТТП, ускорение развития вооружений и военной техники, опережающие темпы развития военного искусства и управления;

- **«фазовый переход» человеческой цивилизации на новый этап развития в экономике, политике, военной области, социальной области.** Революционные изменения в стратегиях развития и росте в ближайшие 15-30 лет в экономике и финансах, технологиях, военной политике;

- **возникновение новых экономических и военно-политических центров силы** в лице Китая, Индии, Бразилии, Индонезии, России, Мексики и др.

Используя указанные выше принципы и исходя из описанного современного состояния мировой политики, было предположено, что события на Украине и в Сирии показывают, что главной особенностью развития международной обстановки и военно-политической обстановки в первой половине XXI в. будет усиление противостояния локальных человеческих цивилизаций, на базе которых будут созданы и укреплены военно-политические и финансово-экономические коалиции. Инициатором и главным действующим лицом такого противостояния будет западная локальная человеческая цивилизация, которая в начале XXI в. сосредоточила основные ресурсы влияния и контроля, сформировала лидирующую систему ценностей и нормы международного права. Стремление сохранить этот контроль в условиях усиления других ЛЧЦ и соответствующих центров силы военно-сило-

выми средствами будет лежать в основе стратегии западной ЛЧЦ в первой половине XXI в., которую с определенной степенью условности можно назвать «Стратегией военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ.

С 90-х гг. XX века основные противоречия между традиционными субъектами МО – государствами – были перенесены с идеологического и экономического уровня на цивилизационный, точнее на системы ценностей ЛЧЦ и их закрепление в системе интересов и норм. Это было замечено целым рядом ведущих политологов и некоторыми политиками [3, 5, 7, 8], но не стало в центре общественного и научного внимания по конъюнктурным политическим мотивам: Западу какое-то время не требовалось акцентировать внимание в его победе в холодной войне, а России не выгодно было признавать свое поражение. Другие ЛЧЦ и нации были настолько слабы, что не стали ещё полноценными субъектами мировой политики, что со временем изменилось: на мировую политическую арену стали выходить вполне влиятельные экономически и демографически новые центры силы, которые формировались на базе ценностей ЛЧЦ – китайской, исламской, индийской.

События в мире в последние 25–30 лет развивались именно по нарастающему конфликтному сценарию в связи с тем, что абсолютное господство западной ЛЧЦ во главе с США надо было не только закрепить политически и юридически, но и подготовить западную ЛЧЦ к будущей борьбе с новыми центрами силы, которые (как хорошо понимали уже в то время на Западе) неизбежно возникнут в качестве следствия быстрого развития, как минимум, некоторых ЛЧЦ.

Стремление сохранить контроль над созданными в XX в. военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире западной ЛЧЦ, с одной стороны, и неизбежное усиление отдельных ЛЧЦ и превращение их в конкурирующие центры силы, с другой, сначала XXI в. является ведущим сценарием развития взаимоотношений между западной и другими ЛЧЦ. При этом такая цель должна быть обеспечена следующими условиями:

- коалицией западной ЛЧЦ под эгидой и контролем США, в которую должно войти более 50 государств и наций, в т.ч. традиционно не относящихся к Западу;

- военно-техническим превосходством и использованием силы.

Наиболее вероятным сценарием развития МО в XXI в. таким образом, является сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» с другими ЛЧЦ, прежде всего, российской и китайской на евразийском ТВД от северной Европы до Юго-Восточной Азии.

Этот базовый сценарий практически будет означать, что:

- ослабление господства западной локальной цивилизации будет достаточно быстро сопровождаться ростом военного и иного насилия в мировой политике с её стороны, которое практически уже началось с самого начала нового века;

- военная сила вернется в качестве определяющего фактора лидерства западной ЛЧЦ и ликвидации остатков самостоятельности других ЛЧЦ в мировой политике. Она станет тем катализатором силовой политики западной ЛЧЦ, который должен привести к её усилению во всех областях;

Рисунок 1.

Базовый сценарий «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» до 2050 г. и его наиболее вероятные варианты реализации

■ Мировая политика

– евразийскую военно-политическую интеграцию в области ВПО и, в частности, объединенную ВКО, следует рассматривать как необходимое условие сохранения российской евразийской ЛЧЦ и развития Евразийского экономического и военно-политического союза;

– многополярность в будущем позволит сократить количество конфликтов идентичности и противостояния внутри отдельных локальных цивилизаций. При этом масштаб и интенсивность столкновений между отдельными локальными цивилизациями увеличится.

Отношения между ЛЧЦ и формируемыми на их основе коалициями и центрами силы будут решительным образом влиять на то, по какому из вариантов сценария «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» будет развиваться МО и ВПО. Исходя из оценок, существующих в настоящее время, таких вариантов одного и того же сценария может быть несколько, как минимум, три, которые отличаются друг от друга, прежде всего пропорциями использования военной силы, среди других силовых инструментов политики. Условно деление базового сценария на его варианты по этому принципу можно представить следующим образом (см. рис. 1).

Во-первых, это вариант, при котором западная ЛЧЦ захочет воспользоваться в самые короткие сроки своим коалиционным, и военно-техническим и экономическим превосходством, чтобы преимущественно военными средствами обеспечить существующее статус-кво в мире и остановить процесс изменения соотношения сил и существующих норм не в пользу Запада. («Вариант № 1») Такой вариант сценария «Военно-илового противоборства между ЛЧЦ» означал бы начало полномасштабных военных действий не только ведущими представителями исламской ЛЧЦ, но и российской, а в перспективе и китайской ЛЧЦ.

С самых разных точек зрения, но, прежде всего, с точки зрения военных рисков и экономических затрат, этот вариант наименее вероятный, наиболее опасен и экономически дорог. Велики также и другие издержки. Поэтому такой вариант сценария развития не исключается, более того, продолжает разрабатываться в качестве средства политико-психологического давления.

Во-вторых, это вариант, реализуемый в настоящее время («Вариант № 2»), при котором военная составляющая играет роль «усилителя» других средств силовой политики, обеспечивая им дополнительную эффективность. Этот вариант требует не просто сохранения военно-технического превосходства, но и увеличения его в отдельных областях (например, ВТО и ПРО) и на отдельных ТВД, прежде всего, в Европе и Юго-Восточной Азии.

Наконец, **в-третьих**, это вариант базового сценария, который, как представляется, име-

ет наибольшую перспективу в представлении западной ЛЧЦ («Вариант № 3»). Этот вариант предполагает усиление силового потенциала западной ЛЧЦ за счёт наращивания невоенных силовых средств и способов достижения политических целей, получивший название «новой публичной дипломатии». Речь идет, прежде всего, об опережающем развитии информационных, социальных и иных технологий, ориентированных на продвижение ценностей и норм западной ЛЧЦ и оказывающих решительное давление на правящие элиты противостоящих ЛЧЦ [1].

Стратегическое сдерживание, являющееся основой стратегии национальной безопасности России в настоящее время, должно быть скорректировано в направлении большей приоритетности защиты системы ценностей ЛЧЦ, безопасности её национальной элиты и общества и суверенитета «российского ядра» ЛЧЦ. В этой связи можно сделать некоторые конкретные предложения в методику анализа и долгосрочного прогноза развития МО и ВПО в мире и в Евразии, вытекающие из новой роли и значения ЛЧЦ в XXI веке:

1. Необходимо оперативно внести изменения в методику оценки и стратегического прогноза угроз национальной безопасности России, исходя из переноса акцентов политического и военного противоборства от традиционных субъектов МО – наций и государств – в направлении учёта факторов опережающего развития противостояния между ЛЧЦ. В частности:

– соотношение сил между различными субъектами МО и ВПО должно оцениваться и прогнозироваться, прежде всего, с учётом соотношения сил между противоборствующими и другими ЛЧЦ. В частности, приоритетное значение имеет сравнение и сопоставление военных сил между лидерами ЛЧЦ или их «ядрами», например, США и Китая, чему было посвящено, например, недавнее исследование РЭНД¹;

– необходимо внести коррективы в некоторые основные положения военного искусства, исходя из новой роли и значения ЛЧЦ, как основ для коалиций и фундамента новых центров силы;

– важно пересмотреть основные цели и задачи военного и силового противоборства ЛЧЦ и вытекающие из них угрозы безопасности России;

– исключительно важное значение имеет анализ и прогноз средств противоборства между ЛЧЦ с учётом нарастающего значения силовых (но невоенных) инструментов политики.

2. Необходимо уточнить методику оценки военно-политического характера внешних военных угроз с точки зрения преобладания цивилизационных угроз, нейтрализация которых не может быть обеспечена использованием только военной силы. Так, в бывшей Югославии и Сербии, прежде всего в Косово

¹ The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. – RAND, California, 2015.

и других районах страны, уничтожены церкви, приходы, школы, институты, иудеи и др. институты православно-славянской цивилизации. Аналогичная ситуация наблюдается в Сирии, Ираке и даже на Украине, где с помощью военных средств уничтожаются цивилизационные основы общества: религия, образование, культура, традиции.

3. Необходимо пересмотреть методику оценки **потенциальных угроз** национальной безопасности России, выделив в качестве наиболее приоритетных угрозы опережающему развитию национального человеческого капитала (НЧК) как в демографической, так и в социально-экономической и интеллектуальной области, а также его институтам (университетам, НКО и пр.).

В настоящее время НЧК и его институты рассматриваются в стратегии национальной безопасности России преимущественно с социально-экономической точки зрения, а институты – как средство укрепления или ослабления политической стабильности. Между тем именно НЧК и его институты в случае реализации Варианта № 3 будут играть роль своего рода «абсолютного оружия».

Примечательно, что и в случае развития базового сценария по Варианту № 1 или Варианту № 2 роль НЧК и его институтов будет стремительно расти и станет в короткие сроки определяющей, например, для определения эффективности ВиВСТ или ВС той или иной ЛЧЦ.

4. Необходимо **расширить спектр внешних военных угроз стратегического характера**, включив в них:

- угрозы отставания в темпах технологического, демографического и социально-экономического развития России;
- угрозы дальнейшей утраты позиций российского НЧК среди мировых показателей;
- отставание в темпах, количестве и качестве развития институтов развития НЧК.

5. Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI в. отразилось на **методике определения внешних военных конфликтов с учетом РФ и её союзников до 2040 г.** На мой взгляд, основным и, может быть, единственным, но главным ТВД станет Евразия по всему периметру границ России – от Арктики до границ с Монголией и регионом Дальнего Востока.

На каждом из отдельных участков этого евразийского ТВД будут лидировать отдельные представители западной ЛЧЦ «делегированные США, которым во втором эшелоне будут оказывать полную поддержку США и другие союзники по западной ЛЧЦ. На западном направлении это будут Германия и Польша, на юго-западном – Румыния, на южном – Турция и коалиция проамериканских арабских режимов, наконец, на восточном – Япония, Австралия, Новая Зеландия и США.

6. С точки зрения **прогнозирования влияния противоборства ЛЧЦ на военно-политический характер возможных внешних во-**

енных конфликтов с участием РФ до 2040 г., следует иметь в виду, что такой характер будет определяться:

– будущим характером политики западной ЛЧЦ, доминирующим вариантом базового сценария развития МО, её целями относительно России и её союзников. Представляется маловероятным, что характер западной ЛЧЦ и базовый сценарий противоборства будут радикально изменены до 2040 г. Речь может идти о важных, но частных изменениях между отдельными вариантами реализации базового сценария. В нашем случае – Вариантом № 1, Вариантом № 2 и Вариантом № 3, но вполне возможно и появление «гибридного» варианта этого сценария. Так, резкое обострение МО и отношений между ЛЧЦ (как, например, это произошло в 2001 г. между западной и частью исламской ЛЧЦ) может привести к доминированию наиболее радикального Варианта № 1;

– особенностью возможных войн, военных конфликтов, а также формируемой уже в настоящее время ВПО и СО. Этот вывод имеет важное значение в связи с неизбежными «технологическими прорывами», которые могут привести к резким изменениям в боевой эффективности не только отдельных систем, но и видов ВиВСТ. Так, возможное появление гиперзвукового ВТО или новых типов РЭБ может существенно повлиять на стратегическое искусство, а резкое повышение прицельности дальности (до 3 км), точности и мощности стрелкового оружия уже в ближайшие годы – к новой тактике на поле боя.

Военные конфликты западной ЛЧЦ с российской ЛЧЦ будут с высокой степенью вероятности иметь:

– **глобальный пространственный характер**, ограниченный «по суше» Евразией, но не ограниченный воздушно-космическим и информационным пространством;

– стремлением использовать против РФ **всю мощь** и полный состав коалиции западной ЛЧЦ, т.е. порядка 50-ти государств, контролируемых США;

– стратегией **эскалации силовых средств**, когда собственно военная сила служит обеспечением эффективности использования других средств новой публичной дипломатии – от образования и официальной дипломатии, до создания и поддержке экстремистских и террористических групп.

– массовым применением новых социальных и информационных технологий, дезинформации и специальных средств против представителей правящих элит и институтов развития НЧК [2].

7. С точки зрения противоборства ЛЧЦ, представляется необходимым внести **коррективы в методику прогнозирования стратегического характера** возможных внешних военных угроз РФ и её союзниками до 2040 г. в следующих областях;

– необходимости развития тактики и оперативного искусства, т.е. возвращения к классиче-

ской формуле военного искусства – от тактических побед к стратегическому выигрышу, от которой во многом отошли с появлением стратегического ЯО и наработки которых не развивались с конца 80-х гг. XX в. Военные действия между ЛЧЦ крайне маловероятно будут вестись сразу же на уровне СНВ из-за крайней степени риска. Военный конфликт будет развиваться по эскалации от применения невоенных силовых средств, через использование экстремистских групп и «пятой колонной», массового применения ВТО и создания «облачного противника» с применением ЧВК;

– стратегический характер внешних военных конфликтов с развитием ЛЧЦ будет определяться, прежде всего, интересами и ценностями этих ЛЧЦ, которые защищают и продвигают правящие элиты и институты развития НЧК. Прежде всего западной ЛЧЦ. Соответственно главными стратегическими целями в военных конфликтах до 2040 года станут правящие элиты противостоящих ЛЧЦ, их институты гражданского общества и управления. Это – главные объекты для силового воздействия (военного и невоенного) западной ЛЧЦ в России и странах-союзниках;

– необходимо учитывать, что в XXI в. будет возрастать «обратное» (реверсное) влияние конфликтов СО на ВПО и МО.

8. Развитие противоборства между ЛЧЦ в XXI в. требует переоценки **методики прогнозирования вариантов ведения войн и отдельных военных конфликтов в целом**, которые в будущем будут иметь:

– **системный характер**, т.е. использовать весь арсенал не только военных, но и гражданских средств и способов насилия, а также информационных и социальных технологий. Собственно война и военные конфликты перестанут быть «чисто» военным явлением. Как уже показывает реальность сегодняшнего дня, отдельная война или конфликт становятся прежде всего цивилизационным конфликтом.

Примечательно, что эта тенденция быстро развивается и применительно к внутренним войнам и конфликтам, которые могут возникнуть или быть инициированы извне на цивилизационной (национальной, религиозной и пр.) основе;

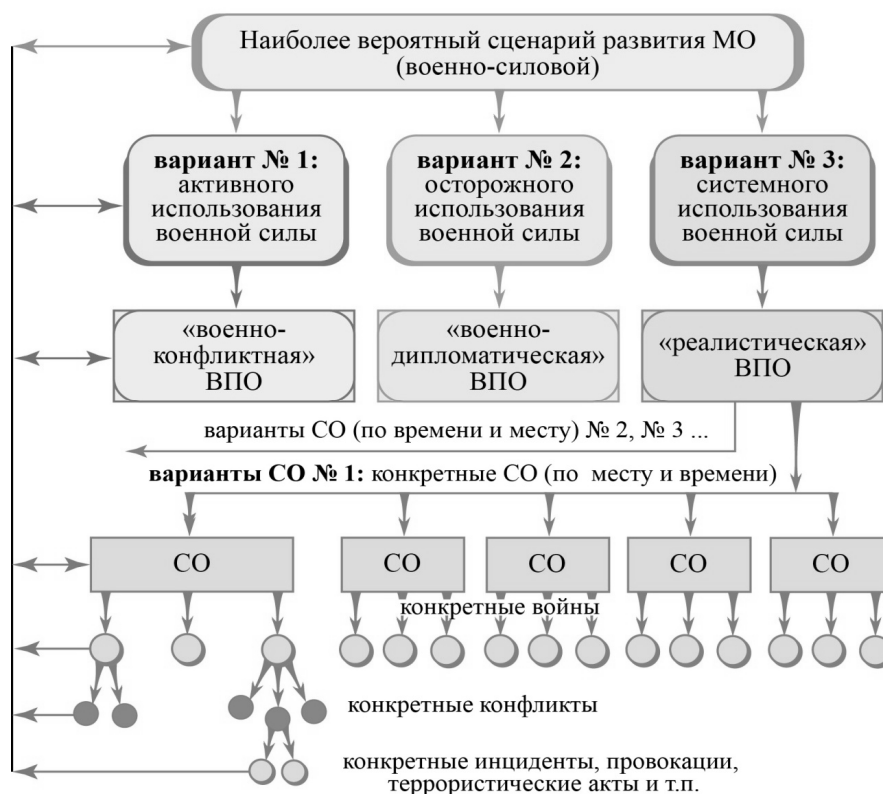
– **сетевидный характер**, когда системное использование насилия предполагается против многих объектов, включая персонально лиц, отвечающих за управление государством и ВС.

9. Противоборство ЛЧЦ в XXI в. вносит существенные изменения в формирование конкретных вариантов СО, характер особенности войн и военных конфликтов. В этой связи предлагается рассматривать их прежде всего в иерархии развития отношений между ЛЧЦ, которые выражаются в тех или иных сценариях и их вариантах МО и ВПО, позволяющей выделить их конкретные особенности. (см. рис. 2).

Из предлагаемого рисунка видно, что основные характерные черты и особенности будущих войн, конфликтов и инцидентов формируются прежде всего под влиянием отношений между

Рисунок 2.

Иерархия развития СО, войн и конфликтов в XXI в.

ЛЧЦ, которые, в свою очередь, формируют тот или иной сценарий (и его варианты) развития МО и ВПО.

Нельзя однако игнорировать и обратное влияние – когда СО и даже отдельные конфликты и инциденты влияют на формирование ВПО и даже МО. Можно привести два примера, иллюстрирующих эту мысль.

Так, военный конфликт на востоке Украины в 2014–2016 гг. резко ухудшил МО и ВПО в Европе и во всём мире, хотя нельзя говорить, что он стал единственным и даже главным фактором, повлиявшим на развитие МО и ВПО.

Другой пример, более частный: сбитый в Сирии бомбардировщик ВС РФ вряд ли можно отнести к категории военного конфликта. Это – военный инцидент, быстро переросший в политико-дипломатический конфликт России и Турции.

Таким образом **методика анализа и прогноза возможных и вероятных вариантов будущих войн и конфликтов** должна исходить прежде всего из анализа и прогноза развития сценариев (и их вариантов) развития МО, ВПО, а также вероятных конкретных СО, войн, конфликтов и инцидентов, которые сами могут также влиять на формирование МО и ВПО.

Сказанное также означает, что при анализе и прогнозе будущего характера войн и конфликтов необходимо учитывать перспективы развития ЛЧЦ, вероятные сценарии развития МО (и их варианты), а также другие невоенные факторы.

Развитие различных сценариев (и их вариантов) взаимоотношений ЛЧЦ в XXI в., реализуемых в тех или иных сценариях (и их вариантах) МО и, как следствие, ВПО, создаёт не только основу для анализа и прогноза будущих войн и конфликтов, но и фундамент для анализа и прогноза **способов их ведения** по направлениям развития кризисных ситуаций.

Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI в. ведёт к революционным изменениям в средствах ведения войн и осуществления всей силовой политики, а также способах их ведения, что уже на самой ранней стадии анализа позволяет сделать важные методологические выводы:

а) способы ведения вооруженной борьбы в XXI в. меняются радикально, революционно, требуя **пересмотра традиционных положений военного искусства**. Учитывая революционные изменения в информатике, средствах связи и управления, можно сказать, что в XXI в. произошла революция в области военного искусства, которая пока что не нашла до конца своего осмысления. Так, если прежде система управления войсками допускала управление из главного штаба соединениями и отдельными частями, то уже в ближайшем будущем это будет возможно применительно к отделению и даже отдельному военнотруженику.

На место центрального управления в массовом порядке приходит сетевое управление из разных центров в режиме online,

а также высокая степень сочетаемости военных, политических, экономических и иных решений;

б) следует признать, что разработка новых способов ведения войн и конфликтов (как и все социальные теории) в настоящее время отстаёт от разработки средств и технологий, т.е. новые материальные и информационные военные и иные возможности значительно опережают знание о том как их применяют. Это означает, что особое внимание требуется уделить развитию военного искусства на качественно новой теоретической и методологической основе;

в) среди новых способов ведения войн особое значение приобретают силовые, но невоенные способы борьбы, прежде всего, информационной, социальной и кибернетической.

Любая война преследует конечные политические цели, которые прежде, как правило, носили ограниченный характер и предполагали возможности достижения компромисса, удовлетворяющего обе стороны. Даже капитуляция без всяких условий Германии и Японии в 1945 г. не предполагала уничтожения этих государств, а тем более наций.

Противоборство ЛЧЦ существенно изменило эту ситуацию. Теперь победа в противоборстве между ЛЧЦ предполагает:

- признание норм и правил, созданных той или иной ЛЧЦ на базе их системы ценностей и интересов, в качестве единственных и универсальных;
- потерю национальной идентичности и государственного суверенитета;
- смену правящих элит на такие элиты, которые смогут эффективно выполнять установки, сформулированные победившей ЛЧЦ.

Таким образом, военный конфликт между ЛЧЦ, а тем более война не предполагают компромисса, а переговорный процесс предполагает только политическую победу. В такой войне преследуются самые решительные цели, а значит используются самые эффективные средства и способы ведения военных и иных действий. Бескомпромиссность таких войн дополняется усилением их антигуманной направленности по отношению к мирным жителям, которые чаще и в больших масштабах становятся жертвами таких войн и конфликтов.

Глобальный конфликт, а тем более война между ЛЧЦ, предполагает глобальный охват и использование всех ресурсов ЛЧЦ. Причём не только военных, но и гражданских. Расстановка сил ЛЧЦ происходит ещё до начала военного конфликта или войны, так как требует не только создание соответствующих вооружений, но и инфраструктуры заранее, что существенно повышает их боевую эффективность. Учитывая, что конфликт между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ в Евразии может происходить на начальной стадии вдоль периметра границ РФ–ОДКБ и КНР, то следует неизбежный вывод о стремлении западной ЛЧЦ создать соответствующую инфраструктуру, а также разместить тяжёлую

■ Мировая политика

военную технику вдоль этих границ. Размещение систем ПРО в Польше и Румынии, частей тяжелой техники вдоль границ с РФ в 2016 г., – примеры таких действий.

Приведённый прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями и его выводы демонстрируют не только необходимость перестройки и системы плани-

рования и строительства военной организации в России, но и, необходимость повышенного внимания ценностным, цивилизационным вопросам. Очевидной становится необходимость в формировании национальной идеологии, фиксирующей основные цивилизационные ценности России.

Список литературы

1. Зиновьева Е.С. Российские интересы в сфере управления интернетом // Международные процессы. 2009. № 19. Т. 7. С. 101-108.
2. Коротков А.В., Зиновьева Е.С. Безопасность критических информационных инфраструктур в международном гуманитарном праве // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 4. С. 154-162.
3. Baumgartner J. C., Francia P. L., Morris J. S. A clash of civilizations? The influence of religion on public opinion of US foreign policy in the Middle East // Political Research Quarterly. Jun., 2008. Vol. 61, No. 2. Pp. 171-179.
4. Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a "Civilizational Politics" Line of Research // International Studies Review. 2014. Vol. 16. Pp. 1-28.
5. Casanova J. Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities // Current Sociology. 2011. Vol. 59. No. 2. Pp. 252-267.
6. Choucri N., Robinson T. W. (ed.). Forecasting in international relations: Theory, methods, problems, prospects. San Francisco : WH Freeman, 1978. 468 p.
7. Díez-Nicolás J. Two contradictory hypotheses on globalization: Societal convergence or civilization differentiation and clash // Comparative Sociology. 2002. Vol. 1. No. 3-4. Pp. 465-493.
8. Henderson E. A., Tucker R. Clear and present strangers: the clash of civilizations and international conflict // International Studies Quarterly. 2001. Vol. 45. No. 2. Pp. 317-338.
9. Inglehart R., Norris P. The true clash of civilizations // Foreign policy. November 4, 2009. Pp. 63-70.
10. Singer J. D. The level-of-analysis problem in international relations // World Politics. 1961. Vol. 14. №. 01. Pp. 77-92.

Об авторе

Подберёзкин Алексей Иванович – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ 14-18-02973 «Долго-срочное прогнозирование развития международных отношений».

LONG-TERM FORECASTING THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN LOCAL HUMAN CIVILIZATIONS: CONCLUSIONS AND PROPOSALS

A.I. Podberezkin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is the form of scientific report on the results of three year long project on methodology of long term forecasting the development of the system of international relations. The methodology is based on the following assumptions: input information is accurate and complete; international relations constitute a system, scenarios for different levels of international relations development are hierarchically interdependent; the speed of development is different on various levels of international relations; various national capabilities affect the development; elites affect international relations; civil society affect international relations. Based on this assumption the author builds the most probable scenario of intercivilizational relations which is military coercive interaction. The role of soft power will increase its share in the toolkit of the confrontational politics. To win in this confrontation it is necessary to review the current practices*

of strategic forecasting and planning and to rebuild the entire military organization of the Russian army. The principal condition for the victory is development of national human capital, as well as the formation of the national ideology.

Key words: civilization, forecasting, planning, international relations, human capital.

References

1. Zinoviev E.S. Rossiiskie interesy v sfere upravleniia internetom [Russia's interests in the field of Internet governance]. *International processes*. 2009. Vol. 7. No. 19. Pp. 101-108.
2. Korotkov A.V., Zinoviev E.S. Bezopasnost' kriticheskikh informatsionnykh infrastruktur v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [Safety critical information infrastructures in international humanitarian law]. *MGIMO Review of International Relations*. 2011. No 4. Pp. 154-162.
3. Baumgartner J. C., Francia P. L., Morris J. S. A clash of civilizations? The influence of religion on public opinion of US foreign policy in the Middle East. *Political Research Quarterly*. Jun., 2008. Vol. 61, No. 2. Pp. 171-179.
4. Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a "Civilizational Politics" Line of Research. *International Studies Review*. 2014. Vol. 16. Pp. 1–28.
5. Casanova J. Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities. *Current Sociology*. 2011. Vol. 59. No. 2. Pp. 252-267.
6. Choucri N., Robinson T. W. (ed.). *Forecasting in international relations: Theory, methods, problems, prospects*. San Francisco : WH Freeman, 1978. 468 p.
7. Díez-Nicolás J. Two contradictory hypotheses on globalization: Societal convergence or civilization differentiation and clash. *Comparative Sociology*. 2002. Vol. 1. No. 3-4. Pp. 465-493.
8. Henderson E. A., Tucker R. Clear and present strangers: the clash of civilizations and international conflict. *International Studies Quarterly*. 2001. Vol. 45. No. 2. Pp. 317-338.
9. Inglehart R., Norris P. The true clash of civilizations. *Foreign policy*. November 4, 2009. Pp. 63-70.
10. Singer J. D. The level-of-analysis problem in international relations. *World Politics*. 1961. Vol. 14. №. 01. Pp. 77-92.

About the author

Alexei I. Podberезkin – Doctor of Economics, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

The article is written with the financial support of RSF 14-18-02973 «Long-term forecasting of the development of international relations.»

ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СДЕРЖИВАНИЯ ПОСЛЕ 2021 г.

В.В. Каберник

ПИР-центр. Москва, ул. Дружинниковская, 30, стр. 1, офис 110.

Статья рассматривает перспективы трансформации системы международного стратегического сдерживания в XXI в., уделяя особое внимание структуре обязывающих соглашений после 2021 г. После истечения срока действия основополагающего договора об ограничении стратегических наступательных вооружений СНВ-3 потребуется выработка новой системы соглашений, причём, возможно, в многосторонних форматах. На этом фоне выдвигается гипотеза о возможности построения новой системы сдерживания на основе единого многостороннего соглашения.

В разделе, посвящённом динамике сокращений, представлена краткая ретроспектива по выполнению основных положений договора СНВ-3. Проведены количественные оценки потенциала сторон, рассмотрены действующие и перспективные программы модернизации наступательных вооружений, проведены оценки перспектив развития ядерной триады.

Далее в статье представлен геопространственный анализ, детально рассматривающий возможности по взаимному сдерживанию на примере трёх-сторонней схемы, включающей в себя в дополнение к подписантам СНВ-3 Китай, Великобританию и Францию, как страны с наиболее значимым ядерным потенциалом. В последующих разделах анализ расширен для учёта факторов ПРО, РСМД, неконвенционального использования пусковых установок ЕвроПРО. Проведена оценка фактора ПРО на выработку будущих соглашений по ограничению стратегических наступательных вооружений. Отдельно проведены количественные оценки потенциалов третьих стран, показана несопоставимость их потенциала в сравнении с двумя основными ядерными державами мира.

На приведённом материале последовательно показана бесперспективность заключения многосторонних соглашений в области стратегического ядерного сдерживания в обозримом будущем, при наблюдаемом разрыве в наступательных потенциалах. Одновременно с этим выдвигаются предложения по поэтапному вовлечению третьих сторон в частные соглашения, призванные сократить общий уровень напряжённости.

В заключение выдвигается ряд предложений по построению многовекторной политики в области стратегического сдерживания для России, которая способна повысить уровень безопасности в Европе, а также на других стратегических направлениях.

Ключевые слова: ядерное оружие, стратегическое сдерживание, международные соглашения, СНВ-3, внешняя оборонная политика, многовекторные отношения, многосторонние договоры.

В 2021 г. прекращается действие договора СНВ-3, который наряду с договорами по РСМД от 1987 г. и режимом ДНЯО составляют основу современной системы сдерживания. На фоне наблюдаемого обострения российско-американских отношений переговорный процесс по продлению действия СНВ-3 – по взаимному согласию сторон действие договора может быть продлено еще на 5 лет – практически заморожен¹. Несмотря на то, что официальные представители МИД РФ высоко оценивают структуру соглашений по СНВ, а также считают неактуальным выход из этого договора в связи с развертыванием систем ПРО США на своей территории и в Европе², независимые эксперты всё чаще высказывают мнение о том, что основные положения СНВ-3 должны быть пересмотрены с учётом меняющихся политических реалий.

В западных публикациях всё чаще высказываются довольно радикальные концепции, берущие свое начало из заявлений президента Обамы в начале его первого срока. Поддерживая идеи о полном отказе от ядерного оружия как средства обеспечения международной стабильности, ряд иностранных экспертов, очевидно, стараются подвести научное обоснование под подобные заявления [14]. Особое внимание при этом уделяется финансово-экономическим проблемам поддержания значительных ядерных арсеналов, высказываются идеи о сокращении классической стратегической триады до «диады» – демонтажу МБР наземного базирования как устаревших. Подспудно предполагается, что Россия, как основной контрагент сдерживания произведет аналогичные сокращения, несмотря на принципиально иную структуру СЯС РФ.

Более глубокие исследования, такие как книга Терезы Делпех, изданная RAND Corporation [13], рассматривают вопрос эволюции схем сдерживания в исторической перспективе. Общий вывод при этом остается прежним: существующая двусторонняя схема сдерживания с развалом СССР устарела и должна быть пересмотрена. Этот тезис обосновывается на самых различных уровнях, включая критику теории игр с нулевой суммой, саму концепцию взаимного гарантированного уничтожения, а также возрастающую опасность международной стабильности при использовании типичного для времен холодной войны подхода ответно-встречного удара.

С подобными заявлениями можно дискутировать по целому ряду основополагающих деталей, но нельзя не согласиться с основным выводом: система взаимного стратегического сдерживания, основанная на ряде соглашений, заключенных между США и СССР, а также Россией в настоящий момент нуждается в перера-

ботке. Одним из подходов к такой переработке является вовлечение в систему сдерживания большего количества участников на основе многосторонних обязывающих соглашений.

Комплекс предложений по пересмотру основополагающих соглашений, обеспечивающих стратегическую стабильность, довольно широк, и традиционно для России включает в себя критику выхода США из договора по ПРО, упоминания о нарушении 13-й статьи договора СНВ-3, проблемы возвратного потенциала, тактического ядерного оружия (ТЯО), размещенного в Европе, а также перспектив возобновления переговоров по ДОВСЕ-2, в настоящее время практически утопичных [5]. Объем настоящей статьи не позволяет рассмотреть эту проблематику в полном объеме. Наибольший интерес, однако, вызывает предложение о вовлечении в договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (далее в тексте СНВ) не только России и США, но и других ядерных государств – «как юридических так и фактических». [5]

Безусловно, вовлечение всех государств, располагающих ядерным оружием, в глобальную систему сдерживания является желательным результатом, и в перспективе могло бы положительно повлиять на укрепление международной стабильности [5]. Однако детальное рассмотрение ядерных потенциалов, равно как и взаимного географического положения ядерных держав, вызывает серьезные сомнения в реализуемости предлагаемой концепции.

В настоящей статье мы сфокусируемся на рассмотрении возможности вовлечения в договоренности по ограничению СНВ дополнительных государств, прежде всего Китая и других государств – членов договора о нераспространении ядерного оружия: Великобритании и Франции.

Динамика сокращений

Статья 2 договора СНВ-3 ограничивает суммарные количества стратегических наступательных вооружений России и США до 700 развернутых носителей (МБР, БРПЛ и стратегических бомбардировщиков) и 1550 боезарядов на развернутых носителях (МИД России, 2010), причём предельный уровень для развернутых и неразвернутых носителей устанавливается в 800 единиц. По оценкам СИПРИ, на момент заключения соглашения по СНВ-3 США располагали примерно 2150 развернутыми боезарядами, а ядерный арсенал России насчитывал около 1800 боезарядов. Отметим, что приведённые цифры отражают оценки лишь развёрнутых боезарядов. В то же время А.Арбатов в своей статье «Много-

¹ В эфире «Первого канала» от 23.03.2015 глава комитета по международным делам К.Косачёв отметил, что «Это значит, что с 2021 года мы можем оказаться в правовом вакууме. И тогда у США не будет ограничителей для перевооружения триады и развития оружия массового поражения.»

² См. например заявления замглавы МИД РФ С.А. Рябкова <http://tass.ru/politika/3279343> http://ria.ru/defense_safety/20160527/1439940628.html (проверено 18.08.2016)

■ Мировая политика

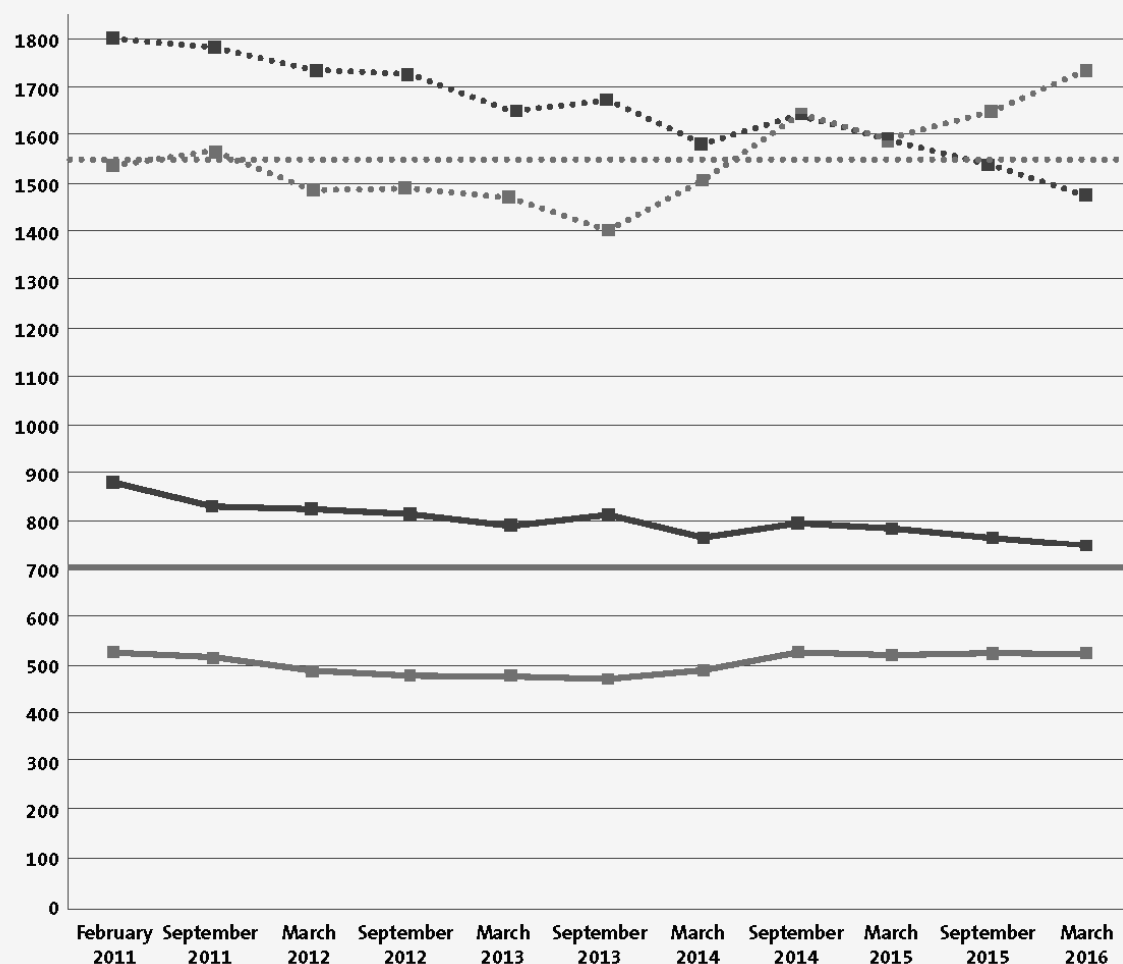
стороннее ядерное разоружение» [1] приводит цифры совсем другого порядка: 11000 и 8500 боезарядов в арсеналах России и США соответственно на начало 2012 г.

Следует отметить, что приводимые А.Арбатовым цифры надо рассматривать с некоторой долей критicismа. Это количество включает в себя не только заскладированные и развернутые боезаряды (включая тактические), но и ожидающие утилизации. По тем же оценкам СИПРИ на 2012 г. число ожидающих утилизации боезарядов для России и США составляло 5500 и 3100 соответственно, что приводит к более реалистичной оценке в 5500 и 5400 боезарядов, готовых к применению в 2012 г. Разница в 100 бое-

зарядов не оказывает существенного влияния на стратегический паритет, особенно с учётом того, что часть этих боезарядов относится к тактическому ядерному оружию (далее в тексте – ТЯО). Тем не менее, даже с учётом приведенной поправки, оценки, сделанные А.Арбатовым в его статье демонстрируют кратное превосходство ядерных арсеналов России и США не только над отдельными государствами, но и над совокупным ядерным арсеналом всех остальных стран мира.

Рассмотрим современное состояние сил сдерживания России и США. По данным, приведенным в статье «Коммерсант Деньги» [8], по состоянию на середину 2016 г. Россия располага-

Таблица I: Число развернутых боезарядов и развернутых носителей согласно обмену данными по Договору СНВ-3

Deployed ICBM/SLBM warheads, heavy bombers

..... U.S.
 Russia
 New START ceiling (Feb. 2018)

Source: U.S. State Department

Deployed Delivery Vehicles

..... U.S.
 Russia
 New START ceiling (Feb. 2018)

(Правообладатель: Ассоциация по контролю над вооружениями, 2016 г.; Источник: Государственный департамент США)

ет 322 развернутыми МБР и 192 развернутыми МБР, а также 76 стратегическими бомбардировщиками. Для США та же статья приводит количества в 450 МБР, 336 БРПЛ и 90 стратегических бомбардировщиков. Данные по СЯС США, приведенные «Коммерсантом» отличаются от статистики, которая приводится в статье, посвященной модернизации американского ядерного арсенала [13] от июня 2016 г., где общий потенциал США оценен в 1750 боезарядов, размещенных на 441 МБР, 288 БРПЛ и 94 стратегических бомбардировщиках. Судя по всему, это вызвано различным подходом к оценке количества развернутых БРПЛ, где заскладированные резервные ракеты с демонтированными боевыми блоками зачтены как оперативно готовые.

Однако, вне зависимости от подхода к оценке, очевидно, что оба государства – подписанта договора СНВ-3 в настоящий момент не вышли на установленные этим соглашением пороги в 700 развернутых носителей и 1550 боезарядов, которые должны быть достигнуты к 2018 г. Экспертами неоднократно указывалось, что если для США данное соглашение является соглашением по сокращению СНВ, то для России оно позволяет увеличить потенциал СЯС для достижения паритета. Именно этот процесс мы и наблюдаем в настоящий момент. Его динамику хорошо иллюстрирует график, приведенный в докладе «Отказ от конфронтации» Комиссии по проблемам глубокого сокращения ядерного оружия [12]:

Этот же график наглядно демонстрирует, что США и Россия избрали различный подход по выходу на установленные договором СНВ-3 пороги. Россия в текущий период практически не увеличивает количество носителей, поддерживая его на стабильном уровне. Это связано с естественным устареванием и снятием с вооружения ряда МБР предыдущих поколений, на смену которым приходят новые образцы с лучшими характеристиками. При этом демонтируемые со снимаемых с вооружения ракет боезаряды до их перехода в статус длительного хранения считаются американской стороной развернутыми, что показано как временное превышение порога по боезарядам, установленным договором.

Статистика по США на приведенном графике не соответствует действительности – число развернутых и резервных боезарядов согласно американским же источникам составляет около 1750 [14]. В то же время видно, что количество носителей в распоряжении США постепенно сокращается, причём в значительной мере это обусловлено их физическим устареванием и выводом из строя.

Показанная динамика по СЯС позволяет утверждать, что к 2018 г. обе стороны договора по СНВ-3 выйдут на согласованные пороги сокращений СНВ. Однако структура СЯС при этом будет существенно различаться. В России основу сил сдерживания составят современные и модернизированные носители с несколькими боезаря-

дами на каждом. В США к 2021 г. большинство носителей будет иметь значительный возраст, что предопределяет необходимость модернизации СЯС. Эта модернизация будет проходить по двум направлениям: увеличение срока службы имеющихся носителей ядерного оружия и разработка новых образцов с улучшенными или принципиально новыми характеристиками.

Согласно опубликованным Ассоциацией по контролю вооружений данным [14], программа увеличения срока службы МБР «Минитмен» подразумевает замену ракетного топлива, системы наведения, боевых блоков и других компонентов ракеты, что в результате позволит принять на вооружение фактически новый образец МБР при сокращении их количества на боевом дежурстве до 400 штук. Программа рассчитана на поддержание на боевом дежурстве таких модернизированных МБР вплоть до 2030 г. с параллельной разработкой МБР нового поколения, которая составит основу наземных сил сдерживания США вплоть до 2070 г.

По тем же данным, программа продления срока службы ПЛАРБ США подразумевает постепенный вывод ракетосцев класса «Огайо» из состава флота с 2021 г. Их должна заменить новая ПЛАРБ, которая войдет в строй в 2031 г. Общий количественный состав ПЛАРБ предполагается сохранять на уровне 12 боеготовых лодок. Основой их арсенала вплоть до 2042 г. предполагается сохранить БРПЛ «Трайдент-2», которая также пройдет модернизацию, связанную с заменой боеголовок и ракетного топлива. Следует ожидать, что программа модернизации также будет включать в себя замену систем наведения, что позволит придать модернизированной ракете новые характеристики.

Принятие на вооружение перспективного стратегического бомбардировщика предполагает производство 100 машин, которые заменят как устаревшие Б-52, в то время как Б-2 планируется сохранить на вооружении вплоть до 2058 г. Однако намного более серьёзную опасность представляет разработка новой крылатой ракеты воздушного базирования для бомбардировочного флота США. Программа LRSO предусматривает производство 1000-1100 ракет до 2060 г. Это количество включает в себя ракеты в ядерном и обычном оснащении.

Рассмотрение опубликованных документов по модернизации СЯС США позволяет выделить опорную дату: 2030 г. Именно к этому моменту на вооружение должны заступить новые ПЛАРБ, МБР и бомбардировщики. Отметим, что к 2030 г. срок действия договора по СНВ-3 в любом случае истекает, что подразумевает заключение нового соглашения, которое будет учитывать перспективные образцы вооружений и их изменившиеся характеристики. В то же время следует выделить период 2026-2030 гг., когда действующие соглашения – даже в случае их продления на 5 лет – не будут ограничивать СНВ сторон, а заключение новых будет еще преждевременным,

■ Мировая политика

поскольку не может учитывать перспективные, еще не состоящие на вооружении платформы. В то же время некоторый оптимизм вызывает то, что согласно опубликованным данным по модернизации СЯС, США не планируют увеличивать количество развернутых боезарядов сверх установленных договором СНВ-3 лимитов даже после 2026 г.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Как США, так и Россия к 2018 г. выйдут на установленные договором СНВ-3 лимиты по количеству носителей и боезарядов, причем для США это будет означать некоторое сокращение ядерного арсенала, в то время как для России – его модернизацию с некоторым увеличением количества носителей;

2. В 2021 г., к моменту прекращения действия СНВ-3, Россия будет обладать в значительной степени модернизированными СЯС, в то время как США только приступят к масштабной модернизации своих СНВ;

3. Модернизация СЯС США, начало которой запланировано на 2020-е гг., позволит принять на вооружение фактически новый класс средств доставки с существенно улучшенными характеристиками, которые могут нарушить складывающийся баланс сил к 2030 г.;

4. Ни Россия, ни США не планируют в настоящее время увеличивать количество развернутых боезарядов и носителей сверх установленных договором СНВ-3 порогов, что позволяет обеспечить паритет по силам сдерживания как минимум на среднесрочную перспективу;

5. Даже в рассмотрении установленных СНВ-3 порогов СЯС как России, так и США кратно превосходят СЯС третьих стран – Китая, Великобритании и Франции – количественно и качественно, причем это превосходство будет сохраняться.

В связи с обозначенным временем начала программы модернизации СЯС США, можно сделать вывод о том, что продление соглашения по СНВ-3 было бы выгодно российской стороне, поскольку будет способствовать сохранению стратегического паритета и обеспечивать необходимый уровень международной стабильности в переходный период до 2030 г. Однако ситуация не столь однозначна. Простое продление договора СНВ-3 создаёт предпосылки к возникновению стратегической неопределенности на период 2026-2030 гг., когда СНВ сторон не будут контролироваться или ограничиваться в мере, необходимой для поддержания адекватного уровня международной стабильности. К 2030 г. США получат практически полностью обновленную ядерную триаду, которая будет обладать принципиально новыми характеристиками. Перспективное соглашение по ограничению СНВ потребует серьезной работы экспертов с тем, чтобы учесть возможности обновленного ядерного потенциала США. При этом нельзя пренебрегать другими факторами: ростом воз-

можностей ПРО, появлением новых видов вооружений стратегического класса, распространением высокоточного оружия и т.п.

Оптимальным вариантом соглашения на промежуточный период 2021-2030 гг. был бы переработанный договор «СНВ-3+», который с одной стороны сохранил бы установленные в действующем договоре пороги, а с другой стороны позволил бы хотя бы в минимальной степени ограничить развитие перспективных носителей и средств доставки. Следует понимать, что такое соглашение может иметь лишь промежуточный статус, и для упрощения процедур его принятия текст договора по СНВ-3 должен быть подвергнут минимальным модификациям в части номенклатуры контролируемых вооружений и пределов возможной модернизации, т.е. соответствующих пунктов статей III и V договора. В качестве достоинств пересмотра номенклатуры можно отметить упрощение контроля по типам носителей в соответствии с п.8 Статьи III договора, которая в современном прочтении включает носители, снятые с вооружения.

Заключение нового соглашения по ограничению СНВ после 2030 г. представляется совершенно неизбежным. При этом в интересах российской стороны сохранение установленных СНВ-3 порогов, в то время как выдвигаемые США предложения о сокращении боезарядов до уровня 1000-1100 в настоящий момент выглядят привлекательно только с точки зрения миролюбивой риторики. Реальный же потенциал обновленных СЯС США еще предстоит оценить, причем не исключено, что предложения о сокращении количества боезарядов проистекают именно от уверенности в повышении эффективности их использования после проведенной модернизации.

Отдельной болезненной для России темой остается вопрос «возвратного потенциала» по боезарядам, где количественное превосходство США может создавать существенные угрозы обеспечению взаимного сдерживания. Согласно официальной статистике Министерства обороны США, по состоянию на сентябрь 2015 г. на вооружении находилось 4571 боезарядов [21]. Таким образом, за срок, прошедший с момента заключения договора СНВ-3, США осуществили утилизацию порядка 830 боезарядов. Ведущий специалист по разоружению Федерации американских ученых Х.Кристенсен при этом отмечает, что за 2015 г. США утилизировали лишь 109 боезарядов, а еще порядка 2300 списанных боеголовок ожидают демонтажа [18]. Это означает, что темпы сокращения ядерного арсенала США резко сократились с приходом в Белый дом администрации Обамы, а наибольшее сокращение стратегических наступательных вооружений произошло еще в период правления Дж.Буша.

Такое снижение динамики сокращений можно объяснить отказом администрации Обамы от программы RRW [14] – создания нового унифицированного ядерного боезаряда, который

должен был применяться на всех стратегических носителях США до 2040-х гг. Отказ от реализации программы в 2008 г. привел к тому, что выводимые из строя в связи с устареванием боезаряды – прежде всего W76, произведенные в 1978-1987 гг. – не утилизируются, а складировались с возможностью продления срока их эксплуатации еще на 30 лет, что подразумевало замену некоторых компонентов. Полученный боезаряд в арсенале СЯС США числится под индексом W76-1 и программа их производства на базе выводимых в резерв длительного хранения боезарядов W76 предусматривает получение 2000 ядерных зарядов к 2019 г [13]. Это количество может использоваться как опорное для оценки возвратного потенциала к моменту прекращения действия договора СНВ-3.

В то же время точно указать количество боезарядов, которое можно отнести к возвратному потенциалу, не представляется возможным. В связи с продолжающейся модернизацией СЯС России и США, снятием с вооружения устаревающих носителей и различиях в методиках подсчета оперативных резервов, количество неразвернутых боезарядов может колебаться в довольно широких пределах. Так, например, оценки количества развернутых боезарядов в России, сделанные Госдепартаментом США, демонстрируют на середину 2016 г. превышение порогов, установленных договором СНВ-3 на 200 штук [12]. Собственно оценки возвратного потенциала, которым располагают СЯС России, в открытых источниках отсутствуют.

Договор СНВ-3 никак не нормирует возвратные потенциалы по ядерным боезарядам, но в то же время можно предположить, что как Россия, так и США сохраняют значительное количество боезарядов в резервах различной степени готовности. Предполагаемое превосходство США по данному параметру связано прежде всего со значительным потенциалом по доразвертыванию боезарядов на уже существующих носителях, где техническая возможность по использованию разделяющихся головных частей позволяет при необходимости увеличить количество развернутых боевых блоков как минимум вдвое [11]. Однако такой диспаритет в процессе модернизации СЯС России постепенно сглаживается. Прежде всего, это связано с постепенной заменой моноблочных МБР РТ-2ПМ «Тополь-М» на РС-24 «Ярс» в оснащении тремя боезарядами, а также поступлением на вооружение новых РПКСН проекта 955 «Борей» с БРПЛ Р-30 «Булава», каждая из которых может нести до 10 боезарядов. При условии выполнения госпрограммы вооружений, к 2020 г. Россия будет иметь техническую возможность разместить на развернутых носителях не менее 3000 боезарядов при установленном договором СНВ-3 лимите в 1550. Таким образом, к 2021 г., когда придет время думать о заключении нового соглашения на смену СНВ-3, проблема превосходства США в части возвратного потенциала

по ядерным боезарядам в значительной степени будет сглажена. Это позволяет надеяться на конструктивный диалог в области дальнейшего регулирования СНВ и укрепление взаимного доверия в этой чувствительной области.

Геопространственный анализ

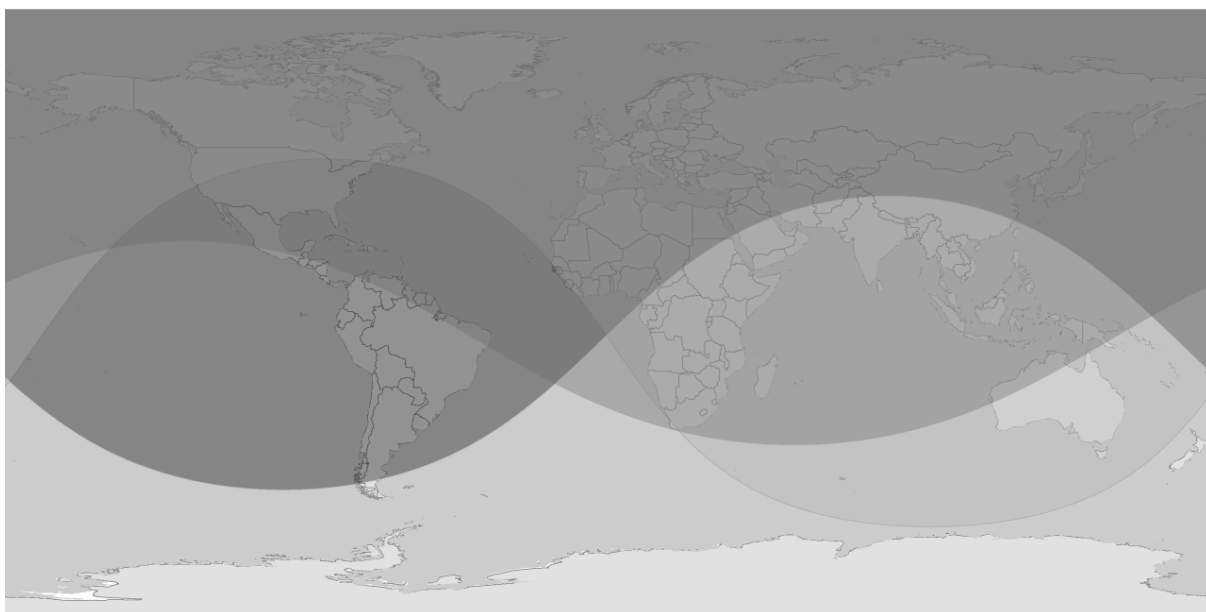
Серьезным недостатком всех оценок, лежащих в основе предложений по вовлечению в соглашения по ядерному сдерживанию третьих сторон, является то, что они предпочитают лишь абсолютным количеством боезарядов и средств доставки. В то же время, решающую роль в сдерживании играет даже не столько качество средств доставки и их выживаемость при преодолении ПВО/ПРО противника, сколько фактор досягаемости территории противника с использованием имеющихся средств.

С момента подписания договора по ОСВ-2 [10] в 1979 г. ни США, ни Россия не обладают потенциалом глобальной досягаемости в первом ударе. Напомним, что согласно положениям этого договора введено ограничение на размещение ядерного оружия в космосе, что в частности привело к снятию с вооружения ракеты Р-36орб, обладавшей глобальной досягаемостью.

Типично высказывается возражение о способности США нанести удар в любой точке планеты, связываемое с инициативой Prompt Global Strike (PGS) – глобального молниеносного удара. Однако эти предположения не поддерживают критики, поскольку концепция PGS предполагает использование имеющихся МБР и/или БРПЛ в неядерном оснащении, а их количество лимитировано соглашением СНВ-3 [9]. Кроме того, их досягаемость также не является в подлинном смысле глобальной и ограничена максимальной дальностью баллистической ракеты. Попытка же переориентировать часть средств доставки на нанесение неядерного удара неизбежно вызывает сокращение развернутых носителей в ядерном оснащении, что ослабит потенциал ответно-встречного удара и негативно сказывается на эффективном решении задач стратегического сдерживания. Таким образом, до принятия на вооружение перспективных средств доставки, таких как гиперзвуковые крылатые ракеты большой дальности и орбитальные платформы, ни одна страна мира не обладает стратегическим наступательным вооружением с малым – менее часа – временем реакции и глобальной досягаемостью.

Характерная досягаемость наиболее боевых средств доставки ядерного оружия для России и США составляет 10-11 тыс. км, а максимальная дальность МБР в моноблочном оснащении достигает 16 тыс. км. Сходные характеристики дальности имеют перспективные китайские МБР DF-41 и новейшие французские БРПЛ М51. Среди других государств, которые могли бы быть вовлечены в многосторонние соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений, средствами доставки

Схема ракетного покрытия России, США и Китая.

межконтинентальной досягаемости, вероятно, располагает только Израиль. Остальные страны – обладатели ядерного оружия полагаются на средства доставки средней или промежуточной дальности в лучшем случае.

Приведённая выше карта дает наглядное представление о досягаемости МБР с максимальной дальностью 11000 км, запущенной из известного места дислокации в России, США или в Китае. Светлым тоном показана досяга-

емость китайских МБР; темнее – российских; тёмным – ракет США.

Разумеется, данная иллюстрация схематична. В целях наглядности показана досягаемость только для одной точки, в то время как запуск МБР с разных баз приводит также к расширению досягаемости. Кроме того, на этой иллюстрации не отражён потенциал досягаемости БРПЛ, которые могут быть запущены из различных районов патрулирования ПЛАРБ.

Траектории МБР, вид с полюса.

В то же время даже в таком схематичном изображении наглядно видно, что Китай не способен имеющимися МБР поразить значительную часть территории США. США также не могут поражать цели на территории южного Китая без привлечения ПЛАРБ, разворачиваемых вдали от типичных зон патрулирования.

Еще более наглядна иллюстрация, представляющая планету при взгляде со стороны полюса:

Здесь на карту в вертикальной перспективе нанесен набор характерных траекторий МБР, размещенных в известных точках базирования в России, США и Китае без учета возможностей по достигаемости имеющихся МБР³. Карта наглядно иллюстрирует то, что траектории движения МБР при гипотетическом ударе Китая по целям в США неизбежно проходят над территорией России. На этой же иллюстрации видно, что траектории движения МБР из Китая по целям в России во многих случаях сходны с таковыми при гипотетическом ударе Китая по целям в США.

Из приведенного рассмотрения траекторий движения китайских МБР следует важнейший вывод: российская система предупреждения о ракетном нападении (СПРН) не способна с необходимой точностью отличить ракетный удар Китая по США от удара по целям в России. При этом подлетное время китайских МБР при ударе по целям в России крайне невелико, что оставляет очень мало времени для принятия решения об ответно-встречном ударе.

Таким образом, рассмотрение гипотетической ситуации «изолированного» ракетно-ядерного конфликта США и Китая без вовлечения России не выдерживает критики. Россия будет вынуждена реагировать на МБР, движущиеся в направлении ее территории с максимальной оперативностью для сохранения потенциала ответно-встречного удара.

Даже из приведенного простейшего геопространственного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Географическое положение России предопределяет возможности по поражению стратегических целей как в Китае, так и в США на любую глубину;

2. Географическое положение России предопределяет ее уязвимость от атак как из Китая, так и из США, причем возможные атаки из Китая проходят по коротким траекториям и характеризуются крайне малым подлетным временем;

3. Китай – даже в чисто географическом рассмотрении – не имеет в настоящее время возможностей по поражению стратегических целей на всей территории США. Такой потенциал может быть развит в будущем, с началом серийного производства МБР DF-41;

4. США в чисто географическом рассмотрении могут реализовать угрозу уничтожения не

более 50% китайского стратегического потенциала со своей континентальной территории. При этом не затрагиваются южные промышленные районы Китая, Гуаньчжоу, Шеньжень и т.д., а подлетное время оказывается большим при работе на максимальную дальность. В то же время США обладают возможностью поражения целей на любую глубину с использованием БРПЛ при развертывании ПЛАРБ в Тихом океане с некоторым ущербом сдерживанию России;

5. Траектории полета имеющихся и перспективных ракет из Китая по целям в США неизбежно проходят над российской территорией, в связи с чем их несогласованное применение может быть воспринято как атака на СЯС России, что вызовет ответный удар;

6. Траектории полета ракет из Китая по некоторым целям в России могут не вызвать ответного удара со стороны США, поскольку распознаются СПРН как не угрожающие;

Из этого следует, что – даже если пренебречь количественными оценками, приведенными в предыдущем разделе – Китай и США не находятся в полной мере в отношениях взаимного сдерживания. Таким образом, попытки вовлечения Китая в многостороннее соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений не вызовут интереса со стороны китайского правительства.

С другой стороны, Россия, находясь в зоне достигаемости стратегических наступательных вооружений Китая при очень малом подлетном времени по целям в Зауралье, должна быть заинтересована в заключении отдельного двустороннего соглашения с Китаем. Такое соглашение не может предусматривать взаимное сокращение ядерных вооружений, поскольку потенциалы России и Китая в этой области несопоставимы. В то же время подобное соглашение может включать в себя обязывающие пункты о взаимной ненаправленности наступательного потенциала, о сотрудничестве в части обмена данными по мониторингу ракетных запусков и установлению горячей линии между государствами для купирования возможных инцидентов.

Следует заметить, что на фоне отсутствия напряженности в российско-китайских отношениях предлагаемое соглашение может казаться излишним. В то же время, подходы к его заключению должны прорабатываться, поскольку наличие такого обязывающего пакта будет способствовать снижению международной напряженности и увеличению стабильности в регионе.

В приведенном геопространственном анализе не отражена роль стратегических наступательных потенциалов Франции и Великобритании. С точки зрения географии, траектории полета британских и французских БРПЛ отчетливо выделяются от траекторий средств достав-

³ На территории США в качестве возможных целей обозначена база Вандерберг, которая находится на грани достигаемости для китайских МБР.

ки, находящихся в распоряжении Китая и США, и не могут создавать проблем распознавания для СПРН. Проблема британского и французского потенциала в части СНВ, будет дополнительно рассмотрена ниже в соответствующем разделе.

Фактор ПРО

Статья XIV договора СНВ-3 даёт право выхода из него в одностороннем порядке, если сторона считает, что поставлены под угрозу её высшие государственные интересы. Уже в день принятия договора президентом России было сделано заявление относительно противоракетной обороны, в котором, в частности говорится: «Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, подписанный в г. Прага 8 апреля 2010 года, может действовать и быть жизнеспособным только в условиях, когда нет качественного и количественного наращивания возможностей систем противоракетной обороны Соединённых Штатов Америки». [13] Таким образом, российская сторона однозначно увязывает прогресс в развитии систем ПРО с возможностью дальнейшего продления СНВ-3.

Накал дискуссий о ПРО США и степени её влияния на взаимное сдерживание порождает массу противоречивых заявлений. Критики ПРО обычно указывают на высокие темпы производства ракет-перехватчиков и мобильность морских носителей, что может привести к существенному ослаблению потенциала ответного удара России даже при сравнительно невысо-

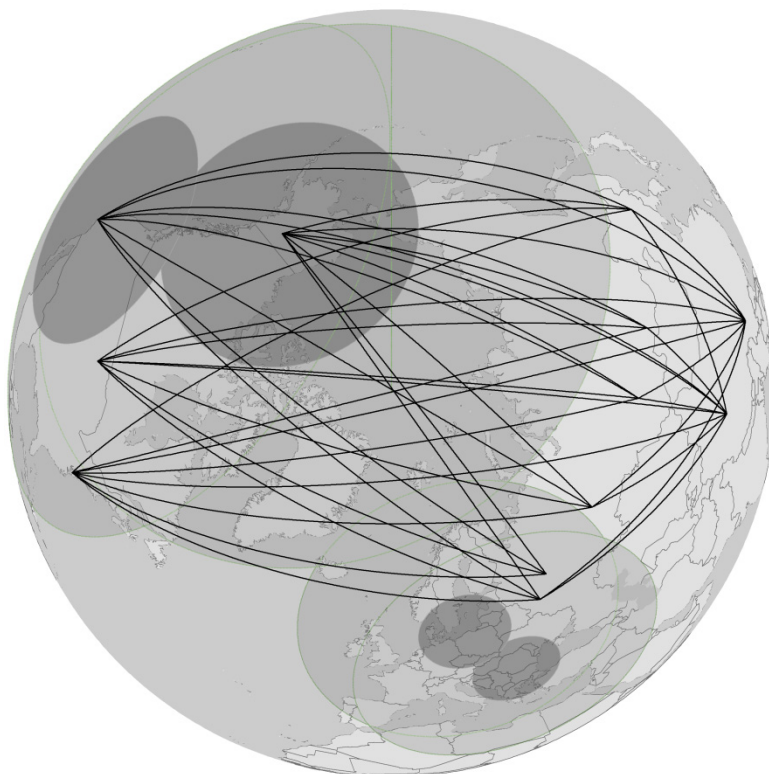
кой вероятности перехвата современных МБР и БРПЛ [6]. «Скептики» ПРО в то же время указывают на не доказанную эффективность средств перехвата против современных баллистических ракет, оснащенных комплексом средств преодоления ПРО, а также на недостаточную глубину выстраиваемой обороны, которая не сможет эффективно парировать ответный удар, и не предотвратит нанесение неприемлемого ущерба [3]. При этом в дискуссиях нередко смешиваются три компонента системы ПРО США: морской, Европейский и Национальный (НПРО США), которые характеризуются принципиально различными параметрами и степенью угрозы силам стратегического сдерживания России.

Рассмотрим проблематику ПРО, проиллюстрировав ее картой, аналогичной той, которую мы использовали в предыдущем разделе:

Здесь на уже знакомые нам характерные траектории движения МБР наложены радиусы досягаемости уже существующих и планируемых стационарных баз размещения перехватчиков ПРО:

- Комплексы Aegis Ashore с перехватчиками Standart SM-3 в Румынии и Польше;
- Элементы НПРО с перехватчиками GBI на Аляске и базе Вандерберг в Калифорнии.

На иллюстрации в европейской части более тёмным цветом показан радиус поражения баллистических целей при использовании перехватчиков SM-3 Block IB. Более светлым оттенком выделен радиус поражения при использовании перспективных перехватчиков SM-3 Block IIA/B. Следует отметить, что такой же радиус поражения будут иметь и крылатые ракеты класса

«Томагавк», если они – **в нарушение договора по РСМД** – будут размещены в тех же точках базирования, о технической возможности чего часто упоминают критики ЕвроПРО.

Для НПРО тёмным цветом выделен радиус поражения 2500 км, заявленный для перехватчиков GBI. Оттенок светлее демонстрирует радиус перехвата в 5000 км, который может быть достигнут при использовании перспективных перехватчиков НПРО на встречных курсах.

Мы намеренно не отразили на схеме возможные места размещения морской компоненты ПРО. Даже поверхностное рассмотрение траекторий позволяет убедиться, что для эффективного использования морской ПРО против МБР, двигающихся по характерным полярным траекториям потребуется вывод кораблей-носителей системы в высокие широты севернее Исландии и далее в Северный Ледовитый Океан. Такое развертывание морской компоненты требует поддержки ледокольного флота и находится на грани возможностей имеющихся морских платформ ПРО в части мореплавания в полярных широтах. Тем не менее, такой вариант развертывания нельзя исключить, хотя он и не имеет шансов остаться незамеченным.

Приведенная иллюстрация наглядно демонстрирует, что ЕвроПРО в её существующем виде не представляет никакой угрозы для СЯС России при нанесении удара по целям в США. Единственная траектория, которая находится в теоретическом радиусе досягаемости ракет-перехватчиков, планируемых к размещению в Польше, подразумевает перехват на догонном курсе, резко снижающем эффективность противоракет. Косвенно безвредность ЕвроПРО подтверждается заявлением замглавы МИД РФ С.А. Рябкова, который в мае текущего года отметил неактуальность выхода из договора СНВ-3 в связи с размещением ПРО США в Европе⁴.

В то же время, как видно из приведенной выше иллюстрации, оснащение баз ЕвроПРО перспективными перехватчиками способно создавать некоторую угрозу для нанесения ответного удара из мест дислокации МБР в европейской части России. При этом следует отметить, что перехват МБР и в этом случае будет осуществляться на догонных курсах, что снижает эффективный радиус поражения.

Иначе дело обстоит с комплексами НПРО, размещаемыми на Аляске и базе Вандерберг в Калифорнии. На иллюстрации видно, что при заявленных дальностях досягаемости при перехвате боевого блока обеспечивается сравнительно надежное прикрытие объектов на Западном Побережье США. Однако всю территорию США НПРО в её существующем виде прикрыть не может. Теоретические возможности перехвата могут быть обеспечены после модернизации

системы и доведения эффективной дальности поражения до 5000 км. Отметим, что эта же дальность является пороговой для БРСД согласно договору по РСМД от 1987 г., и соответствующие зоны поражения на карте позволяют оценить потенциал двойного использования пусковых установок НПРО.

В то же время опасность НПРО в части предотвращения эффективного встречного удара также преувеличена. Существующие планы развертывания перехватчиков GBI подразумевают размещение 40 ракет на базе в Аляске, а база Вандерберг используется преимущественно для испытаний. Используемый алгоритм перехвата подразумевает пуск двух перехватчиков по одной цели для достижения приемлемой вероятности поражения. Даже если предположить, что комплекс средств преодоления ПРО российских МБР и БРПЛ окажется беспомощным против перехватчиков GBI, при стопроцентной эффективности НПРО может быть перехвачено не более 20 МБР/БРПЛ. Такое число не имеет значения при массированном ответном ударе, поскольку ракеты, прорвавшие пояс НПРО в любом случае нанесут неприемлемый ущерб противнику.

Одновременно с этим система НПРО подвергается критике в самих США. В докладе Счётной палаты США указывается, что «Наземная система противоракетной обороны на маршевом участке полета (НСПО) продемонстрировала частичную способность борьбы против малого числа простейших баллистических ракет, запущенных из Северной Кореи и Ирана»⁵. Приведённый выше геопроостранственный анализ при этом показывает, что т.н. «иранские ракеты» не могут угрожать континентальным США просто по причине недостаточной досягаемости. Тот же комментарий, – хотя и в меньшей степени, – относится и к северокорейским ракетам. Единственная территория США, теоретически находящаяся в радиусе досягаемости северокорейских ракет промежуточной дальности (пока еще не доказавших свою надежность) – Аляска. При этом траектория полета гипотетических северокорейских ракет – как и китайских – неизбежно проходит над Японией и Дальним Востоком России, что, несомненно, вызовет немедленную реакцию этих государств на запуск. Таким образом, утверждения о том, что НПРО предназначена для прикрытия континентальных США от «иранских и северокорейских ракет» следует признать заведомой дезинформацией, рассчитанной на публику, не знакомую с основами географии.

Выводы:

1. Европейская наземная ПРО в ее современном состоянии не представляет угрозы для МБР России или Китая, использующихся для

⁴ Цитируется по интервью С.А. Рябкова. URL: <http://tass.ru/politika/3279343> (проверено 18.08.2016 г.)

⁵ Цит. по Коростиков М. Противоракетная оборона США оставляет желать лучшего // Коммерсант. 18.02.2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2918916> (проверено 18.08.2016 г.).

■ Мировая политика

поражения целей в континентальных США, поскольку не затрагивает траектории даже самых западных районов запуска;

2. Европейская ПРО в оснащении перспективными ракетами оказывает незначительное влияние на эффективность ракетного удара по территории США, производимого из Китая или России. Перехват МБР должен производиться на догонных курсах, либо на курсовых углах, что значительно сокращает зону эффективного поражения целей. Европейская ПРО даже в её перспективном варианте не представляет угрозы для МБР, размещенных восточнее Урала;

3. Система НПРО с перехватчиками GBI, размещенная на Аляске и в Калифорнии, теоретически эффективна для прикрытия Западного побережья США от МБР, приближающихся через полюс из Китая или России, особенно из Сибири. В то же время, буферность этой системы ПРО в современном состоянии недостаточна для надежного предотвращения ответного удара, а способности по прикрытию объектов на Восточном побережье под вопросом.

Фактор ПРО, как видно из приведенного анализа, в его современной фазе развития оказывает некоторое влияние на баланс СЯС США и России – равно как и другие рассматриваемые факторы. В среднесрочной перспективе влияние ПРО на создаваемую систему сдерживания будет расти, и этот фактор должен учитываться при подготовке перспективных соглашений.

В то же время, рассматривая фактор ПРО в свете перспектив заключения многосторонних договоренностей в части взаимного сдерживания, можно утверждать, что НПРО создает больше угроз потенциалу СНВ Китая, а не России. Действительно, прикрываемые зоны Западного Побережья США полностью совпадают с характерной зоной досягаемости китайских МБР. С учетом сохраняющегося пока отставания Китая в области ракетных технологий и неизвестной эффективности комплекса средств преодоления ПРО китайского производства, разрушительный потенциал китайского ответного удара может быть минимизирован перехватчиками НПРО.

Основанное на этом тезисе вовлечение китайской стороны в будущие соглашения по ограничению ПРО может вызвать заинтересованность в многосторонней структуре соглашения. В то же время, подобные предложения требуют серьезной работы на дипломатическом фронте, и неизбежно будут встречать значительное сопротивление со стороны США.

РСМД и неконвенциональное использование ПУ ПРО

Независимые эксперты часто обращают внимание на три фактора, связанных с развертыванием глобальной ПРО США:

1. Пусковые установки Mk.41, используемые в комплексе Aegis Ashore пояса ЕвроПРО технически способны к запуску крылатых ракет

«Томагавк», что позволяет использовать их как наступательные вооружения;

2. Шахтные пусковые установки НПРО, использующие перехватчики GBI могут быть переоборудованы для запуска БРСД (но не МБР) и не регулируются соглашениями об ограничении СНВ;

3. Энергетический потенциал ракет-перехватчиков ЕвроПРО и НПРО достаточен для их использования в качестве БРСД для нанесения первого удара при их оснащении ядерными боевыми частями.

С приведёнными опасениями нельзя не согласиться с технической точки зрения. Однако они не выдерживают критики с точки зрения режима контроля РСМД, который в его нынешнем состоянии является бессрочным. Размещение крылатых ракет и ракет средней дальности в пусковых установках, используемых в интересах ПРО, либо в любых других форматах, является прямым нарушением статей договора по РСМД.

В последнее время США и Россия все чаще обвиняют друг друга в нарушении этого основополагающего для современной международной стабильности соглашения. Иллюстрация досягаемости БРСД и КР в рассмотрении данной проблемы является излишней, но опорные радиусы досягаемости можно увидеть на карте из предыдущего раздела. Даже поверхностный взгляд на зоны поражения дает понять, что БРСД и КР при их характерных дальностях наибольшую угрозу представляют в Европе. При сохраняющейся асимметрии потенциалов в пользу блока НАТО, выход России из РСМД угрожает развязыванием новой гонки вооружений в Европе, которая окажется куда более ресурсоемкой для нашей страны, чем для США.

Крайняя заинтересованность России и Европы в поддержании бессрочного статуса режима РСМД создает возможность по вовлечению в него других европейских государств – обладателей ядерного оружия, прежде всего Франции и Великобритании. Здесь, вероятно, следует в полной мере использовать тезис о том, что располагаемый потенциал СНВ этих европейских государств уже длительное время опирается на ракеты межконтинентальной досягаемости, а сохранение или производство ракет средней дальности как части средств сдерживания не предусмотрено программами развития стратегических вооружений. Вовлечение в договор по РСМД государств Европы, включая те из них, которые не обладают ядерным оружием, будет способствовать серьезному упрочнению этого выгодного для России договора и создадут также препятствие для развития национальных программ производства ядерного оружия и средств доставки. В то же время совершенно очевидно, что расширение участия в договоре по РСМД будет наталкиваться на агрессивную риторику стран – членов НАТО о российской угрозе. Такая риторика, впрочем, не имеет под собой рациональных оснований, особенно в свете

отсутствия БРСД на вооружении большинства стран Европы.

В 2007 г. Москва на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН вышла с инициативой придать Договору по РСМД глобальный охват и заключить на его основе новое многостороннее соглашение, причём Вашингтон поддержал эту инициативу. В июле 2014 г. МИД РФ призвал страны НАТО придать договору многосторонний характер.

К сожалению, расширение режима РСМД до уровня глобального соглашения по образцу ДНЯО в обозримой перспективе невозможно. Потенциал СНВ Индии, Пакистана, Китая и других государств «второго ядерного эшелона» опирается на ракеты средней и промежуточной дальности в значительной степени. Тем не менее, придание договору по РСМД даже общеевропейского статуса окажет самое положительное влияние на укрепление международной стабильности. В перспективный общеевропейский договор по РСМД можно также включить статью, запрещающую использование пусковых установок и мест базирования ПРО для размещения наступательного оружия, что снимет часть опасений российской стороны по возможности их использования для нанесения первого удара.

Создание предпосылок для расширения договора по РСМД до общеевропейского потребует снижения общего уровня напряженности и тщательного соблюдения основных положений уже существующего соглашения во избежание любых провокаций, которые – пока на уровне громких и необоснованных заявлений – наблюдаются всё чаще. В ближайшей перспективе падение уровня напряженности выглядит маловероятным, но это не означает, что работу в этом направлении следует заранее признать бесперспективной. Отметим, что оптимальным путем вовлечения государств Европы в подобное соглашение является последовательное проведение многовекторной политики с заключением двусторонних соглашений на первом этапе и созданием возможности добровольного присоединения к ним других государств на добровольной основе. Для России выход из Договора по РСМД является неприемлемым, особенно в свете приближения возможных районов размещения БРСД, например, в Прибалтику и сокращением подлётного времени до единиц минут [3].

Третьи страны

Эксперты отдельно отмечают роль британского ядерного потенциала, который не ограничен обязывающими договорами, включая СНВ-3, и может использоваться как лазейка для обхода условий этого договора [2]. Кроме того, британский арсенал включен в систему ядерного планирования США с 1962 г. и может рассматриваться как дополнение к американскому арсеналу носителей и боезарядов, не связанный ограничениями и обладающим существенно

меньшим подлетным временем в сравнении с американскими средствами доставки. Попытки российской дипломатии учитывать британский ядерный арсенал в рамках соглашений по ограничению СНВ неизменно наталкиваются на сопротивление Госдепартамента США, указывающего на независимый характер британской оборонной политики.

Однако британский независимый потенциал СНВ ограничивается внутривнутриполитическими причинами. Так, с 2010 г. общее количество боеготовых боезарядов – развернутых и неразвернутых – в Великобритании ограничено 160 с потенциалом дальнейшего сокращения до 120 а количество боезарядов на БРПЛ ограничено 8 из возможных 16. Из имеющихся в распоряжении Великобритании 58 БРПЛ только 48 поддерживаются в готовности к применению, а оставшиеся 10 составляют возвратный потенциал.

С учетом устаревания БРПЛ «Трайидент-2» британский ядерный арсенал в ближней перспективе будет сокращаться. В настоящее время сложно предсказать, каким будет обновленный ядерный потенциал Великобритании, но можно уверенно прогнозировать, что он существенно не увеличится по внутривнутриполитическим и внутризэкономическим причинам.

Скользким моментом в части оценки перспективного потенциала СНВ Великобритании является соблюдение статьи XIII договора по СНВ-3, которая, в частности, гласит: «Стороны не передают третьим сторонам стратегические наступательные вооружения, подпадающие под действие настоящего Договора.» В то же время, в перечне вооружений, подпадающих под действие соглашения не указана и не могла быть указана перспективная БРПЛ, находящаяся в разработке в США. Таким образом, формально договор ограничивает передачу Великобритании дополнительных БРПЛ «Трайидент», а не вновь создаваемых средств доставки.

В связи с высоким потенциалом по созданию международной напряженности, связанным с передачей Великобритании перспективных СНВ в нарушение договора СНВ-3, можно предположить, что этот вопрос будет в среднесрочной перспективе отложен. Вместо этого США, вероятно, будут оказывать скрытое или явное содействие Великобритании с тем, чтобы продлить сроки эксплуатации уже имеющихся БРПЛ. Проводя сотрудничество по этой линии, США будут очевидным образом ссылаться на другое положение той же статьи XIII договора по СНВ-3: «Настоящее положение не распространяется на какую бы то ни было существующую на момент подписания настоящего Договора практику сотрудничества, включая обязательство, в области стратегических наступательных вооружений между одной из Сторон и третьим государством.» Таким образом, со ссылкой на уже имеющиеся соглашения о сотрудничестве в области СНВ между США и Великобританией, британский ядерный потенциал будет и далее

■ Мировая политика

выводиться за рамки СНВ-3 или перспективного соглашения в этой области. По крайней мере, такой будет позиция США в любой обозримой перспективе.

Перспективы заключения двустороннего соглашения об ограничении ядерных вооружений между Россией и Великобританией следует признать маловероятными. В обозримом будущем Великобритания не готова отказываться от ядерного оружия и средств его доставки, и оно очевидным образом нацелено на Россию (а также, возможно, некоторые единичные цели в Китае, по которым британские средства доставки имеют лучшие характеристики досягаемости в сравнении с американскими). При этом, как и в случае с Китаем, гипотетическое двустороннее соглашение об ограничении СНВ между Россией и Великобританией наталкивается на несопоставимость ядерных потенциалов сторон в количественном измерении.

Независимый потенциал СНВ Франции с марта 2008 г. ограничен 290 боезарядами, из которых 30% - 90 боезарядов – находятся в распоряжении ВВС Франции. Потенциал СНВ Франции, находящийся в постоянной готовности, представлен тремя ПЛАРБ, каждая из которых несёт на борту до 16 БРПЛ М45 с перспективой переоснащения на БРПЛ М51 к 2018 г. Из трёх ПЛАРБ одна постоянно находится на патрулировании. В реальности это правило не выдерживается, поскольку ПЛАРБ *Le Vigilant* с 2011 г. проходит модернизацию. БРПЛ М45 может нести до шести боезарядов и обладает дальностью около 6000 км, то есть является ракетой промежуточной дальности, лишь на 1000 км превосходя критерии БРСД, установленные договором по РСМД 1987 г.

Остальная часть боеготового ядерного арсенала Франции опирается на средства доставки ВВС, в первую очередь ракеты ASMP-A с дальностью порядка 500 км. Такая дальность не позволяет считать авиационную компоненту французских ядерных сил в полной мере стратегической. Носителями ракеты ASMP-A в настоящее время являются истребители-бомбардировщики *Mirage 2000N* и *Rafale N* с боевым радиусом не более 2000 км. Таким образом, совокупная дальность поражения целей с использованием ядерного оружия для ВВС Франции ограничивается 2500 км, что примерно соответствует дальности КРМБ «Томагавк». Подлётное время при этом исчисляется уже часами, что не даёт оснований рассматривать ядерную компоненту ВВС Франции в качестве эффективного средства первого удара.

Таким образом, СНВ Франции представлены не более чем 96 постоянно готовых к применению на промежуточную дальность боезарядов, размещённых на носителях с малым подлётным временем. В радиусе поражения имеющихся средств доставки стратегического класса находится европейская часть России, Урал, Восточное побережье США, но не Китай.

Из этого следует, что вовлечение Франции в многосторонние соглашения по ограничению СНВ выглядит маловероятным по чисто географическим причинам, даже если отбросить неоднократно уже упомянутую проблему несопоставимости ядерных потенциалов.

Тем не менее, поскольку концепция ядерного сдерживания Франции в высокой степени независима, сохраняются хорошие шансы на заключение двусторонних соглашений. В настоящий момент действует рамочное соглашение о взаимном ненацеливании ракетно-ядерных сил России и Франции на территории друг друга, а в 2012 г. на экспертной площадке РИСИ выдвигалось предложение о взаимном неприменении ядерного оружия первыми [7].

Двусторонний диалог между Россией и Францией в области сокращения СНВ при благоприятном его развитии может создать предпосылки к вовлечению в такие переговоры и других государств Европы. Увязывание такого диалога с предложенным выше расширением соглашения по РСМД до общеевропейского может создать хорошую основу для снижения напряжённости в европейском регионе и предпосылки для дальнейших договоренностей в части ПРО, тактического ядерного оружия в Европе и т.д.

Рассмотрение потенциала СНВ иных третьих стран, располагающих ядерным оружием и средствами доставки с малым временем реакции, выходит за рамки данной статьи, поскольку в настоящее время ни одна из них (за исключением, возможно, Израиля) не создает стратегической угрозы для России. Здесь оптимальным будет содействие установлению регулируемого и надежного режима взаимного сдерживания в отдельных регионах: треугольнике Китай-Индия-Пакистан, на Ближнем Востоке и на Корейском полуострове. Россия может выступать посредником и инициатором переговоров по таким соглашениям, а также взять на себя роль гаранта обеспечения стратегической стабильности. Однако такие договоренности являются скорее делом будущего и выходят за рамки рассматриваемой перспективы первоочередных шагов по установлению новых схем сдерживания.

* * *

Поддержание стратегической стабильности и эффективное сдерживание в современном мире обходятся недёшево. По данным, приведённым изданием «Коммерсант Деньги» [8], содержание одной ядерной боеголовки обходится США в \$1.8 млн ежегодно. По различным оценкам Россия каждый год расходует на поддержание ядерного арсенала \$10-15 млрд. На фоне растущего уровня международной напряжённости и продолжающейся стагнации в экономике России повышение расходов на содержание российских СЯС – несмотря на то, что эта задача остается первоочередным приоритетом развития вооруженных сил России – едва ли можно считать оптимальным вариантом

развития системы стратегического сдерживания в среднесрочной перспективе. Поэтому раздающиеся иногда призывы выйти из ряда основополагающих международных соглашений, резко нарастить ядерный арсенал,кратно увеличить производство носителей СНВ и им подобные, в рамках данного рассмотрения следует считать как минимум несвоевременными.

Проведённое рассмотрение возможностей по совершенствованию системы сдерживающих соглашений проведено в свете анализа перспектив расширения круга участников, что придаст системе международного сдерживания больший уровень стабильности. Представляется, что такой подход необходим на фоне снижающейся роли Совета Безопасности ООН и общего снижения роли международных институтов по поддержанию мира. Как результат, предложение к вовлечению в обязывающие договоры по сокращению или ограничению СНВ, высказанное Советом Безопасности ООН, либо на Генеральной Ассамблее – как это уже было в 2007 г. по режиму РСМД – не вызовет интереса и не имеет серьёзной перспективы превратиться в обязывающий договор.

Рассматривая основополагающий на сегодняшний день договор о взаимном сокращении стратегических наступательных вооружений, СНВ-3, следует признать невозможность вовлечения в него третьих сторон. Даже если пренебречь оценкой совокупного ядерного арсенала сторон этого соглашения, уже установленные лимиты сокращений являются в обозримой перспективе недостижимыми для любого из третьих государств как по боезарядам, так и по средствам доставки.

Для России и США договор СНВ-3, как показано в проведенном анализе, является важнейшим ориентиром по поддержанию стратегического паритета. Трудно не согласиться с замглавы МИД РФ С.Рябковым, который отмечает, что «Текст СНВ-3 действительно отражает баланс интересов, строгий паритет».⁶ В то же время СНВ-3 истекает в 2021 г., и именно на этот год запланировано начало реализации программы модернизации СЯС США, которая может существенно изменить складывающийся к 2018 г. паритет не в пользу России. В этом свете перед Россией стоит выбор: согласиться ли на продление договора СНВ-3 на 5 лет, до 2026 г., либо отказаться от предлагаемого продления. Этот выбор не так прост, как может показаться.

С одной стороны, договор СНВ-3 уже несколько устарел и подвергается обоснованной критике. Среди критических точек можно отметить упомянутую выше проблему возвратного потенциала, отсутствие в договоре лимитов по общему количеству неразвернутых боезарядов, непростую ситуацию по увязыванию количества носителей с эффективностью развёртываемой ПРО, проблему независимых потенциалов

третьих стран, вопросы контроля уничтожения носителей, не соответствующую современной обстановке номенклатуру носителей и другие. Изменение текста договора, либо принятие нового соглашения, которое могло бы ограничить пути модернизации СЯС США после 2020 г. – в интересах России. Такой переходный договор, мог бы включить в себя меры по контролю пусковых установок двойного назначения, обязывающие пункты по технической модификации разделяющихся головных частей и шахтных пусковых установок, которые сделали бы технически невозможным быстрое наращивание количества боезарядов. Подобные пункты могли бы снять значительную часть опасений российской стороны.

С другой стороны, СНВ-3 устанавливает ясные и простые для исполнения лимиты по развёрнутым носителям и боезарядам, которые сохраняют свою актуальность и в будущем. Ядро этого соглашения останется основой для регулирования стратегических наступательных вооружений. Чрезмерное усложнение структуры договора, внесение в него дополнительных пунктов, связанных с мерами контроля, учета оборонительного потенциала ПРО и других факторов видится нежелательным, а согласование этих пунктов займет значительное время при очевидном сопротивлении американской стороны.

Оптимальным путём представляется продление срока действия СНВ 3 до 2026 г. с параллельной его незначительной модификацией в части номенклатуры учитываемых вооружений, формулировками Статьи XIII и расширением Статьи V. Одновременно с продлением действия договора, уже с 2021 г. требуется начать работу над новым соглашением, которое заменит СНВ-3. Данное соглашение должно носить промежуточный характер и основной целью его заключения является преодоление проблемы «вакуума» в регулировании СНВ в период до 2030-2035 г. В дальнейшем, после экспертной оценки стратегического потенциала СЯС США после модернизации 2020-2030 гг. потребуются заключение нового соглашения, учитывающего изменившиеся балансы сил и, вероятно, новые виды стратегических вооружений. Установленные в СНВ-3 лимиты при этом должны остаться неизменными, так как даже без учёта увеличения потенциала модернизированной ядерной триады США дальнейшее сокращение СНВ России может привести к неспособности осуществлять эффективное сдерживание, которое для нашей страны должно оставаться многовекторным. К сожалению, в настоящий момент нет никаких оснований полагать, что это перспективное соглашение сможет стать многосторонним, поскольку потенциал в части СНВ США и России и в будущем будеткратно превосходить потенциалы третьих стран.

⁶ Цит. по тексту интервью. URL: <http://tass.ru/politika/2646469> (проверено 18.08.2016 г.)

■ Мировая политика

Географическое положение России в то же время предполагает заключение отдельных двусторонних соглашений с третьими сторонами, прежде всего с Китаем. Здесь следует понимать, что речь не может идти о многосторонних договорах, но взамен должна проводиться активная многовекторная политика в области региональной безопасности на различных направлениях. Не может идти и речи о взаимном сокращении СНВ с третьими странами, поскольку сравнительный наступательный потенциал останется несопоставимым. Однако могут быть предприняты меры по укреплению доверия, связанные с заключением соглашений о взаимной ненаправленности ядерных потенциалов и обязательств по неприменению ядерного оружия первыми. Адресатами подобных соглашений могут стать Китай, Индия, Израиль и Франция. Создание простого и ясного корпуса соглашения позволит в дальнейшем предлагать его другим странам. Распространение такой многовекторной практики в различных регионах позволит серьёзно укрепить стратегическую стабильность и создать предпосылки для выработки многостороннего договора в будущем.

Проблематика ПРО остаётся болезненной для России, и следует признать, что её увязывание с пунктами СНВ-3 или «будущего СНВ» бесперспективно. Тема противоракетной обороны должна регулироваться отдельным соглашением, предусматривающем взаимные сокращения и ограничения позиционных районов. Как было показано выше, в связи с географическим положением и спецификой своих СНВ, в работу над обязывающим договором по ограничению ПРО можно вовлекать Китай. Привлекательность многосторонней (изначально – трехсторонней) схемы регулирования ПРО в том, что подобный договор допускает открытость, что позволит в дальнейшем стимулировать присоединение к нему новых государств, в первую очередь членов «ядерного клуба» в Европе. Однако подходы к выработке такого соглашения остаются делом будущего, поскольку всё ещё сохраняется заметная асимметрия в количестве и возможностях противоракетной обороны сторон. Выход на со-

глашение по ПРО может быть простимулирован путём предложения на международных рынках вооружений серийно производящегося российского (или российско-китайского) мобильного комплекса ПРО и развитием двусторонних консультаций по коллективной противоракетной обороне на азиатском направлении.

Предложение по расширению режима РСМД до глобального открытого договора, прозвучавшее на 62-й Генеральной Ассамблее ООН в 2007 г. следует признать преждевременным. В то же время выше было показано, что заинтересованность в расширении членства в этом соглашении могут проявить европейские государства, располагающие ядерным оружием межконтинентальной досягаемости, в первую очередь Великобритания и Франция. Расширение договора по РСМД до общеевропейского выглядит более реалистичной задачей в сравнении с попытками придать ему глобальный охват. Оптимальным форматом работы на этом направлении могло бы стать сотрудничество по линии ОБСЕ, но в настоящее время по ряду политических причин его следует признать неэффективным. Альтернативой могла бы снова стать многовекторная политика России, предлагающая сначала серию двусторонних соглашений отдельным государствам на основании гармонизированного корпуса договора. В дальнейшем такой «пучок» соглашений может быть трансформирован в многосторонний общеевропейский договор.

Укрепление стабильности в Европе требует также заключения дополнительного соглашения по ограничению обычных вооруженных сил, учитывающее проблему тактического ядерного оружия, превосходство НАТО в высокоточном оружии. Речь здесь не может идти о новом ДОВСЕ, положения которого на сегодняшний день безнадежно устарели, а подход к ограничениям численности видов вооружений ни в коей мере не отражает характера возможных конфликтов в Европе. Определение граничных условий такого перспективного соглашения потребует глубокой и длительной экспертной работы и его рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

Список литературы

1. Арбатов А.Г. Многостороннее ядерное разоружение // Независимое военное обозрение. 25 05. 2012. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-05-25/1_nuclear.html. (проверенно 18. 08. 2016 г.)
2. Вильданов М.П. Неравноправное партнерство // Независимое военное обозрение. 22 04 2016 г. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-04-22/1_partnership.html. (проверенно 18. 08. 2016 г.)
3. Дворкин В.А. Ядерный психоз: кому он нужен? Сценарии нападения НАТО на Россию и наоборот – полный абсурд // Военно-промышленный курьер. 29 07 2015 г. № 28 (594). URL: <http://vpk-news.ru/articles/26289> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
4. Козин В.П. Ключевые проблемы (СНВ, ТЯО, ПРО, ДОВСЕ) // Аналитика РИСИ. 22 01 2014 г. URL: <http://riss.ru/analytcs/4702/> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
5. Козин В.П. Анаконда ПРО США // Сегодня.ру. 19 08 2015 г. URL: <http://www.segodnia.ru/content/165225> (проверенно 18. 08. 2016 г.)

6. Козин В.П. Москва и Париж: взаимный отказ от первого ядерного удара // Независимое военное обозрение. 02 04 2012 г. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-03-30/7_msk_paris.html (проверенно 18. 08. 2016 г.)
7. Новая нестабильность // Коммерсантъ Деньги. 16.05.2016. №19. С. 53. URL: <http://kommersant.ru/doc/2978917> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
8. Остроухов И., Сосновский М., Дьяченко В. В. Эффективность ядерных сил надо повысить // Национальная оборона. 2016. № 7. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/armedforces/2014/1017/145314357/detail.shtml> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
9. Отказ от конфронтации. Возвращение к сдержанности и диалогу между Россией и Западом / Комиссия по проблемам глубокого сокращения ядерного оружия. Институт исследований проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете, 2016. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2016/DeepCuts-ThirdReport-June2016-RZ_RUS.pdf (проверенно 18. 08. 2016 г.)
10. Заявление Российской Федерации относительно противоракетной обороны // Сайт Президента РФ, 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/511> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
11. Civiak R. The Reliable Replacement Warhead Program. Livermore: Tri-Valley CAREs, 2006. 30 p. URL: http://www.trivalleycares.org/tvc_rrw_fnl.pdf (проверенно 18. 08. 2016 г.)
12. Delpech Th. Nuclear Deterrence in the 21st Century. Santa Monica : RAND Corporation, 2012. 181 p. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2012/RAND_MG1103.pdf (проверенно 18. 08. 2016 г.)
13. Kaplan F. Rethinking Nuclear Policy // Foreign Affairs. September/October 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2016-08-01/rethinking-nuclear-policy> (проверенно 01. 09. 2016 г.)

Об авторе

Каберник Виталий Владимирович – Член Рабочей группы при ЭКС Пир-Центра по международной информационной безопасности и глобальному управлению. E-mail: vic.veter@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ №14-18-02973.

APPROACHES TO BUILDING OF GLOBAL STRATEGIC DETERRENCE SYSTEM PAST 2021

V.V. Kabernik

PIR Center. Druzhinnikovskaya str., 30, p. 1, office 110.

Abstract: *The article studies prospective for transformation of the current global deterrence system in 21st century, paying special attention to the structures of treaties past 2021. After the mainstay arms control treaty (New START) expiration development of the new system of treaties and agreements seems inevitable, quite possibly, on multilateral basis. The hypothesis stressing possibility of multilateral deterrence system for global stability is quite popular nowadays.*

Studying the dynamics of nuclear arms cuts and monitoring progress on New START treaty, we can see numerous positive effects. However, the nuclear modernization programs currently in progress or planned for the near future should be taken into account for future agreements.

This is when geospatial analysis is important, demonstrating effectively which states are deterring each other and for which ones this is simply impossible because of the available weapons delivery range. This analysis is performed for three possible candidates for future multilateral treaties: USA, Russia and China, mentioning Great Britain and France as well. Going further into geospatial analysis, strategic ABM factor is accounted and the role of global ABM is estimated for future treaties. Numerical estimates of nuclear potentials of third countries – incomparable to the current numbers in possession of two main nuclear powers – performed specifically.

Based on the analysis provided we can effectively deny the possibility of multilateral agreements for future deterrence scenarios. However, some steps for involving third countries into the global process of nuclear regulations can be outlined. This includes a number of bilateral agreements for arms control in certain regions, specifically developed to form a system of treaties aimed for global tensions reduction moving towards a safer world in the 21st century.

Key words: Nuclear weapons, strategic deterrence, international treaties, START, New START, foreign policy, multilateral agreements, multilateral treaties.

References

1. Arbatov A.G. Mnogostoronnee iadernoe razoruzhenie [Multilateral Nuclear Disarmament]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 25. 05. 2012. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-05-25/1_nuclear.html. (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
2. Vil'danov M.P. Neravnopravnoe partnerstvo [Unequal partnership]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 22 04 2016. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-04-22/1_partnership.html (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
3. Dvorkin V.A. Iadernyi psikhoz: komu on nuzhen? Stsenarii napadeniia NATO na Rossiiu i naoborot – polnyi absurd [Nuclear psychosis: who needs it? NATO attack on Russia, and vice versa - is absurd]. *Voennopromyshlennyy kur'er*. 29 07 2015. No. 28 (594). URL: <http://vpk-news.ru/articles/26289> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
4. Kozin V.P. Kliuchevye problemy (SNV, TlaO, PRO, DOVSE) [Key issues (START, tactical nuclear weapons, missile defense, the CFE Treaty)]. *Analitika RISI*. 22 01 2014. URL: <http://riss.ru/analytcs/4702/> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
5. Kozin V.P. Anakonda PRO SShA [Anaconda of US antimissiles]. *Segodnia.ru*. 19 08 2015. URL: <http://www.segodnia.ru/content/165225> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
6. Kozin V.P. Moskva i Parizh: vzaimnyi otkaz ot pervogo iadernogo udara [Moscow and Paris: mutual renunciation of nuclear first strike]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 02 04 2012. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-03-30/7_msk_paris.html (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
7. Novaia nestabil'nost' [The new instability]. *Kommersant' Den'gi*. 16.05.2016. №19. P. 53. URL: <http://kommersant.ru/doc/2978917> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
8. Ostroukhov I., Sosnovskii M., D'iachenko V.V. Effektivnost' iadernykh sil nado povysit' [Efficiency of nuclear forces should be raised] *Natsional'naya oborona*. 2016. № 7. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/armedforces/2014/1017/145314357/detail.shtml> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
9. *Otkaz ot konfrontatsii. Vozvrashchenie k sderzhannosti i dialogu mezhdru Rossiei i Zapadom* [Away from confrontation. Return for restraint and dialogue between Russia and the West]. Komissiya po problemam glubokogo sokrashcheniia iadernogo oruzhiia. Institut issledovaniy problem mira i politiki bezopasnosti pri Gamburgskom universitete, 2016. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2016/DeepCuts-ThirdReport-June2016-RZ_RUS.pdf (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
10. *Zaiavlenie Rossiiskoi Federatsii otnositel'no protivoraketnoi oborony* [Declaration by the Russian Federation on missile defense]. Web site of the President of the Russian Federation, 2010. URL: <http://kremlin.ru/supplement/511> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
11. Civiak R. *The Reliable Replacement Warhead Program*. Livermore: Tri-Valley CAREs, 2006. 30 p. URL: http://www.trivalleycares.org/tvc_rrw_fnl.pdf (accessed 18. 08. 2016).
12. Delpech Th. *Nuclear Deterrence in the 21st Century*. Santa Monica: RAND Corporation, 2012. 181 p. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2012/RAND_MG1103.pdf (accessed 18. 08. 2016).
13. Kaplan F. Rethinking Nuclear Policy. *Foreign Affairs*. September-October 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2016-08-01/rethinking-nuclear-policy> (accessed 18. 08. 2016).

About the author

Vitaliy Kabernik – Member of the PIR Center EKS Working Group on International Information Security and Global Internet Governance. E-mail: vic.veter@gmail.com.

This article is prepared with the financial support of RSF №14-18-02973.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е.С. Зиновьева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются основные тенденции формирования международного режима по обеспечению информационной безопасности. Международное сотрудничество в этой сфере на глобальном уровне наталкивается на противоречия в государственных интересах. Основными субъектами информационной безопасности являются США, Россия, Китай, а также страны ЕС (Великобритания, Франция и Германия). Основное противостояние разворачивается между США с одной стороны и Россией и Китаем, с другой. Страны ЕС занимают срединную позицию, тяготеющую к США. В статье доказывается, что международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности будет отражать общую логику развития международного взаимодействия, для которого характерны новые модели кооперации при участии государств и негосударственных акторов, получившие название многосторонних партнерств или многоуровневого сотрудничества. Логика формирования международного режима по обеспечению информационной безопасности ближе всего к логике формирования международного режима нераспространения. В интересах России поддерживать тенденцию к регионализации режима информационной безопасности. Россия может сформировать режим информационной безопасности на постсоветском пространстве на основе ОДКБ и потенциально в рамках ШОС на более широком евразийском пространстве. Регионализация режимов информационной безопасности создает для России возможность более эффективно контролировать формирующийся режим информационной безопасности на постсоветском пространстве и снимает угрозу потенциальных «цветных революций», инспирируемых по информационным каналам (в том числе с использованием социальных сетей и новых медиа).

Ключевые слова: информационная безопасность, тенденции, международный режим, регионализация.

Позиции участников переговорного процесса и перспективы достижения глобального консенсуса по обеспечению информационной безопасности

Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности на глобальном уровне наталкивается на противоречия в государственных интересах. От позиций государств, как наиболее влиятельных акторов мировой политики, зависит перспектива формирования глобального режима по обеспечению информационной безопасности. Как отмечают исследователи, зачастую отсутствие институционально или формально закрепленного режима отражает интересы отдельных государств, стремящихся сохранить лидерство в какой-либо области. Схожей стратегией может быть поддержка формирования множества разрозненных организаций и институтов, регламентирующих взаимодействие в отдельной области международных отношений, так как это позволяет выбирать различные нормы и правила взаимодействия, зафиксированные в этих соглашениях, в зависимости от ситуативных интересов¹. Как представляется схожая ситуация сложилась в сфере обеспечения международной информационной безопасности и управления Интернетом, где сформировалось множество функциональных и ряд региональных режимов.

Российские и зарубежные эксперты в качестве ключевых субъектов международного сотрудничества в области информационной безопасности называют следующие страны – США, Россия, Китай, а также страны ЕС (Великобритания, Франция и Германия) [9], отмечая, что они обладают наибольшим потенциалом в данной области. Более того, они также выступают в качестве наиболее активных участников переговорного процесса по МИБ. Ниже проанализированы их позиции по вопросу информационной безопасности.

В российской научной литературе по вопросам информационной безопасности зачастую акцентируется внимание на противоречиях, которые существуют между США и Россией в данной области, которые рассматриваются как ключевое препятствие на пути к международному сотрудничеству. Причиной противоречий является различие в возможностях и, как следствие, интересах в информационной сфере. США являются лидерами в сфере информационно-коммуникационных технологий и не заинтересованы в ограничении своей «свободы рук». Россия же стремится

ограничить возможные риски, связанные с информационным пространством, укрепляя, таким образом, национальную и международную безопасность. Кроме того, Россия добивается закрепления принципа невмешательства в информационное пространство – согласно проекту Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, представленной на рассмотрение ООН Россией «Каждое государство вправе устанавливать суверенные нормы и управлять в соответствии с национальными законами своим информационным пространством»². И хотя в документе указывается, что государства должны защищать свободу слова в Интернете и «не вправе ограничивать доступ граждан к информационному пространству», делается важная оговорка: правительства могут вводить ограничения «в целях защиты национальной и общественной безопасности»³. В ходе переговоров США вплоть до недавнего времени делали основной акцент исключительно на технологических аспектах защиты информационных сетей, борьбы с терроризмом и преступностью и выступали за исключение из международных документов указаний на военно-политическую составляющую проблемы.

Вместе с тем, зарубежные эксперты с большей озабоченностью отмечают обострение противоречий между США и Китаем в сфере обеспечения информационной безопасности [12]. Эти два государства предлагают два различных видения проблемы обеспечения информационной безопасности. Если Китай, как и Россия, выступает за государственное регулирование информационной сферы и обеспечение информационной безопасности на основании международных договоров, то США предпочитают частную модель регулирования и уклоняются от признания военно-политической составляющей информационной безопасности, делая акцент на террористической и преступной компонентах. 8 мая 2015 г. Россия и Китай подписали соглашение между правительствами двух стран о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. В документе зафиксировано общее понимание угроз в информационной безопасности – использование ИКТ в террористических целях, для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва суверенитета, политической и экономической стабильности, разжигания межнациональной и межконфессиональной вражды, совершения правонарушений и преступлений⁴. Столь же тес-

¹ Так называемая стратегия “forum shopping” (см. [7])

² Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). // МИД России. Официальный сайт. 22.09.2011. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/542df9e13d28e06ec3257925003542c4!OpenDocument> (проверено 22.08.2016 г.)

³ Там же.

⁴ Сообщение для СМИ. О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // МИД России. Официальный сайт. 8.05.2015. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/news/line/2C7A7D0752AAB2B843257E3F003F2204 (проверено 22.08.2016 г.)

ные отношения в сфере кибербезопасности связывают Россию лишь с партнерами по ОДКБ. По мнению западных экспертов, данное соглашение можно трактовать как стремление государств подорвать лидирующие позиции США в сфере управления Интернетом и Интернет-индустрии⁵. Отметим, что Россия и Китай выдвигают схожие инициативы по информационной безопасности на целом ряде площадок – ООН, БРИКС, ШОС. Вместе с тем, позиция Китая по сравнению с российской отличается большей выжидательностью [4], несмотря на то, что противоречия носят не только политический, но и экономический характер – именно США обвиняют в изоляции китайских ИТ-компаний, в частности Huawei, от глобальных рынков⁶.

Как правило, подход стран ЕС, которые также выступают в роли влиятельных игроков в глобальном информационном пространстве, трактуется как схожий с подходом США, в силу, прежде всего, союзнических обязательств по НАТО, а также значительной взаимозависимости в экономических аспектах развития Интернет-индустрии. Традиционно, страны ЕС выказывали озабоченность, прежде всего, относительно защиты от информационных угроз для экономики.

Вместе с тем, как показали международные переговоры в ходе NetMundial, а также Группы правительственных экспертов ООН по международной информационной безопасности 2014 – 2015 гг. европейские страны, прежде всего, Германия и Франция тяготеют к более независимой политике в отношении информационной безопасности, в частности, в сфере управления Интернетом они поддерживают интернационализацию контроля над этой технологией. Эксперты связывают подобное изменение позиций ряда европейских стран с разоблачениями Э. Сноудена, указавшего на факт использования США своих преимуществ в информационной сфере в целях получения политических и экономических и политических целей в ущерб интересам стран ЕС⁷.

Для развивающихся стран в ходе международных переговоров, как правило, приоритетными являются вопросы информационного развития и сокращения «цифрового разрыва», помощи в создании «цифровых потенциалов».

На сегодняшний день США являются государством-лидером в области развития ИКТ и, следовательно, не заинтересованы в принятии на себя международных обязательств в данной сфере. Вплоть до недавнего времени США отказывались обсуждать на международном уровне проблематику военно-политического исполь-

зования информационно-коммуникационных технологий, а также вопросы демилитаризации информационного пространства. Однако позиция США по данному вопросу изменилась с приходом к власти Б. Обамы, который провозгласил развитие Интернета и информационной сферы одним из своих приоритетов. А.В. Бедрицкий систематизировал ключевые интересы, лежащие в основе позиции США по проблеме информационной безопасности следующим образом:

1. «Военное использование киберпространства целесообразно и будет иметь важное значение. Соединённые Штаты не намерены связывать себя какими-либо ограничениями на развёртывание, испытания и использование военных возможностей в этой сфере в целом. В дальнейшем в интересах защиты критически важных инфраструктур характеристики конкретных кибернетических угроз будут детализироваться и по ним могут быть подписаны международные соглашения. Однако вопрос о том, насколько такие соглашения будут ограничивать наступательный потенциал США и, соответственно, будет ли целесообразным международное обсуждение этих вопросов, должен решаться в ходе всесторонних исследований и моделирования.

2. Соединённые Штаты будут настаивать на том, чтобы эти соглашения не исключали возможность осуществлять возмездие (сдерживание) в случае проведения против них кибернетических атак другими странами. Они также будут последовательно выступать за право предупреждать кибернетические атаки, поскольку считают такие действия активной защитой своих инфраструктур.

3. Поскольку в случае проведения кибератаки достаточно трудно выявить страну-агрессора, Соединённые Штаты, возможно, будут заинтересованы в подписании многостороннего соглашения, определяющего пропорциональность ответа на кибератаку, исходя из её масштаба, продолжительности и потенциальной угрозы для гражданских объектов. Это, естественно, требует выработки в той или иной мере режима верификации» [1].

Показательно, что в киберстратегии Министерства обороны США от 2015 г. в качестве основных угроз безопасности США указаны агрессивные действия России и Китая в киберпространстве, отмечены также угрозы, исходящие от Ирана и КНДР, а также негосударственных акторов – кибертеррористов (прежде всего, ИГИЛ) и киберпреступников. Еще в 2011 г. киберпространство было объявлено полем боя, то в 2015 году был определен порог ущерба ки-

⁵ См. напр.: Risen T. China, Russia Seek New Internet World Order // US News and World Report. 14.05.2015. URL: <http://www.usnews.com/news/articles/2015/05/14/china-russia-seek-new-internet-world-order>

⁶ Huawei. The company that spooked the world // The Economist. 4.08.2012. URL: <http://www.economist.com/node/21559929> (проверено 22.08.2016 г.)

⁷ Сноуден: АНБ следит за учреждениями и гражданами Евросоюза // Интерфакс. 08.03.2014. URL: <http://www.interfax.ru/world/363552> (проверено 22.08.2016 г.)

■ Мировая политика

бератак, в ответ на которые будут предприняты ответные меры, в том числе с использованием обычных вооружений⁸.

Изменение позиций США по вопросу обеспечения информационной безопасности стало следствием изменения баланса сил вследствие стремительного развития киберпотенциала Китая. В исследовательском сообществе США ведутся дискуссии о формах возможных киберстолкновений с Китаем⁹, в аналитических отчетах отмечается значительное число кибератак со стороны китайских хакеров на критические инфраструктуры США¹⁰.

Как показывает опыт развития международных режимов в других высокотехнологичных областях, один актор не может навязывать другим нормы, принципы и правила поведения в долгосрочной перспективе. Динамичный характер развития Интернета и подвижность социально-экономической среды указывают на то, что США, хотя и выступали в роли гегемона на начальном этапе развития режима постепенно утрачивают подобные позиции, т.к. их роль в рамках режима все чаще ставится под вопрос другими государствами. Изначальные позиции гегемона ставятся под вопрос вмешательством национальных и международных акторов, ростом их потенциала, асимметричными угрозами и, кроме того, динамической природой Интернета [4].

В настоящее время открываются новые возможности формирования глобального режима международной информационной безопасности. Долгое время США удерживали лидерство в области развития информационных технологий, сознательно ограничивая возможности формирования глобального правового режима информационной безопасности. Однако изменение характера угроз информационной безопасности привело к тому, что наиболее развитая в информационном плане держава оказалась крайне уязвимой. Как показывает российский исследователь, сотрудник СПбГУ Р.В.Болгов, американская военная мощь, созданная для укрепления национальной безопасности, и информационно-технологичные вооружения как составляющие этой мощи на деле способствовали провоцированию конфликтности (в т.ч. за счет попыток противников США создать ядерное оружие) и только ослабили безопасность, для обеспечения которой они предназначались [2].

Несмотря на то, что ряд противоречий отошел на второй план (США согласились с некоторыми из российских предложений, признав наличие военно-политических угроз в области

информационной безопасности, а также необходимость правового регулирования данной области) наметились новые проблемы: так, западные страны выступают не за полную демилитаризацию информационного пространства, что соответствует российским интересам, но за международно-правовое регулирование киберконфликтов, с целью ограничить возможность использования информационного оружия в отношении особенно уязвимых критических инфраструктур, имеющих ключевое значение для безопасности населения, таких, например, как информационные системы, обеспечивающие работу госпиталей, и пр. Позицию стран НАТО, прежде всего США, по вопросу международно-правового регулирования военно-политического аспекта информационной безопасности отражает опубликованное 19 марта 2013 года Таллинское руководство. Данный документ, подготовленный группой экспертов Центра совместной киберобороны НАТО в Таллинне, посвящен вопросам применения международного права к конфликтам в информационной сфере, прежде всего, в ее технологическом измерении [14].

Согласно официальной позиции России, данное руководство допускает возможность милитаризации информационного пространства, в то время как Россия подчеркивает необходимость полного запрета информационного оружия. Таким образом, данный документ можно рассматривать как «пробный шар» на пути легитимизации кибервойн, которые рассматриваются как допустимое средство разрешения межгосударственных противоречий, но закрепляется их место в правовом поле.

Вместе с тем, как утверждает О. Демидов, российский и западный подходы не обязательно противоречат друг другу. Россия выступает за подчинение поведения государств в информационном пространстве специальному своду универсальных и юридически обязывающих норм. Разница между двумя подходами заключается в том, что они рассматриваются через призму разных установок и задач. Если Россия и ее союзники видят свою миссию в том, чтобы не допустить межгосударственных киберконфликтов и вывести такие явления за рамки приемлемых действий на международной арене, то Таллинское руководство – документ, не несущий такой задачи.

Сближение и гармонизация двух подходов – задача на отдаленную перспективу что обусловлено, прежде всего, дефицитом доверия между ключевыми участниками переговоров. Заклю-

⁸ The Department of Defense Cyber Strategy. Washington, April, 2015. URL: http://www.defense.gov/home/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf (проверено 22.08.2016 г.)

⁹ Cyber war and competition in the China-US relationship //Remarks delivered at the China Institutes of Contemporary International Relations. – 2010. – Т. 13. URL: <http://dSPACE.africaportal.org/jspui/bitstream/123456789/28852/1/Cyber%20war%20and%20competition%20in%20the%20China-US%20relationship.pdf?1> (проверено 22.08.2016 г.)

¹⁰ Half of Critical Infrastructure Providers Have Experienced Perceived Politically Motivated Cyber Attacks. Press Release: Symantec. 2010. URL: <http://finance.yahoo.com/news/Half-ofCritical-iw-478930509.html?x=0&v=1> (проверено 22.08.2016 г.)

чение двусторонних соглашений по информационной безопасности может сформировать необходимую для продолжения переговоров атмосферу доверия.

Определенным препятствием для многостороннего переговорного процесса в данной области является то, что для многих государств проблематика военно-политического использования ИКТ является чувствительной и они не всегда готовы открыто обсуждать ее. Весьма спорным также является вопрос включения вопросов регулирования контента информационных сетей в сферу обсуждения в ходе международных переговоров. Россия настаивает на использовании терминов «информационная безопасность», «информационное пространство», предполагающих более широкий подход к определению референтного объекта безопасности, – в этом случае объектом безопасности являются не только сетевое оборудование и программное обеспечение, но и более широкие, социально-гуманитарные аспекты развития информационного общества. США же настаивают на использовании термина «кибербезопасность», что предполагает обеспечение исключительно безопасности компьютерных сетей. Однако и в данной области есть определенное развитие: Дискуссии в ходе деятельности ГПЭ и обсуждения проектов вышеназванных резолюций позволили выработать некий вариант нейтральной терминологии. В тексте резолюций рассматриваемая проблематика формулируется вне рамок западной лексики кибербезопасности и, по большей части, не в терминах «обеспечения МИБ». Поиски участниками ГПЭ взаимоприемлемых формулировок с целью нахождения компромисса привели к тому, что тексты резолюций обращены к проблематике «ИКТ в контексте международной безопасности», «злонамеренного использования ИКТ» и др. Таким образом, вынося спорные терминологические вопросы за скобки, удастся выработать хрупкий компромисс.

В рамках складывающегося режима обеспечения международной информационной безопасности общие интересы государств и бизнеса заключаются в том, чтобы установить хрупкую атмосферу доверия и укрепить он-лайн отношения, и это достигается при помощи принципов, норм, правил и процедур принятия решений для защиты конфиденциальности, целостности и доступности, достоверности, приватности информации. И принятие правил поведения государств в данной сфере может быть важным шагом на пути к развитию международного сотрудничества. Отметим, что еще в 2011 г. Россия предложила свод правил поведения в сфере ИКТ на рассмотрение ООН как проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности. В документе делается особый ак-

цент на суверенитете в информационной сфере и невмешательстве во внутренние дела¹¹. Схожий свод правил вносился на рассмотрение ООН и по линии ШОС в 2011 и в 2015 гг. Однако, США и ЕС долгое время не были готовы обсуждать подобные правила поведения, рассматривая их как попытку ограничить свободу в интернете и ввести цензуру в сети. В настоящее время страны Запада поддерживают инициативу введения правил, однако полагают, что правила не должны быть обязывающими и не должны привести к разделению Интернета на национальные сегменты. Отметим, что страны ЕС в последние годы все более открыто высказываются в поддержку идеи правил поведения, однако не поддерживая идею «цифрового суверенитета». Более того, данная инициатива нашла поддержку у Индии, которая, как отмечает сотрудник ПИР-центра О.В. Демидов, «опасается кибер-угроз со стороны Китая» [3, с. 136].

Однако, несмотря на то, что сегодня все ключевые участники переговорного процесса согласны с необходимостью выработки правил поведения, позиции относительно содержания правил, сферы их действия, а также обязательств из них проистекающих существенно различаются. Таким образом, международные переговоры по формированию глобального режима управления Интернетом находятся на стадии определения повестки дня, и важно, что Россия выступает в роли инициатора обсуждения многих проблем, так как это дает важные преимущества в переговорном процессе.

В настоящее время, несмотря на сложность и новизну рассматриваемой проблематики, не только развивающиеся, но и развитые страны поддерживают инициативу международно-правового регулирования глобальной информационной сферы.

Несмотря на активизацию переговоров по вопросам информационной безопасности, трудно ожидать, что стороны в ближайшее время придут к консенсусу. Можно согласиться с А.В. Бедрицким, по мнению которого «гораздо более вероятно, что Соединённые Штаты будут пытаться всячески продвигать свою модель кибернетической безопасности» [2]. Если проводить аналогии с режимами в других высокотехнологичных областях, ситуация может измениться вследствие международного кризиса, который коренным образом изменит представления государств о собственной уязвимости, подтолкнув к пониманию необходимости международного сотрудничества.

Перспективы развития международного режима в сфере управления интернетом

Проблема управления интернетом в ходе переговорного процесса всё чаще увязывается с вопросами международной информационной

¹¹ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). // МИД России. Официальный сайт. 22.09.2011. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/542df9e13d28e06ec3257925003542c4!OpenDocument> (проверено 22.08.2016 г.)

■ Мировая политика

безопасности. От того, на каких принципах будет организовано управление сетью Интернет, которая выступает в качестве системообразующей инфраструктуры глобального информационного общества, будут зависеть политические и экономические характеристики глобального информационного пространства, что не может не влиять на международную информационную безопасность.

В настоящее время сложился государственно-частный режим управления интернетом, в рамках которого функции технической координации пространства имен и адресов интернета возложены на ICANN, некоммерческую организацию, зарегистрированную в США и формально подчиняющуюся законам США. В настоящее время все большее количество государств оспаривают роль ICANN в управлении Интернетом, видя в ней инструмент влияния США.

Отметим, что режим управления интернетом исторически формировался при существенном влиянии экспертного сообщества (т.н. «интернет-сообщества») исследователей и инженеров, однако в настоящее время государства стремятся играть в управлении интернетом более существенную роль. С позиций теории международных режимов период доминирующего влияния организаций «интернет-сообщества» был периодом обучения, формирования базовых принципов регулирования, поскольку США и их союзники не были уверены в том, каким образом следует осуществлять управление этой новой технологией, поэтому они предоставили свободу действий экспертам. Как заявляет Э. Хаас: «В условиях неопределенности, когда вся власть сосредоточена в руках одного государства, и когда эпистемические сообщества успешно консолидировали влияние в доминирующем государстве, тогда действия этого государства могут быть модифицированы в соответствии с убеждениями представителей эпистемического сообщества. Режим все равно будет формироваться под контролем гегемона, однако его содержание будет отражать взгляды эпистемического сообщества» [10]. Подобные режимы, как правило, называют режимами «смешанного происхождения».

М. Франда в своей книге «Управление интернетом: формирование международного режима» анализирует процесс развития международного режима на основании предложенных О. Янгом стадий, которые каждый режим проходят в ходе формирования: определение повестки дня; международные переговоры; операционализация достигнутых соглашений. М. Франда показывает, что формирование международного режима управления Интернетом действительно происходит в соответствии со стадиями, выделенными О. Янгом. Наибольшее внимание М. Франда уделяет первой стадии, процессам определения международной повестки дня в области управления интернетом. Он анализирует ту роль, которую эпистемические сообщества и

даже отдельные лица играли на ранних этапах формирования режима, и приходит к выводу, что именно частные лица и некоммерческие организации, обладающие на тот период монополией на определенные виды информации, во многом определяли международную повестку дня в области управления интернетом.

Однако по мере того, как количество пользователей новой технологии возрастала, на правительство США начинали оказывать давление представители бизнес-сообщества, которые требовали более формализованных процедур защиты их интересов в интернет-пространстве, в частности, защиты торговых марок. Кроме того, возрастала экономическая, политическая, культурная, социальная и др. значимость сети, и, следовательно, государства во все большей степени осознавали потенциал технологии и стремились принимать участие в управлении интернетом. Однако это не входило в планы правительства США. Желая стимулировать развитие сети, повысить прозрачность и эффективность механизмов управления, а также избежать передачи управления интернетом к одной из существовавших на тот период межправительственных организаций, США решили передать функции управления Интернетом к частной некоммерческой организации, сохранив при этом контрольные полномочия по отношению к ее деятельности. Создание ICANN в 1998 г. было оформлено Соглашением о взаимопонимании между ICANN и Департаментом торговли США (MoU, Memorandum of Understanding) и ознаменовало переход ко второй стадии развития режима управления интернетом.

Сложившийся в рамках ICANN государственно-частный режим управления интернетом не только не соответствует интересам большинства государственных акторов (в том числе и РФ), которые видят в нем институционализацию доминирования США в информационном пространстве, но не устраивает также организации гражданского общества, которые выступают за большую подотчетность и демократическую легитимность организации. ICANN на протяжении всей своей истории с момента создания подвергалась существенной критике, причем главным объектом являются ее «особые отношения» с Департаментом торговли США, который сохраняет за собой контрольные функции по отношению к данной организации.

Официально ICANN отрицает свою ведущую роль в процессе управления Интернетом еще и потому что пытается избежать того, чтобы ее рассматривали в качестве организации, претендующей на расширение своих полномочий. Однако очевидно, что эти протесты не смогли убедить ни одну из заинтересованных сторон, и организации не удалось предотвратить формирование негативно настроенного по отношению к ней общественного мнения.

Таким образом, ICANN не удалось стать той организацией, в рамках которой обсуждались бы

проблемы управления интернетом на межгосударственном уровне. Однако остальным организациям «интернет-сообщества» пока удастся сохранять свои позиции в процессах управления. Стремление правительств принимать участие в процессах управления интернетом, как по символическим, так и по практическим причинам

Остановимся более подробно на прогнозах развития режима управления интернетом в целом и ICANN в частности, предлагаемых различными исследователями и аналитиками. Большая часть исследователей соглашается с тем, что ВВУИО и работа Форума по вопросам управления Интернетом ознаменовали начало нового этапа в данном процессе, который будет характеризоваться утерей США своего влияния и усилением позиций правительств других государств. Следовательно, так или иначе, произойдет усиление межправительственной компоненты режима управления интернетом.

Возможны два варианта: либо ICANN сохранит свое влияние (возможно, при этом ей придется значительно модифицировать свою структуру и состав), либо же функции технической координации инфраструктуры интернета перейдут к межправительственной организации. Сложности, с которыми уже сегодня сталкивается организация в ходе своей деятельности, отсутствие поддержки со стороны правительств, проблемы с легитимностью могут быть предвестниками радикального изменения существующего режима управления интернетом.

Очевидно, что США не могут игнорировать обеспокоенность мирового сообщества в отношении их односторонней политики в сфере регулирования интернета. Со стороны Вашингтона может быть сделана следующая уступка – предоставление ICANN независимости от Департамента торговли, что позволит им избежать наиболее нежелательно варианта – интернационализации управления интернетом и перехода функций ICANN к МСЭ. Однако, предоставив ICANN формальную независимость и увеличив возможности Правительственного совещательного комитета (Governmental Advisory Committee, GAC), США тем не менее сохраняют контроль над инфраструктурой интернета благодаря своему рыночному влиянию (большая часть крупных компаний, работающих в Интернет-пространстве, имеет американскую принадлежность), экономическому потенциалу (американские корпорации управляют доменными именами общего уровня, на которых зарегистрирована значительная часть доменов), а также управлению корневыми серверами, большая часть из которых так и останется на территории США.

Если организация продолжит свое существование, возможны различные варианты повышения легитимности и эффективности ее работы. В частности, аналитиками, работающими в рамках Проекта по вопросам управления интернетом (Internet governance project), предлагается

модель реформ, включающих в себя ограничение полномочий ICANN, и передачу контрольных функций по отношению к организации на международный уровень (что подразумевает разрыв контрактных отношений с США); усиление возможностей влияния отдельных пользователей Сети на процесс принятия решений и частичную передачу функции ICANN к МСЭ, что должно стимулировать конкуренцию и повысить эффективность управления.

Сторонники точки зрения, согласно которой ICANN в будущем прекратит свое существование, по-разному видят будущее развитие режима управления интернетом. В частности, высказываются предположения, что управление интернетом будет передано межправительственной организации с глобальным охватом действий, возможно, МСЭ. Рассматривается также и такой вариант, что в результате развития глобального рынка электронной коммерции, проблемы экономической конкуренции выйдут на первый план в процессах управления интернетом и ICANN может стать намного менее влиятельной организацией в данной области по сравнению, например, с ВТО.

Складываются благоприятные условия, чтобы передать контроль управления интернетом к МСЭ. Высока вероятность того, что в ходе саммита по вопросам развития информационного общества под эгидой ООН, запланированного на 2020 г., США уступят свои лидирующие позиции в сфере управления Интернетом. Этому способствует не только кризисное положение экономики США, растущая уязвимость в сфере информационной безопасности, но и сложившиеся международная ситуация в данной области.

Подводя итог, можно сказать, что интернационализация управления интернетом в той или иной форме неизбежна. Однако очевидно, что США, которые рассматривают утрату контроля над Интернет-пространством как одну из угроз национальной безопасности страны, сделают все возможное, чтобы сохранить контрактные отношения с ICANN и свое влияние в рамках режима управления интернетом.

ICANN – частная некоммерческая организация, решения которой имеют значительные экономические, политические и общественные последствия и именно ее статус стал источником проблем, препятствующих ее эффективному выполнению своих функций. На примере ICANN можно проследить, насколько тесно переплетены между собой технические и политические аспекты в интернет-пространстве, зачастую их невозможно разделить. Ещё в 1999 г. авторитетный юрист в области интернет-права Л. Лессиг отметил тот факт, что политическое и техническое регулирование интернета неотделимы друг от друга. «Киберпространство требует нового понимания того, каким образом осуществляется регулирование и что регулирует жизнь здесь... В реальном мире мы регулирование осуще-

ствляется при помощи законов, а в киберпространстве – при помощи программного кода. В киберпространстве программное обеспечение – это закон» [11, с. 17].

Л. Лессиг также предостерегал, что по мере того как современное общество во все большей степени попадает зависимость от интернета, возрастает и опасность того, что общественные отношения будут регулироваться программным кодом, а не законодательными нормами [10, с. 17]. Подобный подход представляется некоторым преувеличением, однако нельзя не согласиться с тем фактом, что любое техническое решение всегда имеет политические последствия, так как оно способствует продвижению определенных интересов и усиливает позицию тех или иных групп как на международной арене, так и внутри государства.

Основные направления адаптации международного права к информационной сфере

Как отмечает директор и основатель «Дипло Фоундейшн» И. Курбалиа, можно выделить два подхода к тому, каким образом существующие правовые нормы применимы к информационному пространству.

1.) «Реальное» право — подход, в рамках которого Интернет рассматривается как явление, аналогичное предшествующим ему технологиям коммуникации (прошедшим в своем развитии долгий путь от сигнальных костров до телефона). Хотя Интернет быстрее и масштабнее, он по-прежнему является способом дистанционного общения между отдельными людьми. Следовательно, любые существующие правовые нормы могут применяться и по отношению к Интернету.

2.) «Киберправо» исходит из предположения, что Интернет породил новые виды социальных взаимоотношений, осуществляющихся в киберпространстве. Следовательно, для их регулирования возникает необходимость формулировать новые «киберзаконы». Доводом в поддержку этого подхода является тот факт, что невероятная скорость и объем межнационального общения, которое ведется с помощью Интернета, препятствует применению существующих правовых норм [6, с. 85].

Как полагает И. Курбалиа, в обоих подходах содержится зерно истины, но «реальное» право доминирует и в теории, и на практике. Согласно наиболее распространенному мнению, большая часть существующего законодательства может применяться по отношению к Интернету. Однако в ряде случаев существующие в реальном мире правовые нормы придется видоизменить для того, чтобы иметь возможность применить их к киберпространству. Для иных, более узких, проблем необходима разработка абсолютно новых законов [6, с. 85].

Вместе с тем, в современных условиях проблема адаптации международного права к

информационной сфере является крайне политизированной, что связано с межгосударственными противоречиями, обозначенными в предыдущем параграфе. Несмотря на специфические характеристики ИКТ, вытекающие из Устава ООН общепризнанные принципы международного права *jus cogens* и соответствующие нормы международного права, а именно невмешательство во внутренние дела государств и неприменение силы и угрозы силой остаются незыблемыми как в традиционном, физическом, так и в новом, цифровом пространстве.

Остановимся более подробно на вопросах применения существующего корпуса международного гуманитарного права к информационной сфере, прежде всего, к применению информационного оружия против объектов критической информационной инфраструктуры. Информационные войны по многим параметрам отличаются от противостояния государств в «реальном» мире. Тем не менее это не отменяет необходимости нормативно-правовой регламентации. Многие из положений международного гуманитарного права были выработаны применительно к обычным условиям ведения войны и в современных условиях требуют доработки.

Право вооруженных конфликтов, несмотря на свою оторванность от политической практики, определяет правила цивилизованного ведения вооруженных действий. Международное гуманитарное право обладает лишь ограниченной применимостью по отношению к информационным конфликтам. Между тем существует насущная потребность в выработке правил регулирования конфликтов в информационной сфере. Это связано с тем, что информационные атаки по своим последствиям становятся все более масштабными, создавая реальную угрозу безопасности государству. Более того, участниками информационных конфликтов могут быть не только государства, но и неправительственные участники, в том числе террористические группировки.

К настоящему времени существует множество международно-правовых актов, регулирующих отношения государств в период вооруженного конфликта. К рассмотренным в работе группы экспертов источникам международного гуманитарного права отнесены: Женевская конвенция 1964 г. об улучшении состояния раненых на поле боя, Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. о законах и обычаях сухопутной войны, Женевский протокол 1928 г. о запрещении использования на войне удушающих газов и бактериологического оружия, Женевская конвенция 1949 г. об улучшении состояния раненых и больных и членов экипажа судов на море, Женевская конвенция 1949 г. об обращении с военнопленными, Женевская конвенция 1949 г. об улучшении положения гражданского населения во время войны, Женевская конвенция 1975 г. о запрещении разработки создания и хранения

бактериологических и токсических вооружений и их уничтожении, Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1977 г. о защите жертв международных вооруженных конфликтов, о защите жертв немеждународных вооруженных конфликтов, Дополнительный протокол 2005 г. о принятии дополнительных отличительных знаков.

Как представляется, наибольшим потенциалом обладает международное гуманитарное право применительно к защите критических информационных инфраструктур. Несмотря на то что термин «защита критических инфраструктур» не используется в конвенциях, безопасность человека, в особенности гражданского населения, имеет прямое отношение к их содержанию. Большое значение в праве вооруженных конфликтов придается защите гражданских объектов: «гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий»¹². Конвенции предписывают исключение такого рода объектов из возможных объектов атаки, а также постоянную защиту и осторожное обращение. В том случае, если прекращено действие защищаемого статуса гражданских объектов, атакующая сторона обязуется сделать должное предупреждение.

Таким образом, международное гуманитарное право применимо к защите объектов критической информационной инфраструктуры, используемой в гражданских целях, как, например, информационные ресурсы и системы, обеспечивающие работу госпиталей и больниц. Вполне эффективно могут применяться положения Дополнительного протокола Гаагской конвенции 1907 г., запрещающие подвергать нападению или уничтожению объекты, необходимые для выживания гражданского населения (запасы пресной воды, запасы продуктов питания и др.). Отметим, что среди критических информационных инфраструктур можно выделить лишь незначительное количество систем, используемых исключительно в гражданских целях, что сужает применимость норм гуманитарного права. Большая часть может использоваться как в гражданской, так и в военной сферах, вследствие чего нормы права нуждаются в доработке. Гражданские информационные ресурсы и системы не обладают отличительными знаками, что потенциально повышает их уязвимость и снижает степень защиты.

В большинстве случаев в информационной сфере сложнее определить гражданские объекты, так как в наступательных и оборонительных операциях могут быть задействованы гражданские объекты. Согласно источникам международного гуманитарного права, военным относятся объекты, «которые в силу своего

характера, размещения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество»¹³.

Почти все государства рассматривают информационную безопасность объектов критической инфраструктуры как проблему национальной безопасности. Отметим, что, несмотря на пробелы в международном праве, информационная безопасность в большинстве стран регулируется внутренними законодательными нормами. Пионерами в данном контексте являются США, в которых после событий 11 сентября 2001 г. безопасность критических информационных инфраструктур начинает рассматриваться в контексте антитеррористической стратегии. Вполне эффективно могут применяться положения Дополнительного протокола №1 Гаагской конвенции 1907 г., запрещающие подвергать нападению или уничтожению объекты необходимые для выживания гражданского населения (запасы пресной воды, запасы продуктов питания и др.).

В настоящее время многие элементы национальной инфраструктуры находятся в сфере владения частного сектора и не являются собственностью государства. Поэтому важным в организации системы ее эффективной защиты является сотрудничество правительственных ведомств, общественных организаций, с привлечением коммерческих структур, осуществляющих деятельность в ключевых секторах национальной критической инфраструктуры. Очевидно, что опыт внутригосударственного регулирования должен быть использован при выработке международно-правовых норм.

Очевидно, что изучение вопроса применимости и достаточности международного гуманитарного права для правового регулирования действий с применением информационного оружия осуществимо только при понимании того, что признается существование и возможность использования информационных систем как оружия, а организованное сопротивление с его использованием признается как война. В настоящее время международное сообщество приходит к такому пониманию. Страны склонны признавать свою уязвимость в информационной сфере, и проявляют готовность принимать международно-правовые документы, регулирующие и ограничивающие возможность агрессивных действий в информационной сфере.

В этих условиях необходима адаптация норм права, чтобы компьютеры и программные коды можно было классифицировать как системы вооружения. Термин «информаци-

¹² Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 г. (ст. 52)

¹³ Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года. Гаага, 26 марта 1999 г. (ст. 1).

онное оружие» используется в ряде международных документов, принятых в рамках ШОС и СНГ¹⁴. Например, согласно ст. 1 Соглашения между Правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16.07.2009 главной угрозой международной информационной безопасности является «разработка и применение информационного оружия, подготовка и ведение информационной войны», ее признаками являются «... воздействие на системы транспортировки, коммуникаций и управления воздушными, противоракетными и другими видами объектов обороны, в результате чего государство утрачивает способность обороняться пред лицом агрессора и не может воспользоваться законным правом самозащиты, нарушение функционирования объектов информационной инфраструктуры, в результате чего парализуются системы управления и принятия решений в государствах, деструктивное воздействие на критически важные структуры»¹⁵. Подобный подход может быть использован международным сообществом в качестве основы для выработки общепризнанного определения информационного оружия.

Группа российских и американских ученых выработала следующие рекомендации по международно-правовой регламентации информационной сферы:

1) привлечение частного сектора и неправительственных организаций к выработке мер по разделению защищенных и незащищенных инфраструктур;

2) необходимость использования отличительных знаков для защищенных объектов в информационной сфере;

3) следует признать рост влияния негосударственных акторов и пользователей Интернета [13].

Подводя итог рассмотрению применимости международного гуманитарного права к информационным войнам, отметим, что, несмотря на то что большая часть его положений разрабатывалась в отношении обычных вооружений, его положения разрабатывались с целью гуманизировать войну, избежать страданий мирного населения, поэтому если они и устарели, то лишь формально, но не по сути. Как отмечает российский эксперт, канд. физ.-мат. наук А.В. Федоров, «в информационном обществе доминируют интересы государств, прежде всего, интересы политические, и их столкновение ведет к противоборству, в наиболее острой форме – информационной войне. Тем не менее это не отменяет регламентации международных отношений нормами международного публичного права» [7, с. 138].

На современном этапе не сложилось единого международного режима обеспечения информационной безопасности. Скорее, мы можем наблюдать совокупность разрозненных инициатив и режимов, направленных на решение специфических проблем безопасности, возникающих в «цифровую эпоху».

Глобальное международное взаимодействие по обеспечению информационной безопасности на современном этапе находится на стадии определения повестки дня. На этом этапе, согласно теории международных режимов, особое значение приобретает взаимодействие в рамках исследовательских структур и МНПО (формирующих эпистемическое сообщество и способных повлиять на ход международного сотрудничества). Несмотря на отдельные попытки кооперации между исследовательскими структурами, на сегодняшний день существенного сближения двух секьюритизирующих дискурсов не наблюдается.

Переход от стадии определения повестки дня к переговорному процессу и впоследствии имплементации достигнутых соглашений был бы возможен вследствие осознания участниками баланса угроз, что чаще всего происходит в результате острого международного кризиса. В сфере информационной безопасности кризиса пока не произошло, причем ситуация осложняется спецификой информационного оружия – сложностью идентификации источника атаки, относительной доступностью, а также асимметрией наступательных и оборонительных вооружений в кибер-пространстве (в настоящее время наступательное информационное оружие гораздо эффективнее оборонительного).

В ряде регионов сложились эффективные режимы информационной безопасности, сторонам удалось выработать повестку дня, договориться по согласованным вопросам и приступить к имплементации достигнутых решений: Евроатлантический регион в рамках НАТО, Юго-восточная Азия в рамках АСЕАН, евразийский регион в рамках ОДКБ и ШОС. На двустороннем уровне сотрудничество по вопросам информационной безопасности реализуется, как правило, между государствами, обладающими значительными кибер-потенциалами (и воспринимающими друг друга как угрозу или же объединяющимися против общей угрозы) и режимы двустороннего взаимодействия находятся в состоянии имплементации. Как правило, подобные режимы ориентированы на формирование доверия и предсказуемости в отношениях между государствами.

На современном этапе развития США стремятся закрепить свои лидирующие позиции как в рамках режима управления Интернетом, так и

¹⁴ См. напр.: Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. 2009 г.

¹⁵ Там же.

в сфере информационной безопасности. В этих условиях США не заинтересованы в развитии международного сотрудничества на глобальном уровне по обеспечению информационной безопасности, желая сохранить «свободу рук» в развитии и военном применении информационных технологий, в том числе информационного оружия (за исключением выработки правил применения норм международного гуманитарного права к информационной сфере, что позволит легитимизировать кибер-конфликты, подчинив их правовым нормам). Однако, постепенное распространение новых технологий и инноваций в мире может подорвать технологическое лидерство США. В случае если Китаю удастся оспорить технологическое лидерство США, повысится вероятность интенсификации международного сотрудничества по обеспечению информационной безопасности на глобальном уровне.

Как представляется международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности будет отражать общую логику развития международного взаимодействия, для которого характерны новые модели кооперации при участии государств и негосударственных акторов, получившие название многосторонних

партнерств или многоуровневого сотрудничества. Роль подобного взаимодействия при обеспечении информационной безопасности будет возрастать. При этом за государствами остается координирующая роль в данной области.

В интересах России поддерживать тенденцию к регионализации режима информационной безопасности. Россия может сформировать режим информационной безопасности на постсоветском пространстве на основе ОДКБ и потенциально в рамках ШОС на более широком евразийском пространстве. Регионализация режимов информационной безопасности создает для России возможность более эффективно контролировать формирующийся режим информационной безопасности на постсоветском пространстве и снимает угрозу потенциальных «цветных революций», инспирируемых по информационным каналам (в том числе с использованием социальных сетей и новых медиа). Кроме того, Россия могла бы учесть ряд перспективных технологических тенденций («большие данные», «интернет вещей») при определении повестки дня, что позволило бы получить «преимущества первопроходца» при обсуждении исследуемой проблематики на международном уровне.

Список литературы

1. Бедрицкий А.В. Международные договорённости по киберпространству: возможен ли консенсус? // Проблемы национальной стратегии. 2012. №4. С. 119-136. URL: http://www.riss.ru/images/pdf/journal/2012/4/10_.pdf (проверено 22.08.2016 г.)
2. Болгов Р.В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях // Дисс. ... ученой степени кандидата политических наук. СПб: СПбГУ, 2011.
3. Демидов О.В. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс Безопасности. 2013. № 1. С. 129-168. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559089230.pdf> (проверено 22.08.2016 г.)
4. Коротков А.В., Зиновьева Е.С. Безопасность критических информационных инфраструктур и международное гуманитарное право // Вестник МГИМО-Университета. 2011, №4.
5. Ибрагимова Г. Стратегия КНР в области управления Интернетом и информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1. 169-184. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559074100.pdf> (проверено 22.08.2016 г.)
6. Курбалия Й. Управление Интернетом. М.: Координационный центр национального домена сети Интернет, 2010.
7. Федоров А.В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе: учеб пособие. М.: МГИМО, 2006.
8. Busch M. L. Overlapping institutions, forum shopping, and dispute settlement in international trade // International Organization. 2007. №. 04. P. 735-761
9. Giles K., Hagestad W. Divided by a common language: cyber definitions in Chinese, Russian and English // Cyber Conflict (CyCon), 2013 5th International Conference on. IEEE, 2013. Pp. 1-17.
10. Haas P. Epistemic Communities and International-Policy Coordination - Introduction // International Organization. 1992. No. 46 (1). Pp. 1-35.
11. Lessig L. Code and other laws of cyberspace. NY: Basic books, 1999.
12. Lieberthal K., Singer P. Cybersecurity and U.S. - China Relations. Jonh L. Torton China Institute in Brookings, 2012. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0223_cybersecurity_china_us_lieberthal_singer_pdf_english.pdf (проверено 22.08.2016 г.)
13. Rauscher K., Korotkov A. Working towards rules for governing cyber conflict. Rendering Geneva and Hague conventions in cyberspace // East-West institute. 2011. URL: <https://www.eastwest.ngo/idea/towards-rules-governing-cyber-conflict-0> (проверено 22.08.2016 г.)

14. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare / ed. by M.Schmitt – N.Y.: Cambridge University Press, 2013.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» № 14-18-02973.

Об авторе

Е.С. Зиновьева – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.
E-mail: elena.zinovyeva@gmail.com.

**FUTURE TRENDS OF FORMATION OF THE INTERNATIONAL REGIME
ON THE PROVISION OF INFORMATION SECURITY**

E.S. Zinovieva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article discusses the key trends shaping the international regime on information security. International cooperation in this area at the global level encounters contradictions of state interest. The main actors of the information security are the United States, Russia, China and the EU countries (Britain, France and Germany). The main contradiction is developing between the US on one side and Russia and China on the other. EU countries occupy the middle position, gravitating to that of US. The article proves that international cooperation on information security will reflect the overall logic of the development of international cooperation, which is characterized by a new model of cooperation, with the participation of state and non-state actors, known as multi-stakeholder partnerships and multi-level cooperation. The logic of the formation of an international regime on information security is closest to the logic of the formation of the international non-proliferation regime. It is in the interest of Russia to support the trend towards regionalization of information security regime. Russia can form a regional information security regime in the former Soviet Union on the basis of the CSTO and SCO and potentially on a wider Eurasian space. Such regional regime would give Russia an opportunity to shape the international regime and closely monitor emerging information security issues in the former Soviet Union, and remove the potential threat of "color revolutions".*

Key words: information security, trends, international regime regionalization.

References

1. Bedritskiy A.V. Mezhdunarodnye dogovorennosti po kiberprostranstvu: vozmozhnen li konsensus? [International agreement on cyberspace: Is consensus possible?] *Problems of National Strategy*. 2012. №4. Pp 119-136. URL: http://www.riss.ru/images/pdf/journal/2012/4/10_.pdf (accessed 22.08.2016) (In Russian).
2. Bolgov R.V. Informatsionnye tekhnologii v sovremennykh vooruzhennykh konfliktakh i voennykh strategiyakh [Information technology in contemporary armed conflicts and military strategies]. Diss. ... A scientific degree of candidate of political sciences. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2011. (In Russian).
3. Demidov O.V. Obespechenie mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti i rossiiskie natsional'nye interesy [Ensuring international information security and national interests of Russia]. *Security Index*. 2013. № 1. Pp. 129-168. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559089230.pdf> (accessed 22.08.2016) (In Russian).
4. Korotkov A.V., Zinovieva E.S. Bezopasnost kriticheskikh informatsionnih infrastruktur v megdunarodnom gumanitarnom praven [Security of Critical Information Infrastructures in the International Humanitarian Law] *Vesnik MGIMO-Universitets*, 2011. № 4.
5. Ibragimov G. Strategiya KNR v oblasti upravleniya Internetom i informatsionnoi bezopasnosti [China Strategy for Internet governance and information security] *Security Index*. 2013. № 1. 169-184. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559074100.pdf> (tested 22.08.2016 city) (In Russian).
6. Kurbalia J. *Upravlenie Internetom* [Internet governance]. Moscow: Coordination Center for TLD RU, 2010. (In Russian).

7. Fedorov A.V. *Informatsionnaia bezopasnost' v mirovom politicheskom protsesse* [Information security in global political process]. Moscow: MGIMO 2006. (In Russian).
8. Busch M.L. Overlapping institutions, forum shopping, and dispute settlement in international trade. *International Organization*. 2007. Vol. 61. No. 04. P. 735-76. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0020818307070257>
9. Giles K., Hagestad W. Divided by a common language: cyber definitions in Chinese, Russian and English. *Cyber Conflict (CyCon)*, 2013 5th International Conference on IEEE, 2013. Pp. 1-17.
10. Haas P. Epistemic Communities and International-Policy Coordination – Introduction. *International Organization*. 1992. Vol. 46, no. 1. Pp. 1-35.
11. Lessig L. *Code and other laws of cyberspace*. NY: Basic books, 1999.
12. Lieberthal K., Singer P. *Cybersecurity and U.S. - China Relations*. Jonh L. Torton China Institute in Brookings, 2012. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0223_cybersecurity_china_us_li-eberthal_singer_pdf_english.pdf (accessed 22.08.2016)
13. Rauscher K., Korotkov A. *Working towards rules for governing cyber conflict. Rendering Geneva and Hague conventions in cyberspace*. East-West institute. 2011. URL: <https://www.eastwest.ngo/idea/towards-rules-governing-cyber-conflict-0> (accessed 22.08.2016)
14. *Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare*. ed. by M .Schmitt. N.Y .: Cambridge University Press, 2013.

The article is prepared with RSF financial support, project "Long-term forecasting of international relations» № 14-18-02973.

About the author

Elena S. Zinovieva – PhD in Political Science, associate Professor at the Department of World Politics, MGIMO-University. E-mail: elena.zinovyeva@gmail.com.

СТОЛИЦЫ БЕЗ АКТУАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ, КАСИМОВЕ И МЫШКИНЕ

И.Ю. Окунев, Д.В. Басова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр.Вернадского, 76.

В статье рассматриваются концепты «столичности» и «пространственной идентичности». В рамках исследования будет произведена попытка анализа института столиц как на символическом, так и на функциональном уровне. В таком случае столицы являются не только местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре. Процесс межрегиональной дифференциации внутри государства через создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией является механизмом, позволяющим выявлять территории, нуждающиеся в поддержке для сохранения соответствия национальным нормам, и, соответственно, поддержания государственности. Традиционно выделяется два ведущих территориальных основания формирования государственности: национальное строительство и угрозы безопасности или, другими словами, маркирование ментальных границ сообщества «Мы» и актуализация «Других». В современной политической географии по данному вопросу намечается поворот к изучению третьего механизма – внутреннего «Другого». Для доказательства роли межрегиональной дифференциации в качестве механизма национального строительства возможны две стратегии. Логичным был бы анализ различных дискурсивных и институциональных практик маргинализации регионов. Однако такой путь выводит нас на огромное количество кейсов, различающихся по множеству параметров и, как следствие, не допускающих генерализацию в выводах. В этой связи нам представляется возможным обращение к другой стратегии – поиску доказательств целенаправленного противопоставления центра периферии, наделяния за столичным центром не только административных, но и символических национальных и центробежных функций. Существование одного полюса дихотомии должно подтверждать существование и противоположного. Проводится анализ трех кейсов – Старой Ладого, Мышкина и Касимова, – в которых по-разному интерпретируются особенности географического пространства. Кроме того, авторы приводят наглядные примеры конструирования мифа о «столичности», выявляя в этом те или иные инструменты символической политики.

Ключевые слова: пространственная идентичность, столичность, интерпретация пространства, Старая Ладога, Мышкин, Касимов.

Собирать и обрабатывать материал в экспедициях авторам помогали студенты Факультета политологии МГИМО МИД России и факультета социальных наук НИУ ВШЭ: Богдан Барабаш, Никита Еряшев, Герман Остапенко, Елизавета Окунева, Сергей Савин, Анастасия Салаватова, Мария Тисленко и Александр Цацурин. Авторы выражают им глубокую признательность и благодарность.

Понятие «столичность» несёт в себе большую смысловую нагрузку и не является окончательно сформированным и устоявшимся в академическом дискурсе. В последнее время появляются исследования, акцентирующие свое внимание не на институциональном наполнении термина «столичность» (место расположения органов государственной власти), а на символическом. Так, Вадим Россман отмечает, что столицы являются не только местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит "представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре [16, с. 35-36]. Понятие «столичности» в определении Д.Н. Замятина – онтологический атрибут, преобразующий, трансформирующий внешние, физико-географические приметы и признаки положения (горная котловина, плато, бескрайняя равнина, остров, предгорье, излучина реки или слияние рек, берег морского залива и т.д.) в мощный — иногда единый, а иногда дуалистический — мифологический нарратив, обладающий целенаправленной сакральной энергетикой, подпитывающей властные дискурсы [3, с. 23-28].

Современный институт столицы появляется вместе с процессом формирования национальных государств в позднем средневековье и связан с тем, что к институциональному наполнению локации (место размещения короля, двора или казны) начинает добавляться символическое наполнение столицы, выступающей в виде образа формируемой нации. Столица начинает играть ключевую роль в национальном строительстве через то, что она позволяет сконструировать дихотомию «центр-периферия» в политике.

Тем не менее, несмотря на очевидное символическое значение столицы в политических процессах, сторонники институционального подхода считают, что это значение является дополнительным, в то время, как базовым остается именно размещение органов государственной власти. Для проверки гипотезы о первичном значении символического капитала для понятия столичность было решено провести эмпирическое исследование городов, позиционирующих себя в качестве столиц, однако в которых нет и никогда не было институционального оформления столичности.

С целью разобраться с этим вопросом в 2014-2015 г.г. группа ученых из Клуба геополити-

ческих исследований МГИМО провела полевые исследования в российских городах, которые произвольно или осознанно вовлечены в мифостроительство о своем уникальном положении в культурно-географическом пространстве России. Полевые исследования были ориентированы на когнитивное картирование исторической памяти столиц с проблемной государственно-стью: бывшей столицы (Старая Ладога), столицы исчезнувшего государства (Касимов) и столицы выдуманного государства (Мышкин). В данном случае выбор пал на такие малые города, как Старая Ладога, Касимов и Мышкин, которые по своему интерпретируют, используют и культивируют концепцию «столичности». При этом, во всех трех случаях, в этих городах нет и не было институциональной основы столичности и анализу может быть подвержена только символическая сторона этого концепта. Отличаются, как будет показано дальше эти города и от схожих примеров бывших и выдуманных столиц. В отличие, скажем, от Белозера и Изборска (наряду с Ладогой имеющих основания претендовать на столичность в древнерусском государстве), Биляра (столицы Булгарии), Кашлыка (столицы Сибирского ханства) и Гороховца (столицы страны Царя-гороха) и других таких примеров именно в этих трех случаях память о столичности носит ярко выраженный характер, трансформирующий и поведение жителей и даже городское пространство.

Сравнительный анализ кейсов позволяет определить, насколько отсутствие государственных институтов влияет на историческую память о столичности. Исследования позволяют выявить механизмы конструирования образа столицы как символической репрезентации нации. В статье проводится деконструкция символического капитала каждого из типов столиц и определяется, что каждый из них значит для государственного строительства. Исследование позволяет сделать вывод о том, что память о столичности влияет на идентичность людей не только, когда город перестал быть столицей, но даже когда данное государство давно исчезло или является выдуманным, что подтверждает важное значение символического в концепте столичности.

В ходе нашего исследования также был предложен термин «пространственная идентичность», который подразумевает восприятие собственной самобытности под воздействием особенностей положения в пространстве. В рассмотренных кейсах пространственная

идентичность проявляется непосредственным образом в позиционировании жителей трех городов себя в качестве жителей столиц, предполагающих существование иерархических отношений с вымышленной периферией. При этом термин «столичность» формируется в прямой связи с пространством. Процесс создания пространственных идентичностей происходит с помощью инструментов, которыми обладает символическая политика: то есть создание мифов, символов, легенд о месте своего проживания и т.д.

Выдвинутая изначально гипотеза звучала следующим образом: наделение малых российских городов «столичностью» происходит за счет средств символического конструирования и вызвано необходимостью самоидентификации жителей в пространстве. Для подтверждения данной гипотезы был проведен эмпирический анализ, заключающийся в сборе письменных и устных источников, проведения социологических опросов и глубинных интервью, а также использовании метода включенного наблюдения, направленные на деконструкцию мифа о «столичности». Рассмотрим подробнее три кейса.

Старая Ладога

В историческом и общественном дискурсах Старая Ладога предстает в качестве «колыбели русской государственности» [19]. Являясь фактически небольшим поселком с историко-архитектурными постройками, храмами и музеями, Ладога, тем не менее, предстает как подлинная - в плане историческом, экономическом, культурном и духовном, - столица Российского государства. Кроме того, подчеркивается тот факт, что Ладога, в противовес Москве, несправедливо была забыта, сведена к месту, упоминаемому в школьных учебниках.

Мифологическое начало российской истории отражено в легенде о приглашении Рюрика и двух его братьев на Русь княжить. Дата 862 год является, по мысли создателей мифа о столичности Ладоги, доказательством того, что русская государственность зародилась именно в Старой Ладоге, которая в то время находилась на перепутье стратегически важных торговых и военных путей. Более подробно обосновывается исключительное экономическое значение Ладоги, которая служила опорным пунктом на знаменитом торговом пути «из варяг в греки», а также представлял собой важный «центр евразийской торговли и судоходства». Иными словами, акцент делается на «евразийском векторе», который уже в те времена представлял собой внешнеполитическую стратегию будущего Российского государства, которому неизбежно предстоит быть узлом соединения Запада и Востока. Помимо этого, при формировании «столичности» используются частые отсылки к скандинавской мифологии (в частности, многочисленным сагам о викингах, эпосу «Малая Эдда» и т.д.), согласно

которой Старая Ладога фигурирует под названием «Альдейгъборг» [1].

По данным проведенного социологического опроса абсолютное большинство ладожан идентифицируют Ладогу с «приходом варяг», Рюриком и «первой столицей» государства Российского. На глубокую степень проникновения мифа о «столичности» Ладоги указывают также наличие памятного камня с датой 753 год – возникновение Ладоги; «первой» в России улицы, названной «варяжской»; сокола на ладожском гербе, который, по утверждениям местных экскурсоводов, символизирует самого Рюрика (по распространенной там версии, «рюрик» с древне-норвежского означает «сокол») [1].

Следует также упомянуть о таком явлении, как синкретизм язычества и христианства, который воплощает Старая Ладога. С одной стороны в Старой Ладоге сохраняется реконструкция одной из шести церквей XII века. Более того, большое значение придается двум монастырям – Никольскому и Успенскому. Никольский монастырь ведет свою историю с 1240 года, будучи основанным Александром Невским после победы в Невской битве (существует также легенда о том, что перед боем Александр молился непосредственно в церкви Святого Георгия Староладожской крепости) [20]. С другой стороны, в Старой Ладоге активно эксплуатируются языческие символы, связанные с варягами: в Староладожской крепости проводятся фестивали и представления, воспроизводящие битвы варягов и восславляющие варяжскую мужество и опрометчивость.

Наконец, одним из сильных компонентов «столичности» Ладоги является ее культурная составляющая. В XIX веке проводились археологические раскопки, целью которых было нахождение могилы вещего Олега, историю которого в свое время описал А.С. Пушкин. В настоящее время обозначено то место, где по легенде Олег пал от своего коня. Это сопка вещего Олега, рядом с которой расположен камень с надписью « Уникальный памятник археологии IX-X вв. Могила древнерусского князя Олега» При этом, дается подробная справка о самой личности: «Правитель, сподвижник Рюрика. Объединил во время военных походов Новгородские земли с Киевским княжеством, создав державу, которую стали называть государством Русь. Создатель Киевского государства, первой столицей которого была Старая Ладога» [21]. Это принятое с большой долей условности утверждение в конечном итоге закрепило в сознании жителей и наделило Старую Ладогу легендарностью.

Еще одним аспектом, который следовало прояснить и объяснить, является причины необходимости самих ладожан в создании у себя столицы. В этом отношении, термин «столица» служит не столько функциональным элементом (так как никто не будет оспаривать значение Москвы в современной России), сколько статусным и идентификационным. Иначе говоря,

локальная идентичность оказывается крайне важной для самоидентификации в условиях, когда на уровне национального (всероссийского) дискурса наблюдается то, что можно охарактеризовать как «вакуум идентичности». Кроме того, потребность в конструировании особой локальной идентичности усиливается в связи с географической близостью Старой Ладogi с Санкт-Петербургом, за которым закреплен неофициальный статус «европейской столицы России» и где преобладает европейская идентичность. В противовес «европейскости» Санкт-Петербурга ладожане подчеркивают исконно русский характер своего поселка с доминированием русской идентичности, вобравшей в себя традиции и символы Руси.

Рассмотрим несколько показательных примеров дискурсивных практик в Старой Ладогe, которые указывают на наличие там «столичного» элемента.

Первое, что сразу же обращает на себя внимание в Старой Ладогe - это многочисленные вывески и таблички с указанием года основания этого поселения, откуда, по легенде, «пошла земля русская». Материальное подтверждение древности Ладogi представлено в одном из главных музеев, в котором несколько залов посвящено археологическим раскопкам, найденным на территории села. В данном случае речь идет о женских украшениях, необычных камнях, различных бытовых изделий - то есть всего то, что создавало картину староладожской жизни в древности.

Подлинным символом Старой Ладogi можно считать Староладожскую крепость. В своем первоначальном виде она была заложена еще в XII веке и вплоть до XIII века служила форпостом зарождающегося русского государства на северо-западной границе. В XVI в. крепость несколько раз перестраивалась, пока окончательно не была захвачена шведами в XVII в. В настоящее время крепость была восстановлена, но при этом несколько фрагментов стен сохранились с древних времен, что создает впечатление некой монументальности и величия. Раньше у крепости было пять башен, из которых сегодня остались только две (еще одна находится на реставрации). По словам экскурсовода, с одной из этих башен связаны следующие легенды. Через одну башню (от которой остались только руины) шел подземный тайный ход через реку Волхов. А в самой башне находился золотой гроб самого Рюрика. Наиболее пытливые туристы и энтузиасты до сих пор пытаются отыскать какие-либо признаки существования гроба Рюрика.

Каждое лето в Крепости проводится фестиваль, который привлекает зрителей не только из разных городов России, но и из-за рубежа. В частности, из Швеции, Финляндии, Польши, Великобритании. Одной из задач фестиваля является воспроизведение эпохи викингов с детальной демонстрацией особенностей быта первых поселенцев в Ладогe. Нужно заметить,

что организаторам удалось добиться полной стилизации под эпоху VIII века: на большом поле проходят бои между двумя войсками одетых под викингов молодых людей. Несмотря на постановочный характер битвы, накал страстей от этого, тем не менее, не стихает. В дополнение, зрителям демонстрируется свободное от битв времяпрепровождение, принятое у викингов. Таким образом, появляется уникальная возможность воочию увидеть разнообразные игры и соревнования в ловкости и мастерстве, которые были распространены среди варягов.

Помимо фестиваля, в Крепости представлена выставка живописи, посвященной Старой Ладогe. Центральной идеей данной экспозиции является, по словам ее авторов, «актуализация исторической памяти о потерявших былое значение городах-первоначалах» [21]. Основные образы, которые были использованы авторами, - это монастыри и церкви, а также виды на Староладожскую крепость.

Однако стоит заметить, что названные фестиваль является не единственным местом привлечения туристов. Особое значение представляют собой монастыри: в частности, Свято-Успенский (женский) и Никольский (мужской). Оба монастыря хранят соборы XII века: в Успенском соборе Свято-Успенского монастыря сохранились настенные фрески XII века, которые еще раз подтверждают важность Старой Ладogi не только как торгового центра но и духовного и культурного.

Таким образом, можно утверждать, что культивирование мифа о «столичности» Старой Ладogi позволило создать уникальную идентификационную модель.

Касимов

В Касимове ситуация кардинально отличается от двух других кейсов. Если и Старая Ладога, и Мышкин никогда исторически не были столицами в функциональном смысле, то Касимов служил подлинной столицей Касимовского ханства, существовавшего с 1452 по 1681 года. Первое упоминание города относится к 1152 году, тогда это место называлось Городец Мещерский, со временем пограничная крепость Владимиро-Суздальского княжества. Касимовское ханство было выделено Московским великим князем Василием Темным и поэтому на протяжении своего существования находилось в разной степени зависимости от Русского государства. Существовая во многом номинально, Касимовское ханство выполняло в том числе и внешнеполитические функции - почет и уважение касимовских ханов служили примером благоприятных отношений с Москвой на фоне попыток последней втянуть Казанское и Астраханские ханства в свою орбиту влияния. С тех времен в городе остались мечеть, кладбище, некоторые другие памятники истории. Хотя незначительную часть населения составляют татары, в основном это пришлое, появившееся много позже население [17].

В Касимове наблюдаются расхождения в официальном и народном дискурсах. Так, На официальном уровне не уделяется особого внимания отдельным эпизодам из истории этих земель, а чаще говорится о Мещере, мещерском крае, мещерских болотах и лесах. В краеведческом музее доминирует официальный дискурс, согласно которому крымские и нагайские татары всегда были ставленниками Москвы, а последняя правительница Касимова, на тот момент полусамостоятельного государства, Фатима Султан Сиитовна была убита за то, что приняла христианство. В целом, экскурсоводы стараются замалчивать период существования Касимовского ханства, не делая акцент на его былом процветании и стратегическом положении.

В народном дискурсе события, определявшие судьбы страны рассматриваются через призму исключительного на них влияния касимовских земель. В сувенирных лавках целые стеллажи уставлены романами, повестями и сборниками стихов местных авторов, в которых творческое осмысление героев и событий происходит именно в антураже Касимовского ханства, как важного центра-столицы. Целый пласт художественной литературы, созданной местными писателями, посвящен периоду существования Касимовского ханства.

Помимо прочего, в Касимове активно культивируются образы, несущие в себе прямую ассоциативную связь с городом. Примерами такого образа могут служить «касимовская невеста», которая, по легенде, была дочерью ханского правителя; фигура Петра I, который отдал город в дар хану Касиму (миф существует и воспроизводится в сознании жителей, несмотря на то, что указанные персонажи жили в разные эпохи).

Необходимо отметить такую тенденцию: «столичность» Касимова стараются не афишировать на официальном уровне. Подобное явление вполне можно объяснить нежеланием властей возрождать идею о бывшей независимости данного края, что неизбежно ведет за собой создание уже нового пространственно-цивилизационного нарратива. В этой связи упоминания о татарской культуре фигурирует лишь на уровне архитектурных построек, а именно татарской мечети и минарета. При этом историческая память о касимовских татарах и их культуре не находит практически никакого практического воплощения.

Существуют разночтения в описании города и его истории. Так, некоторые касимовцы воспринимают город исключительно русским; другие - признают, что первоначально он был татарским, а потом стал русским; была также высказана мысль о том, что «город – русский, но они (прим. татары) – за нас» [22]. Само татарское население – меньшинство в городе, - живут не в основной его части, а «за оврагом», - место, которое называется «Старый Посад» Считается, что именно в старом Посаде минареты были расстреляны из пушек Петром I, который при-

плыл сюда на кораблях. Необходимо сказать, что сохранившийся в городе минарет представляет собой «осколок» той памяти, которая в российской истории была предана забвению. Для татарского населения Касимова минарет и мечеть имеют не только религиозное, но и особое символическое значение.

Наиболее полно дискурс о «столичности» проявился ходе нашей беседы с видным местным деятелем и проповедником Мустафой в действующей мечети и Центре татарской культуры и искусства имени Ахмеда Ишинбанва. Приводим отрывки из этого разговора, дающего представление о существовании альтернативной версии истории столичности города и причинах запятывания, распространенных в татарской среде.

«Первоначально эту территорию (прим.: где располагалось Касимовское ханство) населяли финно-угорские, то есть тюркские племена - поэтому мусульмане здесь жили издавна. Империя Чингисхана, занимавшая огромную территорию, со временем погрузилась в мрак междоусобной борьбы. Территории раздираемой конфликтами империи стали расползаться. Московское княжество и Касимов входили в улус Джучи. Ярлыки все князья получали в Казани, однако Василий II Темный вышел из-под контроля и пошел войной на татар. Победенный Улу-Мухамедом Василий оказался в заключении в Нижнем Новгороде. Этим хотели воспользоваться его братья, но Василия скоро выпустили и посадили на Москву. Касимовское ханство было образовано татарами на своей территории. Касым как чингизид обладал большой властью и был на равне с Казанским, Сибирскими, Нагайскими ханами, хотя и приезжал из Казани. Ханы назначались из Москвы короткое время и только на начальном этапе. Забывать прошлое и будущее нельзя, но именно этому способствует Запад, всячески и изо всех сил пытаясь навредить нам»[22].

Итак, благодаря Касимовскому ханству состоялась и Москва, ведь татары были на охране княжества, помогали князьям. А Шах-Али с Василием Темным даже ходили на Нижний Новгород. И очевидно, «Чингизид Симеон Бикбулатович из касимовских неспроста был поставлен Иваном Грозным на престол московский».

Сейчас в городе действует одна мечеть. Татары поддерживают связи с Казанью, из Казань их приглашают на «сабантуи». Они подчеркивают, что касимовский татарский язык отличается от казанского, т.к. последний более литературный.

В Касимове есть также письменные источники, благодаря которым нам удалось деконструировать миф о «столичности». Местные поэты и писатели очень ценятся в Касимове, Так, Касимов описывается как «Медвежий угол» между Рязанью и Владимиром, «Гиблое место» на далеком изгибе Оки. «Река в обхвате здесь еще так широка - до впадения в Волгу пару сотен верст. Граница Московской и Рязанской областей не

эфемерна, а очень конкретна, и ощущается она именно через качество дорожного покрытия: как только начинается Рязанская область, кончается и сносная дорога. Теперь её уже нельзя так называть - это направление, годное только для перевозки дров, да и то на гужевых повозках (хотя в этой оценке сквозит явное преувеличение). И тем не менее, ровная гладь московского полотна сменяется "обильностью" ям, ухабов, "наплеванных" здесь и там черных, как смоль, дорожных заплат...» [22]. У другого автора присутствуют следующие описания: «Леса, леса, леса, дремучие, непроходимые чащобы... Густой, частый, но чистый бор вдоль дороги. Встречаются и высокие стройные сосны - корабельный лес. То там, то здесь в прогалине проглядывает купол-маковка а затем и краснокирпичные или беленые своды, чаще обветшалые и чахлые, с глубоким налетом старины - шрамами времени...» [22].

Таким образом если в Старой Ладогe миф о столичности живет на официальном уровне, в Касимове он ретуширован и сохраняется преимущественно в слоях городской интеллигенции и татарском этническом меньшинстве.

Мышкин

Как почти у любого города, у Мышкина существует собственная «легендарная» история создания, которую нашей исследовательской группе рассказали экскурсоводы. Так, Мышкин был основан находчивыми крестьянами-капиталистами, для которых Н. Карамзин написал «Историю государства Российского» [21]. Мышкин претендовал на то, чтобы стать своеобразным Санкт-Петербургом в сердце России и имел для этого все основания, поскольку в Мышкине были развиты торговля, существовал стабильный средний класс в лице купечества; создавались театры, салоны, музеи и типографии. Все эти прекрасные начинания были прерваны с приходом советской власти, что осталось в памяти жителей города «черным пятном в истории. Мышкин занимал важное положение лишь в период с 1777 по 1923 гг., когда выступал в качестве центра Мышкинского уезда Ярославской губернии.

«Столичность» Мышкина непосредственно связана с образом мыши. «С 1960-х гг. там начинает формироваться миф о мыши как символе города, в 1990-е гг. появляется миф о Мышином царстве как бренд с целью привлечения туристов, в котором Мышкин выступает столицей Мышиного царства» [19].

«Столичность» города Мышкин конструируется посредством разнообразного символического инструментария. Так, в Мышкине была сформирована своя государственность, а также стабильный государственный аппарат. У Мышиного царства есть свои Конституция, валюта и часы «мышанты», что непосредственным образом указывает на наличие создаваемой государственности, в существование которой верят. В центре города располагается царская

резиденция – «Мышиные палаты». Мыши, приехавшие из других городов и стран, подлежат регистрации в «Мышиной канцелярии» (прообраз Федеральной миграционной службы). Среди наград, вручаемых жителям города, – орден Мыши и премия «Золотая мышь» [13]. Кроме того, проводится прямая аналогия с Москвой и Римом, поскольку Мышкин расположен на шести холмах (подобно тому, как Москва и Рим расположены на семи)

Воображаемое государство мышей наминает монархии XIX века: власть короля (Мышауса 229-го) является наследственной. Внешняя политика Мышиного царства строится за счет обоснования внешней угрозы – в данном случае «внешним другим», который призван консолидировать общество, предстают кошки.

В музее Мыши находится «карта мышиной географии», согласно которой Мышкин расположен в уникальном месте, а именно - на пересечении главных меридиан. В результате вполне обоснованно звучит претензия жителей города Мышкина на статус «центра мира». Однако мышкинцы не считают необходимым каким-либо способом отделять себя от России. В результате, была найдена магическая формула, которая была озвучена многократно экскурсоводом и жителями. Согласно их видению, Мышиное царство не претендует на автономность на внешней арене; оно органично входит в состав Империи Медведя [12, с.12]. (аллюзия на главный российский символ). Тем самым автоматически снимается вопрос о сепаратистских настроениях в Мышкине.

Само мышиное царство неоднородно, но при этом представляет собой пример успешно реализованного плюрализма. Так, в Дворце Мышауса располагается зоопарк, где представлены различные виды мышей и крыс. Рядом с зоопарком расположена «Сырная комната», воплощающая идеальный образ мышиной жизни. Можно говорить о том, что в социальной структуре мышиного государства выражена иерархия двух классов: доминирующих «антропомышей» (имеющих человеческие черты) и подчиняющихся обычных мышей.

В Мышкине проводится собственный фестиваль Мыши, инициатива проведения которого была выдвинута в 2010 году. Ежегодно фестиваль предлагает новую концептуальную рамку: в 2010 г. проводился парад невест, в 2012 – доминировали частушки на мышиную тематику, 2013 г – куклы-мыши в человеческий рост и т.д.

Помимо «мышиной тематики» жители города стараются прибегать к другим образам, которые, тем не менее, уступают по своей «коммерческой продаваемости» символам мыши и Мышиного царства. Так, в Мышкине существуют Дом ремесел, мельница чистовых, музеи валенок и льна и даже единственный в мире памятник валенку [21].

Нужно заметить, что 53% всех опрошенных жителей Мышкина указали на значение столица

■ Мировая политика

своего города для мышей всего мира, подтвердив при этом своеобразную универсальность своего географического положения в более глобальном контексте. Кроме того, практически для 19% жителей Мышкина основным символом города является мышь, а абсолютное большинство мышкинцев связывают «столичность» своего города с объектом, в котором в той или иной степени присутствует образ ыши: Мышиные палаты, Музей Мыши, так называемые мышиный промысел и т.д.

Тем не менее, несмотря на прибыльность эксплуатации «мышинного образа» и построения воображаемого Мышиного царства, отношение мышкинцев особенно среди интеллигенции к такому конструированию все больше начинает меняться: от положительного к ироничному и даже негативному. Подобное явление было названо участницей нашей экспедиции М.Тисленко «мышескептицизмом» (по аналогии с термином «евроскептицизм»). «С одной стороны, мышь действительно стала символом города в сознании жителей: из 287 названных респондентами экспонатов, которые они бы отправили на выставку о Мышкине, 105 наименований так или иначе связаны с мышиной тематикой, то есть 36,6 %. С другой стороны, мышкинцы в интервью часто выражали недовольство местной туристической политикой, жестко эксплуатирующей мышь как символ. По их мнению, подобные действия выставляют Мышкин исключительно как мышиный город и не позволяют разглядеть в нем другие черты, например, «провинциальный шарм» Соответственно, мышиный нарратив оказывается девальвирован собственной эксплуатацией, а жители, признавая его дискурсообразующим, все же начинают относиться к нему скептически» [19]. Мышиные палаты в таком дискурсе становятся «крысиными».

Итак, мышкинская столичность была сформирована снизу, в отличие от ладожской, формировавшейся сверху, но в отличие от касимовской она оказалась поддержана верхами и стала фактически официальным дискурсом.

Сравнительный анализ результатов социологических опросов в Старой Ладоге, Касимове и Мышкине

В ходе полевых экспедиций в Старую Ладугу, Касимов и Мышкин проводились блиц-опросы на улицах города.

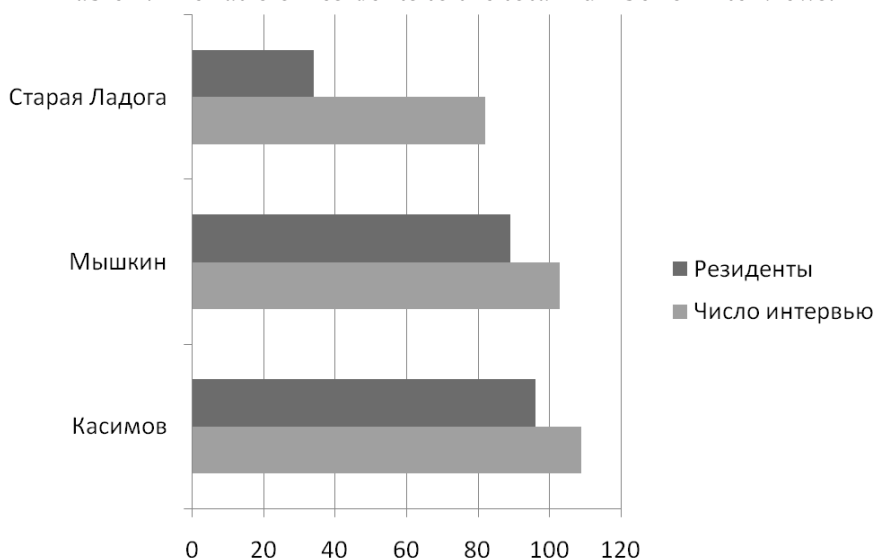
Всего в ходе интервьюирования было опрошено 294 человека: 109 в Касимове, 103 в Мышкине и 82 в Старой Ладоге. Статистика соотношения числа резидентов к общему числу интервью по городам представлена в таблице 1. В целом по трем городам доля резидентов составила 74,5 %, причем в Касимове и Мышкине, она превышает показатели в 86-88 %. Невысокая доля резидентов в Старой Ладоге объясняется сверхмалой численностью населения города (около 2000 человек), кратно превосходящую число посещающей его туристов. В целом, на наш взгляд, данные показатели позволяют говорить о репрезентативности результатов социологического исследования.

Первый вопрос анкеты требовал от респондентов ответить, насколько их город можно считать непровинциальным. Данное слово было выбрано нами для того, чтобы замаскировать концепт столичности, лежавший в основе исследования. Как видно из таблиц 2, результаты опроса показали, что во всех трех городах около половины жителей считают свой город однозначно провинциальным.

Как будет показано дальше, данный момент не мешает им осознать и даже артикулировать представления о столичности города. Для Старой

Таблица 1.

Соотношения числа резидентов к общему числу интервью.
Table 1. The ratio of residents to the total number of interviews.

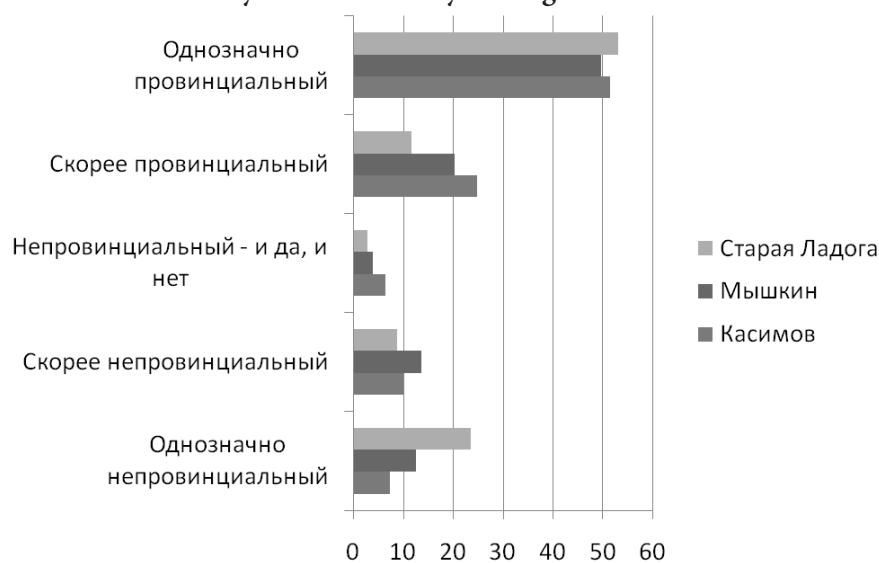

Источник: составлено авторами.

Таблица 2.

Сопоставление представлений о «непровинциальности» жителей Касимова, Мышкина и Старой Ладogi

Table 2. Comparison of the concepts of "non-provincialism" of Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga residents

Источник: составлено авторами.

Ладоги, где больше всего респондентов указали на однозначную непровинциальность их города (23,5 %) ответы в таблице приводятся только среди резидентов.

В таблице 2 представлены результаты сопоставления представлений о непровинциальности жителей Касимова, Мышкина и Старой Ладogi.

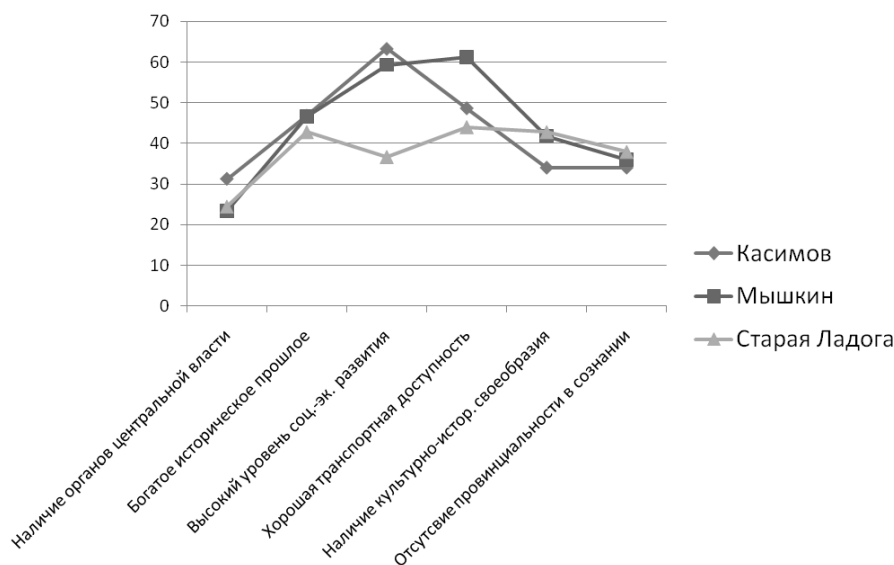
Второй вопрос анкеты был качественным, у респондентов мы пытались узнать, что делает их город непровинциальным. Как правило ответы сводились к перечислению того, чего

городу не хватает (результаты использовались для выводов включенного наблюдения). Вторым вопросом должен был подготовить респондов к третьему, в котором предлагалось выбрать три сферы, которые делают любой город непровинциальным: наличие органов центральной власти, богатое историческое прошлое, высокий уровень социально-экономического развития, хорошая транспортная доступность, наличие культурно-исторического своеобразия, отсутствие провинциальности в сознании горожан.

Таблица 3.

Сопоставление представлений о факторах «непровинциальности» в Касимове, Мышкине и Старой Ладoge

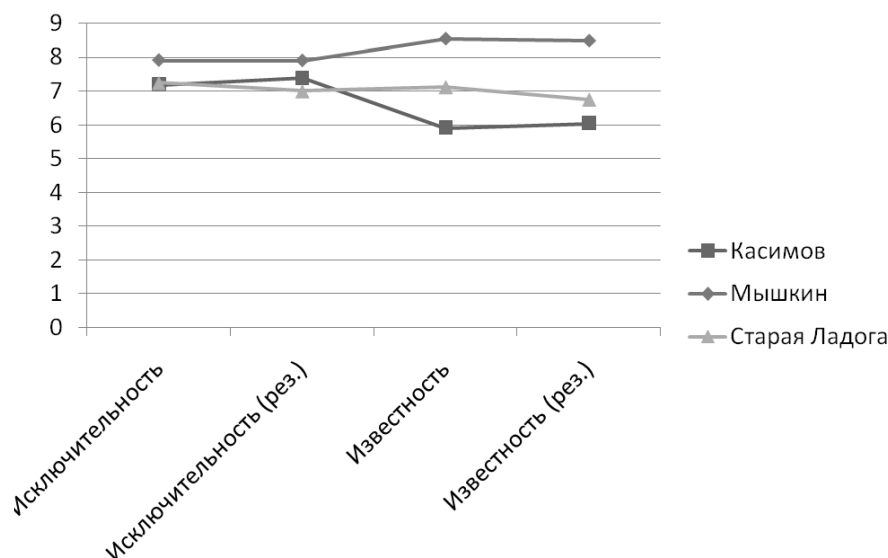
Table 3. Comparison of the concepts of "non-provincialism" factors in Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

Источник: составлено авторами.

Таблица 4.

Сопоставление представлений об исключительности и известности своих городов среди жителей Касимова, Мышкина и Старой Ладogi
Table 4. Comparison of the concepts of exclusivity and popularity among the inhabitants of the cities Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

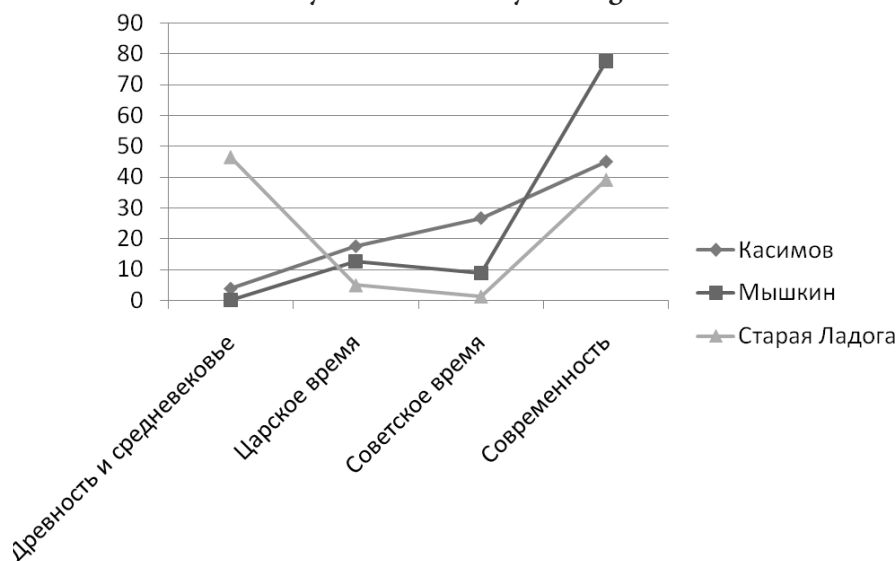
Источник: составлено авторами.

Таблица 3 с сопоставлением представлений о факторах «непровинциальности» в Касимове, Мышкине и Старой Ладoge показывает, что несмотря на то, что в традиционном смысле концепт столичности напрямую связан только с политической сферой (ответ 1), а в качестве факторов непровинциальности в свободном второй вопросе респонденты говорили преимущественно об экономике и инфраструктуре (ответы 3,4) имея выбор из шести факторов, порядка 40 % назвали также исторический (2), культурный (5)

и психологический фактор (6) среди ключевых для столичности, что на наш взгляд нетипично и отражает специфику выбранных нами городов. Несмотря на общую схожесть в ответах, следует обратить внимание на то, что уровень социально-экономического развития оказался наименее важным для Старой Ладogi, тогда как хорошая транспортная доступность оказалась исключительно болезненной для жителей Мышкина (разговоры о строительстве моста через Волгу ведутся уже много десятилетий).

Таблица 5.

Сопоставление представлений о периоде расцвета города в Касимове, Мышкине и Старой Ладoge
Table 5. Comparison of representations of the period of flourishing in Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

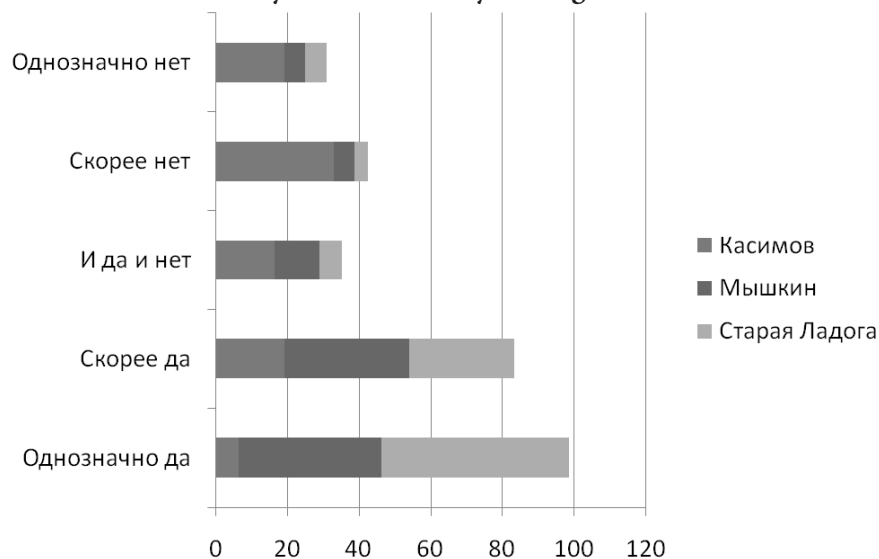

Источник: составлено авторами.

Таблица 6.

Сопоставление представлений о периоде столичности как о времени расцвета города в Касимове, Мышкине и Старой Ладогe

Table 6. Comparison of representations of the period as a capital city's heyday in Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

Источник: составлено авторами.

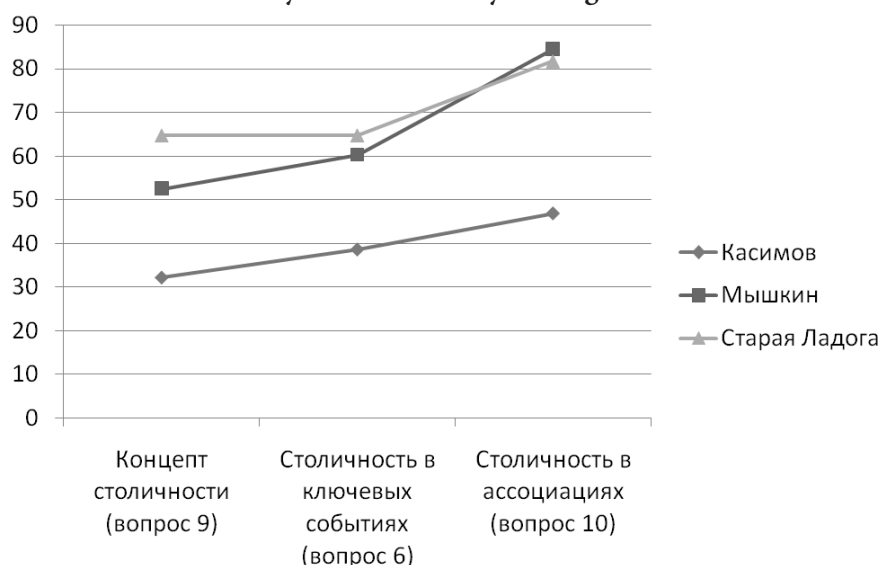
При опросах последовательность вопросов была 1-2-3-6-7-4-5-8-9-10-11, поскольку именно такая комбинация скрывала от респондента замысел исследования, однако для анализа воспользуемся правильной последовательностью. В таблице 4 представлены результаты ответов на вопросы 4 и 5, показывающие сопоставление представлений об исключительности и известности своих городов среди жителей Касимова, Мышкина и Старой Ладогe. Исключительность и известность анализировались как внутренняя и внешняя следствия

столичности соответственно. По предложенной десятизначной шкале респонденты оценили показатели исключительности и известности очень высоко (в районе 6-9 баллов). При этом, интересно, что если исключительность во всех трех городах была оценена примерно на одном уровне (7-8), то по показателю известности произошел раскол в ответах (Мышкин 8.5, Старая Ладога 7, Касимов 6). Данные для резидентов и приезжих примерно совпали. Можно сделать вывод о том, что во всех городах концепт столичности имеет

Таблица 7.

Сопоставление показателей исторической памяти о столичности в Касимове, Мышкине и Старой Ладогe

Table 7. Comparison of the historical memory of a capital period Kasimov, Myshkin and Staraya Ladoga

Источник: составлено авторами.

■ Мировая политика

внутренний мотив, однако в вопросе внешнего признания своеобразия города чувствуется недооцененность (особенно ярко в Касимове).

Таблица 5 отражает квантифицированные результаты ответа на качественный 7 вопрос, в котором респондентов спрашивали, какой период они считают временем наибольшего расцвета города. Ответы были разбиты по четырем категориям: «древность и средневековье», «царское время», «советское время» и «современность». По нашей гипотезе временем расцвета города должен был стать период его столичности (древность в Старой Ладогe и Касимове и современность в Мышкине). Как мы видим, данное предположение подтвердилось частично для Старой Ладог и Мышкина.

Таблица 6 демонстрирует сопоставление представлений о периоде столичности как о времени расцвета города в Касимове, Мышкине и Старой Ладогe. В вопросе 8, отображенном в таблице, спрашивалось, можно ли считать времена Касимовского ханства / сегодняшний день / древнерусский период, соответственно, временем наибольшего расцвета города? Результаты явно показывают, что период расцвета определенно связывается в сознании горожан со временем, когда у города были атрибуты столичности.

Таблица 7 отражает ответы на три качественных вопроса (6, 9 и 10). Ответы на данные вопросы с помощью контент-анализа были разбиты на две категории – содержащие отсылки к концепту столичности и нет.

Как мы видим, чем дальше в вопросах мы отходим от прямых ассоциаций со столичностью, тем более широко представленными мы находим данные представления в сознании. По всей видимости, память об столичности живет на подсознательном уровне, плохо артикулируется, однако хорошо выражается на символическом уровне. Данный вывод подходит и к последней таблице и ко всему анализу, в целом, и он вполне подтверждает выдвинутую изначально гипотезу.

* * *

Таким образом, случаи Старой Ладог, Мышкина и Касимова доказывают присутствие сконструированной «столичности» на уровне сознания жителей, что в свою очередь формирует

их пространственную идентичность. По итогам проведенных экспедиций приходится констатировать на первый взгляд парадоксальный факт, что в Касимове, бывшей исторической столице Касимовского ханства, наименее осознанно и явно выражен дискурс о «столичности», в то время как в Мышкине, который никогда в истории не был каким-либо центром и никогда на это и не претендовал, данный дискурс вписан в воображаемое Мышиное царство со своей «историей» и символами «государственной власти». Вполне возможно, что данный феномен напрямую объясняется поддержкой со стороны официальных властей в деле внедрения в массовое сознание нарратива о «столичности». Кроме того, концепт «столичности» более органично воспринимается именно в Мышкине, по сравнению со Старой Ладог и Касимовым, поскольку, согласно результатам проведенного социологического опроса, именно в Мышкине наименьший процент жителей остается недовольным последствиями привлечения туристов за счет культивирования у себя «столичности». Следовательно, можно утверждать, что для формирования «столичности» необязательно обладать историческими предпосылками для этого; одной из основных задач является наделение самого пространства символическим смыслом.

По итогам эмпирических исследований можно сформулировать результат исследования. Данные показали, что отсутствие институциональной основы не мешает данным городам актуализировать понятие столичность. Более того, символического капитала (иногда даже шуточного) оказывается достаточным, чтобы артикулировать наличие иерархических отношений между мифической столицей и некой периферией и даже выстраивать нарратив о некой нации, образованной данными отношениями. При этом, механизмы формирования столичного нарратива во всех трех случаях оказались разными: в Старой Ладог это был изначально официальный дискурс, воспринятый населением, в Мышкине народный дискурс, наоборот, оказался затем востребован официальной властью, и наконец, в Касимове нарратив не поддерживается властью и распространен только в узких сегментах общества – среди татарской общины и городской интеллигенции.

Список литературы

1. Басова Д. Старая Ладога – «воображаемая» столица России // Сравнительная политика. 2015. Том 6, № 4(21). С. 89-93.
2. Благодарова И. Касимов: ваш туристический гид. Шацк: Шацкая типография, 2010. 96 с.
3. Замятин Д.Н. Феномен/ноумен столицы: Историческая география и онтологические модели воображения // Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. С. 23-28.
4. Кирпичников А. Н. Государственной России 1150 лет. // Староладожский сборник. Выпуск 10. СПб. Каламос. 2013. С. 7-18.

5. Кирпичников А. Н. Заря русской государственности. // Старая Ладога – первая столица России. СПб. АО «Славия». 2013. С. 194 -202.
6. Кирпичников А. Н. Историческая панорама Старой Ладogi // Старая Ладога – первая столица России. СПб. АО «Славия». 2013. С. 15-51.
7. Кирпичников А. Н. Ладога в первые века ее истории // Старая Ладога – первая столица России. СПб. АО «Славия». 2013. С. 51-99.
8. Мачинский Д. А. Второе русское протогосударство со столицей в Невогарде. Рюриковом городке и конструкции русского государства, построенного на двуединстве Киева и Невогарда/Новгорода (870-1054 гг.) // Староладожский сборник. Выпуск 7. СПб. Нестор-История. 2009. С. 149-177.
9. Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси. // Староладожский сборник. Выпуск 7. СПб. Нестор-История. 2009. С. 18-52.
10. Мещерская новь: газета о касимовской земле и для касимовцев. Касимов: Приокский курьер, 2014. 10 июля № 27 (13 127).
11. Мещерские вести: общественно-политическая газета Касимовского района Рязанской области. Рязань: Пресса, 2014. 10 июля № 56 (1326).
12. Мышкины палаты. Мышкин: Масштаб, 2015. 12 с.
13. Окунева Е. Деконструкция мифа о столичности на примере города Мышкина // Сравнительная политика- Том 6, № 4(21) (2015), с. 102-104
14. Остапенко Г. Интерпретация пространства: пространственные конфигурации Старой Ладogi // Сравнительная политика. 2015. Том 6, № 4(21). С. 94-96.
15. Ржевский Ю.В. Василий Тёмный. Касимов: Касимовская типография, 2009. 105 с.
16. Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М. Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.
17. Савин С. Столица как центр государственного строительства – память о «столичности» Касимова // Сравнительная политика. 2015. Том 6, № 4(21). С. 105-106.
18. Тисленко М. Касимов и Мышкин: как одна пространственная идентичность делает одни города более столичными, а другие – нет // Сравнительная политика. 2015. Том 6, № 4(21). С. 110-112.

Об авторах

Игорь Юрьевич Окунев – к.полит.н., доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. E-mail: okunev_igor@yahoo.com.

Дарья Владимировна Басова – стажер-исследователь Клуба геополитических исследований МГИМО МИД России. E-mail: daryara@yandex.ru.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-33-01206 «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология».

CAPITAL WITHOUT STATEHOOD: EMPIRICAL STUDIES IN STARAYA LADOGA, KASIMOV AND MYSHKIN

I.Y. Okunev, D.V. Basova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article covers the concept of "capitaleness" and "geographical identity". Our research will make an attempt to analyze an institute of capitals at functional as well as symbolic levels. In that case capitals serve not only as a place to dispose the governmental bodies, but their functions include national representation to themselves and the environment. Capitals are the idealized image of nation and national history, a sort of nation in miniature. Interregional differentiation within a state through establishing and maintaining mental boundaries between center and periphery is the mechanism to detect the territories needing the support for preserving the compliance with national norms and, thereafter, maintaining stateness. Two major territorial bases of stateness are traditionally singled out: nation-building and threats to security or, in other words, mental boundaries marking of "Us" community and actualization of "Others". Contemporary political geography is turning to the study of the third mechanism – internal "Other". Two strategies are possible to prove that interregional differentiation is a mechanism of nation-building.*

■ Мировая политика

Analysis of different discursive and institutional practices marginalizing regions would be logical. However such way leads us to the large number of cases differing from each other in the multitude of variables and, therefore, exclude generalization in the conclusions. Thereupon we consider it possible to address another strategy, such as the search for evidence that center is purposefully opposed to periphery and is given symbolic national and centrifugal functions as well as administrative ones. The existence of one dichotomic pole should confirm the existence of the opposite. There are three cases - of Staraya Ladoga, Myshkin and Kasimov – which interpret differently the peculiarities of geographical space. Besides, the authors give illustrative examples of the construction of the myth about “stolichnost” and describe the instruments of symbolic politics.

Key words: geographical identity, capitalness, interpretation of space, Staraya Ladoga, Myshkin, Kasimov.

References

1. Basova D. Staraya Ladoga – «voobrazhaemaia» stolitsa Rossii [Staraya Ladoga - "imaginary" capital of Russia]. *Sravnitel'naia politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 89-93. (In Russ).
2. Blagoderova I. *Kasimov: vash turisticheskii gid* [Kasimov: your tourist guide]. Shatsk: Shatskaia tipografiia, 2010. 96 p. (In Russ).
3. Zamiatin D.N. Fenomen/noumen stolitsy: Istoricheskaya geografiia i ontologicheskie modeli voobrazheniia [The phenomenon/noumenon capital: Historical Geography and the ontological model of imagination]. *Perenos stolitsy: Istoricheskii opyt geopoliticheskogo proektirovaniia. Materialy konferentsii 28–29 oktiabria 2013 g.* [Transfer of the capital: The historical experience of a geopolitical design. Proceedings of the conference held on 28-29 October 2013] Ed. by I.G. Konovalova. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2013. Pp. 23-28. (In Russ).
4. Kirpichnikov A. N. Gosudarstvennoi Rossii 1150 let. [The state Russian is 1150 years old]. *Staroladozhskii sbornik*. 2013. Issue 10. Saint-Petersburg: Kalamos. Pp. 7-18. (In Russ).
5. Kirpichnikov A. N. Zaria russkoi gosudarstvennosti [The dawn of the Russian statehood]. *Staraya Ladoga – pervaya stolitsa Rossii*. Saint-Petersburg: AO «Slaviia». 2013. Pp. 194 -202. (In Russ).
6. Kirpichnikov A. N. Istoricheskaya panorama Staroi Ladogi [Historical panorama of Staraya Ladoga]. *Staraya Ladoga – pervaya stolitsa Rossii*. Saint-Petersburg. AO «Slaviia». 2013. Pp. 15-51. (In Russ).
7. Kirpichnikov A. N. Ladoga v pervye veka ee istorii [Ladoga in the early centuries of its history]. *Staraya Ladoga – pervaya stolitsa Rossii*. SPb. AO «Slaviia». 2013. Pp. 51-99. (In Russ).
8. Machinskii D. A. Vtoroe russkoe protogosudarstvo so stolitsev v Nevogarde. Riurikovom gorodke i konstruktsii russkogo gosudarstva, postroennogo na dvuedinstve Kiieva i Nevogarda/Novgoroda (870-1054 gg.) [Second Russian proto state with its capital in Nevogarde. Rurik town and the Russian state structures, built on the double unity of Kiev and Nevogarda / Novgorod (870-1054)]. *Staroladozhskii sbornik*. 2009. Issue 7. Saint-Petersburg. Nestor-Istoriia. Pp. 149-177. (In Russ).
9. Machinskii D. A. Pochemu i v kakom smysle Ladogu sleduet schitat' pervoi stolitsev Rusim [Why and in what sense Ladoga should be considered as the first capital of Russia]. *Staroladozhskii sbornik*. 2009. Issue 7. Saint-Petersburg. Nestor-Istoriia. Pp. 18-52. (In Russ).
10. *Meshcherskaia nov': gazeta o kasimovskoi zemle i dlia kasimovtsev* [Kasimovskaya newspaper on the ground and kasimovtsev]. Kasimov: Priokskii kur'er. 10 July, 2014. No. 27. Pp.13, 127. (In Russ).
11. *Meshcherskie vesti: obshchestvenno-politicheskaya gazeta Kasimovskogo rayona Riazanskoi oblasti* [Political newspaper of Kasimovskogo rayona Ryazan region]. Riazan': Pressa, 10 July 2014. No. 56 (1326). (In Russ).
12. *Myshkiny palaty* [Mouse Chamber]. Myshkin: Masshtab, 2015. 12 p. (In Russ).
13. Okuneva E. Dekonstruktsiia mifa o stolichnosti na primere goroda Myshkina [Deconstruction of the myth of a capital by the example of Myshkin]. *Sravnitel'naia politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 102-104. (In Russ).
14. Ostapenko G. Interpretatsiia prostranstva: prostranstvennye konfiguratsii Staroi Ladogi [Interpretation of space: the spatial configuration of Staraya Ladoga]. *Sravnitel'naia politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 94-96. (In Russ).
15. Rzhetskii Iu.V. *Vasilii Temnyi* [Vasily the Dark]. Kasimov: Kasimovskaya tipografiia, 2009. 105 p. (In Russ).
16. Rossman V. *Stolitsy: ikh mnogoobrazie, zakonovernosti razvitiia i peremeshcheniia* [Capitals: their diversity, patterns of development and displacement]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2013. 336 p. (In Russ).
17. Savin S. Stolitsa kak tsentr gosudarstvennogo stroitel'stva – pamiat' o «stolichnosti» Kasimova [Capital as a center of state-building - the memory of the "Capital" Kasimov]. *Sravnitel'naia politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 105-106. (In Russ).
18. Tislenko M. Kasimov i Myshkin: kak odna prostranstvennaia identichnost' delaet odni goroda bolee stolichnymi, a drugie – net [Kasim and Myshkin: spatial identity as one makes one city more than the capital, and the other – no]. *Sravnitel'naia politika*. 2015. Vol. 6, no. 4(21). Pp. 110-112. (In Russ).

About the authors

Igor' Y. Okunev – PhD in political science, assistant professor at the department of comparative politics at MGIMO. E-mail: okunev_igor@yahoo.com.

Daria V. Basova –trainee-researcher of the Club of geopolitical research at MGIMO.
E-mail: daryara@yandex.ru.

The article is prepared with the financial support of the grant of the Russian Humanitarian Science Foundation №15-33-01206 «The role of capital in the process of state-building: the genesis, social constructivism, typology".

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕНТНЫЕ СТАВКИ: ЦЕНТРАЛЬНЫЕ БАНКИ ПОШЛИ НА ЭКСПЕРИМЕНТ

А.Н. Буренин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Отрицательные ставки возникли как следствие экономических трудностей, с которыми столкнулись страны с рыночной экономикой в результате кризиса 2007-2008 гг. Усилия монетарных властей по стимулированию экономики за счёт осуществления количественных смягчений не дали желаемого результата, поэтому центральные банки вновь обратились к традиционному инструменту своей денежной политики, а именно, изменению ставки процента. Однако на этот раз они пошли на эксперимент – взяли на вооружение отрицательные ставки. Европейский центральный банк, шведский Riksbank, Банк Японии и Национальный банк Венгрии ввели отрицательные ставки для стимулирования экономического роста и борьбы с дефляцией, Национальный банк Дании и Национальный банк Швейцарии – для сдерживания роста курса национальных валют. Отрицательные ставки центральных банков привели к снижению доходности по государственным и негосударственным облигациям ряда стран до отрицательных значений.

Остроту проблеме добавляет тот факт, что отрицательные ставки одновременно появились в нескольких европейских странах в тот момент, когда глобальные финансовые рынки не находятся в кризисе.

В связи с отрицательными ставками возникает ряд вопросов, например, насколько низко могут опустить ставки центральные банки в будущем, как они влияют на конъюнктуру фондовых рынков, какой может быть реакция вкладчиков на введение отрицательных ставок по депозитам коммерческими банками, следует ли отрицательную ставку рассматривать как ставку процента или как плату за хранение денег, уплачиваемую депонентом, в каких условиях политика отрицательных ставок является оправданной для борьбы с дефляцией? Последний вопрос имеет важное значение, так как недавние исследования говорят о том, что дефляция может вызываться разными причинами. В связи с этим положительный экономический рост возможен и в условиях дефляции. Если центральные банки не учитывают данный нюанс, то своими действиями по увеличению ликвидности они могут привести к разбалансированности экономики.

Отрицательные ставки не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд. Ещё недавно консервативный инвестор, который стремился избежать риска, покупал госбумаги, доходность которых, согласно теории, не могла опуститься ниже нулевого уровня. Введя отрицательные ставки, центральные банки фактически сказали, что для процентной ставки больше не существует нижней границы. Таким образом, сейчас инвесторы поставлены в условия абсолютной неопределённости, и риск выступает абсолютной доминантой, от которой уже нельзя укрыться даже в госбумагах.

Если подняться на более высокий уровень абстракции и представить экономику как живой организм, который пытается восстановить свою жизне-

способность, то отрицательные ставки можно рассматривать как способ, с помощью которого экономика пытается решить задачу уменьшения ликвидности.

В преддверии очередного циклического кризиса центральным банкам можно было бы посоветовать сделать ещё один шаг в вопросе освоения новых рычагов монетарного регулирования – перейти к использованию фьючерсных контрактов на процентные инструменты.

Ключевые слова: отрицательные процентные ставки, центральные банки, дефляция, облигации с отрицательной доходностью, экономический кризис, процентные фьючерсы.

В настоящее время шесть центральных банков в мире, а именно, Европейский центральный банк (ЕЦБ), Национальный банк Дании, шведский Riksbank, Национальный банк Швейцарии, Банк Японии и Национальный банк Венгрии ввели отрицательные процентные ставки. Так, отрицательная ставка ЕЦБ действует с 11 июня 2014 г., когда она была установлена на уровне минус 0,10%. В дальнейшем её уровень последовательно опускался и с 16 марта 2016 г. составляет минус 0,40% [7]. По данной ставке банки европейской банковской системы могут размещать средства на депозите ЕЦБ на период овернайт. Как следует из таблицы 1, отрицательные ставки ЕЦБ повлекли за собой понижение общего уровня процентных ставок в экономике еврозоны, в первую очередь краткосрочных (см. табл.1).

Отрицательные ставки вызвали снижение и доходности по государственным облигациям ряда стран, например, Германии, Франции, Австрии, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Японии

до отрицательных значений. К февралю 2016 г. отрицательную доходность в мире имели государственные облигации на сумму 7 трлн долл. США. Это составляет порядка 29% глобального индекса гособлигаций агентства Блумберг [6].

Отрицательные ставки возникли как следствие экономических трудностей, с которыми столкнулись страны с рыночной экономикой в результате кризиса 2007-2008 гг. Усилия монетарных властей по стимулированию экономики за счёт осуществления количественных смягчений не дали желаемого результата. Естественно, центральные банки вновь обратились к традиционному инструменту своей денежной политики – изменению ставки процента, но на этот раз они пошли дальше, а именно, взяли на вооружение отрицательные ставки.

Можно отметить, что некоторые экономические обозреватели дают крайне радикальные оценки такому шагу. Например, Jana Randow и Simon Kennedy подчёркивают, что «отрицательные ставки являются актом отчаяния, сигналом

Ставки по депозитам в еврозоне [8].

Таблица 1.

	Overnight deposits (EONIA)	1-month deposits (EURIBOR)	3-month deposits (EURIBOR)	6-month deposits (EURIBOR)	12-month deposits (EURIBOR)
	1	2	3	4	5
2013	0.09	0.13	0.22	0.34	0.54
2014	0.09	0.13	0.21	0.31	0.48
2015	-0.11	-0.07	-0.02	0.05	0.17
2015 Q1	-0.05	0.00	0.05	0.12	0.25
Q2	-0.10	-0.05	-0.01	0.06	0.17
Q3	-0.12	-0.09	-0.03	0.04	0.16
Q4	-0.16	-0.15	-0.09	-0.01	0.09
2016 Q1	-0.26	-0.26	-0.19	-0.10	0.01
2015 Mar.	-0.05	-0.01	0.03	0.10	0.21
Apr.	-0.07	-0.03	0.00	0.07	0.18
May	-0.11	-0.05	-0.01	0.06	0.17
June	-0.12	-0.06	-0.01	0.05	0.16
July	-0.12	-0.07	-0.02	0.05	0.17
Aug.	-0.12	-0.09	-0.03	0.04	0.16
Sep.	-0.14	-0.11	-0.04	0.04	0.15
Oct.	-0.14	-0.12	-0.05	0.02	0.13
Nov.	-0.13	-0.14	-0.09	-0.02	0.08
Dec.	-0.20	-0.19	-0.13	-0.04	0.06
2016 Jan.	-0.24	-0.22	-0.15	-0.06	0.04
Feb.	-0.24	-0.25	-0.18	-0.12	-0.01
Mar.	-0.29	-0.31	-0.23	-0.13	-0.01

того, что традиционные методы политики доказали свою неэффективность, и необходимо исследовать новые пределы» [14].

Дополнительную остроту проблеме добавляет тот факт, что, как подчеркивается в обзоре Мирового банка *Global Economic Prospects*, June 2015, «даже в период Великой депрессии краткосрочные ставки в США никогда не были отрицательными, и во время пика недавнего мирового финансового кризиса в 2008 г. доходности некоторых казначейских векселей только на короткий период упали ниже нуля. То, что они одновременно появились в нескольких европейских странах в тот момент, когда глобальные финансовые рынки не находятся в кризисе, является беспрецедентным» [10, р. 13]. Данное замечание интересно прямым указанием на то, что текущая экономическая ситуация характеризуется качественно иными признаками, чем экономика на аналогичных временных отрезках предыдущих экономических циклов. В свою очередь это не может не настораживать и не вносить озабоченность относительно ближайших перспектив развития мировой экономики.

Причины, по которым центральные банки разных стран перешли к отрицательным ставкам, несколько отличаются друг от друга. Национальный банк Дании установил отрицательную ставку в июле 2012 г. для того, чтобы противостоять возросшему притоку капитала в страну и тем самым сдерживать рост курса национальной валюты. Национальный банк Швейцарии ввёл отрицательную ставку в декабре 2014 г. также для борьбы с ростом курса швейцарского франка.¹ Шведский Riksbank установил отрицательную ставку в феврале 2015 г. для борьбы с дефляцией.² Банк Японии объявил об отрицательных ставках в январе 2016 г. в целях преодоления дефляции и стимулирования экономического роста. Цель ЕЦБ также состояла в стимулировании экономического роста и инфляции. Центральный банк Венгрии ввёл отрицательную ставку в марте 2016 г. для достижения этих же целей.

Ещё недавно в теории считалось, что нижним пределом процентной ставки выступает нулевой уровень. Как отмечал Дж. Хикс, «если можно не принимать во внимание издержки хранения денег, то всегда будет выгоднее хранить деньги, чем ссужать их, если ставка процента не больше нуля. Следовательно, ставка процента

всегда должна быть положительной. В самом крайнем случае самая краткосрочная ставка возможно будет близка к нулю. Но если это так, то долгосрочная ставка должна лежать выше него, т.к. долгосрочная ставка должна учитывать риск того, что краткосрочная ставка может вырасти в течение периода кредита, и следует заметить, что краткосрочная ставка может только вырасти, она не может упасть» [12, р.154-155].

Также можно отметить, что в учебниках при рассмотрении одной из первых моделей процентных ставок – модели Васичека – обычно подчёркивался её недостаток, который состоит в том, что она с положительной вероятностью допускает отрицательные процентные ставки. Дальнейшая эволюция моделей процентных ставок шла по пути исключения возможности генерировать отрицательные процентные ставки.

Однако отрицательные ставки стали реальностью. В то же время, следует подчеркнуть, что до настоящего времени не существует теории отрицательных процентных ставок. Поэтому можно сказать, что центральные банки пошли на эксперимент, конечные результаты которого ещё не до конца ясны. Стандартные положения теории процентных ставок в определенной степени позволяют судить о возможных положительных и отрицательных последствиях их введения для участников экономических отношений и экономики в целом, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. В то же время, поскольку речь идёт о макроэкономическом эксперименте, фактические результаты могут не совпасть или не полностью совпасть с ожиданиями монетарных властей.

Ставка центрального банка (ЦБ) является одним из инструментов, которые он использует для регулирования экономической активности в стране. В частности, он стремится поддерживать процентные ставки на таких значениях, чтобы они соответствовали заявленным целям по уровню инфляции и позволяли наиболее полно раскрыть потенциал экономического роста. Стандартная зависимость между процентной ставкой и уровнем экономической активности предполагает, что высокая ставка должна сдерживать экономический рост, а низкая – придать импульс экономике. Такая зависимость прослеживается для положительных номинальных ставок. В полной ли мере она сохранится при

¹ В период между 1972 и 1978 гг. Швейцария фактически уже использовала отрицательные ставки, борясь с высоким курсом швейцарского франка. В июне 1972 г. она ввела сбор в размере 2% за квартал на депозиты во франках для нерезидентов. В ноябре 1973 г. был введен сбор в размере 3% за квартал, а в феврале 1978 г. он был увеличен до 10%. Однако эти действия не спасли швейцарский франк от укрепления. В период с ноября 1973 г. по февраль 1978 г. оно составило 62% в номинальном выражении и 29% в реальном выражении. Paul Meggyesi. JP Morgan: Reflections on negative interest rates in Switzerland. June 1, 2010 (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://snbchf.com/snb/2013-snb/reflections-on-negative-interest-rates-in-switzerland/> (дата обращения: 27 апреля 2016 г.).

² Riksbank первым среди центральных банков ввёл отрицательную ставку. Впервые он установил отрицательную ставку в 2009 г. на уровне минус 0,25% по депозиту на одну неделю. Carter Dougherty. Negative Interest Rates in Sweden? The New York Times. October 1, 2009 (Электронный ресурс). Режим доступа: http://economix.blogs.nytimes.com/2009/10/01/negative-interest-rates-in-sweden/?_r=0 (дата обращения: 27 апреля 2016 г.).

снижении ставки до отрицательных значений? Как отмечают экономисты Банка международных расчётов Morten Linnemann Bech и Aytek Malkhozov, «до настоящего момента опыт показывает, что политика небольших отрицательных ставок переходит на денежный рынок во многом также как и положительных. Однако остаются вопросы, а именно, передается ли политика отрицательных ставок более широко в экономику через более низкие ставки по кредитам фирмам и домашним хозяйствам, особенно через посреднические ставки банков» [19, p.37]. Например, несмотря на то, что доходности по государственным и корпоративным облигациям упали, следуя за ставками денежного рынка, швейцарские банки увеличили проценты по кладным. [19, p.39-40].

В целом Morten Linnemann Bech и Aytek Malkhozov подчёркивают: «похоже, что до настоящего момента введение слегка отрицательных ставок не сильно повлияло на функционирование денежных рынков.» [19, p.37].

Рассчитывая на стимулирующую роль снижения процентных ставок до отрицательных уровней, также надо учесть следующее. Как отмечает профессор финансов из Florida State University David Humphrey, «монетарная политика, по-видимому, более эффективна в сокращении совокупного спроса и инфляции, чем в стимулировании роста, который уже находится на низком уровне. В условиях рецессии потребители беспокоятся о безработице и откладывают приобретение товаров длительного пользования. Бизнес с избытком свободных мощностей откладывает новые инвестиции в производство в связи с ожидаемым слабым совокупным спросом. Поэтому главный результат от снижения процентных ставок может сводиться к перераспределению дохода и/или удешевлению валютного курса...» [5, p.5].

Если коммерческие банки располагают краткосрочными средствами и не находят для них прибыльного применения с учётом приемлемого уровня риска, то обычная практика состоит в размещении их на депозитах в ЦБ. При положительных ставках ЦБ начисляет на них проценты, хотя и ниже уровней денежного рынка. Таким образом, у банков есть стимул хранить в ЦБ денежные средства, особенно в ситуациях неопределённости на финансовых рынках. Отрицательные ставки лишают банки такой возможности, поскольку в этом случае уже коммерческие банки должны платить ЦБ за размещение средств на депозитах. Поэтому отрицательные ставки по депозитам призваны побудить коммерческие банки более активно кредитовать бизнес и покупать финансовые активы, а не держать денежные ресурсы в ЦБ.

Часть средств коммерческих банков формируется за счёт депозитов домашних хозяйств. При отрицательной ставке ЦБ возникает вопрос, будут ли коммерческие банки также переходить к отрицательным ставкам по депозитам населения?

В экономике решения принимаются на альтернативной основе. Поэтому, если предположить, что население может хранить наличные деньги без всяких издержек, то оно снимет их с депозитов при введении отрицательной ставки. Однако такой сценарий подходит только для небольших денежных сумм. Хранение больших средств наличности также сопряжено с расходами. Как минимум для этого необходимо купить или арендовать сейф, чтобы обезопасить деньги от кражи и пожара.³ Например, 1 млн долл. США из купюр по 100 долл. представляет собой пачку высотой 109 см и весит около 10 кг [17]. Хранение таких или больших сумм потребует расходов. Возникают издержки и при расчётах наличными на значительные суммы, поскольку их необходимо пересчитывать и безопасно перевозить, возможно, на большие расстояния. Оценивая эффект от введения отрицательной ставки в Дании, сотрудники Национального банка Дании Carina Moselund Jensen и Morten Sprange подчёркивают, что «в настоящее время нет признаков того, что отрицательные ставки привели к чрезмерному спросу на наличные деньги» [2, p.7].

Таким образом, в теории ставки коммерческих банков по депозитам также могут быть отрицательными, если они не превышают существенно издержек хранения наличных денег. Однако следует подчеркнуть, что отрицательные проценты по депозитам банки, по-видимому, должны вводить относительно одновременно, чтобы клиенты не стали переводить средства в те банки, которые еще сохранили положительные ставки. В то же время, например, швейцарский банк Alternative Bank Schweiz объявил, что с 2016 г. он вводит отрицательную ставку по депозитам для своих розничных клиентов. По текущим счетам ставка составляет минус 0,125%, а по депозитам на сумму больше 100 тыс. швейцарских франков она равняется 0,75% [21]. К концу 2014 г. банк имел более 33 тыс. клиентов. Отрицательная ставка должна применяться приблизительно к 8 тыс. из них [15].

Отрицательная или очень низкая доходность по депозитам также должна заставлять домашние хозяйства искать другие активы для сохранения и приумножения дохода. Так, по информации агентства Блумберг, в Японии увеличился спрос на золото как альтернативу депозитам, которые приносят очень низкий процент [13].

³ По информации агентства Блумберг, в Японии вырос спрос на сейфы и увеличился оборот купюр достоинством 10000 йен, Toru Fujioka, James Mayger. The Effects of a Month of Negative Rates in Japan. March 14, 2016. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-13/the-effects-of-a-month-of-negative-rates-in-japan> (дата обращения: 27 апреля 2016 г.).

Сотрудники Национального банка Дании Carina Moselund Jensen и Morten Sprange отмечают, что отрицательные ставки могут заставить инвесторов обратить внимание на более рискованные активы в поисках положительных доходностей. Это в свою очередь может привести к пузырям на рынке недвижимости и финансовых активов [2, p.2]. Данное замечание подтверждается на примере Дании. Обозреватель агентства Блумберг Brendan Greeley пишет, что с тех пор как ставки опустились ниже нуля, цены финансовых активов в Дании выросли, так как датчане устремились к более прибыльным операциям. Доходность фондового рынка выросла в два раза по сравнению с доходностью индекса Stoxx Europe 600. Danske Bank, крупнейший кредитор в Дании, говорит, что Копенгаген становится самым рискованным рынком недвижимости в Скандинавии из-за взлета цен. В то же время, датский бизнес увеличил свои инвестиции только на 6%, а частное потребление выросло на 5% [1].

Однако причинно-следственная связь между отрицательными ставками и фондовым рынком не обязательно однозначно положительна. Christopher Swann из UBS Wealth Management отмечает, что с июня 2014 г., когда ЕЦБ ввёл отрицательную ставку, и по настоящее время индекс ETF iShares MSCI EMU – актив, копирующий индекс компаний большой и средней капитализации стран еврозоны – опустился практически на 30%. С декабря 2014 г., когда Швейцария ввела отрицательные ставки, индекс ETF iShares MSCI Switzerland упал практически на 14%. Рынок Швеции с февраля 2015 г. – момента введения отрицательной ставки, упал на 20%. Единственный рынок, который показал прирост после введения отрицательных ставок – это Дания, где iShares MSCI Denmark Capped ETF вырос на 94% с июля 2012 г. [3].

Отрицательные ставки ведут к снижению ставок по кредитам в экономике, следовательно, создают благоприятные условия для увеличения спроса на них. В свою очередь рост кредитования должен противостоять дефляционным процессам. Однако сработает ли такой передаточный механизм на практике? Отрицательные ставки – это в том числе и сигналы, которые центральный банк посылает инвесторам и домашним хозяйствам относительно будущего развития экономики. Хотя в качестве цели отрицательных ставок ЦБ декларирует борьбу с дефляцией, инвесторы и домашние хозяйства могут воспринять данные сигналы с настороженностью. В современных условиях сигнальная задача ЦБ затрудняется ещё и в связи с тем, что уровень подготовки специалистов в организациях, которые располагают большими инвестиционными ресурсами, а именно, в банках, инвестиционных

и пенсионных фондах, страховых организациях, вряд ли ниже уровня подготовки специалистов самих центральных банков. Поэтому решения центральных банков использовать отрицательные ставки, т.е. пойти на нетрадиционный шаг, могут расцениваться ими также как констатация негативных перспектив для экономики в целом и снизить инвестиционную активность. Например, Bill Blain из фирмы Mint Partners подчёркивает, что меры монетарных властей по удешевлению денег после кризиса 2008 г. перекутили (*ha distorsionado*) мировые рынки, и инвесторы чувствуют себя беспокойно. «Инвесторы озабочены, так как единственное место, где мы наблюдаем некоторую инфляцию, так это в финансовых активах, таких как акции, недвижимость (*propiedad*) и облигации» [25].

Отрицательная ставка должна снижать привлекательность национальной валюты и, следовательно, с одной стороны, стимулировать экспорт и, с другой стороны, инфляцию за счёт удорожания импортируемых товаров. Так, после введения ЕЦБ отрицательной ставки, с июля 2014 г. по март 2015 г. курс евро к доллару снизился практически на 30%. Однако отмеченная зависимость между отрицательной ставкой и курсом валюты может нарушаться, если валюта данной страны рассматривается инвесторами в качестве безопасного убежища в условиях турбулентности финансового рынка. Поэтому после объявления о введении отрицательной ставки йены с конца января по середину февраля 2016 г. вместо падения подорожала к доллару где-то на 6%.

Отрицательные ставки центральных банков привели к выпуску гособлигаций с отрицательной доходностью, причём уже не только краткосрочных. В апреле 2015 г. Швейцария выпустила первую в истории 10-летнюю гособлигацию с доходностью минус 0,055% на сумму 232,5 млн швейцарских франков (242 млн долл.) [28]. Другой пример, Япония в феврале 2016 г. выпустила 10-летнюю облигацию со средней доходностью минус 0,024% на сумму 2,2 трлн йен (19,5 млрд долл.), причём спрос на аукционе превысил предложение в 3,2 раза [16]. Также появились уже негосударственные облигации с отрицательной доходностью. В частности, в марте 2016 г. немецкий банк Berlin Hyp AG продал трёхлетние покрытые облигации на сумму 500 млн евро (550 млн долл.) с доходностью минус 0,162%. На вторичном рынке порядка 70% немецких покрытых облигаций⁴ торгуются сейчас с отрицательной доходностью [27].

Как отмечают некоторые специалисты, «наиболее беспокоит то, что срок обращения облигаций, которые продаются с отрицательной доходностью, возрастает, а это подразумевает уменьшение надежды на восстановление экономики в короткие сроки» [24, p.48].

⁴ Покрытые облигации являются более надежными бумагами, чем непокрытые, т.к. они обеспечиваются портфелем активов, который гарантирует по ним платежи. Покрытые облигации выкупаются в рамках программы количественного смягчения ЕЦБ.

Возникает вопрос, почему инвесторы готовы держать бумаги с отрицательной доходностью? Во-первых, движущим мотивом может выступать спекулятивный элемент. Если инвестор ожидает дальнейшего уменьшения ставок (т.е. увеличения отрицательной ставки по абсолютному значению), то он получит выигрыш за счёт роста цены облигации. Иностранные инвесторы могут держать такие облигации, если ожидают понижения курса своей валюты против валюты, в которой номинированы облигации. Таким образом, иностранный инвестор рассчитывает получить выигрыш за счёт будущего обесценения национальной валюты даже при отрицательной доходности облигаций.

Во-вторых, в условиях финансовой неопределённости у консервативного инвестора практически нет альтернативных инструментов для размещения денег. Также следует принять во внимание ещё один важный момент. Как известно, существуют номинальные и реальные процентные ставки. Реальная ставка получается, если из номинальной ставки вычесть процент инфляции. Когда инфляция выше номинальной ставки, инвестор получает реальную отрицательную доходность на свои инвестиции. В экономической науке существует термин «денежная иллюзия», предложенный Дж.М. Кейнсом. Он говорит о том, что люди прежде всего обращают внимание на номинальную, а не реальную стоимость денег, которая проявляется в их покупательной способности. Однако в конечном итоге более важным ориентиром для инвестора должна выступать именно реальная, а не номинальная ставка. Если посмотреть на доходность облигаций под этим углом зрения и учесть ещё налоговые вычеты с получаемых доходов, то окажется, что реальная отрицательная доходность для консервативных инвесторов – это давно установившаяся норма. Представим ситуацию для рынка США. Для европейских стран она не должна отличаться принципиально. Как отмечают Moshe Levy, Haim Levy и Avi Edry, «отрицательные ставки – это не исключение, а норма, характеризующая рынок США. В течение 75 лет с 1926 по 2000 гг. арифметическая средняя доходность казначейских векселей США до вычета налога была 3,9 %, а средний уровень инфляции – 3,2 % (Ibbotson Associates 2001). Таким образом, не принимая во внимание налоги (т.е. полагая, что все инвесторы освобождены от налога), реальный процент, в среднем, был порядка плюс 0,7 % годовых. Если учесть налог в 25 % на процентный доход⁵, то средний реальный процент в Соединённых Штатах после вычета налога был приблизительно -0,27 %. Конечно, наивысшая ставка на доход физического лица в течение этих лет была гораздо больше 25 %; следовательно, для состоятельных инвесторов,

которые инвестировали в казначейские векселя, реальный процент после вычета налога был ещё ниже. Аналогично, при средней доходности долгосрочных корпоративных облигаций в 6 % и корпоративном налоге в 46 % реальная стоимость долга после налогообложения была близка к нулю» [20, p.97]. Таким образом, при отрицательной доходности облигаций в современных условиях и низких уровнях инфляции или дефляции принципиальная картина доходности для инвестора не изменилась. Поэтому финансово грамотного инвестора вряд ли должен сильно беспокоить тот факт, что в настоящих условиях он будет получать уже номинальную отрицательную доходность по облигациям.

В то же время, отрицательные ставки не так безобидны, как может показаться на первый взгляд. Раньше консервативный инвестор, который стремился избежать риска, размещал средства в госбумагах под ставку без риска. Поскольку в теории, и ей следовала практика, считалось, что ставки не могут быть отрицательными, он был уверен, что доходность его инвестиций не опустится ниже известного уровня с учётом его налогового режима. Предельным случаем выступал вариант нулевой ставки. Введя отрицательные ставки, центральные банки фактически сказали, что для процентной ставки больше не существует нижней границы. Таким образом, сейчас инвесторы поставлены в условия абсолютной неопределённости. Даже если они инвестируют свои средства в госбумаги до погашения под фиксированный отрицательный процент, то они уже не знают, насколько низкой окажется ставка ЦБ, когда наступит время реинвестировать средства. Это не может не создавать атмосферу нервозности на финансовых рынках и должно вести к росту волатильности цен финансовых активов. Таким образом, в новых условиях риск выступает абсолютной доминантой, от которой инвестор не может укрыться даже в госбумагах.

Облигации с отрицательной доходностью могут внести негативный эффект в деятельность ряда институтов финансового рынка, а именно, инвестиционных фондов денежного рынка, пенсионных фондов и страховых компаний, приобретающих госбумаги в целях снижения инвестиционных рисков. Так после введения отрицательной ставки Банком Японии 11 компаний, управляющих денежными фондами, прекратили принимать новые средства от инвесторов и планируют возвращать им деньги. Деньги из фондов перетекают на депозиты, по которым ещё сохраняется положительная ставка [26].

При рассмотрении вопроса отрицательных ставок возникают и другие, на первый взгляд менее значимые проблемы, однако они могут иметь прямые финансовые последствия для

⁵ В США государственные облигации освобождены от налогов штатов и местных налогов, но подлежат налогообложению на федеральном уровне.

участников экономических отношений. Например, Peter Zaman и Claude Brown замечают, следует ли отрицательную ставку рассматривать как ставку процента или как плату за хранение, уплачиваемую депонентом. Хотя это вопрос определений, но он может привести к другому налоговому режиму для данных сумм. [24, р.48].

Центральные банки пошли на эксперимент с отрицательными ставками в том числе для борьбы с дефляцией. Однако возникает вопрос, в каких условиях политика отрицательных ставок является оправданной для борьбы с дефляцией? Как пишет David Beckworth из Western Kentucky University, обычно считается, что дефляция несовместима с макроэкономической стабильностью и любое устойчивое снижение уровня цен ассоциируется с отрицательным экономическим ростом. Однако ряд последних исследований показывает, что необходимо различать злокачественную (*malign*) и доброкачественную (*benign*) дефляцию, которая возникает вследствие увеличения совокупного предложения. Дефляция, вызванная увеличением предложения – это важный момент, так как рост открытости Китая и Индии и быстрые завоевания в области технологий будут сообщать мировой экономике положительные шоки совокупного предложения. [4, р. 363-364]. Дефляция «может быть совместима с устойчивым экономическим ростом, и её не всегда следует опасаться». [4, р. 369]

Дело в том, что в период между 2003 г. и 2007 г. среднегодовой темп прироста мировой экономики составил 4,02%, что является наиболее высоким показателем за последние 30 лет. Как пишет David Beckworth, это явилось следствием либерализации экономик во многих странах, «вхождением Китая и Индии в мировую экономику, быстрыми технологическими завоеваниями и возросшей глобализацией финансовой системы... Эти позитивные шоки совокупного предложения в мировой экономике должны были выразиться в падающем уровне цен и более высоких реальных процентных ставках в развитых экономиках, начиная около 2003 г. Напротив, монетарные власти в данных экономиках, особенно Федеральная резервная система, снизили процентные ставки, чтобы препятствовать глобальным дефляционным нажимам. Некоторые обозреватели в то время задавались вопросом, не подорвут ли данные действия, хотя и имевшие положительные намерения, глобальную макроэкономическую стабильность. Они опасались... что в их попытке исключить доброкачественную (*benign*) дефляцию, монетарные власти порождали чрезмерное заимствование, нерациональный (*unsustainable*) бум в ценах активов и необоснованные стимулы для мирового совокупного спроса. Кроме того, они опасались, что возникшие в результате экономические дисбалансы...могут привести именно к тому, чего центральные банки стремились избежать в первую очередь – злокачественной (*malign*) дефляции» [4, р. 374-375]. Таким образом, «Фе-

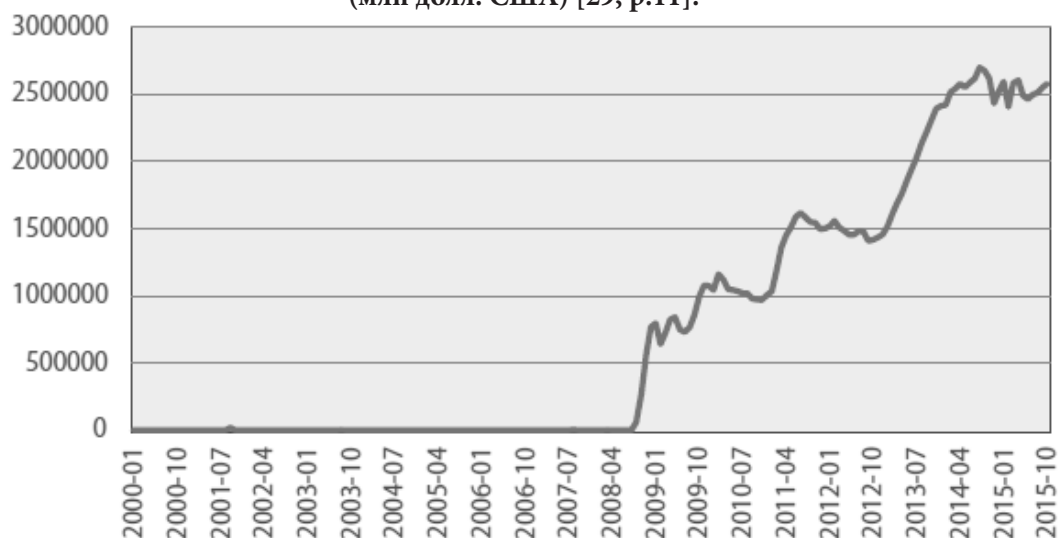
деральная резервная система создавала избыток ликвидности на мировом уровне, так как она распоряжалась основной мировой резервной валютой... Развитые экономики в определённой степени также импортировали свободную монетарную политику США, так как они должны были следить за тем, чтобы их валюты не слишком дорожали к доллару и всем валютам, привязанным к доллару» [4, р. 375-376].

Рыночная экономика развивается циклично. В течение цикла накапливаются определённые диспропорции в её развитии. В понимании современных циклов важную роль играет «перепроизводство» денег, которое не в последнюю очередь может возникать в результате стимулирующей монетарной политики. Функция кризиса состоит в разрешении накопившихся дисбалансов, в том числе уменьшении чрезмерно выросшей денежной массы. В результате кризиса происходит резкое падение стоимости финансовых активов, разорение финансовых компаний и банков. Однако мы можем констатировать, что кризис 2007-2008 гг. не выполнил данную функцию в полной мере, т.к. монетарные власти развитых стран опасались уменьшения ликвидности и наступления спада наподобие Великой депрессии 1930-х гг. Поэтому они активно спасали те банки и финансовые компании, которые по законам рынка должны были бы разориться. Например, как пишет известный американский банковский аналитик Марк Майо, «двенадцать из тринадцати крупнейших банков США разорились бы, если бы не вмешалось правительство». [18, р.13]. Государство приняло программы количественных смягчений, функция которых также состояла в том, чтобы предотвратить уменьшение ликвидности в экономике и придать устойчивость финансовым институтам. Как отмечает П. Кругман, ФРС «предоставила многочисленные кредиты банкам и другим финансовым институтам, которые, возможно, помогли избежать того, чтобы банковская паника оказалась больше, чем мы испытали на самом деле» [23, р.168-169]. В результате резко выросли резервы финансовых институтов. На рис. 1 представлена картина избыточных резервов финансовых институтов в ФРС США. В период между январем 2000 г. и августом 2008 г. избыточные резервы банков на балансе ФРС в среднем составляли 1,8 млрд долл. К ноябрю 2009 г. они достигли 1 трлн долл., а к октябрю 2015 г. выросли до 2,6 трлн долл. [29, р.11].

Безусловно, данные действия сгладили течение кризиса, позволили сохранить в тот момент устойчивость финансовой системы и социальную стабильность. Однако, как образно пишет Gerald P. O'Driscoll Jr., бывший вице-президент Federal Reserve Bank of Dallas и Citigroup, «капитализм без банкротства – это как религия без греха. Не работает» [9, р.7].

Таким образом, функция кризиса по уменьшению ликвидности не была выполнена, т.е. был

Избыточные резервы финансовых институтов на балансе ФРС США
(млн долл. США) [29, p.11].

нарушен закон функционирования рынка. Если это закон, то его неисполнение ведёт к определённому искажению экономического поля, что и выразилось в последующем в низких темпах экономического роста западных стран и дефляционных процессах. Однако в этом вопросе более важно то, что закон рыночной экономики всё равно должен проложить себе дорогу, хотя уже, возможно, и через другие каналы.

Непосредственно отрицательные ставки можно рассматривать как технический момент в политике центральных банков для стимулирования экономического роста. Однако их появлению можно дать и другое объяснение, если от цифр и количественных зависимостей подняться на более высокий уровень абстракции. Если рассматривать экономику как живой организм, который пытается восстановить свою жизнеспособность, то отрицательные ставки и отрицательную доходность по облигациям можно определить как способы, с помощью которых экономика пытается решить задачу уменьшения ликвидности, хотя по форме такие действия центральных банков, напротив, выглядят как попытка увеличить ликвидность в экономике.

Как долго в экономике развитых стран могут сохраняться отрицательные номинальные ставки, и каких значений они могут достичь? Что касается предельного уровня отрицательной ставки в обозримой перспективе, то, по словам Harriet Jackson из Canadian Economic Analysis Department Bank of Canada, «растёт общий консенсус, что эффективный нижний уровень (ЭНУ) является отрицательным. Грубые оценки предполагают, что ЭНУ может быть таким низким как порядка -2 %, хотя это довольно неопределённо, и на практике ЭНУ может быть ближе где-то к -1 %» [11, p.1].

На наш взгляд, сейчас сложно предсказывать какой-либо ориентир для ставки в среднесрочном периоде, так как центральные банки

и вместе с ними вся экономическая система находятся только в начале масштабного эксперимента с отрицательными ставками. В первую очередь можно сказать, что, прежде чем пойти на дальнейшее понижение ставки, центральные банки могут вначале расширить ареал их использования. Например, отрицательная ставка Банка Японии применяется сейчас только где-то к 10% резервов коммерческих банков. Для большей части резервов используется нулевая или слегка положительная ставка [22].

Дальнейшее понижение ставок возможно, если экономическая конъюнктура ухудшится в среднесрочной перспективе. Насколько вероятен такой сценарий? На наш взгляд, он более чем вероятен. Как известно, рыночная экономика развивается циклично, и периодически наступают экономические кризисы. По нашим оценкам очередной финансовый кризис должен наступить где-то в 2017 г. Одним из вариантов ответа центральных банков на такую ситуацию может быть дальнейшее понижение ставок до новых отрицательных минимумов.

С помощью снижения ставок центральные банки надеются стимулировать инвестиции и потребление. В то же время, в современных условиях вряд ли эту задачу можно решить только за счёт такого подхода. Как отмечает аналитик Martin Schulz из института Fujitsu в Токио, «в Японии кредит не увеличился не потому, что банки не расположены давать кредиты, а потому, что предприятия не видят перспектив для инвестиций, чтобы обращаться за кредитами. Даже с отрицательными ставками ситуация не изменится... Предприятиям не нужны деньги. Им нужны возможности для инвестирования. И этого можно добиться только с помощью структурных реформ, а не с помощью монетарной политики» [25].

Ситуация в экономике после кризиса 2007-2008 гг. толкнула центральные банки на экспе-

■ Мировая экономика

ринмент с отрицательными ставками. Ещё рано говорить о том, насколько он оказался успешным. Однако центральным банкам можно было бы посоветовать сделать ещё один шаг в вопросе

освоения новых рычагов монетарной политики. Таким новым инструментом могли бы выступить фьючерсные контракты на процентные инструменты.

Список литературы

1. Greeley B. The Great Negative Rates Experiment. The Swedes, Danes, and Swiss venture to the subzero zone [Электронный ресурс]. // Bloomberg Business Week. 22.10.2015. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-22/the-great-negative-rates-experiment> (проверено 25.04.2016).
2. Jensen C.M., Spange M. Interest rate pass-through and the demand for cash at negative interest rates. Denmark's Nationalbank. Monetary review, 2nd quarter, 2015. Pp. 1 - 12. URL: <https://www.nationalbanken.dk/en/publications/Documents/2015/06/Interest%20Rate%20Pass-through%20and%20the%20Demand%20for%20Cash%20at%20Negative%20Interest%20Rates.pdf> (проверено 25.04.2016).
3. Swann Ch. The consequences of negative interest rates // CNBC, 16.02.2016. URL: <http://www.cnbc.com/2016/02/16/the-consequences-of-negative-interest-rates-commentary.html> (проверено 25.04.2016).
4. Beckworth D. Aggregate Supply-Driven Deflation and Its Implications for Macroeconomic Stability // Cato Journal. 2008. Vol. 28. No.3. Pp. 363 - 384. URL: <http://object.cato.org/sites/cato.org/files/serials/files/cato-journal/2008/11/cj28n3-1.pdf> (проверено 25.04.2016).
5. Humphrey D. Negative Interest Rates and the Demand for Cash. // Journal of Payments Strategy & Systems. Winter 2015-16. No. 10, Pp. 280-289.
6. Nelson E. World's Negative-Yielding Bond Pile Tops \$7 Trillion: Chart. // Bloomberg Business Week, 09.02.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-09/world-s-negative-yielding-bond-pile-tops-7-trillion-chart> (Winter 2015-16 25.04.2016).
7. Key ECB interest rates // European Central Bank Website. URL: <https://www.ecb.europa.eu/stats/monetary/rates/html/index.en.html> (проверено 25.04.2016).
8. Money market interest rates. // Statistical Data Warehouse. URL: <http://sdw.ecb.europa.eu/reports.do?node=100000175> (проверено 25.04.2016).
9. Gerald P. O' Driscoll Jr. The financial crisis: origins and consequences. The intercollegiate review. Fall 2009. Pp. 4 - 12. URL: <http://bibliocatalog.mgimo.ru:2222/ehost/pdfviewer/pdfviewer?vid=20&sid=0094893a-aa72-4829-8f7e-09be997afb07%40sessionmgr105&hid=109> (проверено 30.04.2016).
10. Global Economic Prospects. The Global Economy in Transition. World Bank Group. June 2015. Pp. 1 - 177.
11. Jackson H. The International Experience with Negative Policy Rates. Bank of Canada, November 2015. Pp. 1 - 18. URL: <http://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2015/11/dp2015-13.pdf> (проверено 25.04.2016).
12. Hicks J. R. "Mr. Keynes and the "Classics"; A Suggested Interpretation." // Econometrica. 1937. Vol. 5. No. 2. Pp. 147 - 159. URL: http://public.econ.duke.edu/~kdh9/Courses/Graduate%20Macro%20History/Readings-1/Hicks_Mr.%20Keynes%20and%20the%20Classics.pdf (проверено 25.04.2016).
13. Suzuki I., Suga M. Japan's Biggest Gold Retailer Says Negative Rates Boost Demand. // Bloomberg, 14.03.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-14/japan-s-biggest-gold-retailer-says-negative-rates-boost-demand> (проверено 25.04.2016).
14. Randow J., Kennedy S. Negative Interest Rates. Less Than Zero. // Bloomberg, 18.03.2016. URL: <http://www.bloombergtv.com/quicktake/negative-interest-rates> (проверено 25.04.2016).
15. Franklin J. Swiss bank ABS plans negative interest rates for some depositors // Reuters News Agency, 16.10.2015. URL: <http://www.reuters.com/article/swiss-negative-interest-rates-idUSL8N12G41V20151016> (проверено 25.04.2016).
16. Buckland K., Nozawa Sh. Japan Sells 10-Year Bonds at Negative Yield For the First Time. 29.02.2016. // Bloomberg, 04.12.2013. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-29/japan-may-get-paid-to-borrow-for-10-years-as-yields-below-zero-il8451ti> (проверено: 25.04.2016).
17. McAndrews J. Negative nominal central bank policy rates: Where is the lower bound? Remarks at the University of Wisconsin. // Federal Reserve Bank of New York, 08.05.2015. URL: <https://www.newyorkfed.org/newsevents/speeches/2015/mca150508.html> (проверено: 25.04.2016).
18. Mayo M. Exilio en Wall Street. La lucha de un analista por salvar a los grandes bancos de si mismos. Madrid, Ediciones Anaya Multimedia, 2012. 191 p.
19. Linnemann Bech M., Malkhozov A. How have central banks implemented negative policy rates? BIS Quarterly Review. March 2016. Pp. 31-44. // The Bank for International Settlements. URL: http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1603e.pdf (проверено 25.04.2016).
20. Levy M., Levy H., Edry A. "A Negative Equilibrium Interest Rate." // Financial Analysts Journal. March/April 2003. Pp.97-109.

21. Olof-Ors N. Swiss alternative bank breaks negative rates taboo. // AFP, 22.11.2015. URL: <https://www.yahoo.com/news/swiss-alternative-bank-breaks-negative-rates-taboo-055303880.html?ref=gs> (проверено 25.04.2016).
22. Diggle P. Negative interest rates' positive side. // CNBC, 10.03.2016. URL: <http://www.cnbc.com/2016/03/10/negative-interest-rates-positive-side-commentary.html> (проверено 25.04.2016).
23. Krugman P. Acabad ya con esta crisis! Barcelona, 2012. 265 p.
24. Zaman P., Brown C. How Negative Interest Rates Affect Commodity Derivatives and Collateral Transactions in the European Market // U.S./INTERNATIONAL. July August, 2015. Vol. 28. No.6. Pp. 47 – 51.
25. ¿Qué es la tasa de interés negativa y por qué Japón tomó la decisión de imponerla por primera vez en su historia? // Redacción BBC Mundo. 29.01.2016. URL: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2016/01/160129_economia_japon_tasa_interes_negativa_men (проверено 24.04.2016).
26. Fujioka T., Mayger J. The Effects of a Month of Negative Rates in Japan. Bloomberg, 14.03.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-13/the-effects-of-a-month-of-negative-rates-in-japan> (проверено 25.04.2016).
27. Alloway T. Behold! The First Covered Bond to Be Sold With a Negative Yield. // Bloomberg, 08.03.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-08/behold-the-first-covered-bond-to-be-sold-with-a-negative-yield> (проверено 25.04.2016).
28. UPDATE 1-Switzerland sells 10-year bonds at negative yield as deflation fears deepen. // Reuters, 08.04.2015. URL: <http://www.reuters.com/article/swiss-treasury-idUSL5N0X52TR20150408> (проверено 25.04.2016).
29. World Economic Situation and Prospects 2016. United Nations. New York, 2016. Pp. 1 - 47. URL: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_current/2016wesp_ch1_en.pdf (проверено: 29.04.2016).

Об авторе

Буренин Алексей Николаевич – д.э.н., профессор кафедры международных финансов МГИМО МИД России.
E-mail: anburenin@mail.ru.

NEGATIVE INTEREST RATES: CENTRAL BANKS INITIATED AN EXPERIMENT

A.N. Burenin

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *Negative interest rates appeared as a consequence of economic problems that countries with market economy came across after the crises of 2007-2008. The attempts of monetary authorities to stimulate economies with the help of quantitative easing didn't bring the desired result. That's why the central banks once again resorted to a traditional tool of their monetary policy of changing interest rates. But this time they launched an experiment, they used negative interest rates. The European Central Bank, the Swedish Riksbank, the Bank of Japan, and the National Bank of Hungary introduced negative rates in order to stimulate economic growth and fight the threat of deflation, the Danish National Bank and the Swiss National Bank tried to deter appreciation of their currencies. Negative rates of the central banks brought about negative yields of government and nongovernment securities in several countries.*

The problem acquires an aggravated form due to the fact that negative rates appeared in several European countries simultaneously at the moment when global financial markets were not in crises.

Some questions arise concerning the negative rates, for example, how low can central banks bring down the rates in the future, what is their influence on the stock markets, what is the reaction of depositors to the introduction of negative deposit rates by commercial banks, must one consider a negative rate as a rate of interest or payment to store money of the depositor, in which circumstances negative rates can be justified to fight deflation. The last question plays an important role, because recent studies find that positive economic growth is possible during deflation. If central banks don't take this nuance into consideration, they can create economic imbalances by increasing liquidity.

Negative rates are not as inoffensive as it may seem at first glance. Not far ago an investor, who tried to averse risk, was buying government securities. Their yields according to theory could not become lower than zero. By introducing negative rates, the central banks told in fact that the lower bound of the interest rate didn't exist any more. Thus, now investors find themselves in a situation of complete uncertainty, and risk becomes an absolute dominance. They can't averse it even in government securities. Such situation influences financial markets in a negative way.

■ Мировая экономика

If we go up to a higher level of abstraction and imagine an economy as a live organism, which tries to rehabilitate itself, then the negative rates can be considered as a way through which the economy tries to solve the task of reducing liquidity.

Studies show that so far the introduction of modestly negative rates have not affected the functioning of money markets much.

In anticipation of the forthcoming cyclical crisis it is possible to give advice to the central banks to make one more step in the issue of the development of new tools of monetary regulation. Such new tools could be represented by futures contracts on interest rates securities.

Key words: negative interest rates, central banks, deflation, bonds with negative yields, economic crises, interest rate futures.

References

1. Greeley Brendan. The Great Negative Rates Experiment. The Swedes, Danes, and Swiss venture to the subzero zone. *Bloomberg Business Week*, 22.10.2015. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-22/the-great-negative-rates-experiment> (Accessed 25.04.2016).
2. Moselund Jensen Carina, Spange Morten. Interest rate pass-through and the demand for cash at negative interest rates. Danmarks Nationalbank. *Monetary review*, 2 nd quarter, 2015. Pp.1-12. URL: <https://www.nationalbanken.dk/en/publications/Documents/2015/06/Interest%20Rate%20Rate%20Rate-through%20and%20the%20Demand%20for%20Cash%20at%20Negative%20Interest%20Rates.pdf> (Accessed 25.04.2016).
3. Swann Christopher. The consequences of negative interest rates. *CNBC*, 16.02.2016. URL: <http://www.cnbc.com/2016/02/16/the-consequences-of-negative-interest-rates-commentary.html> (Accessed 25.04.2016).
4. Beckworth D. Aggregate Supply-Driven Deflation and Its Implications for Macroeconomic Stability. *Cato Journal*, 2008. Vol. 28, no.3. Pp. 363 - 384. URL: <http://object.cato.org/sites/cato.org/files/serials/files/cato-journal/2008/11/cj28n3-1.pdf> (Accessed 25.04.2016).
5. Humphrey D. Negative Interest Rates and the Demand for Cash. *Journal of Payments Strategy & Systems*. No. 10, Pp. 280-289.
6. Eshe N. World's Negative-Yielding Bond Pile Tops \$7 Trillion: Chart. *Bloomberg Business Week*, 09.02.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-09/world-s-negative-yielding-bond-pile-tops-7-trillion-chart> (Accessed 25.04.2016).
7. Key ECB interest rates. *European Central Bank Website*. URL: <https://www.ecb.europa.eu/stats/monetary/rates/html/index.en.html> (Accessed 25.04.2016).
8. Money market interest rates. *Statistical Data Warehouse*. URL: <http://sdw.ecb.europa.eu/reports.do?node=100000175> (Accessed 25.04.2016).
9. Gerald P. O'Driscoll Jr. The financial crisis: origins and consequences. *The intercollegiate review*. Fall 2009. Pp. 4 - 12. Available at: <http://bibliocatalog.mgimo.ru:2222/ehost/pdfviewer/pdfviewer?vid=20&sid=0094893a-aa72-4829-8f7e-09be997afb07%40sessionmgr105&hid=109> (Accessed 30.04.2016).
10. *Global Economic Prospects. The Global Economy in Transition*. World Bank Group. June 2015. Pp. 1 - 177.
11. Jackson. The International Experience with Negative Policy Rates. *Bank of Canada*. November 2015. Pp. 1 - 18. URL: <http://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2015/11/dp2015-13.pdf> (Accessed 25.04.2016).
12. Hicks J.R. "Mr. Keynes and the "Classics"; A Suggested Interpretation." *Econometrica*. 1937. Vol. 5, No. 2. Pp. 147 - 159. Available at: http://public.econ.duke.edu/~kdh9/Courses/Graduate%20Macro%20History/Readings-1/Hicks_Mr.%20Keynes%20and%20the%20Classics.pdf (Accessed 25.04.2016).
13. Suzuki I., Suga M. Japan's Biggest Gold Retailer Says Negative Rates Boost Demand. *Bloomberg*, 14.03.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-14/japan-s-biggest-gold-retailer-says-negative-rates-boost-demand> (Accessed 25.04.2016).
14. Randow J., Kennedy S. Negative Interest Rates. Less Than Zero. *Bloomberg*, 18.03.2016. URL: <http://www.bloombergview.com/quicktake/negative-interest-rates> (Accessed 25.04.2016).
15. Franklin J. Swiss bank ABS plans negative interest rates for some depositors. *Reuters News Agency*, 16.10.2015. URL: <http://www.reuters.com/article/swiss-negative-interest-rates-idUSL8N12G41V20151016> (Accessed 25.04.2016).
16. Buckland K., Nozawa S. Japan Sells 10-Year Bonds at Negative Yield For the First Time. *Bloomberg*, 29.02.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-29/japan-may-get-paid-to-borrow-for-10-years-as-yields-below-zero-il8451ti> (Accessed 25.04.2016).
17. McAndrews J. Negative nominal central bank policy rates: Where is the lower bound? Remarks at the University of Wisconsin. *Federal Reserve Bank of New York*, 08.05.2015. URL: <https://www.newyorkfed.org/newsevents/speeches/2015/mca150508.html> (Accessed 25.04.2016).

18. Mayo M. *Exilio en Wall Street. La lucha de un analista por salvar a los grandes bancos de si mismos*. Ediciones Anaya Multimedia, Madrid, 2012. 191 p.
19. Linnemann B.M., Malkhozov A. How have central banks implemented negative policy rates? *BIS Quarterly Review*, March 2016. Pp. 31 - 44. URL: http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1603e.pdf (Accessed 25.04.2016).
20. Levy M., Levy H., Edry A. A Negative Equilibrium Interest Rate. *Financial Analysts Journal*. March - April 2003. Pp. 97 - 109.
21. Olof-Ors N. Swiss alternative bank breaks negative rates taboo. *AFP*, 22.11.2015. URL: <https://www.yahoo.com/news/swiss-alternative-bank-breaks-negative-rates-taboo-055303880.html?ref=gs> (Accessed 25.04.2016).
22. Diggle P. Negative interest rates' positive side. *CNBC*, 10.03.2016. URL: <http://www.cnbc.com/2016/03/10/negative-interest-rates-positive-side-commentary.html> (Available at 25.04.2016).
23. Krugman P. *Acabad ya con esta crisis!* Barcelona, 2012. 265 p.
24. Zaman P., Brown C. How Negative Interest Rates Affect Commodity Derivatives and Collateral Transactions in the European Market. *U.S./INTERNATIONAL*. July/August, 2015. vol. 28, No.6. Pp. 47– 51.
25. ¿Qué es la tasa de interés negativa y por qué Japón tomó la decisión de imponerla por primera vez en su historia? *Redacción BBC Mundo*, 29.01.2016. URL: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2016/01/160129_economia_japon_tasa_interes_negativa_men (Accessed 24.04.2016).
26. Fujioka T., Mayger J. The Effects of a Month of Negative Rates in Japan. *Bloomberg*, 14.03.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-13/the-effects-of-a-month-of-negative-rates-in-japan> (Accessed 25.04.2016).
27. Alloway T. Behold! The First Covered Bond to Be Sold With a Negative Yield. *Bloomberg*, 08.03.2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-03-08/behold-the-first-covered-bond-to-be-sold-with-a-negative-yield> (Accessed 25.04.2016).
28. UPDATE 1-Switzerland sells 10-year bonds at negative yield as deflation fears deepen. *Reuters*, 08.04.2015. URL: <http://www.reuters.com/article/swiss-treasury-idUSL5N0X52TR20150408> (Accessed 25.04.2016).
29. World Economic Situation and Prospects 2016. United Nations. New York, 2016. Pp. 1 - 47. URL: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_current/2016wesp_ch1_en.pdf (Accessed 29.04.2016).

About the author

Aleksey N. Burenin – Dr. of Economics, professor, Department of International Finance, MGIMO.
E-mail: anburenin@mail.ru.

ЯПОНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДВИЖЕНИИ КАПИТАЛА

С.М. Ребрей

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Япония, как крупнейший в мире нетто-экспортёр инвестиций, играет важную роль в международном движении капитала и оказывает серьёзное влияние на глобальные тенденции в этой важной сфере международных экономических отношений. Большие объёмы вывоза прямых инвестиций важны и для национальной экономики, так как в некоторых отраслях зарубежное производство достигает 40% и составляет важную часть промышленного потенциала Японии. В то же время ввоз прямых инвестиций остаётся незначительным, что свидетельствует о несбалансированном участии Японии в международном движении капитала.

Участие Японии в международном движении капитала – тема, требующая комплексного изучения. Не претендуя на её полное раскрытие, мы постарались проследить динамику и географическую структуру ввоза и вывоза капитала в форме прямых и портфельных инвестиций, финансовых производных и прочих инвестиций, выявить ряд экзогенных и эндогенных факторов движения капитала и таким образом проследить влияние абэномики на участие Японии в международном движении капитала.

Ключевые слова: Япония, международное движение капитала, инвестиции, ПЗИ, ПИИ, абэномика, экономика Японии.

Международное движение капитала (МДК) представляет собой важную форму международных экономических отношений, по объёмам сопоставимую с мировой торговлей. Основными участниками МДК выступают развитые страны, хотя доля развивающихся экономик и в экспорте, и в импорте капитала постепенно возрастает. Различают следующие формы МДК: ввоз и вывоз прямых инвестиций, портфельных инвестиций, финансовых деривативов и прочих инвестиций¹ (все они сведены в финансовые счета платёжного баланса страны). Благодаря либерализации и росту доступности зарубежных кредитов основная часть экспорта капитала в мире приходится на займы, ссуды и кредиты, причём их доля продолжает расти. Второе место занимают прямые инвестиции, вследствие процессов транснационализации бизнеса. Доля доминировавших в прошлом портфельных инвестиций сокращается, но роль финансовых деривативов (производных от портфельных инвестиций), наоборот, возрастает [6, с. 3–5].

Капитал, особенно в форме портфельных инвестиций, финансовых деривативов и прочих инвестиций, в силу своей волатильности оперативно реагирует на малейшие изменения в национальной и глобальной экономической конъюнктуре. Более того, согласно исследованиям Мелвина и Йена валютные и фондовые рынки² находятся в тесной корреляции с мировыми новостями, причём не только и не столько финансовыми [22]. Так, 14 ноября 2012 г. после объявления премьер-министром Японии Ё. Нодой о проведении досрочных всеобщих парламентских выборов началась резкая девальвация иены и рост фондового рынка. Такая реакция рынков фактически означала победу С. Абэ на предстоящих выборах. [31. р.3]. Таким образом, динамика потоков международного капитала из/в Японию позволяет делать определённые выводы об эффективности реализуемой стратегии развития страны.

Будучи третьей экономикой мира, Япония играет важную роль в МДК. Для этой страны характерно положительное сальдо финансовых счетов платёжного баланса, другими словами, Япония – нетто-экспортёр капитала, причём крупнейший в мире. От других развитых эко-

номик Японию отличает серьёзный дисбаланс ввоза и вывоза капитала в форме прямых инвестиций.

Спустя два «потерянных десятилетия» экономической стагнации, по всей видимости, наступил новый этап развития экономики Японии. Его начало связывают с приходом премьер-министра Абэ Синдзо; курс премьера принято называть *абэномикой*. В основе *абэномики* лежат три идеи (как называет их сам С. Абэ, «стрелы»): «решительная монетарная политика», «гибкая фискальная политика» и «стратегия роста». Среди основных задач абэномики стоит называть: преодоление экономической стагнации, достижение 2%-ной инфляции, стимулирование внутреннего спроса и производства и повышение международной конкурентоспособности Японии. Показатели экономического роста Японии (табл. 1) не позволяют в достаточной мере оценить эффективность проводимой политики. Так, в 2013 – первой половине 2014 гг. динамика прироста ВВП, капиталовложений, промышленного производства и цен показывала начало подъёма, в основе которого лежал рост потребительского спроса и политика количественного смягчения. [4, 272 с.]. Однако затем спад потребительского спроса в результате увеличения потребительского налога превзошёл прогнозы, что повлекло за собой сокращение прироста ВВП до 0,03% в 2014 г. (на 0,07 п.п. ниже прогноза МВФ). В 2015 г. прирост ВВП составил 0,5% (по прогнозу МВФ – 1%). Основу роста составило удешевление иены, рост реальных зарплат, политика количественного смягчения и низкие цены на сырьевые товары [34 р. 54]. Вопреки негативным прогнозам, в 2015 г. удалось сохранить инфляцию на уровне 2%. Уровень безработицы последовательно сокращается с 2010 г., в 2014 г. составил 3,7%.

Не ограничиваясь идеями по оживлению национальной экономики, С. Абэ занял активную позицию на мировой политической арене. С. Абэ пишет: «С момента избрания я всегда хотел быть политиком-борцом. Это не есть борьба ради борьбы. Это значит говорить от имени народа, говорящего тебе "Говори от имени Японии"» [2, с. 7–8, пер. по 4, с. 261].

На внешнеэкономические связи страны непосредственно влияют несколько направлений внешнеполитического курса С. Абэ. Во-пер-

Таблица 1.

Показатели экономического роста Японии, 2010–2015 гг., %.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Прирост ВВП	4,7	-0,45	1,7	1,4	0,03	0,5
Инфляция, дефлятор ВВП	-2,16	-1,85	-0,93	-0,56	1,67	2,01
Уровень безработицы	5	4,5	4,3	4	3,7	-

Источник: [32]

¹ Иногда к формам МДК относят движение золотовалютных резервов, однако мы придерживаемся узкого и наиболее распространенного значения этого термина.

² В свою очередь, показатели валютных и фондовых рынков находятся в тесной взаимосвязи с международным движением капитала, согласно исследованиям К. Нили и А. Бретта ФРС США [Подробно 5].

■ Мировая экономика

вых, стремление к участию в интеграционных группировках. Япония вступила в созданную в конце 2015 г. международную торгово-экономическую организацию Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), что, несомненно, повлечёт за собой серьёзные изменения как во внутренней, так и внешней экономике Японии. Углубляется и интеграция со странами АСЕАН. Именно в страны АСЕАН был совершён первый тур внешнеполитических визитов Синдзо Абэ в качестве премьер-министра. Особый акцент на страны АСЕАН во внешнеполитической стратегии С. Абэ связан, в числе прочего, с обострением отношений с Китаем. Премьер-министр Японии занял жёсткую позицию в конфликте касательно принадлежности островов Сэнкаку (кит. Дяоюйдао), что привело к заметному охлаждению двусторонних отношений. Ещё одно важное направление внешней политики С. Абэ – это «укрепление стратегического партнерства с Соединёнными Штатами, которое в период власти демократов подверглось серьёзным испытаниям» [цит. по 7, с. 35]. В общем и целом, Япония стремится уйти от роли «сателлита» или «младшего брата» Америки, позиционируя себя как равного партнёра. В числе прочего, об этом свидетельствует более активное участие Японии в глобальных конфликтах (например, сирийском) [7, с. 40–45].

Для консервативной Японии эти и другие политические и социально-экономические нововведения могут означать смену парадигмы развития, создание принципиально новой социально-экономической модели в формирующемся многополярном мире. В условиях глобализации внешнеэкономические связи имеют все большее значение, их роль в развитии страны нельзя переоценить.

Вывоз прямых инвестиций

Непрерывная позитивная динамика прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) наблюдалась в Японии с середины 1990-х гг. вплоть до мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., когда их объём достиг максимума в 130 млрд долл. (8,4% от мировых ПЗИ [27]), после чего по-

следовал двухгодичный спад до 57,2 млрд долл. и стремительное восстановление в 2011–2013 гг. В 2013 г. (первом году правления С. Абэ) объём ПЗИ Японии достиг рекордных 135 млрд долл. В 2014 г. наблюдалась негативная динамика, спад на 11%, а в 2015 г. – незначительный рост до 132 млрд долл. (см. табл. 2).

Девальвация иены с 97,5 иен/долл. в 2013 г. до 122 иен/долл. в 2015 г. в результате политики количественного смягчения, несомненно, снизила инвестиционный потенциал японских предпринимателей. Однако сокращение объёмов прямых инвестиций наблюдалось во всём мире и составило в 2014 г. 17% по общемировому импорту прямых инвестиций и 1,3% по экспорту прямых инвестиций развитых стран. ЮНКТАД считает причинами спада общую нестабильность мировой экономики, неопределённость политических курсов для инвесторов и высокие геополитические риски [35]. Более детальный анализ географической структуры японских ПЗИ позволит оценить факторы, сыгравшие ключевую роль применительно к Японии.

Три региона, на которые приходится основной экспорт прямых инвестиций Японии, – это Северная Америка (35,2% в 2015 г.), Европа (26,4%) и Азия (24,7%). Основным инвестиционным партнёром Японии выступают **США**. Начиная с 2012 г., на США приходится около трети японских прямых инвестиций, а в 2014 г. их доля достигла 37%, т.к. объём экспорта на этом направлении снизился только на 6%. Учитывая, что в 2014 г. импорт прямых инвестиций в США сократился на 60% [35], спад со стороны японских инвесторов выглядит незначительным. В 2015 г. в японском экспорте прямых инвестиций в США позитивная динамика возобновилась и, судя по всему, сохранится в 2016 г.: за первое полугодие его объём уже превысил 30 млрд долл. По опросам JETRO³, более 60% японских компаний планируют расширять свою деятельность в США в ближайшие 1–2 года [24]. Помимо благоприятной конъюнктуры в США, важную роль играет укрепление японо-американских отношений, а также создание ТТП.

Таблица 2.

Основные направления прямых зарубежных инвестиций Японии, 2010–2016 гг., млрд долл.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Доля, в %	Янв-июнь 2016	Доля, в %
Мир	57,2	108,8	122,4	135,0	136,3	130,8	100,0	70,9	100,0
США	9,2	14,7	32,0	43,7	48,3	44,9	34,3	30,3	42,7
ЕС	8,4	36,1	29,0	31,0	26,1	33,8	25,8	17,4	24,5
Китай	7,3	12,6	13,5	9,1	10,4	8,9	6,8	4,1	5,7
НИС	6,9	9,3	8,0	9,0	15,6	11,2	8,6	4,3	6,0
АСЕАН ⁴	4,3	13,2	6,4	16,6	12,9	11,6	8,9	5,4	7,6

Составлено по: [20]

³ JETRO (Japanese External Trade Organization –пер. японская организация содействия развитию внешней торговли). – некоммерческая организация, связующее звено между Министерством внешней торговли и промышленности и различными корпорациями, крупный исследовательский центр, осуществляет сбор и обработку зарубежной экономической информации [9].

Следующее важное направление японского экспорта прямых инвестиций – Евросоюз, на который в 2015 г. пришлось 25,8% ПЗИ Японии. На этом направлении также наблюдались сокращение в 2014 г. (на 21%) и возобновление роста в 2015 г. (на 34%). В ЕС, как и в США, в 2014 г. было общее снижение притока прямых инвестиций на 23%. Наибольший спад японского экспорта прямых инвестиций в 2014 г. произошёл в Великобритании (на 38%) и Нидерландах (на 63%), тогда как в целом импорт Великобритании продолжал возрастать (на 53%), а Нидерландов снизился незначительно (на 6%). Общеизвестно, что эти две страны используются ТНК в качестве «перевалочных баз» при движении капитала для дальнейших инвестиций [6, с. 13–15]. Таким образом, спад на этих направлениях скорее свидетельствует о снижении активности японских ТНК в Евросоюзе в целом, а не исключительно в этих двух странах.

В 2016 г. возобновилась негативная динамика экспорта прямых инвестиций в ЕС. Уже во II квартале произошло двукратное сокращение объёмов ПЗИ до 5,6 млрд долл. (с 11,8 млрд долл. в I квартале). Основой сокращения стал Брексит, инвестиции в Великобританию во II квартале сократились более чем в 15 раз. Учитывая важнейшую роль Великобритании в потоках японского капитала и неопределённость развития дезинтеграционных процессов, спад распространился и на другие страны Евросоюза (Италию, Германию и др.). Судя по всему, в 2016–2017 гг. такая динамика сохранится.

Азиатское направление японских прямых инвестиций можно разделить на три ветви: 1) Китай; 2) страны НИС (Гонконг, Сингапур,

Тайвань и Республика Корея); 3) АСЕАН-4 (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины)⁴. Начиная с 2012 г. объём инвестиций в Китай последовательно снижается. Во-первых, это связано с упомянутым конфликтом о принадлежности островов Сэнкаку, который стал поводом для бойкота японской продукции, погромов японских предприятий, антияпонских митингов и т.д. Во-вторых, с ростом благосостояния в Китае японские инвесторы переориентируются на страны с относительно более дешёвой рабочей силой. С учётом этих факторов в роли основной зарубежной производственной базы японских ТНК Китай сменяют страны АСЕАН [12]. В особенности это касается пищевой, химической, фармацевтической и металлургической отраслей промышленности, а также сектора услуг (подробнее см. табл.3).

Росту инвестиционной привлекательности стран АСЕАН способствуют интеграционные процессы и сопутствующие им институциональные нововведения. Так, завершается процесс создания Экономического сообщества АСЕАН, призванного обеспечить свободу передвижения товаров, услуг, капитала, рабочей силы и инвестиций. К 2018 г. планируется полная отмена тарифных ограничений, но уже к концу 2015 г. тарифы были устранены на 93%. В 2012 г. было подписано Всеобъемлющее инвестиционное соглашение АСЕАН. Оно включает в себя защиту иностранных инвестиций и либерализацию инвестирования в обрабатывающей промышленности [21, p. 8].

Приоритетным направлением дальнейших вложений японских транс-национальных корпораций (ТНК), по всей видимости, будут

Таблица 3.

Сравнение объёмов японских ПЗИ в Китай и страны АСЕАН по отраслям, 2010–2015 гг.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015 ³
Пищевая про-мышленность	13,9	4,5	3,8	0	4,1	9,3
Химия и фармацевтика	0,4	0,2	1,4	1,9	2	1,3
Общее машиностроение	0,2	0,9	0,4	0,5	0,7	0,3
Электронное машиностроение	3,6	1,2	–	2	7,5	1,4
Транспортное оборудование	1,3	1,5	0,9	1,9	2,9	1,5
Торговля	0,9	0,6	0,8	1,3	1,5	0,8
Услуги	0,4	1,3	0,6	1,1	3,5	6
Все отрасли	1,2	1,2	1,1	2,6	3,0	2,3 ⁴
ПЗИ в АСЕАН ²	8,9	15,7	14,3	23,6	20,4	9,1 ⁴
ПЗИ в Китай ²	7,2	12,6	13,5	9,1	6,7	3,9 ⁴

Источник: [21, p. 5].

Примечания:

1. Индекс рассчитан как отношение инвестиций в АСЕАН к инвестициям в Китай. Соответственно, если индекс >1, объём инвестиций в АСЕАН превышает инвестиции в Китай (выделено жирным шрифтом).

2. В млрд долл.

3. Данные за первый квартал 2015 г.

4. Данные за первое полугодие 2015 г.

⁴ По классификации JETRO.

■ Мировая экономика

развивающиеся страны. В настоящее время японские ТНК имеют развитую производственно-сбытовую сеть лишь в странах АСЕАН и Китае, а в других развивающихся странах сильно проигрывают местным компаниям и западным конкурентам. Для поддержания конкурентоспособности на мировых рынках японским ТНК важно наращивать своё присутствие в странах с ёмким внутренним рынком, высокой численностью населения и ВВП, превышающим 100 млрд долл. [21, р. 10]. К числу таких стран относится и Россия, однако на её долю приходится всего 0,4% общего объёма японских ПЗИ.

Девальвация иены не способствует повышению конкурентоспособности японских ТНК за рубежом. С другой стороны, это делает внешняя политика Синдзо Абэ, направленная на углубление интеграционных процессов Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и сохранение статуса регионального лидера.

Ввоз прямых инвестиций

Япония сохраняет скромную роль в качестве принимающей страны: объём прямых иностранных инвестиций (ПИИ) составляет только 0,001% от мирового, и лишь 0,2% от валового накопления основного капитала Японии (для сравнения: в 2013 г. США – 7,3%, ЕС – 9,6%, в среднем по развитым странам – 7,8%⁵) [33]. Хотя курс на привлечение иностранных инвестиций был провозглашён ещё в начале 2000-х гг. для дальнейшей либерализации рынка капитала требуется целый ряд изменений в сфере государственной политики и корпоративного управления [8]. Из последних инициатив С. Абэ по привлечению ПИИ стоит назвать «Пять обе-

щаний по привлечению иностранного бизнеса в Японию» [14]. Особый интерес вызывает пятое «обещание» – «Система получения консультаций по инвестиционным проектам», по которой японские политики получили право выступать советниками крупных инвесторов. Среди компаний, участвующих в *системе*, можно назвать: советник – министр экономики, торговли и промышленности Дз. Судзуки консультирует американскую ИТ компанию IBM и французскую химическую компанию Air Liquide S.A., министр здравоохранения, труда и благосостояния Ю. Такэути – американскую компанию по производству медицинского оборудования Jonson&Jonson [13].

Тем не менее, в 2014 г. произошёл резкий рост активности иностранных инвесторов на японском рынке: ввоз прямых инвестиций возрос почти в восемь раз, с 2,3 до 18 млрд долл. (табл.4). Локомотивом такого всплеска стал семикратный рост прямых *инвестиций азиатского региона* с 867 млн до 6,6 млрд долл. в 2014 г., а именно Китая (в 5,5 раз, 765 млн долл.), Гонконга (в 13 раз), Тайваня (в 6 раз, 1,1 млрд долл.) и Сингапура (4,5 раза, 1,4 млрд долл.). Кроме того, более скромный рост в абсолютных величинах, но не менее впечатляющий в относительных демонстрировали Республика Корея (в 12 раз, 48 млн долл.), Таиланд (в 50 раз, 152 млн долл.). В 2015 г. объём ввоза азиатских ПИИ несколько сократился, но всё равно превысил американские и европейские показатели. А в первой половине 2016 г. за счёт рекордных объёмов ввоза прямых инвестиций из Сингапура в объёме 10 млрд долл. доля азиатского региона в ПИИ Японии превысила порог в 50%.

Таблица 4.

Прямые иностранные инвестиции Японии по странам/регионам, 2010-2016 гг., млн долл.

	2013	2014	2015	2016 (1-ое полугодие)	Доля, %
Азия	867	6 459	5 639	12 064	51,9
Китай	140	765	554	-36	п.а.
НИС	730	5 407	4 639	11 741	50,5
Гонконг	172	2 253	1 273	844	3,6
Тайвань	186	1 135	606	261	1,1
Республика Корея	48	559	823	218	0,9
Сингапур	325	1 460	1 937	10 418	44,8
АСЕАН 4	-8	287	435	364	1,6
США	1 378	6 827	5 194	3 393	14,6
Евросоюз	1 401	2 701	-8 195	6 778	29,2
Германия	10	1 179	-3 203	28	0,1
Великобритания	618	456	-1 364	3 236	13,9
Франция	-645	1 785	1 192	1 710	7,4
Нидерланды	537	71	1 699	2 110	9,1
МИР	2 358	18 426	-42	23 249	100,0

Источник: [19].

⁵ Разница в объёмах накопленных прямых иностранных инвестиций и их доле от ВВП Японии с другими развитыми странами ещё существеннее: Япония – 170 млрд долл., 3,7%, США – 5,4 трлн долл. или 31,1%, ЕС – 9,1 трлн долл. или 49,6%, развитые страны ОЭСР – 17 трлн долл. или 37,4% [27].

Такая небывалая активность азиатских инвесторов свидетельствует о ряде благоприятных явлений в регионе. С точки зрения абэномики, можно констатировать, что реализация стратегии по налаживанию добрососедских отношений в регионе приносит свои плоды. Кроме того, рост потоков инвестиций внутри региона является признаком углубления интеграционных процессов, а проактивная позиция Японии в институальной интеграции способствует закреплению лидерских позиций.

Американская динамика, в общем и целом, схожа с азиатской: в 2014 г. произошёл пятикратный рост ПИИ, в 2015 г. – небольшое снижение при сохранении общей высокой активности инвесторов на японском рынке. Объём американских ПИИ за первое полугодие 2016 г. уже составил 65,5% от 2015 г., что позволяет прогнозировать сохранение позитивной динамики.

Однако **на европейском направлении** картина кардинально отличается, здесь мы наблюдаем «американские горки»: после (сравнительно) небольшого скачка 2014 г. последовал рекордный спад в 2015 г. до -8,2 млрд долл. за счёт Германии (-3,2 млрд долл.), и Великобритании (-1,3 млрд долл.). Затем в первом полугодии 2016 г. опять резкий рост до 6,8 млрд долл. за счёт всё тех же Великобритании (3,2 млрд долл.) и Германии (28 млн долл.). Отсутствие единого тренда, по всей видимости, является следствием внутрирегиональной нестабильности (как геополитической, так и экономической), поэтому представляется **экзогенным фактором**.

Позитивные результаты абэномики (рост капиталовложений, промышленного производства, доходов компаний, подъём потребительского спроса и пр.) благоприятно сказались на ввозе иностранного капитала в форме прямых инвестиций даже в условиях нестабильности в Евросоюзе и последовавшим рекордным сокращением объёмов европейских инвестиций.

В общем и целом, можно судить об успешной реализации так называемой «*Стратегии глобального превосходства*» (Strategy of Global Outreach), третьей «стрелы» абэномики «Стратегия оживления Японии» (Japan Revitalization Strategy). В её основе лежит «несомненное превосходство» Японии в сфере НИОКР, инфраструктуры, высоких технологий и инноваций. Среди прочего она нацелена на привлечение «*талантов, товаров и финансирования в Японию путём проактивного проникновения японских ТНК на мировые рынки и роста ПИИ в Японию*» [27].

Согласно опросам среди западных и азиатских компаний в 2013 г., Япония заняла первое место по уровню научных исследований (R&D base) и продаж (sales base) [14]. Конкурентные преимущества японского рынка заключаются в наличии высококвалифицированных кадров и готовой инфраструктуры; а также concentra-

ции высоких технологий в научных городах. В частности, в 2014 г. американская компания Micron Technology Inc. инвестировала 100 млрд иен в завод, ранее принадлежавший японской компании Elpida Memory⁶ с целью увеличения производства карт памяти для смартфонов и выпуска памяти следующего поколения. Американская компания SanDisk наладила совместно с японской Toshiba производство карт памяти на заводе NAND. Эти же компании инвестировали в строительство нового завода для производства карт памяти следующего поколения. Совместная венчурная компания, состоящая из американской General Electric, французской Safran S.A. и японской Nippon Carbon Co. Ltd., объявила о строительстве нового завода по производству высокофункционального волокна для авиадвигателей [21, р. 6].

Часть иностранных инвестиций в Японию связана с совместным проведением научно-исследовательских работ. Например, компания Apple планирует в 2016 г. построить центр технологического развития в «умном городе» (smart city) следующего поколения, который создаётся в Йокогаме. В Кавасаки американской компанией Johnson & Johnson для медицинских исследований и обучения создан «Научный центр Токио».

Портфельные инвестиции, финансовые деривативы и прочие инвестиции

Под влиянием абэномики японский рынок ценных бумаг подвергается значительной волатильности. Настроения иностранных инвесторов подвержены влиянию ряда факторов.

Во-первых, стратегия нового главы Банка Японии Куроды Харухико. Количественное смягчение, провозглашённое первой «стрелой» абэномики, в течение всех трёх лет остаётся предметом широкой дискуссии. Среди её сторонников можно назвать П. Кругмана [13], Дж. Стиглица [22] и др. Несмотря на обилие пессимистичных прогнозов, 2014 финансовый год принёс Банку Японии рекордную за 13 лет прибыль в размере 8,1 млрд долл. (что на 28% выше прошлогодних результатов) за счёт резко увеличившегося дохода от продажи облигаций. Росту ставок и стоимости активов в иностранной валюте на фоне девальвации иены способствовала успешная программа стимулирования [5].

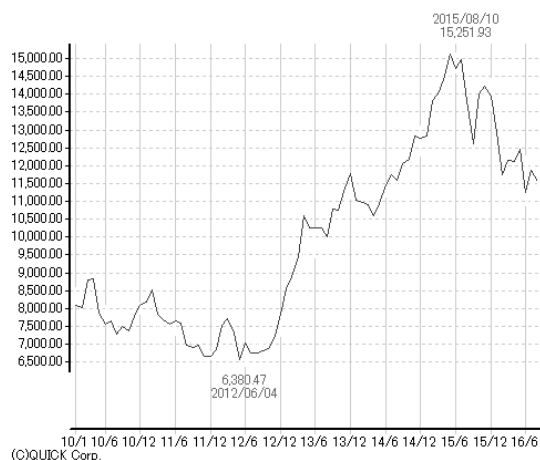
Во-вторых, девальвация иены до 120 иен за доллар. Благодаря подешевевшей иене вложения в японскую экономику для иностранных инвесторов стали выгоднее. К тому же, скептическое отношение к политике количественного смягчения способствовало росту спекулятивных операций [29].

В-третьих, реформа Пенсионного фонда Японии (ПФЯ). С объёмом почти 1,5 трлн долл. ПФЯ – самый крупный пенсионный фонд в мире. В целях увеличения доходности фонд стал пере-

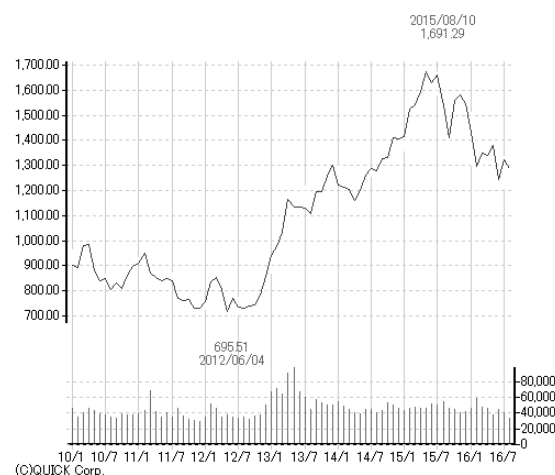
⁶ В 2013 г. Elpida Memory стала дочерней компанией Micron.

Динамика основных японских фондовых индексов, 2010–2015 гг.

JPY Nikkei 400

TOPIX

Источник: [18].

распределять вложения в пользу рискованных активов, в частности, объём иностранных ценных бумаг увеличивают с 12 до 25%, а глобальных облигаций – с 11 до 15% [10].

В-четвёртых, стимуляция японского фондового рынка внедрением нового композиционного индекса JPY Nikkei 400, призванного привлечь зарубежных и японских инвесторов. В этот индекс вошли наиболее успешные японские компании, соответствующие международным инвестиционным стандартам, как, например, эффективное использование капитала или ориентация на интересы инвесторов. Динамика JPY Nikkei 400 напоминает динамику индекса TOPIX (рис. 1), отражающего основные тенденции

японского фондового рынка. TOPIX рассчитывается как среднеарифметическое взвешенное по рыночной капитализации цен акций, находящихся в свободном обращении, всех компаний первого сегмента [16]. С 2013 г. оба индекса демонстрировали небывалый рост в качестве реакции на призыв С. Абэ «покупать абэномику» и его обещание добиться долгосрочного улучшения макроэкономических показателей [3]. Однако в июне 2015 г. произошёл серьёзный спад индекса, спровоцированный обвалом китайского фондового рынка, и смена общей линии тренда на негативную.

Наконец, внешние факторы. Помимо упомянутого обвала китайского фондового

Таблица 5.

Ввоз портфельных инвестиций в Японию, 2010–2015 гг., млрд долл.

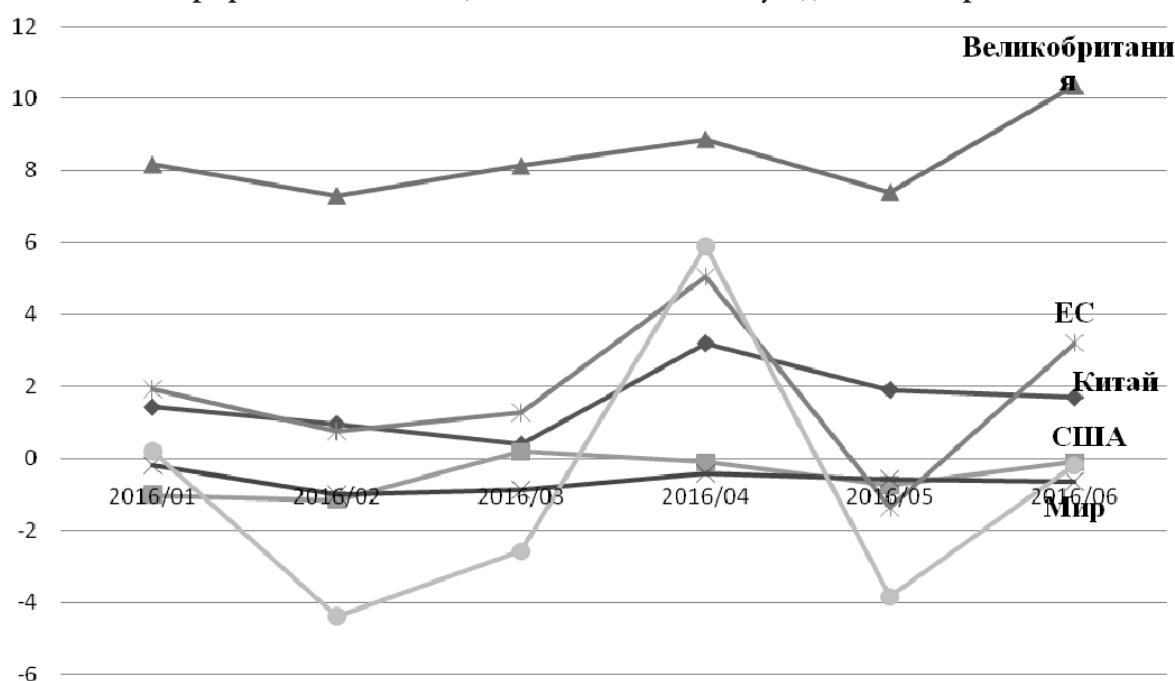
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Прирост, %	Доля, %	2016*
Мир	111,9	266,6	110,1	187,9	161,4	172,5	106,9%	100,0%	-44,5
Азия	-30,0	-90,1	-138,3	-37,7	-69,0	12,6	18,3%	7,3%	66,1
Китай	-5,3	-43,6	-2,9	-4,2	-2,2	46,9	2150,2%	27,2%	86,5
Гонконг	4,9	-3,7	-26,8	23,8	-3,8	5,2	137,1%	3,0%	14,5
Сингапур	-9,7	-23,0	-78,2	-34,3	-47,7	-26,1	54,7%	-15,1%	-26,7
АСЕАН	-30,6	-42,7	-108,9	-56,0	-60,9	-37,3	61,3%	-21,6%	-33,6
Сев. Америка	-23,6	-72,6	-63,4	69,3	29,0	6,1	21,0%	3,5%	-29,3
США	-22,8	-72,8	-59,4	69,2	31,0	9,1	29,3%	5,3%	-26,6
Каймановы ос-ва	-6,9	-11,3	-16,9	-40,9	-29,6	-16,4	55,2%	-9,5%	-7,6
Бермуды	0,1	-0,6	-3,5	-3,0	-12,1	-22,8	189,5%	-13,2%	-11,5
Океания	-5,3	-4,3	-18,9	-12,2	-16,5	-14,5	87,9%	-8,4%	-24,9
ЕС	264,5	609,9	564,6	416,5	513,0	430,3	83,9%	249,4%	98,0
Великобритания	457,0	857,2	1000,9	824,6	1020,9	1043,8	102,2%	604,9%	453,4
Франция	-178,7	-170,5	-183,8	-112,9	-22,7	-5,4	23,8%	-3,1%	13,4
Бельгия	5,0	6,5	-7,8	-16,7	-32,1	-25,8	80,4%	-14,9%	-15,6
Люксембург	-8,2	-60,4	-229,4	-269,2	-418,5	-551,7	131,8%	-319,7%	-324,8

Составлено по данным: [11].

*Данные представлены за 1-ое полугодие 2016 г.

Рисунок 2

Ввоз портфельных инвестиций в Японию, 1-ое полугодие 2016 г., трлн иен.

Составлено по данным: [11].

рынка, негативную роль сыграла европейская монетарная политика количественного смягчения.

Ввоз капитала в форме портфельных инвестиций в Японию (табл. 5) также подвержен волатильности. В 2013 г. его объём возрос до 188 млрд долл. 70%-ный прирост (в иенах на 209%) произошёл за счёт высокой активности американских и азиатских инвесторов. Представляется, что в основе такого всплеска активности лежала высокая степень доверия к политике С. Абэ [16]. Спад 2014 г. на 15% (на 6,9% в иенах) в 2015 г. сменился приростом на 7% (22% в иенах). Объём импорта портфельных инвестиций составил в 2015 г. 172,5 млрд долл. 1-е полугодие 2016 г. характеризуется возобновлением спада до -44,5 млрд долл. (подробнее рис.2) В такой разнонаправленности, при отсутствии общего единого тренда довольно сложно делать какие-либо обобщающие выводы.

Крупнейший инвестор в японские ценные бумаги – это Евросоюз, инвестировавший в 2015 г. 430,5 млрд долл. Снижение активности европейских инвесторов (с 513 млрд долл. в 2014 г.), скорее всего, вызвано геополитической нестабильностью и курсом количественного смягчения Марио Драги. Лидерами выступают британские инвесторы, вложившие 1 трлн долл. В 2016 г. поток портфельных инвестиций из Великобритании сохраняется на высоком уровне, несмотря на принятое решение покинуть Евросоюз. Стоит ещё раз подчеркнуть особую роль Великобритании в международном движении капитала. Этот международный финансовый центр используется в качестве «перевалочных баз» при движении капитала для дальнейших

инвестиций, таким образом, страна происхождения этих инвестиций неизвестна.

Место второго крупнейшего инвестора в портфельные инвестиции Японии в 2015 г. занял Китай (46,9 млрд долл.), обогнавший США (9,1 млрд долл., 5,2%). Предыдущие пять лет чистые портфельные инвестиции Китая были отрицательными, тогда как на США приходилось 69,1 млрд долл. (37%) в 2013 г. и 30,9 млрд долл. (19%) в 2014 г. В 2016 г., по всей видимости, эта тенденция сохранится.

Объём вывоза портфельных инвестиций (табл. 6) последовательно растёт и в 2015 г. достиг 305,3 млрд долл. Более половины японских портфельных инвестиций (161,3 млрд долл.) приходится на США, треть (99,4 млрд долл.) – на офшор Каймановы острова, за ним следуют интеграционные группировки ЕС (6,4%) и АСЕАН (1,6%).

В результате массивных вкладов в американские ценные бумаги в 2015 г. Япония стала крупнейшим держателем казначейских обязательств США, обогнав Китай. По данным министерства финансов США, Япония владеет американскими государственными облигациями на сумму 1,2 трлн долл. [25].

Увеличение объёмов экспорта портфельных инвестиций в 2015 г. более чем в два раза произошло за счёт вкладов в активы зарубежных паевых инвестиционных фондов в объёме 153 млрд долл. и приобретения долговых ценных бумаг на сумму 114 млрд долл., причём из них 109,2 млрд – долгосрочных.

В 2014 г. семикратно возросла активность Японии на рынках финансовых деривативов, однако в 2015 г. данная тенденция развития не получила.

Таблица 6.

Вывоз портфельных инвестиций Японии, 2010–2015 гг., млрд долл.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Прирост, %	Доля, %	2016*
Мир	-262,9	-104,6	-150,4	73,2	115,7	305,3	263,8%	100,0%	177,7
АСЕАН	-3,2	0,8	-3,9	-1,3	7,6	4,8	63,5%	1,6%	1,8
Китай	1,4	0,8	0,6	1,3	2,5	0,4	17,7%	0,1%	-0,7
США	-156,8	-18,0	-25,5	58,0	24,9	161,3	647,9%	52,8%	103,4
Каймановы острова	-70,0	-45,8	-38,4	-21,7	63,9	99,4	155,6%	32,6%	18,5
ЕС	-20,9	14,9	-90,1	-25,6	-1,6	19,4	1205,9%	6,4%	36,3
Германия	-2,7	25,8	-6,0	-6,1	-33,2	-12,8	38,7%	-4,2%	-4,1
Великобритания	-14,9	-21,2	16,8	10,1	-0,1	0,4	245,3%	0,1%	8,5
Франция	9,8	7,0	-61,9	-20,3	24,9	5,1	20,4%	1,7%	18,6
Италия	-1,6	13,0	4,2	2,0	2,7	4,9	181,8%	1,6%	4,8
Бельгия	1,8	3,2	-6,0	-3,1	-1,4	2,6	-186,2%	0,9%	3,0
Люксембург	-6,3	-7,6	-12,2	-8,5	11,5	8,2	71,7%	2,7%	-0,4
Швейцария	0,9	0,4	1,5	3,1	1,4	3,7	266,7%	1,2%	0,8

Составлено по данным: [11].

*Данные представлены за 1-ое полугодие 2016 г.

Таблица 7.

Платёжный баланс Японии: финансовый счёт (без ЗВР), млрд долл.

	2013		2014		2015	
	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз
Финансовый счёт	-26,9	83,1	-2,0	-53,9	261,4	86,7
Прямые инвестиции	-135,7	2,3	120,6	9,0	132,1	-0,4
Портфельные инвестиции	73,2	187,9	114,5	161,3	304,9	172,6
Финансовые деривативы	209,0	-265,9	-356,2	-390,6	-134,3	-152,0
Прочие инвестиции	-173,4	158,8	110,6	166,3	-46,5	66,6

Составлено по данным: [11].

В 2015 г. существенно сократился вывоз прочих инвестиций: со 110,6 до -46,5 млрд долл. за счёт резкого уменьшения краткосрочного кредитования корпоративного сектора Японии за рубежом на 124,5 млрд долл., что связано с девальвацией иены.

Активность иностранных инвесторов на рынке прочих инвестиций также снизилась в два раза до 66,6 млрд долл. Негативная динамика обусловлена сокращением чистого кредитования на 80% до 23,5 млрд долл. за счёт краткосрочных кредитов, хотя они по-прежнему составляют треть иностранных прочих инвестиций. В 2015 г. почти в 4 раза возросли вклады в валюту и депозиты Банка Японии, составив 43% обязательств Японии.

В заключение можно констатировать, что, несмотря на отсутствие устойчивой позитив-

ной динамики финансовых потоков, абэномика (в широком понимании этого термина) оказывает благоприятный эффект на участие Японии в международном движении капитала. Представляется, что причины нестабильности носят преимущественно экзогенный характер и кроются в общемировых и региональных, в частности европейских, негативных факторах.

В целом, можно сделать вывод о том, что благодаря абэномике, Япония делает разворот в сторону открытости экономики де-факто и более глубокого участия в процессе глобализации мировой экономики. В масштабе региона участие Японии в международном движении капитала свидетельствует о росте японского влияния и возвращении лидерских позиций.

Список литературы

1. Абэ С. На пути к обновлённой, красивой стране (Атарасий куни-э, уцукусий куни-э). Токио, 2013, 232 с. (на япон. языке)
2. Герасимова М.П. Размышления Абэ Синдзо о красивой и обновлённой Японии // Япония: консервативный поворот / рук. проекта Э.В. Молодякова. М., АИРО-XXI. 2015. с. 258-274.
3. Инвесторы разочаровались в абэномике. Вести. Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/51532>. (проверено 27.08.2016 г.)

4. Леонтьева Е.Л. Экономика Японии в 2014 году: успехи и проблемы «абэномики» // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXIX. М. : ИДВ РАН, 2015. 272 с.
5. Прибыль Банка Японии достигла максимума за 13 лет. Вести. Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/57927>. (проверено 27.08.2016 г.)
6. Российская модель экспорта капитала / под ред. А.С. Булатова. МГИМО-У, 2014. 120 с.
7. Стрельцов Д. Некоторые приоритеты внешнеполитического курса второго кабинета С. Абэ // Япония в поисках новой глобальной роли = Japan in search of a new global role / Ин-т востоковедения РАН; Ин-т Дальнего Востока РАН; Ассоциация японоведов. М. : Вост. лит., 2014. 303 с.
8. Тимонина И.Л. Инвестиционный климат в Японии и проблема привлечения прямых иностранных инвестиций // Мировое и национальное хозяйство. 2012. № 2(21). URL: <http://mirec.ru/2012-02/investicionnyj-klimat-v-yaponii-i-problema-privlecheniya-priamyh-inostrannyh-investicij>. (проверено 27.08.2016 г.)
9. Япония от А до Я – М., Изд-ва «Япония сегодня», 2012 г. 640 с.
10. Asian Investor Institutional Excellence Award 2015. Government Pension Investment Fund. URL: http://www.gpif.go.jp/en/topics/pdf/20151216_excellence_awards.pdf. (проверено 27.08.2016 г.)
11. Bank of Japan. URL: <http://www.stat-search.boj.or.jp/>. (проверено 27.08.2016 г.)
12. Chiang, M.H. Japan's Growing Outward Direct Investment in East Asia / Thunderbird International Business Review. 2015. 4. pp. 431–444.
13. Designated Company List. URL: http://www.invest-japan.go.jp/investment_advisor_assignment_system/designated_company_list_en.pdf. (проверено 27.08.2016 г.)
14. Five Promises for Attracting Foreign Businesses to Japan. Invest Japan. URL: http://www.invest-japan.go.jp/promotion/promise_en.pdf. (проверено 27.08.2016 г.)
15. Fujioka T., Kennedy S. Abe Listening to Krugman After Tokyo Limo Ride on Abenomics Fate. Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-11-21/abe-listening-to-krugman-after-tokyo-limo-ride-on-abenomics-fate> (проверено 27.08.2016 г.)
16. Inoguchi T. A call for a new Japanese foreign policy: the dilemmas of a stakeholder state // International Affairs. 2014. Vol. 90, issue 4. Pp. 943–958.
17. Invest Japan. Cabinet Office, URL: http://www.invest-japan.go.jp/en_index.html. (проверено 27.08.2016 г.)
18. Japan Exchange Group, URL: <http://www.jpx.co.jp/>. (проверено 27.08.2016 г.)
19. Japan's Inward FDI by Country/Region (Balance of Payments basis, net and flow) JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (проверено 27.08.2016 г.)
20. Japan's Outward FDI by Country/Region (Balance of Payments basis, net and flow) JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (проверено 27.08.2016 г.)
21. JETRO Global Trade and Investment Report 2015. JETRO, 2015. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/ (проверено 27.08.2016 г.)
22. Melvin, M. and X. Yin Public Information Arrival, Exchange Rate Volatility, and Quote Frequency // Economic Journal. 2000. 110. Pp. 644–651.
23. Neely C.J., Brett W.F. Capital Flows And Japanese Asset Volatility // Pacific Economic Review. 2012. Vol. 17: 3. Pp. 391–414.
24. Results of JETRO's 2014 Survey on Business Conditions of Japan-Affiliated Firms in the U.S. // JETRO. 2015. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2015_04_biz1.pdf (проверено 27.08.2016 г.)
25. Riley C. Japan now holds more U.S. debt than China CNN Money. URL: <http://money.cnn.com/2015/04/15/news/economy/japan-china-us-debt-treasury/index.html>. (проверено 27.08.2016 г.)
26. Stiglitz J. The Promise of Abenomics / Project Syndicate. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/shinzo-abe-and-soaring-confidence-in-japan-by-joseph-e--stiglitz?barrier=true> (проверено 27.08.2016 г.)
27. Strategy of Global Outreach URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/documents/2013/1200485_7321.html. (проверено 27.08.2016 г.)
28. Tokyo Stock Index Price. URL: http://www.jpx.co.jp/english/markets/indices/line-up/files/e_fac_3_topix.pdf (проверено 27.08.2016 г.)
29. Ueda K. Response of Asset Prices to Monetary Policy under Abenomics. Asian Economic Policy Review. 2013. Vol. 8, issue 2. Pp. 252–269.
30. UNCTAD stat. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (проверено 27.08.2016 г.)
31. World Bank Data URL: <http://data.worldbank.org/country/japan> (проверено 27.08.2016 г.)
32. World Development Report 2015. World Bank, 2015 . URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2015> (проверено 27.08.2016 г.)
33. World Economic Outlook 2015 / International Monetary Fund . 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/pdf/text.pdf>. (проверено 27.08.2016 г.)

34. World Investment Report 2015 // UNCTAD. 2015. URL: <http://www.worldinvestmentreport.org/wir2015/wir2015-ch1-global-investment-trends/#global-fdi-fell-in-2014> (проверено 27.08.2016 г.)

Об авторе

Софья Михайловна Ребрей – к.э.н., ст.преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО МИД России.
E-mail: sofiarebrey@gmail.com.

JAPAN IN INTERNATIONAL CAPITAL MOVEMENT

S.M. Rebrey

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Japan, the largest net exporter of investment plays one of key roles in the in-ternational capital flows and has a serious impact on the global trends in this important dimension of international economic relations. Vast amounts of for-eign direct investment (FDI) outflow are important for the Japanese national economy as well, since Japanese overseas production in some areas reaches 40% and is an important part of its industrial potential. However, FDI inflow remains low, indicating an unbalanced participation of Japan in the international capital flows.*

Japan in international capital flows presents a field for complex numerous research. This article concentrates on analysis of dynamics and geographical structure of capital flows, reveal the trends, and estimate the effect of Abenomics.

Key words: Japan, International Capital Flow, Investment, FDI, Abenomics.

References

1. Abe S. *Atarashii kuni-he, utsukushii kuni-he*. Tokyo, 2013. 232 p. (In Japanese)
2. Gerasimova M.P. Razmyshleniya Abje Sindzo o krasivoj i obnovljonnoj Japonii. *Japonija: konservativnyj povорот*. Moscow, AIRO-HHI. 2015. Pp. 258-274. (In Russian)
3. Investory razocharovalis' v abjenomike. *Vesti. Jekonomika*. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/51532>.
4. Leont'eva E.L. Jekonomika Japonii v 2014 godu: uspehi i problemy «abjenomiki». *Aktual'nye problemy sovremennoj Japonii*. Vypusk XXIX. Moscow: IDV RAN, 2015. 272 p.
5. Pribyl' Banka Japonii dostigla maksimuma za 13 let. *Vesti. Jekonomika*. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/57927>.
6. Bulatov A.S. (ed.) *Rossijskaja model' jeksporta kapitala*. Moscow. MGIMO-University, 2014. 120 p.
7. Strel'cov D. Nekotorye priority vneshnepoliticheskogo kursa vtorogo kabineta S. Abje. *Japonija v poiskah novej global'noj roli = Japan in search of a new global role*. Moscow: Vost. lit., 2014. 303 p.
8. Timonina I.L. Investicionnyj klimat v Japonii i problema privlechenija prjamyh inostrannyh investicij. *Mirovoe i nacional'noe hozjajstvo*. 2012. № 2(21). URL: <http://mirec.ru/2012-02/investicionnyj-klimat-v-yaponii-i-problema-privlecheniya-prjamyh-inostrannyh-investicij>.
9. *Japonija ot A do Ja*. Moscow, Izd-va «Japonija segodnja». 2012. 640 p.
10. Asian Investor Institutional Excellence Award 2015. Government Pension Investment Fund. URL: http://www.gpif.go.jp/en/topics/pdf/20151216_excellence_awards.pdf.
11. Bank of Japan. URL: <http://www.stat-search.boj.or.jp/>.
12. Chiang M.H. Japan's Growing Outward Direct Investment in East Asia. *Thunderbird International Business Review*. 2015. No. 4. pp. 431–444.
13. Designated Company List. URL: http://www.invest-ja-pan.go.jp/investment_advisor_assignment_system/designated_company_list_en.pdf.
14. Five Promises for Attracting Foreign Businesses to Japan. Invest Japan. URL: http://www.invest-japan.go.jp/promotion/promise_en.pdf.
15. Fujioka T., Kennedy S. *Abe Listening to Krugman After Tokyo Limo Ride on Abenomics Fate*. Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-11-21/abe-listening-to-krugman-after-tokyo-limo-ride-on-abenomics-fate>
16. Inoguchi T. A call for a new Japanese foreign policy: the dilemmas of a stakeholder state. *International Affairs*. 2014. Vol. 90, issue 4. Pp. 943–958.

17. Invest Japan. Cabinet Office, URL: http://www.invest-japan.go.jp/en_index.html.
18. Japan Exchange Group, URL: <http://www.jpx.co.jp/>.
19. Japan's Inward FDI by Country/Region (Balance of Payments basis, net and flow) JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>
20. Japan's Outward FDI by Country/Region (Balance of Payments basis, net and flow) JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>
21. JETRO Global Trade and Investment Report 2015. JETRO, 2015. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/
22. Melvin M. and X. Yin Public Information Arrival, Exchange Rate Volatility, and Quote Frequency. *Economic Journal*. 2000. Vol.110. Pp. 644–651.
23. Neely C.J., Brett W.F. Capital Flows And Japanese Asset Volatility. *Pacific Economic Review*. 2012. Vol 17, no. 3. Pp. 391–414.
24. Results of JETRO's 2014 Survey on Business Conditions of Japanese-Affiliated Firms in the U.S. JETRO. 2015. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2015_04_biz1.pdf
25. Riley C. Japan now holds more U.S. debt than China CNN Money. URL: <http://money.cnn.com/2015/04/15/news/economy/japan-china-us-debt-treasury/index.html>
26. Stiglitz J. The Promise of Abenomics. *Project Syndicate*. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/shinzo-abe-and-soaring-confidence-in-japan-by-joseph-e--stiglitz?barrier=true>
27. Strategy of Global Outreach URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/documents/2013/1200485_7321.html.
28. Tokyo Stock Index Price. URL: http://www.jpx.co.jp/english/markets/indices/line-up/files/e_fac_3_topix.pdf
29. Ueda K. Response of Asset Prices to Monetary Policy under Abenomics. *Asian Economic Policy Review*. – 2013. – vol. 8, issue 2. – pp. 252–269.
30. UNCTAD stat. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>
31. World Bank Data URL: <http://data.worldbank.org/country/japan>
32. World Development Report 2015. World Bank, 2015 . URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2015>
33. World Economic Outlook 2015 / International Monetary Fund . 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/pdf/text.pdf>.
34. World Investment Report 2015 // UNCTAD. 2015. URL: <http://www.worldinvestmentreport.org/wir2015/wir2015-ch1-global-investment-trends/#global-fdi-fell-in-2014>

About the author

Sofia M. Rebrey – PhD in Economics, senior lecturer of world economy, MGIMO-University.
E-mail: sofiarebrey@gmail.com.

ИСТОРИЯ И МОРАЛЬ. XXI ШИШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. ОБЗОР

С.М. Медведева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

23 апреля 2016 г. в МГИМО прошли XXI Шишкинские чтения – ежегодная конференция, которую проводит кафедра философии в память о своём основателе и первом заведующем известном отечественном философе-этике Александре Фёдоровиче Шишкине. В конференции приняли участие преподаватели МГИМО: профессор, д.ф.н. А.В. Шестопа́л, профессор, д.ф.н. Т.В. Панфи́лова, профессор, д.ф.н. М.А. Мунтя́н, профессор, д.ф.н. М.В. Силантьева, доцент, к.полит.н. М.В. Харкевич, доцент, к.ф.н. А.Н. Самарин, доцент, к.соц.н. Н.В. Литвак, доцент, к.филол.н. С.Н. Лютова, доцент, к.ф.н. Д.Н. Белова, профессор, д.ф.н. В.С. Глаголев.

В конференции также участвовали приглашённые гости университета: главный научный сотрудник Института философии К.М. Долгов, генеральный директор НПКи «Дидактика», президент «Консорциум образовательная среда» А.С. Игнатенко-Ламздорф, директор по международным отношениям Центра гуманитарного сотрудничества М.А. Халиль.

По традиции активное участие в развернувшейся дискуссии приняли аспиранты разных кафедр: Д.С. Горшенёв, У.А. Хайлова, А.Ю. Беленко и другие.

Ключевые слова: философия, этика, история, мораль, дипломатия, образование, культура.

В этом году в рамках Шишкинских чтений обсуждалась тема «История и мораль». Как подчеркнул во вступительном слове заведующий кафедрой философии А.В. Шестопал, данная тема была выбрана в связи с приближением юбилеев исторических событий, определивших ход развития России в XX веке: 100-летия событий 1917 года, 75-летия начала Великой Отечественной войны (1941) и 25-летия событий 1991 года. Каждая из этих дат продолжает вызывать острую дискуссию в научных кругах и в широкой аудитории, где сталкиваются различные позиции как по вопросу о нравственной составляющей самих исторических событий, так и по вопросу о нравственных основаниях их оценки и переоценки.

Далее А.В. Шестопал напомнил участникам конференции о роли А.Ф. Шишкина в развитии советско-российской этической философии. Этот философ принадлежал к блестящей плеяде профессоров, заложивших традиции МГИМО-Университета. Его особая заслуга состоит во внесении нравственной, ценностной проблематики в исследования различных сторон социального развития и международных отношений. В частности А.Ф. Шишкин был первым среди советских философов, кто рассмотрел проблему общечеловеческих нравственных ценностей. Его наследие до сих пор сохраняет научную ценность.

В своём докладе К.М. Долгов проанализировал нравственное измерение истории и историческое измерение нравственности. Как подчеркнул докладчик, нравственная проблематика лежит в основе всех древнейших философских и религиозных учений. Нравственность составляет основу учений Сократа и Платона, Будды, Конфуция и Лао Цзы и т.д. Во все времена именно нравственная проблематика была движущей силой развития культуры и духовности, поскольку без нравственных основ любая человеческая деятельность обречена на вырождение. К сожалению, развитие цивилизации в последние несколько столетий привело к потере интереса к проблемам нравственности. Современное общество слишком заиклено на получении сверхприбыли, власти, комфорта и т.п. Все это ведёт к моральной деградации человечества и, как следствие этого, к духовному падению человека.

Т.В. Панфилова рассмотрела проблему соотношения истории и этики с точки зрения обыденного сознания. Проблема нравственной оценки исторических событий, отметила докладчик, присутствует и в обыденном сознании. Когда в телевизионной программе «Танцы со звёздами» танцор выступает в нацистской форме, это заставляет задуматься: есть ли совесть как у самого танцора, так и у авторов передачи. Такой поступок наносит оскорбление не только ветеранам, но и каждому из нас, поскольку ветераны – это наши отцы и деды.

Пересмотр истории поддерживается идеологически. Пример тому – успешная защита в начале 2016 года в Санкт-Петербургском университете диссертации на соискание степени доктора исторических наук. Диссертация посвящена организации управления РОА, а действия генерала Власова расцениваются в ней не как предательство, а как форма социального протеста. И это происходит в Ленинграде, пережившем блокаду. Сказывается антироссийская установка Учёного совета.

Таким образом, в российском обществе имеет место осознанное или неосознанное искажение истории как по идеологическим основаниям, так и по недостатку нравственного воспитания.

В своём выступлении М.А. Мунтян размышляет о наследии Второй мировой войны. В настоящее время в МГИМО подготовлено к публикации 15-ти томное издание, приуроченное к 70-летию победы. Работа над подобным многотомным изданием неизбежно связана с проблемами оценки и переоценки исторических фактов, с проблемами фальсификации истории. Как отметил докладчик, в последние десятилетия в историографии Второй мировой войны наблюдается тревожная тенденция: вменять России вину за развязывание Второй мировой войны наравне с гитлеровской Германией. Подобная точка зрения приобретает всё большую популярность в западной исторической науке. Более того, в последние годы появилась точка зрения, доказывающая, что Вторая мировая война не закончилась в мае 1945 г., а переросла в холодную войну. Фактически Россия приравнивается к гитлеровской Германии, ей предписывается пройти тот же путь покаяния, подчинения западным стандартам, зависимости, потери суверенитета. Самое печальное в этом, что подобная позиция получила хождение и в России, причём не только среди обывателей, но и в академических кругах. В итоге следует признать, что против России ведётся информационная война, направленная на разрушение её исторического самосознания, её идентичности, основанной на этом самосознании, что в результате приведёт к разрушению российского суверенитета.

Доклад М.В. Силантьевой был посвящён анализу парадоксов соединения этики и науки. Как известно, история как позитивная наука родилась сравнительно недавно, в 60-ые гг. XIX в. До этого предмет исторического знания включал в себя составление биографий и описаний уникальных событий общественной жизни, поразивших современников экстраординарностью. Здесь кроется первое противоречие исторического знания, состоящее в несоизмеримости «логики истории», заставляющей искать исторические закономерности, и «истории истории» как описания уникальных событий. Это противоречие составляет фундаментальный противовес стремлению объявить историю «моральной». Или, по крайней мере, поставить моральность во главу угла исторического знания, выделив этический идеал в качестве некое-

го антропологически предначертанного вектора развития общества.

Второй очень важный противовес такой точке зрения связан с классическим для новоевропейской парадигмы мышления требованием разведения различных областей знания: с одной стороны – знание этическое, с другой – религиозное, с третьей – эстетическое, с четвертой – научное. И уж если вспоминать И. Канта, то он как раз вывел этические суждения в отдельную область знания – знания о должном действии, отделив их от теоретических (научных) суждений и суждений оценки (вкуса); о чём и написаны соответствующие «Критики». Теоретическое знание категорически дистанцируется не только от науки, но и от чувственных оценок. Это не значит, что такие оценки не важны. Но прежде чем к ним прибегать, необходимо выстроить своего рода «интеллектуальную матрицу», их организующую, чего и требует не только трансцендентализм, но и всякая философская этика как рациональное знание.

В качестве фундаментального критерия, позволяющего определить степень обоснованности возможности соединения этики и исторического знания, следует иметь в виду стартовую для философии дистанцию между общим, особенным и единичным. *Есть* то, что в теоретической этике носит название «нравственных абсолютов» – общие основания добра; *есть* национально-исторические интерпретации этих оснований и кодифицирующие их нормы (особенное). *А есть* – индивидуальный и личный выбор, соединяющий общее и особенное в единство целостной жизни. Эта позиция была прекрасно раскрыта и обоснована А.Ф. Шишкиным в его книгах: попробуйте договориться – и на уровне бытовом, и тем более на уровне дипломатическом о том, чтобы такая связь была познавательной-корректной и практически оправданной!

Стоит подчеркнуть, что требование «развести» этику и историческое знание не означает принципиального отказа от исторического конструктивизма, констатирующего ориентацию исторического знания на те приоритеты, которые навязывает ему современность (пример – учебники истории, систематически «дорабатываемые» в полном соответствии с принципами конструктивизма). Однако конструктивизм имеет тонкую грань, разделяющую его с прямой идеологизацией знания, сводящей к нулю его собственно научную компоненту. Любая аксиологизация знания как временная «привязка» дает «крен» в сторону возможной идеологизации, но не обязательно совпадает с ней.

Одной из форм аксиологизации выступает сегодня апелляция к «национально-культурным ценностям». Обрушивая «мосты между временем и вечностью» (П. Рикёр), аксиологизация как легитимация этических лекал по отношению к «чистому знанию» парадоксальным образом способствует обрыву связей с теми «моральными абсолютами», которые составляют основание этического –

должного – поведения вне зависимости от его конкретного нормативного «формата», заданного исторически. Отсюда – один шаг до идеологических спекуляций абстракциями (типа «народ»). Подобное уже не раз имело место в истории, и последствия таких спекуляций хорошо известны.

Моральная оценка социально значимых действий, конечно, необходима. В том числе, путём обращения к таким категориям марксизма, как «экономический интерес». Данная категория, по мнению Силантьевой, позволяет корректно ставить вопрос о причинах тех или иных исторических действий, не выводя их из области «этических» домыслов, и вместе с тем сохраняя реализм, требующий учёта чувственных импульсов поведения. Категория «интереса», таким образом, предоставляет возможность дать необходимую этическую оценку результатам научного объяснения.

М.В. Харкевич рассмотрел этическую проблему свободы и её зависимость от войны и науки. В своём выступлении автор отталкивался от работы И. Канта «Предполагаемое начало человеческой истории», в которой философ пересказал историю Ветхого завета в терминах борьбы осёдлого и кочевого населения, победа в которой осталась за первым. Примечателен способ, которым была одержана эта победа. «Со временем, – пишет Кант, – всё увеличивающаяся роскошь горожан, в особенности их искусство нравиться, благодаря которому городские дамы затмевали чумазных женщин пустыни, должна была стать для кочевников влекущей приманкой и побуждать их ко вступлению в союз со своими врагами и разделению с ними блистательной нищеты города». Главный вывод Канта в том, что пока «между ними [кочевыми и осёдлыми племенами] шла непрерывная война, по меньшей мере существовала её угроза, и народы обоих лагерей могли, по крайней мере внутри общежития, наслаждаться неоценимым благом свободы». Этим утверждением Кант ставит политическую свободу в прямую зависимость от войны или её угрозы. Народ может наслаждаться определённой свободой от деспотической власти, только если деспот осознаёт постоянную внешнюю угрозу войны. Причина зависимости свободы от войны, по Канту, сводится к утверждению, что свобода граждан является условием для создания богатства нации. «Для того чтобы государство теперь было сильным, требуется богатство, без свободы же не может развиваться деятельность, создающая богатства».

Таким образом, поддержание политической свободы напрямую зависит от наличия войн, тогда как упразднение военной угрозы приведёт к ограничению свобод. Народы продолжали воевать друг с другом на протяжении всей истории, пока учёные не изобрели ядерное оружие, которое уничтожило смысл войны. Холодная война была остаточным явлением. С её окончанием неизбежно должно произойти и сокращение гражданских свобод.

Однако на смену угрозе войны пришли «новые вызовы и угрозы». Главной среди них считается терроризм. К сожалению, эта угроза не защищает свободу, а напротив ещё больше её ограничивает. Ответ на угрозу терроризма, как правило, состоит в усилении контроля над поведением человека.

В итоге, если старая угроза войны и новая угроза терроризма не являются хранителями свободы, что может её защитить? Почему «тираны» должны сохранять свободу своих граждан?

Представляется, что единственная возможность сохранить свободу – убедить политическую элиту в том, что свобода обладает самостоятельной ценностью. Это сложно сделать, так как политическая элита всегда была свободна. Речь идет не об их свободе, а о свободе народа. Кто может убедить политическую элиту в ценности свободы? Это может сделать только научная элита. Потому что политики пока ещё как-то верят учёным. Главным образом потому, что учёные когда-то создали для политиков атомную бомбу. Этим они заставили себе верить, но и, создав ядерное оружие, учёные, по сути, уничтожили основы политической свободы по Канту. Они же должны её и сохранить, заменив собой угрозу войны. Они должны убедить политическую элиту в самостоятельной ценности свободы народа. Если они не будут справляться с этой задачей, свобода будет продолжать сокращаться, в том числе и для самих учёных.

А.Н. Самарин обратился к анализу этических проблем оценки современных российских реалий. Как подчеркнул докладчик, в настоящее время Россия живет в условиях третьей смуты за последнее столетие, каждая из которых сопровождалась социальными катаклизмами с большим или меньшим развалом страны под либеральными лозунгами, а также хаотизацией общественной жизни. Всякий раз потрясения сопровождалась деградацией производства, обнищанием масс, упадком морали, особенно в правящих слоях. Троекратно, всего за один век, происходившие смуты поразительно параллельны в самых разных аспектах и сама их повторяемость не внушает большого оптимизма, поскольку очевидна неустойчивость системы.

Хотя немалую роль в 1917, 1991, и 2016 гг. в стимулировании внутренних кризисов сыграли внешние силы, в частности, геополитические конкуренты и международный финансовый капитал, всё же главной предпосылкой развертывания системных обвалов являлось качество правящих элит, их групповой эгоизм, политическая близорукость и откровенно мародерские наклонности, слабо прикрываемые ныне идеей приватизации. Кроме вульгарного обогащения за счёт общенационального достояния они не способны к какой-либо продуктивной деятельности.

Интеллектуальный уровень поголовья «эффективных менеджеров», по оценке академика

Ю. Рыжова, опустился ниже плинтуса. Не выше и уровень патриотизма. Вот, например, выразительное подтверждение мысли академика. Считающий-ся крупным идеологом реформизма, экс-министр экономики Г. Греф заявил, что ныне Россию спасёт только отказ от образования, хотя всем очевидно, что прогресс возможен только на базе подъёма образования и науки. Под флагом реформ в России состоялись: демодернизация производства с практическим исчезновением высокотехнологичных отраслей хозяйства, уничтожение науки, рефеодализация общественной жизни и деинтеллектуализация процесса управления, который совершенно лишился научных оснований. Впереди – либо санация элит, либо обрушение государства.

Доклад А.С. Игнатенко-Ламздорфа был посвящён рассмотрению моральных проблем современной российской системы образования. Исходной посылкой доклада является то, что система образования в современной России находится в состоянии упадка. Причиной тому стало безграмотное управленческое решение, сместившее целеполагание системы образования с ориентации на результат на ориентацию на усреднённый финансовый показатель. От системы не требуется результат, не требуется блестящий или качественный ученик, требуется, чтобы ученик стоил определённую сумму денег. Это называется подушевым финансированием. Следствия этого смещения следующие. В прошлом ученики дорожили учителем, теперь же учитель становится зависимым от «усреднённого ученика». «Усреднённые ученики» порождают «усреднённого учителя». Возникает порочный круг. Более того, население недвусмысленно обманывают. Действительно, образовательные учреждения так и не получили финансовой самостоятельности. Чиновники не спешат отказываться от денежных потоков. Но, тем не менее, культивируется «усреднённый ученик» и «усреднённый учитель». Вследствие этого, средняя и высшая школы будут обрастать некими «усреднёнными атрибутами», среди которых не будет места для науки, дидактики и методики. Почему? Потому что наука, дидактика и методика порождают яркую личность учителя. Но она неуместна в сложившейся системе. Науку и дидактику замещают реклама и маркетинг. Среди подобных «усреднённых атрибутов» – система усреднённых оценок: система усреднённых рейтингов, равняющая под одну гребёнку учреждения с различными социальными задачами и функциями.

В своём докладе М.А. Халиль провёл аксеологический анализ египетских революций. Как известно, в Египте за последние пять лет произошёл ряд важнейших, исторических событий. 25 января 2011 г. вслед за Тунисом в Египте произошла революция, получившая, соответственно, название «январской», а 30 июня 2013 г. миллионы людей вышли на улицы сказать «нет» радикалам движения «Братья мусульмане»*, оказавшимся у власти в стране.

* Организация запрещённая в РФ.

Характерно, что лозунги протестных движений, а также пафос и мотивация миллионов египтян, выходивших на улицы своих городов и деревень по всей стране, имели мощный аксиологический заряд, сформированный очевидными религиозными, а точнее – исламскими ценностями.

В результате попытки классифицировать исламские ценности выяснилось, что многие из первостепенных аксиологических установок легли в основу протестных лозунгов и настроений. Среди основных мусульманских ценностей представляется возможным выделить следующие: вера, справедливость, милосердие, долг, намерение, благожелательность, смирение, целомудрие, знание, достоинство, щедрость, терпение, соборность, моральность, прощение, уважение, мир, собственность, семья.

Все восемнадцать дней стояния на каирской площади Тахрир и других площадях Египта имели целью свержение коррумпированного режима президента Хосни Мубарака мирным путем. В египетском менталитете имеется устойчивая установка на необходимость избегать насилия, которая в свою очередь поддерживается исламским предписанием сохранять мир и терпение. Насилие и кровопролитие начались в результате приказа внутренним войскам разгонять демонстрантов.

Отдельного внимания заслуживает межконфессиональное взаимодействие египетских мусульман и христиан в этот период. Представители двух религиозных конфессий страны не только бок о бок выходят на демонстрации, но сама идея национального единства, которая в египетском контексте означает единство мусульман и христиан, получает новое звучание.

На одиннадцатый день революционных выступлений по всей стране – 4 февраля, названный «Пятницей Ухода», на Тахрире решено провести мусульманскую пятничную молитву. Египетские христиане-копты становятся в огромный круг по периметру площади, взявшись за руки и образуя человеческую цепь, чтобы охранить своих мусульманских братьев от возможного нападения полиции, а уже через день – в «Воскресенье Мучеников» копты проводят молебен, а мусульмане также охраняют их. Обнимающиеся священник и шейх становятся одним из символов египетской революции. Коран и крест – значимые символы нового Египта можно было видеть в руках у многих египтян.

Вскоре после отстранения Мурси и исламистской организации «Братья мусульмане» от власти впервые египетские копты постились в один из первых дней священного месяца Рамадан вместе со своими братьями-мусульманами, чтобы отпраздновать освобождение от исламистской тирании. При наступлении захода солнца впервые в Египте одновременно звучал мусульманский призыв на молитву азан (после которого наступает разговение) и колокольный звон коптских церквей.

В докладе Н.В. Литвак поставил вопрос о роли морали в принятии внешнеполитических решений на примере французской дипломатии. Как подчеркнул докладчик, рассмотрение моральной составляющей во внешней политике и дипломатии Франции представляет особый интерес. Этот выбор обусловлен её историческим первенством или существенным вкладом в таких областях, как создание современной дипломатии и дипслужбы, права человека, мораль во внешней политике. На обширном фактическом материале Н.В. Литвак доказывает существование колоссального разрыва между моральной риторикой и фактическими действиями Франции во многих сферах внешней политики.

Какие могут быть причины такого расхождения между публичными заявлениями и реально проводимой политикой? По мнению докладчика, дело, прежде всего, в сложившейся международной обстановке и её оценке французскими политиками. Многие французские дипломаты и исследователи считают современный – после исчезновения СССР, мир, *однополярным* с доминированием США по всем направлениям, а внешнюю политику Франции полностью реактивной, состоящей в стремлении сохранить уменьшающееся влияние страны на международной арене.

Можно сделать вывод, что французские политики и специалисты, включая дипломатов, понимают, какова ситуация, и что в ней, прежде всего, надо как-то выживать. Отсюда и такая внешняя политика. Но моральна ли она? Если исходить из абстрактного или субъективного представления о морали, как о якобы возможном однозначном решении проблемы добра и зла, то французская политика, конечно, прагматична, тем более, что она преследует высшие – национальные – интересы. Правда, как выяснили французские социологи, исследовавшие работу своего МИД, «интересы Франции» в различных конкретных случаях не заданы априорно, раз и навсегда, а постепенно конструируются и уточняются по ходу событий и их обсуждений. «Многие цели оказываются (при этом) противоположными: как (например) политически отвечать на жёсткие события, информация о которых растиражирована в медиа (захват заложников, массовые убийства)?».

Таким образом, если понимать под аморальным несоблюдение каких-то конкретных принципов, то в отношении текущей французской внешней политики так говорить нельзя. Логически ошибочно называть аморальными чужие принципы на том основании, что они не соответствуют собственным. В том числе, моральной следует считать даже политику, основным принципом которой объявлена *беспринципность*. Если же понимать под аморальным несоблюдение морали, т.е. не то что чужих или «универсальных», а даже собственных принципов, то, возможно, что таковой и можно было бы определить французскую внешнюю политику.

В докладе Д.Н. Беловой рассматривалась эволюция женского образа в изобразительном искусстве и связанные с этим моральные проблемы. Как показала автор, восприятие наготы как «художественной формы искусства» изменялось во времени так же как и обнажённость женского тела. Начиная с V в. в Греции и до наших дней нагота не отделима от теологической символики. Адам и Ева были созданы без одежды, им дарована сверхъестественная благодать, которая покрывает их тела. В философии Средневековья и Ренессанса утвердилось существование живописных изображений Венеры Небесной и Венеры Земной. Европейское искусство стремилось предать образам Земной Венеры формы, способствующие превращению её в Венеру Небесную.

Изменение женского тела, его пластики в многочисленных художественных изображениях имели нравственное толкование, наполненное духовностью, и создавались под влиянием исторических идей, ментальности, экономического и политического уклада общества.

Духовность в настоящее время подверглась забвению. Женские образы, насыщенные эстетикой, должны проходить через душу художника, отражаясь в нём, найти достойное воплощение на полотнах. Религиозное искусство угасло, а светское в основном бездуховно, выставя напоказ наготу в уродливо-причудливых формах. Современные СМИ исказили, унизили, «вывернули наизнанку» тело и душу женщины. Нагота выступает широким фронтом в кинематографе, телевидении, художественных литературных произведениях, живописи, фотографии; предпочтение отдаётся естеству, излишнему эротизму, забываются художественные ценности и духовное содержание изображаемых образов, превращая женское тело в арт-объект.

В докладе У.А. Хайловой проанализированы культурно-исторические и психологические аспекты внешней политики Японии по отношению к России. Как показано в докладе, на сегодняшний день суть внешней политики Японии по отношению к России состоит в том, что японцы представляют последнюю в первую очередь одним из гарантов региональной безопасности. Россия воспринимается, прежде всего, как военная держава, способная сохранить стабильность в регионе в соответствии с государственными интересами Японии, которой по конституции запрещено иметь свою постоянную армию и вооружение. В меньшей степени Россия рассматривается в качестве приоритетного поставщика сырьевых ресурсов для нужд японской экономики и в целом полноценного незаменимого торгового партнера. Однако в большей степени Россия – это та страна, с которой ввиду неразрешённой территориальной проблемы отсутствует мирный договор со времени окончания Второй мировой войны, что часто, по мнению японской стороны, служит значительным препятствием для выстраивания полноценных

двусторонних отношений, основанных на взаимодововерии, дружбе и взаимоуважении: «Российско-японские отношения можно признать удовлетворительными лишь отчасти. Поскольку позиции стран по территориальному вопросу продолжают оставаться несовместимыми, нет и признаков того, что в обозримом будущем Россия и Япония преодолеют «пережитки прошлого» и заключат на взаимоприемлемых условиях мирный договор». Причины подобного отношения корнями уходят в историю Японии и историю её взаимоотношений с Россией. В частности, как показано в докладе, специфика нынешней позиции Страны восходящего солнца в отношении России во многом обусловлены особенностями формирования национальной идентичности Японии. До Второй мировой войны в японском самосознании преобладали ультра-националистические настроения, во многом развенчанные поражением в войне, но отнюдь не изжитые окончательно. Поэтому «оккупация» СССР, а затем Россией (как правопреемницей) японских территорий воспринимается крайне болезненно именно в силу психологических моментов. Таким образом, сложность двусторонних отношений легко связать с проблемой восприятия исторического прошлого и культурной спецификой самой Японии.

В своём выступлении С.Н. Лютова размышляла о том, как большая история отражается в малой – в истории семьи. И тот нравственный выбор, подчеркнула докладчик, который общество делает на каждом вираже своей судьбы, взаимосвязан с частными эпизодами принятия морального решения каждым членом общества, каждой семьёй.

Только занявшись генеалогией несколько лет назад, С.Н. Лютова смогла отождествить безымянного «дядюшку» своего прадеда, которого осенью 1917 г. прадед почему-то навещал в Московском Заиконоспасском монастыре, с ушедшим туда на покой в должности настоятеля Василием Дмитриевичем Богоявленским (1867-1918), архиепископом Черниговским и Нежинским, прославленным в 2000 г. РПЦ в качестве священномученика.

Восьмая часть семейных корней С.Н. Лютовой восходит к тамбовскому духовенству, и не одни священномученики Богоявленские (упомянутый архиепископ Василий и Владимир, митрополит Киевский и Галицкий /1848-1918/) в этом роду, как выяснилось, пали жертвами событий, развернувшихся после 1917 г. Между тем, на информацию об их судьбах в семье был наложен запрет: дети, рождавшиеся в 1930-40-х гг., ни о чём не знали и выросли (заботами своих родителей) хорошо образованными профессионально, счастливыми и свободными от социальных тревог... манкуртами (вспомним бессмертный образ Ч. Айтматова!).

Более того, в семье повторяли (с явственно суггестивной интонацией): «Все сословия в нашем роду были, КРОМЕ ДУХОВЕНСТВА», – и

■ Научная жизнь

вспоминала почтенных лет дама (к слову), как, маленькой девочкой, страшно боялась священников...

Годы спустя профессиональный психолог в лице С.Н. Лютовой не может не усмотреть в этом подчёркивании, как и в детском страхе, признаков *отрицания* и *реактивного образования*, защитных механизмов, описанных в психоанализе (первый позволяет полностью отмежеваться от чего-то угрожающего, что между тем не выходит из головы, второй заставляет принимать установки и ценности, противоположные изначально, теперь, однако, чреватые душевной болью).

Вот только в данном примере это механизмы психической защиты не личности, а общества, в масштабах которого они оборачиваются феноменом «потерянных предков», хорошо известным генеалогам, – когда близкие родственники прямых предков с какого-то момента оказываются стёртыми из семейной памяти. И неясно, умерли ли они, или уехали, или в семье некогда произошла ссора. На поверку оказывается, что «потерянные предки», связь с которыми оборвалась, – то репрессированные родственники, эмигрировавшие или опасные для будущности подрастающего поколения семьи из-за того, что стал очевиден их неприемлемый социальный статус.

Причина феномена «потерянных предков», однако, может быть глубже, нежели в невротических защитных механизмах социума или в сознательном решении родителей оградить детей от опасной информации: вытеснению её могла способствовать и аффективная установка значительной части населения (как минимум в двух поколениях) на *светлое будущее*, некий невротический футуризм.

В 1920-50-е гг. наша страна действительно пережила такую головокружительную модернизацию во всех сферах, приковав к себе внимание ойкумены, что частные скорби людей могли им самим показаться несущественными и даже постыдными на таком грандиозном фоне. Точно так же несущественным и даже постыдным могло показаться родство с ретроградами, упорствующими в отжившей идеологии (вечная проблема отцов и детей, помноженная на характер эпохи).

Хотелось бы верить, что, пережив все колебания маятника между прошлым и будущим в общественных настроениях, страна придёт к здоровым отношениям со временем, а вместе с тем и к устойчивой нравственности, основанной везде и во все времена на семейных ценностях и преемственности поколений.

В выступлении Д.С. Горшенёва рассматривалось понятие «бездомность» в реалиях Латинской Америки. Основная идея выступления заключалась в том, что для Латинской Америки понятие «бездомность» актуально не только с экономической, но и с философской точки зрения. Первые переселенцы потеряли свой дом (метрополию), но не обрели его в новых землях,

оставаясь для местного населения чужаками. На помощь пришла католическая церковь, а христианство стало объединяющей основой по линии разломов «метрополия-колония» и «колонизаторы-индейцы» и канализировала недовольство социального расслоения в русло ожидания Царства небесного, где каждому воздастся по его вере.

Однако, освобождение от колониальной зависимости, секуляризация и, как следствие, переход к обществу модерна, стали причиной резкой культурной децентрализации субъекта, последним этапом которой стала идея индивидуальных культурных миров, сформулированная Гуссерлем. В этот момент индивид достиг высшей степени свободы, покинул свою однородную культурную среду и направился в культурный Космос.

Тогда традиционный мир, устроенный на религиозных ценностях, становится на одну ступень с внутренним миром каждого человека, раньше рассматриваемого и оцениваемого через призму этого самого традиционного мира (посредством рефлексии).

Когда эти миры существуют автономно и параллельно, то индивид не чувствует себя «дома» ни в одном из них. Здесь можно говорить ещё об одном измерении бездомности – качестве состояния духовности, где преобладают чуждость внешнего и пустота (из-за невозможности рефлексии) внутреннего миров.

И если раньше каждый из тех, кто был бездомным по экономическому основанию, мог рассчитывать на Царство Божье, как прибежище вечное и окончательное, то теперь этот путь становится лишь одним вариантом из множества, к тому же не очень привлекательным.

Таким образом, доказывает Д.С. Горшенёв, к проблеме социально-экономической «бездомности» в Латинской Америке добавляется «бездомность» метафизическая, создавая для государства проблему возрождения социалистических партий и политизированных религиозных движений.

А.Ю. Беленко коснулась моральных проблем исламизма и фальсификации истории. Миф о «золотом веке» характерен для любой идеологии, утверждает докладчик. В этом плане исламизм или политический ислам зиждется на идее ревизионизма комплекса норм мусульманского права, сложившихся на протяжении первых веков ислама и разработанных поколениями мусульманских теологов, и возвращения к мнимой «чистоте» мусульманской религии. Идеи обновления и реформации, охватившие мусульманский мир в период с XVII по начало XX века, привели на волне борьбы с колониализмом к появлению панисламизма, а затем и разнообразных течений исламизма, провозгласивших оправданность вооружённой борьбы за «очищение» мусульманского общества от «нововведений». При этом разработанные и выверенные положения классического мусульманского права подменя-

ются доводами, основанными на вырванных из контекста всего массива мусульманских текстов фраз, трактуемых «современными муджтахидами» в угоду интересам соответствующих политических сил.

Итоги конференции подвел В.С. Глаголев. Докладчик подчеркнул, что наука история и наука этика принципиально отличаются друг от друга по целому ряду признаков. Изучение прошлого предполагает рассмотрение свершившегося как целостного образования, достигающего современникам по цепочке поколений, уходящих «вглубь» жизни людей на Земле. Чем древнее история, тем, как правило, меньше однозначных исторических свидетельств, совокупность которых даёт целостную и исчерпывающую картину жизни поколений. К тому же последние склонны сообщать о своих делах и поступках сведения, придающие их жизни двусмысленный (а тем более порочный) характер. Поэтому систематически «зачищаются» архивные документы. Их также периодически фальсифицируют, чтобы опорочить одних исторических деятелей и представить в выгодном свете других в соответствии с идеолого-политическими ситуациями.

Этика же интересуется прошлым лишь в той мере, в какой его примеры в состоянии определять высокую нравственную планку нынешнего и последующих поколений. Её правила и нормы дают идеальные образцы поведения для сегоднешнего и будущих поколений.

Непреложность и объективность результатов исторического процесса систематически подвергается суду современников. Хотя исходное требование грамотного историка – исключать в своих рассуждениях сослагательное наклонение. Тем не менее, современники пристрастно судят историю. Здесь по существу происходит расчистка поля для манёвра тех сил современного поколения, которые активно пытаются осуществить свои интересы в социуме.

По результатам этих нравственных судов происходят перегруппировки и реорганизации активистов последнего призыва, стремящихся

реализовать свои позиции в разнообразных сферах – в политике и законодательстве, в образовании и здравоохранении. Воплощение результатов нравственных усилий активного поколения социума вносит в исторический процесс новые акценты, формирует альтернативы настоящего и будущего жизни общества.

В результате этого взаимодействия объективированных усилий людей прошлого и активности ныне живущих утвердятся те возможности общественного движения, для которых существуют основательные предпосылки в истории социума. Подготовленные ею «разломы» и возможности взрывов непременно будут использованы частью нового поколения.

Отсюда – базовое правило для вступающего в жизнь активиста: предельно ответственно относиться к оценке реально существующих возможностей общественных преобразований и выбору путей и средств для их осуществления. Взвешивать собственные силы и силы своих сторонников, степень обоснованности позиций оппонентов и связи мотивов аргументации последних с постижением социумных ситуаций и процессов.

Этика же политической ответственности предполагала наличие готовности подчинять личные, семейные и кастовые интересы требованиям неукосного соответствия мотивации и систематизации политической деятельности задаче сохранения темпов экономического и культурного развития, которые сложились в стране к концу XIX в. Пренебрежение этими требованиями в повседневной жизни правящей элиты и в мотивации принимаемых ею решений обрекало на дезорганизацию как армию, так и тыловые структуры, всю жизнь страны.

Невыученные «уроки истории», о которых говорил В.О. Ключевский, больно бьют нерадивых учеников. А готовность к учению – фундаментальная этическая категория как молодого, так и зрелых поколений, активно участвующих в жизни страны.

Об авторе

Светлана Михайловна Медведева – E-mail: svetamedvedeva@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-06-00344.

HISTORY AND MORALITY XXI SHISHKIN READINGS REVUE

S.M. Medvedeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

■ Научная жизнь

Abstract: 23d December 2016 the Department of Philosophy of MGIMO-University conducted annual XXI Shishkin Readings in memory of famous Russian philosopher A. F. Shishkin, the founder of the Department of Philosophy in MGIMO. The participants of the event from MGIMO-University were the following: professor A.V. Shestopal (Doctor of Philosophy), professor T.V. Panfilova (Doctor of Philosophy), professor M.A. Muntyan (Doctor of Philosophy), M.V. Silanteva (Doctor of Philosophy), associate professor M.V. Harkevich (PhD), associate professor A.N. Samarin (PhD), associate professor S.N. Lutova (PhD), associate professor D.N. Belova (PhD), professor V.S. Glagolev (Doctor of Philosophy).

The invited guests of the University were the following: Chief Researcher of Institute of Philosophy professor K.M. Dolgov (Doctor of Philosophy), director of scientific-producing company "Didactic", president of "Consortium Educational Environment" A.S. Ignatenko-Lamsdorff, director of the Center for International Relations M. Halil.

Also in the conference participate the postgraduate students from different departments: D.C. Gorshenev, U.A. Hailova, A.U. Belenko, etc.

Key words: philosophy, ethics, history, morality, diplomacy, education, culture.

About the author

Svetlana M. Medvedeva – PhD, associate professor of department of philosophy, MGIMO-University.
E-mail: svetamedvedeva@mail.ru.

«СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Э.Т. Мехдиев

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Стратегическое прогнозирование международных отношений : кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова; [А. И. Подберезкин и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 743 с.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, геополитика.

Доктрина глобализации, охватившая практически весь мир и призывающая к стиранию «границ» между государствами и установлению унифицированного общества по западному образцу, сегодня демонстрирует свою несостоятельность. Современная международная ситуация, в которой оказалась Россия, выявила целый ряд просчетов, допущенных при построении системы отношений с зарубежными странами. Это касается не только чисто политических, но также и военных и экономических проблем, тесно связанных с политикой.

Начало 2016 г. ознаменовалось выходом в свет книги «Стратегическое прогнозирование международных отношений», подготовленной авторским коллективом Центра военно-политических исследований при МГИМО. Эта книга является как нельзя более своевременной. Данная работа – отражение исследований, проводимых Центром на протяжении многих лет. Ранее были изданы обширная монография в двух томах «Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики» [4],

«Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России» [3], аналитические доклады «Долгосрочное прогнозирование международной военно-политической обстановки» [2], «Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития» [1] и другие. Предыдущие работы рассматривали преимущественно вопросы военного прогнозирования. Данная монография является уникальной в ряду исследований российских авторов, посвященных международным отношениям.

Библиография исследования насчитывает 267 научных и аналитических работ, справочных изданий, посвященных различным вопросам международных отношений, в том числе 147 работ зарубежных авторов. Публикации, на которые опирались авторы при подготовке данного исследования, освещают отношения, складывающиеся между различными странами и регионами (от международных отношений стран СНГ до стратегической политики Соединенных Штатов Америки). Авторы использовали

как фундаментальные исследования, проведенные учеными-международниками разных стран [6], так и современные работы, отражающие последние изменения в международной политике. Это позволяет говорить о глубокой проработке различных аспектов проблемы прогнозирования международных отношений и об обоснованности выводов, сделанных авторами.

Структура данной книги состоит из 13 глав, отражающих, на наш взгляд, все аспекты, связанные с исследованием проблем международных отношений, прогнозированием их и рассмотрением проблем стратегии прогнозирования.

Теоретическими основами построения монографии послужили исследования Николая Яковлевича Данилевского, сформулировавшего концепцию культурно-исторических типов или «самобытных цивилизаций». Авторы утверждают, что «теория цивилизаций имеет ключевое значение для понимания долговременных исторических процессов, особенно в переходные периоды, когда происходит радикальная трансформация мировой системы» [5; 19]. Именно такой переходный период, по справедливому замечанию авторов, и переживает человечество в настоящее время. Поэтому для долговременного прогнозирования международных отношений теория цивилизаций играет чрезвычайно важную роль. Книга начинается с рассмотрения теоретических основ методологии стратегического прогнозирования международных отношений и методики построения стратегического прогноза. В тексте авторы уделяют большое внимание рассмотрению зарубежного опыта прогнозирования международных отношений и использованию отдельных методов прогнозирования, в частности метода динамического прогнозирования развития международной обстановки.

Методы прогнозирования международной ситуации и развития международных отношений в своей основе используют статистические и аналитические данные. Но специфической чертой являются ограничения и недостатки статистических прогнозов, применяемых в области международных отношений. Именно поэтому данному вопросу отведено значительное место в монографии (главы 4, 5). Основываясь на обширных статистических данных, авторы провели глубокое сравнение различных потенциалов локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ): военного, управленческого, коалиционного, потенциала человеческого развития.

В основе прогнозирования всегда лежит анализ современного состояния того или иного явления и динамики его развития. Рассмотрению этих вопросов применительно к объекту исследования и посвящены 6-ая и 7-ая главы монографии. Многоаспектность международных отношений требует их изучения с различных позиций. В этой главе рассмотрены основные тенденции современного мирового развития в областях экономики, науки и техники. Особое внимание уделено военной и военно-техниче-

ской областям. Кроме того, авторы фокусируют внимание и на основных тенденциях в области идеологии.

Традиционно изменения в соотношении мировых сил рассматриваются в качестве основы для анализа международных отношений и построения стратегического прогноза. Авторы отмечают, что XXI век характеризуется формированием «международных отношений, которые во все возрастающей мере становятся зависимыми от социального, в том числе субъективного, фактора» [5; 307]. Если раньше международные отношения отражали реальность, то теперь они отражают виртуальность, которую трансформируют в реальность. Именно поэтому решающую роль играет идеология.

При рассмотрении основных тенденций изменений международных отношений авторы опираются на исследование ЛЧЦ. В книге достаточно подробно описаны современные ситуации, сложившиеся в четырех основных ЛЧЦ: Западной цивилизации, Российской цивилизации, КНР и «синоцентричном мире», а также в Исламском мире. ЛЧЦ сегодня утвердились в мировой политике как серьезные субъекты международных отношений. Именно они принимают основные политические решения. Не все ЛЧЦ имеют государственную привязку, но объединяют, и территориально, и экономически, и идеологически большие группы стран.

Каждая из ЛЧЦ сталкивается со своими проблемами, и их решение зачастую идет вразрез с интересами других субъектов. Так, проблемой Запада авторы называют демографический и экономический упадок, который будет определять эволюцию западного мира в долгосрочной перспективе [5; 354]. Россия в цивилизационном плане соприкасается с тремя ключевыми границами: Европой, исламским миром и Китаем, в связи с чем конфликты неизбежны. Вопрос в том, на чью помощь в этом случае будет опираться наша страна. Авторы считают, что наименее вероятными в современной международной обстановке являются конфликты между Россией и Китаем. Более того, в случае конфликта с Западом, по мнению авторов, Россия будет искать союзников в лице Китая и республик бывшего СССР.

Политические и цивилизационные центры, сформировавшиеся в настоящее время, находятся в постоянной динамике. Происходит перемещение «центров тяжести» и возникновение новых ЛЧЦ. С наибольшей вероятностью, по мнению авторов, в ближайшее время следует ждать выхода индуистской цивилизации как достойного игрока на политической арене.

Современный мир характеризуется всё большим влиянием негосударственных акторов на ход мировой политики. Отдельная глава (9) содержит результаты исследований динамики развития негосударственных акторов.

Особого, на наш взгляд, внимания заслуживает глава 10 – «Возможные сценарии разви-

тия международной обстановки», фактически являющаяся подведением итогов проведенного исследования. Авторы выделяют 4 основных прогностических сценария развития международных отношений в перспективе до 2020-2024 гг.: сдерживание многополярности международной системы, консервация однополярной системы международных отношений, коллапс или раскол Запада, согласованный переход к многополярной системе международных отношений.

По мнению авторов, наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки – это сценарий «Глобального военно-силового противоборства», который подразумевает варианты своего развития, отличающиеся, прежде всего, ролью, значением, масштабом и интенсивностью использования военной силы. Выводы о наиболее вероятном развитии событий сделаны на основе многогранного и тщательного анализа основных черт и особенности текущей международной обстановки.

Заключительные главы 12 и 13 посвящены многоаспектному рассмотрению вопросов международного положения России и угроз ее национальной безопасности. В первую очередь исследованы военные угрозы и их особенности в прогнозируемый период.

Как справедливо утверждают авторы: «Мировое развитие является сложным диалектическим процессом, которому свойственны многогранность, неравномерность и разнонаправленность, проявляющиеся через проти-

воборство противоположных тенденций» [5; 277]. Это позволяет говорить о том, что проблема прогнозирования международных отношений является в современном мире одной из актуальных. Составление прогнозов на ближайшую перспективу, несмотря на сложность их построения, позволяет предпринять контрдействия, в случае если сценарий развития неблагоприятен для страны, и, напротив, упрочить позиции при благоприятном сценарии развития.

Несмотря на то, что суждения авторов носят в определенной степени субъективный характер, это нисколько не умаляет достоинств книги, так как любая оценка ситуации на международной арене носит субъективный характер. Обширный материал, исследованный авторами при подготовке монографии, позволяет говорить о всестороннем изучении проблемы и обоснованности сделанных выводов и прогнозов.

Данную монографию отличает логичность изложения, прекрасный литературный язык, который позволяет с интересом читать эту книгу не только специалистам в сфере международных отношений, но и всем, кто интересуется современными проблемами мирового развития в самых различных областях. Существенным недостатком этого издания является небольшой тираж, но мы надеемся, что современные информационно-коммуникационные технологии позволят сделать эту книгу доступной широкому кругу читателей.

Список литературы

1. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, Р.Ш. Султанов, М.В. Харкевич [и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. М.: МГИМО–Университет, 2014. 165 с.
2. Долгосрочное прогнозирование международной военно-политической обстановки: аналитич. доклад / А.И.Подберезкин, М.А.Мунтян, М.В.Харкевич [и др.]; рук. авт. коллектива А.И.Подберезкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. М.: МГИМО-Университет, 2014. 159 с.
3. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России / А.И. Подберезкин, К.П. Боришполец, А.А. Казанцев, В.П. Козин, А.А. Орлов. М.: МГИМО-Университет, 2014.
4. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: коллективная монография. В 2 т. / [А.И. Подберезкин и др.]; МГИМО (У) МИД России, Центр военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России; ОАО "Концерн ПВО "Алмаз-Антей". Москва: МГИМО-Университет, 2015. 796 с.
5. Стратегическое прогнозирование международных отношений : кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова; [А. И. Подберезкин и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. М.: МГИМО–Университет, 2016. 743 с.
6. Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester, 1982.

Об авторе

Мехдиев Эльнур Таджаддинович – научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО МИД России. E-mail: e.mehdiev@gmail.com.

"STRATEGIC PROGNOSTICATION OF INTERNATIONAL RELATIONS"

E.T. Mekhdiev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: Book review: *Strategic prognostication of international relations: the count. monograph / ed. A.I., Podberezkin, M.V. Aleksandrov; [A. Podberezkin I. et al.]; Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation the Center for Military-Political Studies. - M.: MGIMO-University, 2016. - 743 p.*

Key words: international relations, foreign policy, geopolitics.

References

1. *Voenno-politicheskie aspektyi prognozirovaniya mirovogo razvitiya: analitich. Doklad* [Military and political aspects of global development prediction: analytic. report] Ed. by Podberezkin, R.Sh. Sultanov, M.V. Harkevich. Moscow: MGIMO–University, 2014. 165 p. (In Russian)
2. *Dolgosrochnoe prognozirovanie mezhdunarodnoy voenno-politicheskoy obstanovki: analitich. Doklad* [Long-term forecasting of the international military and political situation: the analytic. report] Ed. by A.I. Podberezkin, M.A. Muntyan, M.V. Kharkevich. Moscow: MGIMO–University, 2014. 159 p. (In Russian)
3. *Prognozirovanie mezhdunarodnoy situatsii: ugrozyi bezopasnosti i voennaya politika Rossii* [Prediction of the international situation: threats to security and military policy of Russia] Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets, A.A. Kazantsev, V.P. Kozin, A.A. Orlov. Moscow: MGIMO–University, 2014. (In Russian)
4. *Strategicheskoe prognozirovanie i planirovanie vneshney i oboronnoy politiki: kollektivnaya monografiya.* [Strategic planning and forecasting of foreign and defense policy: a collective monograph. In 2 vol.] Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO–University, 2015. 796 p. (In Russian)
5. *Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnyih otnosheniy* [Strategic forecasting of international relations]. Ed. by. A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov; Moscow: MGIMO– MGIMO–University, 2016. 743 p.
6. Breuily J. *Nationalism and the State*. Manchester, 1982.

About the author

Elnur T. Mekhdiev – fellow at the Center Post-Soviet Studies IMI MGIMO-University Russia.
E-mail: e.mekhdiev@gmail.com.